

Зинаида Шулуб

МОЯ ЖИЗНЬ

Зинаида Тулуб

МОЯ ЖИЗНЬ

Киев – 2012

ISBN 978-966-97236-0-4

Впервые читатель получает возможность ознакомиться с полным текстом воспоминаний «Моя жизнь» выдающейся украинской писательницы Зинаиды Павловны Тулуб (1890-1964), автора исторических романов «Людоловы» и «В степи бескрайней за Уралом». Эта книга – панорамное художественно-документальное повествование об истории четырех поколений семьи Тулубов – государственных служащих, юристах, медиках, писателях и поэтах. В нём – политические, исторические, бытовые реалии жизни конца XIX – начала XX века в Украине, Беларуси и России, бывших тогда частями Российской империи.

Зинаида Тулуб была реабилитирована и освобождена «за отсутствием состава преступления» в 1956 году. Девятнадцать лет заключения и ссылки сталинского тоталитарного режима не сломили писательницу. Пройдя через пытки допросов 1937 года, ярославскую тюрьму, лагерь «Эльген» на Колыме, ссылку в целинный Казахстан, Зинаида Тулуб не утратила остроты ума, точности памяти и выразительности письма. Она создает убедительный документ, свидетельствующий, что «ужасы» времен царизма, использовавшиеся советскими коммунистами для зомбирования населения, были в миллионы раз меньше, чем ад созданного ими ГУЛАГа, через который прошли не менее двадцати миллионов лучших сыновей и дочерей народов СССР. К сожалению, смерть прервала ее работу над воспоминаниями, которые остановились на февральской революции 1917 года в Российской империи.

Книга адресована литературоведам, студентам-филологам, а также читателям, интересующимся историей Украины и украинской литературы.

УДК 929 Тулуб

ISBN 978-966-97236-0-4

- © Тулуб С. Б., 2012.
- © Клименко Б. В., составление, 2012.
- © Издательство «Киев–Париж–Дакар», оригинал-макет, 2012.
- © Ин-т литературы им. Т. Г.Шевченко НАНУ, отдел рукописных фондов и текстологии, фотокопии машинописных страниц, 2012.

Від видавництва

120-ліття з дня народження видатної української письменниці Зінаїди Павлівни Тулуб і 100-ліття з дня початку її літературної діяльності були відзначені протягом 2009-2010 років низкою заходів.

Спочатку були видані ранні вірші Зінаїди Тулуб, які ніколи не виходили окремою книгою: «Стихи моей молодости: поэзия 1910-1917 гг.» (Київ, 2009). Згодом, у листопаді 2009 року, в Національній бібліотеці України ім. В. Вернадського було проведено круглий стіл на тему: «Українська генеалогія: династія Тулубів», який супроводжувався масштабною книжково-інформаційною виставкою видань творів Зінаїди Тулуб та її батька, поета Павла Тулуба, зі сховищ Бібліотеки. А 2010-го року було видано вірші Зінаїди Тулуб «Стихотворения 1910-1947 гг.» (Київ, 2010).

Наслідком цих заходів стало усвідомлення необхідності видання повного тексту спогадів Зінаїди Тулуб «Моя жизнь», які вона створила по поверненні із дев'яtnадцятирічних ув'язнення і заслання. На жаль, передчасна смерть не дозволила письменниці завершити їх: оповідь уривається на подіях лютневої революції в Росії 1917 року. Скорочена версія спогадів (322 стор. з 827 стор. машинопису) була видана під назвою «Повість мого життя» (Україна. Наука і культура. — 1991. — Вип. 25. — С. 350).

Повний текст машинопису спогадів Зінаїди Тулуб «Моя жизнь» зберігається у відділі рукописів і текстології Інституту літератури ім. Т.Г.Шевченка НАНУ, фонд №155.88а (м. Київ, вул. Кутузова, 8).

Цей машинопис є четвертим відбитком оригіналу (перші три втрачено), який містить численні авторські правки (скорочення та доповнення), що суттєво ускладнювало його електронну обробку. Не менш важким завданням була гармонізація стилістики початку ХХ століття, яку використовувала З.П.Тулуб при написанні спогадів, із сьогоднішніми стилістичними вимогами. Зокрема, складно було відновити хід авторської думки при узгодженні усіх зроблених в одному реченні, здебільшого нерозбірливих, правок. Дуже дошкуляли численні пунктуаційні, орфографічні помилки, пов'язані, з одного боку, недостатньою професійністю друкарки, а з другого – з прогресуючою сліпотою, яка не дозволяла Зінаїді Павлівні ретельно вчитувати машинопис. Оскільки ж це видання не є науково-академічним, нам довелося відмовитися від коментарів і приміток, здійснюючи правки найбільш кричущих помилок, здебільшого друкарських.

Головна мета видавництва – зробити не тільки майже точну авторську копію тексту машинопису спогадів, надавши, таким чином, можливість дослідникам творчості слідкувати за ходом думок автора, а й донести до українського читача унікальність авторського погляду на родовід Тулубів і епоху, з якими він був пов'язаний. Сподіваємося, що нам вдалося максимально зберегти автентичність

авторського тексту.

Колектив видавництва щиро дякує голові Черкаської обласної державної адміністрації, Герою України Сергію Борисовичу Тулубу, завдяки постійному дбайливому піклуванню якого це видання побачило світ.

Особлива вдячність за надану можливість працювати із оригіналами машинописів спогадів директорів Інституту літератури ім. Т.Г.Шевченка НАНУ, академіку Миколі Григоровичу Жулинському і колективу відділу рукописних фондів і текстології, яким керує кандидат філологічних наук Галина Миколаївна Бурлака.

Висловлюємо глибоку подяку ректорові Черкаського національного університету ім. Б.Хмельницького професору Анатолію Івановичу Кузьмінському за неоціненну професійну допомогу в науковому редагуванні тексту спогадів Зінаїди Павлівни Тулуб.

Ми високо цінуємо зусилля, які були здійснені колективом Національної бібліотеки України ім. В.І.Вернадського (НБУВ), керованого генеральним директором, академіком Олексієм Семеновичем Онищенком, за високопрофесійну підготовку і проведення круглого столу на тему: «Українська генеалогія: династія Тулубів» і масштабної книжково-інформаційної виставки видань творів Зінаїди Тулуб та її батька поета Павла Тулуба зі сховищ Бібліотеки, котрі дозволили колективу видавництва глибше усвідомити значущість внеску родини Тулуб у розвиток української літератури.

Колектив видавництва щиро дякує співробітникам довідково-бібліографічного відділу НБУВ, керованому кандидатом історичних наук Тетяною Василівною Добко, за ретельну підготовку біобібліографічного покажчика «Зінаїда Павлівна Тулуб (1890-1964)», котрий суттєво допоміг ідентифікації творів і їхніх видань членів родини Тулубів, згадуваних у спогадах Зінаїди Тулуб.

Щиро дякуємо колективу Центрального державного архіву-музею літератури і мистецтва України за люб'язно надану можливість працювати із фондом Зінаїди Тулуб.

Нам дуже приємно відзначити дієве сприяння директора благодійного фонду «За майбутнє Черкащини» Ігора Вікторовича Острищенка, здійсненню надзвичайно важливого культурологічного проекту – публікації спогадів Зінаїди Павлівни Тулуб.

**З глибокою повагою до усіх,
хто взяв участь у здійсненні цього видання,**

**Директор видавництва
«Київ – Париж – Дакар»**

Борис Клименко

От издательства

120-летие со дня рождения выдающейся украинской писательницы Зинаиды Павловны Тулуб и 100-летие со дня начала её литературной деятельности в течение 2009-2010 годов были ознаменованы чередой торжественных мероприятий.

Вначале были изданы ранние стихотворения Зинаиды Тулуб, которые никогда не были опубликованы отдельной книгой: «Стихи моей молодости: поэзия 1910-1917 гг.» (Киев, 2009). Позже, в ноябре 2009 года в Национальной библиотеке имени В.И. Вернадского состоялся круглый стол на тему: «Украинская генеалогия: династия Тулубов», который сопровождался масштабной книжно-информационной выставкой опубликованных произведений Зинаиды Тулуб и её отца, поэта Павла Тулуба, из хранилища библиотеки А в 2010-м году были изданы стихотворения Зинаиды Тулуб «Стихотворения 1910-1947 гг.» (Київ, 2010).

Итогом этих мероприятий стала очевидная необходимость издания полного текста воспоминаний Зинаиды Тулуб «Моя жизнь», которые она написала по возвращении из девятнадцатилетнего заключения и ссылки. К сожалению, преждевременная смерть не позволила писательнице закончить воспоминания: повествование обрывается на событиях Февральской революции в России 1917 года. Сокращенная версия воспоминаний (322 страницы из 827 машинописных) была опубликована по названию «Повесть моей жизни» (Украина, Наука и культура — 1999. — Вып. 25. — С. 350).

Полный текст машинописи воспоминаний Зинаиды Тулуб «Моя жизнь» хранится в отделе рукописей и текстологии Института литературы имени Т.Г. Шевченко НАНУ, фонд № 155.88а (г. Киев, ул. Кутузова, 8).

Этот машинопись, представляет собою четвертую копию машинописного оригинала (первые три утрачены), содержит многочисленные авторские правки (сокращения, дополнения, комментарии), которые существенно усложняли ее электронную обработку.

Не менее сложным заданием была гармонизация стилистики начала XX столетия, которую использовала З.П.Тулуб в своих воспоминаниях, с современными стилистическими требованиями.

В частности, было непросто воссоздать ход авторской мысли при согласовании всех сделанных в одном предложении, в основном неразборчивых, правок. Весьма досаждали многочисленные пунктуационные, орфографические ошибки, обусловленные, с одной стороны, недостаточным профессионализмом машинистки, а с другой стороны - с прогрессирующей слепотой, которая не позволяла Зинаиде Павловне тщательно вычитывать машинопись. Поскольку настоящее издание не является научно-академическим, нам пришлось отказаться от комментариев и примечаний, осуществляя правки наиболее кричащих ошибок, главным образом, машинописных.

Основная задача издательства - передать не только практически точную копию текста машинописи воспоминаний, предоставив, таким образом, возможность исследователям творчества проследить ход мысли автора, но и донести до украинского читателя уникальность авторского взгляда на родословную Тулубов и эпоху, с которыми этот взгляд был связан

Надеемся, что нам удалось сберечь аутентичность авторского текста.

Коллектив издательства искренне благодарен Председателю Черкасской областной государственной администрации, Герою Украины Сергею Борисовичу Тулубу, благодаря постоянной заботе которого это издание увидело свет.

Выражаем особую признательность за предоставленную возможность работать с оригиналом машинописи директору Института литературы имени Т.Г. Шевченко НАНУ Украины, академику Николаю Григорьевичу Жулинскому и коллективу отдела рукописных фондов и текстологии, которым руководит кандидат филологических наук Галина Николаевна Бурлака.

Глубокая благодарность ректору Черкасского национального университета имени Б. Хмельницкого, профессору Анатолию Ивановичу Кузьминскому за неоценимую профессиональную помощь в научном редактировании текста воспоминаний Зинаиды Павловны Тулуб.

Мы высоко ценим высокопрофессиональную подготовку и проведение коллективом Национальной библиотеки имени В.И.Вернадского (НБУВ), руководимого генеральным директором, академиком Алексеем Семеновичем Онищенко, круглого стола на тему: «Украинская генеалогия: династия Тулубов» и масштабной книжно-информационной выставки изданий произведений Зинаиды Тулуб и её отца - Павла Тулуба, - из хранилища библиотеки, которые позволили коллективу издательства глубже осознать значимость вклада семьи Тулуб в развитие украинской литературы.

Коллектив издательства искренне благодарит сотрудников справочно-библиографического отдела НБУВ, возглавляемого кандидатом исторических наук Татьяной Васильевной Добко, за подготовку библиографического указателя «Зинаида Павловна Тулуб (1890-1964)», который существенно помог идентификации произведений и их публикаций членов семьи Тулуб, что упоминаются в мемуарах Зинаиды Тулуб.

Огромная признательность коллективу Центрального государственного архива-музея литературы и искусств Украины за любезно предоставленную возможность работать с документами из фонда Зинаиды Тулуб.

Нам очень приятно отметить личное участие директора благотворительного фонда «За будущее Черкащины» Игоря Викторовича Острищенко в осуществлении чрезвычайно важного культурологического проекта - публикации воспоминаний Зинаиды Павловны Тулуб.

С глубоким уважением ко всем,
кто принимал участие в реализации этого проекта,

Директор издательства
«Киев-Париж-Дакар»

Борис Клименко

Зинаида Тулуб

МОЯ ЖИЗНЬ

Большую и сложную жизнь прожила я на свете. Много видела, встречалась со многими людьми, так или иначе вошедшими в историю, и теперь, когда пришла я к последней черте, когда смертельная и неизлечимая болезнь подтачивает мои последние силы – хочется запечатлеть на бумаге хоть главное.

Но, прежде чем говорить о себе, надо сказать несколько слов о моих родителях.

Тулубы – прямые потомки запорожских казаков.

По семейным преданиям, род Тулубов происходил из Крыма. Может быть они были из турок. Владевших после ликвидации в Крыму Генуэзских колоний всем побережьем Крыма, или из татар, которые населяли внутренние области полуострова. Конечно, могли они быть и из христианского населения Крыма, то есть из вольноотпущенных невольников, взятых татарами-людоловами в ясырь, наконец могли они быть и из осевших там приезжих торговцев, или просто случайным пришлым людом на полуострове. Как бы там ни было, но в детстве слыхала я, что предки отъехали из Крыма на Украину и были приняты в войско запорожское, и получили земли в пределах «Вольностей Запорожских» на Полтавщине.

Отъехали из-под крымского хана не одни Тулубы: Кочубей, Гамалеи, Дженджилиеи тоже родом были из Крыма и в разное время перекочевали оттуда.

Очевидно, основывались они на феодальном праве перехода от одного сюзерена к другому. Так, например, отъехали из Литвы на Русь – Романовы, а князь Курбский – из Московщины в Польшу.

Как бы там ни было, но в конце 16 и в начале 17 века Тулубы были уже казаками и считались «казацкой старшиною». Встречались мне в исторических документах имена полковника Андрея Тулуба и другого Тулуба, писаря войска Запорожского.

Один из Тулубов был женат на сестре Кочубея, казненного Мазепой. Многие друзья Кочубея, сторонники московской ориентации, были заточены Мазепой. Опасаясь его преследований, предок наш скрылся неведомо куда и только после Полтавской битвы, когда измена Мазепы стала явной, вернулся домой, на Полтавщину, где недалеко от Золотоноши был его хутор.

Царь Петр I наградил потомков Искры и Кочубея. Не забыл и прочих его сторонников, так или иначе пострадавших при Мазепе: Тулуб получил дворянство и офицерский

чин. Этим самым царь признал его принадлежность к «шляхетным казакам», то есть к казацкой старшине, потому что еще до Хмельницкого Тулубы были старшиною и имели герб «Ленчиц», очевидно, имевший какое-то территориальное отношение к городу Ленчицу и в бумагах писались Ленчицынын-Тулуб.

Прадед мой, Данила Саввич Тулуб, был дореформенным судебным следователем. Выйдя в отставку, жил он на своем хуторе возле Золотоноши. Крепостных не имел. Было у него два сына – Александр и Лука.

Дедушка мой, Александр Данилович, научился грамоте и начаткам арифметики у сельского дьячка. Он страстно любил книги и умолял отдать его учиться, но учиться, живя на хуторе, было негде, а на домашних учителей – не было средств. Тогда мальчик стал просить отца отпустить его в Киев, в гимназию.

Данила Саввич, человек уже пожилой, благословил сына, дал ему немного денег, торбу хлеба и сала – и мальчик пешком пошел в Киев «Искать науки».

По дороге чумаки или просто попутчики иногда подвозили его на своих лошадях, или волах. Ночевал он в степи, в стогах сена, или на попутных хуторах, где добрые люди кормили его и даже давали провизию на дорогу.

Так добрался он до Киева и разыскал первую Киевскую мужскую гимназию.

Узнав, что до приемных экзаменов целых двадцать три дня, а до начала занятий ровно месяц, мальчик в отчаянии присел на ступеньках крыльца. Ни друзей, ни знакомых. Куда идти? Что делать?

Долго сидел он так в тяжелом раздумье. А директор гимназии с любопытством наблюдал за ним через окно и не сразу окликнул странного посетителя. Мальчик искренне рассказал директору о своем горе. Директор проэкзаменовал его, нашел, что читает и пишет он хорошо, но хромает по арифметике и оставил его у себя до начала экзаменов. Ночевал дедушка в пустой кладовке при интернате, а сердобольная кухарка кормила и жалела его, как родного. По вечерам директор занимался с ним по арифметике. Через три недели дедушка сдал вступительные экзамены на круглые пять и был принят в третий класс гимназии «казеннокоштным воспитанником», а через несколько дней директор определил его в интернат при гимназии, называвшийся пансионом.

В то время в гимназии было только семь классов. Дедушка поступил в третий класс и через пять с половиной лет окончил курс с золотой медалью, и осенью того же года поступил на историко-филологический факультет Киевского университета Святого Владимира.

В университете он учился так же хорошо, как и в гимназии. Среди студентов слыл человеком способным и большим любителем литературы. Он знал на память массу стихов и рассказов, хорошо декламировал, много читал и до самозабвенья увлекался литературными спорами и передовыми идеями века. Двадцати лет от роду, получив диплом, он был оставлен при университете «профессорским стипендиатом» для подготовки к магистерскому экзамену и профессуре.

Будучи студентом, дедушка крепко подружился с молодым талантливым профессором Костомаровым, кумиром тогдашних студентов. По окончании университета, дружба их окрепла. Костомаров был человек передовой. В своих лекциях он горячо ратовал за освобождение крестьян от крепостной зависимости и прививал молодежи

передовые идеи века. Он был одним из основателей тайного общества, известного под названием «Кирилло-Методиевского братства», в которое вошли почти все передовые профессора, педагоги, литераторы и прочие интеллигенты Киева. Кроме Костомарова, в этом братстве большую роль играли Гулак и Житецкий.

Это совпало с приездом в Киев знаменитого украинского Тараса Григорьевича Шевченко, с которым дедушка познакомился у Костомарова.

Шевченко всеми силами ненавидел крепостное право. Как бывший крепостной, он на себе испытал все ужасы бесправия человека, которого, как вещь или домашнее животное, покупают и продают и распоряжаются его жизнью по своему усмотрению. Узнав, что первым пунктом «братства» было освобождение крестьян, Шевченко с радостью вступил в число его членов.

На наш, теперешний взгляд, братство было весьма умеренным по своим политическим требованиям, – оно не вступило на путь активной революционной борьбы с царизмом и ограничивалось тем, что члены его положили своей целью и задачей воспитывать в учащейся молодежи ненависть к рабству и прививать им гуманные передовые идеи века, знакомить их с тем, как передовые народы того времени добились уничтожения рабства, крепостного права и начатков гражданских свобод. Такими передовыми народами тогда слыла Франция, Швейцария, Англия и нынешний оплот фашизма и мракобесия Северо-Американские Соединенные Штаты, свято хранившие заветы Вашингтона и Авраама Линкольна. Надо отметить и то, что в составе братства были одни представители трудящейся интеллигенции и ни одного помещика, то есть человека, занимающегося сельским хозяйством с применением крепостного труда.

Вторым пунктом программы «братства» было добиваться освобождения единоплеменных славянских народов от жестокого ига турок и германских народов и слить все славянское племя в одну федерацию под защитой и покровительством России, как наиболее сильной в военном и экономическом отношении славянской державы.

Чтобы понять важность этого пункта, напомню, что славяне, обитавшие на балканском полуострове болгаре, сербо-хорваты, черногорцы, босняки, далматы и другие мелкие племена входили в состав Оттоманской турецкой империи и влачили жалкое существование бесправного гонимого меньшинства: со славян брали втрое больше налогов, чем с турецкого мусульманского населения, им запрещали исповедовать христианскую религию, занимать государственные должности, иметь свои школы и письменность. Наконец подавляющее число подъяремных славян принадлежало к сословию рабов, или в лучшем случае крепостных крестьян. Они не имели ни своей хаты, ни скота; их продавали и меняли, как скот на базарах, а иногда из фанатического рвения, под которым скрывалась жажда грабежа и боязнь конкуренции – турки вырезывали их тысячами, не щадя ни грудных младенцев, ни дряхлых стариков, женщин забирали в гаремы и делали своими наложницами, а мальчиков в возрасте 7-8 лет отбирали у родителей, увозили в Стамбул и воспитывали при султанском дворце в мусульманской религии. Им прививали фанатическую преданность падишаху и магометанству и в 16 лет отдавали в янычары, – особые гвардейские пехотные полки, бывшие главным оплотом султанского трона и грозой и ужасом мусульманского населения. Янычарам дозволялось грабить, убивать, хулиганить и всячески издеваться над любым жителем

Оттоманской империи на подобие римским преторианцам эпохи упадка, или опричникам Иоанна Грозного.

Немногом лучше было положение западных славян – кашубов, сербов Лужицких чехов, словаков, словенцев, поляков и закарпатских украинцев, Буковинцев и Галичан. Особенно остро сознавали свое бесправие Галичане, называвшие себя русинами, чтобы острее подчеркнуть свою кровную связь с Россией и русскими.

Всем этим народам тоже запрещалось говорить и писать на родном языке, издавать газеты и книги, иметь свои школы. Детей принудительно отдавали в немецкие школы, закрывали доступ в высшие учебные заведения и к государственной службе – вообще создавали им бесправное положение вроде того, каким пользовались в России евреи.

Некоторые славянские народы, как например, кашубы, жившие в Восточной Пруссии, или сербы лужицкие – в центральной Германии, постепенно стали растворяться в поглощающей их немецкой стихии, как несколькими столетиями раньше растворялись в массе пруссаков полабские славяне, заселявшие нынешнюю Пруссию от Немана до Эльбы – вообще старые географические названия раскрывают любопытную картину, как много ныне германских земель некогда принадлежали славянам: так река Одер называлась Одрой, Эльба – Лабою, Шпрее, на которой стоит Берлин – была славянской Спревой, город Бреслау – Братиславлем и т.д. На моих глазах медленно гибли кашубы, как славянский народ, из которых на 1910 год оставалось всего 60 тысяч; сербов Лужицких на тот год оставалось немногим более 220 тысяч. Думаю, что сейчас, когда пруссачество сменилось демократической германской республикой, а Польша вошла в свои географические границы – эти народы возродятся, вспомнят свой язык и национальность благодаря освободившей их Советской России...

Только одни чехи в прошлом никогда не склоняли головы перед немцами. Утратив государственную самостоятельность чехи явно и тайно продолжали бороться за свою национальность: бойкотировали немецкие товары, школы, библиотеки, отказывались продавать свои дома и земли немцам даже тогда, когда немцы давали дороже, чем могли дать свои чехи – лишь бы не пустить на родную славянскую землю лишнего ненавистного «шваба», как презрительно называли они своих угнетателей.

Эта стойкость, этот патриотизм находил горячий отклик в сердцах передовых русских и украинских братчиков. Сами страдая от гнета царизма, они лучше других понимали чужое горе. Можно смело сказать, что большинство русских добровольцев, поехавших сражаться с турками в семидесятые годы 19 столетия, когда болгаре подняли всеобщее восстание против турецкого ига, приняли близко к сердцу судьбу братьев славян именно потому, что передовые литераторы и педагоги времен Кирилло-Мефодиевского братства привили им идеи славянской солидарности и жажды свободы.

Мечтали братчики и о свободе слова, о конституции и о коренной перестройке всего аппарата российской империи на основах широкого самоуправления, чтобы и на «малороссийском наречии» печатались книги и газеты, чтобы дореформенные суды были упразднены и ставили судьями только людей с законченным юридическим образованием, потому что только человек, тонко разбирающийся в вопросах права, может быть честным и чутким судьей, прокурором и следователем.

Живым откликом на идеи братчиков была поэма Шевченко «Ян Гус». Эту поэму Шевченко читал на собрании братчиков. Читал и «Сон» и многие другие противоположительственные стихи – всегда и неизменно вызывая бурю восторга.

Но, если деятельность братства не шла дальше горячих и пылких споров и бесед, то все новинки научной и художественной литературы становились в их среде предметом всестороннего обсуждения. Каждый братчик спешил поделиться всем прочитанным, поэтому братство вернее было бы назвать не тайным обществом, а литературно-научным кружком прогрессивных интеллигентов, если бы Костомаров не вздумал писать для братства устав и программу, то есть рядить в якобинские одежды дружеские излияния порядочных людей за стаканом чая или вина.

Но такова уж была природа Николаевского безвременья, что жандармы признали и это преступлением. К тому же в среду братчиков затесался предатель, студент Петров, живший в доме Костомарова, он либо лично присутствовал на собрании братчиков, либо подслушивал их разговоры и в раздутом и приукрашенном виде доносил об них царским жандармам.

И весной 1847 года разразилась гроза. Костомаров, Гулак, Житецкий, Шевченко, дедушка мой и многие другие были почти одновременно арестованы.

Костомаров как раз собирался жениться на Алине, талантливой пианистке, ученице великого Листа. Лист целую зиму тогда прожил в Киеве, давая концерты в благородном собрании, в частных домах и на знаменитых «контрактах». Киевские музыканты добивались чести сыграть в его присутствии. Многих он слушал, но только одну невесту Костомарова признал настоящим талантом, и стал давать ей уроки, шлифуя и облагораживая окончательной отделкой ее блестящую технику. Алине было всего 17 лет. Она только что окончила институт благородных девиц, где преподавал историю Костомаров, и впервые стала выезжать в свет.

Во фраке, с цветком флёр д'оранжа в петлице, ожидал Костомаров дедушку шафера, чтобы ехать в церковь венчаться, когда за ним явились жандармы, перерыли всю квартиру и арестовали его.

А Тарас Григорьевич Шевченко спешил на свадьбу приятеля и как раз в это время переправлялся через Днепр на пароме. В его чемодане были рукописи его неопубликованных, или запрещенных стихотворений, расходившихся по рукам в тысячах списков. Кто-то тут же, на пароме, предупредил Шевченко о том, что в Киеве идут аресты и что за ним следят, даже посоветовал столкнуть чемоданы в Днепр, чтобы одним ударом уничтожить все вещественные доказательства, потому что хоть молва и приписывала Шевченко авторство этих стихов, но доказать это, не имея автографа, никто не смог бы. Но Шевченко оказался от этого благого совета и смело пошел на встречу судьбе.

И вот Шевченко, Костомарова, Гулака, моего дедушку и еще нескольких человек усадили на тройку и, вместо свадебного пира, во фраках и цветах, умчали в Петербург и заточили в Петропавловскую крепость.

Восемьдесят лет спустя, в 1927 году киевский академик Михайло Сергеевич Грушевский, историк и литературовед, сделал в Украинской академии Наук юбилейный доклад о Кирилло-Методиевском братстве. Материалом для этого доклада послужил

ло дело Кирилло-Мефодиевского братства, сохранившееся до революции в архиве Киевского жандармского отделения.

Докладчик пригласил на свой доклад нас, потомков Кирилло-Мефодиевских братчиков, и мне было приятно узнать, что, если Костомаров не выдержал психологического шока и на допросах назвал многих членов братства, то молодой и стойкий дед наш – Александр Данилович Тулуб, хотя и не был центральной фигурой процесса, но не стал ни каяться, ни унижаться, подавая прошения о помиловании на «высочайшее» имя, ни выдавать товарищей-братчиков. Он держал себя стойко, скромно, со спокойной уверенностью человека, знающего свою правоту и ни посулы, ни угрозы его не сломали, как сломали слишком нервного и впечатлительного Костомарова.

Год просидел дедушка в Петропавловской крепости. Шевченко давно умчали на фельдъегерских тройках в Оренбург, а оттуда – погнали в глубину Казахстанских степей солдатом в Орское управление. Костомарова присудили к 2 годам тюрьмы... Впрочем, на этом мытарства Костомарова не окончились: после отбытия срока, его, без суда и следствия, услали в административном порядке в ссылку, то есть дали ему второе наказание за ту же вину, и только через 20 лет вернулся он обратно в Киев и вскоре женился на своей бывшей невесте Алине.

Оригинальна судьба этой Алины: вскоре после ареста Костомарова мать заставила ее выйти замуж за какого-то полковника. Алина имела от него сына и дочь и перед самым возвращением Костомарова из ссылки овдовела. На этот раз на его свадьбе ни мой дедушка, ни Тарас Григорьевич Шевченко не смогли быть шаферами...

Остальных братчиков судьба разбросала по всем отделенным углам необъятной России. Дед мой попал в ссылку в Златополь на Украину. Такой мягкий приговор вынесли ему потому, что в момент ареста он не достиг 21 года, то есть тогдашнего совершеннолетия: ему было 20 лет и 10 месяцев.

Будучи в ссылке, дед мой получал казенное пособие 8 рублей в месяц. На это можно было кое как просуществовать, так как фунт хлеба (400 гр.) стоил в те времена полторы копейки, десяток яиц 8-9 копеек, фунт мяса – пять копеек. Но угнетала не бедность, а несправие, необходимость ходить раз в неделю на отметку в полицию, быть под угрозой ежеминутного обыска, не иметь права выезда, ни государственной службы по специальности. Однако, дед не падал духом, много читал, давал частные уроки и на свой заработок выписывал книги и журналы, так как никакой библиотеки в Златополе не было.

Прадед Данила Саввич, узнав о горькой судьбе любимого сына, стал хлопотать о смягчении его участи, но для поездок в столицу нужны были средства. Он продал всю свою пахотную землю (около 30 десятин) и оставил себе только сад и огород возле дома, продал скот, собрал все свои сбережения и упорно обивал все пороги, чтобы выручить сына. Все было тщетно. И только через 8 лет, в 1855 году, когда умер деспот Николай I-ый, вступивший на престол Александр Второй издал манифест, в котором, по обычаю, объявлялись разного рода «милости» вроде прощения недоимок по налогам и сокращения срока наказаний осужденным – блеснула надежда выручить дедушку. И действительно, к Александру Даниловичу применили амнистию, как несовершеннолетнему в момент совершения им «преступления».

Так Николаевский режим отнял у молодого, честного и талантливого человека лучшие восемь лет его молодости и навсегда подрезал ему крылья.

После амнистии дедушка вернулся в Киев, но нечего и думать об том, чтобы восстановиться в звании профессорского стипендиата. Никто в университете – ни ректор, ни факультет не рискнул бы хлопотать за амнистированного «государственного преступника», осмелившегося в кругу друзей, на квартире у друга-профессора, читать крамольные книги и слушать за стаканом чая запрещенные стихи Тараса Шевченко. Все, чего добился Александр Данилович – это было место учителя русского языка и словесности в той самой первой гимназии, которую окончил он одиннадцать лет тому назад.

Вскоре дедушка женился на мадемуазель Перримонд. Перримонды были из обрусевших французов. Много было их тогда на Руси и на Украине: и потомки наполеоновских солдат и офицеров, и потомков аристократов, бежавших от террора и революции 18 века, и из пленных из-под Севастополя. От кого из них происходили эти Перримонды – не знаю.

Недолго продолжался этот брак: через три года первая дедушкина жена умерла от туберкулеза, оставив двухлетнюю дочь Нину.

Осенью того же года дедушку пригласили преподавать словесность и русский язык в Киевский институт благородных девиц, где среди учениц ярко выделялась красотой и способностями Мария Александровна Домбровская.

Отец ее перешедший в православие поляк, полковник русской армии, мать чистокровная варшавянка. В институте Мария Домбровская прекрасно изучила русский язык и литературу. Хорошо владела она и французским, и польским, и немецким языками. Через два года после смерти первой жены, весной 1861 года дедушка женился на своей красавице-ученице, только что окончившей институт.

Бабушке шел семнадцатый год, а дедушке – 34-й. Он лелеял и баловал ее как и чем мог. Характер у бабушки был очень властный и вспыльчивый. Она привыкла к поклонению, привыкла блистать в свете, как первая красавица, царица балов и не раз приходилось мне слышать в детстве, что киевляне специально ходили в часы ее прогулок на главную улицу Киева, Крещатик, «полюбоваться на красавицу Тулуб».

Судя по портретам и рассказам современников, она была выше среднего роста, с огромными темно-синими «как васильки» глазами в длинных черных ресницах, с тонкими, но густыми, как жгутики, бровями дугой. Нос у нее был с горбинкой, тонкие недобрые губы с иронически приподнятыми уголками, ямочки на щеках, лицо алебастровой белизны с дивным нежным румянцем, каштановые волосы пепельного тона, роскошные пышные плечи.

Помимо своей величественной наружности, бабушка была известна в обществе как очень образованная, умная и передовая женщина. Отдавая дань молодости, она блистала на балах и вечерах, но вместе с тем читала Бокля, Локка, Чернышевского, Белинского и Вольтера, не пропускала ни одной серьезной статьи в толстых журналах, из которых особенно любила «Современник», а затем «Отечественные записки», доставала много запрещенных книг из-за границы и даже «Колокол» Герцена.

Вскоре в доме Тулубов образовалось нечто вроде литературного салона, где бывали профессора, педагоги, артисты, поэты и литераторы.

Будучи восстановлен в правах, но изведав на собственном опыте прелести тюрьмы и ссылки, дедушка, конечно, стал осторожнее в словах, а в душе оставался прежним горячим любителем свободы и права. Как рассказывал мне отец, он даже переписывался с Герценом, сообщая ему, как редактору «Колокола» о самых вопиющих фактах царского произвола, но, конечно, его материалы появлялись в «Колоколе» анонимно, а самые корреспонденции писал он измененным почерком левой руки (пишущих машинок тогда еще не было) и отсылал их либо без подписи, либо под псевдонимом. Конечно, это звучит теперь весьма примитивно, но тогдашние жандармы обладали исключительным тупоумием и дурачить их было легко.

Между тем, семья быстро росла. Приходилось беречь себя хотя бы ради малышей: тринадцатого февраля 1862 года родился их первенец Павел, «Поль», как звали его в семье. Это был мой отец Павел Александрович Тулуб. За ним пошли другие дети.

С каждым ребенком становилось труднее сводить концы с концами. Общественное положение педагога обязывало иметь, кроме спальни и детской, гостиную, столовую. Прилично и модно, в театре сидеть в партере, или в ложе, на улицах появляться в перчатках. Все это привело к тому, что дедушка все чаще задумывался над вопросом, как увеличить свои заработки.

Как раз в это время предложили ему место инспектора гимназии в Каменец Подольске. Дедушка долго колебался: не хотелось ему уезжать из любимого Киева в захолустье. Но...к тому времени у него сложились натянутые отношения с попечителем учебного округа и директором гимназии, а из института благородных девиц ему пришлось уйти, когда у одной из учениц нашли запрещенные стихи Пушкина, принадлежащие деду.

Да и время было тяжелое. Недолгая полоса реформ стала сменяться черной реакцией. В 1866 году был окончательно запрещен «Современник» Некрасова. Начались аресты, усилился цензурный гнет.

Сказался общий курс и на средней школе. Стали усиленно искоренять всякий намек на вольнодумство. Усилили преподавание древних языков за счет литературы и истории. И дедушка с его «политическим прошлым» явно стал не ко двору. Но убрать его просто было немислимо. Он был большой знаток своего предмета, прекрасный оратор и педагог, умевший увлечь своих учеников, зажечь их любовью к чтению, к книгам. Классы, в которых преподавал дедушка, показывали самую высокую успеваемость по языку и по литературе, ученики его писали самые лучшие сочинения, поэтому в сферах решили прилично убрать его в глухую провинцию под видом поощрения и повышения по службе, так как служба инспектора была рангом выше учительской и оплачивалась лучше, чем труд рядового педагога. Кроме того, инспектору полагалась казенная квартира с отоплением и освещением, что было также немалым материальным подспорьем для быстро растущей семьи.

Параллельно дедушке поставили на вид, что в доме его то и дело появляются бывшие Кирилло-Мефодиевские братчики, так или иначе добившиеся смягчения своей участи. Все это вместе взятое привело к тому, что дед решил и в 1866 году летом выехал с женой и детьми из любимого Киева, ставшего для него второй Родиной.

Поселились они в Каменце в здании первой мужской гимназии, где в боковом крыле здания отвели ему шесть огромных комнат квартиры. Отец рассказывал, что гимназия стояла на высоком берегу Смолрича. Из окон их квартиры виден был и бурный Смолрич с перекинутым через него каменной аркой старинным турецким мостом, и живописно разбросанные по его берегам ослепительно белые домики Каменца, утопающие в густых фруктовых садах и виноградниках.

Старшие мальчики, Поль и Коля, любили забраться в глубокую окопную нишу, прилечь на подоконнике и часами любоваться бурной рекой, которая нравилась им куда больше, чем широкий, величаво – спокойный киевский Днепр.

А дед томился в провинциально душевной атмосфере, как рыба на берегу.

Общество в Каменце было маленькое, лишенное умственных запросов и широких взглядов на жизнь. В клубе и частных домах процветали попойки и карты. Праздники отмечались обжорством, выпивкой и сплетнями. Книг было мало. Никакой библиотеки в городе не было, а гимназическая только начинала комплектоваться, но в пределах списка книг, разрешенных для учеников с небольшим добавлением методической литературы. Коллеги дедушки, учителя были чиновниками от просвещения, тянувшие по инерции служебную лямку, из года в год повторяя в классах одну и ту же скучную жвачку, набившую им оскомину до тошноты. Театра не было. Изредка наезжал какой-нибудь полублюитель-концертант, или полуголодная странствующая труппа... Мало приносили они радости интеллигентному человеку, и негде было найти умственной пищи, отрадного и освежающего отдыха.

Да и в семье его не было: бабушка тоже томилась и тосковала, лишенная привычного интересного общества, театра и развлечений. Вечное материнство, кормление грудью и почти ежегодные роды измотали ее нервную систему и характер ее становился все более резким и несдержанным.

Горько плакала от ее несправедливых попреков сиротка-дочь дедушки Нина. Шалили сорванцы-сыновья и бабушка не скупилась на розги и пощечины шалунам. Тогда в доме поднимался оглушительный рев. Доставалось и запуганной горничной и кухарке. Дед спасался в гимназии от домашних бурь, но там так тяжело дышалось среди сослуживцев, что он снова спешил домой – отдохнуть от раболепо-благонамеренных разговоров, запирался в своем кабинете и только там, за книгой, или свежим номером «Отечественных записок» мог вздохнуть полной грудью, или раскрыть любимого поэта и насладиться гармонией знакомых строф.

Если в политических вопросах дедушка по-прежнему стоял на позициях левых разночинцев-демократов, то в своих литературных вкусах он не отступил, не смотря на едкую критику Добролюбова и Чернышевского, от своей любви к Пушкину и Лермонтову, Гоголю и Кольцову. И ничто не могло заставить его разлюбить хрустально-солнечную прелесть Пушкинского стиха.

В минуты хорошего мирного настроения, обычно по вечерам, когда дети спали, бабушка, как и в первые годы замужества, бралась за книги и коротала с дедушкой часы отдыха, читая вслух новинки литературы. Так прочли они «Что делать?» Чернышевского, «Дым» Тургенева, несколько романов Бальзака, Гюго и Флобера. Только

теперь, вместо большого взволнованного общества, сидели они с дедом вдвоем, либо с двумя-тремя надежными редкими друзьями, зашедшими к ним «на огонек».

Не раз мне рассказывал папа, как не спалось ему в смежной комнате, как он тихонько выскальзывал из кровати, незаметно пробирался в гостиную, прятался в глубокое кресло в тесном углу и слушал чтение. Понимал он, конечно, немного, но нравились ему эти тихие часы, когда за окном ночь, мороз, когда стекла покрыты ледяными пальмами, а в комнате тихо, тепло, уютно и мама с папой что-то читают, сменяя друг друга, или дедушка один на память декламирует стихи Некрасова или Кольцова. Особенно удавалось ему чтение «Леса» Кольцова, посвященного памяти Пушкина. Так и засыпал иногда маленький Поль, убаюканный ритмом стихов, или чтения...

Не смотря на умственную трясику, засасывавшую не одного передового человека, дед не сдавался, не хотел покоряться условиям жизни. Умно, умело и незаметно для зорких глаз директора и сослуживцев, без громких зажигательных слов, внушал он ученикам любовь к народу, сочувствие его бедности, темноте и несправии, внушал ненависть к душителям свободного слова и общественной мысли, к цензуре, к лихоимству и произволу чиновников, сочувствие к томящимся в ссылке и «в глубине сибирских руд» лучшим людям страны, закалял и воспитывал в молодежи честность, стойкость и правдивость.

Как хороший методист и литературовед, дедушка не удовлетворялся принятыми для преподавания учебниками и написал свой учебник истории русской литературы от начальной летописи до 60 годов. Этот учебник резко отличался от своих предшественников: идеи Пирогова, Ушинского и других лучших педагогических умов Запада нашли в нем свое отражение. Долго и терпеливо переписывал он его от руки и наконец послал в Киев, в учебный округ. Но рукопись его так и не увидела света: ее похоронили в архивах попечителя учебного округа, без санкции которого учебник не мог быть напечатан.

Для деда это было большим и болезненно пережитом ударом.

А семья все росла и росла. После Поля и Коли появился на свет Сергей, Александр, Алексей и Михаил.

Недолго прожили Алеша и Миша: один из них погиб от солнечного удара, когда нянька оставила его спать на солнце с непокрытой головой, другой умер от какой-то детской болезни. Но первые четыре сына продолжали расти.

Папа мой, маленький Поль, был любимцем отца и матери. Рос он впечатлительным, мечтательным и нежным ребенком. Он почти никогда не шалил, не ломал игрушек, и на его долю никогда не выпадало ни розог, ни других наказаний. Вспышки бабушкиного гнева производили на него болезненное впечатление и на старости лет бабушка признавалась, что не раз поднятая для удара рука ее бессильно падала, встретив пристальный, полный печального укора взгляд маленького мальчика «Полюнчика».

Особенно жалел он сестру Нину, уже учившуюся в гимназии. Он точно понимал, что для ребенка нет ничего печальнее сиротства. Получив конфет, орехов, или изюма, он обычно припрятывал для Нины хоть маленький кусочек от своей порции.

Рано проснулась в нем бессознательная стыдливость, не позволявшая ему ласкаться перед прислугой, потому что в те времена прислуга не обедала вместе

с «господами», и ни конфет и фруктов, ни сладкого блюда им не полагалось. Если и давали им что-нибудь сладкое, то в виде исключения, когда все встанут из-за стола – из остатков.

Всем это казалось естественным, никому не приходило в голову, что в таком обычае есть какая-то обидная несправедливость. Один маленький Поль тянул бабушку за рукав и просил: «Дай тоже няне», или: «Дай горничной», за что ему делали замечание, так как вставать из-за стола до окончания обеда считалось неприличным.

Если же лакомство казалось таким соблазнительным, что оказаться от него ребенок был не в силах, чтобы избавиться от мучительной неловкости, малыш уходил в другую комнату и прятался от всех в укромном уголке.

Это чувство никогда не покидало моего папу. И в зрелые годы он всегда старался оделить прислугу всем, что было на столе, и только тогда принимался сам за еду.

На шестом году папа сам научился читать по заголовкам газет и по кубикам с буквами. Бабушка не подозревала об этом: купила азбуку, чтобы начать учебу и была поражена, констатировав, что ее первенец уже читает и даже учит Колю буквам.

Дедушка был очень доволен, стал покупать детям книги и часто читал им вслух что-нибудь. Так прочел он им сказки Пушкина, «Хижину дяди Тома», «Робинзона Крузо», «Гулливера», Свифта, «Конька-Горбунка» и некоторые другие книги, названия которых я забыла.

Из братьев Поль был особенно привязан к Коле, родившемуся осенью 1863 года. Коля был мальчик не по летам развитой.

Он обладал богатым воображением и любил игры, совсем не похожие на окружающую жизнь. С семи лет Поль и Коля стали увлекаться Фенимором Купером и Майн Ридом. Летом строили они в огороде вигвам из лозы и лопухов, а по вечерам, когда бабушка после мучительно-знойного дня забирала детвору на бульвар – они собирали там большую компанию знакомых детей и под деревьями и кустами затевали сложные и шумные игры с боями и морскими путешествиями, полными героических подвигов на воображаемых океанах или горах, сидя верхом на бревнах, или опрокинутых садовых скамейках.

Очень любили они сказки Андерсена, в особенности сказку про волшебное зеркало Оле Лукойя. Очень увлекались и русскими народными сказками, где фигурировал хитрый кот Мацько и умный мужик Потап, умевший выпутаться из всякой беды и выручить всех верных друзей. Котом Мацько прозвали они своего четвертого брата Александра, а прозвище «Потап» на всю жизнь приросло к моему дяде Коле. До самой смерти отзывался он на имя «Потап», как на свое второе имя.

Действительно, дядя Коля и в детстве, и гимназистом, и студентом выступал в семье в роли дипломата и умиротворителя. Стоило кому-нибудь нашалить, или сломать что-нибудь – бежали к дяде Коле за помощью. И он умел уладить дело так, что бабушка не наказывала виноватого и ограничивалась одним замечанием. Умел дядя Коля и раздобыть денег на материал для воздушного змея, и на сладости. Без него не обходилось ни одно детское предприятие, ни одна увлекательная игра.

Третий брат Сергей был в раннем детстве отчаянным крикуном и плаксой, а с годами стал таким же отчаянным драчуном и неугомонным сорванцом. Трудно было

с ним и бабушке, и братьям, и нянькам... А когда появилась на свет сестренка Маня – не мало пришлось ей натерпеться от шалуна-Сережи, который драл ее за волосы, заставлял есть куриный помет, ползать по земле по змеиному – вообще тиранил и мучил без милосердия.

Четвертый брат Александр рос хилым, болезненным мальчиком. У него была «Английская болезнь» – разновидность рахита. Лечили его всеми доступными способами: закапывали на дворе в горячий от солнца песок, делали муравьиные и соляные ванны, но, несмотря на все это – рос он с искривленным позвоночником и одной лопаткой, торчащей, как птичье крыло. Он был угрюмый, нелюдимый и молчаливый ребенок – верно потому, что чужие дети и брат Сергей вечно дразнили его горбуном. Тяжелый, скрипучий характер остался у него на всю жизнь, хотя злым человеком он не был.

В бытность семьи Тулубов в Каменце – впервые появились в продаже стальные перья. До этого все писали гусиными перьями, которые приходилось умело и осторожно очинивать специальными складными ножами. (Отсюда и пошло название «Перочинного ножика»). В педагогической среде, конечно, заговорили о стальных перьях и старичок-учитель чистописания, бывавший у дедушки, уверял, что тот, кто станет учиться чистописанию стальными перьями, никогда не выработает себе хорошего почерка. Это поразило моего папу.

Вдруг через несколько дней сестра его Нина принесла из гимназии стальные перья. Папа мой пришел в ужас. Долго смотрел он, как Нина пробует писать стальными перьями – и наконец не выдержал:

– Нина, Нина, что ты делаешь! – с сокрушением заговорил он. – Ты пропадешь! У тебя навсегда испортится почерк и ты никогда не сможешь красиво писать и никогда не получишь пятерки по чистописанию, – говорил он, тяжка вздыхая.

А Нина с досадой отмахивалась:

– Отстань, – Я сама знаю, что делаю. И все это глупости: посмотри, как красиво выходит.

Но папа продолжал вздыхать и уговаривать Нину. А Нина стала не на шутку сердиться.

– Поль, Поль, оставь: Нина будет плакать!

И много дней подряд маленький Поль изводил бедную Нину, от души жалея ее.

Почти одновременно со стальными перьями появилась в Каменце и другая новинка – керосиновая лампа с фитилем. Дедушка поспешил купить такую лампу. Знакомые с любопытством рассматривали ее и поражались, что горит она много ярче стеариновых и восковых свеч. И, конечно, многие уверяли, что от такого яркого освещения у всех испортится зрение и что при лампе нельзя ни читать, ни писать. На этот раз дедушка решительно заспорил с рутинерами и мальчики, слушая отца, восхищались покупкой и находили, что лампа – вещь полезная и хорошая.

А жизнь вне семьи шла своим чередом. Все темнее было на политическом горизонте. Сильней свирепствовала цензура. Все больше людей уходило без суда и следствия в ссылку, часто по данным анонимного доноса и заочной резолюции «Особого Совещания» при министерстве внутренних дел.

И вдруг по Каменцу пронеслась весть, что едет на ревизию сам министр народного просвещения, если память мне не изменяет – граф Толстой.

Засуетились провинциальные педагоги. Спешно белили классы, красили окна и двери. Учителя заказывали себе мундиры с расшитыми золотом стоячими воротниками и манжетами. Учеников выводили после занятий в актовъй зал, выстраивали шпалерами и учили по военному отвечать: «Здравия желаю, Вашевысокопревосходительство». Пригласили соборного регента спешно разучить гимн «Боже царя храни», «Коль славен» и «Славься» из оперы Глинки «Жизнь за царя».

Дедушке, как инспектору, приходилось обо всем хлопотать, потому что на инспекторах лежало много административных обязанностей, но не это волновало его: он опасался, что сослуживцы из мракобесов постараются очернить его в глазах министра. Хотя ученики и понимали, что при начальстве надо отвечать в патриотическо-благонамеренном духе, но многие, по молодости лет, могли сболтнуть что-нибудь лишнее, – например, назвать запретного автора вроде Радищева, Добролюбова, или Чернышевского, которые в программу не входили, но о которых дед упоминал на уроках. Надо было как то дать понять гимназистам, как отвечать на случай посещения уроков министром. Пришлось ему обратиться к рекомендованному учебнику и разметить по параграфам и страницам весь материал, а это, конечно, снижало качество ответов, их многогранности и глубину.

Но ученики не подвели любимого учителя.

Министр несколько раз присутствовал на дедушкиных уроках, слушал его изложение и ответы учеников, сам вызывал их наугад по журналу и должен был констатировать, что пишут они грамотно, отвечают хорошим литературным языком, материал усвоили основательно и вообще подготовлены лучше, чем у прочих предметников. Оставалось, как будто, поблагодарить деда за хорошую, честную работу и наградить его, но... у дедушки было «политическое прошлое» и наградить его сочли излишним.

Перед отъездом министр созвал педагогический совет и выступил на нем с директивной речью.

О, что это была за кошмарная речь!..

Он говорил, что юношество заражено и развращено крамоллой и революционными идеями Запада, а поэтому надо коренным образом перестроить учебный план так, чтобы отвести как можно меньше учебных часов истории и литературе. Один час в неделю, отнятый у литературы, отдать военным упражнениям – маршировке и ружейным приемам; другой час отвести гимнастике, как тогда называли физкультуру, потому что те, у кого хорошо развиты мускулы – слабее развиты в политическом отношении. С этой же целью необходимо расширить курс преподавания древних языков – Латыни и греческого – каждому из этих предметов отводится по 6 часов в неделю, чтобы зубрежкой мертвых языков притупить любознательность юношества и интерес к современности. Преподавание же литературы не доводить до своих современников, а заканчивать Пушкиным и Гоголем, всячески подчеркивая «милости» царя к Пушкину и то, что Гоголь на склоне лет признал свои заблуждения и обратился на путь истины. Необходимо также восхвалять Державина и Жуковского, как патриотически-консерва-

тивных поэтов, а в области языка посильней нажимать на грамматику и правописание и давать побольше диктовок и поменьше сочинений по литературе.

Дед вернулся с совета совершенно убитый. Свои мучительные переживания он в тот же вечер записал в общей тетради, которая, как святыня, хранилась у моего папы. И эту горестную запись дед закончил полной отчаяния фразой:

– Еще один такой совет – и не быть мне больше учителем русской словесности!..

Видно, нечеловеческих усилий стоило ему прослушать речь министра и промолчать, и когда летом попечитель предложил ему перейти в Херсон директором первой мужской гимназии – дедушка согласился, чтобы сильнее загрузить себя административной работой и частично отойти от чисто педагогической.

Грустно было ученикам старших классов прощаться с дедушкой. Они устроили ему торжественные проводы и на прощанье поднесли вместе с прочувственным адресом икону Александра Невского, имя которого носил дед.

Переехали в Херсон летом, во время каникул, но не облегчение, а новые трудности ждали дедушку в Херсоне, т.к. хозяйство гимназии было совершенно разорено. Завхозов в те времена в гимназиях не было. Шел капитальный ремонт. Надо было его закончить, доставать стройматериалы, рабочих; надо было снабдить гимназию учебниками и наглядными пособиями, заготовить на зиму топливо, одежду и постели, продукты и прочий инвентарь для пансиона, отремонтировать парты и мебель. А персонал попался ненадежный, привыкший нагревать руки на казенном добре...

Когда начался учебный год и ко всему этому добавились уроки, разбор шалостей учеников, возня с пансионерами – стало еще труднее. Дедушка уходил из дому рано утром и возвращался, когда малыши уже спали, и только Нина и Поль изредка видели отца, усталого и изнервничавшегося.

Такая хлопотливая работа оказалась для дедушки роковой. Как-то вечером, кажется в декабре, он почувствовал себя плохо. Бабушка бросилась в спальню за лекарством, но, вернувшись, застала его уже мертвым.

Так узнал мой отец свое первое горе.

Жизнь семьи резко переменялась. Пришлось срочно очистить директорскую квартиру и переехать в две крошечных комнаты на окраине города. Денег не было. Вместо вкусного обеда из трех блюд, есть один борщ с черным хлебом. О лакомствах пришлось надолго забыть. Пенсии дедушка не выслужил (для этого надо было прослужить 25 лет) и бабушке только через пол года удалось выхлопотать частичную пенсию в 45 рублей в месяц. Работать она не могла, так как снова ждала ребенка и в апреле родила вторую дочь Людмилу.

Только осенью бабушке удалось устроиться на работу начальницей прогимназии в г. Александрии, куда и переехала вся семья.

Папе тогда было 9 лет. В гимназию принимали в первый класс 10 летних. У бабушки не было свободного времени готовить его к вступительному экзамену, поэтому она неофициально определила его вместе с Колей в подготовительный класс женской гимназии.

Поль и Коля сидели рядышком на одной парте. Восемилетний Коля плохо понимал, что надо внимательно слушать урок и папа тихонько дергал его за рукав и строго шептал: – Коля, слушай!

А сам прилежно делал все, что говорила учительница.

Помимо обязанностей начальницы, бабушка стала преподавать географию. В ее квартире появился глобус и огромные географические карты, и крохотный Коля неожиданно для всех увлекся географией. Пока бабушка была в прогимназии, вскоре преобразованной в полную женскую гимназию, он расстилал на полу ее карты и старательно заучивал названия морей и океанов, рек, гор, островов и полуостровов, государств и городов всех стран земного шара. Это было тем забавнее, что он все еще плохо выговаривал многие буквы, коверкая многие названия и самую географию называл «Гоглафией».

Летом 1872 года братьям пришлось расстаться.

В то время был закон, по которому дети педагогов учились в школе бесплатно, а сирот принимали на казенный счет в пансион при той же гимназии, где служил их покойный отец, или же в другую гимназию того же учебного округа. Поэтому бабушка отвезла папу в Херсон и оставила в гимназическом пансионе.

Так пришлось маленькому Полю уйти из родной семьи и очутиться далеко от матери и братьев в обстановке, мало отличающейся от бурсы Помяловского.

Если большинство приходящих учеников Херсонской гимназии были евреи, (процентную норму для евреев ввели позже, во времена Александра III-го), то в интернате подавляющее число учеников было из поповичей, кулаков, сельских купцов, урядников и прочей малокультурной публики.

Ругань, драки, травля новичков, жестокие издевательства над ними, кражи, куренье, карты и ничем не прикрытое кулачное право, где не было пощады слабым и нежным – вот среда, куда попал так рано мой несчастный отец.

Не раз рассказывал мне отец, что только вечером в постели, когда в дортуаре тушили свет – мог он оставаться самим с собою и горько выплакаться, вспоминая покойного отца и семью, в особенности – любимого брата Колю.

Учителя по своему жалели его, как сироту, в особенности в первое время, но жестокие товарищи еще больше мучили и травили за это несчастного крошку. Учился он прилежно и обладал блестящей памятью, да и в семье успел приобрести много знаний, поэтому его часто ставили в пример классу. И тогда новые побои и издевательства сыпались на его беззащитную голову.

Много лишних слез пролил он в темных углах, потому что двоечники и второгодники мстили ему за каждый удачный ответ, за каждую похвалу педагогов.

Особенно терзал его Костюра, впоследствии ставший присяжным поверенным в городе Елисаветграде (ныне Кировоград). Это был первый силач и драчун в их классе. Он требовал, чтобы папа откупался от побоев, отдавая ему половину своего завтрака, или часть обеда и придумывал каждый день все новые зверские способы, как выкачать из него лишний кусок.

Изредка папа получал от матери рубль карманных денег. Тогда он нанимал Бойко – другого пансионского силача, на класс старше Костюры, за пять штук перьев и за 2-3 листа бумаги поколотить Костюру.

Получив задаток «ландскнехт» начинал вечером прогуливаться мимо Костюры, когда гимназисты готовили на завтра уроки, и нарочно задевал стул Костюры ногой.

Костюра сначала отругивался, потом вскакивал и в бешенстве бросался на своего противника: завязывалась драка и избитый Костюра вскоре уходил в умывальную обмыть окровавленный нос.

После этого он два дня молчал и никого не трогал в пансионе.

Жаловаться было немислимо. По тогдашним понятиям, это значило стать «Ябедой», а ябеду избивали всем классом даже тогда, когда жертва побоев на самом деле вовсе не ябедничала, и только была заподозрена в этом.

Такова была тогдашняя дикая школьная этика: терпи от товарищей все, но защиты у начальства не ищи, потому что ученики и учителя – это два враждебных мира, между которыми не может быть никаких человеческих отношений.

Две бесконечно-долгих и мучительных учебных года промучился маленький Поль в пансионе, где ни учителя, ни товарищи не называли его, как дома, по имени, где он был для всех только Тулуб. Оба года он был первым учеником, но на третий год силы мальчика пришли к концу: он затосковал, перестал заниматься. В классе сидел молчаливый, апатичный, смотря в одну точку тоскливым, полным отчаяния взглядом. И в его табели, вместо пятерок, стали появляться четверки и тройки, а затем и двойки. Все ему было безразлично: впереди – бесконечный ряд лет в пансионе, побои, железная дисциплина, грубость и жестокость товарищей – и ученье, которое с каждым годом становится все трудней и труднее...

И эта апатия привела к естественному результату: он остался на второй год.

Приехав к матери на каникулы, папа, конечно, должен был признаться, что стал второгодником.

Отчаянию бабушки не было границ. Сначала она горько расплакалась, но потом, как женщина умная, как педагог, взяла себя в руки и, вместо розог, или других наказаний, заговорила с Полем, как с взрослым. Она нарисовала перед ним яркую картину того, что человек без образования и – главное – без диплома – никогда не пробьет себе пути в жизни; объяснила ему, какая печальная участь ожидает не только самого Поля, но и всех его братьев, которые один за другим достигают школьного возраста, потому что на нем, как на старшем, лежит святая обязанность помочь ей, одинокой женщине, вывести их в люди, да и сам он, как бедные, будет обречен на пожизненное полуголодное существование, если не окончит высшего образования.

И умный, чуткий, но в конце исстрадавшийся в пансионе ребенок понял ее. Он дал матери честное слово, что отныне снова станет первым учеником, что ни одна плохая отметка, даже случайно не появится в его табели – и героически сдержал свое слово.

Из класса в класс переходил он с первой наградой и до конца папиной жизни и, до моего ареста в 1937 году, свято хранились у нас в семье двухтомные «Рим» и «Эллада» Вегнера, полное собрание сочинений Шекспира и другие книги, которые получил он в награду в гимназии, с печатью гимназии, подписями директора и преподавателей и несколькими строками похвалы и поощрений ученику Павлу Тулубу «за отличные успехи и поведение».

Когда папа учился в 4 классе, произошла небольшая перемена в его жизни: старшая сестра Нина окончила гимназию и вышла замуж за отставного военного моряка Филиппа Филипповича Коронелли и поселилась в Херсоне, где у ее мужа был неболь-

шой домик с садом. С тех пор, каждую субботу папу отпускали из гимназии на воскресенье к сестре.

Нина всячески старалась скрасить маленькому братишке этот единственный день недели, когда он мог отдохнуть не столько от уроков, как от убийственной грубости пансионера. Немного она могла, конечно, сделать, но тишина и чистота их скромной квартиры, чистая мягкая постель, какая-нибудь интересная книжка да домашний обед – этого было достаточно маленькому сиротке, чтобы немного отогреть всю озябшую душу.

Филипп Филиппович полюбил мальчика. Он был севастопольский герой и много рассказывал ему об обороне Севастополя, и о своем любимом адмирале Павле Степановиче Нахимове.

Не смотря на то, что время шло – папа продолжал мучительно тосковать по отцу. Часто уходил он по воскресеньям на его могилу выплакаться и помучить себя сладкими и вместе с тем такими горестными воспоминаниями.

Дедушка был похоронен на старом (в то время называвшемся новым) кладбище недалеко от церкви. К его могиле надо было пройти через калитку, отделявшую кладбище от церковного двора. Калитка утопала в густой сирени, и папа, пробираясь сквозь кусты, боязливо оглядывался, ему казалось, что вот-вот появится перед ним какой-то призрак, или дух. А на отцовской могиле он со слезами звал отца и умолял его хоть на миг явиться в любом, даже страшном виде, чтобы только узнать и почувствовать, что отец не весь умер, что нечто осталось от него в природе, – пусть неведомое, неуловимое и непонятное нам, живым.

Молчала могила. Никто не отзывался на его тоскливый зов и мальчик тихо уходил, не утолив своей печали...

А вечером снова надо было идти в постылый пансион, где поджидал его садист-Костюра и снова избивал, если папа не приносил ему гостинца, или приносил меньше того, что требовал его мучитель.

Зимой Нина подарила ему коньки. Это была заветная мечта всех гимназистов, в особенности пансионера, так как после обеда до 6 часов, когда надо было садиться готовить уроки, из пансионера отпускали ученика на каток, правда, шли гимназисты не на платный городской каток, где играла музыка, а на Днепр, который на добрых три месяца замерзал из конца в конец, а степные ветры чисто выметали этот колоссальный природный каток, где можно было кататься бесплатно сколько душе угодно.

Гимназисты устраивали на Днепре настоящие состязания на скорость и на фигурное катание: писали на льду свои вензеля и фамилии, катались на одной ноге, в одиночку и парами. Смельчаки прежде всего добивались того, чтобы за несколько минут пересечь Днепр, добраться до Алешек и вернуться обратно. И папа был из их числа. Иногда он распахивал шинель, и став спиной к ветру, мчался через могучую реку на своих парусах и раз чуть-чуть не поплатился за это жизнью, влетев с разгона в полынью.

У Костюры не было коньков. Отнять их у папы он не мог, потому что вернувшись в пансион, он, как и все, сдавал их швейцару, а швейцар выдавал их только владельцу с запиской надзирателя, что такому то ученику разрешено пойти на каток. Без такой записки из гимназии никого не выпускали.

И вот пришлось Костюре просить свою жертву поделиться с ним коньками. Папа был не из злопамятных, но наученный горьким опытом, сказал, что даст ему коньки, если Костюра при всем классе даст честное слово, что перестанет драться, а на Днепре они будут кататься по очереди, каждый по полчаса. Договор был заключен и на этот раз Костюра сдержал свое честное слово.

Кормили пансионеров не голодно, но и не аппетитно. По утрам давали два кусочка пиленого сахара, кружку чаю и пол французской булки с куском сала, или сливочного масла. В полдень, на большой перемене – завтрак: стакан молока или тарелку жидкой смоленской каши-размазни с черным хлебом. Хлеба можно было есть сколько угодно, и многие брали с собой куски «на потом». В половине третьего кончались уроки. Тогда пансионеров вели на прогулку. Шли парами с надзирателем позади. В 4 часа обедали. Обед был из трех блюд: давали тарелку супа или борща, на второе по два ломтя жаркого, или по две котлеты – все это с картофелем или с кашей в виде гарнира. На третье – кисель или компот, или блинчики с сахаром. По праздникам к супу добавляли сдобный пирог с мясом или с капустой. После обеда часа два отдыхали кто как хотел, от 6 до 8 готовили уроки. В 8 часов ужинали галушками или кашей, запивали чаем с 2 кусочками сахара и с половиной французской булки, затем малыши шли спать, а старшие продолжали заниматься или читали что-нибудь и в 11 часов шли спать.

Вставали по звонку ровно в 7 часов, одевались, умывались, выходили в зал на молитву, потом пили утренний чай и после чая пол часа повторяли уроки.

Занятия начинались ровно в 9 утра и каждый урок продолжался 55 минут. После первого урока была пятиминутная переменка, после второго – в 10 минут, а после третьего урока – большая перемена в полчаса, во время которой завтракали. Затем было еще два урока с десятиминутной переменной между ними.

Таков был распорядок во всех мужских гимназиях России много лет кряду. О занятиях в две смены нигде не было слышно до 1914 года, когда началась Первая империалистическая война.

Если с учителями у учеников были в общем хорошие отношения, то с надзирателями были они на ножах. Да и надзиратели хорошего отношения не стоили: это были придирчивые, ограниченные и злобно-мелочные формалисты и среди них – особенной ненавистью пользовался Антон Григорьевич Сиридаки, по прозвищу «Сова».

Высшим наслаждением Совы было кого-нибудь поймать, уличить и потащить на расправу к инспектору. Он обладал феноменальным зрением и скрыться от него даже ночью было немислимо. Стоит он на молитве, истово крестится, не отводя глаз от иконы, а стоит кому-нибудь из учеников сказать соседу слово, как после молитвы Сова является в класс и говорил елейно-сокрушенным тоном:

– На молитве подобает стоять в благоговейном молчании, а вы изволили-с шептаться. Пожалуйте к инспектору-с.

И тем же тихим елейным тоном докладывает начальству:

– Вот они-с изволили во время молитвы шептаться. Благонравному воспитаннику такое поведение не подобает...

И, конечно, за этим следовало либо внушение, либо наказание. Лишали воскресного отпуска, давали выучить лишнее стихотворение, или оставляли на неделю без сладкого.

Гимназисты питали к «Сове» жгучую ненависть. В особенности ненавидели его пансионеры, которые и вечером, и ночью были под его неусыпным надзором. Не дай бог было удрать из пансиона в город и встретить на улице Сову. Он со спины, и за два квартала узнавал любого гимназиста и успевал записать его.

И тогда не избежать было карцера.

Одним из способов изводить Сову были карикатуры.

В дверях каждого класса были маленькие застекленные окошечки. Почти в каждое дежурство «Совы» на дверях того, или иного класса появлялось изображение совы. Прохаживаясь по коридору, Сиридаки замечал сову, нарисованную мелом на стекле, и слышал веселый хохот всего класса. Приоткрыв дверь, он командовал:

– По местам! Тихо там! Звонок слышали?

А сам другой рукой старался незаметно смазать со стекла свое символическое изображение. Но не тут то было: «Сову» рисовали не из коридора, а из класса и пальцы Совы терли чистое стекло. В классе раздавался громкий хохот и кто-нибудь из самых отчаянных шалунов гаркал измененным голосом:

– Браво! Браво, Сова!

Однажды нарисовали на доске огромную свинью, а верхом на ней – ненавистного надзирателя. Весь класс с восторгом толпился у доски, поощряя художника, но поставленный на страже ученик по видимому зазевался и вдруг сдавленно крикнув: «Сова!» юркнул на свое место. Гимназисты так и брызнули по местам, но стереть карикатуру не успели. Вошел «Сова». Увидев на доске столь красочное изображение, он взвизгнул каким-то по бабьи тоненьким голосом:

– Ах, вы, дерзновенные!.. Ну, погодите!

И вихрем вылетел из класса.

В классе стояла глубокая тишина. «Художник» метнулся к доске, одним махом стер с доски надзирателя, оставив на ней только свинью, и так же быстро вернулся на место. Он знал, что класс его не выдаст, а на миру и смерть красна...

Через мгновение распахнулись двери и, пятясь задом, показалась «Сова», а за ним грузный, суровый директор Кустовский, прозванный за привычку за каждым словом говорить «очевидное дело» – Очевидным делом.

Подобострастно изгибаясь перед начальством, «Сова» пятилась мимо первых парт к доске и все повторяла с тоненьким визгом:

– Вы посмотрите, как эти дерзновенные посмели меня изобразить!..

Толстяк-директор подошел к доске, вскинул на нос пенсне и глубокомысленно взглянул на полустертую карикатуру.

– Позвольте!.. Но я вас тут не вижу... э... Я вижу только... э... представителя, очевидное дело, животного мира... э... из семейства всеядных...

«Сова» порывисто обернулся.

– Это не я! – взвизгнул он еще пронзительнее. – Ей богу, не я! Я был на ней!

Тут весь класс грохнул таким оглушительным хохотом, что тоненький визг «Совы» утонул в нем комариным писком. А директор, видимо не в силах сдержать приступ смеха, только рукой махнул и быстро вышел из класса.

Класс был наказан, не выдав художника. Пришлось просидеть после уроков целых два часа над трудным латинским текстом *extemporalis*, а пансионеров, кроме того, на целую неделю лишили права бывать на катке.

Зато «Сова» поджала хвост и добрых две недели не трогала гимназистов.

Лето папа, конечно проводил у бабушки в Александрии. Но мало радости было целое знойное лето жариться на гимназическом дворе, где не росло ни кустика, ни деревца и не было ни качелей, ни гигантских шагов. Но и эта неприглядная обстановка казалась раем после пансиона.

Коля поступил в гимназию, когда папа был во втором классе. Но попал он не в Херсон, а в Ананьев, так как в Херсонской гимназии не оказалось свободной вакансии. Двумя годами позже поступил в Екатеринославскую (ныне Днепропетровскую) гимназию Сережа. И только летом разбросанные по разным городам братья-пансионеры съезжались домой отдохнуть от почти одинаковой, примитивно-жесточкой среды гимназических интернатов.

Бабушка продолжала служить начальницей гимназии и преподавательницей географии. Она по прежнему пользовалась большим успехом в обществе, хотя стала быстро полнеть, приобретать величественную наружность, которая в театральной среде называлась фигурой «на роли королев». Молодые люди и отцы семейства теряли по ней голову, но она оставалась ко всем равнодушна и отвергала всех своих поклонников. Женщины безумно завидовали ей и без причины ревновали ее. Они следили за каждым ее шагом и словом, всячески язвили и злорадствовали, видя, что средства не позволяют бабушке одеваться, так как этого требовала ее наружность и общественное положение. Будь за ней хоть малейший грешок – они постарались бы раздуть его до колоссальных размеров. И так доносы сыпались на нее по пустякам: то на балу у нее было слишком светлое для начальницы платье со слишком большим декольте, то в летнюю жару она позволила себе ходить в платье с короткими рукавами, то господин «Х» прислал ей на именины букет, то господин «У» – торт из кондитерской.

Года через четыре после дедушкиной смерти она познакомилась с помещиком Херсонской губернии и крупным земским общественным деятелем Даниилом Адриановичем Кармазиным.

Даниил Адрианович часто бывал по делам в Александрии и всегда посещал бабушку, как добрый знакомый. Он был человек образованный и начитанный и на общем фоне провинциальной публики выгодно выделялся, как передовой и умный интеллигент. Жил он в своем имении Макарихе, похоронив жену, с единственной дочерью Ольгой, которой шел тогда одиннадцатый год. Когда настала весна, он стал упрашивать бабушку подготовить его дочь во второй класс гимназии, а для этого переехать на три месяца школьных каникул в нему в имение. Он соблазнял бабушку тем, что она может взять с собой в деревню всю свою детвору, которая отдохнет и поправится на деревенском воздухе и молоке.

Бабушка долго отказывалась: говорила, что это подаст повод к разным сплетням, а Данила Адрианович спорил и доказывал, что никакие сплетни не могут возникнуть, если он с дочерью будет жить в своем доме, а бабушку с детьми поселит во флигеле, в саду. Если бабушка хочет, ей даже могут подавать туда обед и завтрак, хотя, конечно, для Ольги было бы лучше, чтобы учительница все время была с нею, потому что девочка совсем отбилась от рук и надо ее не только подготовить по курсу первого класса, но и привить ей хорошие манеры, как будущей барышне.

К несчастью, как раз в это время все младшие дети заболели корью и очень ослабли после болезни. Доктора советовали увезти их из города в деревню, на усиленное питание.

Узнав об этом, Данила Адрианович усилил свои просьбы и предложил бабушке небывало хорошие условия по тем временам: помимо полного пансиона для всей семьи гонорар 50 рублей в месяц.

Это сломало ее колебания, и вскоре все семья Тулубов переехала в Макариху, имение Кармазина, расположенное в 40 верстах от станции Знаменка [нынче село Макариха Знаменского района, Кировоградской области, расположено примерно в 60 километрах на север от города Кировоград, в 15 километрах от города Знаменка и в 25 километрах от города Александрия, Кировоградской области – примеч. ред.] недалеко от деревни Дмитровки и Диковки.

Так произошел второй большой перелом в судьбе папы и всех его братьев. Провинциальные сплетники воспользовались случаем: в учебный округ и даже в министерство народного просвещения посыпались градом доносы о том, что начальника гимназии сошлась с помещиком Кармазиным и уехала к нему со своими детьми.

В те времена к учителям, а в особенности к учительницам предъявляли более чем суровые требования в смысле морали. Учительницами могли быть только девушки с безупречной репутацией. Если учительница выходила замуж – она должна была оставить службу, или же, будучи замужем, не иметь детей, потому что деторождение было покрыто в глазах учащихся глубочайшей тайной. В особенности оберегали в этом отношении неведение девушек, которые до замужества должны были вовсе не знать, откуда берутся дети.

Ясно, что при таких суровых понятиях – бабушка сделала непростительную ошибку, давая повод для злословия. Жизнь жестоко отомстила ей за это. Когда она вернулась в Александрию ей вручили приказ об увольнении «за безнравственное поведение, недостойное высокого звания педагога», и она очутилась с малышами на улице.

Работы не было, да и не могло быть, так как, тогда ни в каких учреждениях, кроме женских учебных заведений, женщин на службу не принимали. Мизерная пенсия не могла ее прокормить и бабушка совсем упала духом.

А провинциальное общество ликовало. Дамы при встрече с бабушкой, либо делали вид, что не узнают ее, либо разливались охами и ахами и только растревляли ее рану притворным сочувствием, полным лицемерия и змеиного яду. Бабушка предпочитала не видеть никого, не слышать их злорадно насмешливых замечаний, и плохо скрытых улыбок.

Вскоре приехал и Даниил Адрианович с Ольгой и был, как громом поражен случившимся. Бабушка сгоряча осыпала его упреками, а он в ответ признался, что давно любит ее и собирался просить ее руки, но сперва хотел под видом учительницы познакомиться сиротку-дочь с будущей мачехой, надеясь, что они полюбят друг друга.

Бабушка сначала гневно отвергла его предложение, но Даниил Адрианович, чувствуя свою косвенную вину, поселился в городе и часто заходил к ней, или писал ей письма умоляя ее трезво взглянуть на вещи и разом закрыть рот всем клеветникам, став ее законной женою.

Гордая передовая женщина невыносимо страдала от окружающей ее атмосферы, презрения и насмешек. Ее называли падшей, когда перед собою, перед своими детьми и памятью их отца – она по прежнему оставалась чистой и честной матерью и вдовой. Травля озлобляла и оскорбляла ее. И когда жизнь так прижала ее, что никакого выхода не оставалось, кроме смерти, она решила дерзко бросить «обществу» вызов и сказала Даниилу Адриановичу, что раз клеветники называли ее «любовницей», то не хочет она стать его гражданской женою. Никаких религиозных предрассудков она не признает, не верит ни в какие обряды и, если он действительно серьезно любит ее – она переедет к нему и станет его гражданской женою.

Кармазин не на шутку испугался такого решения; он говорил, что это бессмысленный жест оскорбленного самолюбия, который никого ни в чем не убедит и только подтвердит грязь провинциальных доносов. За этот жест бабушке не раз придется жестоко поплатиться. Он, конечно, сделает все от него зависящее, чтобы заставить уважать ее, как свою жену, но ведь людей не переделаешь...

А бабушка, потеряв душевное равновесие, закусила удила, не слушала ни логики, ни добрых советов и никакие доводы, ни примеры из мировой литературы не могли преодолеть ее исступленного упорства. И Кармазин наконец махнул на все рукой и увез ее с детьми в Макариху.

Так попала моя несчастная бабушка в лютую кабалу, которая со временем привела к более чем тяжелым последствиям.

Много горьких минут принес ее шаг и ее детям, в особенности – моему папе. Если в предыдущее лето бабушкиным детям было всего вдоволь в Макарихе, потому что Даниил Адрианович всеми способами добивался взаимности бабушки, их матери, то на следующее лето пасынкам Даниила Андреевича отказывали в самом необходимом. Правда, завтракали, обедали и ужинали все вместе и не голодали, но после борща и жаркого дети должны были встать, поблагодарить за хлеб-соль и уйти, а сладкое, чай с вареньем, конфеты и фрукты ели Даниил Андреевич и Ольга, а остальные дети только смотрели на них. Одна крохотная толстуха – Людмила, любимица Даниила Адриановича, иногда, в виде особого исключения, получала от него яблочко, или шоколадку. И это при том, что у Даниила Адриановича был огромный фруктовый сад, малинники и огороды...

Скупость этого человека была поистине анекдотической. На ночь он запирали все шкафы и ключи забирал к себе, сам выдавал прислуге продукты на кухню и в людскую, сам отвешивал сахар на варенье, пересчитывал готовые банки и все скрипел, что много выгорает в лампах керосину и много свеч сжигают во флигеле мальчики – Тулубы.

Это было так противно, что папа и дядя Коля предпочитали читать в глубоких сумерках и даже ночью, при луне, лишь бы не израсходовать лишнего огарка, за который надо выслушивать столько неприятных слов и в результате нажили себе сильнейшую близорукость.

С костюмами и бельем было еще труднее.

Папа мой, как и все его братья-пансионеры, носили в гимназии казенную форму. Но, когда их распускали на каникулы – надо было сдать все казенное в кладовую и переодеться в свое. И каждую весну оказывалось, что свое прошлогоднее стало коротким и узким, а иногда просто ветхим, прогнившим в сырой гимназической кладовке. Бабушка все это переживала тяжело. Трудно ей было из своих грошей выслать им денег на дорогу, смену белья, пару обуви и хоть ситцевую косоворотку и брючки. Так они и приезжали в Макариху...

А смены не было. Сдавая белье в стирку, мальчикам приходилось сидеть у себя во флигеле нагишом, покамест горничная – Маша, служившая у бабушки еще при покойном дедушке, спешила постирать, высушить и прогладить их жалкую одежонку, а иногда и поштопать ее.

Даниил Адрианович все это знал и видел, но находил совершенно нормальным. Конечно, мальчики не унывали, разрисовывали себя цветными карандашами и затевали шумную игру в дикарей, но вскоре голод давал себя чувствовать, а голышом не выйдешь ни к завтраку, ни к обеду. Приносить во флигель какую бы то ни было еду – было строжайше запрещено.

Выручали старших братьев малыши. Они тащили из буфета кто ломоть хлеба, кто кусок брынзы и тайком передавали во флигель проголодавшимся «папуасам».

Все это привело к тому, что Сережа и Саша лютой ненавистью возненавидели Даниила Адриановича и только Поль и Коля, как старшие, кое-как, во имя матери, мирились со своей нищетой ради изобилия макарихского дома. И может быть потому все братья Тулубы упорно добивались дипломов, чтоб выйти на широкую дорогу жизни и избавиться раз навсегда от ига нищеты.

Даниил Адрианович был из мещанской среды. Разбогател он на перепродаже домов и, как истый «_____» держался за свои деньги. Он и хозяйничать по настоящему не умел, как хозяйничали выросшие на земле люди: поля сдавал крестьянам в аренду за деньги или за долю от урожая, – благо чернозем был у него такой, что, без удобрений и севооборотов, приносил ему ежегодно по 200 пудов зерна с десятины.

Только возле дома развел он роскошный сад с искусственными каналами и островами, с беседками, где нежно звенели от малейшего ветерка волосы арфы, с мостиками в виде арок, с роскошными цветниками, гротами и фонтанами, оранжереей и редкими породами деревьев. Да еще любил он лошадей и держал несколько пар роскошных выездных рысаков, которыми гордился на всю губернию.

Счастья с ним бабушка не нашла.

Когда папа подрос, она часто беседовала с ним по душам и жестоко казнилась за свой бесцельный и безнадежный бунт против общественной косности. И действительно: никому и ничего она не доказала, только окончательно погубила себя. И папа понимал ее и еще нежнее полюбил ее за ее безысходную муку...

Жизнь в Макарихе была так тяжела и так морально угнетала папу, что, перейдя в пятый класс, папа предпочел поехать летом на кондицию к какому-то деревенскому батюшке готовить двух мальчиков в духовную семинарию, чем есть горький хлеб скряги отчима и только в конце лета, когда его ученики поступили в семинарию, заработав себе на приличный костюм и на мелкие расходы в гимназии, папа приехал проведать мать, братьев и сестер.

Бабушка горько плакала от боли и нежности при свидании с ним и просила у него прощенья за изломанное детство, но ничего изменить не могла.

Теперь она даже была рада, что, отказавшись от законного брака с Кармазиным, сохранила за собой грошовую пенсию, которая была бы у нее отнята со дня ее вторичного брака: на эти гроши одевалась она сама и одевала своих детей. На них же покупала белье и летние костюмы мальчикам. Даже сахар, что-бы сварить им на зиму хоть баночку варенья – благо в Макарихе было столько малины, что никакие мальчуганы не могли опустошить необъятных малинников Даниила Адриановича. Малину подавали там за обедом и ужином; из малины варили морсы и кисели, делали наливки и квасы, с малины пекли пирожки и вареники и все лето до осени не было ей конца.

Даже Данила Адрианович позволял ее истреблять всем и каждому. С переходом в шестой класс папа с радостью заметил, что жизнь в пансионе изменилась: право кулака как-то незаметно отошло на второй план. В темных джунглях внутреннего мира маленьких драчунов и грубиянов забрезжили первые проблески человечности. Появилось чувство дружбы и товарищества. Начали ценить честность и чувство чести. Теперь не Майн Рид и не Фенимор Купер и даже не Жюль Верн, а классики, а за ними – писатели-разночинцы в особенности Белинский, Писарев и Чернышевский, Герцен и Добролюбов стали властителями дум вчерашних сорванцов. Правда, в их разговорной речи все еще не было ласковых вежливых слов и, когда им хотелось похвалить товарища, или выразить ему свое восхищение – у гимназистов не находилось новых слов и они по-прежнему восклицали:

– Вот подлец!

– Вот сволочь!

– Вот свинья!

Только теперь эти слова произносились с новой, восторженной интонацией.

Книги доставали где только могли: у знакомых, у передовых учителей, у родственников, а больше всего – у студентов, приезжавших в Херсон на пасхальные, летние и рождественские каникулы.

Много спорили по поводу прочитанного. И чем дальше, тем больше интересовались запрещенной литературой.

Под влиянием эпохи многие стали отрицать Пушкина и Лермонтова, Тургенева и Гончарова. Зато Щедрин, Омулевский и Чернышевский стали их властители дум и непререкаемыми авторитетами. «Что делать?» И «Шаг за шагом» Омулевского – книги, сказать по совести весьма посредственные в художественном отношении, читались до дыр и лохмотьев. Зато такие мастера, как Тютчев и Фет обдавались невыразимым презрением.

Костюра из отчаянного хулигана и драчуна стал теперь «радикалом и нигилистом», но ... по-прежнему не прочь был кулаком доказывать превосходство своих политических убеждений.

Другими глазами стали теперь смотреть и на педагогов. Если «чиновники от просвещения» типа «человека в футляре» никогда не могли пробудить в сердцах молодежи ни теплоты, ни уважения, то передовые педагоги стали теперь истинными друзьями, учителями и советчиками подрастающего поколения.

Как раз тогда шла война на Балканах «За свободу братьев-славян».

Тогдашняя молодежь восприняла эту войну двойственно. С одной стороны это была война справедливая, освободительная, находившая огромный отклик во всей нашей передовой общественности. Но с другой стороны зарубежная эмигрантская литература отмечала, что победа русского правительства приведет к укреплению монархии, а следовательно – к усилению и без того черной реакции, поэтому одни шли добровольцами на фронт под пули, а другие тревожно и озабоченно покачивали головами, и радость по случаю взятия Плевны и Шипки омрачалась опасением – не принесут ли победы нашего оружия новых горестей русской общественности.

Однако, Сан Стефанский мир был принят всеми восторженно.

Мой папа уже тогда пробовал свои силы в стихах. В ящике его стола давно хранилась заветная тетрадка с его первыми литературными опытами. Мир, и мир такой радостный, победный так потряс его, что он тут же написал горячее восторженное стихотворение. Учитель словесности расхвалил это стихотворение и посоветовал папе послать в газету. И к великой радости юного автора, стихи, через несколько дней появились в печати.

У папы на всю жизнь сохранилась вырезка из этой газеты, но, по свойственной ему скромности, он никогда мне ее не показывал. Только после папиной смерти нашла я ее в его бумагах, но не было на ней никакой пометки, из какой газеты эта вырезка и за какое число. Очевидно газета была Одесская или Херсонская, хотя я не уверена, что в то время в Херсоне выходила какая-либо газета.

Товарищи восторженно приветствовали папу. Учителя хвалили. И только один Костюра презрительно обозвал его стихи ерундою.

Так папа мой, поэт Павел Тулуб, сделал свой первый шаг в литературе. А гимназическая жизнь шла своим чередом: уроки, переменки, расписанный по часам ритм пансионской скуки лишь изредка сменялся каким-нибудь ярким событием, или впечатлением. Гимназистам старших классов иногда удавалось попасть в театр, такой редкий в тогдашней провинции. Иногда случалось побывать и в частном доме на вечеринке, или на каком-нибудь семейном торжестве. Тогда приходилось давать на чай гимназическому швейцару, чтобы он отпирали им ночью дверь пансиона, а главное – не донес начальству о таком нарушении дисциплины, а это обходилось по тогдашним понятиям очень дорого – не менее рубля серебром.

Как первый ученик, папа и зимой давал уроки в часы, когда отпускали учеников на каток, каждое лето попадал куда-нибудь «на кондицию» по рекомендации директора и учителей.

Одно лето ему особенно повезло: папа попал в усадьбу миллионера-помещика Скадовского, который выстроил свой город и порт Скадовск. Папа должен был подготовиться для поступления в гимназию его единственного сына. Мадам Скадовская и ее муж полюбили папу и постарались за лето доставить ему возможность много читать и привили ему некоторый светский лоск, без которого в те времена трудно было обойтись культурному человеку. У Скадовских познакомился он со многими культурными и приличными семьями из так называемого общества и зимой стал у них бывать.

Приглашали его и к директору гимназии, который служил с покойным дедушкой и знал всю семью Тулубов.

Это последнее знакомство привело к забавному происшествию.

Жена «Очевидного Дела» подозревала своего мужа в склонности поухаживать и заводить романы на стороне. Ей захотелось проверить его супружескую верность. Удобный случай вскоре представился: в дворянском собрании готовился огромный бал-маскарад. Зная, что муж ее всегда бывает на маскарадах, мадам Кустовская уговорила папу нарядиться боярышней и поехать на бал. Папа, конечно, согласился. Кустовская достала для него роскошный голубой атласный сарафан, парик с косой, кокошник с фатой, корсет и веер, дала ему надеть свои собственные туфли на высоких каблуках и лайковые перчатки по локоть. Женщина она была большая, грузная и ее туфли пришлось папе как раз по ноге, так как папа, не смотря на свой вышесредний рост имел миниатюрные руки и ноги.

Саша Кустовская нарядилась в черное шелковое домино, которое до неизвестности скрадывало ее рост и фигуру. Поехали в дворянское собрание вместе в наемной карете, и вскоре в бальной зале подбежала к Кустовскому, стоявшему у колонны, молоденькая, боярышня.

– А я тебя прекрасно знаю, – обратилась она к грозному директору. Ты такой милый! Люблю следить за тобой незаметно, лепетала она, кокетливо обмахиваясь веером. – Ты давно мне нравишься.

– Что ты! Что ты, маска! Я уж старик, а ты, очевидное дело, совсем еще юная боярышня, – заулыбался польщенный ловелас.

– Я очень рад познакомиться, но мне, очевидное дело, просто неловко...

– И совсем не неловко! В маскараде все можно. Без маски я и не осмелилась бы признаться, что ты мне нравишься, – шаловливо болтала боярышня. – Маска разрешает человеку говорить правду в глаза.

Завязался кокетливо-шутливый разговор. Кустовский сначала притворно конфузился и улыбался, а маска говорила, что она недавно в Херсоне, почти никого здесь не знает, живет недалеко от мужской гимназии и поэтому каждый день видит его из окна своей комнаты.

Медленно прохаживались они по бальному залу, продолжая оживленно беседовать. Заиграли мазурку. Вспомнив молодость, директор прошелся по залу со своей дамой, лихо притопывая и щелкая каблуками, а черное домино неотступно следило за ним ревнивыми глазами.

После мазурки прошли в буфет. Директор стал угощать свою «даму» мороженым и лимонадом с пирожными. Боярышня оказалась необыкновенно прожорливой:

в один присест одолела она четыре порции мороженого и с полдюжата пирожных, но заинтригованный директор ничего не замечал. А беседа становилась все игривее, все оживленнее. Маска то поражала его разными подробностями его жизни, то остроумно шутила. И вот они уже вдвоем в одной из отдаленных гостиных клуба, на диване под огромной пальмой.

– Сними маску, – умолял свою даму директор. – Сними! Я хочу видеть твое, очевидное дело, прелестное личико.

И протянул руку к маске. Дама ловко разыграла смущение.

– Что ты! Что ты! Еще слишком рано! В двенадцать часов, в Золушкин час, все снимут маски. Сниму и я...

– ... и мы поедем с тобой на тройке кататься, а потом в ресторан, шептал в испуге Кустовский.

И вдруг стал бешено целовать отбивающуюся боярышню.

– Что ты делаешь, сумасшедший!... Могут войти!... И потом я совсем растрепалась. Я должна причесаться, заколоть волосы, вырвался наконец папа из его медвежьих объятий. – Посиди тут! Я сейчас!

И бросился в дамскую комнату, где поджидало его молчаливое черное домино. Бегом спустились они в вестибюль, оделись и умчались из клуба.

В квартире директора папа переоделся и в своей гимназической форме пробрался в пансион.

Долго не мог он заснуть в эту ночь. Хохот душил его, вспоминая, как директор целовал ему руки и живо рисуя себе сцену, которая должна была разыграться между легкомысленным директором и его ревнивой супругой по возвращении его домой. Директорша не выдала своего сообщника, а папа долго должен был делать нечеловеческие усилия, чтобы не расхохотаться и со спокойно-почтительным видом отвечать «Очевидному Делу» урок...

Тем временем в Макарихе произошли важные перемены. На второй год пребывания в деревне, бабушка почувствовала себя матерью, и когда папа приехал повидаться с нею, Даниил Адрианович увел папу в сад и стал просить повлиять на бабушку, чтобы хотя бы ради будущего малыша она согласилась обвенчаться с ним. Но роль посредника между бабушкой и Даниилом Адриановичем не привела ни к каким результатам. Бабушка то плакала, то в бешеных вспышках отчаяния и гнева отказывалась от всех доводов и попыток урезонить ее.

– Поздно, – повторяла она. – Пусть он теперь страдает за своего ребенка, а с меня хватит! Пусть мучится за то, что искалечил вам детство и юность, лишил теплого семейного очага, а во мне убил веру в людей.

И вот появилось в доме крохотное существо, для которого ни в чем не было отказа и над которым одинаково дрожала и бабушка, и желчный сухарь Даниил Адрианович. Кармазин тотчас усыновил сына и окружил его самым трогательным уходом.

А мальчик был изумительно красив. У него были пышные, черные, чуть волнистые волосы и темно синие бабушкины глаза в черных бровях и ресницах. Стройный, тонкий и изящный, он, не в пример отцу, рос с необыкновенно нежной, впечатлительной и чуткой душой. И не раз, говоря о нем, папа называл его Золотой арфой.

Рано заметил маленький Женя, что братья и сестры не получают того, что дают ему без просьб и усилий. С какой-то недетской прозорливостью понял он, что обойдены и унижены его сухим и желчным отцом.

– Женя, хочешь шоколадку? – спрашивал его после обеда Даниил Адрианович.

– Конечно, папочка, мы все хотим шоколадку, – отвечал он и, прижимаясь к отцовскому плечу, добавлял: – Дай эту шоколадку Манечке, а эту Люде: она любит с кремом, а эти, с орешками, – Сереже и Саше.

И даже скряга Даниил Адрианович не смел тогда сказать, что ему жаль для пасынков шоколадку...

Летом, когда все съезжались на каникулы, старшие братья наперерыв ласкали малыша: Поль и Коля по братски полюбили его, заблаговременно жалея его и предчувствуя, что не легко ему будет в жизни из-за ложного положения в обществе. Сережа – старался его не замечать: не то что не любил Женю, но не мог болезненно не ощущать неравенство в их положении. А Саша отворачивался от «любимчика-херувимчика» и откровенно ненавидел его. А девочки по молодости лет ничего не понимали и играли с малышом, образуя как бы отдельную младшую группу.

По отношению к Жене бабушка никогда не применяла никаких телесных наказаний. Да и времена изменились, а с ними и понятия о воспитании детей. И сама бабушка стала с годами, мягче, терпимее, сломленная одиночеством Макарихской жизни, она не могла быть суровой с сыном своего страдания; и вся ее нежность и скорбная материнская радость – лилась на этого последнего сына. И даже в скрипучей и сухой душе Кармазина зазвенели какие-то новые, неведомые ему струны.

Последние два года гимназической жизни промелькнули для папы ровно и незаметно. По всем предметам продолжал он быть первым учеником. Вместо сухого и требовательного математика, который преподавал им в средних классах с 7-го класса появился у них новый мягкий и нетребовательный преподаватель Григорий Захарович Соколовский.

Математика давалась папе труднее других предметов и Соколовский, вместо того, чтобы подтянуть его, понимая, что большинство писателей и поэтов по самой природе своей чужды сухой и отвлеченной математике. Для них она неизбежное зло, с которым они навеки кончат в день получения аттестата зрелости.

Такое отношение Григория Захаровича было папе приятно: можно было иной раз не сделать домашней работы, не выучить урока, или писать на уроке стихи. Но на выпускных экзаменах это обернулось против папы: попалась трудная задача как раз по тому разделу, который знал он хуже других – и в его аттестате появилась единственная тройка, лишившая его золотой медали.

Распрощавшись в 1882 году с гимназией, папа снова поехал летом на кондацию, чтобы добыть денег для переезда в Киев и поступления в университет, но в августе, по обыкновению, побывал в Макарихе. На заработанные деньги купил он себе первый приличный костюм, теплое зимнее пальто и кое-какие мелочи. Бабушка всеми правдами и неправдами раздобыла ему две смены белья, заготовила топленого масла, варенья и еще каких-то продуктов. И даже Даниил Адрианович раскошелился и подарил папе 25 рублей...

В университет в те времена принимали без вступительных экзаменов – по конкурсу аттестатов. Папа поступил на юридический факультет Киевского Университета «Св. Владимира», где некогда учился и дедушка. С 13 рублями в кармане приехал папа в Киев и стал устраиваться.

Чтобы как-то просуществовать, большинство студентов давали частные уроки, занималось перепиской, издавало лекции, или работало секретарями у адвокатов, или в торговых фирмах. Для приискания работы печатали в газетах объявления и просили знакомых рекомендовать их всем, кому нужен интеллигентный труд. Пришлось и папе искать работы.

Для экономии папа решил нанять комнату вдвоем с одним из херсонских товарищей, обедать стал в студенческой столовой, где за 15-20 копеек можно было получить миску мясного борща и пару котлет с тарелкой гречневой каши. Утром он пил чай с сахаром, или с вареньем, пока оно не вышло, с белой булкой и четвертью фунта чайной колбасы, которая в те времена продавалась по 20 копеек за фунт (400 грамм).

Дешевы были в Киеве и фрукты: папа не раз рассказывал, что копа (60 штук слив) стоил 3 копейки, а арбуз – пятачок. Правда в Херсоне арбузы стоили еще дешевле, воз арбузов продавали за рубль, а один большой арбуз шел в розницу за три копейки, но и в Киеве они были доступны даже «бедным студентам». Вечером папа снова пил чай с булкой и колбасой, но чаще шел к знакомым, где обычно обильно угощали не только чаем, но и сытным ужином. А знакомых сразу набралось порядочно, потому что бабушка дала сыну письма ко всем своим бывшим киевским друзьям.

Бывал он у Перримонтов, родственников первой дедушкиной жены.

В Киевской второй мужской гимназии учился тогда папин младший брат Саша. Первое время, пока с деньгами было очень туго, папа не брал его к себе на воскресный отпуск, но зато аккуратно навещал брата в пансионе и всегда приносил ему что-нибудь вкусное: пару пирожных, или плитку шоколада за пятачок, или несколько двухкопеечных сдобных булочек. Сам бывший пансионер, он знал, как дорого гимназисту это посещение близких...

В университете вплоть до 1905 года была еще курсовая система, то есть в конце учебного года надо было сдать все предметы за прослушанный курс, чтобы быть допущенным к слушанию предметов следующего курса. Посещение лекций хотя и считалось обязательным, но не контролировалось, что значительно облегчало студентам возможность подрабатывать. Формы не было. Высшим шиком прогрессивных студентов было носить на плечах плед, широкополую шляпу, дубинку в руках, да еще и суковатую, а вместо пиджака косоворотку. Волосы тоже не стригли, так что за год они отрастали и падали на плечи, как у священников. Брились тоже далеко не все. Папа тоже запустил себе бороду, но волосы все же подстригал аккуратно. В общем, тогдашние студенты представляли собой довольно колоритные и довольно страховидные фигуры вроде разбойников, как их изображают в детских сказках.

Были в Киеве и высшие женские курсы с историко-филологическим, физико-математическим и медицинскими факультетами. Был ли факультет биологический, или, как тогда называли его, естественный – не знаю. Многие курсистки тоже создали свой стиль одежды: носили очки, даже если зрение было у них хорошее, косоворотки,

стригли волосы по мужски и вместо шляп, носили мужские фетровые шляпы с полями, курили – вообще старались в свое наружности убить все женственное и изящное, а поэтому поделом были объектами многочисленных карикатур и юмористических журналов. Остальные девушки из приличного общества обходили курсисток с презрительной гримасой, но студентов, даже самых карикатурных в своей погоне за внешними признаками радикализма – в домах принимали с распростертыми объятиями, понимая, что с получением диплома, у огромного большинства все эти левацкие замашки сами собой отпадут и останется от вчерашнего студента с дубинкой и поповскими волосами просто обыкновенный молодой человек с университетским дипломом, пред которым открыты все пути.

Даже мамы семейств терпели все чудачества тогдашних студентов, видя в них подходящих молодых людей, за которых можно «пристроить» засидевшихся в девицах дочерей...

Да, стыдно в этом признаться, но до революции главная масса интеллигентных девушек мечтала о замужестве, как о профессии... Только очень немногие из нас считали своим долгом стать в жизни общественно-полезным элементом, то есть где-нибудь служить, или работать.

Время было в начале 80-х годов тревожное. По всем университетам России прокатилась волна студенческих беспорядков, демонстраций, протестов и забастовок, связанных с общим усилением реакции, с постоянными покушениями террористов на Александра Второго.

В первый год пребывания папы в университете начались беспорядки и в Киеве.

В назначенный день толпы студентов запрудили аудитории и коридоры университета. Смешались все курсы и факультеты. В аудиториях произносились зажигательные речи, ораторы призывали к протесту против реакции и казней всю честную прогрессивную молодежь. Наконец толпы так сгустились, что ни у одной аудитории яблоку негде было упасть. Курсистки, гимназисты старших классов, и даже студенты Духовной академии заполнили университет до отказа и вдруг стихийно ринулись изо всех этажей и коридоров в актовый зал. Тут произошел общий митинг, или, как тогда говорили по русски – сходка.

Откуда-то появились красные флаги, лозунги. Когда атмосфера накалилась, студенчество ринулось на улицу и с пеньем марсельезы двинулось с красными флагами вдоль Большой Владимирской улицы к оперному театру.

Ректор послал спешное донесение генерал-губернатору и командующему войскам, прося инструкций. Реакционная профессура попряталась, и лишь немногие прогрессивные профессора и доценты – примкнули к учащейся молодежи.

По дороге студенты становились на тротуарные тумбы и произносили короткие, но бьющие по нервам горячие речи, или выкрикивали отдельные лозунги. Как вдруг цепь казаков и конной полиции перерезала путь. Офицеры и полицейские пристава двинулись навстречу толпе. Но толпа была слишком наэлектризована. Первые ряды ее грудью надвинулись на серебристо-серые шинели приставов и офицеров. Папа был в первых рядах. Один из приставов врезался в толпу:

– РРазойдись!!! – рявкнул он пьяным хриплым голосом.

И грязное ругательство хлестнуло воздух, как бич. У папы потемнело в глазах от возмущения. Он размахнулся и со всей силы ударил пристава палкой по голове. Пристав без сознания свалился на землю. Несколько полицейских бросилось к нему, а толпа, разомкнувшись, мигом отодвинула папу назад и снова сомкнулась пред ним. Папа, тяжело дыша, остановился. Надо было что-то предпринять, но что он не знал. Свистели нагайки казаков. Кто-то сорвал с папиных плеч приметный зеленый плед, ловко перевернул его левой коричневой стороной и набросил ему на плечи.

– Бегите, товарищ! – шептали вокруг.

И снова толпа заслонила его от полиции, давая возможность скрыться.

Казаки уже врезались в толпу. Били направо и налево ногами шашек и нагайками. Многих тут же хватали и крутили им руки за спину. Дрогнула толпа. Одни пятились к тротуарам, другие в ужасе разбегались. Офицер выстрелил в воздух и дал команду стрелять. Залп в воздух. Началась паника. Каждый мчался куда глаза глядят от казачьих нагаек и бешено вздыбленных коней...

Отдыхался папа только у себя на квартире, где-то на Жилианской улице.

Многих его товарищей арестовали и выслали без суда и следствия, в порядке административного произвола. Папа уцелел просто чудом: видно много было в среде студенческой молодежи порядочных людей, что никто не выдал его не допросе. Было это, если не ошибаюсь в 1883 году.

Когда папа перешел на второй курс, приехал в Киев дядя Коля и поступил на медицинский факультет. Братья поселились вместе и папе пришлось первое время содержать дядю Колю, который долго не мог найти уроков, или другой подходящей работы. Да и трудно было медику учиться и зарабатывать себе на жизнь, потому что занятия в анатомическом театре надо было посещать аккуратно и проводить в нем по много часов кряду. К тому же дядя Коля не умел учиться, ограничиваясь пределами курсовой программы. По каждому предмету он покупал или доставал десятки книг и изучал его, как будто собирался посвятить ему всю жизнь.

Целый день проводил он на лекциях и в анатомичке, вечером бегал искать работы. А читал и учился всю ночь напролет. Спал он не более 2-х часов в сутки. Два года такой напряженной работы провели к тому, что он заболел тяжелым нервным переутомлением и, проболев целый год, принужден был бросить медицину и перейти на более легкий юридический факультет.

Когда третий брат папы Сережа приехал в Киев и тоже поступил на медицинский, папа решил, что выгоднее нанять целую квартиру. Наняли они за 22 рубля квартиру из 4 комнат. Дворничиха взялась ее убирать. Две комнаты занимали папа с братьями, а две уступили товарищам, так и жили они студенческой коммуной и жилье обходилось каждому из них всего по 3 рубля в месяц. Столовались в студенческих столовых, сами пилили и кололи себе дрова, сами топили печи и ставили самовар. По воскресеньям приходил к ним Саша из пансиона.

Конечно, на папу, как на старшего, падала львиная доля расходов. Он иногда приходил в отчаяние от невозможности найти работу, свести концы с концами и вместе с тем не забрасывал учебы, переходить с курса на курс. Ведь, надо было и одеваться,

и питаться, и платить за нравоучение, хотя стоило оно немного – всего 45 рублей в год. Но и эти деньги надо было где-то заработать.

Стихов писал он все больше, все лучше. Стал печататься в Киевских газетах, а затем дебютировал в «Неделе» Гайдебурова. Об этом, между прочим, рассказал мне не папа, а Максим Горький, который тоже начал свою литературную карьеру в те времена и тоже в той же «Неделе» Гайдебурова. И папа подтвердил мне, что так оно и было на самом деле.

Очутившись в большом городе, папа, конечно, стал увлекаться театром. Как-то он познакомился на студенческом вечере со знаменитым опереточным артистом Блюменталь-Тамариным, который стал заказывать папе куплеты.

Куплеты оплачивались в те времена куда лучше, чем сотрудничество в газетах, где платили за строчку стихов сначала по 5 копеек, а потом по гривеннику. Блюменталь-Тамарин предложил папе по рублю за строку и каждые две недели, а иногда и чаще, надо было давать ему все новый и новый злободневный материал. Конечно, Блюменталь преподносил куплеты публике, не называя имени автора и выходило так, что он и автор их, и исполнитель. Но папа и не думал спорить. Во-первых, он строго разграничивал настоящую художественную лирику, от злободневных куплетов, которыми не дорожил, а во-вторых это совпало с тяжелой болезнью дяди Коли, которого с большим трудом и после долгих хождений по медицинским светилам удалось устроить в университетскую клинику на стационарное лечение. А до этого каждый визит к знаменитости обходился ему, бедному студенту, целых по пяти рублей серебром. О, как проклинал папа эту непосильно-дорогую таксу всех медицинских светил!.. И когда Блюменталь заказал ему что-нибудь новенькое он с истинным наслаждением написал на эту тему куплеты, которые пользовались огромным успехом и назывались «Запятая».

К сожалению, я их не запомнила, но в памяти моей сохранились только такие строки:

Так значит – болеть не опасно:
Вас вылечат тотчас прекрасно.
Но...чтоб к Эскулапам пройти –
Пять рубликов надо внести.
Кондиция, такса такая...
Вот тут-то и есть запятая.

Эту – «запятую» вскоре распевал весь Киев. Доволен был и Блюменталь и требовал новых куплетов о работе городской управы, и каждый из них заканчивался тем же рефреном: «Вот тут-то и есть запятая».

Помимо денежного гонорара, Блюменталь щедро снабжал папу контрамарками, поэтому братья Тулубы могли часто бывать в театре, где чередовались оперы и оперетты. Это было большим плюсом в их бюджете, потому что театр был мало доступен студенчеству. Первые ряды стоили по 3 рубля, места в балконах – рубля по два-полтора. На галерке было, конечно, дешево, но тесно, душно и плохо видно, да и там первый ряд стоил копеек по 30-40.

Брал папа и газетную корректуру. Для этого приходилось сидеть в типографии по ночам с метранпажем и выпускающим. Приходилось ему переводить на русский и иностранные телеграммы. В общем, не брезговал он никакой работой.

И в эти студенческие годы столкнула его судьба с Аароном Моисеевичем Когеном. Это был внук владельца знаменитой гильзовой табачной фабрики «Соломен Коген». Основатель фирмы успел умереть и всеми делами фирмы заправляла мать Аарона, старая, опытная в делах коммерсанта.

Семья караимов Когенов была очень богата.

Аарон был еще совсем молод, но уже славился, как большой мот и сибарит. Он любил кутежи, роскошные выезды, женщин. Окружал себя актрисами и шикарными кокетками, волочился и за светскими женщинами, которые не прочь были завязать интрижку с таким богачом, чтобы заполучить у него бриллианты, или покрыть долги портнихам и ювелирам. И тогда забывали, что Коген не из их круга и даже не русский, а караим...

Где и когда познакомился с ним папа – не знаю. Скорее всего за кулисами оперетты, бывая у Блюменталья, Аарон стал настойчиво приглашать папу на свои рауты, кутежи и пикники, льстя ему как поэту и представляя его всем как друга и будущую литературную знаменитость.

Вскоре Коген признался папе, что страстно мечтал стать поэтом, но природа лишила его малейших признаков поэтического дарования. Он показал папе какие-то стишки весьма посредственного качества, прося высказать о них свое мнение. Папа честно и прямо раскритиковал их. Тогда Аарон признался, что это не его литературная стряпня, а стихи, написанные ему по заказу, и предложил папе такую сделку, которая среди писателей называется «белым рабством»: то есть писать стихи и продавать их навеки, чтобы автором их считался не «белый раб», а тот, кто их покупает.

Сначала папа наотрез отказался. Но момент был очень тяжелый: в театре кончался сезон, Блюменталь Тамарин уехал куда-то до следующей осени, дядя Коля лежал в больнице, у Сережи не было никаких заработков, да и занятия на медицинском поглощали все его время и силы... Папа попробовал посоветоваться с Сережей и Сашей, Сережа деликатно отказался советовать, а дядя Саша начал упорно уговаривать папу согласиться. Не любил и не ценил он творческого труда и протянул старшему брату руку помощи... И слабая от природы папина воля не долго сопротивлялась искушению.

Правда папа оговорился, что все наиболее ценное будет оставлять себе, а Когену отдавать все литературно-грамотное, но менее близкое его душе, или же написанное по заданию самого Аарона, например посвящения его дамам сердца. Видя и понимая, что папа настоящий поэт, который иначе ускользнет от соблазна, Коген на это согласился и для начала дал папе вперед сто рублей, деньги по тем временам колоссальные.

Так родился псевдо-поэт Аарон Коген, не написавший за свою жизнь ни одной строчки. Однако, он всюду выдавал себя за поэта и обманом пользовался именем поэта в глазах молодежи и женщин, склонных благоговеть перед всяким талантом.

Чтобы папе было труднее порвать эту проклятую цепь, Коген всюду появлялся вместе с папой, говорил, что, как поэты, они связаны тесною дружбой, а сам старался втянуть папу в рассеянную жизнь золотой молодежи и резвившихся буржуазных сынков. Они катались на рысаках, бывали в кабаре и кафешантанах, на балах и в ресторанах.

Но папу тянуло к другому: ему хотелось почаще бывать в драме, в концертах, на симфонических собраниях и лидер-абендах, и вскоре он прямо заявил Когену, что вся пошлятина большого города, и мелких театров ему надоели и что недостойно поэтов обходить серьезное искусство стороной. И вот, чтоб поддержать марку поэта, Коген выписал несколько толстых журналов, стал покупать книги и бывать с папой в драме, где царил в те времена Островский, вообще следовать советам папы.

Но все это была только видимость культуры: Коген книг и журналов не читал, а только просматривал, а всю полученную литературу отдавал папе. Папа, конечно, обрадовался. Ему нужно быть в курсе всех новинок, всех веяний и течений современности и Коген помог ему в этом. Но эта же возможность все читать и видеть стала с другой стороны приманкой, которая мешала папе сознавать, что вся эта «Когеновщина» не что иное, как покупка паразитом-капиталистом живой творящей человеческой души...

А Коген был хитер: когда накопилось с полсотни закупленных стихотворений, Коген поспешил издать их отдельной книжкой в роскошном оформлении и разослав ее по всем крупным и некрупным газетам и журналам «для отзывов», и этим самым парализовал со стороны папы возможность бунта против этой недостойной продажи его души...

Затеял Коген и издание газеты, где, параллельно с купленными им стихами за подписью А. Коген, появлялись и папины собственные стихи за подписью Павел Тулуб.

Так стал папа «поэтом в двух ипостасях», как горько выразился он впоследствии, когда я выросла и узнала о Когеновщине. Там же, в той же газете, помещал папа и очерки и фельетоны, вел корректуру, – вообще стал постоянным редакционным работником «за все». Но за эту работу платили ему гроши, поэтому обойтись без «Когеновщины» он не мог и этой разницей тарифов Коген связывал его по рукам и ногам.

Папины братья не старались спасти его от этой гнусной душевной кабалы. Наоборот. Саша требовал от брата все больше и больше помощи. И учебники, и театр, и сладости и папиросы приходилось папе оплачивать из этой Когеновщины, даже шить ему костюмы, потому что на Сашину фигуру с его торчащей лопаткой и кривым плечом нельзя было достать ничего готового, а Сережа с головой ушел в медицину, обещая быть выдающимся врачом, так что папа фактически содержал всю семью. И ни у кого никогда не мелькнула мысль, что их долг прекратить это подлое издевательство над старшим братом пресыщенного обнаглевшего и не знающего, куда девать деньги буржуйчика. И если папе удавалось написать хорошее стихотворение и он нес его в редакцию от своего имени – они даже злились, что он отказывается от жирного гонорара во имя жалких грошей.

Дядя Коля, как я уже говорила, долго болел. Провалившись в постели целый год, он и на следующий год не мог работать по настоящему и по два года сидел на каждом курсе юридического факультета, потому что и теперь, по своему обыкновению, не мог ограничиваться изучением того, что требовал профессор для сдачи экзамена, а углублялся в каждый предмет, переутомляя свои подорванные силы. Коген и его завлек в свои сети и дядя Коля стал тоже его белым рабом и писал для него юридические и научные статьи для газеты, которые тоже появлялись за подписью Аарон Коген. К счастью, дядя Коля только в студенческие годы был связан с Когеном и, став наконец адвокатом, порвал с ним окончательно и бесповоротно.

Под влиянием театра и новых книг в душе папы шла невольная и глубокая переоценка ценностей. На смену суровому пуританизму критиков-публицистов Писарева, Чернышевского и Добролюбова, в тогдашней литературе стали появляться новые течения и веяния: Тургенев стал склоняться к нарождающемуся символизму и мистицизму и дал такие вещи, как «Клара Милич», «Стук... Стук» и «Призраки». Поэтому вместо крестьянской тематики Некрасова увлеклись пейзажем и тончайшими оттенками переживаний, или, подобно Майкову, солнечной Италией и античным миром. Но подлинным властителем дум молодежи, а за ней и всей читающей и мыслящей России стал поэт Семен Яковлевич Надсон.

На почве поэзии завязалась у него с папой оживленная переписка. Надсон прислал папе свою фотографию с сердечной надписью, которая долгие годы стояла у папы в рамке на письменном столе.

Надсон болел туберкулезом. Он тоже нуждался и не раз Литературный фонд устраивал в его пользу концерты и литературные вечера, чтобы добыть средства и дать ему возможность лечиться в Ницце и Ментоне, или просто хорошо питаться и существовать в одном из городов России. Устроили такой вечер и в Киеве и тут-то папа лично познакомился с Надсоном.

В то время познакомилась с Надсоном в С.Петербурге богатая помещица и очень образованная и культурная дама Юлия Степановна Пашенко.

Юлия Степановна благоговела перед талантами. В доме ее бывал Рубинштейн, Чайковский, Гончаров, Гарин, Полонский и Майков, лучшие профессора и ученые Петербурга. Узнав со стороны о тяжелой болезни и не менее тяжелом материальном положении Надсона, она пригласила его в свое имение Носковцы на Украину и для того, чтобы Надсон имел в ее доме постоянную медицинскую помощь, пригласила на постоянную службу молодого, но уже опытного петербургского врача-легочника.

Надсон с благодарностью принял приглашение Юлии Степановны и приехал в Носковцы с расчетом пожить там не один месяц, а – может быть – целый год. Приехал он не один: с ним приехала его поклонница г-жа Ватсон, которая ради больного поэта оставила мужа и детей и не один год ездила с ним по курортам и городам, имениям и дачам, ухаживая за ним, как сиделка и медсестра, когда ему бывало плохо.

Пашенко постаралась окружить поэта всеми удобствами и даже роскошью усадебной жизни. Поэту отвели две отдельных комнаты – спальню и рабочий кабинет, где мог он и работать, и думать, и читать, или просто отдыхать на диване, или в качалке в любое время дня и ночи. Отвели отдельную комнату и его неизменной спутнице, г-же Ватсон.

Стол там был великолепный. В зале стоял рояль, были скрипки и даже арфа. Часто наезжали знакомые и соседи Юлии Степановны. Бывали музыканты, ездившие в турне и по пути навещавшие ее в гостеприимных Носковцах. Доктор же, приглашенный ради Надсона, получал ни много ни мало 200 рублей в месяц жалования на полном пансионе и тоже имел совершенно отдельную комнату, да еще мог свободно заниматься практикой среди крестьян и соседей помещиков.

Из бесед с Надсоном Юлия Степановна узнала, что Надсон переписывается с киевским студентом-юристом Тулубом, уже зарекомендовавшем себя в литературе,

как талантливый молодой поэт. Этого было достаточно, чтобы Юлия Степановна села в поезд и прикатила в Киев.

И вот к невзрачному дому на Жиланской улице, где жили студенты братья Тулубы, вместе с Сергеем Бердяевым и кончающим медиком-дипломантом Мацiovичем Модестовым, подкатила роскошная карета с ливрейным лакеем и шикарная светская дама переступила их скромный порог.

Назвав себя, Юлия Степановна сделала вид, что не замечает ни бедности ни беспорядка холостяцкой квартиры, ни почти нищенской ее обстановки из трехрублевых железных кроватей с соломенными тюфяками и некрашенных кухонных столов и любезно пригласила папу приехать к ней в имение погостить и не только на приближающиеся зимние каникулы, а вообще пожить у нее в деревне, отдохнуть от занятий, и, чего она из деликатности не договорила, от бедности и вечных поисков работы.

Непринужденно и приветливо расспрашивала она папу об его стихах, попросила кое-что прочесть ей вслух. Стихи ей понравились и она снова с любезной улыбкой стала упрашивать смущенного папу, говоря, что надо помочь Надсону коротать долгую деревенскую зиму в обществе молодого и тоже талантливого поэта, потому что Надсон гостит у нее уж давно и местное общество успело ему наскучить. Все это было так соблазнительно, что папа после некоторого колебания принял ее приглашение.

В тот день вечером должна была быть в Киевской опере премьера оперы Чайковского «Евгений Онегин». Вспомнив об этом, Юлия Степановна попросила папу достать ей билет в партер и не отказать в любезности сопроводить ее на премьеру. Папа, конечно, пообещал достать билет и сказал, что сочтет своим долгом зайти за ней в гостиницу, но, когда Юлия Степановна уехала – он пришел в отчаяние: билеты в первых рядах да еще на премьеру в бенефис Тартакова стоили в первых рядах рубля по три-четыре, а в кармане у него было всего три рубля. Пришлось снести букинисту прошлогодний курс какого-то профессора и парочку любимых книг – и в седьмом часу папа был у Юлии Степановны с билетами и двумя рублями в кармане на непредвиденные расходы.

В опере до тех пор папа бывал сравнительно редко и чаще попадал на итальянские оперы Россини, Верди и Леонковалло, поэтому русскую музыку знал мало и не мог вполне освоиться с ее творческими приемами и стилем.

Впечатление от премьеры было огромное. Быть может, в этот вечер папа впервые задумал свою поэму о Пушкине и Чайковском, которую он напечатал года два-три спустя и на которую Чайковский отозвался любезным письмом с благодарностью за посвящение.

На другой день надо было собираться в дорогу.

На этот раз Юлия Степановна с большой чуткостью предупредила папу, что билеты на поезд уже взяты и чтобы он не заботился ни о каких расходах, потому что она все берет на себя.

На третий день поздно вечером приехали они в Носковцы.

Надсон уже спал. Только на другой день утром узнал он о сюрпризе, который преподнесла ему Юлия Степановна, привезя специально для него симпатичного и интересного собеседника и к тому же поэта.

Папа прогостил в Носковцах два месяца с лишним и шутя подготовился там к экзаменам. О пребывании своем в Носковцах, о знакомстве с Надсоном и всех полученных там впечатлений папа подробно написал в своих воспоминаниях о Надсоне, напечатанных в журнале «Путь» приблизительно в 1911 или 1912 году в связи с 25-летием со дня смерти поэта.

Издавал этот «Путь» Иван Алексеевич Белоусов, папин друг и поэт в Москве. Белоусов известен, как первый переводчик Тараса Шевченко на русский язык. Умер он уже после Октябрьской революции, приблизительно в 1930-33 году.

Папа часто рассказывал мне о своем пребывании в Носковцах. Не стану повторять здесь всех его рассказов, кроме одного эпизода, о котором папа не мог никогда говорить спокойно.

На рождество в Носковцах устроили для крестьянских детей роскошную елку. Огромный зал был полон гостей и крестьянских ребятишек. Гремела музыка. Вдруг Надсон куда-то исчез. По просьбе Юлии Степановны, папа пошел его разыскать и в одной из гостиных увидел Надсона, горько рыдающего в углу дивана.

– В последний раз! В последний раз! – повторял поэт, содрогаясь от рыданий.

Он понимал, что дни его сочтены и что до следующего рождества не суждено ему дожить.

В Носковцах между папой и Надсоном завязались теплые, задушевные отношения. Надсон иногда капризничал, как всякий тяжело больной, но доброе сердце поэта и спокойная размеренная жизнь, исключительный уход и питание хорошо влияли на его самочувствие, и порою казалось, что смертельный недуг вот-вот уступит лечению.

Все это внезапно оборвалось.

Надсону как-то показалось, что Юлия Степановна начинает заигрывать с доктором, специально приглашенным в семью ради больного поэта. А поэт был очень строгих, сурово-пуританских понятий о чистоте семейных нравов и был возмущен самой возможностью флирта между врачом и хозяйкой дома. Ведь у Юлии Степановны был муж, человек мягкий, вялый и мало заметный, но муж. Был и подросток – сын, Стива, которого Надсон очень любил.

И, забыв все, что Юлия Степановна для него сделала, Надсон разразился за обедом, в присутствии всего общества, едкою эпиграммой и не менее оскорбительной карикатурой, на которой Юлия Степановна была изображена в виде растрепанной ведьмы на помеле в объятиях черта, удивительно напоминающего доктора...

Это было дерзко, и прямо грубо по отношению к хозяйке дома, к женщине. Юлия Степановна молча встала из-за стола и ушла в свою комнату. Но Надсон не понял своей бестактности. Мало этого он заявил, что не желает быть ширмой для чужого разврата и приказал своей поклоннице укладывать вещи.

– Ноги моей не будет в доме, где хозяйка, мать семьи, способна заводить шашни, – сурово и прямолинейно заявил он.

– И помните, – резко добавил он, обращаясь к своей спутнице, – что когда я умру и вы будете писать мой некролог, или воспоминания обо мне, чтобы имени этой женщины не упоминалось рядом со мною, точно ее никогда не существовало на свете.

И ограниченная, но рабски преданная ему обожательница М.В. Ватсон сдержала слово: после смерти Надсона ей действительно заказали биографию поэта для полного собрания сочинений, издаваемого Литературным фондом. Любовно и тщательно собрала она все, что смогла, для составления этой биографии, но имени Юлии Степановны Пащенко в этой биографии не упоминалось, хотя Надсон прожил в Носковцах не менее полугода.

Благодаря болезни дяди Коли и обострившейся нужде в заработках, папа два года просидел на втором курсе, но на третьем курсе пребывания в Носковцах дало ему возможность заблаговременно подготовиться к весенним экзаменам и летом 1886 года, перейдя на четвертый и последний курс, отдохнуть и, вместо кондиции, съездить погостить в Речицу к своему приятелю доктору Мацивичу.

Доктор Мацивич уж два года жил в Речице. Он успел окончить в Киеве медицинский факультет, когда папа был на втором курсе. Но, будучи студентом, он целый год прожил в одной квартире с братьями Тулубами и поэтому считался папиным другом. В Речице, где он устроился неплохо – врачом интерном в тамошней больнице и усиленно приглашал папу приехать, вспомнить студенчество.

С легким сердцем и не менее легким чемоданом и кошельком сел папа на пароход «Ярослав», делавший рейсы между Киевом и Лоевым, и на этом пароходе впервые встретился с моей мамой, Елизаветой Васильевной Королько.

Целых два дня провели они вместе на борту «Ярослава». Мама произвела на папу глубокое и неизгладимое впечатление. По приезду в Речицу, папа написал своей матери в Макариху письмо. Отношения его с бабушкой были настолько искренние и душевные, что сын просто рассказал ей о своей встрече, подробно описал свою спутницу и добавил, что эта встреча окажет на его судьбу решающее значение.

И так оно и случилось. Душа его вспыхнула новым неведомым и непреодолимым огнем поэтического восторга. И вскоре в одном из журналов появилось его прелестное стихотворение, на которое композитор Заремба написал романс, долго исполнявшийся на концертах и вечерах с немалым успехом. Жаль мне, что не помню я его начала, но были там такие чудесные строки:

Она не блещет красотой...
Она, как лилия, чиста
И дышут свежестью лесною
Ее невинные уста.

И ей одной мои волненья,
Мои все думы и мечты
И молодого вдохновенья
Восторги, гимны и цветы.

Это стихотворение не показал он ни братьям, ни товарищам, но зато послал матери и получил от нее нежный и чуткий ответ.

Из дремучих лесов и топей Белоруссии происходил древний, знатный род моей мамы.

Во время гражданской войны, когда мамин единственный брат прислал им на хранение формальные бумаги, узнала я, что род Корниц Королько был «до соединения Литвы с Польшей зело знатный» и был так богат, что для обороны города Могилева на Днепре, вокруг которого были земли рода Корниц-Корольковичей во времена Иоанна Грозного мамыны предки вместе с Радзивиллами, Волковичами и Цехановичами выставили своим коштом конные полки, артиллерию и воинов пешего строя, и отбил нападение Московской рати под начальством воеводы боярина Шеина, заработала городу Могилеву городской герб, изображающий воина, стоящего на золотом фоне под аркою «градской браны» (городских ворот) с обнаженным мечом в руке, а свой собственный герб «Корниц» расцветили шестью знаменами и другими эмблемами, символом своих побед.

В геральдике я ничего не смыслю, но Алексей Михайлович Королько, представитель другой ветви их рода, долго копался в архивах департамента геральдики и нашел там документы о том, что в Литве род их был княжеский, но Речь Посполита лишила литовскую знать княжеских титулов и впоследствии восстановила в княжеском достоинстве только два литовских рода – Гедройцев и Радзивиллов – за особые услуги короне.

В XVIII веке, после раздела Польши между Австрией, Германией и Россией польско-литовской знати, чтобы попасть в русские дворянские книги пришлось доказывать благородство своего происхождения. Тогда то род Корниц Королько был записан в шестую книгу дворянства государства Российского, куда вносились только те фамилии, которые документально доказали свою знатность на протяжении не менее трехсот лет.

И эти триста лет, считая XVI, XVII и XVIII века, все поколения рода были изображены на большом свитке пергамента в виде родословного древа, ведущего свое начало от рыцаря Максимилиана Королько, жившего в середине XV столетия.

Семья Королько была православная. Будучи вассалами польских королей, они считали себя русскими. Это было вполне возможно, потому что Польша была единственным католическим государством, где Ватикан не смог ввести инквизиции и где через год после Варфоломеевской ночи Вальный Сейм (Посольона Изба) издала постановление о том, что, польское панство может исповедовать любую веру и никто не смеет ее за это преследовать, потому что это нарушало бы «злоту вольность» шляхетского сословия. Это вызвано тем, что в те времена в Литве и даже в Польше появилось много сторонников реформации и православия.

Ближайшие наши предки купили в 17 веке имение Требухи вблизи города Могилева за две тысячи голландских червонцев и вскоре, по феодальному праву это стало считаться родовой вотчиной одной из ветвей Королько, переходившей от отца к старшему сыну, как майорат. Лежало оно на правом, западном, берегу Днепра, между Оршей и Могилевом, в 12-13 верстах севернее Могилева.

Много семейных традиций связано с этими Требухами.

По одному из них, владелец Требух в 1812 году уехал при приближении Наполеоновской армии за Днепр и перед отъездом закопал в лесу бочонок серебряной монеты,

денег и драгоценностей. С тех пор ежегодно в ночь под Ивана Купала ходили крестьяне в лес искать этот клад «завороженный» покойным баринoм.

На смену ушедшим хозяевам, пришли враги-французы. Маршал Нэй остановился на ночлег в усадьбе и велел затопить в столовой камин. При его зыбком свете принимал он донесения, а тем временем солдаты его армии рубили в саду фруктовые деревья и тенистые липовые аллеи, ловили кур, индеек, поросят и готовили себе ужин...

Прадед мой умер рано, оставив молодую вдову, из рода Енековичей, с двумя детьми: дочерью Варенькой и сыном Василием Федоровичем, моим дедушкой.

Недолго пробыла моя прабабушка вдовою и вскоре вышла замуж за австрийского доктора Зоммера, служившего в русской армии и проделавшего вместе с Кутузовской армией весь поход от Москвы до Парижа. Поясной портрет доктора Зоммера, писанный художником Тропининым масляными красками, долго висел в биллиардной и всегда возбуждал мое любопытство. На этом портрете Зоммер был изображен в черном фраке со звездой и пышном кружевном жабо. Красивая шапка курчавых волос, присыпанных сединою и большие синие глаза на свежем румянном лице были и суровы и симпатичны.

По настоянию Зоммера, дедушку отдали в Московский благородный пансион, окончив который дедушка поступил в Военно-инженерную академию, но не окончил ее, заболев тяжело и надолго: у студентов академии был дикий обычай по субботам париться в жаркой бане. Попарившись, студенты выбегали нагишом на мороз, валялись в снегу и мчались обратно в баню снова париться. Но что сходило закаленным крепышам – то не сошло слабому и изнеженному дедушке. У него отнялись ноги. Долго лежал он без движения в постели и от этого у него срослись какие-то сухожилия и даже суставы.

По настоянию отчима – Зоммера, дедушка поехал в Вену, где когда-то учился Зоммер. Там ему трижды делали операцию и он постепенно поправился, а затем поехал долечиваться в Баден-Баден, Висбаден и прочие бадены немецкой земли.

Из-за границы дедушка писал матери и отчиму восторженные письма. На наш теперешний взгляд и вкус они были необычайно сентиментальны. «Дражайшая маменька», или «Любезная маменька», начинались они, а дальше шли описания всего виденного – картинных галерей, театров, музеев, городов, народных обычаев, вечеринок, парадов и прочее. Не раз перечитывала мне эти письма мама, и от их пожелтевших, полуистлевших страничек веяло такой подлинной радостью жизни, такой свежестью, что я как бы видела все описанное.

Будучи в Лейпциге, дедушка побывал и на поле «битвы народов», где предприимчивые саксонцы сбывали туристам пули, картечь, ржавые штыки и прочий хлам на память о великой битве.

Три года прожил дедушка безвыездно за границей и, вернувшись, поступил на юридический факультет московского университета.

Зоммера тогда уж не было в живых.

Одновременно с дедушкой на тот же курс и факультет поступил Михал Михалыч Королько, тоже помещик и земляк дедушки, потомок их общего родоначальника. Они поселились вместе, причем дед привел с собой крепостного лакея, а Михал Михалыч – повара. Так и прожили они все студенческие годы вместе.

В 1847 году дедушка окончил университет. На его дипломе красовались подписи многих светил того времени, в том числе и Грановского.

В студенческие годы дедушка одно время увлекся масонством и был членом какой-то ложи, знаком которой было кольцо в виде золотой змейки с бирюзовыми глазками. Женившись, он подарил это кольцо жене; от бабушки оно досталось моей маме, а от мамы и мне, но уж такое истертое и тоненькое, что масонский знак и какая-то надпись на внутренней стороне его стала совершенно неразличимой и можно было только разобрать дату: «1847 год».

Получив диплом, дедушка на службы не поступил, как многие молодые люди из феодальной знати. В те времена почетным считалось служить на военной службе, а на чиновников смотрели свысока. Быть чиновником считалось не...

Несколько лет прожил он в деревне с матерью, но особенного рвения к сельскому хозяйству не испытывал. Да и претило ему, убежденному западнику, крепостное хозяйство. Всем заправляла его маменька, дама хозяйственная, но добрая. Телесных наказаний крепостных дедушка категорически не допускал, а мать его серьезно гневалась на своих «подданных» только тогда, когда они по праздникам не бывали в церкви, на богослужении.

– Подумай только, Васенька! – ужасалась она: – две девки не были в церкви.

– Прикажи, Васенька, их наказать.

– Полно-те, маменька. Нечего людей мучать по пустякам, – отмахивался «Васенька».

– Вольтерианец, прости господи, царица небесная! Воистину Вольтерианец. – вздыхала в своей комнате старушка. А в обществе все сильнее и громче раздавались голоса прогрессивных людей, что нельзя мириться с позорящим Россию крепостным правом. И дедушка, проживший в странах, где крестьяне были уже полвека свободны, горячо ратовал за то, что пора сбросить с плеч этот пережиток средневековья.

В среде помещиков мнения резко разделялись. Закоренелые крепостники приходили в бешенство от одной мысли, что вчерашние рабы могут стать завтра свободными, эта мысль бесила их как личное оскорбление, как пощечина их кастовой спеси.

Другие панически боялись освобождения крестьян по экономическим соображениям: они не знали, не могли себе представить, как сводить концы с концами и хозяйничать на деньги без даровой рабочей силы.

Были и такие, которые в душе понимали, что пора дать людям свободу, но как приступить к такой крутой ломке – не знали и предпочитали откладывать на будущее слишком трудный и неразрешимый для них вопрос, тем более, что и так они разорились, потому что хозяйство их было экстенсивным и никаких начал агрономии они не знали, да и не существовали они в те времена... Владея огромными латифундиями, жили они небогато и не видели способа повысить доходность имений, а хозяйство было для них не только имуществом, но и профессией, ибо у огромного большинства помещиков не было университетских дипломов, как у моего дедушки.

Неудачная Крымская война и смерть Николая I-го всколыхнули в России умы. Если до сих пор разговоры об освобождении крестьян велись только среди передовых людей, то сейчас эта проблема стала центром всеобщего внимания. Крестьянство начи-

нало бунтовать, грозно напоминая о временах Пугачева и о своих правах на землю и волю. Да и само правительство приказало организовывать губернские комитеты по разработке способов проведения крестьянской реформы.

Тогда то и дедушка заговорил вслух о том, что давно откристаллизовалось в его душе. Он стал одним из организаторов губернского комитета по подготовке крестьянской реформы, но в этом комитете не было единодушия.

Наиболее закоренелыми крепостниками оказались поляки. Если в вопросах о гражданских свободах для дворянства, о конституции они всецело примыкали к русским прогрессистам, то та, где речь шла о крестьянах – они приходили в неистовство при мысли об освобождении «хлопов», их бесправного «быдла», как бесстыдно называли они своих рабов.

На этой почве на одном из заседаний комитета произошел крупный скандал: князь Любомирский, один из первых аристократов и богачей поляков губернии, считавшийся до сих пор передовым человеком, вдруг заговорил языком махрового зубра и осмелился одну из своих зоологических идей приписать дедушке.

Обычно сдержанный дедушка свету не взвидел от негодования.

– Вы лжете, князь! – крикнул он Любомирскому.

Любомирский, несколько смягчив редакцию, повторил свою ложь. Тогда дедушка шагнул к нему и отхлестал его по щекам своими перчатками, чтобы не марать рук о такую грязную личность.

И князь, магнат, позорно струсил и в тот же день умчался в Варшаву, не вызвав дедушку на дуэль.

Скандал прогремел на всю губернию. О нем заговорили дворяне и чиновники, штатские и военные. Через лакеев и домашнюю прислугу дошло и до крестьян и, когда через год вспыхнуло польское восстание, и польские пань решили свести с дедушкой счеты и убить его – крестьяне вовремя предупредили дедушку, что по дороге из города в Требухи, в лесу, конфедераты устроили засаду – и этим спасли ему жизнь.

Восстание скоро было подавлено, а в 1861 году освободили крестьян.

Освобождали их на чрезвычайно тяжелых условиях: земли дали мало и за нее крестьянам пришлось платить рассроченные на долгие годы выкупные платежи, во много раз большие, чем самая высокая цена на землю. А когда землеустроители стали размежевывать землю, нарезаая крестьянам наделы, – большинство помещиков старались всеми правдами и неправдами оставить себе хорошую землю, а крестьянам сбить овраги, пески и болота.

Не так поступил дедушка.

Мать его успела умереть во время Крымской войны. Теперь он был полновластным хозяином своего имущества и мог делать с ним, что хотел. Он разделил своих крестьян на две деревни Купалы и Требухи и отдал крестьянам хорошие пахотные земли вокруг этих селений. В результате его собственная земля оказалась изрезанной на семь отдельных участков, разбросанных на расстоянии нескольких верст друг от друга. Оставил он себе и 60 десятин болотистого луга, так что сами землемеры уговаривали его:

– Что вы делаете, Василий Федорович! Дали мужикам сухую плодородную землю, а болото себе оставили.

Но дедушка поступил так, как подсказывала ему совесть, а не выгода. В результате от имения, которое было частично распродано еще при его дедах, но все же превышало 2000 десятин, осталось всего 840 десятин, из которых 600 было под лесом, а остальное – под полями, лугами, огородами, двумя рощами, усадьбой да приднепровским заливным лугом.

Трудно было ему прожить на доходы с имения, поэтому как только была проведена судебная реформа, по которой судьей мог быть только человек, окончивший юридический факультет, он вытащил на свет свой диплом и поступил на службу мировым судьей первого участка города Могилева.

Памятью о работе дедушки в комиссии по подготовке к освобождению крестьян осталась большая фото-группа, где вместе с дедушкой снят сын поэта Александр Александрович Пушкин, да большая бронзовая настольная медаль, на которой были выбиты помещик и крестьянин, подающие друг другу руки. Эта медаль была выдана всем участникам подготовки к крестьянской реформе и вплоть до 1917 года лежала на дядином письменном столе в синей бархатной коробочке, и я много раз рассматривала ее в детстве, бывая в Требухах.

Теперь вернусь немного назад и расскажу о дедушкиной женитьбе.

По окончании Крымской кампании, дедушка снова тяжело заболел. Пришлось ему снова ехать за границу лечиться. Побывав в Вене и на немецких курортах, он поехал в Париж немного развлечься. В Париже, прожил он месяца полтора и двинулся обратно в Россию. Ехал он в дилижансе, конной карете, где, как в автобусе, продавали отдельные сидячие места, из Парижа в Безансон и дальше к немецкой границе.

В этом дилижансе ехали с ним две оригинальные спутницы: старушка-монахиня и прелестная молодая девушка лет 16. Дело было в начале августа, когда во всех французских учебных заведениях распускают учащихся на каникулы.

Путь был далекий. Спутники, конечно, разговорились. Девушка рассказала, что родом она из провинции Франш Контэ, из Арсэ города-сателлита в нескольких километрах от Безансона. Зовут ее Элизабет-Филиппин-Эрманс Кальмеле, или попросту Элиз. Училась она в Париже в институте Сакре Кер. Каждый год к первому августа за ней приезжали родные, а в этом году, когда она кончила курс, за ней не приехал никто. Разъехались все подруги. Она ждала несколько дней, горько плакала, и наконец аббатесса пожалела ее и приказала одной из воспитательниц-монахинь, отвезти ее домой в Безансон.

Путешествие продолжалось три дня. Дедушка все время оказывал своим спутницам обычные мелкие услуги: покупал им фрукты и сладости, помогал развязывать и перекладывать вещи, и когда дилижанс добрался до Безансона понял, что не в состоянии навеки проститься со своей спутницей.

Элиз была действительно прелестна: небольшого роста, с живыми искрящимися черными глазами, с тонким изящным носиком, чуть приподнятой верхней губой и роскошными черными волосами, которые она заплетала в четыре косы, падавшие ей

до колен. Стройная, гибкая, изящная, она была грациозна и гармонична, как Сэврская статуэтка, к тому же истинная француженка.

Узнав, что дедушка русский, Элиз с большой любознательностью начала расспрашивать его о России и первая смеялась над тем, какие нелепые и страшные рассказы ходят среди французов о России и русских.

А слухи, конечно, были самые нелепые: уверяли, что в России даже летом идет снег, что у нас столько диких зверей, что волки бегают по улицам городов, как собаки; что казаки питаются сырым мясом, а вместо собак держат на цепи медведей...

Выяснилось, что юная Элиз очень начитана и обнаруживает большую и неожиданную для французской девушки свободу и самостоятельность суждений, порою приводящую в ужас ее спутницу-монахиню.

Когда пришло время прощаться, дедушка внезапно решил остаться в Безансоне и познакомиться с родителями своей очаровательной спутницы. Заняв номер в гостинице, он на следующий день явился с визитом в семью Кальмеле.

В семье Кальмеле, оказывается, случилось большое несчастье. Отец Элиз, Александр – Марий Кальмеле, не положил свои деньги в банк, а отдал их, как это делалось в старину, нотариусу который распорядился ими по своему усмотрению. Нотариус вскоре умер и тогда выяснилось, что деньги большинства его клиентов пропали в каких-то рискованных финансовых операциях.

Узнав об этом, старик Кальмеле заболел: его хватил нервный паралич. Вот почему никто не приехал в Париж ко дню выпуска Элиз из института.

Две недели прожил дедушка в Безансоне, ежедневно бывая у своих новых знакомых.

Из бесед с ними он узнал, что в 18 веке Кальмеле были мелкопоместными дворянами и, по имени своей усадьбы, носили фамилию Дё Гёнвилль. Во время «великой» французской революции дед их переехал в Безансон, купил там дом с большим садом, жил тихо, мирно, не вмешивался в бушующую кругом революцию, но и не боролся с нею. За это его прозвали тихоней, то есть Кальмел и это прозвище стало их второю фамилией. Так и жили они, частично на пенсию, частично на ренту и вот теперь, благодаря умершему нотариусу – семья разорена.

В конце второй недели пребывания в Безансоне дедушка официально просил руки мадемуазель Элиз-Филиппин-Эрманс, где, кроме нее, было еще человек семь ребят мал-мала меньше.

Хотя дедушка и произвел на семью впечатление человека порядочного и воспитанного, но отдать свою дочь в холодную, астрономически далекую Россию, о которой ходили такие страшные слухи и где погибла от холода и голода армия «великого императора» – это было сверх сил для мирной, консервативной и добропорядочной французской семьи.

Дедушке категорически отказали.

С разбитым сердцем вернулся он на родину. Он умолял мадемуазель Элиз начать с ним переписку, но Элиз честно предупредила, что ответит ему только в том случае, если родители позволят ей переписываться.

Несколько раз писал дедушка во Францию самые почтительные и сдержанные письма. Ответа не было. Строгость нравов французской провинции не разрешала молодой девушке такой вольности.

Не простила бы она юной Элиз и поступления на оперную сцену. А у Элиз было могучее, красивое по тембру драматическое сопрано. В Сакре Кер ее учили пению и она могла бы с честью занять место примадонны на любой европейской оперной сцене; но в те времена на артистку смотрели немногим лучше, чем на даму полусвета – и Элиз даже мечтать не смела о сцене, зато часто выступала на концертах в частных домах и окрестных замках, где с колоссальным успехом исполняла арию Елизаветы из оперы Вагнера «Тангейзер», арию Валентины из «Гугенотов» Мейербергера, арию принцессы из «Роберто Дьявола» и арию Джоконды из одноименной оперы Понкьелли.

Прошло более года. Дедушка понемногу свылся с мыслью, что не быть ему мужем юной франшконтузакки, как вдруг получает он письмо с французской маркой.

Это писала Элиз.

Отец ее продолжал лежать в параличе. Кредиторы пустили их дом с молотка, оставив Кальмеле крохотный флигелек. И Элиз, как старшей, приходилось искать работы. Надо было помочь матери поднять и вывести в люди малышей, вот почему просит она доброго и отзывчивого «русского бояра» помочь ей найти место гувернантки в какой-нибудь приличной помещицкой семье, где мадам вдова, потому что она боится непрошенных ухаживаний хозяина. Кроме родного французского, она может преподавать итальянский, музыку (рояль), пение, все общеобразовательные предметы, рисование и художественные рукоделия.

Дедушка с радостью взялся исполнить просьбу Элиз и отыскал ей место у своей доброй знакомой, недавно овдовевшей графиней Цукатто и двум ее девочкам школьного возраста.

И вот юная учительница приехала в Россию и взялась за работу.

Графиня Цукатто от души полюбила «Маленькую Элиз», как она всегда ее называла. Дедушка часто посещал графиню и с каждой встречей все сильнее влюблялся в свою протезу, но долго молчал, боясь вторичного отказа. Наконец передал через графиню свое предложение и на этот раз Элиз не отказала ему.

Свадьбу справили в усадьбе графини Цукатто. Графиня стала посаженною матерью и нашла своей любимице массу белья, платьев и костюмов, накупила ей дорогих мехов и массу мелких принадлежностей туалета, а на свадьбу подарила ей серьги с двумя черными бриллиантами. Это было в 1859 году.

Так бедная француженка-гувернантка стала одной из первых дам губернии и, как женщина, получившая наилучшее воспитание и образование – законодательницей хорошего тона и изящного вкуса.

Вскоре вспыхнуло польское восстание, когда крестьяне спасли дедушке жизнь. Пришлось молодым Королько зимовать в городе, чтобы конфедераты не напали на уединенную Требуховскую усадьбу.

Как все французы, бабушка Элиз была католичка. Великим постом она говела, – конечно, в костеле.

Поисповедовавшись в субботу вечером, бабушка на другой день должна была причащаться. Для такого торжественного случая она надела бледно-розовое платье из шелкового газа, прозрачного как туман, украшенное букетиками цветов яблони. Со своими дивными черными косами, до хрупкости стройная, сияющая счастьем и молодостью, она сама была свежа и прекрасна как цветущая яблоня, обрызганная росой.

А все до единой польки явились к причастию в глубоком трауре: это была политическая демонстрация против России и русских по случаю подавления восстания.

Ксендз вынес причастие и, обходя коленопреклоненных причастниц, каждой давал причастие – облатку. Увидев бабушку во всем розовом, с букетиком живых цветов, с бриллиантами в волосах, в ушах и на шее, ксендз злобно поджал губы и прошел мимо, как бы не заметив ее.

Это взорвало горячку-французенку. Какое было ей дело до поляков и до их национальных настроений! И как смел слугитель божий служить не богу, а земной политике и лишить ее причастия во имя национальных польских интересов! И именно ее, жену человека, которого паны-конфедераты собирались убить за то, что он отстаивал интересы крестьян, их рабов!..

Все это быстрее молнии промелькнуло в ее голове. Не помня себя от возмущения, она влетела вслед за ксендзом в алтарь, схватила его за шиворот, обернула к себе и крикнула:

– Вы пьяны, или влюблены?! Сию же минуту дать мне причастие, или получите оплеуху!

Все замерли, застыли от ужаса. Ведь женщине нельзя входить в алтарь, а тем более в таком случае. А поблудневший ксендз, такой же трусливый, как и наглый, испуганно сунул бабушке в рот облатку и благословил ее...

С этого дня бабушка навеки порвала с католической церковью и «со всеми этими мелкими пакостниками, католическими попиками», как называла она их впоследствии. Умирая, она приказала, чтобы ее похоронил «мужицкий русский поп».

Да, бабушка, такая щедрая, сердечная и гуманная, была вспыльчива как порох и быстра на ответ, как сама молния. Никто не мог с ней сравниться в грации, изяществе и остроумии. Особенно доставалось от нее тяжелодумам Обломовым, которые придумывали и высиживали свои остроты, как курица – цыплят. Не успевали они договорить, как она на лету срезала их еще более острым и веселым ответом.

Не даром дом Королько скоро стал в городе центром, куда собиралось все лучшее общество. Вскоре дедушку избрали губернским предводителем дворянства. До польского восстания эту почетную должность всегда занимал поляк, но теперь ряды польского панства поредели, а русские поспешили выдвинуть своего кандидата, лучшего оратора и одного из самых образованных человека губернии.

Дедушка действительно был на высоте своей эпохи. Он много читал и бегло говорил по английски, французски, немецки и по польски. После его смерти осталось много книг на этих четырех языках. Я лично не раз пересматривала принадлежавшие ему издания Байрона, Вальтер Скотта, Вольтера, Мюссе, Яна Кохановского, Мицкевича, Шатобриана, Гете, Гейне, Ламартина, Сю, Гольдони и других с его замечаниями и пометками на полях.

Весну, зиму и лето семья Королько жила в деревне, а на зиму переезжала в город, где дедушка жил круглый год, связанный службой. По субботам он прямо со службы ехал в деревню к семье и возвращался в город в понедельник утром.

Мама моя родилась 19 июля 1866 года. По имени матери, назвали ее Елизаветой, а в семье звали ее Лилей. Мама была вторым ребенком. Старшая сестра ее Манечка умерла от скарлатины, когда маме было 6 лет.

В 1868 году появился на свет ее единственный брат Александр (Сашок), а в 1871 году младшая и последняя бабушкина дочь Софинька, умершая 4 лет от роду от крупы.

Трудно было бабушке научиться по русски. Да и не с кем было говорить, потому что в те времена в высшем кругу разговорным языком был французский и все родичи и знакомые рады были бесплатно практиковаться в беседе с настоящей француженкой, да еще и из высшего круга. Только с прислугой и приходилось объясняться по русски, да и они, служа годами в господском доме начинали понимать французскую речь.

Зато дети с колыбели говорили по русски. Выпестовала их няня Катерина, жена дедушкиного лакея Ивана. Ей отвели в барском доме большую хорошую комнату с детской, где прожила она всю свою жизнь, хотя питомцы ее Лиля и Сашок давно выросли и вылетели из родного гнезда. На старости лет она уже не работала, хотя по прежнему платили ей по 7 рублей в месяц жалованья, стол получала она не из кухни, а «от стола» – вообще была она почти членом семьи, своим преданным человеком. И когда она умерла – похоронили ее на бабушкин счет, обнесли могилу хорошей оградой и записали на вечное поминовение вместе с семьей Королько.

Дети очень любили отца и каждый приезд его был для них праздником. В субботу они то и дело поглядывали на большую дорогу, не покажется ли вдали дедушкин экипаж. Завидев его, они брались за руки, чтобы никто не опередил другого, и мчались навстречу. Дедушка приказывал остановить экипаж, дети забирались к нему в экипаж, и прижавшись к нему, как цыплята, подъезжали к дому.

Иногда дедушка привозил им игрушки, или книжки с картинками, но чаще ограничивался одними сладостями.

Игрушки хранились у бабушки в шкафу, под замком и выдавались после уроков, а самые дорогие хранились от праздника до праздника и вечером дети сдавали их обратно в полном порядке. Девочки берегли игрушки и редко ломали их, зато маленький Сашок частенько их портил. Часто покупали ему картонных лошадок, и ему всегда хотелось посмотреть, что там внутри, поэтому такая лошадь не выживала у него дольше недели, а игрушечные барабаны лопались на другой же день от чрезмерного усердия маленького барабанщика.

За порчу игрушек мальчика ставили в угол на целый час. Сначала он тихонько плакал, потом начинал незаметно играть с какой-нибудь куколкой, заблаговременно спрятанной в карман в ожидании наказания.

Телесных наказаний к детям никогда не применяли, вообще же держали очень строго, как это было принято во Франции.

Когда мне исполнилось 7 лет, дедушка выписал из С.Петербурга гувернантку Александру Александровну Матвееву, которая стала учить их русской грамоте, арифметике и географии, давала им заучивать стихи и басни. Французской грамоте научила

их сама бабушка и так незаметно, что маме казалось, что она со дня рождения умела по французски читать.

Бабушка ежемесячно посылала во Францию немного денег, чтобы дать образование своим братьям Леону, Жану и другим, а затем выписала свою маленькую сестренку Терезу. Тереза училась по русски вместе с бабушкиными детьми и через несколько лет, подготовившись в один из средних классов гимназии, уехала в Петербург учиться.

Вставали дети рано, часов в 8, а зимой, когда поздно светало – к девяти. Время тогда было астрономическое.

Одевшись и умывшись, дети выходили в столовую, но за стол не садились, пока не выйдут родители. Тогда они подходили к папе и маме пожелать им доброго утра, девочки целовали отца и мать в лицо, а маленький Сашок с отцом целовался, а матери целовал почтительно руку, а она его – в головку. После этого Сашок должен был поздороваться с сестренками и тоже поцеловать их детские пухленькие ручки, чтобы с детских лет приучаться быть приличным молодым человеком.

Круглый год, в любую погоду и даже прихварывая, бабушка выходила к чаю ровно в 9 часов, изящно причесанная и затянутая в корсет. Дедушка тоже всегда выходил в пиджачном костюме, в крахмальной сорочке с высоким воротничком и хорошо завязанным галстуком. Такие вещи, как капоты, халаты или туфли допускались только в спальне, да и то, когда кто-нибудь был болен.

Утром пили кофе со сливками. К кофе подавали домашний сдобный хлеб, или такие же сухарики с ванилью или корицей, подавали ветчину, сливочный сыр с тмином, мед и большие кувшины сырого и горячего кипяченого молока.

За столом дети должны были молчать и только отвечать на вопросы взрослых. Чтобы не измять своих платьев, девочки, садясь, поднимали и забрасывали на спинки стульев свои туго накрахмаленные юбочки, которые шились в те времена необъятно широкими.

После кофе дети шли в классную комнату заниматься и учились до часу дня. Между уроками им давали по 10 минут отдыха, чтобы обедать в столовой, или в одной из гостиных.

Пока дети учились, бабушка обходила хозяйство. Бывала на гумне, где с осени до весны работала конная молотилка, заглядывала на скотный двор, в птичную и свиарник, в амбар, в кладовые, в людскую – узнать хорошо ли стряпают обед для годовых рабочих. Всюду надо было что-то приказать, выдать, проверить и подсчитать.

Часам к одиннадцати возвращалась бабушка домой и садилась в столовой за огромный концертный рояль Эбергарт. Спев несколько гамм и этюдов, чтобы «распеть голос», она играла экзерсисы и заканчивала утренние занятия либо любимыми романсами и ариями, либо несколькими пьесами для рояля.

Дедушка хозяйством не занимался. Приезжая в Требухи, он любил пройтись утром по саду, полюбоваться цветами, а затем зайти в конюшню взглянуть на своих любимых вороных рысаков да пару белоснежных верховых арабов, на которых они иногда ездили кататься вдвоем с бабушкой, лихой амазонкой.

Ровно в час завтракали.

К завтраку готовили только одно горячее блюдо, но на столе всегда стояли домашний сливочный сыр, ветчина и полендвица (копченое свиное филе), паштеты, рулет,

соленые огурцы, маринованные фрукты, традиционный французский омлет из взбитых яиц с зеленым луком и перцем, да блюда тушеного картофеля.

И круглый год не сходили со стола блюда ягод и вазы фруктов и большие кувшины молока рядом с графинами чудесного хлебного кваса.

В Требухах визитеры бывали не часто, но целыми месяцами гостили какие-то важные пожилые дамы, две-три француженки (учительницы гимназий), проводившие у гостеприимной компатриотии летние, рождественские, пасхальные и великопостные каникулы, или соседи-помещики и заезжие из столицы приятели дедушки. Хлебосольный и обильный дом радушно раскрывал двери каждому, лишь бы гость был вполне приличным, порядочным и воспитанным человеком.

После завтрака шли гулять одной или несколькими компаниями: одни к Днепру, на берегу которого стояла усадьба, другие – в сад есть ягоды с кустов, третьи в рощи и перелески по грибы, а весной – по ландыши и фиалки. Каждый находил себе занятие по вкусу и настроению, а если шел дождь – сидели дома, играли в шахматы, трик-трак, или в лото. Карт не полагалось – они считались безнравственными. Дамы вязали кружева, или что-нибудь вышивали; шили платица и костюмы для крестьянских детей, писали письма, читали книги и т.д.

В три часа дети снова садились за уроки. Бабушка сама учила их французскому пению и музыке. Ручейками бежали из под их пальчиков гаммы и экзорсисы, звенели сольфеджии.

Летом в эти часы чистили ягоды на варенье и бабушка с няней Катериной варила его сама в медных тазах на жаровнях с горячими древесными углями.

Ровно в пять подавали обед.

В будние дни обед был из четырех блюд, по праздникам – из пяти. Водки на стол не подавали вовсе. По праздникам ставили одну бутылку виноградного вина и квас, а на именины – подавали шампанское. Консервов и покупных закусок в будние дни не подавали. Квас подавали круглый год.

Повара в Требухах всегда были отменные и знали столько разнообразных блюд, что меняя ежедневно, можно было вторично заказать то же блюдо не ранее, чем через месяц. Ели немного: неполную тарелку супа с одним-двумя крохотными пирожками, два ломтя какого-нибудь жаркого, немного толще лезвия ножа, но с несколькими сортами гарниров, овощи и не более одной порции сладкого, поэтому вставали от стола сытыми, но не отяжелевшими от еды.

После обеда в первую гостиную подавали черное кофе с ликерами и десерт, причем детям давали не более двух шоколадных конфет, зато фруктов вволю.

После десерта шли гулять. Никто не спал после обеда и очень осуждали этот стародавний обычай. Прогулка летом была не без практической цели: рвали ягоды на варенье, подвязывали розы, собирали яблоки-падалицы, помогали поливать цветники, причем дети старались перегнать друг друга в работе и полить больше и лучше всех.

К семи часам сходились в столовой. В это время летом садилось солнце и так как усадьба была в низине – иногда поднимался туман. Считалось, что гулять в это время опасно: можно получить болотную лихорадку. В те времена еще не знали, что источник малярии – укусы комара и боялись тумана, болотной сырости и испарений.

В доме запирали ставни и зажигали лампы. Бабушка садилась за рояль и начинала петь или играть и, вспоминая далекую любимую родину, особенно в тяжелые для нее годы франко-прусской войны с особым воодушевлением пела родной гимн – Марсельезу. И тогда глаза ее сверкали от слез.

Столовая была большая, уютная. На широкой мягкой кушетке сидело несколько человек, о чем-то беседуя. Другие читали или писали, сидя за обеденным столом. Кто-нибудь раскладывал пасьянс. У окна, на особом столике, играли в шахматы.

В сырую погоду часто затапливали камин и возле него собирались на медвежьей шкуре любители сказок и легенд, или читали вслух полученные письма и газеты. Приходил повар за заказом на следующий день. Приходили служащие за приказами: приказчик, экономка, кучер, маслодел, старик Игнат, ездивший каждый день в город за почту и на базар – продавать фрукты, ягоды, мед, огурцы, кур, гусей, яйца, индеек и прочие продукты хозяйства.

Каждый из них любил поговорить, а «господа» расспросить подробно, какая дичь водится в лесу и на болоте, где обнаружена берлога, или лось, где был пожар, что слышно в городе, какие там цены, а весной – как поднимаются всходы, какие перелетные птицы прилетели с юга, какие виды на урожай.

И как-то особенно спокойно, уютно и хорошо было в эти часы в огромной столовой старого дома.

Журналов получали много. Дедушка выписывал «Отечественные Записки», затем «Вестник Европы». Бабушка – французские журналы.

Как только дети подросли, дедушка выписал им журнал «Детское чтение», издававшийся в Москве под редакцией знаменитого педагога Дмитрия Ивановича Тихомирова.

Кроме того, детям часто покупали книги, главным образом сочинения мадам де Сегюр, рожденной Ростопчиной. Это была русская, вышедшая замуж за французского посла в России графа Сегюра, и ставшая знаменитой детской писательницей на французском языке. Девочки зачитывались ее книжками: «Les Nouveaux Contes de fées», «Les malheurs de Sophie» и многие другие. Читали они и повести мадам Жанлис, сочинения Эджворт, сказки Пушкина, Перро и Гримма, басни Лафонтена и «Швейцарского Робинзона». Зачитывались и настоящим «Робинзоном Крузо» Даниеля Дефоза. Когда дети стали старше – им выписали журналы «Magasin d'éducation et de récréation», издававшиеся в Париже под редакцией Мюссе, Стяля, и Жюль Верна. В этом журнале были напечатаны все романы Жюль Верна и между прочим повесть «Маруся» украинской писательницы Марко Вовчок.

Во время франко-прусской войны переписка бабушки с Францией надолго оборвалась. Бабушка мучительно переживала поражение своей родины. Седан и Metz заставили рыдать ее не один раз. Когда же после длительного перерыва пришли из Франции первые письма – новости оказались потрясающими.

Как известно, Франш Конте – одна из северо-восточных провинций Франции, оказалась на пути наступающих немцев. Немецкие войска вступили в Безансон и ближайšie к нему города Арсэ и Монбейар.

В семью бабушки поставили на постой 2-х прусских офицеров.

Стараясь казаться благовоспитанными, они спустились в гостиную из отведенных им комнат и приказали подать общий ужин с хозяевами. Скрепя сердце и стиснув зубы от ненависти к врагу, сели за стол Кальмеле с непрошеными гостями, но кусок не шел им в горло...

Пожунив, немцы встали из-за стола и... стали совать в карманы серебряные ложки и вилки со стола. Хозяева молча смотрели на этот открытый и наглый грабеж. Затем все разошлись по своим комнатам и только тогда семья Кальмеле смогла отвести душу, называя своим именем наглых завоевателей.

А ночью офицеры затащили к себе девушку-служанку и изнасиловали ее. Встрепанная, потерянная девушка только утром вырвалась из их лап и, полумертвая от стыда и ужаса, прибежала к прабабушке, и рыдая, упала в ее ноги.

Вскоре немцы встали и потребовали завтрак. Опозоренная девушка должна была накрыть на стол и прислужить негодяям. За столом прабабушка бесстрашно бросила немцам в глаза слова презрения, гнева и ненависти. Молодой лейтенант схватился за пистолет, чтоб застрелить ее, но полковник, человек средних лет с седующими висками, остановил его и сказал ломаным французским языком:

– Хорошо, мадам. Если вы не цените того, что мы не тронули ваших дочерей и удовлетворились этой девкой, на следующий раз мы поступим иначе. Ваши дочери нам больше по сердцу чем она. А теперь садитесь за стол завтракать вместе с нами.

И прабабушке снова пришлось сесть с ними за стол да еще слушать их тосты за здоровье Мольтке, Бисмарка и Вильгельма.

После завтрака немецкий отряд стал собираться в поход. Лейтенант, ковыряя в зубах зубочисткой, ходил по комнатам и рассматривал фамильные портреты и картины – остатки былого благосостояния семьи. Как вдруг внимание его привлекли два портрета кисти Давида, знаменитого французского художника 18 века.

– О, это очень хорошие картины, – сказал он, присматриваясь к портретам. – Неужели, настоящий Давид? Я в живописи разбираюсь. Сам художник – любитель ... А ну-ка, снимите, мадам, эти штучки.

– Это портреты моей бабушки и тётки, – попыталась урезонить его прабабушка. – Это фамильная память.

– Они мне очень нравятся. Мы возьмем их с собою. Выньте их из рам, – приказал лейтенант, делая вид, что не понимает протеста.

И, выдрав холсты из подрамника, забрал их с собою...

Многие обычаи французской старины соблюдались в старом Требуховском доме, – особенно те, что связаны с детьми и их бытом.

На зимнего Николая 6-го декабря детям делали подарки.

Для этого дети накануне вечером клали в столовой у камина свои башмачки, которые, кстати сказать, должны были сами чистить. Рано утром, в одних ночных рубашонках до пят и ночных туфельках, бежали они в столовую – посмотреть какие сюрпризы принёс им “Святой Николай”.

И однажды, когда Сашок поленился и поставил нечищенные башмачки, вместо игрушки, или книжки с картинками, в его башмачках оказалась новенькая сапожная щетка и коробочка ваксы.

Так приучали детей к порядку и самообслуживанию с детских лет. Перед сном они должны были аккуратно сложить свои вещи на стуле возле кровати, а утром почистить свои костюмчики и обувь. Кроме того, девочки должны были штопать себе и брату чулки и носочки. Конечно, девочки никогда не рвали своей одежды: зато Сашок отличался большой непоседливостью и часто рвал штанишки и курточки. Тогда маленькая Лиля спасала его от наказания, незаметно и аккуратно штопая его костюм.

В сочельник вечером дети тоже ставили свои башмачки возле камина, куда “рождественский дед” должен был положить свои подарки. И снова дети бежали утром в одних рубашонках в столовую и не было конца их радости, когда в башмачках они находили те игрушки и вещи, о которых мечтали не один день.

Эта процедура с башмачками повторялась дважды, потому что в семье сначала праздновали мамино французское рождество, а через две недели папино русское.

За неделку до русского рождества, тайком от детей, на маминой половине дома начинали золотить орехи и мастерить елочные украшения из золотой бумаги, мишуры, атласа, бархата, ваты и штампованных картинок. Конечно, покупали в городе и фабричной работы украшения – стеклянные бусы, шарики, шпили, картонажи, хлопушки и бонбоньерки, а главное – целые ящики мелких крымских яблочек, сушеной малаги, фиников, орехов, винных ягод и карамели разных вкусов и сортов.

В сочельник начинали съезжаться гости. Из города приезжали дети мирового судьи Максимовского, из имений – соседи – помещики Ковалевские, Парчевские, Ладомирские, Скалоны, Дзичканцы, Казановичи и другие. На лицо были и все француженки учительницы, бабушкины приятельницы: мадемузели Грин, Пассе, Пабо. И всегда и неизменно гостила в Требухах, приезжая из Харькова, Анна Леонтьевна Бренфо. Приезжала и графиня Цукатто со взрослыми дочерьми, бывшими бабушкиными ученицами.

Дом наполнялся шумом и гамом, детским смехом и музыкой. В этот день в доме зажигали все настольные и стенные лампы, все канделябры и люстры, жирандолы и бра с высокими восковыми свечами.

А дом благоухал ароматами хвойного леса, потому что еще накануне из лесу привозили несколько пышных ярко-зелёных елок, покрытых снегом и инеем. Из них выбирали самую густую и пышную, едва влезающую в самые широкие двери, ставили в запертую гостиную и там украшали. А остальные елки расставляли по всем комнатам, чтоб всюду “пахло рождеством”.

И когда зажигали елку и начинался весёлый бал больших и маленьких вместе, казалось, что даже бронзовые часы на камине работы знаменитого Филиппа Томира со статуэткой Сэфо как будто улыбалась из-под своего хрустального колпака вместе с пастушками бисквитного фарфора радуясь этому необычному нарушению строгого и чётко налаженного распорядка жизни.

Далеко за полночь продолжалось веселье, а на другой день гости разъезжались, но елку не выбрасывали: сгоревшие свечи заменяли новыми, навешивали на нее много новых конфет и сладостей и снова зажигали на этот раз для крестьянских детей.

Радостные и смущенные, в новеньких лапотках и ситцевых и бумазейных рубашечках и платьицах, они сначала робко жались к дверям, незаметно подталкиваемые матерями; потом, осмелев, начинали подходить ближе и ближе и наконец забыв испуг

и смущенье, начинали водить вместе с маленькими Королько хоровод вокруг елки и петь хором белорусские народные песенки. Потом бабушка садилась за рояль и начинала играть полечку, крыжачок и другие народные танцы.

Каждому ребёнку вручали узелок с орехами, пряниками и леденцами. Но главное в каждом узелке были и носильные вещи: шапки, сапожки, вязанные кофточки, костюмчики, бельё и чулки и носки, – все это сработанное трудолюбивыми руками бабушки и ее гостей французуженок.

Под новый год тоже бывали и песни и танцы, но скромнее и дети не принимали участия. Накануне нового года деревенские мальчишки лазали на деревья вокруг усадьбы, на которых среди голых ветвей зеленели пышные шары омелы.

У древних галлов омела считалась священной, растением, спасающим домашний очаг от бед и приносящим богатство и счастье. Конечно, этот мифический налет давно выветрился из памяти французов, но омелу продолжали вешать над входной дверью дома, “чтоб горе не переступило этого порога” так, как у нас, русских прибивают к дверям подкову или дарят клевер с четырьмя лепестками, или семь статуэток слонов.

Вешали омелу не только над входной дверью дома. Самая пышная привязывалась к люстре посреди комнаты, над головами танцующих, и сколько бывало весёлого смеха, когда танцующая пара оказывалась в вихре вальса под омелой и молодой человек внезапно целовал свою даму: это разрешалось только в новогоднюю ночь “святого Сильвестра” и только под сенью священной омелы. Этот милый французский обычай очень понравился всем бабушкиным знакомым и вальсируя кавалеры нарочно вели своих дам к центру зала, где пышно зеленела над головами священная омела древних галлов.

На пасху бабушка ввела тоже разные приятные деткам обычаи. Если пасха бывала поздняя, тёплая – пасхальные подарки прятали в большие яйца из папье-маше, бархата или дерева, в шоколадные или сахарные. Наполненное подарками яйцо перевязывали лентой и прятали в траву возле дома.

Рано утром, за добрый час до утреннего чая дети мчались гурьбою в сад искать в траве пасхальные яйца. Яиц бывало много больше, чем детей и самому зоркому и проворному доставалось больше, чем ленивому или рассеянному.

То-то было тут веселого визга, смеха и восклицаний, когда кто-нибудь натыкался на один из сюрпризов. А потом надо было развязать ленту, раскрыть яйцо, развернуть каждый сюрприз ... А внутри бывали самые разнообразные вещицы: флакончики духов, перчатки, куколки, портмоне, кошельки, карманные зеркальца, перочинные ножики, статуэтки, бумага для писем, бусы, серьги, ленты для кос, – разная изящная мелочь. И конечно сладости.

Девяти лет от роду заболела scarлатиной и умерла мамина старшая сестра Манечка. Мама и Сашок заболели несколькими днями раньше Манечки, но у них болезнь протекала легко, а у Манечки сразу приняла тяжелую форму. Умиравшая девочка вдруг привсталала на своей кровати, обхватила руками бабушкину шею и невыразительным ужасом в голосе сказала:

– Мамочка, мамочка я ослепла.

Тут ручки ее разжались, она рухнула на постель и через минуту ее не стало...

Прядь седых волос появилась в тот день в черных волосах бабушки. Долго не могла она оправиться от своего материнского горя и целых пол года болела телом и душой...

Это было осенью, а в марте как-то в субботу послали за дедушкой экипаж, и, как всегда, ждали его к обеду. Но экипаж вернулся пустой и кучер доложил бабушке, что барин болен. Бабушка велела запрячь других лошадей и помчалась в город, оставив детей с верной няней Катериной.

А через две недели приехала из города экономка и с какой-то торжественной строгостью сказала детям, что их папа "приказал долго жить". И тотчас няня Катерина стала кроить привезённую из города чёрную материю и шить платьица Лиле и Софоньке, и такой же чёрный костюм семилетнему бутузу Сашку.

На третий день вдали показалась траурная процессия. Дети во всём чёрном пошли навстречу, но в усадьбу процессия не свернула, а остановилась на краю деревни Требухи, возле церкви. Гроб был закрыт. Дети так и не увидели мёртвого отца. Толпа крестьян и масса приезжих из города окружали колесницу с гробом, деревенские дети принесли хвощей, фиалок, пролесков и подснежников украсить гроб.

Могилу приготовили в самой церкви, под полом. Дедушкины сослуживцы произнесли несколько прочувственных речей и гроб спустили в могилу.

После похорон посторонние лица уехали в город, а близкие друзья и крестьяне направились в усадьбу, где ожидал их поминальный обед.

В этот день впервые после многих лет приехала в Требухи родная сестра Варвара Федоровна Войцех, вдова Костромского губернатора, генерал-майора Войцеха.

Варвара Федоровна долго была в ссоре с братом и только смерть примирила ее с покойным и впервые познакомилась с его осиротевшей семьёю.

Поссорились они во-первых из-за освобождения крестьян. Варвара Фёдоровна была закоренелая крепостничка и монархистка и не хотела слышать о том, что крестьяне должны стать свободными. Участие брата в комиссиях по освобождению крестьян приводило ее в бешенство. Второй причиной их ссоры была дедушкина женитьба. Варвара Фёдоровна была очень набожна и, по ее понятиям, женитьба на католичке была преступлением против морали, даже если бы бабушка приняла православие. Она не была ни на дедушкиной свадьбе, ни согласилась познакомиться с его невестой, а затем женой.

Все эти дикие понятия ужасно не вязались с тем, что Варвара Фёдоровна была вместе с тем любительницей художественной литературы и даже в молодости горячо увлекалась стихами Пушкина. В 1837 году, Войцехи жили в С.Петербурге. Узнав что ее любимый поэт смертельно ранен на дуэли, Варвара Фёдоровна (тогда совсем молоденькая дама), побежала с крепостной девушкой-горничной на Мойку и несколько часов простояла в слезах в толпе народа у квартиры поэта, надеясь, что кто-нибудь из выходящих обрадует народ надеждой на спасение умирающего поэта.

Но никто не принес такой радостной вести и только поздно ночью вернулась Варвара Фёдоровна домой и много дней оплакивала Пушкина, но, конечно, не понимала всего значения его светлой и благородной души.

Между прочим Варвара Фёдоровна уверяла, что Лермонтов также стоял в толпе у дома Пушкина. Я долго не верила ее словам, думала, что она обозналась, и только

1937 году, в столетие со дня смерти Пушкина прочла в одном из журналов о том, что Лермонтов действительно был на Мойже в трагические часы агонии поэта.

Овдовев, бабушка ликвидировала дедушкину городскую квартиру. Родные усиленно звали ее на родину отдохнуть и успокоиться после всего пережитого. Она уже подумывала об отъезде, как вдруг, среди лета, в два дня сгорела от крупа маленькая Софинька. Похоронив ее, бабушка забрала Лиллю и Саньку и уехала во Францию, в Безансон.

Дедушка умер, не оставив духовного завещания. Правда, имения он не имел права завещать, так как по закону родовое имение переходило к старшему сыну, то есть к Сашку. Завещать он мог только пожизненное владение имением жены да распорядиться деньгами и движимым имуществом, но денег было не много: всего тысяч 20-25.

Над несовершеннолетним Сашком учредили опеку. Опекуном назначили одного помещика, жившего от Требух верстах в 30.

Трудно было на таком расстоянии вести чужое хозяйство. Управляющего в Требухах не было: был приказчик и другие служащие, но за ними должен был быть хозяйский глаз.

Вот почему опекун стал бомбардировать бабушку письмами про хозяйство, тем более, что единственным источником существования бабушки и детей был доход с имения да проценты с капитала, лежащего в государственном банке в виде облигаций государственных займов.

Бабушка действительно скоро стала подумывать о возвращении в Россию. Ожидала только весны, чтобы не простудить детей в дороге, т.к. время было тревожное. Сербы, болгары и черногорцы восстали против турецкого ига. Турки подавляли восстание с неслыханной жестокостью, но подавить его не могли. Русское правительство стало протестовать против турецких зверств, имея на Балканах свои государственные интересы. А русская общественность вся была на стороне единоплеменных славян и сотни наших добровольцев сражались в рядах повстанцев за их свободу.

Западные державы наоборот интенсивно вооружали турок и их дипломаты вели против России упорную борьбу, не брезгуя никакими средствами, интригами и даже прямыми угрозами. Казалось война вот-вот охватит всю Европу.

Все это так нервировало бабушку, что она в марте собиралась в дорогу, боясь застрять во Франции без средств на долгие годы войны. Путешествие по большей части на лошадях сошло благополучно и ранней весной 1877 г. они снова были в Требухах.

Будучи за границей, чтобы дети не отстали от своих сверстников, бабушка все время занималась с ними по всем предметам, кроме русского языка, которым она так и не овладела как следует до конца своих дней. Дети действительно не отстали, но в Требухах должны были переучивать историю и географию, ветхий и новый завет по-русски. И мама до конца дней презабавно коверкала многие библейские и исторические имена на французский лад.

Вскоре началась русско-турецкая война. Дети горько плакали, прощаясь с кучером и воронными рысаками, которых сразу взяли в армию. Просили кучера написать им с фронта письмо, рассказать, что там делается в далёкой и странной по рассказам Турции и сообщить, живы ли их любимые вороные.

Теперь каждый вечер, вместо шахмат и пасьянсов, романсов и сказок, все обитатели Требуховского дома щипали по вечерам корпию для раненых, шили для них белье, или вязали им тёплые шарфы и рукавицы, а к рождеству и пасхе посылали в армию посылки с подарками, куда вкладывали солдатскую утеху – махорочку и табачок, туалетное мыло, почтовую бумагу, конверты и вязанные домотканые полотенца да что-нибудь тёплое, шерстяное.

И какова была радость когда приходило из армии ответное письмецо, где говорилось о штурме Плевны или других боях и о героях-генералах, Скобелеве и Гурко.

Тихо и глухо стало в Требухах после смерти дедушки. Редко приезжали гости. Зато зимой в усадьбу забегали волки.

Тогда дворовые собаки-волкодавы дружной стаей бросались на волков и схватка часто кончалась отступлением хищников и тогда на снегу оставалась загрызенная волчица, или волк, а рядом истекающая кровью собака.

Повадился как-то Мишка на пасеку. Два раза ломал он ульи из простых выдолбленных колод. Решили его уничтожить. И тогда же кто-то узнал, что в Могилёве остановился странствующий зверинец, где предлагают целых сто рублей за живого медведя. По этому случаю в Требухах состоялся целый военный совет из охотников-лесников, приказчика, кучера и прочих служащих. Решили взять мишку живьем. Сколотили крепчайшую клетку, запаслись железным ошейником, намордником, цепью и канатами и на пасеке, возле ульев, поставили корыто с полуведром водки, куда добавили какого-то сонного порошка.

Три дня подстерегали медведя зря. На четвертую ночь снова пожаловал за мёдом, но, почуяв запах водки, решил выпить.

Вылакал он целых семь литров водки и свалился возле корыта мертвецки пьяный. Так его и связали, надели ему намордник и цепь, посадили в клетку и увезли в город.

А однажды лесник убил лося и привез его в усадьбу на санях. Долго лакомились тогда вкусной лосиной, а шкуру выделали и долго лежала в кладовой белоснежная замша, из которой не один раз шили бабушке и детям туфельки и сапожки. Даже я в детстве получила кусочек на белые праздничные ботинки.

Тринадцати лет от роду маму отдали в пансион при могилевской мариинской женской гимназии. Поступила она в третий класс и только на святки на пасху и на летние каникулы брали ее домой.

Пансион был устроен по типу института благородных девиц. Та же форма, декольтированное шерстяное платье с короткими по локоть рукавами, с белой крахмальной пелеринкой под горло с приставными белыми нарукавниками и таким же беленьким фартуком. Тот же распорядок дня, прогулка по улицам и парами с классной дамой; тот же приказ говорить один день по-немецки, а другой день – по-французски.

Девочки пансионерки жили между собою мирно и дружно.

Омрачала их жизнь только свирепая классная дама Анна Степановна Доршпруг-Пелицо. Дежурство этой классной дамы ученицы прозвали татарским игом: вечно кто-нибудь стоял у нее в углу, или был лишен воскресного отпуска. Девочки боялись ее, как смерти.

Каждую субботу бабушка присылала маме посылочку. Там был домашний бисквит, сдобная булка, ватрушки с яблоками, баночка варенья, или мёду, фарфоровая кружечка сливочного масла и свежие яблоки. Все эти богатства хранились в особой комнате рядом с дортуаром, и ученицам разрешали раз в день после обеда уйти туда на час, открыть свой шкафчик и полакомиться по домашнему.

Мамины подруги пансионерки были по большей части тоже дочерьми помещиков. Им тоже присылали из дому гостинцы. Девочки угощали друг друга, и этот час был их любимым часом, когда каждая острее ощущала свою связь с семьёю и домом.

Жизнь в пансионе без свежего воздуха, потому что прогулка продолжалась только один час, а в классах и дортуарах было тесно и душно, привела к тому что у мамы развилось сильнейшее малокровие. Частые головокружения и обмороки начались у нее на второй год пребывания в гимназии. Только летом, на каникулах она немного поправлялась, но затем, начиная со второй четверти учебного года малокровие снова усиливалось. Но бабушка на это не обращала внимания, а гимназическое начальство – и подавно.

На второй год пребывания в пансионе, тетушка Варвара Федоровна Войцех стала каждую субботу забирать маму к себе на воскресный день, но это мало помогло маминому здоровью.

Наоборот – еще сильнее расстроило его.

Варвара Фёдоровна (не любила свою французенку) решила перевоспитать племянницу на русский лад и прежде всего сделать набожной и приучить ко всем православным обрядам. Забрав Лилию в субботу в 5 часов дня, она тащила ее ко всеобщей в братский монастырь, где всеобщая длилась по монастырски долго – добрых два с половиной часа. Каждую субботу маме делалось в церкви дурно. Добрые люди выводили ее на паперть под руки, но, как только она приходила в себя, тетушка тащила ее обратно в церковь и они уходили домой только тогда, когда сторож тушил последние лампы и свечи.

А в воскресенье усталой девочке не давали выспаться и будили в пять часов утра и снова тащили в братство к ранней обедне, едва напившись чаем, они спешили в городской кафедральный собор на позднюю обедню, которую служил архиерей. Домой приходили после двенадцати. Тут начинались визитеры. Гости сменяли друг друга, а девочка чуть не падала со стула от утомления, но сидела затянута в корсет в нарядной гостинной тетушки Войцех. В пять часов подавали обед и после обеда горничная снова отводила ее в пансион, еще более усталую, чем накануне.

За эти годы мама выучила русское богослужение наизусть, но почувствовала полнейшее равнодушие ко всякой религии и ко всяким обрядам. Когда она не отрицала, но думала, что вся эта церковная мишура с бесконечными песнопениями стандартных слов на мертвых языках должна была так опротивить богу, что он охотнее стал бы слушать лесных птичек, чем самых лучших певчих архиерейского хора. Вообще, от всего этого принудительного и чисто обрядного благочестия у мамы остался весьма скептический и даже юмористический осадок. Впоследствии бывала она в церкви раза два в год.

Училась мама по-среднему. Непереводных отметок у нее никогда не было. По-французски, по-русски и по литературе у нее всегда бывало круглое двенадцать, то есть пять с плюсом.

Из подруг подружилась она на всю жизнь с сёстрами Анютой и Катей Дзичканец. У них гостила она и летом в их имении Крмоловичах, а Анюта и Катя тоже часто бывали в Требухах. Из приходящих учениц мама подружилась с дочерью доктора Кроль Мари и с бедною полькой Войцеховской. Тетушка Варвара Федоровна никогда не могла простить маме ее дружбы с Мари Кроль “жидовкой”, как выражалась черносотенка тетушка.

В старших классах мама стала много читать. Увлекалась Тургеневым, Гончаровым. Из иностранных авторов особенно любила Гюго. Любила и исторические романы Вальтер Скотта, Диккенса и Бальзака, но считала слишком растянутыми и длинноты всегда раздражали ее.

В учении мамы произошел однажды годичный перерыв. Заболела бабушка и приехала экипаж за мамой. Мама приехала в деревню в ноябре и целых пять месяцев ухаживала за больной матерью и по ее указаниям с утра до ночи суежилась по хозяйству. Когда же под весну маму снова отвезли в пансион, начальство отказалось перевести ее в следующий класс, хотя она по мере сил занималась и дома и по многим предметам не отставала от своего класса.

Бабушка была в Требухах полновластной хозяйкой. Кое-как научилась изъясняться по русски. Это выходило у нее довольно комично, но зато выразительно.

Как все французы бабушка очень любила фрукты и овощи. Она вывезла из Франции много хороших огородных и цветочных семян и черенков для привязок. Взамен старых дуплистых, полудичавших яблонь, насадила огромный фруктовый сад на 800 яблонь, более сотни слив, груш и несколько сот кустов смородины и крыжовника. На огороде развела несколько сортов клубники и ремонтантную месячную землянику, которая, не переставая, цвела и плодоносила с конца мая до первых снегов. Этой земляники было столько, что ели ее глубокими тарелками со сливками, варили из нее массу варенья, сиропов, морсов и мармеладов и на грядках оставалась масса невыбранной ягоды – на радость и поживу прожорливым воробьям.

Бабушкины яства, ликеры, варенья и мармелады были необыкновенно вкусны. И не удивительно: ягоды выбирали для варки только самые спелые и крупные, накануне засыпали сахаром и сбрызгивали ромом или коньяком, ставили в таком виде на лед и варили только на чистом рафинаде. Вообще, ничего среднего по качеству бабушка не признавала.

С крестьянами у бабушки установились хорошие отношения. В просьбе дать бесплатно дров из лесу, или одолжить денег она никому не отказывала. И сочла бы для себя величайшим позором взять с крестьянина проценты за ссуду, как делал это Даниил Адрианович и многие другие помещики. Лекарства закупала ящиками и давала их всем без отказа. Прочитав немало медицинских книг, она лечила довольно удачно. Часто прибегали к ней заплаканные девушки, умоляли дать (...)

... нелюбимого человека и уже пропили дочку”. Надо было вернуть сватам выпитую водку, чтобы вернуть себе волю.

Девушки знали наверняка, что “барышня-французка” им не откажет. Бабушка деньги давала и при этом ругательски ругала “варварский обычай”, и девушке говорила:

– Будешь отдавать, когда будешь богат”.

Девушка обычно бросалась целовать ей руки, а она возмущенно одергивала их:

– Иди! Иди! Я не святой папа из Рим!

Но если кого-нибудь ловили на краже, или с порубкой в лесу – она этого не прощала и отдавала вора под суд. И тогда пылая возмущением, говорила:

– У этот народ нъэт честь. Эсли он просиль – я даваль, а вор надо в тюрьма.

И по французски пояснила:

– Мне стыдно за них. Во Франции меня часто спрашивали:

– “Скажите, Элиз, неужто все русские воры”. Каково мне это было слышать, когда мой муж русский! Подлый царь: не учил свой народ ни чести, ни грамоте. А народ сам ничего не понял, хотя как будто талантлив и не плох.

Девушки-невестки приходили приглашать бабушку к себе на свадьбу. Она дарила им атласные и муаровые белые ленты в косы и венки из недорогих белых подвенечных цветов не то из воска, не то из стеарина.

С утра до ночи хлопотала бабушка по хозяйству. Хрупкая, изящная, миниатюрная, она буквально летала по усадьбе и своим трудом погасила до копейки банковский долг, оставив имение сыну без копеечки долга.

Для выездов в город у нее было два-три изящно-строгих по линиям платья. Дома же летом ходила она в платьях из батиста, или сатина – либерти с белыми крахмальными или кружевными воротничками, а зимой – в платье из легкой шерсти. Но круглый год была с утра в корсете, хорошо причесанная, так что в случае неожиданного появления гостей, ей не надо было бежать переодеваться, как русским дамам, которые любили дома шлепать в туфлях и капотах с нечесаной головой.

Сашок поступил в первый класс гимназии годом позже мамы.

Поселили его в городе у одного из учителей, державшего ученическую квартиру.

По математике мальчик учился на круглых пятерках. По литературе и новым языкам – на четверках, историю очень любил, но древние языки стали для него камнем преткновения.

– Объясни мне, Лилечка, к чему это учат языки, на которых говорили две тысячи лет тому назад? – допытывался он у сестры, чуть не плача.

И не мог понять бедный мальчик, что ввели их специально для притупления любознательной пытливости и свободолюбия молодежи...

Из пятого класса в шестой перешел он с переэкзаменовкой по латыни и греческому. Тогда бабушка решила взять ему на лето репетитора. Учителя порекомендовали ему для этой цели ученика 7-го класса Сергея Гавриловича Якушевича.

Якушевич был типичный разночинец тех времен, поклонник Писарева, Добролюбова и Чернышевского. Ходил он в косоворотке с суковатой дубиной и только потому не отпускал длинных волос, что гимназическое начальство не допустило бы подобного безобразия. Он был сыном не то кулака, не то мелкой меденжю отчасти потому что это помогало скрывать недостаток воспитания и манер – старался держаться резко и развязно в стиле Марка Волохова из Обрыва, или Базарова.

Часа два в день занимался он с Сашком древними языками, а остальное время писал дневник, читал, бродил по рощам и лугам, вдоль Днепра, наблюдая бурлаков, тянущих бечевой “лайбы” и “берлины” и ...без памяти влюбился в мою маму.

Мама только перешла в последний выпускной класс гимназии. Она была девушкой редкой строгости и душевной чистоты. В ней никогда, ни в ранней молодости, ни позднее не было тени кокетства. Держала она себя немного застенчиво, но с большим чувством собственного достоинства, так что ни у кого в ее присутствии не повернулся бы язык сказать пошлость.

– На эту девушку можно молиться, но не влюбиться в нее – писал Якушевич в своем дневнике.

– Это – мадонна Рафаэля, а не обычный человек.

А шалун-Саша подсмотрел у него эту запись и разболтал.

Глубоко-глубоко тайл Якушевич свое чувство. Он понимал что он не ровня моей маме, а кроме того остро чувствовал, что ничем и никак не сможет пробудить в ней ответного чувства. Каждую неделю ходил он пешком в город за 12 верст менять для нее книги в библиотеке, доставал все новинки и только этим выдавал свое поклонение ей.

Летом, на каникулах, мама действительно много читала. Ренан, Сенкевич, Берта фон Зутнер, Мопассан, граф Салиас, Элиза Ожешко, Салтыков-Щедрин, Гаршин, Гюго, Бальзак, Золя, Алексей Толстой и Лев Толстой, Достоевский, Надсон и Тютчев прошли через ее руки и каждая книга давала ей темы для размышлений, для серьезных бесед. И эта до суровости строгая к себе и вместе с тем до наивности неиспорченная и застенчиво нежная девушка оказалась в беседах куда умнее и начитаннее бывавшей в Требухах молодежи.

Бабушка не скрывала от дочери, что всё имение по закону перейдет к Сашку, как только он достигнет совершеннолетия, и мама понимала, что ей надо учиться и вероятно придется зарабатывать себе кусок хлеба. Бабушка ничего не подсказывала и не навязывала ей, но вообще частенько говорила, что каждый человек в жизни должен быть самостоятельным: можно выйти замуж и неудачно. Тогда лучше уйти от плохого мужа, чем покоряться воле нелюбимого, или плохого человека. И обычно добавляла:

– Образование – это тот капитал, который ни в огне не горит, ни в воде не утонет, ни в лопнувшем банке не пропадет. Это – самый верный и надёжный кусок хлеба в жизни и для женщины, и для мужчины.

И мама молча соглашалась с нею.

Все это казалось очень странным соседям-помещикам, которые старались выгодно и прилично устроить своих дочерей замуж.

Не было в маме и тени карикатурной русской курсистки тех времен с папирской в зубах, стриженными волосами, в косоворотке и рваных чулках. Она была очень женственна, недурно играла на рояле, пела сильным бархатистым меццо-сопрано романсы Глинки и Гурилева, серенаду Шуберга и другие модные вещи. Манеры были у нее безупречные: невоспитанность и жеманство вызывали у нее чуть уловимую гримаску брезгливости, а в гимназии и дома она вела себя так, чтоб никто и никогда не мог сделать ей замечания. И классные дамы говорили про нее:

– Королько не первая ученица, которая бьет на золотую медаль, но это серьезная умная и гордая девочка, которой даже неловко сделать замечание.

Самолюбие и чувство собственного достоинства никогда не покидали ее. В обществе она была весела и беззаботна, но с молодыми людьми говорила больше о книгах и музыке и просто, и честно, как братьям, смотрела им прямо в глаза.

Писала она по-русски и по-французски абсолютно грамотно красивым четким почерком – таким же четким и ясным, как был ее ум и чистое, строго выработанное мировоззрение. Стиль мамин был лаконичный, легкий и изящный. Она не была расточительна, скорее даже бережлива, но щедра до самозабвения, когда надо было кому-нибудь помочь, а во имя долга – всегда готова идти на самопожертвование.

Эротическая сторона жизни никогда не привлекала ее.

Она была на редкость целомудренна и в девичестве и в замужестве и терпеть не могла шептаться с подругами о своих и их сердечных тайнах и делах. Любовь для нее была чем-то священным: ее надо было хранить и таить глубоко в душе, как святыню, чтобы ничьи чужие равнодушные глаза не смели оскорбить ее непрощенным взглядом, а тем более легкомысленным словом и шуточкой.

Весной 1885 года мама окончила семиклассную могилевскую женскую гимназию «Ведомства учреждений императрицы Марии». Надо было думать о том, куда отправиться для дальнейшего образования.

Кажется в этот год, или годом раньше был издан правительственный приказ о ликвидации всех высших женских курсов в России. Это был очередной шаг на пути насаждения черной реакции, которая в первую голову обрушилась на молодёжь. Правда, в приказе была оговорка, что всем учащимся дается возможность закончить в сжатые сроки образование, но нового приема женщин больше не будет.

Таким образом, путь к высшему образованию для мамы был закрыт. Можно было, конечно, поехать за границу во Францию или Швейцарию, как это делали многие русские девушки, но для этого надо было иметь средства, а бабушка не могла их выделить для мамы, потому что самим надо было жить и выплачивать долг по имению, а главное отчитываться каждой копейкой перед опекой, так как имение юридически принадлежало не ей, а малолетнему сыну. И наконец после русско-турецкой войны русские деньги котировались за границей не высоко.

И мама терялась, не зная, что предпринять.

Летом снова приехала гостить в Требухи Анна Леонтьевна Бренфо, бабушкина приятельница-француженка, жила она в Харькове и преподавала французский язык в харьковской немецкой женской (Вознесенской) гимназии. Это была старая дева лет сорока, моложавая, очень живая и энергичная. Она даже летом на каникулах, не могла ни минуты сидеть сложа руки: то вышивает, то вяжет кружева, то штопает чулки, то читает, что чистит какую-нибудь вещицу, или шьет на бедных. Конечно вопрос о судьбе Лилички заинтересовал ее, как друга семьи и как педагога.

После долгих размышлений Бренфо посоветовала маме поступить в Харькове в восьмой педагогический класс по специальности французского языка в одну из министерских гимназий, а затем сдать экстерном на учительницу французского языка при Харьковском университете. Тогда она получит право преподавать в старших классах

всех мужских и женских учебных заведений России. Большинство иностранок, живущих в России таких дипломов не имеют, поэтому мама, полуфранцуженка, получит по сравнению с ними большое преимущество при получении хорошей работы.

Предложение Анны Леонтьевны, или Жанн, как ее называли по французски, всем понравилось. Мама стала готовиться к отъезду в Харьков.

В это лето Сашок перешел в следующий класс без переэкзаменовок, но бабушка, на всякий случай, снова пригласила к Саше Якушевича, чтоб он за лето “не отбилса от наук”. Якушевич только что получил аттестат зрелости и тоже готовился поступить в университет. Узнав, что Лиля едет в Харьков, тоже решил поступать в Харьковский университет, и, не сказав об этом никому ни слова, послал туда документы.

И вот ранней осенью, когда в саду стали поспевать самые лучшие яблоки и чудесные французские сливы ренклод, тронулась в путь Жанн Бренфо вместе с маленькой Лили.

В Могилеве тогда еще не было железной дороги. Пришлось ехать в дилижансе до Бобруйска, а оттуда в Харьков – в поезде.

Жанн Бренфо занимала комнату в квартире вдовы-чиновницы Елены Марковны на Рымарской улице. Елена Марковна сдавала комнаты “приличным” жильцам с домашними обедами, кроме того держала много приходящих столовников. Бренфо была ее постоянной и солидной клиенткой.

Для мамы поставили в комнату Анны Леонтьевны приличный мягкий диван и маленький письменный столик – и потекли однообразные дни учебного года, изредка прерываемые праздниками и другими выдающимся событиями.

Бренфо давно жила в Харькове. У нее было много знакомых. Она ввела Лилу в семью профессора гистологии Кульчинского, познакомила с немецкой семьей Леше, сын которой, Людвиг Осипович, стал впоследствии директором Киевского коммерческого училища, на Бульварно-Кудрявской улице. Познакомила с семьей своих учеников купцов Gladковых, которые держали антрепризу зимой, а летом летний сад с концертной эстрадой и летним театром “Тиволи”. Эта семья обильно снабжала их контрамарками зимой в оперетту, а весной и осенью в свой сад “Тиволи”.

В быту Жанн Бренфо была ужасным деспотом и формалисткой.

Каждый ее карандаш на письменном столе, каждая ложка на полке с посудой, каждая катушка ниток в рабочей корзинке – имела свое место – и горе было тому, кто, взяв ее вещь, не клал ее на место, или отодвигал вправо или влево на несколько сантиметров, жизнь была у нее расписана по минутам: домой надо было приходиться точно в то же время, спать ложиться ровно в 11. И никакие силы мира не могли заставить ее забыть о своём расписании.

Русская девушка вряд ли ужилась бы рядом с Бренфо. Но мама дома и в пансионе привыкла жить по часам, да и характер был у нее точный и чуждый малейшего разгильдяйства. Поэтому они прекрасно ужились и даже ни разу не поссорились, хотя за глаза мама немного подтрунивала над некоторыми странностями своей патронессы.

Наряду со своей педагогичной строгостью Бренфо легко увлекалась и влюблялась, конечно весьма платонически. Увлекалась она и молодым Леше, а мать Людвиг Осиповича, старая домовитая немка, приходила в ужас при мысли, что ее Людвиг может жениться на “свирепой” француженке .

Харьков город грубый. Уличная публика нахальная. Мужчины часто заговаривали и приставали к незнакомым девушкам, говорили им пошлости, о существовании которых мама не подозревала. И Якушевич решил что надо бережно охранять Лилию от грязи большого города, которая может так болезненно осквернить ее светлый и хрустально – чистый духовный мир. Тут проявилась его чуткость и нежность, такая неожиданная при его грубых манерах нигилиста и радикала. Каждый день ждал он маму на углу того квартала, где помещалась гимназия, и провожал ее домой, чтобы какой-нибудь досужий фланер не заговорил с нею. И в проливной дождь, и в метель не изменял он этой привычке, хотя мёрз и промокал до костей в своем демисезонном пальтишке и рваных галошах. И даже колкости Бренфо и подтрунивания Елены Марковны не смущали его.

Но, наедине с мамой он никогда не переступал грани и не заговаривал о своём чувстве.

Любую нужную книгу доставал он ей из университетской библиотеки, а в комнате Бренфо часами сидел в углу и только издали любовался Лилей. В конце концов понял что это становится смешным и неудобным – он стал бесплатно заниматься по всем предметам с мальчиком Елены Марковны, лишь бы иметь благовидный предлог для ежедневных посещений ее квартиры.

Иногда Бренфо, Леша и два студента – болгарина Воинов и Сабек брали в складчину ложу в оперу, или драму, а Лилию приглашали как свою гостью на пятое место. Бывало это только по субботам или по воскресеньям, чтобы не нарушать расписания жизни. Так мама впервые в жизни узнала лучшие образцы оперного и драматического искусства и даже побывала на симфонических концертах. Раза два пригласили ее и на гастроли украинской труппы Кропивницкого, где блистали Садовский, Саксаганский с Марией Занковецкой.

На святках маму приглашали ко всем знакомым на елки и вечеринки, а на пасхальные каникулы она съездила с Бренфо к ее друзьям-помещикам Славяносербского уезда, где было много симпатичной и весёлой молодёжи.

Так незаметно промелькнул учебный год. Настала ранняя южная весна а с нею – выпускные экзамены, Мамин преподаватель Франц Матвеевич Шено читал французский язык и в университете. Зная что некоторые его ученицы будут держать при университете учительские экзамены, он требовал в 8 классе значительно больше, чем полагалось по гимназической программе. Большинство учениц не справились с такой нагрузкой, но мама и еще одна харьковчанка шли у него на круглых пятерках.

На выпускном дали специалисткам по французскому языку сочинение. Всего было три темы: о комедиях Мольера, о романтизме во Франции и отвлеченная тема о преимуществах и недостатках домашнего школьного и обучения и воспитания детей. Мама выбрала эту последнюю тему и получила пять с плюсом.

Получив аттестат об окончании 8 классов гимназии, Министерства Народного Просвещения, мама подала прошение о допущении ее экстерном и экзаменам на курсах иностранных языков при университете. Она была единственной женщиной и единственным экстерном, сдавшим в этот год эти экзамены и притом с отличием.

Почти одновременно с мамой закончила свою педагогическую (...)

(...) Киеве на пароход, идущий вверх по Днепру до Могилева.

В Киеве прожили они три дня, осмотрели город, сделали покупки для бабушки и распростились на пароходной пристани.

Так очутилась мама на борту парохода “Ярослав” на котором папа ехал к Мациовичу в Речицу.

Три дня провела мама на борту “Ярослава”. Медленно шел пароход вверх по течению. В первый день спутники невольно разговорились. У папы был в руках новенький томик Надсона с собственноручной надписью автора. Невольно заговорили о стихах, а от стихов и Надсона беседа перешла на другие книги, на окружающую природу и на разные вопросы, волнующие в то время молодежь.

И оба почувствовали, что много почерпнули с этой беседы.

Мама поразила папу серьезным и вдумчивым отношением и хрустально-чистым взглядом на жизнь и людей, на долг каждого человека приносить пользу стране и людям, даже больше – всему человечеству. Таких девушек он еще никогда не встречал. Своей строгой сдержанностью и чувством человеческого достоинства она совсем не походила на мнимо-надменных, но пустых барышень из чиновничьего круга, ни на мужеподобных нигилисток-курсисток, ни на чопорных богачек, которых вывозили богачи заводчики на балы во время киевских контрактов, ни на жеманно-смазливых поповен и мещаночек с юга. Он и восхищался своей собеседницей, и смущался, боясь неосторожным словом спугнуть эту милую застенчиво-серьезную доверчивость, а оригинальный и тонкий вкус в литературе прямо поражали его. Беседовали они задушевно и просто, как говорит брат со своей любимой сестренкой.

“Я думаю только о ней, весь я полон ее странным непонятым очарованием, – писал папа своей матери. Такая строгая честность к себе, такая чистота и глубина мысли со свежестью души напоминает мне ее аромат лесных ландышей, обрызганных росой. Я чувствую что эта встреча оставит глубокий след в моей жизни”.

Прощаясь на пристани в Речице папа попросил разрешения написать ей и при-слать ей пару книг. Мама поблагодарила, но предупредила что письмо покажет матери и ответит с ее разрешения.

Действительно, через две недели пришла в Требухи посылка с книгами с очень сдержанным почтительным и приличным письмом. Бабушка дважды прочла письмо, похвалила изящный и тонкий папин почерк и разрешила ответить коротким благодарственным письмом.

А папа, волнуясь в ожидании проблематического ответа писал матери:

”Я не могу не думать об этой оригинальной, ни на кого не похожей барышне. А ведь она не красавица: квадратный правильный лоб, чудная чёрная коса, умные и большие чёрные глаза, нос с горбинкой и нервными ноздрями, изящный небольшой рот с крупными ровными зубами, стройная, крупная, среднего роста с бледным “матовым” лицом, порою вспыхивающим застенчивым румянцем она стоит передо мною во все часы моей жизни. Жду ответа и волнуюсь, как гимназист перед трудным экзаменом”.

И коротенькое простое письмо со словами обычной светской благодарности показалось ему лучом света во мраке.

Через несколько дней послал далекой Лиле новое письмо, такое же сдержанное и почтительное, посылочку новых книг и несколько своих стихотворений.

Мама тоже частенько вспоминала своего дорожного спутника.

Он произвел на нее не такое сильное, но всё же глубокое впечатление.

Во-первых, это был первый поэт, с которым она познакомилась в жизни, а поэты как и артисты, всегда окружены в представлении публики каким-то собственным ореолом.

Во-вторых, круг знакомых Лили Королько ограничивался молодыми людьми ее круга, пусть даже симпатичными и культурными, но провинциалами. Житель большого города, человек начитанный, передовой, с широким кругозором, каким был мой папа, выгодно отличался от них. А кроме того, не смотря на свою молодость, много пережил и перечувствовал, а это тоже сказывалось на его взглядах на жизнь.

Наконец обладал он недюжинным даром речи, в беседе был находчив, весел и остроумен. Никогда не повторял чужих штампованных слов и суждений. Метафоры и меткие сравнения так и искрились в его речи, точно бриллианты. Да и сам он был красив и, порою величествен. Выше среднего роста, с большим на редкость красивым лбом мыслителя, с чуть выпуклыми светло-кариими задумчивыми глазами, с черными волнистыми волосами, мягкой волной окаймляющей лоб и такой же небольшой бородой. Широкие плечи, мягкий тембр его голоса, руки с тонкими изящными пальцами – таков был мой папа в юные годы.

Не одна девушка с восторгом заглядывалась на него. Даже на склоне лет, когда я выросла, он производил на женщин огромное впечатление, но этот успех он даже не замечал...

– А у него талант. Настоящий талант, – сказала бабушка, прочитав папины стихи. И письмо хорошее. В нем чувствуется тонкая душа и рыцарское отношение к женщине. Надо его поблагодарить. Напиши ему, что стихи нам очень понравились.

И мама поспешила исполнить бабушкино желание.

Так завязалась переписка, продолжавшаяся целых три с половиной года. Раз в неделю папа писал в Требухи и раз в неделю в один и тот же день получал ответ.

Настала осень. Мама собиралась переехать в город и поступить в гимназию преподавательницей французского языка, но тетушка Варвара Федоровна, графиня Цукатто и все великосветские дамы восстали против этого. Они не могли примириться с мыслью, чтобы дочь предводителя дворянства и притом единственная пошла служить подобно бедной иностранке без кола и двора. Это оскорбляло и семейные и сословные традиции. Никакая русская мать не могла, по их мнению, допустить ничего подобного. И бабушка поняла, что Россия не Франция, где три революции успели стереть все сословные предрассудки, и оставила Лилию дома.

По обычаям того времени, всякую дочь, окончившую гимназию или институт, начинали “вывозить” в свет, то есть на балы и вечера. Живя в деревне, перегруженная хозяйственными заботами, бабушка охотно переуступила эту роль тетушке Варваре Федоровне Войцех.

Варвара Федоровна, как я уже говорила, была вдова костромского губернатора генерала Войцеха. У нее была дочь Наталья Андреевна, девица перезрелая, лет на 20 старше Лили, и сын Федор Андреевич, или попросту Федя.

Федя Войцех с детских лет обнаруживал недоюжный талант к музыке. Семилетним мальчиком был он уже хорошим пианистом и выступал на концертах, играл сона-ты Бетховена, за что его прозвали в обществе “маленьким Моцартом”

При умелом воспитании и музыкальном руководстве, из него несомненно вырабо-тался бы выдающийся музыкант.

Но только не в семье Войцех.

Отец его был строгий служака и порядочный солдафон, боготворивший военные уставы, шагистику и палочную дисциплину Николаевских времен. На искусство смо-трел он, как на забаву для девиц. Мать, хоть и неглупая светская дама, но полная со-словного чванства, спеси и предрассудков, учила Федю играть на рояле только потому, что дилетантская музыка входила в круг светского воспитания элегантного светского юноши. Когда Феде исполнилось 12 лет, учителя музыки, старого немца отправили, решив, что довольно Феде сидеть за роялем и отдали его в кадетский корпус. Там он заболел из-за своего изнеженного воспитания. Тогда его перевели в классическую гим-назию, и никому не пришло в голову, что путь его – в консерваторию.

Латынь, греческий и математика трудно давались нервному и избалованному ре-бенку. Когда его оставили на второй год, он и вовсе бросил учиться.

Тогда отдали его в другую гимназию. Там повторилась та же история. В конце кон-цов, окончив 6 классов, Федя дальше учиться не пожелал и поступил в какой-то депар-тамент.

Тетушка Варвара Федоровна по старинке полагала, что достаточно происхождения и протекции, чтоб вытащить сына в сановники и вельможи. Но времена изменились: каждый год учреждения заполнялись молодыми людьми с университетскими и лицей-скими дипломами, и круг должностей, которые можно было занимать недоучкам все сужался и сужался.

А главное избалованный и недисциплинированный Федя не мог ужиться ни с од-ним из начальников. Малейшее замечание вызывало у него вспышку спеси и самолю-бия. Он начинал дерзить. Тогда его увольняли, или он первый подавал в отставку, или его пытались осадить.

И снова слонялся из департамента в департамент без работы. Отца его давно уж не было в живых. Мать его поняла, что жить на пенсию в столице трудно и переехала в родной Могилев, а Федя не хотел слышать о провинции, где быть может, он пристро-ился бы к жизни. По прежнему все свободные часы проводил он за роялем, но один талант без виртуозной техники и консерваторского диплома не мог его прокормить. Стать учителем музыки в богатых домах – мешала гордость. Так и влачил он довольно жалкое существование мелкого чиновника, кочующего из министерства в министер-ство, стал пить, опускаться и кончил свою неудачную жизнь лишнего человека, не до-жив до сорока лет.

Сестра его Наталья Андреевна, была очень некрасива и мало способна к музыке, но зато обладала большой усидчивостью и трудолюбием. Часами сидела она за ро-ялем “натирая пальцами клавиши”, как презрительно отзывался об ее музыке Федя. Играла она и виртуозные технические вещи, но без огня и настроения, без творческой искры.

Училась она и живописи, даже стала хорошей художницей-копиисткой и выставляла свои работы на выставках, но создать самостоятельное волнующее полотно не могла: и на это не хватало таланта.

Каждую осень Наталья Андреевна уезжала из Могилева в Петербург на всю зиму, посещала там театры, выставки – вернисажи, концерты. Много работала кистью и занималась художественным рукоделием, анонимно сбывая их в магазины художественных вещей, чтобы не “компрометировать своего дворянского звания”.

Замужем она не была. При жизни отца посватался к ней молодой да ранний чиновник особых поручений, думавший сделать блестящую карьеру, женившись на губернаторской дочке.

День свадьбы был уже назначен, как вдруг жених узнает, что генерал подал в отставку. Тогда решил он, что можно жениться на генеральской дочке не только из-за протекции, но и ради денег, потому что генерал Войцех слыл в обществе богатым человеком. И вот в день свадьбы, когда невесту уже одевали к венцу, явился он к будущему тестю и прямо спросил какой капитал дает Андрей Федорович своей дочери. Генерал опешил, растерялся, затем объяснил, что выделить дочке при жизни половину капитала он не сможет, но после смерти она получит половину капитала и все имущество. Жених довольно нахально ответил, что дочь генерала хоть и весьма порядочная девица, но не настолько хороша собой, чтобы жениться на ней по любви, а поэтому он ставит условие: дать ему или наличные деньги, или заемных писем на несколько десятков тысяч рублей.

Между тем невесте сообщили, что жених ее приехал к отцу и о чем-то спорит с ним в кабинете. Почуввав недоброе, Наталия Андреевна решила подслушать, о чем идёт речь.

Услышав слова жениха, она в гневе распахнула дверь, швырнула ему его кольцо и прогнала его с глаз долой, сказав что лучше добиться разрыва до свадьбы, чем после нее.

Скандал получился огромный. Все были на стороне оскорбленной девушки, и незадачливому жениху пришлось убраться в другую губернию искать там другую выгодную невесту.

По тогдашним законам, дочери военных генералов получали после смерти отца пенсию до замужества, а если не выходили замуж – то до смерти. Так и Наталья Андреевна получала пенсию за отца что-то около 200 рублей золотом в месяц вплоть до Октябрьской революции, когда старорежимные пенсии были аннулированы. Поэтому ее увлечение живописью и художественными рукоделиями не было для нее профессией, а происходило от любви к искусству. Вообще тетя Наташа всю жизнь что-нибудь изучала: то увлекалась выжиганием по дереву, наполняя дом дымом и копотью, то занималась живописью по стеклу и фарфору, то тиснением по коже и по металлу, то пробовала делать итальянскую мозаику, то резьбу по кости, то лепку из терракоты, то в Париже училась делать искусственные цветы, то плела русские кружева.

И работы ее были изумительно красивы и тонки.

Но вернусь к моей маме.

Тетушка Варвара Федоровна, оставалась одна на зиму в Могилеве, не только ходила по церквям, но и следила за жизнью губернского города и, хотя муж ее давно умер,

и была она только вдовой губернатора, но по воскресеньям у нее на приеме бывал и губернатор, и архиерей, и директора банков, предводитель дворянства и председатель суда, не говоря уж об отставных генералах и помещиках, командирах местных полков и заезжих гвардейских офицерах.

Роль дамы, вывозящей племянницу в свет пришлось ей по вкусу. Мама жила в Требухах, но как только в городе предвиделось что-либо интересное, она вызывала Лию к себе погостить и везла ее то на бал, то брала ложу в театр, или концерт, так как по тем временам сидеть в партере дамам считалось неудобным.

После бала, или маскарада, все молодые люди, представленные Лиле, на другой день являлись к Варваре Федоровне с визитом, и Варваре Федоровне доставляло огромное удовольствие присматриваться к ним и оценивать их как претендентов на Лилину руку.

У Варвары Федоровны было много драгоценностей: жемчугов, рубинов, изумрудов и бриллиантов. Наряжая Лию на бал, она давала ей надеть то нитку крупного жемчуга, то изумрудную диадему, или колье, или целую парюру из опалов. Но вернувшись с бала, она все это отбирала и прятала в один из своих бесчисленных тайников: все это береглось для сорокалетней Натальи Андреевны, а когда Наталья совсем состарилась, они стали понемногу распродавать свои сокровища, чтобы по прежнему жить широко и ни в чем себе не отказывать.

Однако светская жизнь хоть и развлекала Лию, но не удовлетворяла ее душевных и умственных запросов. Ей хотелось чего-то другого, серьезного и полезного, но чего именно – она еще не могла уяснить.

Может быть именно поэтому переписка с далеким поэтом становилась ей всего дороже и нужнее: в этих письмах, не боясь сплетен, можно было осторожно осмелеть провинциальный высший свет и своих бальных шаркунов-кавалеров и рассказать о своих мечтах о подвиге, о служении человечеству, и передать свои раздумья по поводу прочитанной книги.

Ответные письма всегда приносили что-то новое, свежее, зовущее. Папа подробно описывал постановки в театре, иногда посвящая целое письмо разбору новой книги, или мыслями о современных волнующих общество вопросах.

Бабушка Элиз всегда читала эти письма и однажды, прочитав письмо, посвященное разбору произведений Гюго, пришла в восторг.

– Он очень умён, твой знакомый, – сказала она. – Как он только понял нашего великого поэта и романиста! Знаешь что, Лили, я хочу его видеть. Пригласи его приехать к нам познакомиться со мною и погостить.

И в очередном Лилином письме сделала любезную приписку, где с грацией чистой француженки, просила оказать им честь и удовольствие провести в Требухах позднюю русскую пасху.

Можно себе представить, как обрадовался папа этому приглашению!

Нелегко было ему раздобыть денег на дорогу, на приличный костюм и чемодан, на роскошный торт и духи в подарок гостеприимным хозяйкам, а чаевые прислуге. Но все преодолел поэт, стремясь к заветной цели, и в начале страстной недели был уже в Могилеве, а оттуда помчался на извозчике в Требухи. Подробностей этого первого визита

я не знаю, так как мама со свойственной ей сдержанностью и замкнутостью никогда не посвящала нас, детей, в детали своего романа, но знаю, что за эти две недели папа понял, что без Лили не будет у него счастья в жизни.

Не обошлось и без комического эпизода. Обильное требуховское хлебосоольство и необычайно вкусный утонченный стол привели к тому, что папа так с непривычки объелся чудесными пасхальными яствами и серьезно заболел. Как-то ночью няня Катерина прибежала будить бабушку, говоря, что Киевскому паничу плохо. Бабушка мигмом вскочила с постели и помчалась к больному с целой бутылкой касторки. Папа попробовал отказаться от такого свирепого лекарства, но бабушка, забыв гостеприимство, так прикрикнула на него, что он покорно выпил всю касторку до дна.

На другой день он был совершенно здоров и от души поблагодарил бабушку за лечение, но два дня его продержали на строжайшей диете и он только издали мог любоваться роскошным пасхальным столом, глотая голодные слюнки.

Но зато на прощанье бабушка снабдила его целым орококом, банкой меду и ящичком куличей, мазурков, кексов и бриошей и расстались они большими друзьями.

С тех пор бабушка разрешила писать Лиле больше и чаще, чем раньше. И папа, конечно, воспользовался разрешением и часто, отказывая себе во многом, присылал маме книги и ноты и там, между страницами, прятал записочки, более теплые и нежные, чем письма, которые бабушка продолжала по-прежнему аккуратно перечитывать.

Так прошел еще год.

И снова приехал папа на Пасху в Требухи, и снова был встречен тепло и приветливо. Совсем не так как встречала его Макариха...

А тетушка Варвара Федоровна негодовала, что бабушка палец о палец не хочет ударить, чтобы "хорошо" выдать Лиличку замуж. А бабушка, как истинный европеец, возмущалась таким "восточным" взглядом на жизнь и на девушку, называя тонкие заботы пережитками гаремного быта, и говорила, что каждая девушка должна сама выбирать себе мужа по сердцу и за глаза не раз посмеивалась над тем, как много помогли заботы Варвары Федоровны о судьбе ее собственной Натали.

Мама не скрывала от Варвары Федоровны, что переписывается с папой. И Варвара Федоровна просто шипела:

– Какой-то студент! Какой-то Тулуб! Человек без общественного положения и состояния. Может быть даже не дворянин! Да разве он пара нашей Лиличке. Да я бы на месте твоей мамы от дому бы ему отказала, а не давала морочить тебе голову стишками... Впрочем, чего хорошего можно ждать от француженки...

– Но ведь и Пушкин был поэт, – робко возражала мама.

– Да, но Пушкин был и будет вовеки один. А таких писак, как твой Павел Александрович – всюду достаточно.

Мама молчала.

А между тем вокруг нее увивалось человек пять "солидных молодых людей с общественным положением и состоянием": был тут и помещик Казанович, – тип смешного увальня недоучки; сын губернатора Дембовецкого, и полковой адъютант князь Бентабаев, и бывший мамин учитель гимназии, считавшийся в городе первым красавцем и сердцеедом. Многие из них просили маминой руки, но всем им мама отказывала.

Ворчала тётушка Варвара Федоровна, а няня Катерина приходила в ужас:

– Не будь, Лиленька, разборчивою невестой, как в басне Крылова, разве можно отказывать таким женихам! У одного именье – не обойти. У другого денег полон банк и дом как дворец... Да и сам из себя красавец. А ты только и пишешь что своему киевскому да только книжки его читаешь. И чем он тебя приворожил?! Ох, на горе-беду ты с ним встретила... А все бусурманка Брейфושка проклятая... Виданное ли дело: молоденькую барышню усадила одну на пароход, а сама хвостом махнула – и полетела в свою Францию. И что ты в нем нашла, в этом студенте?! Ну, правда, из себя видный, так зато ни кола, ни двора. Да ты с ним с голоду помрёшь, шатаясь по каким-то кухмистерским. Вспомни, что ты ни кто-нибудь, а дочь предводителя, столбовая дворянка. Да разве он тебе пара?!!

А бедный студент «без кола и двора» успел тем временем кончить юридический факультет и сдать государственные экзамены. Приятно было ему почувствовать под ногами почву, и знать, что наконец путь в широкую жизнь открыт, что скоро будет прочный, честно заработанный кусок хлеба и можно будет основать свой собственный домашний очаг.

Перед кончающими юристами открывалось два пути: адвокатура и коронный суд. Каждый из этих путей имел свои достоинства и недостатки.

Адвокатура была внешне заманчивее, потому что сулили находчивому и знающему юристу широкую популярность, почти славу и большую доходную практику. Это была свободная профессия, не связывающая человека надоедливой обязанностью ходить ежедневно на службу. Не знала ни мундира, ни орденов, ни чинов всей этой мишуры, убивающей в чиновнике душу живую. Кроме того, адвокатура была в глазах публики овеяна романтическими предложениями о ней, как о благородной роли защитника, то есть человека, добивающегося оправдания, или хотя бы смягчения участи человека, привлеченного к суду, либо по ошибке, либо потому, что жизнь запутала его и довела до преступления.

Не так конечно было на самом деле.

Первое время начинающий адвокат был помощником присяжного поверенного, самостоятельной практики не имея, помогал вести дела своему патрону и так сказать кормился крохами с его стола. Но и тогда надо было иметь прилично обставленную квартиру с приемной и рабочим кабинетом, потому что во время всякой вольной профессии декорум решал всё, и адвокату, как и врачу, платили пропорционально той обстановке, в которой он принимал своих клиентов, как он одет и широко ли живет.

Такой материальной базы у папы не было и добыть он ее не мог.

Коронный суд тоже не сразу давал кусок хлеба начинающему юристу. Надо было год или два, а порою и больше пробыть кандидатом на судебную должность при окружном суде, или судебной палате. Кандидатам жалованья не платили. Они были как бы бесплатными стажерами-практикантами, ожидающими открывающейся вакансии. Каждый день приходили в суд или палату и практически изучали делопроизводство и судопроизводство. Писали протоколы заседаний, практиковались в писании резолюций и мотивированных решений, знакомились с формами составления разных бумаг. После нескольких месяцев такой работы их направляли выполнять обязанно-

сти секретарей суда, а затем – судебных следователей, товарищей прокурора и иногда – мировых судей. Тогда им начинали платить за работу по ставке того, кого они временно заменили.

Кандидаты, конечно, нуждались. Добывать кусок хлеба приходилось им, как и студентам, побочными заработками: уроками, перепиской бумаг, работой личных секретарей у больших адвокатов. Но зато каждый знал, что впереди назначение, которое раз и навсегда поставит их на рельсы.

Был в коронной службе и тот плюс, что, прослужив 35 лет, военный судейский получал пенсию, равную его последнему окладу, независимо от того оставался он трудоспособным, или нет, а после его смерти половину пенсии получала вдова, тоже до смерти, или до вторичного замужества, а дети – до совершеннолетия, то есть до 21 года. Адвокаты никакой пенсии не получали и должны были за годы практики скопить себе на старость капитал и этим обеспечить семью.

Крупные адвокаты на старости были богачами, покупали дома и имения, или держали деньги в банках, а еще чаще – отдавали домовладельцам и помещикам под закладные за солидный процент. Рядовые же адвокаты редко обладали выдержкой и силой воли, чтобы откладывать гроши на черный день, даваемый стиль работы приучал их к частым поездкам, кутежам, ресторанам и безалаберной жизни.

Сдавая последние экзамены, папа уже серьезно задумался, куда идти. Полный сил и надежд приехал он во второй раз в Требухи и тогда поделился с мамой и бабушкой своими колебаниями и раздумьями.

Бабушка искренне приняла к сердцу сомнения папы и, подумав, посоветовала ему идти служить, потому что служба, хоть и не дает внешнего блеска жизни, но обеспечивает человека постоянным, верным заработком и спокойным солидным общественным положением.

В этот приезд папа впервые заговорил с мамой о своих чувствах.

Где и как это произошло – я не знаю, потому что ни папа, а тем более мама никогда не посвящали нас, детей, в эти детали. Слишком священны для них эти минуты...

Знаю только, что мама ответила папе согласием, но просила повременить и не просить руки ни летом, ни осенью, боясь что бабушка ответит отказом из-за того, что папа еще не определил своего жизненного пути.

На этот раз пасха была на редкость веселая. Молодая счастливая и здоровая молодёжь заполнила обычно тихий требуховский дом. Приехала мамина любимая подруга Аня Дзичканец со своим женихом, Алексеем Николаевичем Крокко, сыном дедушкиного университетского товарища Милах Михелина: приехала и ее сестра Катя Дзичканец с Сергеем Ильичем Казановичем, за которого вскоре вышла замуж: гостили в Требухах и Валентина Викторовна Грачева с братом, мамина подруга Мари Кроль с братом, студентом – медиком Полем, приехал Сашок из гимназии со своим лучшим товарищем Подобедом.

Весна была теплая, солнечная. Ходили в рощу за фиалками и ландышами. Играли во дворе, на газоне в горелки, в кркет, катались на лодках по широко разлившемуся Днепру, ставили шарады и живые картины, пели, играли, танцевали и декламировали. У Сергея Ильича был хороший баритон. Поль Кроль играл на скрипке. Бабушка пела

романы и арии, папа декламировал стихи Надсона и свои собственные. У всех была в душе весна.

Вернувшись в Киев и получив диплом, папа поступил в Киевскую судебную палату кандидатом на судебную должность. Но слова, данного Лиле не делать официально предложения до осени, не сдержал и в июне, в разгар сенокоса написал бабушке взволнованное, почтительное письмо, прося руки любимой Лили.

Момент был выбран неподходящий, Сашок тяжело болел. Бабушка от зари до зари проводила время на покосе. Опека требовала полноту отчета по делам имения за несколько лет подряд, потому что Лиля стала совершеннолетней и надо было выяснить результаты опеки – в общем, не о свадьбе было думать измотавшейся бабушке, а о том как бы распутаться с делами, такими для нее трудными и сложными из-за плохого знания русского языка.

Бережливо и коротко ответила она отказом, считая сватовство преждевременным со стороны молодого человека, пока не имеющего самостоятельного заработка и средств к существованию.

Маме было от этого очень больно, но она молчала, вела себя внешне спокойно и сдержанно, и никого, даже самых близких подруг, не посвящала в свои личные дела и продолжала вести с папой оживленную переписку.

Настала зима 1888-89 года, Анюта и Катя Дзичканец вышли замуж и уехали с мужьями в С. Петербург. Якушевич – в Харьков учиться. Вокруг мамы по прежнему увивались могилевские юноши. Тетушка Варвара Федоровна предсказала маме, что она останется старой девой, если не будет обращать на них внимания.

И как раз в это время папу вдруг назначили секретарем одного из гражданских департаментов судебной палаты. Не прошло и месяца со дня его назначения, как снова полетело в Требухи письмо почтительное и трогательно-искреннее, в котором он вторично просил маминой руки.

На этот раз ему не отказали. Свадьбу, по совету бабушки отложили на год потому что, по обычаю, надо было дать невесте приданое, а для этого продать на сруб немного леса.

Папу же любезно пригласили снова приехать на пасху, чтобы тогда объявить родным и знакомым о Лиличкиной помолвке.

За три недели до пасхи маму пригласили на большой званый вечер к соседке-помещице и за ужином подали великолепную рыбу под майонезом. Эта рыба оказалась несвежей, и на другой день мама слегла, отравленная рыбьим ядом. Ни слабительные, ни рвотные не смогли удалить из ее организма отраву, и она заболела жесточайшим воспалением тонких кишок.

Приближалась пасха, а мама все лежала в постели. Папе не терпелось скорей повидаться с невестой: в конце шестой недели поста он примчался в Требухи. Но не невеста, а старушка-няня Катерина встретила его на крыльце.

-Умирает наша Лилечка, – пролепетала старушка, и рыдая, обняла папу.

Печальная в этом году пасха. Лиля только к концу праздников стала подниматься с постели, – похудевшая, бледная, слабенькая. Папа не отходил от нее и с бережной нежностью ухаживал за нею, читал ей вслух, бегал в рощу за ландышами, давал лекарства, дежурил по ночам, готовый любой ценой облегчить ее страдания.

Как только мама поправилась, бабушка стала ездить с ней в город и закупать плотно на белье, шелка и шерсти на платья,

Заказывать пальто и ротонды и подбирать к заказанному отделку и разный приклад. А Сашок все лето ходил по лесам и собственноручно клеймил строевой лес на продажу.

Папа тоже готовился к свадьбе. Жалованье получал он небольшое: всего 85 восемьдесят пять рублей в месяц, но соблюдал строгую экономию, проживал только 40 рублей в месяц, а все остальные клал в сберегательную кассу на книжку, к великой досаде братьев, рассчитывавших на его помощь.

К тому же в этот год кончила гимназию его старшая сестра Маня, и бабушка Тулуб и братья в один голос уговаривали папу взять Маню к себе, потому что молодой девушке будет скучно зимою в Макарихе. Папа не говорил ни да, ни нет, понимая что при таком жалованье придется считать каждый грош. Но братья ничего не хотели слышать и упрямо стояли на своем. На этой почве папе пришлось пережить много неприятных минут.

Ведь, ему, как жениху, надо было приодеться, пошить фракную пару к венцу, нанять квартиру, купить мебель, нанять прислугу... Немало пришлось ему поломать голову над всеми этими вопросами.

Двадцать восьмого января старого стиля 1890 года была назначена свадьба. За два дня приехал в Требухи папа с братом Сергеем, как представитель семьи Тулубов. Бабушки мои, не будучи знакомыми, обменялись по случаю свадьбы их детей письмами и поздравлениями новобрачным. Заказали в типографии и отослали знакомым и родственникам приглашение на свадьбу, как это полагалось среди приличных людей.

К маминей свадьбе съехались мамыны подруги и товарищи, дядя Саша, Алексей Михайлович, муж Анны, был приглашен посаженным отцом моей мамы. Бабушка Тулуб прислала папе в виде благословенья икону Александра Невского, которую ученики когда-то поднесли в Каменце покойному дедушке Александру Даниловичу.

Только тетушка Варвара Федоровна не приехала на свадьбу племянницы, находя, что Лиличка делает мезальянс и, вместо ценного свадебного подарка, прислала маме серебряную сахарницу да дюжину серебряных чайных ложек, а Наталья Андреевна – дюжину десертных тарелочек из хорошего белоснежного фарфора с художественной росписью своей работы, причём на каждой тарелочке другой рисунок. Бренфо прислала из Харькова посылку столового серебра и кружевную занавеску своей работы.

За три дня до свадьбы старый дом был полон гостей, приехали Грачевы, семья помещиков Сверчковых, молодые Казановичи, княжны Кропоткины, племянницы иммигранта, полковой адъютант князь Бентабеков и другие. Два вечера подряд танцевали, справляя девичник.

Старый дом точно помолодел. С мягкой мебели сняли белые чехлы, сняли чехлы и с люстр, мирандолей и бра. Первая и вторая гостиная, биллиардная и все другие комнаты сияли огнями до поздней ночи. Кроме, старого повара Алексея, служившего в Требухах со дня бабушкиной свадьбы, наняли в городе второго повара, бывшего крепостного Грибоедова. Узнав об этом, папа забыл и танцы, и гостей, и долго расспрашивал его о Грибоедове, его жене, бывшей княжне Орбелиани, о Тифлисе и Тевризе и все рассказы старика записал и впоследствии опубликовал в Киевских газетах.

В деревне Требухи была своя церковь, где был похоронен дедушка Василий Федорович, но эта церковь была летняя, без печей. Поэтому венчаться поехали в соседнее село Полюновичи в трех верстах от Требух. Служил там старенький, весьма почтенный священник, отец Иоанн Лепешинский, крестивший и исповедовавший маму. Родной племянник этого отца Иоанна, Пантелеймон Николаевич Лепешинский был вместе с Лениным в ссылке в селе Шушенском.

В день свадьбы, по обычаю, невеста не должна была видеть своего жениха до венчания. В просторном Требуховском доме это было вполне выполнимо. Со дня приезда папы, бабушка забрала Лилию на свою половину, где коротала она утро своей свадьбы в кругу любимых подруг, а папа оставался на передней половине дома, где ему отвели комнату вместе с дядей Сережей, рядом с Сашком.

По тому обычаю невеста в день свадьбы не должна была ничего не есть и не пить до венца. Но, зная, какая мама слабенькая и малокровная, бабушка велела утром подать ей в спальню кофе и заставила Лилию плотно позавтракать, чтобы не упасть с голоду в обморок во время венчания.

Всем девицам и дамам, приехавшим на свадьбу, полагалось дарить на память по нарядной бархатной или атласной бонбоньерке. Такие бонбоньерки с бронзовыми застешками были заказаны Сашком в С.Петербурге вместе с несколькими ящичками бальных и шоколадных конфет. Невеста с подругами все утро была занята наполнением бонбоньерок конфетами. За этим занятием и беседами время промелькнуло весело и незаметно.

После завтрака приступили к одеванию невесты. Много времени ушло на эту торжественную процедуру, а папа тем временем тоже оделся к венцу. Окруженный шаферами и родственниками.

Для свадебного поезда купили величайший крытый возок, куда запрягли четверку лошадей цугом. Весь огромный требуховский двор был полон крытых и открытых саней с медвежьими и волчьими полостями и лошадьми всех мастей и пород.

Ровно в три часа жених с братом и молодым Казановичем уехал в церковь, где отец Иоанн любезно пригласил его к себе, покамест папин первый шафер, дядя Сережа – с букетом живых белоснежных цветов, бережно закутанных в белую папиросную бумагу и шелк, съездит обратно в Требухов за невестой. Папа принял приглашение священника, но на всякий случай поставил деревенских мальчигов на повороте дороги, чтоб вовремя предупредить его о появлении невесты.

Тем временем маму вывели в большую гостиную, где бабушка втянутая в серебристо-серое шелковое платье с бледно розовыми приставками торжественно ожидала ее с иконой в руках. Рядом с нею стоял посаженный отец, Алексей Михайлович Королько тоже с иконой. Шесть подневестниц – подруг в белых платьях с букетами флердоранжа на груди подвели маму под благословение. Мама опустила на колени и вдруг расплакалась – не по обычаю, а взволнованная тем, что навеки отрывается от родного дома и уезжает в далекий, неведомый Киев, пусть с горячо любимым человеком, но все же в новую, чужую среду.

Неожиданно для всех прослезилась и бабушка и торжественно сказала, что если жизнь в чем-нибудь разочарует маму, – мама всегда будет принята под родным кровом, как любимая единственная дочь.

Затем дядя Сережа вручил ей букет жениха и бережно закутав ее в теплую плюшевую ротонду на песцах, бережно усадил ее в крытый возок. Вместе с ними уселся и Сашко с иконами, которыми благословляли маму.

И вслед за возком мамы помчались сани и возки всех типов и видов, полные веселых гостей с кучерами в новых армяках и меховых шапках с перевязанными лентами рукавами и такими же шелковыми лентами на конской сбруе.

Был солнечный морозный день, четырнадцать градуссов. Ровный глубокий снег сверкал на солнце. Ровно укатанная дорога летела назад из-под конских копыт. Маме казалось, что лошади домчали ее до церкви за каких-нибудь десять минут.

На паперти ожидал ее папа во фраке, с цветком флер доранжа в петлице и с накинутой на плечи шубе. Ловко высадил он ее из возка и под звуки песен повел к алтарю, а за нею шесть шаферов повели шесть подневестниц и каждой из них поднесли по букету живых белых цветов.

В церкви были зажжены все люстры, пол устлан коврами. Отец Иоанн произнес речь и, поздравляя папу, сказал, что досталась ему в жены девушка редкой душевной чистоты и редкой честности.

И снова помчались обратно возки и сани, звеня бубенцами, но теперь мама ехала в возке вдвоем, вместе с папой.

В Требухах новобрачных встретили торжественным маршем и бокалами, полными золотистым пенистым шампанским. И через час все сели за роскошный свадебный обед. Стол ломился от закусок и самых изысканных яств. Два лакея и горничная прислуживали к обеду. И таким же обеденным свадебным пиром угощали в огромной прачечной и «семейной» (то есть в доме, где жили годовые рабочие и все служащие), рабочих и крестьян, пришедших из деревни поздравить свою барышню.

Два кабана, телянок, несколько поросят, десятки индюков, гусей и кур, множество зайцев, куропаток и прочей дичи лишились жизни по случаю маминой свадьбы. Одной водки было куплено для крестьян шесть ведер, то есть 120 бутылок.

За обедом было несколько теплых речей и вдруг Сашок не выдержал, и разрыдался и выбежал из-за стола в свою комнату.

Мама сорвалась вслед за ним, а он лежал, уткнувшись лицом в подушку, и рыдая повторял:

– Один я остался без Лилички. Как же мне быть одному без сестренки?!

Прибежал и папа, и бабушка. Насилу его успокоили и утешили, что весной получит он аттестат зрелости и поедет в Киев учиться, а главное дали ему торжественное обещание ежегодно приезжать в Требухи на все лето.

После обеда мама хотела снять фату и подвенечное платье, но папа уговорил ее на весь вечер остаться в свадебном наряде. Начались танцы. Много и хорошо танцевал дядя Сережа, не садились и остальные шафера и подневестницы. Даже бабушку уговорили потряхнуть стариной и протанцевать кадрили и старый французский менуэт. Папа не был любитель танцев, но ради свадьбы усердно вальсировал и старательно выполнял все сложные фигуры кадрили.

Еще четыре дня прожили папа с мамой в Требухах и только 8-го февраля тронулись в путь. Ехать пришлось в дилижансе до Бобруйска, а оттуда в Киев по железной

дороге. Багаж везли огромный, так как маме нашили по три с половиной дюжины всяческого белья носительного, постельного и столового, много платьев, блузок, юбок, манто, шляп и несметное количество разных мелких принадлежностей для туалета. Даже пошили в подарок папе дюжину крахмальных дневных рубаш и столько же ночных из тончайшего льняного полотна. Кроме того дали им на новое хозяйство несколько пудов варенья, окорока, меду, бочонок масла, много замороженной битой птицы и рыбы. Все это было таким грузом, который причинил им по дороге много хлопот.

В Киеве ожидала их уже нанятая четырехкомнатная квартира на Фундуклеевской улице (ныне улица Ленина), в доме профессора музыкального училища, впоследствии ставшего консерваторией, пианистки Штосс-Петровой. Папины братья, Коля и Саша встретили новобрачных на вокзале и поднесли им хлеб-соль, то есть заказанный в кондитерской бисквит, покрытый шоколадом в виде круглого ржаного хлеба, на котором сверкала серебряная солонка с солью. Эта хлеб-соль была заказана от имени папиной мамы. От себя братья поднесли большой ореховый торт.

Квартира была еще почти совершенно пустой: стоял только столовый стол да дюжина венских стульев. Все остальное папа решил купить вместе с женой по маминому вкусу, на деньги скопленные за весь предыдущий год. Первую неделю они поэтому и разъезжали по магазинам.

Убирать квартиру приходила к ним дворничиха, обед брали готовый у домовладелицы, а утром и вечером пили кофе и чай у себя, приготавливая что-нибудь скорую руку на керосинке. Тут-то и пригодились запасы, привезенные с собою из Требух.

С первых дней замужества мама решила вложить свою долю в семейный бюджет и для этого запаслась переводами с французского для газеты "Жизнь и искусство" и для "Одесского листка". Переводила она мелкие рассказы Катюль Мендеса, Альфонса Доде и Мопассана, иногда бралась и за романы. Платили маме по 3 копейки за строчку и таким путем она зарабатывала 60 рублей в месяц. Папа же по прежнему получал по 85 рублей. Пока они жили одни этого хватало на жизнь: квартира обходилась 26 рублей в месяц, обед из трех блюд по 40 копеек с души, причем по праздникам и воскресеньям давали еще и пироги к супу. Кофе стоило по 70 копеек фунт, яйца копейка десяток, сахар – рафинад по 2 копейки фунт, весовая белая булка по 6 копеек фунт, десяток крупных яблок «антоновки» 20 копеек, копа (60 штук) слив три копейки, орехи волошские по 12 копеек фунт, монпансье, мармелад и пастила всех сортов по 40 копеек фунт, сулея, то есть три с половиной литра молока 15 копеек.

Но и эти, на наш взгляд низкие цены пугали маму, жительницу деревни, привыкшую жить в имении, где почти все продукты собственные домашние.

Для порядка, мама завела приходно-расходную книгу, где с точностью заправского счетовода записывала ежедневно самый крохотный расход. Этих тетрадей накопилось у нее за всю жизнь целая гора и я из любопытства частенько перелистывала их, интересуясь, как растут цены на продукты на протяжении долгих десятков лет.

На пасху папа с мамой решили съездить в Макариху. Надо было маме познакомиться со свекровью, с золовками и самим Даниилом Адриановичем.

Приняли маму очень тепло, по родственному и всячески старались при ней скрадывать скаредную скупость Макарихской жизни. Но, не смотря не все усилия бабушки, мама резко чувствовала разницу между Макарихой и родными Требухами.

В Киеве папа, конечно, старался приобщить маму к достижениям большого города: раз в неделю брал билеты в оперу или драму – в балкон второго яруса, или в последние ряды партера, посещали гремевшие в те времена передвижные выставки, бывали в музеях и на концертах.

В конце мая мама уехала в Требухи, а через месяц приехал папа на летние каникулы. По службе полагалось ему отпуска 28 рабочих дней, но каждый судейский мог просить о добавочном отпуске на тот же срок с сохранением содержания. Впоследствии все эти добавочные отпуска вычитывались из общего числа проработанных лет, когда приходилось выходить на пенсию, поэтому пенсию обычно начинали платить не ровно через 35 лет, а лет через 36 с хвостиком. Практиковался и другой способ получить добавочный отпуск: пойти к знакомому врачу и за два рубля любой врач писал тогда медицинское свидетельство, что такой-то проболел ангиной, или гриппом, или расстройством желудка столько то дней, и тогда неявка на работу в срок считалась законной и никому никогда не приходило в голову проверять правильность такой справки.

Осенью 1890 года папа с мамой переменили квартиру.

Наняли хорошенький флигелек на Обсерваторном переулке, принадлежавший какому-то полицейскому приставу. Номер этого дома не помню, но знаю, что он был по правую руку, если идти со Львовской к Бульварно-Кудрявской. Переселились сюда, наняли кухарку Анну Сиротинскую за 7 рублей в месяц – “за всё”.

Жить по-прежнему по-холостяцки было немислимо, так как мама ждала ребёнка.

Уезжая осенью из Требух, мама снова получила от бабушки Королько бочку пуда в два масла, окорок, много разных варений и меду, сушеных и свежих яблок на зиму, а в Киеве закупила сразу на зиму картофель, капусту, морковь и прочие овощи, насолрила огурцов, наквасила капусты, намариновала слив, винограду, груш и замочила несколько сот яблок.

Жизнь текла бы совсем мирно и хорошо, если бы не неприятности с младшими братьями папы. Резко и бестактно настаивали они на том, чтобы папа опять таки взял к себе жить сестру Маню, потому что ей скучно в Макарихе. И никто не думал о том, как трудно моим родителям сводить концы с концами и что прокормить и главное одевать и вывозить в свет молодую девушку у них нет ни малейшей возможности. Довольно было того, что первый год Сережа и Саша бесплатно столовались у папы и, пообедав и напившись чаю, назойливо пилили его, обвиняв в скупости и эгоизме и нежелании помочь сестре. Особенно язвителен был дядя Саша, усвоившего себе с молодую манеру старого скрипучего холостяка.

Мало того: он писал в Макариху злобные письма, перетолковывая и перетирая каждое мамино и папино слово, чем давал повод к заочной неблагоприятной критике моей мамы. А маме только одного хотелось, чтобы никто не врывается в ее домашний очаг и не разбивал со стороны ее мирного хорошего счастья.

Дядя Сережа первое время тоже жестко наседавал на папу насчет тети Мани, но вскоре присмотрелся к маме, понял свою неправоту и перешел на мамину сторону.

Вообще, дядя Сережа тип оригинальный. От бабушки Тулуб он унаследовал бешеную вспыльчивость, а от отца – глубокую гуманность, сердечность и отзывчивость, такую необходимую для его профессии врача. Увидев какую-нибудь несправедливость, обман или мелкую помощь, он не мог сдержаться: кровь бросалась ему в голову сгоряча он мог и избить, и спустить с лестницы. Не то что скупой скрипучий и эгоистичный Саша, который никогда не мог вспылить, но мог заесть человека мелочными придирками и пилением.

К счастью, яблоко раздора, каким была в данном случае тетя Маня, само собой раскололось. Младшая тетя моя Людмила тоже окончила Одесский институт благородных девиц, и обе сестры решили поселиться вместе в Одессе, где обе учились и выросли, и обе поступили классными дамами в частные гимназии. Так ссоры между братьями сами собой прекратились, точно их вовсе и не было.

В этих ссорах никогда не принимал участия дядя Коля. Он тогда держал государственные экзамены и вскоре вышел в адвокатуру. Но адвокатская карьера его сложилась довольно необычно: он не стал помощником присяжного поверенного, а поступил помощником юрисконсультанта в управление Юго-западных дорог и на всю жизнь посвятил себя изучению железнодорожного права. Служба сразу дала ему постоянный, но не крупный кусок хлеба и вместе с тем не связывала его, как все службы, безвыездной жизнью в Киеве. Отчасти самостоятельно, отчасти приглашая преподавателей, он блестяще овладел несколькими иностранными языками (немецким, французским, болгарским, итальянским и даже испанским, поэтому не прошло и нескольких лет, как его повысили, сделав присяжным поверенным и самостоятельным, младшим юрисконсультантом железной дороги. С тех пор его по несколько раз в месяц посылали за границу выступать по искам не только юго-западной, но и прочих русских дорог к западно-европейским дорогам и частным лицам, и он выступал в Германии и Австрии по-немецки, в Бельгии, Франции и французской Швейцарии – по-французски, в Италии – по-итальянски, а на Балканах – по-болгарски, потому что еще в университете научился бегло говорить по-болгарски. Но конечно, все это пришло не сразу.

По натуре своей дядя Коля был типичный кабинетный ученый. Больше всего он любил книги и ненавидел склоки, дразги и сплетни. С мамой у него сразу установились ровные родственные отношения. Он всегда старался оказать ей мелкие услуги, любил беседовать с нею о книгах и о театре, принести что-нибудь талантливое и умное почитать. И не раз осаживал он Сашу, или просто уходил “подальше от греха”, верный своей врожденной роли дипломата и миротворца.

А время шло. Наступил ноябрь 1890 года и в 6 часов утра 16-го ноября 1890 года появилась на свет я, Зинаида Тулуб.

Роды у моей мамы были тяжелые: она чуть не истекла кровью, вот почему спасая ее, все обо мне забыли в первые часы моей жизни. Положили меня на комод, стоящий против окна и не заметили, как взошло солнце и ударило мне прямо в глаза. А глаза мои были еще не промыты, и от яркого света у меня началось сильнейшее воспаление, от которого я чуть не ослепла.

Медленно и трудно поправлялась моя мама. Материнство подорвало ее слабые силы, поэтому кормить меня не могла – запретили врачи. Выпоили меня на коровьем молоке, которое брали у знакомых. Нашли мне няню Елену, грузную медлительную старушку лет 60, уроженку Казани, очень опытную и чистоплотную. Нянчила она меня до двухлетнего возраста.

Лето 1891 года провели в Киеве, так как папа заболел брюшным тифом в очень тяжелой форме.

Два месяца дни и ночи не отходила мама от его постели. Братья пробовали ей помогать, но обычно, просидев возле больного два-три часа, во время которых маме только и удавалось вздремнуть, они ложились на диван и, сами того не замечая, засыпали мертвым сном и мама по прежнему дежурила до рассвета одна и будила их только тогда, когда выходил лед и надо было сбегать за ним в аптеку.

В 1891 и 1892 году страшный голод поразил Поволжье. Целые губернии вымирали от голода. Крестьяне убегали от насиженных мест куда глаза глядят, или питались лебедой и мякиной. И с равнодушием истинных капиталистов смотрело на этот ужас правительство и ничего существенного не предпринимало, для спасения гибнущих, да и самый голод в отчетах величало не голодом, а недородом.

Зато тысячи интеллигентов стали собирать пожертвования и открывать в голодных губерниях столовые, или посылать туда вагонами продовольствие. Многие лично мчались туда, открывали ясли для детей и столовые, собирали сирот погибших родителей и открывать для них приюты.

Отзывчивый дядя Сережа, только что получивший диплом врача, тоже помчался на Волгу, где вспыхнула страшная эпидемия холеры и голодного тифа. Работал он там два года и работал героически. Сперва попал он в холерные бараки, где в качестве медсестер работали молоденькие дамочки и барыни, которые с одной стороны хотели принести пользу, но боялись прикоснуться к острозаразным больным, а в особенности к их рвотам и экскрементам. В новых перчатках, зеленая от ужаса, оказывали кое-какую неумелую помощь но своим страхом так возмутили дядю, что в один прекрасный день, он всех их выгнал из барака и целую зиму работал на 50 копек один, неся обязанности не только врача, но и брата милосердия и даже – санитары.

Бешено нетерпеливый в обществе и в семье, он с большими был необычайно терпелив и даже нежен и в его барак смерть почти не заглядывала. Помогал ему один – единственный парень из вылечившихся больных, который, как известно, приобрел иммунитет против холерного вибриона и против тифозной палочки.

Вернулся дядя Сережа в Киев только в 1893 году и попал ординатором в клинику к знаменитому профессору – хирургу и гинекологу Рейну. Для молодого врача это было большой удачей. Но не долго продолжалось его ординаторство.

Рейн, как большинство немцев, был человек грубый и заносчивый, позволяющий себе оскорблять и третировать молодых врачей, боявшихся за свою карьеру и подавленных его авторитетом.

Как-то Рейн делал серьезную операцию. Ассистировали ему его постоянные ординаторы Тулуб, то есть дядя Сережа, Брюно и Шуварский. Кто-то из врачей, а может быть даже хирургическая сестра, приготовила тампоны, которые не понравились

Рейну. Вообразив, что сделал их дядя Сережа, Рейн грубо выругался и швырнул их дяде в лицо.

Такой порох, как дядя Сережа, мигом взорвался. Он собрал тампоны и отправил их обратно Рейну в лицо.

Скандал вышел огромный. Собрали комиссию. Признали, что Рейн первый оскорбил Тулуба и предложили ему извиниться.

Рейн отказался, требуя, чтобы извинился Сергей. Дядя и слышать не захотел о таком унижении и уехал врачом в город Александровск, ныне Запорожье, где вскоре завоевал среди населения огромную популярность и такую же огромную практику.

Трудно, очень трудно, почти невозможно установить момент, когда в человеке пробуждается мысль, а в самом себе – в особенности. Ранее младенчество каждого из нас тонет в смутной дымке, где тают контуры лиц и событий, как тает утренний пейзаж в рассветной дымке. Только отдельные детали, силуэты и лица выплывают из него, преображенные светом воспоминаний.

Чтобы восстановить их время и порядок, приходится отталкиваться от каких-либо событий, время которых определяется документами или событиями общественной жизни.

Этим путем пойду и я.

За месяц до того дня, когда мне должно было исполниться три года, папа неожиданно получил назначение Мировым судьей в город Брацлав Подольской губернии, куда мы через несколько недель и уехали. Но все же я категорически утверждаю, что помню обрывками нашу жизнь в Киеве.

Помню последнюю квартиру куда мы переехали, летом 1893 года, могу даже нарисовать ее план и где и как стояла там наша мебель. Помню улицу возле дома, кухарку Анну Сиротинскую, помню балконы нашего дома. Но несомненно самым ранним и самым ярким воспоминанием моего младенчества был пожар в моей детской, когда мне было полтора года отроду, то есть весной 1892-го года.

Со слов мамы, знаю, как и почему случился пожар. Весна была ранняя и теплая. Рано вынули в тот год зимние рамы.

Пообедав, как всегда, в пять часов, папа с мамой пошли пройтись и оставили меня дома с няней Еленой. Няня уложила меня спать и ушла на кухню к кухарке. А форточка в детской оставалась открытой. На дворе собиралась гроза. Вдруг сорвался вихрь, вздул соломенную штору в оконной нише, раскачал тюлевую занавеску и эта занавеска опрокинула горевший на столе крошечный ночничок, с горным маслом вместо керосина. Вспыхнула занавеска, затем соломенная штора. Яркий свет пламени озарил комнату.

Я помню, как стояла в своей кроватке, уцепившись ручонками в перильце и громко и восторженно кричала, смотря на огонь:

– Светло! Светло!

Росла я слабенькой бледненькой девочкой: летом 1892 года переболела тяжелой дизентерией. Эта болезнь и долгая строгая диета подорвали мои силы и сильно затормозили мое физическое развитие. Боясь за мою жизнь, мама стала меня кутать и всячески

беречь от простуд и заразы и так изнежила, что я в конце концов стала заболевать от всякого пустяка. И ходить стала только в два года. Зато говорить научилась я очень рано.

После обеда папа часто сидел с мамой в гостиной, а я играла у их ног на большом пестром ковре и быстро ползала взад и вперед, но не на четвереньках, а сидя, отталкиваясь ручонкой от пола.

В один из таких послеобеденных часов, папа стал читать маме вслух стихи Кольцова, и не заметил, что я внимательно слушаю чтение.

Через несколько дней пришла к нам в гости мадам Мокеева и, как водится, подошла ко мне, ребенку.

– Здравствуй, Зиночка. Ну скажи мне что-нибудь!

Я сидела у няни на руках и вдруг стала декламировать, отчетливо отчеканивая каждое слово и по-детски не выговаривая букву “к”:

Ну, тащися, Сивта,
Пашней – десятиной.
Выбелим железо
Об сырую землю.

Красавица-зорька
В небе загорелась.
Из большого леса
Солнышко выходит.

Гостья от изумления даже перекрестилась:

– Господи боже мой! Да разве можно такую крошку заставлять учить стихи! Пожалейте вы своего ребенка.

Не менее гостьи были поражены папа с мамой. Ведь, мне тогда было немного более полутора года. А гостья так и не поверила, что никто меня не учил.

Помню еще, как летом 1893 года купили мне детский зонтик из красного батиста с оборочкой. Меня очень забавляло быстро закрывать и открывать его, а мама испугалась, что я выколю себе глаза прутьями и, отобрав зонтик, положила его в столовый буфет. Помню я, как придвинула к буфету стул, как долго пыталась вскарабкаться на него и достать зонтик, но из всех моих усилий так ничего и не вышло...

Дядя Коля был моим крестным отцом, и очень меня любил.

Приходил он к нам часто. Папа и мама всегда были ему рады. Это был папин любимый брат, человек мягкий, тактичный, умный и колоссально начитанный. К тому же дядя Коля был, не в пример прочим папиным братьям, очень красив, хороший рассказчик и собеседник. Мама отправилась к нему как к родному. Он только что приступил к государственным экзаменам и в средствах он был стеснен, но никогда не приходил к нам без пятикопеечной плитки шоколаду в красивой обертке из цветного мелантина с картинкой. Шоколад и дядя Коля в моем детском воображении сливались воедино и я его называла:

“Креснушка-Патапушка-Шоколад”.

Поздоровавшись и получив очередную шоколадку, я забиралась к нему на колени и просила что-нибудь рассказать. И все его рассказы мне очень нравились.

Помню еще и улицу. Кадетский переулок, ныне улицу Гоголя.

Мы переехали из Обсерваторского переулка, в дом №27, принадлежащим в те времена какому-то Чернецкому. Дом был двухэтажный с двумя парадными. Мы заняли среднюю квартиру второго этажа из четырех комнат с балконом на улице. Улица была гористая, как почти все улицы Киева, и полого спускалась к Павловскому переулку. Помню, как гуляла с няней Татьяной, сменившей на третий год моей жизни старушку Елену. Ярко светило солнышко, а вдоль тротуара часто врытые в землю столбики, окрашенные в ярко зеленый цвет. Верхушки этих столбиков были закруглены в виде полушария. Мне хотелось посидеть на таком столбике и погреться на солнышке, но все мои усилия были напрасны: как только няня переставала меня держать – я сползала с круглого верха. В эту минуту раздался басистый гудок. Я оглянулась. Звук был громкий и густой, как жужжание шмеля, но никого кругом не было.

– Что это гудит? – спросила я.

– Это гудок, – объяснила Татьяна. – Люди обедать пойдут.

– Где гудит? Покажи! – настаивала я, потому что все и всегда хотела сама увидеть и понять.

– Это на фабрике, Зиночка, это далеко, – толковала мне Татьяна.

А я упорно добивалась:

– Нет, покажи!

В гостиной у нас, против балконной двери стоял папин письменный стол, на столе фотография Надсона в рамке, на которой было нарисовано море с кораблями и белокрылыми чайками. Я часто влезала на стул и рассматривала, но не Надсона, а чаек и корабли, которые казались мне очень красивыми.

По воскресеньям мама часто отпускала кухарку Анну в Слободку к родственникам. Тогда суп и жаркое готовила нам Татьяна, а сладкое мама покупала в кондитерской десяток пирожных. Пирожные продавались в коробочках из непроклеенного картона. От пирожных картон местами пропитывался масляным кремом или ликерным соком, которым пропитывали бисквиты. На него налипали крошки глазури миндаля и фисташек. Когда пирожные бывали съедены, я тихонько похищала коробку и пряталась за большое кресло в углу гостиной, закрытой до полу длинным чехлом и начинала поедать картон.

Мама и Татьяна скоро замечали мое исчезновение и начинали меня звать.

– Зиночки нет: она ушла гулять, – отвечала я из своего тайника.

И в тот же миг меня извлекали из-под кресла и, к моему великому горю, отнимали такую вкусную и наполовину съедобную коробку.

Проходила неделя. На столе снова появлялась коробка с пирожными. И снова похищала я ее, когда пирожные были съедены.

Лето проводила я в Требухах. Бабушка Королько очень любила меня и много возилась со мною. Суровая к своим детям, она была по отношению ко мне сама нежность, и я платила ей за это самой горячей любовью. Целыми днями бегала я за ней по усадьбе, когда она суетилась и распоряжалась по сложному сельскому хозяйству. Бывала с ней и в кладовке, и на скотном дворе, и в амбаре, и в огородах, и в цветниках,

и во фруктовом саду, и в ягодниках. Смотрела, как чистят и перебирают ягоды на варенье, как колет она голову сахару-рафинаду на особой машине вроде гильотинки, как выдает провизию повару. Всюду была я с нею и не выпускала из рук кончика ее юбки.

Дядя Сашок, окончив гимназию, мечтал было поступить в Петровско-Разумовскую академию, но папа стал его отговаривать и советовать поступить в университет. Дядя его послушался и поступил на юридический факультет С.Петербургского университета.

Я буквально его обожала. Он и дразнил меня, и возился со мной по целым часам и обманывал, но все я ему прощала и лучше его не было у меня никого на свете, кроме папы, мамы и бабушки. Он был очень красив, изящен и весел, как настоящий француз, а в моих детских симпатиях наружность играла, пожалуй решающую роль. Я ему прощала даже то, что он дразнил меня курносым мопсиком и советовал на ночь привешивать гирьку от часов, и прodelывал со мной тысячу очаровательных глупостей. Как все дети я чувствовала, что он делает это, любя, а не по злобе.

Зато дядю Сашу Тулуба и мамину тетушку Варвару Федоровну с ее дочерью тетей Наташей я недолюбливала. Они никогда не ласкали меня, но привозили мне премилые безделушки в подарок. Я вежливо благодарила, но старалась поскорее от них уйти. Бабушка Войцех и тетя Наташа казались мне страшно уродливыми и поцеловать их было для меня сущим страданием.

Зато любила я Жанн Бренфо. Бренфо обычно проводила в Требухах вторую половину летних каникул. Называла я ее тетя Жанн и очень любила смотреть, как она вяжет кружева, или что-нибудь вышивает. А между тем она не отличалась ни нежностью, ни красотой: у нее было узкое худое лицо темного оливкового тона, выпуклые стальные глаза, длинный хрящеватый нос и выпуклый лоб, будто кто-то сбрил ей волосы со лба на добрых два сантиметра. Говорила она по-русски бойко, с сильным картавым акцентом, была необычайно подвижной, любила острое словцо и меткую шутку. Строго и аккуратно одетая, всегда затянутая в корсет в строгом платье с прелестными кружевными воротничками – она нигде ни в чем не допускала неряшливости и разгильдяйства, ни в какой час дня она не сидела без дела: руки ее были вечно чем-то заняты, а на носу торчало пенсне с черными ободками и черным шелковым шнурочком. На ночь она заплетала мелкими косичками свои порядком поредевшие полуседые волосы, подтягивая в косичке одну из трех прядок, а на утро расчесывала загофрировавшиеся за ночь волосы и аккуратно закалывала их в прямой пробор, а на затылке укладывала плоский спиральный узел.

Летом 1893 года я заболела в Требухах ветряной оспой, и долго лежала, а потом сидела в кровати, играя со своими игрушками, а дядин сеттер – гордый Нигер сидел возле меня и поднимал мне игрушки, если они падали на пол. Этот сеттер был всеобщий любимец, но он вскоре погиб от бешенства, не укусив никого из домашних. Мама долго не могла его забыть, и написала о нем детский рассказ для детей, напечатанный в журнале “Светлячок” Федорова-Давыдова приблизительно в 1904 или 1905 году.

Служа в палате, папа не бросал стихов. В 1892-1894 годах стал выходить в Киве роскошно изданный журнал “Художник” Авсеенко. Выходил он дважды в месяц на веленовой бумаге с массой иллюстраций, виньеток и зарисовок. Печатались в нем повести, рассказы, стихи и статьи по искусству.

Папа тоже сотрудничал в нем. Продолжал он печататься и в “Одесском листке”, и в “Жизни и искусстве” и разных сборниках, а в 1891 году появилось в “Вестнике Европы” Стасюлевича его стихотворение “К морю”, много раз перепечатававшееся в хрестоматиях (Сумцова, Тихомирова и других). И это стихотворение я выучила на память, когда мне было три года и очень его любила его. Стихов я, вообще, никогда не учила: прочту два-три раза, или прослушаю чтение вслух – и этого достаточно, чтобы запомнить навсегда.

“К морю”

К твоим скалистым берегам,
Твой редкий гость, приду я скоро –
И поклонюсь твоим волнам
И блеску синего простора.
 В прохладе утренней один
 Я стану грезить над тобою, –
 Над зорким зеркалом пучин,
 Любуясь далью голубою.
Я буду слушать, как волна
Шумит и, пенясь и сверкая,
Как резво плещется она,
На отмель владную взбегая.
 О, чудный край, где небеса
 Чаруют взор лазурью чистой
 Где даль так нежно паруса
 Лелеют в дымке золотистой!
И этот шум, немолчный шум
Прозрачных струй зеленой влаги!...
Так окрылился мыслью ум,
Так грудь наполнится отваги!
 И я отдамся вновь мечтам,
 Забыв в душе бывшее горе,
 Придя к скалистым берегам, –
 К тебе, лазоревое море!

(стихотворение процитировано не полностью, – ред.)

Писание куплетов для артистов оперетты он совершенно оставил, но Коген держал папу цепко. Летом, 1892 года, когда мы с мамой были в Требухах, он повез папу на Кавказ. Они объездили Минеральную группу и побережье от Новороссийска до Сухуми. Ехали туда на поезде, обратно – морем до Одессы. Для чего понадобилось это Когену не знаю, но затем он стал просить, чтобы папа написал ему несколько путевых очерков.

Поездка эта, правда, принесла папе пользу в том отношении, что он впервые познакомился с роскошью субтропической природы и красотами этих дивных уголков

нашей Родины. По настоянию мамы, лучшие стихотворения, навеянные этим путешествием, папа оставил себе. Вообще, мама всячески старалась оторвать папу от этого взбалмошного и пустого пошляка, но иногда и ей приходилось сдаваться, когда кто –нибудь из нас заболел, потому что по тем временам всякая болезнь была огромною брешью в семейном бюджете, так как “эскулапы” действительно брали с больных не по одному и не по пяти рубликов, а много дороже...

Шло время. Папа зарекомендовал себя в судебной палате, как знающий юрист и в октябре 1893 года его неожиданно и без его просьбы назначили мировым судьей в город Брацлав Подольской губернии.

Время года для переезда было неблагоприятное, но волей неволей приходилось сниматься с якоря. В Брацлаве тогда не было железной дороги: надо было ехать либо до большой станции Вапнярка в сорока километрах от Брацлава, либо до полустанка Журавлевка в 28 километрах от него, а оттуда тащиться на лошадях по невылазной черноземной грязи, в которой колеса увязали по самые оси с громоздким багажом – мебелью, посудой, чемоданами и сундуками, потому что тогда в таком захолустье, как Брацлав, купить мебель было негде и приходилось тащить из Киева все свое движимое имущество.

Сначала папа съездил в Брацлав один – так сказать на рекогносцировку и вернулся оттуда совершенно удрученный. Но ничего не поделаешь – надо было трогаться в путь.

Самого переезда я не помню. По маминым рассказам знаю, что в дороге я очень устала и когда мы перед рассветом приехали на Вапнярку, я совсем раскапризничалась. Сидели мы на вокзале в дамской комнате, ожидая рассвета, когда папа надеялся нанять каких-нибудь лошадей до Брацлава. А я ревела, не хотела ни есть ни пить, ни ложиться спать на горбатом, холодном и скользком клеенчатом диване.

Перед отъездом из Киева папа с мамой не раз обсуждали, как лучше поступить: брать билет до Вапнярки или до Журавлевки и обычно папа говорил:

– Нет, лучше мы поедem на Вапнярку. Там большой вокзал с буфетом: можно будет там и переночевать и даже посидеть сутки – другие, пока найдем лошадей.

Из этих разговоров поняла я только одно, что на Журавлевке плохо, а на Вапнярке хорошо. И вот когда привезли меня на Вапнярку в третьем часу ночи, после того как в поезде было тесно и душно и я всю ночь не смыкала глаз – мне показалось что меня обманули и я горько плакала и все повторяла:

– На Вапнярку хочу! На Вапнярку!

Пришел кто-то из станционных служащих, взял меня на руки, вынес на перрон и, показывая огромную надпись на боковом фасаде вокзала, стал меня уговаривать:

– Не плачь, деточка! Ты на Вапнярке. Это и есть Вапнярка. Смотри: вон там написано большими буквами: “Вап-няр-ка”!

Но трудно было уговорить усталого изнервничавшегося ребенка, которому как раз в день переезда исполнилось три года. И горько плакала я в незнакомой и бесприютной обстановке вокзала, не понимая, что со мной происходит.

– На Вапнярку хочу! На Вапнярку!

И вдруг, рассердившись, стала отталкивать своих и чужих:

– Идите все вы все в яму! Полезайте на потолок! На Вапнярку хочу! На Вапнярку!

Так и уснула я в слезах, повторяя одно и то же.

Много лет подряд дразнили меня с тех пор этой ужасной Вапняркой.

С трудом добрались мы на другой день до Брацлава.

Папа нанял за 20 рублей в месяц большой особняк на главной улице против двухклассного городского училища, принадлежащий старому ростовщичу и коммерсанту Леховицеру. В этом доме была 6 комнат, коридор, большая передняя, заставленная веранды, где летом можно было обедать и ужинать – даже жить. В таком доме не было ни ванны, ни ватер-клозета, а о таких вещах, как водопровод, в Брацлаве тогда и не слыхивали.

Жизнь на новом месте была первое время невыносимой. Полы были старые, рассохшиеся или подгнившие. Из-под них нещадно дуло. Обои грязные, печи дымили, по ночам по всем комнатам бегали мыши и крысы. Мы ютились в двух комнатах, а в остальных перекладывали печи, клеили чистые обои, белили потолки, наносили и перестилали двойные полы, затем красили их под паркет и лакировали.

Из-за крыс и мышей поспешили достать пару молодых котов – черного и серого. Черного я назвала Черносливом, а для серого не придумала ничего лучшего, как Серослив. Мама посмеялась немного, но согласилась. Эти два кота стали, конечно, моими любимцами.

Чернослив был кот шаловливый, злой и царапливый, но очень красивый. Мышей ловил он виртуозно. А Серослив был ленивый, добрый и флегматичный. Чернослив, играя часто царапал меня до крови, и мама каждый раз говорила, что прикажет Татьяна отнести его на базар и отдать кому-нибудь на привозе. А я любила его до самозабвения и всячески старалась скрыть от мамы следы его когтей, а потом с горячими слезами умоляла маму простить кота, уверяя, что сама дразнила его. И Чернослива снова прощали.

Когда настало лето, оба кота целый день проводили в саду, охотясь за птицами и ящерицами. Когда подавали обед, папа выходил на крыльцо и громко звал:

– Кцсс! Кцсс! Коты, обедать!

И вдали из-за поворота дорожки показывались коты – впереди Чернослив, а за ним – ленивый Серослив. Быстрой рысцой трусили они к дому и вспрыгивали папе на плечи: один на правое плечо, другой на левое и в таком виде оба кота въезжали в столовую, приводя меня в неистовый восторг.

Тяжелое наследие досталось папе от его предшественника, Зельницкого. Зельницкий запустил дела до такого безобразия, что его за это сняли с работы. Папа принял от него свыше 6000 нерешенных дел. По многим из них прошло свыше двух лет со дня подачи первого прошения. Работа была для папы новая, непривычная. Он засиживался за делами до двух часов ночи, но вместе с тем увлекся делом.

Условия работы были нелегкие. Папина камера помещалась в нескольких кварталах от нашей квартиры. Трудно было ему ходить на службу по невылазной грязи. В камере стоял невыносимый смрад: воняли смазанные сапоги, овчинные полушубки, пропотевшие портянки. Несло от людей крепкой вонью лука и чеснока, потом, махоркой. Наконец, люди, потеряв стыд, без стеснения выпускали зловонные газы своих кишечников...

Папа открывал заседание ровно в 10 часов утра (брал с собой несколько бутербродов, или домашних пирожков). В пять часов возвращался он домой, с тошнотой и головной болью. За обедом почти ничего не ел и с отчаяньем говорил, что местное население до того нечистоплотно и первобытно – дико, что совершенно не испытывает отвращения к собственной грязи и отсталости и даже не подозревает о том, что надо жить совсем иначе.

Трудно пришлось папе и с канцелярией. Получал теперь папа в год приблизительно 1800 рублей жалованья. За вычетом в эмеритуру, на руки ему выдавали рублей по 126 в месяц. Кроме того он получал по 50 рублей в месяц на канцелярию, но этих денег не хватало.

Пришлось ему искать писмоводителей и самому обучать их делопроизводству и начаткам судопроизводства. Всю канцелярию своего предшественника он сразу уволил, как лодырей, пьяниц и взяточников, бравших с тяжущихся взятки “за ускорение дела”.

После долгих поисков и неудач попался папе способный и добросовестный молодой человек лет 25. Это был высокий румяный блондин, окончивший местное двухклассное городское училище, – юноша развитой, любитель чтения, жадно стремящийся к знанию. На него можно было вполне положиться.

В течение полутора год папа ликвидировал завал старых дел и вывел свой участок в ажур: у него не осталось ни одного дела, которое пролежало бы без решения более двух месяцев.

Такая напряженная работа сильно утомила папу, но зато дала ему богатый юридический опыт и большой круг наблюдений над жизнью.

Если местное население, в особенности еврейское, скоро оценило папино добросовестное отношение к делу, а главное – к человеку, то полиция, православники и прокуратора возненавидели папу, как либерала и честного человека. Посыпались доносы на папу и к председателю окружного суда, и к старшему председателю Одесской судебной палаты, и к прокурору палаты и даже...к архиерею.

И чего-чего только не плели на папу досужие шпионы и доносчики!

Тулуб-де решает дела пристрастно в пользу “жидов” в ущерб православным христианам. Тулуб у исповеди и святого причастия не бывает, в царские и табельные дни в соборе на молебствии о здравии “обожаемого монарха и его августейшей семьи” тоже не присутствует, чем ясно обнаруживает свои противоправительственные и преступно-богомерзкие взгляды и вводит в соблазн всех верноподданных, выражая свое презрительное неуважение к властям придержанным, кои от господ бога учинены суть”.

Вспоминая все это, невольно спрашиваешь себя – чего здесь больше: глупости, или подлости?!

Бывали и доносы анекдотические.

Например, папа, после долгих лет студенчества, когда приходилось питаться всухомятку, то в студенческих столовках, то в дешевых кухмистерских, нажил тяжелый катар желудка и кишок. Побывав в Эссентуках, он там немного подлечился, но от времени до времени болезнь давала себя чувствовать. Тогда он стал покупать эссенуки в бутылках и по утрам, до чая, выходил в сад и, прогуливаясь, по всем правилам курортного лечения, выпивал два-три стакана минеральной воды.

В это время у калитки сада обычно толпились просители с прошениями в руках, не желавшие подавать их в канцелярию. Папа то и дело подходил к калитке, принимал прошения, делал на них пометки, отвечал на разные вопросы, затем снова начинал прогуливаться и снова пил свои эссендуки.

И полетел по начальству очередной пасквиль: мировой судья Тулуб – горький пьяница: он не стесняется приходящих к нему просителей и на их глазах хлещет натошак водку чайными стаканами, что опять-таки ведет к великому соблазну и развращению все всех благомыслящих обывателей города Брацлава.

Каменец-Подольский прокурор окружного суда направил этот донос на расследование председателю Брацлавского уездного съезда мировых судей, Алексею Марковичу Чернышову.

Чернышов в чистоте душевной поверил пасквилю. Приехав в Брацлав на очередную сессию съезда мировых судей, он с глазу на глаз стал по дружески увещать папу не пить, или по крайней мере – не вводить в соблазн население, и пить дома, наедине, за закрытой дверью. Папа долго не мог понять, в чем дело. Наконец все выяснилось и папа сначала расхохотался до слез, а потом возмутился. Позвали горничную и папа приказал принести ей в кабинет две бутылки из тех, которые он пьет по утрам, и которые хранились у нас на леднике. Та принесла Эссендуки и эту “водку” папа по дружески распил с Алексеем Марковичем, очень сконфуженным своим наивным вмешательством.

Конечно, Алексей Маркович честно и подробно ответил прокурору и дело, как и все предыдущие разы, окончилось ничем.

Доносчики добивались только одного, что папе пришлось во все табельные дни и некоторые церковные праздники облачаться в парадный мундир со шпагой и отстаивать в соборе молебные о здравии царя и панихиды по умершим.

Причина ненависти полиции к папе была в том, что все полицейские приставы, околоточные и исправники были отъявленными взяточниками и вымогателями, а папа стал с этим решительно бороться. За первые два года пребывания в Брацлаве папа увеличил в этом двух исправников, которых выгнали за это со службы, а некоторых чинов помельче даже отдали под суд. Преемники их стали вести себя тише, если и брали взятки, то тайком и безо всякого вымогательства.

А попы взъелись на папу за то, что он не дает им дохода в виде молебен и панихид, исповеди и других разных обрядов, не приглашает их в гости, не кормит обедами и ужинами, не устраивает попок, не играет в карты. Они всем естественным чувствовали, что приехал человек иного склада, иных вкусов и духовных запросов, с которым нет у него ничего общего. И, конечно были правы.

Провинциальная публика, действительно, была совершенно не по нутру ни папе, ни маме. Приехав в Брацлав и наконец приведя квартиру в человеческий вид, они сделали визиты местной “интеллигенции”, чтобы потом выбрать себе подходящих знакомых. Побывали у трех врачей, у воинского начальника полкового командира, у судебного следователя и товарища прокурора, у акцизного инспектора и у аптекаря. И по совету местных старожил, чтоб никого не обидеть – у протоиерея и у ксендза.

Все поспешили отдать визиты, но после этого почти со всеми знакомство оборвалось. Публика, даже местная интеллигенция, была на редкость ограниченная и серая,

хотя многие и были с высшим образованием. Дамы говорили о кухне и платьях, о чужой личной жизни и детях. Мужчины – о картах и выпивке, о чинах и орденах. Никто не выписывал толстых журналов, не следил за литературой даже русской, а об иностранной и вовсе не имел никакого понятия. Две-три барышни брэнчали на рояле полочки и вальсы да пели цыганские романсы, но о серьезной музыке и не слыхивали. Они украшали свои квартиры деревенскими олеографиями и открытками с пронизанными стрелой сердцами и голубками с письмом в клювике, одевались безвкусно и кричаще, а праздник отмечали пьянством и обжорством.

Культурнее других был товарищ прокурора Ковальский, да следователь Грипачевский, полковник Тодоров (воинский начальник), да доктор Мельцарек. Но Ковальского весной куда-то перевели. Грипачевский был холостяк, и жил со своею кухаркой, воинский начальник овдовел и всем его хозяйством ведала его взрослая дочь, а, доктор Мельнорек, он же акцизный инспектор был умнее и начитаннее всех, но у его жены Евгении Ивановны была привычка выпивать и заводить романы направо и налево. Не пара были все эти дамочки моей чистой и утонченно воспитанной маме...

Остальные типы напоминали персонажей из повестей Гоголя. Протоиерей Григоренко говорил с отвратительным семинарским акцентом дикой смесью русского и церковно-славянского языка и был до того груб и вульгарен, что даже я, трехлетняя девочка, громогласно сказала ему:

– От тебя воняет конюшней. Не люблю таких грубых и противных, как ты. Меня, конечно, поставили в угол за дерзость, но много лет спустя мама призналась, что они с папой совершенно согласны со мной и много смеялись меткости моих слов.

Больше Григоренко у нас не бывал: раза два присылал к нам своих девочек, но я не захотела с ними играть: на все мои бесчисленные вопросы они либо молчали, либо отвечали: “Так”, хоть и были старше меня на два, а другая на целых четыре года. Терпела я терпела, да как хлопну их по губам:

– Чего вы молчите. Всякое “потому” есть потому, что есть “почему”, а “так” говорят только нарочно.

Этой обидчивой фразой я хотела сказать, что у всякого явления есть своя причина, говорить «так», значит не знать.

Они разревелись, а когда они ушли – я попросила маму их больше не приглашать.

Ксенедз Уланович был очень гостеприимный толстенький, маленький старичок, присылавший маме корзинки роскошных ренклов и груш-дюшес из своего сада. Таких фруктов в Брацлаве не было, а мама любила только хорошие фрукты и рада была его вниманию. Чтобы не быть в долгу, она приказывала повару Роману спечь сдобный крендель с миндалем или кекс с цукатами, или еще какой-нибудь торт и каждый раз посылала ксендзу ответный подарок.

Бывая у нас, ксендз Уланович каждый раз приносил мне пятикопеечную плитку шоколада в подарок. Я вежливо благодарила и спрашивала:

– Скажите, пожалуйста, вы дама, или господин?

– Что ты, что ты, Зиночка! – Я не дама, – отвечал, смеясь, Уланович.

– А почему у вас юбочки, как у бабушки? – допытывалась я.

Но тут вмешивалась мама, и краснея отсылала меня играть.

Ксендз приносил маме французские книжки читать, а мама в свою очередь давала читать ему свои парижские журналы.

Уланович плохо говорил по французски, но старался это скрывать и охотно переходил на русский. Думаю что журналы он почти не читал и больше просматривал иллюстрации. Человек был недалекий, но очень любезный, любящий всегда оказать услугу, или доставит какое-нибудь удовольствие. Однако, года через два наше знакомство внезапно оборвалось. Он стал добиваться, чтобы папа вынес незаконное и несправедливое решение по делу, возбужденному костелом.

С разрешения костела и по письменному договору с ним, один бедный поляк построил много лет тому назад домишко в углу костельной усадьбы и за пользование землей много лет платил костелу все, что полагалось по договору. Когда срок договора истек и ксендз, заключивший с ним договор, вскоре умер, никто не трогал бедняка в его лачуге и он вовсе забыл о том, что был у него когда-то письменный договор. И вдруг Уланович, желая расширить костельный дом и сад, которым он пользовался, приказал бедняку убираться, чтоб снести с лица земли его лачугу. Бедняк, конечно, отказывался. Тогда ксендз извлек из архива давно пожелтевший договор и предъявил иск о выселении своего прихожанина. Папа внимательно рассмотрел дело и отказал костелу в иске, признав за бедняком право собственности на его лачугу “по давности владения”, так как со дня последнего платежа по договору прошло целых пятнадцать лет. Ксендз был возмущен и оборвал знакомство с нами, полагая, что папа должен кривить душой из-за добрых отношений с ксендзом-пробощем.

Через Улановича мама успела познакомиться с женой присяжного поверенного Олтаржевского, штатного юрисконсультанта графа Собанского. Мадам Олтаржевская была изящная и культурная дама, хорошо владела несколькими языками. Она много путешествовала, много могла рассказать интересного, очень любила книги и умела скромно, но красиво одеться. Мама наладила с нею обмен французскими и польскими книгами. Даже получила от нее в подарок сочинения Элизы Ожешковой. У Олтаржевских познакомилась мама с ксендзом из Немирова Здиславским.

Это был худощавый высокий величественный старик с орлиным носом, белоснежною сединой и живыми умными черными глазами. Мама ценила его общество, как человека широко образованного, живого и увлекательного собеседника. Много спорили они и говорили о гремевших в те времена книгах Эмиля Золя “Лурд” и “Рим”, о запрещенной и проклятой римской курией книге Ренана “Жизнь Иисуса”, которой восхищалась моя мама, о романах пацифистки Берты фон Зутнер, о романе Сенкевича “Кво Вадис?” и романа Ожешко “Меир Эзофович”, о процессе Дрейфуса, пьесе Гуцкова “Уриэль Д’Аоста”. Я слушала их споры, ничего не понимала, но на всю жизнь запомнила эти названия и имена.

Когда Здиславский уезжал, мама говорила папе:

– Какой интересный человек! Но вместе с тем какой фанатик! Настоящий римский прелат. С ним надо держать ухо востро. Того и гляди, попадешь в его паутину. И все таки надо честно признаться, что наши православные попы куда ограниченнее и безвреднее этих ватиканских лисиц.

Брацлав был настоящим захолустьем, настоящей “дырой”, как тогда выражались. Если в XVI и XVII веке Брацлав был центром Брацлавского воеводства, где собирался шляхетский сеймик, был свой маршалок, воевода, были ремесленные цехи и даже, кажется, магдебургское право, то в 19 веке он пришел в полный упадок и во многом уступал соседним бойким торговым местечкам, Тульчину и Немирову.

Ни одной мощеной улицы там не было. Ни одного уличного фонаря. Воду возили из реки Буг бочками. Буг был довольно красивой и бурной рекой, с руслом, заваленным огромными валунами. Весной и осенью Брацлав утопал в невылазной грязи.

Бани там не было. Больница в таком состоянии, что даже нищие обходили ее стороной.

“Господа” лечились на дому у доктора Пластунова, или Мельцарена, военные – у своего полкового врача, а народ – у знахарей и бабок.

Зато дешевизна там была удивительная: большое эмалированное ведро вишен стоило 20 копеек: вишен “Шпанки” – 25 копеек. Мясо самое жирное стоило 5-6 копеек фунт (400 грамм). Курица 20 копеек. Яйца летом 10 копеек десяток, зимой по 15 копеек. Кувшин молока емкостью не менее двух литров – 8 копеек. Масло коровье 25 копеек – фунт. Судак весом фунта в 4-5 двадцать копеек. Много было груш и яблок, слив и других фруктов, но все невысокого качества. Зато арбузы, как называемые “Монастырские” были великолепны.

В Брацлаве было два бакалейно-гастрономических магазина Красноштейна и Бейлы. Кроме разных круп, чаю, кофе мокко, сахару, мыла и керосину там всегда, круглый год были в продаже селедки, колбасы, сардины, голландский и другие сыры, разные конфеты от леденцов и монпансье до дорогих шоколадных, разные пряности, желатин, миндаль, киш-миш, маринованные грибы и разные маринады, и консервы, и сушеные фрукты вплоть до алжирских фиников. Финики стоили 40 копеек фунт, изюм 25 копеек, миндаль копеек 40-45, голландский сыр 30 копеек. Впрочем, все эти товары оставались в одной цене много лет подряд и во всех городах безо всяких изменений.

Из мануфактуры и обуви в Брацлаве можно было купить ситцы, бумазею, простые батисты, самые дешевые и грубые шерсти, да головные платки, шерстяные огромные шали, или шелковые с бахромой и вытканными на них матовыми и блестящими узорами как на салфеточном полотне. В таких полотнах любили щеголять Брацлавские мещаночки и крестьянки.

Если надо было купить что-нибудь получше – приходилось ехать в Тульчин. Для этого мы брали парный экипаж на “почте” Краснера, а в Тульчине останавливались в еврейском “заезде” – наподобие каравансарая и гостиницы одновременно. Экипаж въезжал в длинный коридор, куда с одной стороны выходили двери для приезжих, а с другой стороны были, либо склады товаров, либо квартира хозяина. Там можно было заказывать самовар, булок, яичницу. Были и другие дешевые кушанья, но мы их не заказывали, так как привозили с собою жареных цыплят, домашние пирожки и бутылки кофе со сливками. Напившись чаю шли мы за покупками, но в Тульчине таких вещей, как изящная обувь и хорошие дамские шляпы трудно было достать. Все было довольно простой и грубой работы, а главное неизящное и немодное.

Потому мама стала выписывать из Риги из магазина Джона Клуgge из Одессы от Соломона Мангубы образчики материй. Приходили они небольшими посылочками, каждый образчик размером 5х6 см. Мы рассматривали их по вечерам и днем и потом слали заказ, сколько аршин какой материи нам выслать наложенным платежом, и дней через десять приходили посылки.

Шила нам по маминим парижским журналам Елена Еремеевна Серополко, жена секретаря съезда Мировых судей, очень симпатичная и приличная, хотя малообразованная женщина, уроженка С. Петербурга. Столица наложила на нее печать сдержанности и вежливости. Шила она хорошо. Мама с нею была очень любезна и часто приглашала их к нам отобедать и всегда по этому случаю заказывала пончики с ромом и вишневым вареньем.

Елена Еремеевна была большая рукодельница. Вся квартира их была разукрашена ее работами: ковриками, шкатулками, вышитыми подушками, салфеточками и скатертями. Муж ее для подработка брал переписку папиных стихотворений и статей, но вдруг рука у Михаила Анисимовича отнялась от переутомления пишущего нерва. Эта болезнь называется "Mogigraphia", потому что в древнем Риме ею страдали рабы-переписчики книг. Выручило Михаила Анисимовича то, что вскоре в съезд мировых судей прислали пишущую машинку, на которой он быстро научился писать. Видя, что болезнь не поддается лечению, Серополко стал готовиться к экзамену на нотариусов и сдав его открыл нотариальную контору в городе Ольгополе, но это произошло не ранее 1896 года.

Раз в месяц в Брацлав съезжались на съезд все мировые судьи Брацлавского уезда. Съезд Мировых судей была та инстанция, куда граждане могли обжаловать решение любого мирового судьи данного уезда. Сессия продолжалась дня три – четыре. Все эти дни папины коллеги обедали у нас. Конечно, по такому случаю обед бывал и парадный и в эти дни на нашем столе появлялась бутылка вина и графинчик водки. В остальные дни спиртных напитков и вин у нас не водилось.

Тульчинский мировой судья Адрианов был отставной военный юрист. Он славился на весь уезд строгостью своих приговоров, поэтому на каждой сессии съезда больше всего бывало жалоб на его приговоры. Адрианов и на сессии злился и настаивал на их утверждении, но папа и Алексей Маркович часто оставляли его в меньшинстве и Адрианову приходилось подчиняться решению сессии.

Папа мой наоборот славился мягкостью своих приговоров. Украдет, например, безработный бедняк кольцо колбасы у торговки, поймают его с поличным, избьют и приведут с толпой свидетелей прямо в камеру. Да и он сам не отрицает, что украл. А папа расспросит его, что толкнуло его на кражу, узнает, что человек остался без работы и без гроша, два дня не ел – и оправдает его, потому что в законе был милосердный пункт, дающий право оправдать виноватого "по внутреннему убеждению", если безвыходное положение толкнуло его на кражу. Правда, отчитает его хорошенько тут же на заседании, а потом даст записку куда-нибудь, где нужны рабочие руки, и даст человеку возможность заработать и стать честным человеком.

Ох, и строчили же на него за это доносы товарищи прокуратуры и прочие бездушные чинуши, формально понимающие закон, а не в духе и истине.

Папа всегда подходил к подсудимому как к человеку, старался понять, почему он так поступил и твердо вел эту гуманную и честную линию, как человек, писатель и истинный гуманист. И закон был на папиной стороне. Все доносы рассыпались в прах и не могли сбить папу с его позиций, потому что и закон был на его стороне. Решения по таким делам писал он особенно убедительно и подробно, чтобы нельзя было его отменить в высшей инстанции. “Понять – это значит простить”, – любил он говорить и, как на пример бездушного механического суда ссылаясь на “Отверженных” Гюго и на Чеховский рассказ “Механическое правосудие”. Помню, что однажды оправдал он крестьянина, укравшего три рубля, потому что у него умирал ребенок от дифтерита и не было денег на лечение.

Бывали у него на почве чрезмерной гуманности и промахи, но только на первых порах.

Торговала на Брацлавском базаре однорукая торговка. Вскоре по приезду в Брацлав притащили ее в суд прямо на заседание за то, что она исколотила свою соседку по рундуку за то, что та будто бы отбила у нее покупателя. Однорукая на суде горько расплакалась, стала просить пощады, говорить, что она вдова с тремя крошечными детьми..., что начала она ссору потому, что соседка отбивает у нее хлеб и не дает ей заработать сиротам – детям на хлеб, потому что она молода красива, “не то что бедолаха-калека”, лишенная возможности работать.

Папа пожалел ее и на первый случай оправдал.

Но не прошло и двух недель, как безрукую снова притащили в суд целой толпой и хором стали объяснили папе, что дерется она лучше двуруких, что житья нет от нее на базаре, потому что она первая набрасывается на каждого с бесстыжею бранью и побоями. Папа понял, что попался на удочку и на этот раз наказал ее со всей строгостью закона.

Жизнь наша текла в Брацлаве по строго заведенному расписанию. Вставали папа с мамой в половине девятого.

Лежа в своей теплой и мягкой кровати, я любила наблюдать как подымается и причесывается мама, долго расчесывая свои длинные угольно-матовые черные волосы, как умывается у умывальника с педалью, до пояса холодной водой, как затем приходит из своей соседней спальни папа и тоже начинает умываться и затем долго растирает спину мохнатым полотенцем.

На спине у папы три родимых пятнышка, похожих на изюминки в пасхальном куличе. Я смотрю на них и мне кажется, что это действительно киш-миш, прилипший к его коже...

Потом “большие” уходят в столовую пить кофе и наступает моя очередь одеваться. А мне вставать не хочется: мне нравится нежиться в постельке, любясь солнечными зайчиками на потолке от луж за окном, или от бочки с водой для поливки цветов под водосточную трубу. Но долго валяться мне не позволят. Я начинаю натягивать длинные чулочки, беру лифчик с панталончиками, затем набрасываю нижние юбки. Зимой их бывает две, а летом одна – пышная-препышная, туго накрахмаленная с оборочками и кружевами, отменно выглаженная ловкими руками Татьяны. Потом Татьяна меня причесывает, завязывает в волосы большой розовый или голубой бант, или заклады-

вает гребешок дугой от уха до уха. Умывшись в большой глиняный чашечке с пестрой блестящей поливой и надев платице, я выхожу в столовую. Папа и мама уже успели напиться кофе и папа ушел либо в свою камеру при здании съезда мировых судей, либо в свой кабинет. Пью я свое молоко из большой белой чашки с надписью “В День Ангела”. Это подарок няни Татьяны. К молоку у нее всегда либо пышные булки, либо крендели. Напившись молока, я бегу в гостиную.

Тут мама принимается со мной за занятия.

Переезд в Брацлав обошелся нам очень дорого. Подъемных не дали, так как от Киева до Брацлава менее 600 верст. Поэтому первое лето пришлось экономить, чтоб погасить долги по переезду и по ремонту квартиры, поэтому в Требухи мы не поехали. Но на следующее лето мама обязательно решила повидаться со своими и хотела сделать бабушке сюрприз, привезя ей внучку, бегло говорящую по-французски. Чтоб не мучить маленького ребенка зубрежкой иностранных слов, мама придумала преинтересную игру.

Мы садились на маленькую бархатную скамеечку от гостиного гарнитура мягкой мебели, как будто бы ехали по магазинам за покупками. Тут мы покупали и платье, и белье, и игрушки, и книжки, и посуду, и мебель, и цветы, и конфеты, причем воображаемые магазины были французские и надо было говорить с продавцами только по французски.

Постепенно передвигая скамеечку вдоль стен, мы как будто заходили в кондитерскую выпить чашку шоколада, купить пирожных и печенья, потом в зверинец, осматривали диких зверей, причем мама откуда то вытаскивала красивые альбомы в красках, где были нарисованы все дикие звери, птицы и пресмыкающиеся, а в воображаемой кондитерской появлялись спрятанные задолго до начала игры сладости, чтоб разохотить меня продолжать игру.

Часами продолжалась эта увлекательная забава, каждый день новая и никогда не терявшая своего интереса. К концу второй зимы пребывания в Брацлаве я таким образом научилась бегло болтать по французски и даже узнать много слов и понятий, которых не знала и на родном языке.

В час дня подавали завтрак. Завтракали мы вдвоем с мамой. Для меня подавали глубокую тарелку каши “Геркулес” на молоке, куда мама добавляла несколько ложек вишневого варенья. Ела я через силу, да и неудивительно: с утра сидела я в комнате почти без движения, а аппетит появляется только тогда, когда ребенок бегаёт на свежем воздухе.

После завтрака шли мы с мамой гулять. Гуляли в саду по дорожкам. Я чинно шагала с мамой, а не резвилась и не шалила, как полагается детям моего возраста. Но и эта прогулка все же освежала меня.

На улицу мы выходили редко. Весной и осенью до морозов там стояла невылазная грязь, а летом тучи пыли забивали дыхание. В саду при квартире воздух был чистый и дорожки утрамбованы щебнем и песком. По контракту с домохозяином, мы могли пользоваться половиной сада со всеми растущими на ней фруктами и ягодами. Зимой повар Роман расчищал дорожки от снега, по которым мы гуляли ровно полтора часа. Роман не должен был этого делать, но он сам по своей охоте брался за лопату и я не помню случая, чтобы снег бывал не расчищен и мы не могли бы выйти погулять.

Вернувшись в комнаты я начинала играть со своими игрушками, а мама принималась за чтение, или рукоделие, или что-то долго писала.

К пяти часам приходил папа, умывался, переодевался в пиджак, давал проветрить провонявшийся в камере мундир и начинал читать в гостиной газеты и письма.

Вскоре подавали обед, где в полном блеске обнаруживался недюжинный кулинарный талант нашего повара Романа.

Но за обедом, как и завтраком, ела я неохотно и мало и среди такого изобилия исключительно вкусных кушаний оставалась худенькой, бледненькой и малокровной девочкой, которую пичкали питательными препаратами вместо того, чтобы физически развивать.

После обеда я играла в гостиной в мяч, или мама читала мне вслух что-нибудь интересное. В 8 часов подавали вечерний чай, но до чая я выпивала одна свою чашку молока со сладкой булочкой и уходила спать.

Спать укладывала меня мама. Я снимала и аккуратно складывала свои вещи на стул возле кровати, умывалась и причесывалась. Мама ставила меня на колени против иконы Тихвинской божьей матери, в киоте которой были венчалные букетики папы и мамы, я читала вслух “Отче наш”, “Богородицу” и молитву ангелу-хранителю, потом мама укладывала меня в постельку, целовала, укрывала одеяльцем и уходила в столовую пить с папой вечерний чай, потушив свечку. В соседней папиной спальне тоже было темно, но двери в нее были открыты настеж, а за папиной спальней была передняя, где всегда горела стенная десятилинейная лампа и полоса света от этой лампы достигала нашей спальни.

Иногда мне долго не спалось. Тогда я звала маму и просила положить мне в кровать кота. Приносили мне только Серослива, потому что он никогда не царапался. Я укладывала его рядом с собою, головой на подушку и он тихонько, ласково мурлыкал, но не на долго хватало терпенья. Стоило мне снять с него руку, как он мгновенно выпрыгивал из постели и мчался в столовую, где так заманчиво звенела посуда и где на его долю перепали со стола разные вкусные вещи.

Вторично взять кота мне не разрешали. Я лежала одна в темноте, слушала, как шумит кровь в ушах, жмурилась и тогда под закрытыми веками плавали передо мной розовые круги с черным кружком посередине “точно розовые бублички” и я незаметно погружалась в глубокий детский сон.

Большие праздники разнообразили ровное и спокойное течение жизни.

Особенно долго готовились к пасхе: собирали яйца от своих кур в ящик, полный мелко нарубленной соломой, покупали миндаль, изюм, гвоздику, корицу, ваниль на цедре, орехи, финики, душистый перец, винные ягоды (инжир), цукаты и разную бакалею. За неделю начинали лущить миндаль, перебирать коринку, киш-миш и изюм, настаивали шафран, толкли ваниль и корицу. Я, конечно, принимала в этом живейшее участие.

Мама в кухню никогда не ходила, да и не нужно этого было, имея такого чудесного повара, как Роман, державшего посуду и всю кухню в идеальной чистоте. Но перед праздниками многое готовили и пекли по традиционным семейным рецептам, хранившимся и в роду Королько и в роду Кальмеле из поколения в поколение, и праздник показался бы нам не праздник без этих с детства знакомых и дорогих по воспоминаниям

кушаньях... Самая процедура подготовки праздника приятно настраивала на торжественный лад и такие вещи, как бабы-куличи, мазурки, торты и сырные пасхи делали в столовой и только носили в кухню, чтобы посадить в готовую печь.

Тесто подбивали по очереди горничные и Роман, а белки сбивали в пену и крутили желтки на сахаре до белизны – горничные и сама мама. Помогали и тети, папины сестры, иногда приезжавшие к нам на пасху. А изюм и киш-миш перебирала я. С детской честностью работала я и ничего не клала в рот.

Мне казалось, что печенье пропадет, если из взвешенной по порции кучки изюма или инжира не будет хватать хоть двух ягодок. Мама мне этого никогда не говорила, просто предупреждала, что этого изюма, или ягод нельзя есть, но зато по окончании работы давала мне в награду целую горсть..., и тогда радости моей не было границ.

Куличи и бабы для прислуги пек Роман. В общем на нас троих пекли куличей из полпуда муки, столько же на троих прислуг, а второй пуд пекли для арестантов. Папа считал своим долгом скрасить им этим подарком печаль ареста под светлый праздник. Из пуда четырехнолки муки и сотни яиц, которые адресовались для арестантов, выходило много куличей. Папа заблаговременно получал списки сколько человек сидит в тюрьме и сколько в арестном доме и все испеченное делилось по числу. К каждой порции добавили по 2-5 крашенных яичка и в пасхальную ночь, отстояв заутреню в тюремной церкви, папа вручал каждому свой подарок, даже если это был и не православный, а католик, еврей или татарин.

Мы же с мамой никогда у заутрени не бывали, а на утро выходили в столовую в самых нарядных платьях, где с вечера, когда я уж спала, накрывали большой пасхальный «стол», украшенный зелеными овощами, и живыми цветами, купленными в оранжевых кого-нибудь из соседних помещиков – чаще всего из Немирова, от княгини Щербатовой.

Так шла наша жизнь изо дня в день, из недели в неделю.

Летом было немного иначе: после утреннего чая я сразу прибегала в сад. Где каждое утро было что-нибудь новое: такое интересное пытливого ребенку. Там распустился цветок, там порхает неизвестная бабочка, там ползают красивые зеленые жуки. И почему не слышно, как плывут по небу облака? Почему бабочка летает дрожащим неровным полетом? Чем питаются земляные черви? Кусаются ли черные рогатые жуки?

Мама старалась на все мои вопросы дать точный и ясный ответ.

Как уроженка деревни, мама любила сад и огород. Еще в марте выписывала она из Риги по каталогу семена цветов и овощей из садоводства Шоха и в первое лето нашего пребывания в Брацлаве у нас появилась и своя аржентельская спаржа, и редис, шпинат, зеленый горошек нескольких сортов, кочанный салат, брюссельская и цветная капуста, артишоки, огурцы, тмин, помидоры, кольраби, топинамбуры, синие обертмы и разная мелкая зелень вроде моркови и петрушки.

Без этих овощей мама не смогла бы прожить, но в Брацлаве их негде было достать ни на базаре, ни в соседних имениях, так как там культура огородов была на очень низком уровне. А без овощей стол был и однообразен и безвкусен: ко всякому мясному блюду у нас готовили не менее 3-4 гарниров.

Любила мама и цветы. Возле дома разбила она красные клумбы, на которых пышно разрослись левкой, вереск, резеда, флоксы, китайская гвоздика, матиола, настурции, сальпиглосис, эшольции и масса разных бордюрных цветов и декоративных листьев, из которых мы особенно любили лобелию. Посадила мама много сирени и жасмина. Под раскидистой черемухой велела поставить скамейки, а для меня – повесить детские хорошенькие качели.

В глубине сада было много малины, несколько яблонь и груш и целая чаша вишневых деревьев.

Вишень поспевало у нас столько, что хватало и на варенье, и на сушку, и на пирожки, кисели и компоты, не говоря о наливках. Папины письмоводители Кухаренко и его помощник Звенгородский все свое время проводили в саду на вишневых деревьях, лакомясь спелыми вишнями, за что гостившая у нас Бренфо прозвала их в шутку «Подольскими обезьянками».

Были у нас свои куры кахетинской породы. Весной 1894 года уезжали навсегда из Брацлава наши соседи Шиманские и подарили мне на прощанье огромного кахетинского петуха с курицей: курица вывела нам цыплят, к зиме у нас был целый выводок молодых кур.

Петья-петух был великан. Он доходил мне до плеча и я кормила его из рук кусочками сдобной булки и леденцами. Он осторожно брал из моих рук угощенье и ни разу не клюнул меня и не сделал мне больно. Он прекрасно знал меня в лицо и, увидев меня, громко хлопал крыльями и кричал:

– Коко-око!!

И важно крупными шагами подходил ко мне и давал себя погладить и приласкать.

В декабре, когда установился санный путь, папа с мамой решили съездить в Киев. Взяли и меня с собою.

Остановились мы в гостинице Гладынюка на углу Пушкинской и Фундуклеевской. В дороге я простудилась и, уходя в театр, или по магазинам, меня оставляли в номере на попечение какой-то пожилой женщины. Я все время стояла у окна и с удивлением смотрела, что по улице бегают вагончики без лошадей и без паровоза и мне очень хотелось покататься в таком вагончике. Это был первый в России электрический трамвай. В этом отношении Киев опередил Москву и С. Петербург.

В Киеве папа снова встретился с Когеном. С переездом в Брацлав их отношения почти прекратились. А в жизни Когена произошла некоторая перемена.

Приглянулась ему миловидная и симпатичная девушка по имени Дора Павловна. Она только что кончила гимназию, была сиротой и жила у каких-то дальних родственников, где ей приходилось не сладко. Коген случайно познакомился с ней и стал усиленно за ней ухаживать, возить ей билеты в театр и делать подарки. Но Дора Павловна была девушка скромная и не шла на такие приманки. Он понял, что дело проиграно и что Дора Павловна не пойдет ни на какие сомнительные интрижки. Но, думал он, – что страшит девушку – не страшно замужней женщине... Надо только выдать ее замуж. И тут пришла ему в голову очередная сумасбродная идея сделать из нее графиню, а затем превратить в свою титулованную любовницу.

В каком-то мелком трактире попался ему прокутивший все свое состояние «бывший человек из высшего круга» граф Толстой, – к стати сказать неженатый. Коген приодел его, устроил ему приличную квартиру и познакомил с Дорой Павловной.

Толстой был человек средних лет с изящными манерами светского человека. Он еще не успел окончательно опуститься и хотел выбиться в люди. В молодости он много путешествовал и мог много рассказать интересного про Монте-Карло и Париж, про Рим и Венецию. По уговору с Когеном, он стал ухаживать за Дорой Павловной, возить ей цветы и бонбоньерки и скоро сделал ей официальное предложение. Имя и титул графа Толстого так ослепили ее, что она без колебаний согласилась. Скоро они обвенчались и прямо из церкви уехали на вокзал «за границу, в Париж», как напевал ей Толстой. Но... на первом же перегоне в купе, новобрачных вместо графа Толстого, оказался Аарон Моисеевич Коген...

Так новоиспеченная графиня Толстая стала любовницей Когена и больше никогда не увидела своего титулованного супруга. Прожив полгода за границей на фешенебельных курортах, в Венеции и Париже, они вернулись в Киев, и Дора Павловна поселилась, конечно, на средства Когена, в той же гостинице Гладынюка, где случайно остановились и мы.

Однажды вечером меня нарядили в мое лучшее платьице и папа повел меня в гости к “тете Доре”.

Смутно помню я полноватую белолицую молодую даму в коричневом шелковом платье, угощавшую меня пирожками и шоколадом и что-то говорившую папе со слезами на глазах.

На следующее утро гостиничная горничная принесла и нам в номер большой пакет, в котором оказалась роскошная Парижская кукла, гарнитур ореховой игрушечной мебели, крытый голубым шелком, и кукольный сервиз. Сервиз я скоро разбила, но кукла и мебель сохранились у меня до взрослых лет. Я была в восторге от подарка и не могла понять, почему “тетя Дора” смотрела на меня со слезами и почему моя мама не пошла вместе с папой к ней в гости.

Через недельку-другую вернулись мы домой в Брацлав. Тут меня ждала печальная новость: исчез Чернослив и Серослив. Как потом выяснилось, наши горничные присвоили себе пять рублей, оставленные мамой на пропитание котов, а котов сбывли приезжим крестьянам в базарный день. Так лишилась я своих первых четвероногих друзей.

Вскоре лишилась я и своего Петьки.

Перед отъездом, мама купила в Киеве прелестных елочных украшений, чтобы сделать мне первую елку в моей жизни.

Задолго до праздников на мамином рабочем столике появились пакчи золота для орехов, мишура, бриллиантовая и золотая присыпка, вата, кусочки атласа и лент, и масса ажурных штампованных картинок. Из всего этого мама делала прехорошеньких ватных куколок, обклеивала золотом и шелками спичечные коробки, делала золотые фунтики-корнэ для конфет. Я попробовала что-нибудь смастерить, но дело у меня не пошло и стала просто смотреть, как работает мама и учиться счету, подсчитывая готовые украшения и позолоченные орехи.

Скоро привезли из лесу несколько огромных сосновых веток. Елок возле Брацлава не росло, а деревьев в казенных лесах рубить не разрешалось, поэтому пришлось из этих веток вязать подобие елки. Вышло это довольно удачно и сразу весь дом наполнился благоуханием леса. Я была в величайшем волнении, предвкушая новое удовольствие, но как раз в этот час сообщили мне, что Петька мой умирает. Лежал он в сарае, на куче соломы и обычно сверкающие глаза его то и дело подергивались серой пленочкой век. Я звала его, а он только моргал глазами и не мог подняться. Его перенесли в кухню, стали вливать ему в клюв ложки вина, но через несколько минут его не стало.

Молча ушла я, молча легла в постельку и там горько заплакала.

Вечером собрались гости с детьми. Пришел доктор Мельцарек со своим мальчиком Леней, привели сынишку нового товарища прокурора Тлустовского, и еще каких-то детей. Мы сидели в столовой, не зная, как завязать знакомство, как вдруг распахнулись двери гостиной и передо мной засверкала елка целой сотней зажженных свечей. Мама села за пианино и заиграла что-то веселое. Я была поражена красотой невиданного зрелища и горе по Петьке сменилось приступом лихорадочного веселья. Я стала бегать, прыгать, что-то кричать и метаться по нашей громадной гостиной.

Никто не понял моего первого состояния. Папа резко взял меня за руку, увел в спальню и строго приказал вести себя прилично и тихо. Я испугалась. Как-то сжалась и весь вечер сидела в уголке, даже за ужином почти не раскрывала рта и не принимала участия в общем веселье.

Плакать я не стала. Вообще на пятом году жизни я решила, что плакать можно тогда, когда кто-то умрет. Когда случалась со мной какая-либо детская беда, я всеми силами старалась не заплакать и только сжимала зубы и обиженно думала.

– Ну, погодите, большие: Вот я вырасту и тогда вам задам!

На взрослых я смотрела, как на своих угнетателей. Идеалом свободы казалась мне жизнь ласточки в небе и жизнь жеребенка в степи. Подчиняться я не любила, замечаний и выговоров не выносила и поэтому я старалась вести себя так, чтобы никто не мог сделать мне замечание, но не из смирения, а скорее из гордости.

Но иногда припадок вспыльчивости заставлял меня забывать обо всем. В такие минуты я была способна на все. А вообще я была очень тихая, замкнутая девочка, хоть и любила поговорить с теми, кто мог мне рассказать что-нибудь интересное.

В первый год пребывания в Брацлаве у меня вовсе не было знакомых детей. С первой елки у меня завязалось знакомство с Володей Тлустовским. Его иногда присылали к нам на целый день. Но Володя был моложе меня на год, а по развитию – и на целых два. Он лез драться, ломал мои игрушки и я его не любила. Прожил он в Брацлаве одну зиму, а весной его папу назначили в другой город и они уехали из Брацлава.

Леня Мельцарек был милый, застенчивый и развитой мальчик, похожий на девочку. Но мама меня к Мельцарекам не пускала, не желая вести знакомство с такой легкомысленной и распушенной дамой, как его мать. И все-таки мы с Леней дружили.

Летом, когда стояла мучительная южная жара, мы прятались под тенью каштанов возле забора, разделявшие наши усадьбы и часами разговаривали, стоя у дырки,

которую мы сами выломали в плетне. Мы показывали друг другу наши игрушки и книжки с картинками. Леня приносил своих голубей, и особенно своего белоснежного турмана, а я притаскивала своего толстого кота Фаркульку, сменившего погибших Чернослива и Серослива. Угощали друг друга кусочками сладких пирожных или конфетами. И каждому из нас хотелось побывать по другую сторону разделявшего нас плетня.

Однажды Леня все-таки добился, чтобы меня пригласили к нему в день его рождения. Меня нарядили в лучшее платье, завязали в волосы самый красный бант и горничная Марина Монтрезор повела меня к Мельцаренам с коробкой шоколадных конфет в подарок Лене.

Мы долго хорошо с ним играли, как вдруг откуда-то появилась подвыпившая “Мельцаречка”, как звали в Брацлаве мадам Мельцарек, а с ней ее приятельницы офицерши. Я, конечно, не поняла, что она пьяна, но зато наша горничная это прекрасно увидела.

Мельцаречка села против меня на корточки и давай меня дразнить:

– А мы тебя домой не отпустим! Сейчас сюда принесут твою кроватку и останешься у нас навсегда. Будешь спать в Лениной комнате, а твоя мама одна уедет к бабушке и подарит тебя нам. Ты будешь моей дочкой и Лениной сестричкой.

– Неправда!! – взвизгнула я, пунцовая от ужаса. – Моя мама меня не бросит.

– А вот и бросила! Сядет сегодня на Вапнярке в поезд – и прости-прощай доченька! А ты сколько ни плачь – она не вернется.

Она дышала мне в лицо противным винным перегаром и такими же противными резкими духами, шурила свои большие синие подрисованные глаза, вся красная и потная от перепоя. Я смотрела на неё с ужасом и отвращением! А она громко хохотала и тянулась ко мне, качаясь на корточках, с пьяными поцелуями.

Окружающие нас дамы расселись на полу кольцом и хором поддакивали:

– Евгения Ивановна будет твоей мамой!

– А мы – твоими тетями!

– И ты больше никогда не увидишь своих папы и мамы!

Тут уж я не выдержала. Давясь от сдерживаемых слез и бешенства, я закричала не своим пронзительным голосом:

– Дуры! Дуры! Врете вы все! Мама меня не бросит никогда! И никогда не буду твоей дочкой! У меня мама настоящая – не такая, как ты!

И, вне себя от отчаяния, вцепилась в ее пышные кудри. Маринка бросилась отрывать меня от “Мальцаречки”, которую я рвала и колотила руками и ногами, а доктор Мельцарек, незаметно вошедший в комнату во время этой сцены, только головой покачал:

– И действительно дуры! Нашли забаву пугать ребенка. Смотрите: чуть не довели ее до нервного припадка.

Он взял меня за руку, отвел в переднюю, сам надел мне пальтишко и приказал Маринке:

– Ведите девочку домой и расскажите вашей барыне, как было дело. Ребенок ни в чем не виноват.

Дома Маринка долго мялась, не зная, с чего начать. А я, дрожа, прижималась к маме и повторяла:

– Я больше никогда не пойду к Лене в гости. Лучше возьмем Леню сюда. Пусть он будет нашим и пусть у него тоже будет хорошая мама – ты.

Так закончилась наша дружба с Леной, потому что с тех пор его под страхом розги не подпускали к нашему забору и скоро даже дырку в заборе заделали какими-то кольями.

У домохозяйина Моти Леховицера была внучка Дина. Она жила в деревне, осенью 1895 года приехала в Брацлав и поступила в городское училище против нашей квартиры. Жила она у дедушки Леховицера. Дина была старше меня на целых пять лет, но так как у меня совсем не было знакомых детей – мама как-то попросила хозяйина отпустить Дину к нам поиграть.

Вечером Дина пришла ко мне и мы целый вечер играли с нею в углу, горела стенная лампа, а мы весело стряпали обед для кукол. В дело пошли кубики, и карты, и лото, и кегли, и коробки. Потом мебелировали кукольный дом: поставили кровать и свои остальные богатства. Дине шел десятый год, но она так увлекалась игрой, что незаметно пролетел вечер и я была в восторге от своей новой приятельницы.

С тех пор я часто просила послать за Диной. И всю зиму мы не реже трех раз в неделю играли в любые игры даже не чувствовали разницы в возрасте.

На следующую зиму приехали и тоже поступили в училище ее двоюродные сестры Рейзя и Молка. Эти девочки тоже жили у старого Леховицера и были только на два года старше меня. Но я была развитее своего возраста и мы всю зиму играли втроем. Дина же стала считать себя большой и редко присоединялась к нашим играм. Я так к ним привыкла и так сдружилась с ними, что почти каждый вечер просила маму послать за ними и только начинало смеркаться – Маринка бежала к хозяевам через двор “за жиденятками”, как называла она внучек Леховицера, – правда безо всякой злобы, а просто потому, что в те времена это слово было в ходу и среди крестьян и среди Брацлавских мещан вместо приличного “еврей”.

Из обеих сестер я больше любила Молку, Рейзя была грубее и вульгарнее изыщной и милой по наружности Молки, но и Рейзя никогда меня не обижала и мы с ней никогда не ссорились.

Две зимы продолжалась наша дружба, как вдруг и эта дружба внезапно оборвалась. Рейзя и Молка не знали хороших песен и любили напевать те же песни, которые пели наши горничные, например:

Крутится, вертится шар голубой,
Крутится, вертится над головой,
Крутится, вертится хочет упасть...,
Кавалер барышню хочет украсть.

Такие песни я со своей памятью мгновенно запоминала и иногда принималась их тоже петь. Мама строго запрещала подобный репертуар, но не предпринимала против него никаких особенных мер. Но однажды запела передо мной Молка новую песню, услышанную в училище:

Вы мужчины, вы скотины,
Для чего мы любим вас... и т. д.

И я, как истая обезьянка поспешила ее запомнить и на другой день днем принялась ее распевать, возясь со своими игрушками.

Мама подслушала мое пение и с этого дня Маринке больше не пришлось бегать к хозяевам за внучками старого Леховицера...

У Леховицера было две младших дочери: 20-летняя Удя (Гудель) и 16-летняя Ита. Удя была невеста и часто приходила к маме попросить у нее модный журнал, по которому шила себе приданное. Как и Ита, она была малограмотная, потому что такой талмудист и фанатик как Моть Леховицер не стал отдавать своих дочерей в русскую школу и скрепя сердце мирился с тем, что его внучки учатся в училище вместе с гоями, то есть христианами, а на частных учителей поспешился, хоть и был очень богат. Зато на приданное он не жалел денег и Удя нашла себе массу дорогих шелковых платьев, накупила ценных мехов и золотых вещей, скатертей, ковров, мебели и прочего домашнего скарба.

По старому еврейскому обычаю, новобрачная должна была в день свадьбы сбрить голову и ходить в парике. У Уди была роскошная темно-каштановая коса и она горько плакала, умоляя отца отказаться от обычая и оставить ей волосы, но разве можно было умолить такого правоверного талмудиста, как Моть Леховицер! Удя бросилась к моей маме:

– Ой, барыня, заступитесь за меня перед папашей.

Мама попробовала повлиять на старика, но все ее слова и уговоры были напрасны.

Недели за две до Удиной свадьбы начали у них печь свадебные пирожные. Как любопытный котенок, заглядывала я к ним в окна, и старушка бабушка Дины давала мне попробовать кусочек каждого пирожного, которые вынимали из печки. И эти пирожные, испеченные на смеси растительного и сливочного масла, с массой изюма, орехов, меда и пряностей, казались мне куда вкуснее изысканных тортов и кексов нашего повара Романа.

Венчалась Удя под балдахином во дворе с закрытым лицом. Кто-то объяснил, что этот балдахин называется хупой. При этом они с женихом разбили об землю стаканчики, из которых что-то пили – верно, вино. Потом три дня и три ночи шел пир горой. Гремела еврейская музыка и плясала не только молодежь, но и старики с длинными седыми развевающимися бородами, в длинных, до пят, люстриновых или атласных сюртуках-лапсердаках с локонами-пейсами на висках и с черными бархатными туфлями на ногах поверх белых нитяных носков.

Это казалось мне необыкновенно забавным и я часами пропадала в специальном сарае, украшенном зеленью и сооруженным ко дню Удиной свадьбы. Девочки (Молка, Рейзя, Дина и все прочие) были разряжены в новенькие шерстяные платья темно-красного цвета с кремовым гипюровыми кружевами. Ита в голубом шелковом платье с веером впервые почувствовала себя взрослой барышней и на нас не обращала никакого внимания. Гости тоже были разряжены в пух и прах, но танцевали очень комично – вприпрыжку, даже в вальсе подсакивали точно козлята.

Старики Леховицеры и невеста торжественно пригласили папу и маму на свадьбу. Мама с папой, конечно, пришли поздравить новобрачных, пожелали им всяческого благополучия и, посидев часок, ушли, считая неудобным долго там оставаться, а меня раз десять в день приходилось буквально тащить домой, так занимала меня эта шумная и многолюдная свадьба.

Второе лето пребывания в Брацлаве мы снова не смогли поехать в Требухи. Приехала к нам погостить и провести каникулы папина сестра тетя Маня, служившая в Одессе классной дамой. Вместе с мамой они много читали и гуляли. Тетя Маня одним пальцем подбирала на пианино мелодии модных Одесских романсов, за лето они очень подружились и даже сроднились с моею мамой.

Жара, как всегда на юге Украины, стояла невыносимая. Мама томила без холодного купанья, и договорилась помесечно экипаж, в котором мы стали каждый день ездить купаться в Буге.

В Брацлаве не было купален, а купаться с берега, на глазах у людей – мама стеснялась, поэтому папа просил разрешения у владельца большой вальцевой мельницы господина Солитермана пользоваться его купальней. Солитерман любезно ответил, что считает честью оказать господину судье услугу и мы лето ездили на его мельницу. Рядом с мельницей стоял жилой дом Солитермана, а сад спускался к самой реке, где и стояла купальня. Я боялась бурного Буга и меня только раздевали и обливали согретою на солнце водой, но и это очень меня освежало, а мама и тетя долго плескались в реке.

Дочь Солитерманов, мадам Файнберг, только что вернулась в Брацлав из Нью-Йорка. Это была интеллигентная еврейка лет под 30, окончившая гимназию в Балте. Муж ее поехал в Америку, надеясь разбогатеть, но прогорел и вернулся в Россию без гроша. Он занялся коммерцией в Каменце, а жена с детьми покамест жила у родителей.

У мадам Файнберг было три дочки: Поля, Роза и Гуня, с которыми я познакомилась. Они были много приличнее и культурнее Молки и Рейзи, но своенравные и капризные, и я с ними не подружилась. Да и виделись мы не долго: раза два они с матерью были у нас в гостях, а потом кто-то из многочисленных внуков Солитермана заболел корью и наше купанье прекратилось, так как папа и мама боялись всяких инфекций. Вскоре девочки уехали в Каменец к отцу и на следующее лето только на короткое время приехали навестить стариков Солитерманов, как раз тогда, когда мы уехали в Требухи.

Много лет спустя узнала я, что Роза стала оперной певицей. Она пела и в Киевской опере под фамилией Фейнберг-Горевой, но больше мы с ней не встречались.

В это второе лето жизни в Брацлаве мы несколько раз ездили в Немиров в гости к мировому судье Орловскому, у которого был красивый дрессированный черный пудель Ральф. Эти поездки немного разнообразили жизнь, но в общем, если мне, ребенку, жилось в Брацлаве прекрасно – провинциальная сонная одурь томила папу и маму и они всей душой рвались снова к свету, в большой город, к науке, искусству и культурному обществу.

В Брацлаве одни скандалы занимали внимание жителей и надолго становились темой для сплетен и пересудов.

Немало шума было когда молодой ксендз, присланный викарием к старику Улановичу, влюбился в дочь воинского начальника полковника Тодорова и в одну но быть может и прекрасную ночь бежал с ней из Брацлава и в одной из ближайших деревень перешел в православие и обвенчался с нею.

Ксендз Уланович был вне себя от возмущения и в ближайший праздник торжественно предал своего бывшего викария анафеме, призывая на голову «богоотступ-

ника» все громы небесные, болезни и напасти, которые только мог придумать его довольно ограниченный ум.

А “богоотступник” и в ус не дул и прекрасно устроился в Каменце преподавателем латинского языка в гимназии и только посмеивался над бессильною злобою старого пробоща.

Другой громкий скандал произошел с Тульчинским мировым судьей Адриановым. Большим любителем выпить. Как-то поехал он по делам службы в одно из ближайших имений и, закончив дела, остался там ночевать у местного ксендза, который устроил в честь гостя обильный ужин с еще более обильными возлияниями.

По окончании допроса Адрианов забыл свой портфель с протоколами в том доме, где он происходил. Хозяева нашли портфель и помчались к ксендзу вернуть его Адрианову. На стук никто не ответил, тогда стучащий взобрался по деревенскому обычаю на завалинку и заглянул в окно.

Поразительное зрелище открылось его глазам: мертвецки пьяный судья в расстегнутом мундире валялся на полу, рвал и мычал что-то нечленораздельное, а подвыпивший ксендз, кокетливо подымая пальцами полы сутаны отплясывал вокруг Адрианова какой-то дикарский танец под музыку органиста, жарившего на фисгармонии гопака.

Вскоре под окном образовалась целая толпа любопытных: всем хотелось взглянуть на балетный номер почтенного служителя культа. А затем полетели доносы к прокурору окружного суда и Одесской судебной палаты, к пану бискупу (католическому священнику – ред.) и ко всем прочим властям придержавшим.

Подобные происшествия слегка забавляли папу с мамой, но не доставляли им никакой радости. Мечтой их жизни, стало выбраться из захолустья. Но надо было ждать: переводы по службе делались не часто, поэтому первые два года папа не предпринимал никаких шагов в этом направлении. Работа судьи обогатила его большим опытом как юриста и психолога и ему захотелось описать все виденное и пережитое.

Принимаясь за работу, папа сам не представлял себе, во что выльется такая попытка. А вышли две объемистых статьи, вроде очерков из судебской практики, где из самого материала напрашивались выводы о том, что надо внести в юридическое законодательство разные изменения в духе времени. Начинающие судья могли много почерпнуть из этих статей в виде конкретных примеров и советов, как применять и понимать законы и как разбираться в противоречивых материалах судебного разбирательства.

Обе его статьи вскоре были напечатаны в журнале Министерства юстиции.

На второе лето нашего пребывания в Брацлаве приехал ревизор. Член Одесской судебной палаты должен был ревизовать Брацлавский съезд мировых судей, а следовательно и всех судей Брацлавского уезда. Начал он с папиного участка и дал о папиной работе блестящий отзыв.

Результатом его ревизии было то, что папу на новый 1896 год наградили орденом Станислава второй степени. Вскоре был получен и самый орден из чистого золота с красной эмалью в виде креста, между концами которого было четыре литых из золота двуглавых орла, герб тогдашней России. При ордене и была и орденская лента из красного фая (репса) с двумя белыми полосками по краям. За орден с папы удержали

тридцать рублей, хотя, как золото, он стоял много дороже. Орден этот носили на шее под галстуком в виде бантика.

Почти одновременно с получением ордена появилась в печати первая из папиных статей.

Папа решил воспользоваться благоприятным стечением обстоятельств и съездить в Петербург просить в министерстве перевод в другой, более крупный город.

Министром юстиции был тогда Николай Валерианович Муравьев, профессор С. Петербургского университета, блестящий дипломат и юрист, хороший оратор и председатель первого в мире международного трибунала в Гааге по разрешению мирным путем конфликтов между отдельными государствами. Муравьев ценил и выдвигал талантливых людей, за что старые заезженные чинуши его недолюбливали, считая, что выслуга лет должна стоять на первом месте и давать права на повышения и награды, а не какие-то там таланты.

Прием у министра был общий. В кабинете он принимал только председателей судов и прочих особ четвертого класса, остальные выстраивались полукругом в приемной и министр выходил к ним с целой свитой директоров департаментов и личных секретарей и обходил всех представителей по порядку. Каждый называл свою фамилию и должность, излагал свою просьбу. Министр иногда задавал вопросы и тут же говорил либо подать докладную записку, либо отдавал какое-либо распоряжение секретарям и прочей свите.

– Это Ваша статья напечатана в предпоследней книжке журнала Министерства Юстиции? – спросил Муравьев, как только папа назвал себя.

– Моя, ваше высокопревосходительство.

– Чрезвычайно интересная статья. Я прочел ее с большим удовольствием. У вас, вероятно, есть какая-нибудь просьба ко мне. Вы, верно, хотели бы получить какое-нибудь назначение? – любезно продолжал Муравьев.

Папа, конечно, сказал, что жизнь в глухой провинции его тяготит.

Муравьев обратился к одному из своих секретарей и распорядился показать папе список незанятых вакансий и посоветовал папе подать докладную записку с мотивами, куда именно он хочет быть назначенным и на какую должность.

После приема отношение к папе служащих министерства изменилось, как по волшебству. Каждый любезно жал ему руку, хвалил его статью, которую, должно быть, и не читал, давал советы, показывал списки вакансий. К сожалению, на повышение папа еще не имел права, так как не прослужил в Брацлаве полных трех лет, а просить о переводе в другое место на ту же должность он не хотел: надоело жевать ту же жвачку, идти же в прокурорский надзор папа категорически отказался, потому что когда ему волей неволей пришлось бы соприкасаться с политическими делами: он, как человек прогрессивный, сочувствовавший всем проявлениям революционной борьбы, это было бы слишком тяжело, вернее совершенно неприемлемо и вообще он решил посвятить себя исключительно гражданскому праву. Поэтому он решил переждать еще год и тогда решительно напомнить о своем существовании.

Пока папа ездил в Петербург, мама решила попробовать свои силы в литературе. Вспомнила она свои разбитые мечты о высших женских курсах, – все то, к чему звал

папа в своих студенческих письмах из Киева, сопоставила эти светлые грезы с консервативно-отсталыми взглядами тетушки Варвары Федоровны и всего моголевского бо-монда и вылились все эти думы в ее первый рассказ «Первый бал». Написала она его одним порывом в несколько дней, если не часов и послала в Петербург, в журнал «Наблюдатель» Пятковского. Где часто появлялись и папины стихотворения.

Редакция почему то молчала. Мама решила, что рассказ ее забракован и ни о чем не поведала папе, когда папа вернулся в Брацлав.

А папа вернулся в Брацлав, окрыленный самыми радужными надеждами, освеженный путешествием, месяцем жизни в столице, полный новых планов, впечатлений и дум. Привез нам массу подарков, из которых мне особенно понравился игрушечный поезд из паровоза, тендера, классного вагона, цистерны и открытой платформы, груженой игрушечными бревнами. Поезд заводился ключиком и описывал по комнате большую дугу диаметром в пять метров и подымал груз в виде кукол и разных детских мелких игрушек.

С новым рвением принялся он за работу и за новые юридические статьи, а мама стала скучать и хандрить. Неудача с рассказом больно поразила ее, как вдруг месяца через три пришел очередной номер «Наблюдателя». Мама взяла костяной нож разрезать книгу, как вдруг с волнением увидела в оглавлении свое имя: «Елизавета Тулуб». Дрожащими руками раскрыла она указанную страничку. Да, это ее «Первый бал», ее разбитые мечты о служении человечеству и горький осадок от пестрой шумихи провинциальных балов в душе честной девушки с мечтами чистыми и высокими, как само небо.

Радости ее не было границ. Папа горячо поздравил маму с первым выступлением в печати с самостоятельным творчеством и мама вскоре засела за другую тему. Второй рассказа ее назывался «Между двух настроений». Описывалось в нем молодое, интеллигентное супружество, у которого тяжело болен маленький ребенок. Денег нет, а жизнь ребенка – на волоске. Отец-художник, чтоб спасти малютку, продает сумасбродному и бездарному мазилю-богачу свое лучшее полотно, которое богач хочет выставить, как собственное произведение на выставке, о которой не один год мечтал талантливый отец. Но он готов на все во имя спасения ребенка.

Понятно, что навеяло маме эту тему. Она ненавидела Когена и когеновщину. Все ее существо восставало против этой подлой купли-продажи, но она знала, как трудно удержать мужа от компромисса в такую минуту, потому что материнская любовь прощает все. Мне кажется, что и во время моих болезней бывали в жизни моих родителей такие же коллизии.

Мама остро и ярко завязала сюжетный узел и конфликт в основе его, но не смогла выявить социальные корни когеновщины, невозможной за пределами капиталистического строя, для этого у нее не было политического фундамента. Послала она свою рукопись в тот же журнал «Наблюдатель». На этот раз редактор Пятковский вернул маме рассказ. В своем письме он мотивировал отказ тем, что рассказ «с направлением». Этим расплывчатым и невразумительный словом штамповали мракобесы все прогрессивное, светлое. Этим словом частенько клеймили тогда и повести Максима

Горького, и других, лучших писателей даже тогда, когда автор никакой тенденции не преследовал, а просто рисовал правду жизни не прикрашивая ее темных сторон.

Тогда мама послала свой рассказ в «Русское Богатство», где главную роль играл В.Г. Короленко. Ответ пришел половинчатый: похвалили интересный сюжет, правильную психологию, легкий изящный стиль, но попросили доработать рассказ, обнажить общественную подоплеку темы, дать выводы, заострить социальный конфликт.

Живи мама в большом городе, среди людей широкого кругозора, могущих вместо лаконичной радикальной отписки, дать ей дельный совет – рассказ, конечно, был бы доработан и напечатан и наделал бы в темные дни реакции Александра III немало шума, потому что тогда этой темы еще никто не затрагивал, но в Брацлаве мама увяла, положила рукопись в комод и больше к ней не возвращалась и на все папины просьбы отвечала, что она может писать только о том, что сама пережила и что жизнь ее так бедна внешними впечатлениями, а тем более внутренними переживаниями, что писать ей больше не о чем.

Мама стала скучать и хандрить. От усиленного чтения, ее единственного удовольствия, мама так переутомила глаза, что серьезно испортила себе зрение и больше года не могла прочесть ни одной книги. Это было тем более тяжело, что тогда радио не было и ни музыки. Ни новостей жизни она не могла узнать, а папа был так перегружен, что только изредка мог что-либо прочесть ей вслух. А музыки в провинции не было, кроме военных маршей да плясовых.

Радовала ее только переписка с бабушкой Королько, которая писала ей с точностью Хронометра раз в неделю. Писала не только о домашних делах, а часто в письмах делала настоящие литературные обзоры новинок, почти все рецензии обо всем, что так или иначе выделялось над средним уровнем.

Радовало ее и то, что Сашок окончил Петербургский университет по первому разряду и поступил кандидатом в Сенат.

Одно серьезно огорчало маму – смерть ее старушки – няни Катерины. Умерла она на бабушкиных руках, которая до последней минуты сама за нею ухаживала и похоронила не как слугу, а как близкого человека. Мама долго оплакивала старушку, с которой было связано столько теплых воспоминаний о детстве.

А время шло и я подрастала. На шестом году, когда я по кубикам и заголовкам газет давно заучила все русские и французские буквы, мама засадила меня за азбуку. И сразу на двух языках. По русски я научилась читать в один месяц, по французски – месяца в три. Тогда папа мне выписал журнал «Детское чтение», который получала мама в своем детстве, издававшийся в Москве под редакцией известного педагога Дмитрия Ивановича Тихомирова, а мама – французский журнал «Un Rayo Del Sol» («Луч солнца»). Эти два журнала сыграли большую роль в моем воспитании.

«Детское чтение» выходило раз в месяц довольно толстой книжкой страниц в двести с лишним. Состоял он из двух частей – для возраста от 7 до 10 лет, и от 10 до 15 лет. Понятно, первые три года, читала только первую часть, а затем подрастая, стала читать всю книгу сплошь и перечитывать вторую часть из старых комплектов за прошлые годы. В этом журнале сотрудничали хорошие писатели: Мамин-Сибиряк,

Федоров-Давыдов, Чехов, Немирович Данченко, Соловьев-Несмелов, Пришвин, Альбов, Бунин, Щепкина-Куперник, Жемчужников, Иван Белоусов, Спиридов, Дрожжин, Рубакин и многие другие. Папа стал посылать туда свои стихи и стал его постоянным сотрудником.

Вобщем, папа и в Брацлаве не забросил стихов. Помимо стихов пейзажных и в особенности удававшихся ему «морей», он писал и стихи лирические и продолжал часто печатать их в «Вестнике Европы», в «Наблюдателе», в «Ниве», в «Одесском листке», в «Биржевых ведомостях» и многих других изданиях, которых я, признаться, не помню. Тогда то профессор Харьковского университета и впоследствии академии Сумцов написал о папе статью для энциклопедического словаря Бронгауза и Эфрона (см. 67 или 68 том энциклопедии) и в этой статье называет папу «Айвазовским русской поэзии». Многие из этих стихов он часто декламировал вслух и я с его голоса запоминала их на всю жизнь. И больно мне теперь, что после папиной смерти я мало подумала о том, как сохранить его литературное наследие и рукописи его так и пропали навеки и для семьи и для других в моей квартире после моего ареста. И некому было ни спрятать, ни сохранить их тогда.

По памяти хочу процитировать некоторые из них.

Всю ночь мне снилось: с тихой лаской
Весна стучалась в окно,
Мой слух лелея чудной сказкой
О том, что умерла давно.

Она дышала ароматом,
Шуршала трепетной листвою
И в доме сумраком объятая,
Бродила легкою стопой.

Она звала, она манила:
Иди за мной, оставь печаль:
Я мрак сияньем напоила,
Одела разуютою даль.

Проснулся я... В окно уныло
Стучался дождь. Чуть брезжил день
И непогода горько выла,
На мир набросил скорби тень.

И в полумгле большого света
На сердце вновь легла печаль
И ласки верного привета
Мне стало жаль, до боли жаль.

Тучи.

Она плыла в лазури ясной
Тая и влагу, и грозу.
А край под нею, край несчастный,
Лежал безмолвствуя, внизу.
Молчали выжившие нивы,
Томясь и горестью и сном.
Реки мелеющей извивы
Сквозили илом и песком.
В земной груди иссякли воды
И никнул долу пыльный лес.
И был печален вид природы,
Молящей влаги у небес.
И загрустила туча, хмуря
Свой лик над бедною землей.
От скорби той родилась буря-
И небо вспыхнуло грозой.
И над поблекшими полями,
И негодую и гремя.
Она залилася слезами.
По листьям каплями шума.
И, став из синей белоснежной,
Она ушла. И ей вослед
Оживший край с улыбкой нежной
Слал благодарности привет.

Встало солнце над рекою
Легкой мглой окутан лес –
И слилась вдали с землею
Нежно-светлой бирюзой
Даль ликующих небес.
Полдень. Даль пылает зноем.
Никнут ивы над ручьем
В тихом солнечном покое
Вьются мошки легким роем
Над сверкающим прудом.
Вечер. Сумрак чуть струится.
Чист, прохладен и душист.
В сонной мгле не шевелится,
Рад дремотой насладиться
На березе каждый лист.

Звезды на небе зажгутся.
Тишь вокруг нашего жилья.
Лишь в саду все не уймется
И каскадом звонким льются
Песни-трели соловья.
Полночь. Ласково сияя,
Месяц встал средь вышины.
Белый цвет, как снег, роняя,
Сад наш спит, благоухая
В обаяньи чар весны.

Жарок полдень. Море сонно.
Раскаленная глубь небес.
Как цикады монотонно
Оглашают сонный лес.

Желтые отмели и горы
И напрасно бродят взоры
По простору синих вод:
Не мелькнут там чаек крылья,
Не белеют паруса.
Спят в истоме сном бессилья
Море, горы, небеса.

Лишь в заливе, чуждом зноя,
По недвижной глади вод.
У обрыва, под горою
В гавань входит пароход.
Глубь бурля винтом проворным,
Он идет. А трубный дым
В блеске дня драконом черным
Вьется медленно над ним.

Мутно-серая сетка вдали
К лону вод, чуть дымясь, опустилась,
Закачалась, дошла до земли –
И природа от сна пробудилась.

Зашатался встревоженный лес,
Хлещут капли серебряной влаги,
Черен свод омраченных небес,
Бороздят его молний зигзаги.

Налетел буйный вихря порыв.
Пальмы гнутся. Трепещут чинары.
Звонче капли средь листьев олив,
Аверху все зловещей удары.

Вспышки молний. Рокочущий гром.
Гул потоков, летящих по кручам.
Волны моря, сливались дождем.
Рвутся к небу, к сверкающим тучам.

Желтой цепью горы.
Пыльны лес олив.
Легких пальм узоры.
Между гор – залив.

Вдоль воды зеркальной –
Отмелей песок.
Из скалы – Хрустальной
Лентой ручеек.

Тучки в небе раем.
В мгlistой дымке даль
И горячим зноем
Дышащий мистраль.

Ты резвилась беспечно-веселая,
Но природа грустила кругом.
В небе туча нависла тяжелая
И поля окропились дождем.
 Ты рыдала, тоской истомленная.
 А кругом ликовала весна:
 Распустилась сирень благовонная.
 Тихо в берег плескалась волна.
Ты венчалась, цветами увитая...
Окна храма окутала мгла,
И стучалась в них вьюга сердитая,
И рыдала, и снегом мела.
 И, нежданым недугом сраженная,
 Ты почила. – и в день похорон
 Вновь сняла весна благовонная
 И был светел и чист небосклон.

Уснула и спит безмятежно
Под желтой парчой, на столе...
Светильники теплятся нежно
Над ней в отуманенной мгле.

На лобике, венчиком сжатом,
Ни мук, ни земной суеты.
И плачут, дыша ароматом,
И с ней умирают цветы.

Видно будет гроза. На дворе так темно.
Смотрит черная ночь неприветно в окно.
Этот шорох кустов... Эти всплески реки...
Я не в силах уйти от гнетущей тоски.

Сколько в сердце надежд, сколько грез я таил!
И от них ничего, кроме слез и могил...

Не помню я конца последнего стихотворения, а жаль: и талантливое оно, и любил папа декламировать его в Брацлаве, когда тоска по большому городу заливала душу его до краев. И вообще было оно созвучно эпохе, когда вся Русь дремала под каменным сапогом Александра третьего даже и в больших городах, не только «в идиотизме деревенской жизни», как выразился Карл Маркс в «Коммунистическом Манифесте», хотя в городах все же теплились еще искорки ответа духовного.

Изредка, в свободную минуту, папа любил читать нам с мамой вслух. Читал, конечно, для мамы, лишенной возможности читать самой из-за болезни глаз, но также говорилось, чтобы я сидела тихо, как мышка, и не мешала им своими вопросами. Многое я не понимала, но хорошо запоминала записки Фритиофа Нансена о его путешествии в северному полюсу на «Фраме», как пришлось им покинуть «Фрам», затертый арктическими льдами, как шли они к полюсу пешком по льду, как строили себе ледяные хижины, в одну из которых однажды ломился белый медведь, как обогревались они лампой, в которой горел моржовый жир, а может быть и тюлений. Мне казалось все это необычайно интересным.

Прошло несколько месяцев. Снова появилась папина статья в журнале «Министерство Юстиции» и снова под тем же заглавием «Из записок и наблюдений мирового судьи», а вскоре после этого другая преинтересная статья «Суеверие и преступление» о случаях, когда преступление совершается не ради выгоды или из мести, а на почве суеверия. Таких случаев в папиной практике накопилось немало.

Был у него, например, такой случай: один крестьянин женился на молодой бойкой вдовушке и вскоре после свадьбы заболел. Его мучили частые тошноты и позывы на рвоту. Он исхудал, и по сельскому обыкновению, обратился к знахарке. Знахарка заявила, что жена больного – ведьма и болен он потому, что она обворожила его вареной

гадюкой. Чтобы выздороветь, он должен принять какие-то порошки, а затем, чтобы болезнь не повторилась и чтоб жена не портила других людей – выжечь ей глаза страстной свечкой. Большой выпил порошки и после этого, по его словам – его стало рвать живыми змеенышами. Когда рвота прошла он поздней ночью зажег страстную свечу и схватив жену стал жечь ей глаза горячей свечкой.

Несчастливая женщина едва вырвалась от дикаря мужа и в одной нижней сорочке, босиком убежала к соседям, где едва упростила дать ей приют от разъяренного мужа. Женщина простудилась и заболела воспалением легких. На лице ее оставались тяжелые ожоги от свечи. Выздоровев, она подала на мужа в суд. На суде никакие увещевания не могли поколебать обвиняемого в убеждении, что жена его ведьма, хотя трое врачей поставили точный диагноз, что болел он солитером.

Другой случай произошел на Брацлавском базаре. Одна торговка, чтобы отбить покупателей у соседок, решила облить рундуки конкуренток «мертвой водой», то есть водой, которой обмывают покойников. За рубль купила она такой воды у больничного сторожа. А вода была от покойников, умерших от брюшного тифа и острожелудочных заболеваний. Добрые люди предупредили пострадавших о покушении на их рундуки. Они бросились к папе. Папа жалобу принял и спешно вызвал врачей произвести дезинфекцию, потому что торговали пострадавшие хлебом и другими продуктами. Продезинфицировали зараженные рундуки, а торговку, обливавшую их «мертвой» водой арестовали и предали суду за покушение на общественное здоровье.

Бывали и другие обвинения: например, не раз обвиняли женщин, будто они обернувшись черной кошкой, пробираются в чужие коровники и выдаивают молоко из коровьего вымени. Были и тяжелые драки с увечьем из-за того, что кто-то огласил, или наслал порчу, или отбил жениха при помощи «присухи».

Все эти папины статьи наделали немало шума в юридических кругах. Папа стал получать массу писем от читателей и коллег-юристов и почувствовал, что коснулся животрепещущих тем. Но... по прежнему сидел в Брацлаве, по прежнему разбирал дела в своей зловонной камере, по прежнему тщетно пытался искоренять взяточничество в полиции, по прежнему писали на него доносы и по прежнему эти доносы не могли его уязвить...

Написал тогда папа и свой большой рассказ «Подольские конокрады». Появился он впервые, кажется, в «Одесском листке». В этом рассказе показан конфликт в душе судьи, когда статья закона предписывает одно, а человеческая совесть – велит другое. Эта коллизия вечно терзала папу на протяжении всей его судейской практики, потому что не давала ему возможности во всяком деле подойти к человеку чутко и тонко. Были статьи, где нельзя было судить «по внутреннему убеждению». В этом и крылась причина, почему он хотел в дальнейшем стать только цивилистом и навсегда отойти от криминалистики.

Тему «Подольских конокрадов» хотел он развить в большую психологическую повесть под заглавием «Муки судейской совести», но в прозе писалось ему медленно и с трудом и при массе служебной работы редко когда налетало вдохновение», когда строки сами ложатся на бумагу и дня каждой мысли находят яркие свежие краски. Так и осталась эта повесть незаконченной, потому что папа скоро выбрался из Брацлава, а на новой работе эти иллюзии навеки исчезли, и новые темы и планы заслонили ее.

Лето 1897 года, последнее лето папиной службы в Брацлаве, мы наконец провели в Требухах.

Бабушка все лето баловала и ласкала меня. Я полюбила ее всем своим детским сердцем, полюбила дядю Сашка, который тоже очень любил меня и вечно возился со мной. Много играла я с большими дворовыми собаками, которые стайей окружали меня как только выбегала я во двор. Любила я и старого бабушкиного кота Горелика. Прозвали его так, потому, что он как-то забрался в печку поспать на теплой золе, а горничная не заметила его, наложила дров и затопила. Обезумевший от ужаса кот завопил не своим голосом и его с трудом спасли, но с обгорелой шерстью, которая долго не хотела расти на опаленных местах.

Со всеми птицами и зверями у меня были хорошие отношения, но со старым бабушкиным гусакон я никак не могла помириться. Он вечно норовил ущипнуть меня за ноги и я от него убегала со всех ног, лишь только покажется вдали его злая голова на длинной змеиной шее. И однажды он все-таки застучал меня посреди огромного требуховского двора и до крови искусал мои ножки от туфель до колен. Обливаясь кровью и слезами я удирала от него, а он шипя и хлопая крыльями мчался за мною и наносил мне все новые и новые раны.

За это он был казнен смертью и съеден на другой день за обедом с печеными яблоками и брусничным вареньем.

На обратном пути, мама и папа снова остановились на несколько дней в Киеве, купили мне красную шляпу «мак» из ярко-красного шелка и решили заехать в Макариху, показать меня, внучку, бабушке Тулуб.

Помню, как со станции Знаменка мчали нас в Макариху роскошные буланые рысаки Даниила Адриановича мимо деревни Дмитровки, где меня поразили своим странным видом огромные ветряные мельницы. Помню дом в Макарихе с двумя одинаковыми крылечками с двух концов его фасада. На одном из них поджидал нас высокий, бледный, как мертвец, чернобородый и худой Даниил Адрианович и полная седая бабушка.

В Макарихе в то время гостили дядя Сережа, Женя и тетя Маня и Люда из Одессы.

В Макарихе мне не очень понравилось: на обед каждый день варили малороссийский борщ и мясное жаркое. После Требуховского разнообразного и изысканного стола мне не хотелось там ничего кушать. Да и скучно мне было в Макарихе. Бабушка Тулуб целые дни прихлебывала воду со льдом из огромной хрустальной кружки. На полу возле нас лежали ее любимые собаки: черный сеттер-гордон Дэнди и сан-бернард Абрек. На меня никто не обращал внимание, даже разморенные зноем собаки.

И я сидела в уголке, обиженно надув губы. Бабушка это заметила и шутиливо сказала:

– Подбери губы: губернатор едет – зацепит колесом.

Я не поняла шуток, еще больше обиделась и в сердцах ответила бабушке:

– Ты, бабушка, больше любишь своих собак, чем меня. А вот бабушка Королько любит меня по настоящему, и я ее тоже за это очень люблю. Не так, как тебя.

Бабушка промолчала, а мама сделала мне строгое замечание, поняв, что моя бестактность будет истолкована против нее.

Ночевали мы во флигеле, – полупустом и бесприютном. Не было там никакой мебели, ни пальм, ни ковров. Стояли только правда мягкие и хорошие кровати, да большие столы вроде канцелярских с простыми венскими стульями. Неуютно и холодно было в этом флигеле... Хорошо относился ко мне дядя Женя, красивый стройный гимназист с чуть пробивающимися усиками. Он меня водил гулять, рассказывал часто интересное и даже угощал шоколадом. Баловал меня и дядя Сережа доктор: катал меня по каналам, вырытым в конце Макарихского сада на красивых лодочках и на плавучих кресликах-львах своей работы. Помню, что каналы имели форму восьмерки с двумя островами, на которых были беседки в китайском стиле с золотыми арфами, а вокруг – масса красных цветов. Помню я малинник, где лакомилась я вкусной крупной малиной, но в общем – в Макарихе все было мне холодно и чуждо и я каждый вечер просила маму и папу скорее ехать домой, в Брацлав.

И не развлекали меня ни серебряная музыкальная лампа, играющая вальсы и польки, ни органолан, ни книжки с картинками...

В день отъезда, когда мы сели в экипаж, Даниил Адрианович вышел проводить нас на крыльцо и, преодолев свою анекдотическую скарелность, преподнес маме на дорогу три яблока из своего фруктового сада. Мама так была поражена такой мелочностью, что со свойственной ей французской живостью, выпалила:

– О, мерси! Нам яблоки так надоели в Требухах. Мама дала нам на дорогу огромную корзину, а я подарила ее в Киеве горничной из гостиницы. Надо было привезти ее Вам.

И долго-долго не могла она забыть эти три яблочка Даниила Адриановича.

Остановились мы на обратном пути в Елисаветграде (ныне Кировоград). Там проживал папин гимназический товарищ и бывший мучитель Николай Николаевич Костюра. Останавливаться там мы не думали, но Костюра каким-то неисповеданными путями узнал, что мы проезжаем мимо, примчался на вокзал и уговорил папу и маму хоть на денек остановиться погостить в его семье. Папа согласился и мы закомпостировали билеты.

Костюра был присяжным поверенным с недурной практикой. Он был женат и была у него дочь Ниночка всего на год старше меня и сын-гимназист средних классов. Ниночка все время возилась со мною, придумывала разные интересные игры и за два дня пребывания в их доме я очень ее полюбила. На прощанье она подарила мне большой волчок. Заводился он веревочкой и пел долго и очень музыкально тягучую свою песенку, похожую на звук струны виолончели.

Несколько лет, спустя я с грустью узнала, что Ниночку постигло страшное горе. Ее брату подарили ружье Монте Кристо и, стреляя, он нечаянно попал Ниночке в глаз. Ниночка ослепла, а брат ее от горя и раскаяния покончил с собою.

Из Елисаветграда мы еще на два дня завернули в Одессу.

О пребывании в Одессе в моей памяти не сохранилось ничего, кроме нескольких минут, проведенных на Ланжероне.

Было пасмурно. Вот-вот, казалось, заморосит холодный мелкий дождь. С моря дул порывистый ветер, вращающий мамину вуаль и ленточки от моей шляпы. Огромные

пенные волны высоко вздымались над мелью Ланжерона и с глухим рокотом обрушивались на берег, разбегаясь по песку и камням шипящими языками пены. Мне стало страшно. Я невольно пятилась назад, а мама считала волны и старалась уловить, какой из них самый грозный – девятый.

– Мама, уйдем! Мне холодно! – твердила я, чтобы только уйти от страшного, гневно-грозного моря.

И мама, дрожащая надо мною, зная, как легко я простужаюсь, оторвалась от моря и увела меня к экипажу, ожидавшему нас в каком-то узеньком переулочке.

Последняя зима в Брацлаве мало чем отличалась от предыдущих. Я росла, самостоятельно читала книжки, делала устно и письменно задачи по задачнику Евтушевского, писала сначала палочки, потом слова и фразы, и даже увлекалась чистописанием.

У мамы был маленький глобус. Шутя разглядывая его, я заучила названия островов и морей, государств и гор. На святках гостила у нас тетя Людмила. Снова была у нас елка из связанных сосновых веток, а на ней гости: сыновья нового товарища прокурора Мандровского. Юра и Коля, и дети нового податного инспектора Романовского. Но в будние дни я по-прежнему была одна, по-прежнему гуляла с мамой в саду и играла с котом Фаркулькой.

Этого кота взяли мы уже взрослым из бакалейной лавки Красноштейна и его никак нельзя было приучить к чистоплотности: вечно гадил он в комнатах и даже маме на шлейф от платья, когда она сидела за столовым столом... Бит бывал он нещадно, и только я его жалела, своего отвратительного Фаркульку...

На святках получили мы сразу несколько посылок: Бабушка Тулуб прислала мне из Макарихи отрез на два платья голубого и розового шелка и часики, настоящие часики вороненой стали, конфет и книжку с картинками. Бабушка Королько прислала мне серенькой шерсти шотландки на платье, лото, две книжки и шоколадку, а тетя Маня и Люда мячи, кубики и две книжки. Я всех поблагодарила собственноручными письмами, в общем, все меня баловали и любили, только Даниил Адрианович забыл о моем существовании, но ведь он не был моим дедушкой.

В марте 1898 г. папа решил, что пора напомнить министру о своем существовании и поехал опять в Петербург.

На этот раз Муравьев встретил его еще любезнее, расхвалил его работы и, обернувшись ко всем присутствующим, сказал:

– Я помню Вас, слежу за вами. Теперь пришло время вывести Вас, талантливого молодого юриста, на самый широкий простор.

После приема секретарь Муравьева Малама показал папе список вакансий. Были свободны вакансии члена окружного суда в Усть Медведице, в Симферополе и в Таганроге. Папа выбрал Таганрог и подал об этом докладную записку, на которой Муравьев сразу положил резолюцию: «В приказ. Назначить».

На этот раз папа недолго гостил в Петербурге и поспешил домой, зная, что настал конец его пребыванию в глуши. А приказ пришел по инстанциям и был получен в Брацлаве только через два месяца, когда цвели сады и в сирени заливались по ночам соловьи.

По какой то формальной причине папе и на этот раз не дали подъемных за переезд. Пришлось маме потратить на упаковку и перевозку мебели проценты с тех 15 тысяч

рублей, которые выделила ей бабушка Кролько. Когда Сашок стал совершеннолетним и опека была ликвидирована, эти деньги лежали в банке и 4% билетов государственной ренты. На эти проценты мама одевалась. Одевала меня и даже для папы покупала каждый год отрез хорошей материи на костюм, потому что жалованья хватало на жизнь с известным комфортом, но на костюмы приходилось добывать помимо него. Папа и добавлял свою долю литературными гонорарами, а мама переводами и процентами.

В начале июня мы тронулись в путь.

И тут то вочичю обнаружилось, как ценило и полюбило папу население крохотного Брацлава.

Частные поверенные поднесли ему сочувственный адрес и устроили прощальный обед в городском клубе. Еврейское население пригласило папу в хоральную синагогу и устроило там торжественное молебствие о папином здоровье, как о человеке, который первый среди государственных служащих и в особенности представителей правосудия стал относиться к евреям, как к равноправным людям, увидел и почувствовал их горестное бесправие и справедливо решал дела по совести без предубеждения к тяжущимся, если они были евреи. Раввин произнес по этому поводу трогательную речь.

Съезд мировых судей пригласил фотографа и снялся в полном составе группой. Эту группу в рамке под стеклом повесили в совещательной комнате съезда мировых судей. Отдельные жители Брацлава буквально осаждали нашу квартиру и со слезами прощались с папой. В день съезда хозяин дома Моть Леховицер поднес папе хлеб-соль и просил оказать ему честь зайти к нему попрощаться и выпить бокал вина на дорогу.

Содержатель «почты» Краснер прислал вместо заказанного парного экипажа, ландо, запряженное шестеркой белых лошадей цугом и отвез вас на Вапнярку, категорически отказавшись от всякой оплаты.

Даже базарные торговки, сколько раз судившиеся у папы за драки, ругань и мошенничества, остановили по дороге экипаж и поднесли папе хлеб-соль и целую корзинку разных печений и продуктов на дорогу, в которых мы, конечно, совершенно не нуждались.

Только полиция и попы откровенно ликовали, видя, что папа уезжает.

Перед отъездом папа так или иначе постарался устроить судьбу своих письмоводителей. За год до нашего отъезда Кухаренко сдал экстерном экзамены за 6 классов гимназии и по папиной рекомендации поступил в Каменец-Подольскую казенную палату. Сменил его Кузьминский. Кузьминского папа устроил смотрителем своему преемнику, как старшего письмоводителя.

Не хотели расставаться с нами и наши прислуги, но мы, то есть мама и я решили съездить на лето в Требухи и папа покамест один ехал в Таганрог, поэтому взять их с собой мы не могли, только пообещали им написать и выписать в Таганрог, если на новом месте они нам снова понадобятся.

Грустно было нам расставаться с ними: успели мы к ним привыкнуть за несколько лет...

Правда, Татьяны, моей второй няни-горничной у нас уже не было: она вернулась в Киев через два года после нашего перевода в Брацлав, потому что муж ее Архип нигде

не мог удержаться более месяца из-за своей любви к бутылке. Выгнанный из трех или четырех учреждений, где служил он курьером, или сторожем, он стал бездельничать и пропивать Татьянины вещи. Татьяна с горькими слезами упростила маму и папу выправить ей отдельный паспорт и тайком от Архипа, уехала в Киев. Архип в это время лежал в больнице, избитый во время пьяной драки в трактире. Выписавшись из больницы и узнав об отъезде Татьяны, он скоро исчез – верно поехал разыскивать жену и ребенка.

Лишившись такой честной, ловкой и исполнительный горничной-няни, мама долго не могла найти ей замены. Наконец попалась способная местная девушка Дуня. Под маминым руководством она через несколько месяцев стала вполне приличной горничной: научилась хорошо убирать, накрывать на стол, подавать на стол, обнося блюда гостям на званых обедах, гладить, подавать пальто и галоши – вообще все, что полагается знать горничной из культурного дома. Стирала она только мелочь, а все крупное белье приходила к нам стирать и гладить поденщица. Мама считала, что убирать шесть комнат одной девушке тяжело и вскоре взяла в помощь Дуне вторую горничную Маринку со странной фамилией Монтрезор, внучку осевшего в России француза-солдата времен Севастопольской войны. Это была очень живая, веселая белокурая девушка лет 17, вечно что-то напевавшая и улыбающаяся. Под маминым руководством она через несколько месяцев стала вполне приличной горничной: научилась хорошо убирать, накрывать на стол, подавать на стол, обнося блюда гостям на званых обедах, гладить, подавать пальто и галоши - вообще все, что полагается знать горничной из культурного дома. Стирала она только мелочь, а все крупное белье приходила к нам стирать поденщица. Мама считала, что убирать шесть комнат одной девушке тяжело и вскоре взяла в помощь Дуне вторую горничную Маринку со странной фамилией Монтрезор, внучку осевшего в России француза-солдата времен Севастопольской войны. Это была очень живая, веселая белокурая девушка лет 17, вечно что-то напевавшая и улыбающаяся. Под маминым руководством она тоже стала скоро благовоспитанной и ловкой прислугой, даже более ловкой, чем коренастая молчаливая смуглянка Дуня.

Если Татьяна получала у нас в Брацлаве прежнюю киевскую зарплату шесть рублей в месяц, то в Брацлаве цены на труд были другие и Дуня с Маринкой получали у нас по три рубля в месяц на всем готовом, что при цене пары хромовых ботинок в 2 руб. 50 коп. и аршина ситца (75 сантиметров) в 8-9 копеек, считалось вполне приличным гонораром.

Каждую весну папа брал несколько человек арестантов вскопать огород и очистить сад от осенних листьев, за что они получали по полтиннику и по стаканчику водки с закуской. А летом Маринка и Дуня поливали по вечерам клумбы цветов под нашими окнами из большой бочки, вкопанной в землю у крыльца, куда стекала с крыши дождевая вода. Я тоже старалась принять участие в этой поливке и даже получила в подарок от мамы маленькую леечку, куда входило целых восемь стаканчиков воды.

Но самым лучшим из наших слуг был повар Роман. Он был уроженец Брацлава, старший сын в семье, и рано потерял отца. Учился он после городского училища кулиарному искусству в Печаре, имени миллионера-магната графа Потоцкого. У По-

тоцких было три повара: француз, поляк и англичанин. Ото всех этих мастеров Роман позаимствовал свое мастерство. Память на рецептуру у него была колоссальная и знал он все отрасли: был кондитером, специалистом по соусам, супам, жарким, заливным и сладким блюдам. Работал с необычайной быстротой, был исключительно чистоплотен и аккуратен. Когда надо было пойти в погреб, или в ледник на другом конце двора – он мчался туда бегом. Ежедневно менял он белоснежные куртки и фартуки, руки мыл ежеминутно и посуду держал в хирургической чистоте. К тому же не курил, не пьянствовал, был всегда скромн, вежлив, и очень честен: никогда не «подрабатывал» на покупках, все покупал дешевле любой кухарки и сам приносил маме сдачу и записанный на бумажке счет, даже, смущая маму, показывал все купленное для проверки по весу и качеству.

У Романа был в Брацлаве собственный домик с садом и огородом, четыре коровы и много кур. Жил он у матери и был у нас приходящим. Мама с вечера давала ему деньги на покупки и заказывала обед, он приходил с купленными по дороге продуктами часам к одиннадцати и уходил, помыв посуду, часов в шесть. У него же брали мы ежемесячно молоко, сметану, творог, а иногда и масло и яйца.

По своей инициативе Роман расчищал зимой дорожки от снега в саду, вообще он всегда делал больше, чем это требовалось по уговору. Даже, решив жениться и получив от мамы отпуск для свадьбы на три дня, он два дня отсутствовал, а на третий день вышел на работу, чтобы Дуня, заменявшая его в эти дни, не кормила нас плохим обедом. Получал он у нас в Брацлаве по 9 рублей в месяц, две пары хромовых сапог и по шесть белых курток, 6 фартуков и 6 колпаков в год. К свадьбе мама подарила ему 25 рублей и серебряные часы.

Конечно, на рождество и пасху мама делала всем подарки: Роман получал отрез чистой шерсти на костюм, а девушки по 8 аршин шерсти полуторной ширины и по аршину атласа – на головной платок, или шарф из черного шелкового русского кружева.

В последний год нашего пребывания в Брацлаве произошел на этой почве большой кухонный скандал, страшно поразивший мое детское воображение.

Дуня, как старшая, получала в подарок на пасху серебристо-серый шелковый платок с вытканными на нем гроздьями винограда, а Маринка такой же платок, но абрикосового цвета с вытканными цветами яблони.¹ И случилось так, что Маринке больше понравился Дунин платок, а Дуне – Маринин. Вместо того, чтоб мирно

¹ Такой подарок обходился маме рублей по 6-7, потому что перед праздниками в магазинах распродавали шерсти по пониженной цене и за копеек 80-90 аршин можно было достать чистую шерсть приличного качества, во всяком случае не грубошерстную. Платья тогда носили до самой земли и очень широкие метров в 4-5 шириною и кроили в пять полотнищ, поэтому и матери брали вдвое больше, чем теперь. Например, ситца покупали по 13 и даже по 14 аршин, то есть по 9 метров и стоил он по 8-9 копеек аршин. Атлас на отделку с бумажной основой и шелковым ворсом стоил 50 копеек аршин. Шелка тогда стоили дороже шерсти, но и они были доступны человеку среднего достатка. Фуляры на подкладку и блузки шли по 75 коп аршин. Канаус по рублю. Крепдешин по 2 руб. аршин, сатэн мервейё по 1р. 50 коп. Бумажные матери были дешевы: мадаполам по 25 коп., батисты от 20 до 40 коп в зависимости от выработки, пике по 40 коп. муслин де лэн полуторной ширины по 75 коп. был – по 80 коп., альпага по 80-85 коп, полуторной ширины, попелин (бенгалин) по 1 р.50 коп., коленкор по 12 коп. Саржа по 12 коп.

предложить друг другу обмен, Дуня схватила Маринкин платок и давай затирать им в углу кучу, которую, по своему обыкновению наложил в углу мой Феркулька. Испортив Маринкин платок, Дуня спокойно свернула его и сунула вместе с кошачьим гаженьем в Маринкин сундук. А Маринка, пронюхав, что в коридоре воняет котом, выждала, чтобы Дуня вышла из кухни, схватила ее серебристый платок и затерла им остатки Фаркулькиного кала, а потом тем же порядком спрятала в Дунин сундук.

После обеда обе девушки собирались в гости и стали наряжаться и причесываться. Мы сидели в комнатах, как вдруг оглушительный визг и крик наполнил нашу квартиру. Обе они одновременно обнаружили свои испорченные платки и вне себя от негодования вцепились друг к другу в прически. Драма была такая неистовая, что никакие уговоры и окрики папы и мамы не могли их образумить. Тогда роман схватил ведро с холодной водой и вылил обоим на головы. Только такой холодный душ привел их в себя и они разошлись по своим углам, ругаясь, всхлипывая и отряхиваясь, как две кошки, промокшие под дождем.

В этот день Фаркулька один выиграл: никто его не выдрал за гажень в темном углу.

Но в общем, наши девчата жили довольно мирно. Зато мама с тех пор спрашивала у каждой их них, какого цвета купить ей материю, или предупреждала, чтобы они поменялись подарками, если чужой кусок покажется им краше своего.

Роман, Маринка и Дуня проводили нас до Вапнярки, помогли сдать багаж и ящики с мебелью малой скоростью и на прощанье снова просили не забывать их и взять к себе в Таганрог.

Устроили мы на прощанье и своих животных: кур подарили Роману, кота Фаркульку, который так и не научился быть чистоплотным, отдали обратно его первому хозяину Аарону Краскоштейну, владельцу бакалейной лавки, а красивого черного котенка Мина, приблудившегося к нам, незадолго до нашего отъезда, взял Кузьминский в арестный дом. Кузьминский любил котов и дал мне слово, что будет любить его и баловать и это смягчило мое детское горе от разлуки с Мином.

И вот тронулся поезд. Замелькали мимо поля и леса. Остался Брацлав далеко-далеко позади – и раскрылась новая полоса моей жизни – отрочество в прелестном солнечном Таганроге.

Лето провели мы снова у бабушки в Требухах. Приехал из Петербурга и дядя Сашок, наполнивший дом мелодиями оперных и опереточных арий и модных романсов, запахом крепких мужских духов, ароматным дымом своих сигарет и остроумными бонмо.

Деньги ходили золотые, серебряные и никелевые. Золотые сначала чеканились по 7 руб. 50 коп и по 15 рублей и назывались империалами и полумпериалами, потом выпустили пятерки и десятки 1896 г. Из чистого серебра были рубли, полтинники и четвертаки, а никелевые 10 коп., 15 и 20 коп. Медные пятаки были очень большие и тяжелые, как и все прочие медные монеты. Грошики были такие как теперь 2 копейки, а полушки (четверть копейки) как теперешние копейки.

Правда днем его почти не было дома: скакал он верхом по полям и лугам на своем белоснежном Мамоке, руководя сенокосом и жатвой, но по вечерам он по-прежнему много возился со мной, пел мне шуточные песни, дарил картинки и книжки, пичкал конфетами и я любила его так, что не могла заснуть, пока он не придет поцеловать меня в постельке. И мне казалось, что нет на свете никого лучше, добрее и красивее, чем мой дядя Сашок. Летом ходил он в серой парусиновой косоворотке, вышитой по подолу, вороту и рукавам крестиками, в сырую погоду передевался в куртку-венгерку табачного цвета, расшитую шелковыми шнурами, но, уезжая в город одевался в хороший пиджачный костюм от лучшего столичного портного.

По-прежнему бегала я с бабушкой в огороды, в сад, в кладовые и в амбары. По-прежнему не отходила от нее ни на шаг, смотрела, как варит она огромное количество разных варений, мармеладов и джемов, помогала ей чистить и перебирать ягоды, толочь сахар, бегать за забытыми ключами и исполнять ее мелкие поручения. Все в жизни было мне, ново, интересно, и любопытно.

Так промелькнуло лето. Папа в августе уехал в Таганрог, а в сентябре и мы собрались в путь-дорогу. Ехали на пароходе до Орши, а оттуда – в Москву. Остановились в гостинице «Славянский базар». Осмотрели Третьяковскую галерею, кремлевский дворец, видели царь-пушку и царь-колокол, осмотрели храм Христа-Спасителя и часовню Иверской Богоматери на Красной площади, палаты бояр Романовых и просто побродили по пассажирам, где меня, ребенка, поражали огромные мохнатые «сибирские» коты.

Прожив в Москве неделю, поехали мы через Рязань, Козлов, Лиски на дону в Ростов на Дону, где встретил нас папа. Переночевав в Ростове, мы на следующий день уехали в Таганрог.

Таганрог встретил нас теплыню юга, безоблачным небом, легким морским воздухом – прозрачным сиянием Южной осени, которая длится там чуть ли не до декабря.

Папа нанял квартиру – особняк на Приморском (Воронцовском) бульваре, у «матушки Покровской», вдовы недавно умершего священника. Квартира была большая, но мрачная, неуютная, с каким-то нелепым путанным планом: часть комнат была на несколько ступеней выше других, одна из стен упиралась в крутой обрыв, поэтому и две комнаты скорее походили на склады для сундуков и шкафов, чем на жилье помещиков – такие они были темные, некрасивые и нескладные...

Зато в полуквартале открывался вид на море.

Внизу был порт, справа – открытое море, а слева, в глубине залива – большой металлургический завод, вечно увитый тучей дыма и пламени от своих доменных и мартеновских печей. А где-то прямо впереди мерещилось в ясную погоду в далеких-далеких морских просторах два устья Дона с низким островом между ними да немного левее – белые кубики домов Порт Катона, – рыбацкой деревушки с названием, выхваченным из древней истории.

В порту день и ночь грохотали лебедки. Суетливо бегали маленькие черные маневрирующие паровозики-кукушки, раздавались их пронзительные свистки, тянулись длинные составы красных товарных вагонов. Низко и густо гудели отходные пароходы, с грохотом мчались вереницы подвод. Рыбацкие баркасы влетали в гавань,

на лету свертывая белые крылья парусов, и, как черные жучки, ползали по зеркалу порта маленькие двухвесельные лодочки.

Порт был большой и шумный. Старожилы рассказывали, что был он насыпан у подножья высокого Таганрогского мыса по приказу Петра Великого, мечтавшего создать здесь большую военную и торговую гавань. Два больших мола уходили от берега в море, отделяя своими каменными объятиями акваторию порта от открытого моря. На них тоже сновали взад и вперед подводки и рыжие гусеницы товарных поездов. Правее была вторая гавань – для парусников, с густым лесом мачт и рей всех типов и видов и я вскоре научилась отличать среди них шаланды, шхуны и бриги, баркасы и дубы и по книгам Майн Рида из жизни мореплавателей далекого прошлого заучила названия мачт, рей и парусов и безошибочно распознавать кливера, бремсели, шкоты, стеньги и брам-стеньги, а вечером зеленые и красные сигнальные огни, светившие в море, как звезды.

И еще любила я любоваться, как в глубине залива внезапно вспыхивает по вечерам яркое зарево когда из домен бельгийского завода (Вильдо Нёф и Ко) выпускают чугун, а раскаленный до красна шлак – спускают в море.

Все это было для меня так ново, интересно и экзотично, что я не замечала ни того, что на бульваре нет ни ограды, ни газонов, ни клумб с цветами, ни даже тенистых деревьев, что единственная аллея бульвара из тонких акаций, лишенная прохлады и тени, что засыпана она шелухой от подсолнухов, окурками и горелыми спичками, что скамейки без спинок и все изрезаны перочинными ножами, что шатаются по бульвару подозрительные оборванцы и ватаги пьяных моряков, что какие-то босяки спят на земле под кустами, что нищие старухи с провалившимися носами жалобно гнут, прося милостыни.

Я видела только море и порт – лазурное окно в бесконечное мироздание, из которого не прочла я даже заглавной страницы, потому что шел мне всего восьмой год.

И босоногие мальчишки, несущие из порта длинные нитки головастых бычков, казались мне самыми счастливым детьми в мире, потому что они от зари до зари толкуются в кругу, – в шумной, разноязычной бесшабашной толпе матросов, грузчиков, рыбаков, пассажиров, таможенных и пароходных агентов, где так остро пахнет смолой, рыбой, рогожами, апельсинами, гниющими водорослями и неуловимой солоно-водянистой свежестью моря, а под вечер – так нежно и задумчиво перезванивают колокола портовой церкви Святого Николая, покровителя моряков.

Отдохнув от дороги, папа с мамой решили искать другую квартиру. Несколько дней мы ходили по улицам Таганрога, выглядывая, нет ли где в окнах белых билетиков, или просто кусочков белой бумаги в знак того, что квартира сдается в наем, и наконец остановили свой выбор на доме №27 по Греческой улице. Это был особняк Каломиры Васильевны Номикос, владелицы макаронной фабрики и конторы по экспорту хлеба на собственных паровых баржах. На этих баржах русская пшеница пересекала Азовское и Черное море, проходила Босфор, Дарданеллы и выгружалась где-то в Анконе, Мессине или Бриндизи, а иногда шла дальше – в Геную, Барселону и даже, миновав Гибралтарский пролив – в Лондон, Бристоль, Ливерпуль или Глазго.

Квартира была большая в 7 комнат без ванны и ватер-клозета, с большой застекленной верандой и каменным бассейном для фонтана посредине. Эта веранда предназначалась под зимний сад, но у нас – разумеется, – пустовала. Гостиная была огромная, с колоннами и аркой под мрамор. Вообще, видно было, что строили дом на широкую ногу. За эту квартиру платили мы по контракту 600 рублей в год. Для нашей семьи это было дорого, но зато суд был в двух шагах, за углом Успенского переулка, а главное – была осень, когда все подходящие квартиры уже разобраны и лучшего выбора не попадалось.

Папин оклад был тогда 2700 рублей в год. За вычетом в эмеритуру, папе выдавали рублей по 145-150 в месяц и трижды в год квартирные по 200 рублей. Подоходного налога тогда не существовало, профсоюзов – тоже. Единственный налог, который тогда платили государственные служащие, был квартирный. Взимался он раз в год в размере 4-5% от годичной квартирной платы.

Вместо мебели, проданной в Брацлаве, папа с мамой стали покупать новую: купили красивое трюмо в ореховой раме за 67 рублей, красивый буковый круглый стол и 6 таких же буковых стульев в гостиную (гарнитур мягкой мебели мы с собой привезли), новый буфет, книжный шкаф и две этажерки для книг, гардероб, полторы дюжины столовых стульев с тисненными сиденьями и спинками, а для меня небольшой шкаф, куда я в идеальном порядке сложила книги и игрушки.

Кроме мебели, купили стенные часы для столовой с башенным боем, тюлевые гардины и малиновые тяжелые шерстяные портьеры в гостиную и кабинет, японскую бамбуковую этажерку с росписью, несколько кронштейнов и майоликовых столиков с бамбуковыми ножками, на которых у нас лежали пепельницы из тропических раковин, или стояли вазочки с цветущими гиацинтами. На японской этажерке понемногу появилась коллекция причудливых раковин разного цвета и вида. Я любила прикладывать их к уху и мне казалось, что в них шумит море.

Но не смотря на все усилия папы и мамы, обставить сразу такую большую квартиру, было трудно и в наших комнатах, в особенности спальнях, было пусто.

Перебравшись на Греческую, и устроившись, мы стали осматривать город и каждый день открывали в нем что-нибудь новое и интересное. Первое время пришлось частенько бывать на базаре, всю осень стояли рядами возы с дымчато-синим и дымчато-зеленым ароматным виноградом, пушистыми краснобокими персиками, арбузами, дынями и тыквами разных форм и цветов, с коралловыми полупрозрачными помидорами и целыми горами разных овощей.

Но особенно интересовали нас рыбы: плоские широкие камбалы с глазом на одной стороне, остроносые севрюги и огромные многопудовые белуги – еще живые, судорожно раскрывали рот засыхающие зубастые пасти и бычки, напоминающие мне головастика.

Манили меня и пестрые выставки гончаров. Как забавляли меня кувшины для молока в виде больших зеленых попугаев, маслянички в виде початков кукурузы, яблок или кочанов капусты целые горы кувшинчиков и мисок, ярко блестящих пестрой многоцветной поливой.

Румяные приветливые торговки предлагали нам чудесные мягкие бублики, такие пышные и большие, что купив десяток мы втроем не могли их до вечера уничтожить, хоть и были они необычайно вкусны. Десяток таких бубликов стоил 17 копеек, а бубликов помельче – гривенник.

Таганрог нам очень нравился своей опрятной и культурной внешностью.

Было в нем всего шестьдесят тысяч жителей, из которых добрая четверть иностранцев. Достаточно сказать, что в Таганроге было 13 или 14 консульств. Больше всего было там греков, персов, турок, бельгийцев, итальянцев, армян, далматов и сирийцев.

Эта примесь южных народов наложила на город свой особенный отпечаток. Южане принесли в холодную и строгую Россию немного солнечного беззаботного веселья своих широт и часто вечером на улицах Таганрога звенели мандолины и гитары под окнами молодых девушек на главной улице. Прохожие то и дело осыпали встречных пестрым дождем конфетти, или шуршащими ленточками серпантина. На такую фамильярность не принято было обижаться. В кафе и магазинах многие продавцы и официантки говорили по французски, и гречески, всюду пестрели надписи « _____ », на магазинах встречались греческие вывески и папа, окончивший классическую гимназию с древнегреческим прочитывал их с отжившим произношением времен Перикла и Фукидида:

– Ксенодоксейон. Это значит от слова ксенос чужестранец – гостиница Кашкополеон – табачная торговля.

А прохожие греки с улыбкой поправляли русского «кира» (господина):

– Ксинодоксион, Кашкополион. А хлеб не артос, а псоми.

Поражала нас и чистота улиц: нигде не текло со дворов мутных ручьев помоев, как в Киеве, нигде не видно было мусора. Улицы освещались газовыми фонарями (с Ауэровскими горелками, от которых было очень светло и свет был чисто белый – даже голубоватый.)

Фруктовые магазины были полны огромных кокосовых орехов величиной с голову новорожденного младенца, бочками мушмалы, похожей на гнилые яблоки-дички. Висели огромные гроздья бананов, грязно-кирпичные гранаты, ящики жирных фиников, фисташки, орехи, и всю зиму поступали из Стамбула партии свежего зеленого горошку и стручковой фасоли, изюм, рахат лукум, халва, и другие восточные сладости.

Но особенно хороший выбор был апельсинов: кроваво-мясные испанские корольки, продолговатые яффские без косточки, сладкие мясистые Александрийские и шарообразные мелкие апельсины и из Мессины и из Палермо. Десяток самых лучших апельсин стоил копеек 70, один кокосовый орех 80 копеек. Финики 35 копеек фунт, халва по 30 копеек, ананасы по весу 80 копеек фунт.

Расчетливые люди покупали апельсины не в магазинах, а на рейде, где на борту иностранного парохода можно было получить ящик с сотней апельсин за полтора-два рубля. Но рейд был далеко и на такую поездку уходил целый день, да еще надо было заплатить яличнику, потому что до рейда было около 30 верст. Там стояли все глубоко-сидящие океанские пароходы, потому что таганрогский порт был слишком мелкий для таких великанов.

Трудно папе было собраться со службой на рейд, но однажды, в теплый, по летнему ясный день с небольшим мягким ветром, мы опустились в порт, взяли ялик и под парусом помчались в открытое море.

И вот пред нами встала стена огромного океанского пароход под французским флагом. Шла не то погрузка, не то разгрузка, потому что какие-то тюки в рогожах висели над бортом в клюве подъемного крана, когда мы привалили к трапу. Папа спустился: не мастер он был лазать по трапам, в особенности с ребенком, как я. А я пришла в панический ужас и заявила, что ни за что не полезу сама наверх. Мы уж готовы были вернуться, как вдруг сверху буквально слетел худощавый веселый матрос, подхватил меня на руки, сказал зажмурить глаза и через мгновение я уж стояла на палубе парохода.

Седящий капитан с красивым золотым шитьем на фуражке и кителе шел нам навстречу и любезно приветствовал нас. А когда я ответила ему по французски – повел нас к себе в каюту и стал угощать каким-то необыкновенно вкусными фруктами, похожими на сливочный крем, и объяснил, что идет из Цейлона в Марсель, а в Россию зашел за каким-то грузом. Фрукты эти везет он с Цейлона и зовут их мангостинами. Они быстро портятся, но довез он их только потому, что сорвал недозрелыми и они дошли в лежке, в пути. Он показал мне красивые картинки, угощал шоколадом и повторил, что в Марселе у него тоже есть девочка моих лет и что зовут ее Сюзетт.

Потом пошли мы осматривать пароход. Папу все интересовало: и машины, и электрическое освещение в каютах, которого мы еще не видели, и грузоподъемность парохода, и скорость хода, и вновь изобретенные в те годы опреснители для воды.

Вдруг какой-то матрос подошел к нам с огромным зеленым попугаем на руке, и заговорил с нами по русски:

– Купите, барин, для маленькой мадемуазель попугая. Недорого.

– Папочка, купи! – вцепилась я в папу.

Папа смутился. В зоологическом магазине такой попугай стоил рублей 30-40.

– Купите, барин. Недорого отдам. Всего десять рублей.

– Дорого, братец. – отнекивался папа, а я молчала и только, сжав ручонки, умоляюще смотрела на папу.

– Больше пятерки не дам, – отрезал папа и двинулся дальше.

Матрос неожиданно согласился.

Папа уж вытащил портмоне, как вдруг попка захлопал крыльями и громко и картаво сказал несколько слов, из которых я разобрала только одно слово «мать». Папа вдруг зажал мне уши ладонями и что-то крикнул матросу. Я вывернулась и снова стала просить:

– Папочка, ведь это совсем не дорого!

– Ты мне больше ничего не покупай на именины, только возьми попку! Смотри, какой он красавец.

А папа махал на матроса руками.

– Забирайте Вашего попугая!.. Разве можно ребенку такие слова!..

Оказывается, на борту был русский матрос, большой мастер ругаться, а попка прилежно запоминал все его любимые выражения.

Я была в отчаянии... Стыдно было мне плакать без малого в 8 лет, но слезы сами брызнули из глаз. Капитан что-то сказал папе по английски, папа ответил. Капитан снова увел меня к себе в каюту и подарил мне чудесную куклу, которую он вез в Марсель своей Сюзетт. Я вежливо поблагодарила, а слезы все сыпались и сыпались из глаз. Разве могла самая красивая кукла заменить живого, говорящего попуга!..

Папа купил кокосовых орехов, два ящичка апельсин и стал прощаться. Грустная вернулась я домой и долго не могла забыть зеленого попугая с красивым хохолком на голове.

Осмотрели мы с мамой и дом-музей, где жил и умер император Александр I. Это был скромный одноэтажный особняк на Греческой улице, светло-желтого цвета, в двух шагах от нашей квартиры, возле которого день и ночь шагал с винтовкой и саблей наголо часовой. (За посещение музея брали полтинник).

В приемной музея стояли вдоль стен стулья светлого дерева с мягкими сидениями и твердыми спинками, некогда покрытые небесно-голубым шелком. Шелк истлел и только кое-где оставались от него клочки, рассыпавшиеся при самом легком прикосновении. В соседней комнате стояла походная церковь Александра, бывшая под Бородиным, и диван, на котором он умер. Все было такое простое и так не вязалось с ходячими представлениями о царской роскоши, что как-то не верилось в подлинность обстановки.

В спальне стояла кровать императрицы, а вторая кровать царя отсутствовала. Какими-то неисповеданными путями она очутилась у матушки Покровской, у которой мы прожили первую неделю нашего пребывания в Таганроге и она сама хвасталась, что спит на царской кровати.

Показав посетителям комнаты, смотритель дворца, отставной пехотный полковник, или его дочь, поблекшая скромная девица лет 35, вели посетителей в подвал, где вскрывали и бальзамировали труп царя. Там, посреди мрачного, полутемного зала возвышалась четырехгранная кирпичная штукатуренная кладка от пола до потолка вроде обычной комнатной печки, в которой замуровали урну с внутренностями императора, потому что при бальзамировке вынимают кишки, желудок, печень, почки, легкие, сердце – все мясистые внутренности, которые легче и быстрее всего подвергаются тлению.

При вскрытии присутствовал младший брат Александра – великий князь Михаил Павлович, человек, судя по историческим документам, довольно жестокий и толстокожий, но тут его нервы не выдержали и он упал в обморок. Эту сцену запечатлил безымянный современник на чугунной плите-барельефе, вделанной в кладовку против того места, где стоит урна.

Вокруг смерти Александра первого в годы моего детства жила в Таганроге легенда о том, что Александр тут вовсе не умер, а ушел в Сибирь спасаться под видом старца Федора Кузьмича – замаливать свой страшный грех отцеубийцы. Народ упорно говорил и верил, что царь ушел из дворца подземным ходом. Этот ход начинался где-то в подземельях дворца и выходил к морю в трех верстах от города, в пустынной каменистой бухте. Вместо царя, – уверяла легенда, – похоронили солдата, удивительно похожего на императора и засеченного шпицрутенами за побег. Царь же сел в лодку и,

объехав семь морей и два океана, объявился в Сибири, где и умер в бедности, спустя много лет.

Смотритель дворца не отрицал, что такой подземный ход, вырытый еще при турках и возобновленный при Петре Великом, действительно существовал, но говорил, что не знает, где он начинается и как его найти. Самую же легенду о Федоре Кузьмиче он как будто и отрицал, но так нерешительно, что, может быть, косвенно там поддерживал его живучесть.

Осматривали мы и здание Коммерческого училища, в стенках которого торчало штук 25 чугунных ядер времен Севастопольской войны 1855-56 года, когда наши враги англичане, французы, турки и итальянцы бомбили все города Азовского и Черноморского побережья.

Спускались мы не раз по крутым тропинкам мимо белого маяка на Николаевский спуск к открытому морю. Там всегда шумел и пенился прибой. Берег был густо усыпан ракушками и я старательно собирала их, но красивые перламутровые раковины мне не попадались – разве обломки. Ракушки были мелкие беленькие и серые, спиральные и двустворчатые. В большинстве из них догнивали моллюски и все собранное мною обычно выбрасывали на другой день в помойку.

Чаще всего гуляли мы на Приморском бульваре, или по своей Греческой улице, где было много красивых одноставных особняков в стиле Ампира, барокко и ренессанса. А позади домов – сады спускались по откосу к морю. У некоторых на крыльце стояли алебастровые львы или вазы с цветами. Мостовая была булыжная, но очень чистая, а тротуары – из квадратных плит вулканической лавы. Их привозили, как балласт, греческие и итальянские паровые баржи и шхуны, чтоб не идти в штормовую погоду порожняком за русской пшеницей.

Вдоль тротуаров росли пирамидальные тополя, уксусные деревья, но больше и чаще всего – белая и розовая акация. В садах было много сирени и роз и мы с мамой с нетерпением поджидали весну, когда все это цветет и благоухает. Балконы и веранды были увиты диким виноградом или глициниями.

Против Депальдовского переулка на Греческой была широкая каменная лестница к морю. На верхней ее площадке стояли на высоком каменном постаменте большие солнечные часы, а рядом с каменной лестницей, в пышном, красиво разбитом саду – темно-красный двухэтажный особняк в стиле английской готики похожий на средневековый замок своими башнями с зубчатыми крышами. Это был особняк одного из заправил Азовско-коммерческого банка, Валериана Петровича Тархова. До этого принадлежал он какому-то музыканту и в нем однажды прожил целую зиму Петр Ильич Чайковский.

В конце Греческой улицы был большой тенистый городской сад. Днем он поражал своей пустотой: только няньки с ребятами сидели кое-где в его аллеях, но зато вечером, когда в раковине играл симфонический оркестр под управлением итальянца-дирижера Молла – буквально весь Таганрог наполнял его оживленной и разноязычной толпой. Слушали музыку, играли в кегельбане, в кегли, качались на качелях, сидели в открытом кафе, или в летнем ресторане, или просто фланировали в его тенистых аллеях. Вход в сад стоял вечером 9 копеек, а днем можно было гулять совершенно бесплатно.

На главной улице Петровской, соседней и параллельной Греческой были сосредоточены все Таганрогские магазины. И каких только странных фамилий не было на его вывесках! Большой универмаг Тамиева и Хаспекова, фруктовые магазины Ханналдова и Йогосова, колбасная Кеферя, кондитерские Тиссена и Фая, мануфактурный магазин Адабажева, мебельно-зеркальный – Галаджева, вина Даржента и Кумани. И среди них скромно прятались и тонули обыкновенные русские фамилии бакалейщика Ковалева, колбасника Володомонова, писчебумажный магазин Иващенко, посудный еврея Шасвича и немногие другие.

Публика на Петровской всегда была нарядной и модно одетой: солнечный юг накладывал свой яркий отпечаток и на уличную толпу. В Таганроге любили хорошо одеваться и усиленно гнались за модой. Любая кухарка и горничная старались нарядиться как барышни: ни одна из них не показала бы в деревенской кофточке навывпуск или в белом платочке. Все были затянуты в корсет, блузки носили под юбку и под широкий пояс из резиновой шелковой или парчовой ленты, на голове на модной прическе носили шляпу или по крайней мере шелковый кружевной шарф. Перчатки и туфли на высоких каблуках заканчивали их туалет. А уж дамы и подавно франтили во всю. И стоило в Париже появиться новому фасону рукавов, или юбок, как через месяц вся Таганрогская публика уже успевала пошить себе туалеты по новой моде.

Продавцы в магазинах всегда были в пиджачных костюмах с крахмальными манжетами, воротниками и манжетами, с ловко завязанными галстуками. В жару мужчины, как и дамы ходили по улицам с большими веерами, в белых костюмах, белых туфлях и панамках, или в белых пробковых тропических шлемах.

В магазинах, как и в других городах, вдоль прилавков стояли венские стулья и каждому вошедшему покупателю прежде всего предлагали стул, а уж затем начинали показывать товары. Нарядны были и витрины и я любила подолгу любоваться красиво разложенными в них товарами, особенно перед праздниками, когда выставки бывали особенно нарядными от елочных украшений, или перед пасхой – от пасхальных яиц разной величины и на разную цену, с сюрпризами и без них – для взрослых и для детей.

Внешний облик Таганрога на заре XX века был куда культурнее и изящнее его внутреннего содержания. Удельный вес человека определялся в Таганроге его богатством, а не умом и талантом. Правда, в те годы, Таганрог уже приходил в упадок. Приблизительно в конце 60 или 70 годов он был порто-франко, то есть все товары ввозились и вывозились через Таганрогский порт беспошлинно. Это привлекало в Таганрогский порт несметное количество кораблей и пароходов под флагами всего земного шара. Когда же в Таганроге ввели таможду, как во всех прочих южно-русских портах – глубоководные гавани, как Одесса и Новороссийск, Николаев и Херсон стали процветать, а Таганрог с его мелководным портом, где приходилось дважды перегружать импортные товары и экспортный хлеб, стал быстро хиреть и замирать. Иностранные хлебо-экспортные конторы либо стали переключивать в другие более оживленные порты, либо сжимали свои операции и работу на некрупных по тоннажу паровых баржах и пароходах, подходивших в Таганрог к самому берегу. Таганрогские коммерсанты не усваивали передовой морской техники, орудовали даже на трехмачтовых брагах и шхунах, и не

ширко богатели, но любили по прежнему показной роскошью пустить пыль в глаза и казаться богаче самих себя.

Они строили себе роскошные особняки с мраморными лестницами и позолоченной мебелью, вделанными в стены зеркалаи от пола до потолка, со львами и статуями в вестибюле, рядились в бархаты и шелка, осыпали жен бриллиантами, но прекрасно обходились без ванны и душа, без теплого ватер-клозета. Детей своих обучали грамоте и арифметике, а девочек кроме того – французскому языку и игре на рояле в пределах легких песенок и танце и все эти важные гречанки в дорогих туалетах от Ворта и от Дусэ спокойно коротали свой век, не подозревая о существовании Пушкина и Мольера, Шекспира и Гете, Бальзака и Шиллера, Данте Аллигери и Гюго, но считали себя и называли интеллигентными дамами.

И вот прекрасный тому пример.

Когда папа, мой нанимая квартиру, сказал нашей домохозяйке Каломире Васильевне Номикос, что во всяком приличном доме должен быть ватер-клозет, она, женщина богатая, фабрикантка и пароходовладелица, пожала плечами и сказала, коверкая слова своим сладким сюсюкающим акцентом:

– Мозна, стоб васа жена сидилса на горсок в кухня, а потом выливала горсок на двор. А вы, мусчина, мозете сама ходити на двор.

– Позвольте! – вскипел папа, – на кухне готовят. У нас повар мужчина, да и при женщине стыдно.

– Так васа повар, или кухарка будет работать за плита, а васа жена сидеть на друга сторона, за пецка.

И ничем нельзя было ее убедить, что подобное бесстыдство немислимо ни в одном русском даже малокультурном семействе.

А между тем Каломира Васильевна была очень порядочная, нравственная женщина. Она великолепно разбиралась в дорогих винах, закусках, шелковых и шерстяных тканях и могла безошибочно отличить настоящий бриллиант от самой ловкой парижской подделки. Дочери ее, прелестные по наружности и скромные девушки, Маргарита и Каллиопа, великолепно вышивали шелком и золотом, великолепно варили варенья из тропических фруктов, но не знали простых дробей, не имели никакого понятия о славной истории своей родины Эллады, но бегло болтали по французски и прекрасно танцевали все модные бальные танцы. Зато сыновей своих мадам Номикос отправила в Петербург учиться на капитанов дальнего плавания и в коммерческие училища, понимая, что без таких званий ей придется тратиться на специалистов моряков для своих кораблей.

На еще более низком уровне были персы и турки, жившие в Таганроге. Жены турецкого консула и его преемника ходили даже в Таганроге под чадрой, называвшейся по турецки Чарчафом.

Зато англичане, немцы и бельгийцы смотрели на Россию как на временную стоянку на жизненном пути, где можно нажиться и умчаться к своим пенатам, поэтому корней они здесь не пускали, домов не строили и держались в обществе по большей части особняком. Среди бельгийцев было несколько очень воспитанных и культурных

инженеров, например Марини де Шелье, и юрист Монтенрук из Русского для внешней торговли банка.

Русская интеллигенция слагалась из чиновников и лиц свободных профессий. Чиновники с высоким образованием были птицы перелетные: назначало их министерство, то есть Петербург, и за годы службы они не раз переезжали из города в город по мере восхождения по длинной служебной лестнице. Правда, значительный процент из них были донские казаки: ведь сам то Таганрог входил в состав области войска Донского и казаки всеми правдами и неправдами старались служить в пределах своего войска и не выезжать никуда разве что ради крупного служебного повышения. Эти казаки были самым консервативным и ретроградным элементом того времени. Они были преданы царизму не за страх, а за совесть и не терпели никакого намека не только на прогресс, но даже на обычную критику отдельных фактов жизни. Остальные юристы, педагоги, и разного рода чиновники были в общем, как представители третьего сословия, умеренно прогрессивными людьми, хотя и в их среде были махровые мракобесы. В Таганроге стояли, кроме казачьих полков артиллеристы. Офицеры артиллеристы были и культурнее и прогрессивнее казачьих и пехотных полков. Были среди них хорошие музыканты, художники-любители и люди, следящие за наукой и литературой. Крупную роль играли в обществе адвокаты и инженеры – самые прогрессивные и развитые люди. Среди адвокатов славился блестящий оратор Золотарев и опытные и тонко понимающие законы Браславский, Черницкий, Городисский и начинающие Бесчинский и Корсун.

Но где-то рядом с ними на заводах тяжелой промышленности, в угольных шахтах, среди мартенов и доменных печей, среди прокатных станов и пневматических молотов зарождались еще незримые ростки нового рабочего общества. Первые кадры творцов революции.

Между интеллигенцией того времени и рабочими не было тогда еще контакта. Была, наоборот настороженная недоверчивость рабочих мозолистых рук к крахмальному воротничку и мундиру, к фуражке с кокардой и даже к панаме. Внешне все было тихо, и только изредка раздавались еще глухие раскаты подземного грома, говорившие о том, что где-то глубоко в народных низах пылает могучий подземный огонь и что внешне блестящее и мирное таганрогское общество живет и цветет, подобно Геркулануму в Помпее, на склонах просыпающегося вулкана.

В Таганроге была одна мужская гимназия и одна женская, называвшаяся почему-то Мариинской, хотя входила она в систему министерства народного просвещения, а не в систему учебных заведений «ведомства учреждений императрицы Марии». Было среднее техническое училище, окончив которое молодые люди могли без экзамена попасть на третий курс политехнического института. Потом открылось коммерческое училище для мальчиков. Были мореходные классы, выпускавшие капитанов и штурманов каботажного плавания, два высших начальных училища и несколько городских двух и четырехклассных школ.

В драматическом театре каждую зиму играла драматическая группа. В театр, меня, конечно, не брали, но гуляя по улицам, я внимательно читала афиши и помню, что играли там «Честь» Зудермана, «Доктора Штонмана» и «Нору» Ибсена, «Дядю Ваню»

и «Иванова» Чехова, «Коварство и любовь», Шиллера «Уриель и Д'акоста» Гуцкова, какую-то пьесу Гамсуна, «Грозу» и «Бешеные деньги» Островского и многие другие.

Великим постом приезжала опера и оперетта. Помню, что мама брала билеты на «Травиату», «Пиковую даму» и на «Кармен».

В Таганроге выходила ежедневная газета «Таганрогский Вестник». Издавал его Тараховский, а редактором был Чумаченко, отец поэтессы Ады Чумаченко, тогда еще маленькой девочки. Какого направления была газета – не знаю, но думаю, что прогрессивного, потому что иначе папа бранил бы ее в семейном кругу. Папа его не выписывал. Получали мы большие Ростовские газеты «Приазовский край» и «Донскую речь», имевшие в Таганроге куда больше распространение, чем «Таганрогский вестник». До Ростова было всего 67 верст и эти газеты приходили в Таганрог с утренним поездом и попадали к нам часам в 10 утра.

С этими двумя газетами папа вскоре завязал тесные отношения и стал печатать в них стихи и юридические статьи. Особенно любил он «Донскую речь», которую считал самой приличной и честной газетой Азовского побережья.

Клубов в Таганроге было три. Коммерческий клуб, общественное собрание и литературно-художественное общество, где сформировался постоянный и довольно крепкий любительский коллектив, ставивший драматические спектакли, комедии и водевили, концерты и публичные лекции, а также – семейные вечера с танцами.

В клубах велась карточная игра, устраивались балы и маскарады, благотворительные вечера в пользу учащихся и в пользу жертв стихийных бедствий, например, жителей острова Мартиники, пострадавших от извержения вулкана, в пользу жителей Шемахи и Андижана, где в те годы были страшные землетрясения.

При каждом из клубов была библиотека с читальней и ресторан. Была и хорошая городская библиотека, впоследствии названная в честь уроженца г. Таганрога Антона Павловича Чехова – Чеховской.

Кроме того было в Таганроге общество Трезвости. Где устраивались популярные лекции и концерты для народа, была своя библиотека, и, как я узнала впоследствии велась большая политработа: наряду с классиками распространялись листовки и брошюры, прокламации и прочая нелегальная литература. При нем же была большая воскресная школа для рабочих и для подростков.

Единственный Таганрогский книжный магазин принадлежал преподавателю женской гимназии историку и географу Филовскому. Это был передовой и многосторонний педагог. Вокруг него группировались все передовое учительство, а в его магазине можно было достать все лучшие новинки России и запада и даже изредка – запрещенные вещи.

По сравнению с Брацлавом всего этого было вполне достаточно, чтобы папа и мама были в восторге от переезда в Таганрог.

Что же касается службы, то в этом отношении пришлось ему тут нелегко.

По количеству дел и по сложности и разнообразию их содержания, Таганрогский окружной суд считался третьим по трудности в России. Объяснялось это тем, что наряду с обычными для всех судов вексельными, межевыми, договорными делами и делами по утверждению духовных завещаний, здесь было много исков по увечию

на шахтах, на заводах и на морских судах, масса процессов между русскими и иностранными фирмами и предприятиями, исков по фрахту морского тоннажа и по экспортно-импортным коммерческим операциям, поэтому юристу приходилось знакомиться и с техникой безопасности, и с иностранными правовыми нормами и с промышленными производствами, привлекать экспертов, контролировать их по специальной литературе, то есть тратить массу времени на работу вне круга обычных знаний юриста, быть знатоком чуть ли не энциклопедистом во многих отраслях жизни, знать иностранные языки, много думать и много читать.

Вакансии, на которую назначили папу, была в уголовном отделении, но не лежало папину сердце к криминалистике. Не смотря на давление прокурора и председателя суда, он категорически отказался работать в уголовном отделении и обосновался в куда более трудном, гражданском.

Заседания в суде были раз в неделю. Но член-докладчик должен был дня два готовиться к нему изучая не менее 35-40 дел. В каждом из них было много разнообразных и противоречивых материалов и документов, в которых надо было детально и серьезно разобраться и папа принялся за эту новую работу со свойственной ему тонкостью анализа и добросовестностью. Адвокатура скоро стала выделять его на фоне состава суда и часто, подавая в суд исковое или другое прошение просить направить дело только в доклад П.А. Тулуба.

Давалось папе эта популярность нелегко. Ведь в заседании, где адвокаты обеих сторон представили в суд массу новых письменных доказательств и свидетельских показаний, не бывших в деле до заседания, надо было тут же, на ходу принять какие-то решение, обдумав каждую мелочь, а затем в двухнедельный срок написать подробное мотивированное решение со ссылками не только на статьи девятого тома гражданских законов, но и на ряд сенатских решений, служивших комментарием к законам и мериллом, и образцом для их практического применения. Этих решений было не менее 40-50 томов. Такого комплекта у папы на дому не было. Приходилось рыться в библиотеке суда, проверяя ссылки на них адвокатов, которые часто толковали их произвольно в интересах своих доверителей.

Такая работа была большой тренировкой по логике и умению быстро ориентироваться в самой запутанной ситуации, но эта же тренировка так переутомляла папу, что года через два он стал страдать мучительной бессонницей и сильными головными болями, да и отдавать себя всего без остатка суду – было слишком больно и обидно: это значило убить в себе поэта, писателя, человека, болеющего всеми проблемами своей эпохи. Это значило – стать узким специалистом и, углубляясь в одну юриспруденцию, сузить свой горизонт, свести свой кругозор к одной службе и тянуть свою ляжку, как загнанная и тупо-топорная почтовая лошадь.

Времени ни на книги, ни театр не хватало. Приходилось брать с боя или за счет сна и отдыха право прочесть новую книгу, написать письмо, побеседовать с друзьями и семьей, не запуская дела. Потому что ведь за каждой папкой, за номером стояли живые люди и их жизненные интересы.

С особенным рвением брался папа за дела об увечьях. Тогда на заводах и в шахтах техника безопасности была на низком уровне, а местами и вовсе отсутствовала, потому

что хозяева не хотели тратить лишних денег на приспособления, ограждающие жизнь и здоровье рабочих. Не лучше дело обстояло и на морском транспорте и на железных дорогах. Потеряв на работе руку, или ногу, или искалечив себя, рабочий должен был погибать с голоду, так как ни социального страхования, ни пенсии рабочим тогда не давали. Да и лечение требовало немалых затрат, недоступных бедным людям. Тогда потерпевший подавал в суд, и по закону, если доказано, что завод или шахта не снабдила свое производство никакими приспособлениями, ограждающими рабочего от опасности быть убитым, или искалеченным, ему присуждали несколько тысяч рублей из расчета его десятилетнего заработка. Понятно заводчики или шахтовладельцы старались всячески увильнуть от платежа и через своих адвокатов доказать, что все меры были приняты, а рабочий пострадал не по их вине, а по собственной неосмотрительности, или что он был пьян и поэтому с ним случилась беда. Приходилось вызывать массу свидетелей, осматривать место, где произошла авария, или несчастный случай, где к тому времени, конечно, старались навести порядок и наладить технику безопасности. И если свидетели ответчики бывали зачастую подкуплены и доказывали, что во всем виноват сам потерпевший. Тут надо было быть тонким психологом и честно и объективно выявить истину, конечно, понимая, что бедный человек погибнет в нищете из-за потерянного здоровья. И много таких бедных людей благодаря папиной чуткости и находчивости сорвали с богача-эксплуататора жалкую компенсацию за потерянное здоровье, на которую могли купить домик, завести кое-какое хозяйство, и как-то скоротать свою жизнь. Помогали в таких процессах и эксперты врачи, дававшие честные заключения о проценте потери трудоспособности истца.

Наиболее интересные казусы из своей практики папа посылал в журнал «Право», или же давал их в «Приазовский край», или «Донскую речь». Последняя газета особенно охотно печатала подробные отчеты о делах увечных, потому что стояла на страже интересов рабочего класса и считала, что публиковать такие отчеты надо, чтобы каждый рабочий видел, что и он может прижать хозяина если и с ним случится беда.

Вера в людей и высокое звание судьи, папа первое время не скрывал от своих сослуживцев своей связи с прессой, конечно, не называя те материалы, которые он давал анонимно. Но вскоре он заметил, что черносотенная часть его коллег начинает на него коситься и дальше больше и больше стараться причинять ему разные мелкие неприятности. Прежде всего они старались уличить папу в разглашении тайны судебного заседания и служебных материалов. Но здесь папа был неуязвим, так как публиковал только решенные дела, когда приговор или решение было оглашено в публичном заседании.

Тогда прокурор и председатель суда стали подсылать в редакцию своих людей под видом восторженных читателей, которые являлись в Ростове в редакцию, чтобы «пожать руку благородному автору такой-то статьи», или просили сообщить его фамилию и адрес, чтобы дать ему для ближайшей статьи интересные факты. Эти визиты совпадали с папиными служебными командировками в Ростов, но редакторы были из старых опытных подпольщиков и ловко разоблачали этих непрошенных посетителей, а если они спрашивали прямо о папе – говорили, что, кроме лирических

стихотворений, в стиле Надсона, Майкова и Тютчева, Павел Тулуб им ничего не дает. И все же по изящному стилю заметок многие догадывались, кто их автор, но доказать его авторства не могли.

Так пробежала между папой и его коллегами первая черная кошка в виде намеков и колкостей в беседах, а за нею вскоре побежали и другие.

Таганрогский суд уж несколько лет хлопотал о расширении своего штата, но тогда на такие вопросы уходило годы. И только на третий год нашего пребывания в Таганроге штат был действительно расширен на трех членов суда. Одного товарища председателя и одного секретаря – по гражданскому отделению и на одного человека – по уголовному, где работы было значительно меньше. Тогда гражданское отделение разбили на два и папа ушел во второе отделение к вновь назначенному товарищу председателю Николаю Филипповичу Саульскому и прочим своим новым коллегам.

Один из них был переведен в Таганрог из Забайкалья, а так как время на переезд давалось из расчета путешествия на лошадях, потому что судебная реформа была проведена во времена, когда железных дорог в России почти не было, поэтому этот член суда мог на законном основании прожить где ему угодно целых три месяца и только на четвертый явиться к месту новой службы в Таганрог. Так он и поступил. А тем временем его будущие товарищи надрывались от непосильной работы и решали дела, назначенные на месяц-два вперед, которые он должен был бы докладывать.

Этот член суда оказался поляком по фамилии Рюанец. Папе больше других пришлось тянуть за него служебную лямку и он в шутку написал по этому поводу такой куплет:

Пусть за гонцом летит гонец,
Вопя: «О, где ты, Рюанец?»
Тучи дел. Им нет конца...
Дайте, дайте Рюанца!

Вообще, папа иногда отвечал на шпильки сослуживцев эпиграммой, или сатирическим стихотворением. Так, приглядываясь к многим коллегам, написал он в Таганроге комическую балладу под названием «Кредо чиновника», из которой, я, к сожалению, помню только первые строки:

Моей души малейший атом
И тот трепещет пред сенатом
Милей мне всех античных граций
Вид неуваженных касаций
И чтоб чинов добиться быстро
Готов лакеем быть министра и т.д.

С боя урывал он от службы минуты и, любясь Азовским морем и вспоминая могучее Черное море, писал свои стихи «Море». Появились они тогда в «Русской мысли», где тон задавал тогда Валерий Брюсов, в «Ниве», в «Мире Божьем», в

«Журнале для всех», в «Южном крае», в ростовских газетах и по прежнему в «Детском чтении» и «Педагогическом листке».

Большинство этих стихотворений вошли в сборник папиных стихов «Среди природы», изданный в Москве Д.И. Тихомировым, редактором «Детского чтения».

Домашний быт сложился у нас очень хорошо.

Получив от Романа и Дуни письмо с просьбой выписать их в Таганрог, папа выслал им деньги на дорогу и через каких-нибудь десять дней Роман и Дуня к нам приехали и приступили к своим привычным обязанностям. Здесь Роман стал получать 18 рублей в месяц, а Дуня шесть рублей. Роман спал у нас на кухне, а Дуне мама отвела комнату рядом со столовой.

И жизнь как-то сразу вошла в привычную колею.

Как водится, среди служащих, папа с мамой сделали визиты всем папиным жена-тым коллегам и, как водится, они отдали нам визиты и после этого мы стали бывать у тех, кто пришелся ей при первом знакомстве по душе.

Большинство членов суда были люди пожилые. Вообще попасть на службу члена суда, прослужив, как папа, всего десять лет редко кому удавалось, поэтому на папу на первых порах смотрели, как на человека с большой протекцией, или сановной родней и невдомек им было, что папа пробивал себе путь собственной головой, знаниями и талантами. Поэтому все его любезно приглашали бывать запросто. Но маме и папе пришлось по душе немногие и с ними решили они познакомиться поближе.

Часто стала у нас бывать мадам Штранге, жена очень стареющего дряхлого члена суда. Подружилась мама и с Эмилией Афанасьевной Коссобудской, а из адвокатов семья Корсунов стала нашими близкими друзьями. Иван Иванович Корсун был молодой живой и умный адвокат, человек прогрессивный и главное – вполне честный. За грязные дела он не брался. Жена его Екатерина Андреевна стала близким другом моей мамы и часто запросто заходила к нам. Часто ходили вместе гулять или по магазинам. Я, девочка, тоже полюбила Катерина Андреевну, потому что и ко мне ребенку, умела она подойти просто, сердечно, без слащавости и без противной снисходительности взрослого к малышу. Любила я и Эмилию Афанасьевну и Штранге, не меньше.

К сожалению, ни у кого из них было детей, а у остальных членов суда если и были дети, то взрослые, успевшие уйти из родной семьи в широкую жизнь. И я, конечно, скучала без сверстников.

Настал декабрь, а зимы все не было. В магазинах появилась блестящие груды елочных украшений и мама пополнила наш запас украшений, хранившийся из года в год в особой картонке. Стали мы золотить орехи, готовясь к елке, но елку пришлось купить небольшую, потому что елки в Области войска Донского не росли, а привозные елки стоили слишком для нас дорого: за елку до потолка (а потолки были у нас очень высокие в целых 6 с половиной аршин), просили 20-25 рублей, а мама ассигновала на дерево только рубля три. Но зато вышла она на редкость нарядной.

Как-то в это время узнали мы, что у члена суда Фердинанда Карловича О'Рема была внучка Таня моих лет. С этой Таней и решили меня познакомить. И вот в сочельник приехала к нам бабушка Тани приглашать нас на елку.

Мама нарядила меня в белое батистовое платье с поясом из широкой пунцовой ленты с вытканными на ней виноградными гроздьями и завила мне волосы на папильотках. Я была поражена: до этого дня я не подозревала, что волосы завивают и с удовольствием рассматривала себя в зеркало, когда мама сняла папильотки и расчесала мне кудри. Это казалось мне на редкость красиво.

Когда мы приехали к О'Ремам, там уже собралось человек 20 гостей, было семейство нотариуса Блонского, еще какие-то дамы с детьми, две девочки с редкими именами Муза и Лира. Среди детей была 12-летняя дочь редактора «Таганрогского Вестника» Чумаченко Ада, ученица второго класса гимназии.

Мы все сидели в столовой смущенно знакомились, как вдруг распахнули двери гостиной и пригласили нас туда, где сияла огнями огромная елка.

Мы водили хороводы. Нарядились в бумажные пестрые шапочки из хлопучек, громко стрелявших, когда мы ломали стерженек. Играли в фанты и в краски, танцевали.

Танцевать я не умела. Мама тут же показала мне польку, но в общем первое время я чувствовала себя среди детей каким-то дичком: не знала на память детских считалок, не знала, как играть в фанты и в краски. Это больно кололо мое самолюбие и я старалась налету понять, что и как делать, но первые часа полтора мне это плохо удавалось...

Когда мы играли в фанты, Аде Чумаченко выпало прочесть стихотворение. Она потрянула черными стружками локонов и сказала, что чужих стихов читать не хочет, а прочтет только свое собственное стихотворение «Елка».

Стихотворение всем понравилось. Ей долго аплодировали большие и маленькие. Папа, как поэт, заинтересовался молодым талантом и много и тепло беседовал с Адой, потом подозревал меня и сказал, продолжал нежно обнимать Адочку:

– Вот видишь: девочка пишет стихи. Из нее вырастет поэтесса. Она будет знаменита. Ее стихи будут печатать в журналах как стихи Мирры Лохницкий и Щепкиной-Куперник. А ты не умеешь писать стихи и даже не пыталась попробовать.

И не подозревал папа, что этими словами нанес мне глубокую рану. То есть в ту минуту я ничего не почувствовала и не поняла, даже слова его дошли до сознания, но потом сказалась душевная от боль.

А веселье шло своим чередом. Нам сказали, что пора валить елку и что каждый из нас может взять себе все что понравится. Малыши набросились на сладости, а я выбрала несколько шариков и картонажей, потому что конфеты и пряники были у нас каждый день, а каждое красивое украшение радовало меня годами.

Поздно вечером полусонную меня привезли домой. Несколько дней жила я ярким впечатлением первого в жизни многолюдного детского вечера в чужом доме и елка, и чужая, богата обставленная квартира, и высокий белобородый Танин дед с лысой головой, блестящей как лакированный бильярдный шар, и елка, и дети, и в особенности Ада Чумаченко, – девочка, умеющая писать стихи, как мой папа, так и стояли перед глазами.

Но через несколько дней я слегла. Простудилась я видно – у тех же О'Ремов на сквозняке в передней, разгоряченная танцами. Начался сильный кашель, потом жар и удушье. Позвали доктора. Мне было очень плохо. Я сразу ослабла, так что лежала

пластом не в силах приподняться и задышалась, как полупридушенный цыпленок. Началось сильнейшее двухстороннее крупозное воспаление легких.

Доктор Абрамович приходил каждый день, но его лекарства не помогали мне. Мне становилось все хуже и хуже. Мама была в отчаянии. Эмилия Афанасьевна Коссобудова горячо принимала к сердцу мою болезнь и посоветовала маме позвать лучшего в городе терапевта Исаака Яковлевича Шамковича.

Шамкович увидел, как мне плохо и сразу стал шупать ноги, чтобы удостовериться работает ли еще сердце, или подходит конец. И сразу переменял все лечение. Назначил камфору, а так как подкожных впрыскиваний тогда не делали, велел распускать порошки в рюмке шампанского и давать мне каждые полтора часа по порошку. Микстурки Абрамовича приказал выбросить, поставить мне согревательные компрессы и дать кислород. Если же я буду терять сознание – заворачивать меня в мокрые простыни и обтирать мне все тело смесью спирта, уксуса и воды.

Побывши у нас, Шамкович поехал к О'Ремам, где Таня болела ангиной и сказал им, что я безнадежна.

Четверо суток была между жизнью и смертью. Мама почти не ложилась, папа тоже и когда маме делалось дурно от усталости он один дежурил надо мной, не смыкая глаз. Мне было противна камфора в шампанском, я не хотела пить ее, а папа насильно вливал ее в рот и кричал:

– Пей, девочка, а то умрешь!

И я теряя последние силы, пила и все же была в полном сознании, хоть и в состоянии полудремоты. И как сквозь сон видела, что мама в отчаянии рыдает на коленях перед иконой и не понимала, что с нею.

Шамкович приезжал каждый день по утрам и второй раз поздно вечером, а однажды вызвали его и среди ночи. Он упорно боролся за мою жизнь, все время усиливая и варьируя свои назначения, хотя сам почти не верил в мое спасение. Денег он не брал: сказал, что папа с мамой могут с ним рассчитаться потом, когда я поправлюсь и мама пока только записывала каждое его посещение, потому что в те времена за дневной визит давали врачу обычно 2 рубля, а ночью по три-четыре рубля. Чувствовалось, что для него мое спасение было делом чести и профессиональной совести. Это был энергичный и талантливый врач. Ему и самоотверженному уходу папы и мамы обязана я своим спасением.

О'Ремы каждый день справлялись у Шамковича по телефону, что со мною. И, когда ночью ждали кризиса, Шамкович с отчаянием ответил им одним словом:

– Умрет.

Но, наконец, ночью я внезапно облилась потом и вдруг глубоко и спокойно уснула.

Уснула и мама, измученная физически и душевно и только папа не ложился, сидел надо мною до утра, боясь поверить в мое спасение.

Утром О'Ремы прислали мне роскошные живые цветы на гроб, от которых мама в ужасе отшатнулась.

Роман и Дуня глубоко переживали мою болезнь. Не раз, входя в кухню переменить мне компресс, или лед, мама видела, как Роман стоит у плиты и вытирает слезы, а Дуня все молилась и бегала потихоньку в церковь поставить свечку за мое выздоров-

ление. Это сочувствие к ее горю глубоко сроднило маму с нашими хорошими душевными людьми.

Проспала я целые сутки, проснулась очень слабая, похуевшая, измученная, в полном сознании и с нормальной температурой. Лежала, улыбаясь в постели, как вдруг образ Ады Чумаченко встал в памяти и я заплакала.

– Зиночка, что с тобой, детка? – бросился ко мне папа.

– Я ... я не умею писать стихов, как Ада, – ответила я, – и ты меня не будешь любить, а будешь любить ее, Аду, – с недетским отчаянием ответила я.

И не понимала, почему папа, заливаясь слезами, осыпает меня поцелуями и повторяет:

– Деточка моя... Прости, прости меня, моя любимая. Тебя одну буду любить всегда, всегда.

– Не умею, – повторила я. – Совсем не умею.

Не помню сколько дней лежала я в постели. И вдруг точно песня запела в душе: слова снова стали певучими, как музыка. Я не понимала, что со мной – и вдруг радость, несказанная радость озарила меня:

– Мама! Скорей возьми бумагу! Пиши, – сказала я и стала диктовать:

Я помню, как наш сад благоухал весной,
Как свежие цветы лили свой аромат
И бабочки вились веселою толпой...

Тут вдруг все смялось, спуталось, Точно оборвалось какая-то тонкая тонкая ниточка, светлая, как солнечный луч и звонкая, как серебряная струна.

– Ой, мамочка, больше ничего не выходит, – сказал я и задумалась.

Долго лежала я, тщетно придумывая, чем закончить куплет, но так и не придумала. Папа был в суде, он мог посоветовать. Я поджидала его с большим нетерпением.

– Папа! Папа! Я тоже буду писать стихи, как Ада. – закричала я, как только показался он на пороге. – Только... только... я не знаю, что сказать дальше. Я ничего не могу больше придумать.

Папа прочел написанное, отвернулся и стал рукой тереть глаза... – и тут же подсказал мне четвертую строчку:

И у веранды цвел кудрявый виноград.

Так в первых числах января 1899 года, восьми лет и двух месяцев от роду написала я свое первое стихотворение.

Папа и мама были счастливы, видя, что я спасена и окружали меня еще большей нежностью, чем до болезни. А я скучала: мне долго не позволяли вставать с постели, а мне надоело лежать. Я хныкала и однажды в присутствии доктора раскапризничалась и – не знаю как это вышло – ударила маму по щеке.

...Помню, как медленно сбегал румянец с маминого лица, точно кто-то высасывал из нее кровь, и только ярко рдело на ее щеке пятно – след от моей ладони.

Я смотрела на маму широко открытыми, испуганными глазами и все плотней вжималась в постель, точно хотела в нее всосаться, как пролитая вода.

Все молчали. Доктор укоризненно покачал головой:

– Какая же ты нехорошая девочка!

Молчание длилось долго-долго. Меня не наказали. Ничего не сказали мне. Но это было хуже всякого наказания.

Целый день лежала я в постели молча. Не играла, не притрагивалась к книжкам, не вставала, никого ни о чем не расспрашивала. И только вечером, когда мама наклонилась ко мне, я сказала беззвучным, не своим голосом:

– Этого никогда больше не будет. Никогда.

Перед моей болезнью папа получил письмо от своего бывшего письмоводителя Кузьминского. Кузьминский писал, что служба смотрителя арестного дома ему противна и умолял папу устроить его в канцелярию Таганрогского окружного суда и выписать в Таганрог. Папа узнал, что в суде есть вакансия столоначальника, поговорил с председателем Боголюбовым и тот согласился принять Кузьминского на работу. Папа так и ответил Кузьминскому.

И вот когда я уже выздоровела, но еще лежала в постели, приехал Кузьминский и привез в клетку от попугая моего кота Мина, о чем я слезно просила папу. Да и Кузьминскому жаль было бросить кота в арестном доме на попечение своего приемника. А у нас как раз появились мыши и нового кота мы не успели завести, и мы не раз сетовали, что Роман и Дуня не догадались привезти его с собой.

Было ранее утро. Я только что проснулась и пила свое молоко, когда раскрылись двери и папа внес на руках огромного черного кота, в котором я с трудом узнала своего Мина.

Приласкавшись ко мне, напившись сливок и осмотрев комнаты, Мин сразу приступил к исполнению своих кошачьих обязанностей и через полчаса, ворча и мурлыкая, уже играл возле меня с пойманной мышью.

Кузьминский тоже устроился в суде и папа с мамой сдали ему внаймы небольшую комнату с отдельным ходом в нашей квартире и стали давать ему обед от нашего стола. За комнату и обед вместе взятые платил он нам 15 рублей в месяц, получая в суде 40 рублей.

Не успела я встать с постели, как некое несчастье поразило нашу семью. Как-то ночью разбудил нас резкий звонок.

«Женя умер. Приезжай. Похороны среду. Саша» – прочел папа, нервно вскрывая срочную телеграмму.

Женя Кармазин, сын бабушки и Даниила Адриановича жил в Елисаветграде, учился там в выпускном восьмом классе гимназии. Жил там и младший папин брат Саша, служащий там судебным следователем. Он то и прислал эту ужасную телеграмму. Но Женя! Здоровый юноша, полный сил и соков юности. Это показалось так неправдоподобным, что папа ответил Саше вопросом:

– Кто умер? Отвечай!

Мы все решили, что умер Даниил Адрианович и что на телеграфе вместо Даня, как звали его в семье, ошибочно написали Женя. Но через несколько часов пришел ответ:

«Женя Кармазин умер под поездом».

Выехать папа не смог, так как из-за моей болезни он и так пропустил два-три заседания. И через несколько дней пришла целая пачка полных отчаяния писем от бабушки Тулуб, от тети Мани и тети Люды и всех папиных братьев.

Женя Кармазин внешне был счастливым: единственным сыном богатого помещика, красавец, первый ученик и первый кандидат на золотую медаль. Все было ему доступно, но... с детских лет лежало на нем проклятие «незаконного сына». Не раз приходилось ему терпеть побои и жестокие насмешки сверстников и еще более обидные и мучительные колкости – и оскорбительные намеки провинциальных пошляков, на которые самолюбивый, нервный и впечатлительный мальчик не мог ответить ни пощечиной, ни вызовом на дуэль.

С преувеличенной подозрительностью видал он во всяком случайном невнимании умышленное оскорбление, или обидный намек по своему адресу, или по адресу матери, но глубоко таил в себе накопившуюся желчь и осадок от этих незаслуженных обид и часто воображаемых унижений.

И вот в восьмом классе, накануне получения аттестата зрелости, полюбил он свою ровесницу гимназистку Аллу Розмарицыну, девушку миловидную, но пропитанную всеми мещанскими предрассудками и провинциальной нетерпимостью к всяким прописными нормами мещанской морали. На гимназическом вечере она кокетничала и танцевала с Женей, потому что Женя был лучшим танцором города и выделялся на общем фоне своей красотой и изящными манерами, но на другой день после этого бала, когда Женя, как полагалось в приличном обществе, явился к Розмарицыным с визитом, горничная с игривой улыбкой и нахальной улыбкой заявила:

– Господа велели не принимать.

И выходя, Женя заметил Аллу, прячущуюся за тюлевой занавеской, которая хихикая указывала на него кому-то пальцем.

А через несколько дней на катке она надменно кивнула ему и нарочито громко сказала своим спутницам:

– Ах, вы не знаете. Это сын мадам Тулуб и Кармазина. Понимаете «их» сын!

Это больше пощечины ударило по нервам Жени. И это стало последней ядовитой каплей, переполнившей чашу в душе юного неспорченного мальчика, который должен был испытать до дна все унижения, на которые обрекло его ложное положение в обществе и упрямое нежелание бабушки принести в жертву сыну свое оскорбленное самолюбие.

Он решил покончить с собой и несколько дней тщательно готовился к смерти. Снялся в лучшей фотографии, заказал целую дюжину и оставил фотографу деньги на марки и адреса отца, матери, братьев и сестер и одному товарищу, который один только понимал и поддерживал его в тяжелые минуты, но как назло уехал погостить к родственникам, написал бабушке трагическое письмо, где нежно просит прощения за горе, которое причинит ей его смерть, называл ее мученицей и страдальницей и объяснил, что для него – лучший и единственный выход – могила, потому что легче уйти из жизни, чем до седых волос нести клеймо позора за свое рождение.

На другой день сложил он свои вещи и рано-рано, когда все в квартире спали ушел на вокзал.

На вокзале Женя узнал, когда приходит курьерский поезд и пошел ему навстречу вдоль полотна железной дороги, делавшего в этом месте крутой поворот. Когда вдали показался дымок мчащегося поезда, он почему-то снял ботинки и в одних носках побежал по снегу и шпалам ему навстречу.

Путевой сторож издала заметил бегущего, погнался за ним, но не догнал и только отчаянно замахал красным флагом. Машинист увидел Женю, когда он был уже очень близко, дал свисток, резко затормозил. Но поезд мчался под уклон с быстротой 60 верст в час, а тормоза тогда действовали очень медленно.

Впереди паровоза был зимний снегоочиститель. Он дважды подбросил Женю, потом подмял его под себя – и паровоз сначала отхватил ему ноги, а потом туловище пополам.

...Когда куски того, что было Женей, извлекли из-под поезда, увидели, что его дивные черные волосы за несколько минут поседелели...

Хоронили Женю на кладбище возле железнодорожных путей и в тот момент, когда гроб его опускали в могилу – мимо кладбища промчался в вихре дыма и снега тот самый курьерский поезд, под которым погиб он за три дня перед тем.

Через несколько дней получили мы от фотографа предсмертный снимок Жени. Эта карточка хранилась вплоть до июля 1937 года.

Папа был потрясен. Он всегда жалел и любил его, понимая, что нелегко ему будет в жизни с клеймом «незаконного сына», но осуждать бабушку и Даниила Адриановича не мог, зная, что и бабушкина судьба сложилась далеко не сладко и что теперь она испытывает двойное горе, считая себя виновницей гибели сына.

Страдал и Даниил Адрианович, потому что если он кого-нибудь любил в жизни, то это был только Женя. И вскоре поразила нас весть о том, что у Даниила Адриановича открылся бурный туберкулезный процесс.

Трудно и медленно поправлялась я после болезни. За месяц в постели я сильно выросла и стала длинной и худой, как обшипанная цапля. Впервые в жизни пробудился во мне волчий аппетит. Я постепенно крепла, полнела, но доктор Шамкович, раз в неделю приезжавший к нам, скептически качал головой. Рентгена тогда не было, но и так, простым выслушиванием он установил, что если я расту и набираюсь сил, то легкие мои, сожженные жестоким воспалением, остаются сморщенными и не распрямляются и вместимость их значительно ниже нормы. Поэтому он принес маме книгу – «Врачебная гимнастика» и потребовал, чтобы я ежедневно делала ряд упражнения специальной для грудной клетки и развития дыхания. К сожалению это либо вовсе не выполнялось, либо выполнялось изредка и не утром, а днем, когда и и как попало.

Запретил выпускать меня на воздух до наступления весны, запретил отдавать в гимназию. Потому что в гимназии на переменах раскрывают в классах окна и в коридорах холодные сквозняки, с моей изнеженностью первый сквозняк мог наградить меня вторичным воспалением легких, а следовательно свести в могилу.

Зимой в Таганроге часто бывают ветры и туманы. В такие дни я тоже сидела дома и только смотрела через окно на гуляющих и резвящихся сверстников.

Раз два в месяц была у нас большая стирка. Стирать приходила прачка с предместья Касперовки вблизи металлургических заводов.

Как-то пообещала она мне принести гусиных перьев пускать через черешки мыльные пузыри, но все забывала об этом.

– Принесите мне, пожалуйста, завтра хоть несколько перышков, – попросила я ее как-то в конце апреля.

– Завтра я не приеду, – ответила она, продолжая быстро и ловко гладить белье. – Завтра праздник.

Я всегда следила за праздниками по отрывному календарю, потому что каждый праздник мама покупала что-нибудь из тропических фруктов, либо шоколадных конфет. На этот раз я твердо знала, что завтра будний день и число на календаре черное, и не на шутку обиделась.

– Вы не думайте, что я маленькая. Мне восемь, девятым год. Можете вовсе не приносить. Если Вам трудно, но обманывать меня не надо. И вообще, мама говорит, что обманывать стыдно.

Прачка засмеялась.

– Ты, Зиночка, напрасно на меня обижаешься. Все рабочие завтра празднуют на фабриках, на заводах и в гаванях.

– А что празднуют? – допытывалась я. – Вот рождество – это день рождения Христа, а девятого мая – святой Николай, который приносит детям подарки.

Прачка как-будто смутилась.

– Ну... весну празднует. Едут или идут в лес на маевку.

– Ага... Так на маевку можно ездить и летом – когда тепло. И это называется пикник.

– Это вам, господам, всегда: а нам, рабочим, только в этот день. Это наш рабочий, праздник. Хотя один день – да наш, – отрезала она вдруг и быстрее заскользил утюг в ее сильных умелых руках.

Я попробовала задавать еще какие-то вопросы, но она отвечала:

– Некогда мне, Зиночка, – отрывисто отмахивалась она. – Вот еще сколько белья. Надо поскорее управиться.

На другой день она действительно не пришла, хоть мама просила ее помочь Дуне с генеральной уборкой. А перед самым обедом папа пришел из суда какой-то странный, расстроенный, заперся с мамой в спальне и о чем-то долго-долго говорил с нею наедине.

И потом часто, когда папа возвращался из суда, мама встречала его непонятными вопросами:

– Ну, как? Что с ними? Еще не выпустили?

Обычно папа нервно пожимал плечами и стремительно качал головой, но как то раз надрывно крикнул:

– Да, действительно выпустят! Не только не выпустили, а предают военному суду, чтобы иметь возможность в обход законов надеть им на шею петлю!..

Мама ахнула и побледнела.

– И только за то, что они устроили демонстрацию и пели марсельезу!

– ... и выкинули красный флаг, и не работали один день, на господ бельгийцев, которые приезжают сюда набить карман и, насосавшись нашего золота, уезжают

обратно, да еще подлые сказки рассказывают о нашей стране, – злобно и резко чеканил папа.

– Папочка, расскажи, что случилось, – допытываюсь я.

– Ведь, бабушка тоже поет марсельезу. И я пою. И никто нас за это не судят.

– Вырастешь, Зина, узнаешь, – ответил папа словами Некрасова. – Ступай, детка, играть. Это тебя не касается.

Опять «большие» обидели меня недоверием. Но и все-таки не отстала и понемногу узнала, что 1-го мая рабочие на заводе бросили работу, собрались толпой и говорили «зажигательные» речи, а потом вышли на улицу и с пением марсельезы куда-то пошли с красным флагом и чего-то у кого-то требовали. Полицмейстер вызвал сотню казаков и конную полицию. Били толпу нагайками, кажется даже стрелами, потом многих арестовали и нашли у них «нелегальную литературу».

Я слушала и жадно запоминала каждое слово, но многого не могла понять: что такое, например «зажигательные речи», на спичечных коробочках написано «зажигательные спички». Это понятно. Но что можно зажечь словами – я не могла понять. А спросить – не решалась, чтобы опять не слышать обидное и унижительное «вырастешь, Зина, узнаешь», которым папа стал часто угощать меня вместо толкового объяснения.

Когда папа в суде заговаривал с коллегами о демонстрантах, доказывая, что судить можно только судом присяжных, публично на открытом заседании с адвокатами и свидетелями, с попыткой выяснить внутренние и внешнее побуждения каждого человека, а не в темную, в порядке полицейско-военного произвола, когда следствие ведет не умелый юрист, а офицер, ничего не смыслящий в праве – вместо сочувствия и желания поднять свой негодующий голос против поправок закона папины сослуживцы не только не сказали ни одного человеческого слова, а наоборот, враждебно обрывали папу и даже дали ему прозвище «красноглазого».

Так между папой и прочим составом суда, за исключением двух-трех человек появилась незримая грань отчуждения и холодка, которая все росла и росла и вскоре оставили папу в трагически-печальном одиночестве.

Зато в среде адвокатов папа встретил и понимание, и живой отклик на все свои переживания. Адвокаты поняли и оценили мятущийся в противоречиях дух моего папы и окружили его атмосферой уважения и сочувствия, которая отогревала его после холодных стен совещательной комнаты.

Папа стал частенько задумываться, не бросить ли ему коронную службу, не пойти ли в адвокатуру, тем более, что теперь у нас была довольно прилично обставленная квартира, надо было только немного приукрасить папин рабочий кабинет: купить дорогой письменный стол вместо старенького письменного стола, да парочку хороших картинок на стены. Кроме того, ему как юристу со стажем, не пришлось бы быть помощником присяжного поверенного, и сразу дали бы ему звание присяжного поверенного.

Но в этих колебаниях и раздумьях было свое и немалое «но». Папа видел, что даже самые прогрессивные и приличные по убеждению адвокаты берутся за «грязные

дела», то есть такие, где приходилось доказывать, что права виновная сторона и всячески затуманивать все те обстоятельства, которые выводят правду на свет.

Тогда папа с глазу на глаз говорил об этом с адвокатами, которых он уважал, как хороших юристов и прогрессивных людей, они откровенно разводили руками и признавались, что одними правыми делами не проживешь и не прокормишь семью, если нет своих личных капиталов или недвижимого имущества. Грязных дел втрое, даже впятеро больше чем чистых. Чистое дело и без адвокатов ясно суду, поэтому выбирать не приходится. Отказываются от защиты лишь от сверхгрязных дел, когда беззаконие такое вопиющее, что можно попасть в прессу за такую защиту, а адвокат это своего рода фокусник-игрок, которому приходится выступать жалким наемником того, кто платит за трюк, за бессовестное размалевывание под право самого темного и гнусного грабежа, эксплуатации, обдирательства и любого вида незаконной и подлой наживы на чужой бедности, темноте или несправии.

Долго, мучительно долго колебался папа, как ему быть и, скрепя сердце, остался на коронной службе, считая, что здесь можно все-таки остаться на известной высоте, хотя гражданский процесс почти всегда формален и суд не входит в рассмотрение моральной стороны спора обеих сторон.

Весной того же 1899 года мать Дуни повесилась. Это была запойная пьяница-вдова, спустившая в кабак все свое имущество. Пока Дуня жила у нас в Брацлаве, старуха между двумя припадками запоя кое-что подрабатывала поденной работой, но чаще и больше тянула с Дуни двугривенные на водку. Оставшись в Брацлаве без единственной дочери, она дошла до полного нищенства, хотя Дуня аккуратно посылала ей каждый месяц по 3-4 рубля из своего шестирублевого жалования. На эти деньги можно было свободно прожить в своей собственной хате, если пуд ржаной муки стоял 40 копеек, но все ее деньги до последнего гроша уходили на водку. И наконец в припадке белой горячки старуха забралась на чей-то чердак и надела на шею петлю.

Дуня горько рыдала, билась об стенку головой, но ничем нельзя было помочь ее горю, а доводы, что без пьяницы-матери – ей будет легче, были слишком неуместны в такую минуту.

Летом и осенью того же годастряслась с Дуней другая беда, но не буду нарушать хронологического порядка рассказа и скажу об этом в свое время.

В начале июня мы с мамой уехали в Требухи, ехали снова через Москву и снова прожили там несколько дней, осматривая ее достопримечательности и музеи. Приехали к бабушке и дяде Сашку с массой новых впечатлений и рассказов о Таганроге, море и о Москве.

По закону папе, как члену суда полагалось полтора месяца летнего отпуска, или каникул, как их тогда называли. Но, по уговору с сослуживцами, каждый член суда уезжал на два месяца, потому что ради продления собственник каникул каждый соглашался в течении двух недель работать за двоих. На эти две недели в заседании назначали двойную порцию дел, но выбрали дела полегче, а так как дела считались не по их удельному весу, а по количеству «на штуку», то выходило, что норма решенных дел была всегда выполнена.

Поэтому папа через месяц после нашего отъезда тоже выехал в Требухи и прибыл там вместе с нами июль и август, и мы оставались еще и на сентябрь главный яблочный и фруктовый сезон.

Пока летом мы гостили у бабушки, в Таганроге слушался процесс участников первомайской забастовки и демонстрации. Я, как ребенок, не могла понять и запомнить, что говорил об этом процессе папа, на котором ему, как судье, удалось присутствовать в публичке, но знаю, что несколько человек было приговорено «к смертной казни через повешение», как тогда писали в судебных приговорах. И вообще папа старался при мне не говорить об этом ужасе и только порою у него срывались отдельные фразы, когда он от волнения не мог молчать.

Смертной казни тогда, по закону, в России не было. Этим Россия выгодно отличалась от всех «передовых» западно-европейских стран, где были, как во Франции гильотины, электрические стулья и виселицы, как в Америке и прочих цивилизованных странах – вообще по разному, но всюду убивали людей...

Но, как только в России появились признаки революционного движения, в обход гуманным, написаниям в «Вводе законов законам», царская власть придумала свои пути и ввела либо военно-полевые суды, либо стала предавать суду судебной палаты, где вместо присяжных заседателей судили вместе с коронными судьями трое сословных представителей – волостной старшина, предводитель дворянства и городской голова от третьего сословия. Эти люди обычно были преданы правительству и царю не за страх, а за совесть. Они ничего не смыслили в юриспруденции и слепо шли на поводу у членов судебной палаты, старых закоренелых чинуш из самых махровых мракобесов.

Вот такой-то суд с сословными представителями и приговорил тогда нескольких рабочих к смерти. Это был чуть ли не первый в России процесс, где присудили к смертной казни не террористов, а участников забастовки и демонстрации.

Первое потрясение, пережитое папой на этом процессе, пришлось ему лечить в водолечебнице. С этого дня папа на всю свою жизнь стал горячим и принципиальным поборником отмены смертной казни.

Я, как ребенок, не могла себе представить всего ужаса казни и все же, когда краем уха ловила обрывки разговоров об этом, резко обрываемом в моем присутствии, все мое детское сердце содрогалось от какого-то страшного холода, подступающего к сердцу вроде тошноты.

Вернулись мы в Таганрог поздней осенью. На прощанье бабушка подарила мне книжку «Леди Джэн», (Английская писательница Сесилия Джемисон. Повести «Леди Джэн, или Голубая цапля» и «Приемыш черной Туанетты», классические произведения для детей. Первое издание после 1917 года – ред.), а дядя Сашок «Сказки» Карамзина в роскошных изданиях Девриена.

Снова ехали мы через Москву. Снова я любовалась и в Третьяковкой галерее «русскими богатырями» и «Иваном Царевичем на сером волке» Васнецова, пугалась «Ивана Грозного» Репина, восхищалась лесами Шишкина и морями Айвазовского, «Боярыней Морозовой» Сурикова, «Неутешным горем», голубями у тюремного вагона на картине «Всюду жизнь» и многими другими чудесными полотнами наших лучших художников.

Вскоре по приезду надолго выбило нас из колеи несчастье с нашей Дуней.

Оказывается, письмоводитель Кузьминский давно приударял за нею.

После отъезда из Брацлава, Дуня приходила к нему в арестный дом, прося написать письмо, потому что сама Дуня была малограмотной. И вот не то в Брацлаве, не то позднее, в Таганроге, он соблазнил ее и Дуня оказалась беременной.

Долго скрывала она свой позор и свое положение, думая, что папа с мамой отправят ее за это на родину и очевидно предприняла какие-то меры, чтобы сделать себе выкидыш. А мы ничего не подозревали и, как всегда, ушли после обеда гулять на Николаевский спуск. Возвращаемся домой. А Дуня кричит от невыносимых болей в своей комнате и бьется головой о стенку, а Роман стоит возле нее и с растерянной укоризной приговаривает:

– Ну, что теперь с тобой делать! Эх, ты глупая-глупая: надо было раньше думать, а не губить себя попусту.

Мама отослала Романа, меня заперли в самую дальнюю комнату, папа помчался за доктором и акушеркой, а мама без труда добилась у Дуни правды. Приехала женщина-врач Пригожева-Тараховская, жена издателя «Таганрогского Вестника» с акушеркой. Три дня и три ночи весь дом был верх дном. И только на четвертый день жизнь Дуни была вне опасности.

Недели через две, когда Дуня поправилась, а мы с мамой что-то читали, вошла она бледная, исхудавшая и упала маме в ноги, умоляя не гнать ее и не отправлять в Брацлав. Меня немедленно услали в другие комнаты и мама долго говорила с ней и обещала оставить у нас.

Казалось бы на этом всему конец, но виновник всего Кузьминский оказался таким подлецом, что зимой написал в Брацлав, что Дуня стала гулящей девкой и ее старая пьяница-мать удавилась из-за этого письма. Кроме того, по тогдашним законам Дуня должна была отвечать за выкидыш, но спасли ее врачи, давшие справку, что аборт произошел по неосторожности, а не злонамеренно.

Лечение Дуни обошлось нам около ста рублей, но, конечно, ни маме, ни папе не пришлось в голову взыскивать с нее эти деньги. Дуня просила не платить ей жалованья целый год, но папа рассердился и первый раз прикрикнул на нее:

– Что мы, ростовщики или люди? Не смей говорить глупостей! Никаких твоих грошей нам не надо. Служи как служила и никто тебя не будет корить.

Однако, слух обо всем происшедшем пополз по городу через соседских прислуг, а мамины хлопоты, расходы на врачей, лекарства, акушерку и извозчиков были истолкованы так, что папа соблазнил Дуню, а мама спасая семейную честь, решила не поднимать шума и покончить дела шито-крыто.

А когда к Кузьминскому приставали в суде с расспросами, он делал вид, что дело его сторона, что он ни о чем не имеет никакого понятия, а на вопросы, кто же виновник Дуниного позора с притворной стыдливостью отводил глаза и отвечал нечленораздельными междометиями и – может быть – намеками, от которых в суде опять-таки утвердилась версия, что виноват мой папа.

Настал день, когда эта гнусная сплетня дошла до маминых и папиных ушей. Негодование и возмущению их не было границ. Поскольку детям о таких вещах знать

не полагалось, я узнала обо всем этом много лет спустя, от мамы, а тогда поразило только то, что Кузьминский внезапно выехал из нашей квартиры, а затем вовсе исчез из Таганрога.

Дуня осталась у нас. Мама демонстративно не хотела ее увольнять, чтобы клеветники скорее замолчали, и Дуня питала к маме исключительную благодарность и привязанность.

Между тем сплетни не затихали. Многие сослуживцы, особенно черносотенцы старики, возненавидевшие папу за его политические убеждения, позволяли себе двусмысленные намеки и шуточки и папа на этой почве порвал с ними знакомство. К сожалению, сплетне поверили и некоторые из порядочных людей и с ними тоже пришлось раззнакомиться. Даже муж Эмилии Афанасьевны, Густав Северинович Костобудский, как-то брякнул что-то лишнее, и папа ему не подал за это руки. Так лишилась мама своей приятельницы Эмилии Афанасьевны, потому что неудобно женам дружить, если между мужьями оборваны отношения.

Квартира Номикос была для нас слишком велика и дорога, поэтому когда подошел срок контракта, мы стали усиленно искать другую квартиру и переехали на приморский Воронковский бульвар, наняв в доме Коробкина пятикомнатный флигель.

Квартира была новенькая, солнечная и уютная с большим светлым коридором, в который выходили две спальни – мамина со мной и папина, с великолепно оборудованной ванной и ватер-клозетом и с верандой в конце гостиной, где можно было проводить все лето, дыша чудесным морским воздухом. К тому же в этой квартире было газовое освещение с ауэровскими горелками и газовая плитка в которой мы кипятили в столовой кофе, молоко или что-нибудь разогревали на скорую руку. Платили мы за эту квартиру 480 рублей в год, то есть по 40 рублей в месяц.

На новой квартире жизнь наладилась хорошо. Роман уехал в Брацлав, стосковавшись по жене и ребенку, а Дуня не даром прослужила несколько лет при таком прекрасном поваре: присматриваясь к его работе и будучи девушкой способной, она научилась прекрасно готовить и осталась у нас за кухарку, получала теперь уже десять рублей в месяц.

В каждом письме своем бабушка Тулуб сообщала, что болезнь Даниила Адриановича развивается быстро, точно смерть Жени подкосила его организм и отняла силы для борьбы с болезнью. Поздней осенью в ноябре Даниила Адриановича не стало.

При жизни Жени Кармазин знал, что все его имущество перейдет к сыну, но после его трагической кончины он составил духовное завещание, в котором приказал продать Макариху, за исключением усадьбы. Усадьбу отдать земству, чтоб они устроили в ней сельскохозяйственную школу имени покойного Жени, для этого он кроме того завещал 27 тысяч рублей на оборудование и содержание училища. Из остальных денег выдать Боре, сыну Ольги Даниловны, двадцать тысяч рублей, три тысячи любимому кучеру Михайло, две тысячи горничной Маше, а все остальные деньги разделить пополам между дочерью Ольгой Даниловной и бабушкой.

Ольга Даниловна пришла в ярость. Она думала, что со смертью Жени она – единственная наследница Даниила Адриановича. Подогревал ее ярость и Владимир Иванович Штейн, какой-то немец из мелких коммерсантов, с которым она сошлась при

жизни отца. По научению Штейна она подала в окружной суд прошение о признании духовного завещания недействительным, потому что отец ее был психически больной человек, а завещание душевно-больных не подлежат исполнению и сослалась на его скупость и разные другие выдуманные факты, как на симптомы психоза. Она надеялась, что этим маневром заставит бабушку покинуть Макариху и станет там полновластной хозяйкой.

Бабушка в судебных делах ничего не понимала, но Ольга не учла, что у бабушки было три сына юриста. Конечно, главным советчиком и защитником матери стал мой папа, как юрист и отчасти дядя Коля. Дядя Саша специализировался по криминалистике и в счет не шел. Вопрос был не только в том, что оградить интересы своей матери, которую каждый из сыновей поддерживал бы материально, но и в том, чтобы не дать в обиду память Даниила Адриановича, который хоть и немало горя принес им в детстве и юности, но был общественно полезным земским деятелем и опытным и честным мировым судьей Макарихского участка. Папа подал от имени матери встречное ходатайство о признании завещания действительным и в подтверждение нормальной психики Кармазина попросил вызвать свидетелями и экспертами профессора Хорвата, соседа и близкого знакомого Даниила Адриановича и лечивших его врачей, ряд земских деятелей и соседей по имению, среди которых был один доктор медицины.

А Леля не сдавалась, всячески затягивала дело, стараясь взять Тулубов измором и отказать если не от всего завещанного, то от львиной доли его. Тормозило дело и то, что Боря, внук Кармазина, был 12-летним мальчиком и над ним учредили опеку. Бабушка же продолжала спокойно жить в Макарихе, потому что в завещании было оговорено, что вся домашняя обстановка принадлежит ей и что она может жить в имении вплоть до продажи его и до передачи усадьбы земству.

Стояла дивная сухая южная осень. Сделав на зиму запасы овощей и фруктов, мама взялось за меня. Купила мне учебники за курс первого класса и стала со мной заниматься по всем предметам.

Я старательно взялась за грамматику, писала диктовки, учила басни и стихи и старательно отыскивала по географическому атласу Ильина все названия, бывшие в учебнике и скоро по собственному почину знала весь учебник на память. Сказалось кровь бабушки Тулуб и дяди Коли, так увлекающегося в детстве «географией». Учила и французскую грамматику Ноэля и Шапсаля, немецкий готический шрифт, читала по немецки по учебнику Шульца, а по французски проходила учебник Шалланд и Константэн, решала задачи по задачнику Евтушевского, а по Руданову – учила Ветхий Завет, начиная с легенды о сотворении мира.

В Законе Божьем я сразу заметила противоречия между библией и географией: в географии говорилось, что земля вращается вокруг солнца и поэтому происходит смена дня и ночи, а в «Законе Божьем», что бог сначала сотворил свет, а потом землю и только на четвертый день – солнце, луну и звезды. Я приставала к папе и маме, требуя объяснить мне, где правда. Мама отговорила не знанием, а папа повторял, как обычно:

– Вырастешь, Зина, узнаешь!

А моя пылливость так и оставалась неудовлетворенной.

Жили мы по строгому расписанию. Вставали в 9. После утреннего чая я занималась два часа с переменкой в 15 минут, затем делала что хотела. Завтракали мы ровно в час и затем шли гулять до трех, затем снова занималась я до пяти, когда подавали обед.

Все ошибки выписывала я в особую тетрадку и каждый день перечитывала всю тетрадку с начала до конца. И – странное дело – я, конечно, делала ошибки, но буква ять, которая для всех была камнем преткновения, мне далась куда легче других правил грамотных, хотя я никогда не заучивала на память таблицу корней с буквой «ять».

После обеда мы с мамой громко читали что-нибудь интересное по русски, по французски, а потом и по немецки, хотя немецкого языка я не любила.

В эту зиму у меня наконец появилась подруга, Лидочка Тархова. Папа и мама познакомились с Тарховыми на вечере у кого-то из судейских. Тарховы очень любезно пригласили нас бывать. Сначала обменялись официальными визитами, потом стали бывать запросто.

Жили Тарховы в этом красивом особняке в стиле средневекового замка рядом с большой каменной лестницей к морю на Греческой улице, где когда то зимовал Чайковский.

Лидочка была моей ровесницей. У нее была отдельная комната, а рядом комната ее гувернантки. Она тоже готовилась держать экзамены при гимназии экстерном, но не по состоянию здоровья, как я, а потому, что в те времена дочери богатых и знатных семейств обычно поступали в гимназию только в старшие классы и готовили их свои учителя с высоким образованием.

С Лидочкой мы подружились. Мама иногда отпускала меня к Тарховым на целый день, часто бывала Лидочка и у нас.

Правда ее игрушки были богаче и разнообразнее моих, хотя я иногда чувствовала с ее стороны маленький, чуть заметный оттенок снисходительности, как к более бедной. И это было мне очень больно.

К Лидочкиным именинам Тарховы готовили детский бал-маскарад. Меня, конечно, пригласили, но мама не захотела пошить мне маскарадный костюм, потому что по самым скромным подсчетам он обошелся бы рублей 15. Тогда мадам Тархова предложила мне прошлогодний Лидочкин костюм рыбачки. Он был мне как раз в пору, так как Лидочка была выше меня. Состоял костюм из красной шерстяной юбочки в полоску, белой блузки, шелкового платочка на голову, сандалий и сетки с золотыми рыбками и маленьким серебряным осьминогом через плечо, а в руках должна я была держать сачок для рыбы с хорошенькими картонажными камбалами и вуалехвостками из елочных украшений. Я была в восторге, но в день Лидочкиных именин у меня начался насморк и меня не пустили на бал.

Через некоторое время у Тарховых был званный вечер для взрослых. На этом вечере у папы с мадам Тарховой начался какой-то идейный спор, в разгаре которого мадам Тархова бросила папе какой-то двусмысленный намек относительно Дуни.

Вернувшись домой, папа заявил, что нога его больше не будет у Тарховых. Из-за этого внезапно оборвалась моя первая детская дружба. А летом, пока мы гостили в Требухах, они продали дом и переехали навсегда в Москву.

С поздней осени из Требух стали приходиться тревожные вести. Бабушка Королько заболела и вскоре слегла. Могилевские врачи никак не могли определить ее болезнь: не было тогда ни лабораторий для анализов, ни рентгена, поэтому их диагнозы были самые нелепые. Один сказал, что это сухотка, а другой, что у бабушки менингит, хотя бабушка была в полном сознании и температура у нее была чаще ниже нормальной. Лежа в постели, она сама писала маме письма, но ее ломало всю. Она худела, чахла, теряла чувство осязания в пальцах.

После нового года она вызвала из Петербурга дядю Сашка. Дядя примчался к больной матери, но скоро и сам слег в жесточайшем ревматизме: у него распухли и совершенно перестали двигаться руки и ноги, так что приходилось кормить его с ложечки, поднимать и переворачивать, как парализованного.

Мама рвалась душой в Требухи к своим, чтобы помочь и наладить лечение, но везти меня после воспаления легких зимой за полторы тысячи верст с несколькими пересадками было невысказано: ведь в Могилеве не было железной дороги и пришлось бы ехать в санях больше 60 верст. Шамкович категорически запретил даже думать о таком путешествии, а оставить меня одну в Таганроге мама тоже боялась.

И мама, скрепя сердцем, отложила путешествие до весны, а пока писала всем друзьям и знакомым, умоляя побыть в Требухах, наладить лечение и уход за больными. По ее просьбе подруга ее Анюта Дзичканец, по мужу Королько пригласила для ухода за бабушкой сестру милосердия из общины красного креста.

Настал февраль с жестокими штормами на Азовском море. И оно, обычно такое тихое и лазурное, ревело где-то внизу за углом Воронцовского бульвара, свирепый норд-ост сотрясал окна и вставки нашей квартиры.

Как раз в эту штормовую погоду папа получил письмо из Макарихи от одной соседки-помещицы с сообщением, что и бабушка Тулуб тяжело заболела. У нее было выше 40. Иногда бабушка бредила, звала в бреду Женю, в чем-то упрекала Даниила Адриановича и просила у меня прощенья, звала сыновей, в особенности Поля и Колю. У нее были мучительные боли в кишечнике, частые судороги и конвульсии. Папа срочной телеграммой вызвал в Макариху дядю Сергея-врача и, добившись отпуска собрался в путь. Но было поздно: 27 февраля 1900 года бабушки Тулуб не стало.

Помню, как папа рыдал с телеграммой в руке, положив голову на письменный стол. Мне стало страшно от его рыданий.

С первым поездом выехал он в Макариху, куда со всех концов съезжались на похороны ее дети.

За год перед тем тетя Маня вышла замуж в Одессе за акцизного инспектора Владимира Александровича Костевича и теперь жила с ним в городе Аккермане, железной дороги там не было. Лиман готов был вскрыться и ей пришлось, рискуя жизнью, проехать в Одессу на санках с прикрепленными к ним мачтой и парусами. Так по льду добралась она до Одессы и оттуда в поезде до станции Знаменка.

Похоронили бабушку торжественно и пышно. После похорон в последний раз собрались в Макарихском доме, где был приготовлен для всех собравшихся большой

поминальный обед. Все сильно продрогли на февральской вьюге и рады были перекусить и согреться.

После обеда папа в тяжелом раздумии стоял в дверях столовой и той комнаты, где покойная бабушка любила сидеть у окна в своем кресле. Возле, рядом с ним, прислонившись к другому косяку, стояла тетя Людмила. Оба молча смотрели в столовую, думая свои невеселые думы, как вдруг папа весь задрожал: по ту сторону столового стола, с лицом, наполовину скрытым висячей лампой, стояла бабушка в своем парадном лиловом шелковом платье. Постояла минуту и растаяла в воздухе как дым от папиросы. Папа оглянулся и увидел смертельно побледневшую тетю Людмилу, которая в ужасе откатнулась назад и дрожащими руками мнет платье на груди.

На другой день, едуци в санях на вокзал тетя Людмила с волнением спросила, отчего он так вздрогнул стоя у дверей после обеда. Папа вместо ответа спросил тетю:

– А почему ты тогда так побледнела, точно готова была лишиться сознания.

Тогда тетя призналась, что тоже видела бабушку в том же месте и в том же лиловом шелковом платье, которое тетя взяла себе на память о матери. И года три спустя, когда мы переехали в Киев, дядя Коля тоже признался, что тоже видал бабушку в том же месте, хотя был не в столовой, а с другой стороны, в гостиной.

Я не знаю, чем и как это объяснить. Я просто констатирую факт, который потряс всю нашу семью своей таинственной необъяснимостью. А ведь никто из всех троих, ни тетя, ни папа, ни дядя Коля не настраивали себя на мистический лад, никто из них ничего не пил за обедом, только на душе у каждого было тяжелое горе.

А на меня, ребенка, этот случай навеял детский страх перед тем страшным, неизвестным и неотвратимым, что называется смертью.

На память о детстве и о невеселых днях юности под Махарихским кровом каждый из Тулубов взял себе какую-нибудь вещицу. Папа привез оттуда музыкальную лампу. Эту вещицу Кармазин купил у бабушки, когда она еще была начальницей гимназии и когда ей понадобилось деньги для отправки папы в Херсон. Папа любил эту вещицу и помнил ее с раннего детства: на бронзовой подставке возвышался ее ствол, покрытый тонким листом серебра, в тончайшей резьбе. Цапли и чибисы стояли в зарослях папируса и сахарного тростника. Внутри лампочки вставляли толстую стеариновую свечу. По мере сгорания, ее выталкивала вверх пружина. Колпачок из белого молочного стекла с бронзовой шапочкой оберегал зыбкое пламя от ветра и разливал по комнате приятный полусвет. И внизу был музыкальный механизм. Заводили его маленьким ключиком и лампочка играла попеременно вальс, польку или вернее менуэт. Мелодии были нежные, старинные и сентиментально-певучие, как звуки клавесина или виолы и всегда напоминали мне севрские статуэтки, желанных пастушков и гобелены 18 века.

Папа долго тосковал по матери. И часто, заводя эту лампочку, он задумался над нею и долго молча стоял с ключиком в руке, смотря куда-то в пространство.

А судьба готовила нам новое испытание.

В ночь на 26 марта мама внезапно проснулась и вскочила с постели. Светало. Бледные сумерки рассвета сеялись сквозь запотевшее окно, а мама испуганно озиралась и звала папу:

– Польш! Польш!

Пришел папа, встревоженный зовом.

– Меня разбудил голос мамы, – взволнованно объяснила мама. – Сплю и слышу, как мама мне говорит: «_____».

Я вскочила – и нет никого. Мне страшно, мне жутко. Польш! Там в Требухах что-то случилось.

Папа, как мог, успокоил маму и она снова легла. А в одиннадцать часов утра, когда папа уж был в суде, принесли телеграмму с роковой вестью: бабушки Королько тоже не стало.

В те времена такая передача чувств на расстоянии казалось проявлением каких-то сверхъестественных сил, а теперь, когда доказано, что человеческая психика, подобно радиостанции, излучает еще неизученные, но несомненно существующие волны какой-то энергии, мы знаем, что это просто результат того, что мамина психика все время была занята судьбой больных близких людей и как бы работала на волне родного дома и в момент отправки ей телеграммы, своеобразно восприняла ее содержимое.

В этот день с мамой случился впервые в жизни тяжелый истерический припадок – такой сильный, что пришлось позвать врача, чтобы привести ее в чувство.

Горе мамы было двойное: она не могла приехать на похороны матери и ничем не могла помочь тяжело больному брату. А дядя Сашок продолжал лежать в постели, беспомощный и неподвижный, как новорожденный младенец.

В Таганроге уже сошел снег, подсохли улицы и сады, набухали почки на каштанах и платанах, а там еще белели снега и нельзя ей было тронуться в путь с ребенком, которому по прежнему грозила смерть при первой серьезной простуде.

Только недели через три собрались мы в дорогу. Впервые миновали мы Москву и ехали по вновь открытой Риго-Орловской дороге, через Харьков, Курск, Орел, Смоленск и Оршу. Ехал с нами и папа. В Орше сели мы на пароход. В каюте было холодно, так как река только что вскрылась и казалось, что пароход «Воробей» промерз насквозь на холодной реке под дождем. Мама с ужасом смотрела на меня, думая, что я заболелю, но к счастью, все обошлось благополучно.

На пристани встретили нас мамина подруга Анюта Королько с мужем, Алексеем Михайловичем, бывшим посаженным отцом на маминой свадьбе.

От него мы узнали, что за несколько дней до бабушкиной смерти он был в Требухах и увидев, что дядя очень болен, его закутали в медвежьи шубы и привезли в город, где поместили в гостинице «Париж» и приставили к нему в виде сиделки опытного полкового военного фельдшера Тищенко, которого полковой командир отпустил на частную практику по просьбе того же Алексея Михайловича.

Тищенко ухаживал за дядей как нянька: переворачивал его, подымал, кормил и поил, исполнял все назначения врачей, которые сводились к лошадиным дозам салицилки и мазанью йодом больных рук и ног. А так как гостиничный стол был и недобро-

качествен и невкусен после деликатесного требуховского стола – Алексей Михайлович – и сам порядочный гурман – стал посылать дяде обед и завтрак от себя. Все это было очень мило и трогательно со стороны Алексея Михайловича и его жены, но ни хороший уход, ни ежедневные визиты врачей не приносили ему облегчения.

С пристани мы прямо поехали в ту же гостиницу, где лежал дядя и заняли номер недалеко от дядиного. Дядя был рад встрече с мамой, но, увидев ее, расплакался и они долго плакали, припав друг – другу и остро почувствовав себя сиротами.

Была страстная суббота. Алексей Михайлович прислал нам несколько куличей, сырную пасху и крашенных яичек, чтоб скрасить нам в гостиничной обстановке наступление светлого праздника, не весел был для всех нас этот день встречи с большим дядей.

Как только кончилась пасха, мама энергично принялась за дела дома. Она поняла что прежде всего надо увезти дядю в большой город, где есть хорошие врачи и хорошо оборудованные больницы и санатории. Но множество препятствий стояло у нее на пути. Прежде всего в Могилеве не было железной дороги, а везти такого тяжелого больного в Оршу на лошадях было очень трудно, и опасно для дяди. Из Орши можно было везти дядю в Москву или в Петербург, но в поезда лежачих больных не принимали. Папа посоветовал отвезти дядю в Киев, на пароходе по Днепру. В Киеве много медицинских светил, а главное там и дядя Коля, и много друзей и знакомых, которые во многом помогут с больным. Но и на пароходе не принимали лежачих больных и это тоже было немалым препятствием.

Но главная беда была в отсутствии денег, без которых вообще нельзя было ничего предпринять.

Через несколько дней папа принужден был вернуться в Таганрог и все хлопоты и заботы легли только на мамины хрупкие плечи. Мама целые дни куда-то ходила, чего-то добивалась, а я сидела в гостинице и читала, и перечитывала одну – единственную книжку “Басни” Крылова, купленную папой в дороге. За неделю я выучила на зубок штук сорок басен.

Мама прежде всего вынула из банка своих три тысячи из пятнадцати, данных ей бабушкой и на эти деньги решила во что бы ни стало спасти дядю от гибели. Затем стала она добиваться разрешения везти его на пароходе в отдельной каюте.

Управление Днепровского пароходства было в Киеве, но дирекция и главные акционеры жили в С. Петербурге и без их разрешения Киевское управление не решалось удовлетворить мамину просьбу. Послали письмо дяде Коле, в Киев, прося помочь, потому что дядя, как юрисконсультант юго-западной железной дороги имел знакомства в Киевском пароходстве, а дядя Сашок вспомнил, что у его добрых знакомых Фойгтов, (семья директора Путиловского завода) бывали часто и запросто многие пароходные заправилы, и мама под его диктовку написала письмо Фойгтам. После обмена несколькими письмами и телеграммами из Киева пришел ответ, что правление днепровского пароходства согласно предоставить, конечно за плату в распоряжение больного шестиместную каюту, если болезнь его не заразна. Даже разрешили установить в каюте дядину кровать.

Так уладилось первое и главное препятствие к отъезду.

Тогда мама поехала к полковому командиру и упросила его отпустить Тищенко на целый месяц с нами в Киев, потому что никакая медсестра не в состоянии переносить и подымать такого тяжелого больного. Командир согласился.

Только тогда, когда все препятствия были улажены, мама поехала со мной в Требухи, где надо было кое-что взять для больного и привести что-то в порядок.

Были первые теплые весенние дни. Днепр – в полном разливе. Заливные луга – под водой. Зато в саду было много фиалок и нарциссов, зацвели яблони, со слив и вишен облетали снежинки увядающих лепестков.

Но не радовало меня пробуждение природы. В доме было пусто и непривычно тихо. Мама в глубоком трауре со слезами открывала ящики столов и комодов, перебирала температурные листки и никому не нужные рецепты врачей, до боли знакомые фотографии, письма, коробочки и скляночки с лекарствами, и разную мелочь – все то, что с годами накапливается в семейных домах, что бережется как память – и в этом скорбном осмотре острее переживала свое горе. И я притихла, сжалась и тоже плакала при мысли, что больше нет любимой бабушки, что не бегать мне с нею больше по паркам, по саду и по огородам, не слышать ее ласковых слов: – _____, (отсутствует в машинописи – ред.) как звала меня бабушка с невыразимой нежностью и лаской. (Имя Зинаида она переводила Женевьевой, а Брабантской называла потому, что, по ее словам, у меня были такие же хорошие, длинные и шелковистые волосы, как на картинках – у святой Женевьевы Брабантской).

Никогда – никогда не услышу я больше ее ласкового зова, этих единственных и неповторимых слов...

Но детство брало свое, и выбежав на весеннее солнышко, я снова играла с дворовыми собаками, со старым котом Гореликом, валявшимся где-то на припеке, пока заплаканная измученная мама не позовет меня обратно в старый дом, и я не притихну, подавленная его тишиной и пустотой больших уютных комнат.

Пароходом из Могилева поплыли вниз по течению Днепра только до Лоева, где пассажирам приходилось пересаживаться на большие пароходы и на них ехать до Киева. Но по просьбе дядиных друзей за больным дядей выслали из Киева большой пароход, обычно ходивший только до Лоева. Была весна, разлив и он без труда дошел по высокой воде до самого Могилева. И случилось так, что это был тот самый “Ярослав”, на котором папа познакомился с мамой.

В большой каюте первого класса установили дядину полуторную кровать, и Тищенко на руках принес больного из экипажа и бережно уложил в каюте на уже приготовленную мамой кровать. В этой каюте ехал дядя с Тищенко, а мы с мамой расположились в соседней дамской каютке.

Так как этот рейс был вне расписания пассажиров, кроме нас, на пароходе почти не было, то есть были пассажиры во втором классе, на палубе и одна дама в нашей каюте. Зато принял какие-то грузы и на утро тронулся в путь. Погода стояла теплая, солнечная. С каждым часом становилось все теплее, так как мы шли к югу и через

двое суток на горизонте засверкали золотые купола киевских церквей, а над лазурной дорогой Днепра повисли кружевные ожерелья его мостов.

На пристани ждал нас дядя Коля и начальник пароходства старик Лишневский, любезно приехавший встретить больного и узнать, благополучно ли было наше путешествие. Мы от души поблагодарили его за заботу и внимание к нам, незнакомым людям. Мы сердечно простились с капитаном и командой и сели в экипаж. Дядя Коля предвидел, что в гостиницах не примут тяжелого больного, он нанял для нас две комнаты у своих знакомых Прохоровых на Фундуклеевской улице, во дворе дома №25, как раз против Театральной улицы, двух шагах от управления Юго-Западных дорог.

Николай Павлович Прохоров служил в управлении Юго-Зап. жел. дорог. Это был скромный худощавый болезненный человек средних лет с седеющими волосами – тихий, застенчивый, но очень содержательный. Помимо службы, он любил и хорошо знал музыку, сам прилично играл на скрипке. Знал он много и по механике, держал часовой магазин и мастерскую и был довольно крупным изобретателем. Его изобретение – электрические часы уже были им тогда запатентованы и украшали все крупные залы Юго-Западной железной дороги, как теперь украшают все вокзалы Советского Союза и площади больших городов. Он же изобрел какие-то особые сухие элементы для звонков и карманных электрофонариков, а летом 1900 года, когда у них жили – Николай Павлович усиленно работал над передачей звуков и букв по азбуке Морзе в эфире, то есть над беспроводным телеграфом, как тогда называли радио.

Приходил он со службы в четвертом часу, обедал и, не отдыхая садился за свои аппараты, что-то паял, завинчивал, стачивая напильниками и прилаживал.

Квартира у них была большая – из восьми комнат, в виде полутемного коридора с комнатами направо и налево, как в гостинице. Первую комнату справа у входа занимал часовой магазин с мастерской, где работал племянник Николая Павловича, да и он сам по вечерам и по праздникам. В второй комнате был склад разных материалов и аппаратуры, где спал этот племянник, третья комната – спальня супругов Прохоровых, а четвертая с окнами в сад – гостиная и столовая одновременно.

По левую сторону тоже было четыре комнаты, в первой из которых много лет подряд прожил у них сперва доцент, а затем профессор политэкономии Вилимов, рядом с ним жили какие-то учительницы, а третью и четвертую заняли мы, так как постоянные жильцы-педагоги уехали на все лето путешествовать.

Все жильцы и мы в том числе столовались у Прохоровых. Жена его София Платоновна, изысканная полная дама с орлиным носом, жгучая брюнетка грузинского типа отличалась необычайной энергией и трудоспособностью. Она вдвоем с одной служанкой держала квартиру в идеальной чистоте, закупала продукты, вместе с нею готовила, мыла посуду, помогала по мастерской, делала для звонков элементы по системе мужа и была его верным помощником во всех делах. И к тому же была хорошей пианисткой и давала уроки музыки.

А по вечерам, часам к восьми, когда завершался круг всех дневных и хозяйственных дел, а незавершенное откладывалось на завтра – по всей квартире Прохоровых разливались звуки Бетховена, Глинки, Шумана, Мендельсона, Чайковского и многих

других композиторов. Николай Павлович играл на скрипке, а она на рояле, Мы открывали свои двери и, затаив дыхание, слушали их.

По совету Софии Платоновны и дяди Коли мама пригласила к дяде трех профессоров на консилиум. Этот консилиум смог состояться только через две недели, так как у таких светил все дни были расписаны на много дней вперед. "Светила" явились в точно назначенный день и после длительного осмотра, сказали, что у дяди сложный суставный ревматизм в очень тяжелой запущенной форме и посоветовали везти его в Одессу на Куяльницкий лиман.

Это было, конечно, правильно. Но стояло начало мая, а лиманы прогреваются солнцем только в июне. Поэтому надо было что-то предпринять до лимана, тем более, что Тищенко был отпущен полком только на месяц, а без него трудно было везти дядю в Одессу.

И вот, опять таки по совету Софии Павловны, мама пригласила молодого талантливого врача Александра Николаевича Афанасьева, который посоветовал сейчас же перевезти дядю в Одессу и там поместить экстерном в водолечебницу, потому что, помимо ревматизма, он обнаружил у дяди присутствие нервного заболевания и предположил, что истерия путем самовнушения лишает дядю способности двигаться. Обнаружил он это отвлекая внимание больного посторонними разговорами и в этот момент двигая его руки и ноги.

Дядя Коля как раз тогда собирался в Одессу по делам службы как юрисконсульт железной дороги. Мама поручила ему выяснить какие лучшие водолечебницы и во сколько обойдется там месяц лечения на полном пансионе.

Дядя Коля привез на все эти вопросы точный исчерпывающий ответ.

Пока он путешествовал, в магазине у Прохоровых появился выписанный ими из Парижа Рентгеновский аппарат и они, по собственной инициативе, принесли и установили его в дядиной комнате, чтобы развлечь его этой новинкой науки и техники. Я, конечно, вертелась тут же, и все подсовывала за матовый экран рентгена коробочки от конфет со спрятанными там ножницами, английскими булавками и другими металлическими предметами. Казалось поразительным, что их было видно сквозь самый плотный картон. Потом я сунула за экран свою руку с колечком и увидела скелет своей руки, окруженный тенью своих живых тканей (или "кожи и мяса", как я выражалась). Прохоровы советовали маме раздеть меня, поставить за экран, и сфотографировать. Мама согласилась и на другой день мы получили первый фотографический рентгено снимок моих легких, сердца и вообще всей грудной клетки. Затем Николай Павлович сфотографировал руки и ноги больного дяди. На снимке было ясно видно, как ревматизм деформировал контуры его костей. Эти снимки сыграли важную роль в дальнейшем лечении дяди, а так же в лечении и развитии моих легких.

Вообще, Прохоровы более чем чутко и доброжелательно относились к нашим горестям. Они всячески развлекали больного дядю, играли все его любимые скрипичные и фортепьянные пьесы, доставали ему интересные книги, приносили в его комнату свой грамофон с лучшими пластинками и каждый день придумывали что-нибудь новое и всегда оригинальное и интересное.

После многих дней напряженной работы, однажды Николай Павлович пришел к дяде в восторженном состоянии и рассказал, что сегодня впервые удалось передать по своему аппарату “беспроволочного телеграфа” целые фразы по азбуке Морзе. Посылал он их из комнаты, а принимал в глубине сада его племянник и звук был отчетливый и ясный.

– Надо еще усилить слышимость, – говорил он, сияя. – После “морзе” пробовал я передать свой голос. Тоже получалось, но слабо. Еще немного и я обнародую и запатентую свое открытие ... Это очень нужный и важный аппарат. Вы только подумайте: можно будет с берега сносятся с пароходами в открытом океане, да всего и не придумать... Великое будущее у моего аппарата.

Мы, конечно, слушали его, как волшебную сказку.

Но не суждено было скромному Николаю Павловичу обнародовать свое достижение. Он не знал что над той же идеей уже работает русский изобретатель Попов, не знал что вороватый и предприимчивый итальянец Маркони присвоил чужую русскую мысль и в тот же год, в то же лето надолго похитил славу скромных и талантливых русских людей.

Рассказывая об этом, я не думаю умалить творчество Попова, просто считаю своим моральным долгом показать, как богата самородными талантами была наша родина – с одной стороны, а с другой показать, что идея беспроводного телеграфа, радио, носилась в воздухе, и как споры многих растений, проросла во многих талантливых головах.

Дядя Коля бывал у нас каждый вечер, приносил дяде Сашку новые книги. Принес первый сборник рассказов Максима Горького, и дядя просил читать ему вслух “Челкаша”, “Старуху Изергиль” и “Песню о соколе”. А мама со своей стороны покупала дяде рассказы Мопассана.

Бывая у нас, мой крестный дядя Коля, не забывал и меня и по прежнему ежедневно угощал меня шоколадом и я не знала, кого я больше люблю дядю Сашку или своего “Креснушку-Потапушку-Шоколада”, как я продолжала величать дядю Колю.

Как юрисконсультант железной дороги, дядя Коля ездил по всей России по посто-янному бесплатному билету. А для больного дяди Сашка он без труда выхлопотал отдельное купе в мягком вагоне первого класса, и наскоро собравшись, мы выехали в Одессу в курьерском поезде, пробыв в Киеве ровно месяц.

Дядя Коля проводил нас до самой Одессы и поместил больного дядю в водолечеб-ницу доктора Воллнерера на Маразлиевской улице. Там снова устроили консилиум терапевтов и невропатологов и стали интенсивно лечить Сашка ваннами с электро-током, массажем, синим светом наводя на больные руки и ноги воронку с лампочками в 500 свеч и разными другими процедурами.

В Одессе простились мы с Тищенко. Мама дала ему прекрасный отзыв за его на редкость внимательный и самоотверженный уход и подарила ему 100 рублей, помимо платы, которую внесли в кассу полка и билета на проезд до Могилева.

Водолечение пошло дяде впрок. Дней через десять он стал подниматься с постели и, прихрамывая, ходить по комнате, а через неделю мы застали его утром танцующим

в своей комнате в одних кальсонах и ночной рубашке старинный танец Шакон. Это было и смешно, и радостно после таких долгих страданий.

Первые дни жили мы с мамой в гостинице Бристоль, против биржи и там же обедали в ресторане. Затем перебрались к одной даме – гречанке на Екатерининскую улицу вблизи Приморского бульвара. Каждое утро, напившись чаю, ехали мы с мамой на Маразлиевскую и останавливались там до обеда. Обедали по прежнему в отеле “Бристоль”, так как хозяйкины обеды не пришлись нам по вкусу. После обеда снова возвращались к дяде и часам к 9 возвращались домой – спать.

Потеря матери, болезнь дяди, все выпавшие на ее долю хлопоты и тревоги окончательно подорвали мамино здоровье. У нее катастрофически усилилось малокровие, начались мучительные мигрени со рвотами, бессонница, головокружения. А я, не привыкшая к ресторанным обедам и жизни не по часам тоже болела гастритом. И не радовали меня ни частые красивые и ценные подарки мамы и дяди, ни прогулки по морю, ни масса впечатлений от разных городов и людей.

Доктор Веллернер и его помощник доктор Финнкельштейн советовали маме спокойно ехать в деревню отдыхать, раз дядя встал на ноги, но мама на этом не успокоилась и съездила на Куяльницкий лиман в грязелечебницу доктора Яхимовича, разузнала, что и как там имеется, какие там цены, как туда доехать, и подробно все записав и проинструктиввав дядю, наконец, вернулась со мной в опустевшие Требухи. Приехала к нам и Жанн Бренфо, чтоб спросить маме тоску по умершей бабушке, как ее соотечественница и дальний, верный друг.

Этим летом маме пришлось вести все сельское хозяйство, потому что у дяди управляющего не было, были только два приказчика, которыми надо было руководить, а главное вести все денежные расчёты. Эти заботы сильно отвлекли маму от тоски и не требовали особых знаний, потому что при бабушке хозяйство велось по старинке, без каких-либо машин, доходов почти не приносило, но и дефицитов не давало. Наварила мама и варений, наделала ликеров и наливок, маринадов и мармеладов, чтобы дядя не так остро чувствовал отсутствие матери.

В июле приехал к нам и папа. Я сильно выросла за это лето, окрепла и воспоминания о воспалении легких понемногу стали забываться. Написала два-три довольно нескладных стихотворения и запоем читала все, что попадет под руки. Особенно любила я стихи и повести из рыцарских времен, путешествия и сочинения Рубанина про вулканы, океаны, тропические и арктические страны. Зато слащаво-слезливых новостей из жизни крестьянских ребятишек в стиле народников буквально не выносила.

Чтением занималась я в хорошую погоду только по вечерам, а в солнечные дни гоняла по саду, по лугам и полям с дворовыми собаками, или пропадала на конюшне и с тайным страхом входя в станки, кормила стоялых лошадей кусками сахара и сдобными сухариками.

Часто забегала я и на кухню. Кухня помещалась в отдельном доме недалеко от главного нашего дома. Там на чердаке жило десятка полтора одичавших котов, не подпускавших к себе никого, кроме повара Акима. Нальет он, бывало, полную

миску горячего молока, немного остудит, добавит туда кусков мяса, остатков котлет и подыметесь до половины лестницы, ведущей на чердак.

– Котики мои, все мое, ласково зовет он чуть-чуть в нос и забавно коверкает слова. – Бабушка – кошка! Муренька – котик! Бабушкин сыночек. Котяки – внучатки! Кушать.

И одичавшие коты, немедленно высыпали навстречу и выжидательно рассаживались на верхних ступеньках. Аким поднимался выше, ставил миску на верхнюю ступеньку – и в тот же миг вокруг миски образовывалась пестрая звезда из котов всех возрастов и расцветок, хвостами врозь и раздавалось торопливое шлепанье их розовых шершавых язычков.

Как-то осенью, в конце августа собрались мы съездить в Пунище, именье Алексея Михайловича Королько. Взяли и меня с собой. В Могилеве остановились, слегка перекусили, купили Мише шоколадных конфет, покормили лошадей и поехали дальше. Но в Пунище никого не застали: хозяева уехали куда-то в гости. Посидев там часок, напившись чаю, поехали мы домой. На обратном пути застало нас ненастье. Пошел дождь, подул резкий порывистый ветер, а мы были одеты по летнему, продрогли и промокли. Поздним вечером добрались мы до Требух, а дня через три слегла я с тяжелым экссудативным плевритом. Насмарку пошло все здоровье: снова лежала я в постели, температура, снова папа и мама терзались страхом за мою жизнь.

Пролежав недели две, я поднялась с постели, подросшая, исхудавшая и разучившаяся ходить. Подошла к окну, еще не запечатанному на зиму, постояла, не заметив, что из окна немного дует... И этого было достаточно для моего жалкого здоровья, чтобы плеврит возобновился с удвоенной силой. Я слегла.

Папа и мама были в отчаянии: папа должен был ехать в Таганрог, а мама растерялась, не зная, ехать ли в Таганрог, или остаться зимовать в деревне. Пришлось папе покривить душой, раздобыть свидетельство, будто он болен и остался до моего выздоровления с нами.

Скучно мне было одной лежать в бывшей бабушкиной спальне. Пока большие обедали или завтракали я была совершенно одна. И от скуки стала я приручать мышей, которые осмелев, стали вылезать из норки, когда было тихо. Я бросала им крошки, клала на пол молоко и они добросовестно съедали мое угощение, но однажды мыши буквально поразили меня: в углу на полу стояли банки с вареньем: одна из мышей прогрызла дырку в бумаге, корой была завязана банка и в отверстие опустила свой хвост, заем вытащила хвост из варенья и дала его обсосать своей спутнице. Наевшись вторая мышь тоже влезла на банку и в свою очередь окунула хвост в варенье и дала облизать подруге, которая ее только что угощала со своего хвоста. Я, конечно, стала звать маму и папу и с восхищением рассказала им о мышиных проделках. Они и посмеялись, и подивились сообразительности мышей, но потом подумали, что мыши слишком осмелели и надо их уничтожить. Папа наладил штук пять мышеловок, расставил их по разным комнатам и в течение нескольких дней уничтожил более полусотни мышей.

Поправилась я в конце октября, когда Днепр вот-вот готовился стать. Пароходы еще ходили, но они не отапливались. Тогда папа съездил в город и договорился с капитаном не то “Воробья”, не то “Лютни” поставить в каюту первого класса небольшую

железную печку с трубой в иллюминатор, и как-то поздно вечером меня закутали в несколько шалей и одеял, и как куклу отвезли на берег в конце сада, где ярко пылало два огромных костра, чтобы дать знак капитану, где причаливать. Пароход подошел, спустили сходни и мы отчалили.

Всю ночь папа топил в каюту печку, а я лежала на диване закутанная до самых глаз. В Орше меня тем же порядком отнесли в экипаж, а на вокзале из экипажа в вагон подходившего поезда. То же повторялось и при пересадках, в Смоленске, в Курске, Орле и Харькове и наконец добрались мы до берегов Азовского моря.

Еще летом, до своего отпуска папа нанял другую квартиру и перевез туда все наши вещи. Жили мы теперь на Петровской, главной улице города, но не в ее торговой части, а в самом конце что ближе к морю, возле огромного плаца, где почти круглый год обучали новобранцев маршировке и разным тонкостям военного строя.

Это был дом №4, принадлежавший (не то бывшему подрядчику, не то ростовщику) Кульпину. Был он совершенно новый, еще пахнувший свежей краской, состоял из пяти комнат, ванной и кухни, несколько удобных кладовок и коридора. Потолки в нем были необычайно высокие в семь аршин высотой, так что пришлось нам купить в гостиную новые гардины и портьеры с лишним восьмым аршином про запас, так как после стирки они обычно сильно сбегались. Стены дома из кирпича были несуразно толстые для одноэтажного дома, так что на подоконнике можно было бы положить матрас и спать. Ставни внутренние складывались гармошкой.

Ставни внутренние, складные, четырехстворчатые на день прятались в боковые стенки оконной коробки, как бы образуя боковую облицовку оконной ниши. Все блестяло ослепительной белой масляной краской. Потолки с алебастровой лепкой и сложными карнизами были такие же сверкающе-белые, как окна, двери и стены. Летом на окна с солнечной стороны надевали снаружи зеленые жалюзи, от которых в комнате стоял приятный зеленоватый полумрак. Во дворе была цистерна, куда собиралась дождевая вода – чистая и прозрачная после костяного фильтра.

Вообще же с водой в Таганроге было плохо.

Кроме цистерны, был в городе артезианский колодезь, из которого водовозы возили 50 ведерные бочки по 50 копеек бочка, но артезианская вода была на редкость противной на вкус: казалось, будто в ней развели порошок салицилового натра, а в кастрюлях и самоварах от нее образовывалась плотная накипь вроде пемзы. Поэтому многие пили фильтрованную дождевую воду из цистерн. Эта вода, как “мягкая” шла на стирку и умывание. Возили водовозы и морскую соленую воду на ванны по 25 копеек бочка.

В газетах много писали о том, что городу нужен водопровод, но ближайшая река была Миус, впадающая в море в 10-15 километрах от Таганрога и затея была не по средствам городской думе, поэтому строительство водопровода откладывалось из года в год.

По папиному совету, Кульпин – домохозяин оборудовал в нашей квартире ванную комнату: поставил ванную с самоваром, на чердаке устроил стоведерный бак для воды с трубами и насосом: когда приезжал водовоз, в его бочку спускали резиновую толстую кишку и кто-нибудь из прислуги, а частенько и я, качали ее из внутреннего коридора

насосом – и вода в 15 минут перекачивалась в бак на чердаке, а оттуда шла по трубам в ванну и умывальник, а главное – в бачок теплого ватер-клозета. Всё это оборудование Кульпин скопировал с ванной комнаты в квартире Коробьина, где мы жили всю предыдущую зиму.

Квартира в доме Кульпина обходилась нам в 600 рублей в месяц, но в этот год судейским прибавили по триста рублей в год жалованья и поэтому она стала нам доступна.

Гостиная в этой квартире снова была колоссальная. Чтобы заполнить ее, пришлось купить хороший турецкий диван-оттоманку, в простенки два одинаковых трюмо, а наше прежнее трюмо перенесли в мамину спальню и поставили против дверей гостиной, поэтому входящему казалось, что в глубину квартиры уходит длинный ряд комнат. Купили также новый ковер, а мне хорошенький письменный столик и этажерку для книг.

По возвращению в Таганрог, я основательно засела за учебники. Прошлогоднее мое учение прервалось смертью бабушки, и за 8 месяцев перерыва многое улетучилось из памяти, поэтому пришлось всё начинать сначала.

В начале декабря приехал к нам дядя Сашок. После водолечебницы, он провел почти два месяца в Куяльницком лимане, в грязелечебнице доктора Яхимовича, потом три месяца провел в Ялте, принимая морские ванны и отдыхая после долгих страданий. Теперь впервые приехал он к нам погостить. Папа уступил дяде свой кабинет и стал заниматься в своей спальне.

Дядя приехал жизнерадостный, красивый и изящный как никогда. Поднятый с постели после такой тяжелой болезни, он всеми фибрами своего существа ощущал радость жизни и возвращенного ему здоровья. Всей душой был он благодарен маме за все ее самоотверженные хлопоты и заботы и окружал ее самым трогательным вниманием. Тепло и родственно относился он и к папе. По утрам они часто, забыв свои взрослые годы, начинали веселую борьбу, беготню и шуточную борьбу, наполняя квартиру веселым хохотом и визгом. А я носилась за ними, как жеребенок в степи, принимая в их шалостях самое деятельное участие.

После первых дней встречи, дядя решил учить меня арифметике. Он купил мне прехорошенькие пальмовые счеты с перламутровой инкрустацией на рамке. С ним научилась я бойко считать устно и на счетах, вызубрила таблицу умножения и получила первые и основательные знания по линейным, квадратным и кубическим мерам. А тогда метрической системы у нас не было и надо было многое запомнить из разных мер.

Дядя и радовался моим успехам и в шутку звал меня Запятачкой. Так звали ученую собачку знаменитого клоуна Анатолия Леонидовича Дурова. Эта собачка умела считать, складывать и умножать в пределах первого десятка. Дядя видел ее в Ялтинском цирке. Собачка была маленькая, курносенькая из породы мопсиков и дядя уверял, что я очень на нее похожа. Это было бы очень обидно слышать от кого-нибудь другого, но я так любила дядю Сашку, что прощала ему любую шутку и позволяла ему говорить все, что ему заблагорассудится.

В Петербурге дядя славился как прекрасный танцор. Видя, что я расту порядочным медвежонком, мама попросила дядю научить меня танцевать. И вот мы стали часами плясать с дядей в нашей огромной гостиной. А так как у нас не было в Таганроге ни

рояля, ни пианино, заводил либо музыкальную лампочку, либо дядя напевал мелодии из модных танцев. Так научилась я вальсу, мазурке, польке, венгерке, полонезу, краковяку, а из модных танцев – шакону, вальсу Миньон, Па-те-катру, па-де-патинеру, папильон, фанданго, эпаньоль и другим.

В Ялте не было другого театра, кроме оперетты. Дядя много в ней бывал и своим звучным баритоном вечно напевал из “Гейши”, “Цыганского барона” и других модных оперетт. И я с его голоса выучила немало таких мелодий.

Дяде было тогда лет тридцать. Живой, изящный, остроумный, как чистый полужанцуз, он пользовался в обществе исключительным успехом и, конечно, не сидел дома. Наши знакомые наперебой приглашали его и запросто и на званые вечера, и я любила смотреть как он одевается, как меняет пуговицы и заправки на манишках и жилетах, как выбирает из своего гардероба галстуки и перчатки. Посещал дядя и балы в Таганрогских клубах и скоро стал кумиром всех барышень и дам и объектом настоящей охоты в женихи дочерям. Знали все, что он богат и это тоже служило немалой приманкой...

Не обошлось на этой почве и без комических эпизодов.

У кого-то из юристов дядя познакомился с дочерью председателя суда Боголюбова и по их совету поехал на новогодний бал в клубе Олфераки. На этом балу он пригласил на мазурку одну милую барышню, потанцевал с нею, побеседовал, потом подошел к Боголюбковым. Беседуя с ними, он вдруг вспомнил, что не знает фамилии барышни, с которой танцевал мазурку.

– Это мадемуазель Кирпичева, – сказали ему Боголюбовы. – Дочь купца.

Как воспитанный человек, дядя хотел на другой день сделать визит родителям этой барышни, но у кого он ни спрашивал – никто не знал такой фамилии. И только год спустя, в поезде, мы случайно узнали, что барышня была вовсе не купчиха и не Кирпичева, а дочь директора мужской гимназии Громачевская.

Не побрезгали Боголюбовы таким мелким обманом, чтобы убрать с пути опасную соперницу...

До приезда дяди Боголюбовы у нас не бывали. Папа с мамой не хотели заводить с ними знакомства, потому что Боголюбов был человек антипатичный, ярый черносотенец, а жена его типичная мещанка во дворянстве. Мама ограничивалась одним официальным визитом и больше у них не бывала. Когда же на горизонте появился дядя Сашок, Боголюбов ни с того, ни с сего явился к нам в гости и не с женою, как полагается правилами хорошего тона, а с дочерью. Дядя понял цель их визита и нарочно не вышел к гостям и Боголюбов зря рассыпался перед папой в любезностях, превознося его красноречие, юридические знания и умение разбираться во всех тонкостях гражданского права.

Перед дядиным отъездом посыпались к нему письма и с подписью, и анонимные. Тут были и объяснения в любви, и сплетни, и предупреждения и якобы добрые советы... Все это, конечно, вызывало у дяди только брезгливую улыбку и письма тот-час летели в огонь.

Погостив у нас месяца два с половиной, дядя уехал в Требухи и жизнь сразу стала у нас такой тихой и деловой. Ровно в 10 утра садилась я за уроки, занималась до часу,

затем мы завтракали и шли гулять и ровно в три я снова была за книгами. В пять мы обедали и до семи отдыхали за прогулкой или беседой. В семь часов начиналась самая приятная часть дня. Сначала я читала маме вслух по французски, затем бралась за русские книги. В эти годы я очень увлекалась Жюль Верном, а из русских писателей зачитывалась “Тарасом Бульбой”, “Князем Серебряным”, “Капитанской дочкой”, историческими повестями Альбова, Мордовцева, Немировича Данченко, статьями Рубанина о вулканах и разными чудесами природы и всегда от доски до доски прочитывала и даже по несколько раз свое неизменное “Детское чтение”.

В часы занятий мама все время была со мною. Никогда не задавала она мне что-либо учить по учебнику. Все новое прочитывала, или пересказывала мне своими словами сама, объясняя все трудное и непонятное и добавляла к сухому тексту учебника либо образные примеры из жизни, или исторический анекдот, или случай из жизни какого-нибудь путешественника, или рассказ на тему занятий. Рассказывала образно и ярко и это очень помогало запомнить все новое. Вторично я прочитывала при маме урок по учебнику, затем отвечала его маме, иногда два-три раза кряду, но не заглядывая в книгу. Если я что-нибудь пропускала, или забывала, мама ставила мне наводящий вопрос, а все, что надо было заучить на память (даты, исключения, собственные имена) – спрашивала по несколько раз, пока я не начинала отвечать без запинки в разбивку и подряд. К концу часового урока я успевала твердо усвоить весь материал и помнила его месяцами без повторения.

За зиму мы проходили весь курс трижды и весной к экзаменам я знала весь курс учебного года на зубок.

Взялась за меня мама потому, что после всех моих болезней учиться в гимназии я не могла: некоторые врачи прямо говорили маме, что я не вырасту и все равно погибну от туберкулеза, поэтому – к чему портить детство мне занятиями, лучше дать мне свободно расти, как растет деревце, или кустарник.

Один доктор Шамкович говорил другое. Надо учиться, но дома. И мама была с ним согласна. Но учиться дома – это значило пригласить мне нескольких учителей по разным предметам. А это было нам не по средствам. И мама взяла на свои хрупкие плечи – сильные только сознанием долга – великий подвиг заменить мне целый синклит педагогов-предметников, дать мне своими слабыми силами законченное и разностороннее среднее образование.

Так перестроила она на целых восемь лет свою жизнь, отказавшись от развлечений, от отдыха и беззаботной жизни всех дам нашего круга, создав в нашей квартире подобие гимназии на дому, где была она историком, и словесником, и географом, и биологом, и физиком, и метеорологом, и астрономом и даже попом законоучителем, не говоря о французском и в первые годы и немецком языке.

За зиму 1900-1901 года я повторила все пройденное в предыдущую зиму и принялась за курс второго класса. Этимологию и фонетику учила я по грамматике Смирновского, русскую историю по пресловутому Илловайскому, арифметику по Тихомирову, причем дошла до дробей, по географии прошла весь курс физической географии во второй курс “Части света” и весной могла бы сдать экзамены не только за первый, но с некоторым усилием и за второй класс. Однако, в этом году меня не повели на экзамене-

ны, так как мама как раз в конце мая ждала ребенка и поэтому мне ничего не говорили, и я, как ребенок, вперед не заглядывала и только аккуратно занималась каждый день всем, что от меня требовали.

В конце марта мама стала недомогать. Обратились к местным Таганрогским гинекологам и какой-то незадачливый немец-гинеколог, по фамилии Зоммер, сказал маме, что у нее внематочная беременность и серьезное искривление внутренних органов. Мама пришла в ужас, и хотя другой гинеколог Зелинский категорически отрицал диагноз Зоммера, решила спешно съездить в Харьков посоветоваться со знаменитым профессором Толочиновым.

Была как раз страстная неделя. Взяли в Харьков и меня, и пока папа с мамой ходили по докторам, я сидела у “тети Жанн” Бренфо. Были пасхальные каникулы, поэтому Бренфо была свободна и развлекала меня по своему. Мы ходили с ней по кондитерским, потом “тетя Жанн” варила на спиртовке превкусный шоколад на молоке и мы пили с ней этот шоколад с печеньями и пирожными. При этом она мне рассказывала преинтересные истории о своих путешествиях, например, о том, как в Аббации заплыла огромная акула в дамскую купальню, проломав решетку и на глазах тети Жанн откусила ногу одной из купальниц, про Везувий и так далее.

Вскоре возвращались папа с мамой и мы отправлялись в гостиницу или просто гулять по Харькову.

Диагноз Зоммера оказался ошибочным. Толочинов успокоил маму и даже предсказал ей легкие роды и мы поспешили домой в Таганрог, нагруженные несколькими тортами из знаменитой харьковской кондитерской ПОКА, пряниками и пастиллой Крамского и массой пасхальных безделушек для меня и моей подруги Милочки Саульской.

Весна в Таганроге бывает ранняя и по южному короткая. Сразу становится тепло, все зеленеет, зацветают фруктовые сады, сирень, потом жасмин и акация и в середине мая уже устанавливается сухое и знойное лето, с безоблачным небом, когда кроме редких гроз и ливней, дождей почти не бывает, но зато после сорокаградусной жары, по ночам выпадает большая роса, такая холодная и обильная, что по утрам вся пыль бывает прибита, как после хорошего дождика.

В гостиной и маминной спальне повесили зеленые жалюзи. На столах букеты сменялись букетами. Публика гуляла на Петровской и в городском саду в прозрачных, как туман французских батистах и лионских шелках, которых были завалены магазины, а у контрабандистов были вдвое дешевле, чем в открытой продаже. В городском саду и в саду Олфераки гремели итальянские симфонические оркестры. Прохожие засыпали встречных пестрыми конфетти. В кафе, на открытых верандах ели мороженное, пили кафе-глясе, мазагран и коктейли. Все обмахивались красными пестрыми веерами из бумаги, соломки, шелка, или кружева. Окна домов были раскрыты настежь до глубокой ночи и под яркими звездами то здесь, то там звенели гитары и мандалины и мелодичные неаполитанские песни.

Учиться в жару стало трудно. В середине мая мама прекратила занятия, но, к моему удивлению, никто не готовился ехать в Требухи. Долго шила у нас поденно швея летние платья мне и маме и разное белье.

В эту весну мама была со мной необычайно нежна: накупила мне столько платьев и шляп, кровать и подушки, красивое одеяло. Много лет спустя я узнала, что она боялась родов, думала о смерти и мысль о моем возможном сиротстве терзал ее материнское сердце. Ей хотелось при жизни заготовить мне всего хотя бы на три года, покамест я из ребенка не превращусь в молодую девушку.

Ожидая родов, мама пригласила ко мне приходящую немку-учительницу, чтобы она не столько проходила со мной грамматику, сколько научила б меня живой разговорной речи.

Генриетта Ивановна приходила к нам часам к 11, с нами завтракала, обедала и уходила в шестом часу. Деньгами получала она рублей 15-20. Договариваясь с нею, мама не спросила Генриетту Ивановну, сколько ей лет и не подозревала что ей уже 80.

Понятно, бедная старушка быстро уставала. Посидев со мной на террасе минут 15-20, она начинала дремать, а на прогулке не могла пройти без отдыха более двух кварталов. А мне хотелось на порт, к открытому морю у маяка, на Николаевский спуск, или хотя бы в городской сад. С детской жестокостью я не могла понять, что с нею, и когда она засыпала, убегала от нее либо в прохладный сухой погреб, прижимая к сердцу любимую книжку, влезала к нам на подоконники, читая слушала, как проснувшаяся старушка ищет меня по двору и беспомощно зовет:

– Зинахеи, комен зиг ер! Но зинд зи дох, ум готесс виллен?

А иногда забиралась я на чердак, откуда из слухового окна видно было море. Железная крыша раскалялась на сорокаградусной жаре как кухонная плита, но в окно врывалась солено-йодистая свежесть моря и я, взобравшись верхом на балку, запоем читала повесть из жизни Яна Гуса, Жижки, или Джордано Бруно и никакие зовы не могли оторвать меня от чтения и вернуться в действительный мир из того волшебного далекого мира, в который переносила меня книжка.

А зобастые голуби, осмелев, влетали на чердак и сладко и важно ворковали вокруг и перья на их шейках отливали на солнце всеми оттенками перламутра.

Увидев что немецкому я не учусь и что Генриетта Ивановна Нетлинг слишком стара, мама вскоре ей отказала и я снова обрела свою первозданную свободу.

Днем по прежнему бегала я по двору, или по садику возле квартиры “Кулепки”, симпатичной старушки, сестры жены домовладельца Кульпина. Сам Кульпин был русский, жена его гречанка, а “Кулепка” на самом деле носила немецкую фамилию Наркенфельд и уж давно была вдовой. Я любила часами беседовать с нею, смотря, как она проворно хозяйничает в своей квартире и стоя в садике под ее окном в цокольном этаже одного из кульпинских домов. Она рассказывала мне много интересного про Грецию и греков, про море, так как муж ее был моряком, про редких рыб, про свое детство и молодость. Часто приходил к ней ее внук Валя Кумани, сын владельца большого винно-гастрономического магазина на Петровской. Валя был мальчик скромный, приличный и мы с ним очень подружились. Мы играли с ним в кегли и в мяч, гоняли обручи, однажды устроили похороны воробья, причем Валя нарядился в золотистую тальму своей бабушки и ловко изображал попа, а вместо кадила

размахивал баночкой от горчицы на длинной проволоке, куда мы насыпали горящих угольков и налили одеколону. Мы с ним ни разу не поссорились и играли все лето с большим увлечением.

После обеда, когда становилось не так знойно, шли мы с мамой гулять и почти всегда по Петровской, такой людной, веселой и нарядной по вечерам. Доходили до городского сада, где строился против Европейской гостиницы памятник основателю Таганрога Петру I-му по скульптуре Антокольского и на обратном пути заходили в кондитерскую Тиссена выпить бутылочку лимонада с пирожным и отдохнув, шли домой. Иногда покупали по дороге у Хаикалдова фунт клубники и мама каждый раз приходила в ужас от того, что тут, на юге, клубника почти в одной цене с мандаринами, то есть по сорок копеек фунт.

Был конец мая, яркое солнечное утро, предвещавшее обычный безоблачный день. Я еще нежилась в постели, вдыхая аромат отцветающих акаций за окном, как вдруг вошел взволнованный папа и сказал мне, что мама серьезно заболела и он мчится за доктором.

– Ты пока лежи, не заходи к маме. Вдруг у нее что-нибудь заразительное добавил он, зная, как я панически боюсь всякой инфекции. – Я скоро вернусь.

Я взяла какую-то книгу и снова легла. Читать в постели мне запрещалось, но ради такого случая можно было и посвоевольничать. Скоро вернулся папа с кем-то чужим – видно доктором. Прошло еще полчаса, я уж собиралась вставать, как вдруг вбежал папа, красный, взъерошенный и порывисто-радостный.

– Зина! Зина! У нас родился ребенок! Мальчик! У тебя есть брат, говорил он, порывисто обнимая меня.

– Где? Где? Я хочу на него посмотреть! – вскочила я, хватая чулки.

– Он у мамы. К маме еще нельзя: там доктор. Ты пока одевайся, а я – в магазин. Надо купить для маленького пеленочки, подушечки – все что полагается, – засуетился папа и быстро вышел в переднюю.

– А мама? – бросилась я вдогонку. – Что с мамой?

– Маме лучше. Доктор говорит, что все благополучно. – бросил папа через плечо и хлопнул парадной дверью.

Так 26 мая, в день рождения Пушкина и Белинского, родился мой брат, Владимир Павлович Тулуб.

Я быстро встала, оделась, умылась и вышла в столовую. В доме распоряжалась и сутилась высокая довольно красивая дородная дама лет 30 – акушерка Александра Львовна. Она уже бывала у нас несколько раз как знакомая, и я очень ей обрадовалась. Это была большая приятельница Антона Павловича Чехова, который в шутку переводил ее фамилию на русский язык и называл Косынкиной.

– Александра Львовна, покажите мне, пожалуйста, брата, – приставала я к ней.

Она пошла в соседнюю комнату и вынесла что-то красное, сморщенное, туго перевитое полотняным свивальником. Это “что-то” чмокало беззубым ротиком, гримасничало и готово было пронзительно закричать... Все его маленькое тельце в свивальнике напоминало мне куколки-кризалиды, из которых выходят бабочки.

– Какой он красный и...некрасивый... И ни на кого не похож, – разочарованно протянула я. – Совсем кусок сырого мяса.

И досада и возмущенье поднялось в душе: такой уродец, такой красный...

– Через две недельки он будет красавчиком, – утешала меня Александра Львовна, заметив произведенное впечатление.

Маленькие дети часто бывают красные в первые дни, а потом становятся беленькими и хорошенькими. Мальчик здоровенький и весит целых девять фунтов.

Но досада моя не унималась. Я ушла и до вечера ни разу не пришла на него посмотреть.

Первые дни пока мама лежала в постели, мне пришлось заменить ее по хозяйству, то есть заказывать обед, сводить с кухаркой счет, записывать расходы, приготовить жаркому салат, заваривать чай и кофе, варить варенье, сдавать и принимать по счету из стирки белье, прятать его в полном порядке в комод, штопать папе носки – в общем делать все, что обычно делает мама. И как на зло быстро поспедали черешни и абрикосы, а варить варенье мне было страшно, чтобы не доварить, или не переварить его. Пришлось и в магазины ходить за покупками – тоже впервые в жизни самостоятельно. Но все обошлось благополучно. Варенье вышло очень удачным и, поднявшись с постели, мама сказала, что справилась я со всем лучше, чем она ожидала. Мне это было приятно, потому что я любила родной дом, семью, любила делать всем близким приятное, а уж затем думать о себе лично.

Только от книг я не отставала и, по прежнему, читала как только выпадала свободная минута. За столом сидела я на мамином месте, разливала суп, следила, чтоб стол был накрыт по всем правилам, и любезно ухаживала за Александрой Львовной, как за гостьей, пока она у нас жила.

Мама не могла кормить ребенка. Наняли ему няню прекрасную прачку Грушу, стиравшую у нас белье поденно. Договорились со знакомыми, чтобы брать у них молоко и купили Сокслетовский аппарат, чтобы его стерилизовать, потому что при сорокаградусной жаре в Таганроге часто появлялись желудочно-кишечные заболевания. Но – в эти годы человечество еще не знало о существовании витаминов, и ребенок вскоре стал хиреть, худеть и гибнуть, потому что в стерилизованном молоке все витамины успевали разложиться. А врачи не понимали, что с ним и пичкали его медикаментами, ставили ему клизмочки – и от этого, он таял еще быстрее.

Спал он первое время целые дни без просыпу. Я иногда прокрадывалась к нему в детскую, стояла над ним и тихонько шептала ему:

– Братик! Братик!

Он конечно, не понимал ничего и ни звука не издавал в ответ. Когда же мама совсем оправилась – я вдруг с ужасом почувствовала, что мама отдает маленькому все свое время, а я осталась в стороне, точно я уже не дочь, не ее любимый ребенок, а просто член семьи, вроде младшей сестры или племянницы.

И ревность, жгучая ревность к ребенку, точно крапива разъедала мне сердце, но я не плакала. Не говорила ни слова. Не пробовала ласкаться к маме, потому что вообще

не ласкалась и раньше, а только довольно жмурилась, когда мама обнимет меня, или погладит по голове, или ласково скажет:

– Моя Зинута.

В душе моей бушевала недетская буря и острая ненависть к новорожденному, поднималась в ней клокочущей лавой, точно при нем я стала вдруг сиротой.

Этой детской драме способствовал случайно услышанный разговор между мамой и папой.

– Я старалась не показывать этого Зине – говорила мама, но ребенок захватывает меня всю. Я не знаю, как уместить их вместе в моем сердце. Зина уже становится на ноги, а он такой крошка, такой беспомощный... Невольно тянешься к нему.

Больше я слушать не стала, выскочила на террасу, где сидели папа с мамой и давясь слезами в горле крикнула:

– Да, я знаю: я тебе больше не дочь! Все ему! Все. И ласки, и твое сердце. А меня можно из дому выгнать! Как мачеха в сказках!

Мама оцепенела, потом схватила меня в объятия и сама разрыдалась.

– Глупенькая! Бедненькая моя! Я сама страдаю оттого, что люблю тебя и боюсь обидеть, обделит тебя лаской. Этого больше не будет. Я знала, я боялась, что тебе будет больно... Но подумай сама: разве я могу разлюбить тебя, такую умницу, мою дорогую, мою девочку.

Она ласкала меня, баюкала, как когда мне было два-три года, шептала что-то нежное, успокаивающее.

И вдруг в эту минуту громко закричал в детской проснувшийся брат. Маму точно током подбросило. Она спустила меня с колен и рванулась в комнаты. А я вцепилась в нее руками и пронзительно закричала:

– Не ходи! Он! Снова он! Я не пущу! (выделено автором – ред.) Я его ненавижу. Пусть он лучше умрет.

И так разрыдалась, что мама испуганно стала поить меня холодной водой и какими-то противными каплями.

А ребенок таял, худел, бледнел, точно кто-то высасывал из него кровь по капельке. Папа в отчаянии решил отказаться от врачей-педиатров, которые ничем не могли ему помочь и бросился к моему спасителю, доктору Шамковичу. Шамкович тотчас приехал и поставил правильный диагноз. Это был детский маразм: организм ребенка не усваивал пищу, лишённую стерилизацией живородящей силы (витаминов, как стали их впоследствии называть). Надо немедленно найти ребенку кормилицу, потому что жизнь его висит на волоске. Потом увел папу в отдельную комнату и посоветовал срочно крестить ребенка, потому что он может ежеминутно умереть.

В то время ЗАГС-ов не существовало и каждого новорожденного записывали в метрические книги при крещении (если это был христианский ребенок), а книги эти вели священники в церкви. Поэтому, если бы Воля умер, его нельзя было бы хоронить, как еще нигде не записанного.

Папа в ужасе схватился за голову.

Уже смеркалось. Надо сегодня же начать поиски кормилицы, надо ехать за священником, искать крестного отца и крестную мать. Он захватил с собой побольше денег и уехал куда-то на извозчике.

Конечно, наши прислуги в первую очередь няня Груша, первые узнали, что у нас происходит. И через пять минут вся прислуга нашего двора, а во дворе было целых три дома и в каждом по 3 квартиры уже говорили о том, что у нас умирает мальчик.

Жили во дворе греки супруги Логофетис: муж грек с острова Корфу и жена его англичанка. У них была контора по экспорту хлеба, собственные пароходы и паровые баржи и дачи на Корфу и на Босфоре. У них жила симпатичная старушка кухарка Феодосия медлительно важная толстуха и прекрасная кулинарка. У этой Феодосии была невестка Наташа, а у Наташи ребенок, всего на неделю старше моего брата. И пока папа метался по городу, ища кормилицу, к маме пришла Феодосья с Наташей и Наташа предложила недельку-другую покормить моего брата грудью, потому что у нее много молока (и ее ребенок не высасывает и половины). Мама несказанно обрадовалась и горячо поблагодарила их, и Наташа осталась у свекрови ночевать и раза два в ночь и рано утром приходила к нам кормить брата.

А в душе моей был ад. Мне казалось, что я своей ревностью накликала на Волю смерть. В припадке испуганного раскаяния упала я перед иконой на колени и молилась, чтобы братишка мой остался жив и вместо него умерла бы я. Мама подсмотрела мое отчаянье и когда папа поздно ночью вернулся домой, измученный своими метаниями, посоветовалась с ним и позвала меня к себе.

– Мы с папой видим, что ты полюбила маленького и пожалела его. – сказала она, – и мы решили отвести тебе место рядом с нами в нашем горе и в нашей радости, если удастся его спасти. Будь его крестной матерью. Как вторая мать люби его и защищай от всего скверного и тяжелого в жизни. Ведь вас только двое. И когда мы умрем и вы останетесь одни на свете, вы острее почувствуете, что вы – самые близкие и родные друг другу среди целого мира чужих равнодушных людей. Завтра утром будут его крестить. Подумай и соглашайся.

Я поняла.

С этого дня ревность в душе моей сменилось глубокой нежностью и горячей любовью к Вотику.

Почти со дня рождения Воти, у нас в семье начались споры и разговоры о том, как его назвать. Маме нравилось имя Арсений и Максимилиан, мне – Аполлон и Константин, а папа – ко всеобщему ужасу – предложил имя Кассиан, пригодное для какого-нибудь архиерея или монаха, но никак не для нашего мальчика. Наконец все сошлись на Владимире. Имя чисто славянское, а главное – Киевское, потому что папа всю жизнь любил Киев и тосковал, живя в Таганроге по городу, где окончил он университет и прожил лучшие юные годы. А в Киеве и университет, и лучшие улицы, или бульвар над Днепром – все носило имя Владимира. Да и сам день святого Владимира 15-го июля старого стиля (28-июля нового стиля) был в Киеве большим и торжественным праздником. Маме тоже имя Владимир понравилось и по звукам и по смыслу (владелец мира), и потому, что, крестившись, князь Владимир Красное солнышко, как звали его в

былинах, принял имя Василия, а поэтому всякий Владимир имел право носить и имя Василия, то есть имя папиного отца.

В тот трагический вечер, когда мы все боялись за Вотину жизнь, папа успел побывать у соборного протоиерея Знаменского и пригласил его на другой день крестить у нас ребенка в 10 часов утра, затем папа бросился искать, кто бы из его сослуживцев согласился быть крестным отцом. К сожалению, лучший друг папы Франс Бонифациевич Гаюнец был католик, симпатичный Саульский – в отпуску и в отъезде. Пришлось пригласить товарища председателя суда Сергея Александровича Касаткина, отца 12 детей и чтобы не вводить его в расходы, купить для ребенка золотой крестик и предупредить, что духовенству заплатит не кум, как этого требовал обычай, а сами.

А виновник всех этих треволнений, дважды насосавшись Наташиного молока, тихо лежал в своей кровати и не плакал. Трудно было понять, спит ли он, или умирает. И мама то и дело испуганно касалась рукой его лобика, чтобы почувствовать, что он жив.

Необычно рано мы поднялись на другой день. В кухне кухарка Паулина Гертнер варила в 6 часов утра огромную кастрюлю бульона из телячьих почек, чтобы, по совету Шмаковича, купать Волю в бульоне и дать ему сквозь поры кожи добавочное питание. Горничная спешно убирала гостиную к крестинам, расставляли букеты роз и акаций, а я нарядилась в свое лучшее белое платье и няня Груша вплела мне в косы две новых розовых муаровых ленты.

Ровно в 10 утра явился мой будущий кум Касаткин и надел мне на палец золотое колечко с бирюзой, торжественно величая меня кумою. За ним явилось духовенство и Феня примчалась в гостиную с громадным кипящим самоваром, чтобы развести в купели воду до нужной температуры, а я в соседней комнате торопливо повторяла по книжке, что отвечать на вопросы священника и когда дуть и плевать на дьявола и его друзей.

Я боялась, что мне будет трудно так долго держать ребенка на вытянутых руках, хотя он так исхудал, что стал почти невесомым, но кум Касаткин выручил меня и сам взял на руки ребенка. Я изо всех сил старалась не сбиться в ответе, стоять прямо и сосредоточенно-серьезно. Мне почему-то казалось, что от этого тоже будет зависеть выздоровление Воли.

После крестин священник и Касаткин сразу распрощались, а папа снова помчался к маклерам на поиски кормилицы.

Приходило их много. Но всех показывали доктору и почти всех доктор браковал: то ребенок кормилицы был намного старше Воли, то в их организме был какой-нибудь изъян, с которым нельзя кормить ребенка, наконец, немалую роль играло и то, что кормилицы требовали не только жалованье, но и целую массу носильных вещей и аппетита у них, видя, что ребенок болен, и что кормилица нужно до зарезу, становилась совершенно неприемлемыми для нашего бюджета.

Сначала поступила к нам одна женщина, но через две недели у нее отчего-то пропало молоко. Она пробовала это скрывать, но ребенок стал плакать и снова худеть. Снова начались те же поиски. И вот, поступила к нам Агафья (фамилии ее не помню), муж которой отбывал воинскую повинность где-то возле Бахмута. Своего ребенка она

отдала матери, у которой тоже был грудной ребенок, и решила пойти в кормилицы, чтобы "справить себе за год много вещей".

После долгого торга согласилась она на такие условия. Деньгами платили мы ей по 10 рублей в месяц, поступила она сроком на год и в этот период, помимо святочных и пасхальных подарков, мы должны были купить ей и сшить шесть смен постельного белья, 12 пар чулок, 2 пары ботинок и одни туфли, летние и зимние ботинки-галoши, шесть ситцевых платьев и два бумазейных, два платья шерстяных с отделкой по журналу, купить одно линейное одеяло и одно ватное стеганое, шесть простынь, три наволочки, шесть полотенцев, зимнее пальто, летнюю драповую жакетку и сундук для всех этих вещей. В общем, помимо усиленного питания, она обходилась нам рублeй по 30 деньгами в месяц, помимо жалования.

Это тяжело сказывалось на нашем бюджете, потому что, помимо квартирных папа получал на руки рублeй 160 да еще посылал сестре в Одессу 15 рублeй в месяц, так как тетя Людмила из-за каких-то неприятностей с начальницей, была уволена из гимназии, где была классной дамой, и жила она одна, так как тетя Маня уже два года была замужем и жила в городе Аккермане с годовалой дочерью Ниной.

Все четыре брата решили вскладчину поддержать тетю Людмилу со дня потери работы, но папа, дядя Коля и дядя Саша высылали ей по 15 рублeй, а дядя Сережа – доктор, как самый обеспеченный, по 30 рублeй в месяц.

Все это вместе взятое заставило нас сжаться в смысле расходов. Экономия сказалась, главным образом, на сладостях. Папа с мамой реже бывали в театре, меньше стали покупать книг, зато – чаще брать их из библиотеки.

За спасение Воли мама подарила Наташе отрез хорошей шерсти на платье и золотую брошку с большим аметистом.

Пока мама болела и поэтому предоставила мне почти полную свободу, я решила заняться своим здоровьем и закалить себя, приучив к холодной воде. Когда, однажды, был у нас доктор Шамкович, я поймала его в передней, зазвала в свою комнату и спросила, с чего начать. Он очень одобрил мою затею и посоветовал начать обтирания соленой водой по утрам, понижая температуру воды каждый день на полградуса. Так я и поступила. Наливала в таз 15 стаканов воды, сыпала в нее 15 столовых ложек соли, растворяла ее и измерив температуру рассола обтирала себе всю большой грецкой губкой, которую в Таганроге можно было купить в любом аптекарском магазине за какой-нибудь рубль. Начала я с 27 градусов реомюра, тогда вообще термометры цельсия не были в ходу и снизила температуру до 18 градусов.

Обтирания пошли мне впрок: улучшился аппетит, от соли поры кожи сжимались и я легче переносила жару и меньше страдала жаждой, так как организм меньше испарял влаги.

Вообще же лето было мучительно знойное, почти совершенно безоблачное и мама, не привыкшая к южному лету, совсем извелась. По совету докторов в начале сентября мама решила съездить в Крым поправить здоровье. Чтобы малыш был под хорошим присмотром, мама пригласила к нам сестру милосердия Пелагею Алексеевну которая должна была жить в нашей квартире, следить за кормилицей, за чистотой в квартире, за доброкачественностью продуктов, вообще руководить всем домашним хозяйством,

заваривать и наливать няне чай. Пелагея Алексеевна была девушка очень скромная, интеллигентная и симпатичная, и мама всецело на нее положилась.

Ехали мы до Севастополя в поезде. В Севастополе остановились на два дня в гостинице Кяста против графской пристани, осмотрели все достопримечательности этого города-героя: исторический музей севастопольской обороны, панораму, памятник Корнилову и Нахимову, съездили на братское кладбище, побывали на Приморском и на Нахимовском бульваре и вдоволь налюбовались на нашу белоснежную черноморскую эскадру, стоявшую на рейде в полном составе. Меня особенно поразило, как красиво гребут военные моряки: весла подымались справа и слева лодки точно перья в птичьем крыле одним ровным взмахом. Запомнила я и стихи на памятнике Нахимову:

Двенадцать раз луна менялась,
Луна всходила в небесах,
Но все осада продолжалась
И поле смерти расширялось
В облитых кровию стенах.

На всю жизнь загорелась тогда в моем сердце восторженная любовь к памяти этих славных героев, преклонение пред их подвигами. Запомнились и имена солдата Кошки, инженера Тотлебена, и хирурга Пирогова с первыми медсестрами в нашей стране, а над ними всеми, как две самых ярких звезды, имена адмиралов Корнилова и Нахимова.

На третий день пребывания в Севастополе, рано утром выехали мы в мальпосте, то есть конном дилижансе, в Алупку. Ехать было не особенно удобно, но мы с мамой так восхищались и интересовались всем, что встречалось на пути, что на мелкие неудобства совсем не обращали внимания.

Проехали мы мимо Итальянского кладбища, мимо поворота на Балаклаву и издали полюбовались круглой, как чаша, балаклавской бухтой, затем пересекали Байдарскую долину, поросшую густыми буковыми и ореховыми лесами и наконец, сквозь каменную кладку Байдарских ворот мелькнула пред нами синяя завеса моря.

Все приводило в восторг: и горы с огромными буками на их склонах, и скалы, такие зубчато-причудливые по контурам и зеленовато-синее море, висевшее в пространстве в дымке тумана и Форосская церковь на уступе горы, точно на каменном ее колене, и змеистая белая лента шоссе вдоль стены грозно нависших со скал, и плющ, покрывающий эти скалы зеленым плащом, и как бы обсыпанная пухом диана-клематис, опутывающая деревья и кусты шиповника по дороге. Обо всем расспрашивали мы своего кондуктора и спутников, не раз бывавших в Крыму. Все было нам ново и интересно, все казалось красивым и необыкновенно-оригинальным.

По пути попадались девушки-татарки в малиновых бархатных фесочках, расшитых золотом мелких-мелких косичек и большими черными газельими глазами, приветливо улыбающихся нам. Шли женщины в длинных чадрах-маграмах падавших за спиной до колен. Лица у них были открыты, глаза задумчивы, а фигуры необычайно стройны и грациозны...

А мальпост все пылил и пылил по дороге, тряс нас мелкой назойливой тряской, от которой начинали болеть спина и поясница. И внизу мелькали, утопая в зелени садов и виноградников уютные бухточки Мухалатки, скала Ифигении, Нижний Кастрополь, Кучук Кой, Симеиз. И наконец под скалистой громадой Ай Петри забелели сакли и виллы Алупки.

На минарете пел муадзин свой извечный намаз. В узких и кривых улочках с трудом могли разминуться два ослика с огромными корзинами овощей и винограда, и седла. На открытых верандочках и прилавках примитивных лавчонок синели дымчатые груды винограда, дыни, пушистые краснобокие персики. Крепко пахло горячим кофе, дымило кальяном, бараньим шашлычком... Мы остановились на жалком подобии базара, сами взяли свои портативные чемоданчики и стали расспрашивать, где найти комнату. Зашли в две-три дачи, но в них было тесно и шумно и, взяв извозчика, поехали мы дальше к даче Королёва "Гюзель Гёрмек", проспекты которой были у нас в Таганроге.

Гюзель Гёрмек была совсем наверху возле государственного шоссе, против виноделия Токманова и Молотова. Калитка вела оттуда прямо в верхний парк. От моря было далеко и высоко, но мама не боялась ни гор, ни расстояний. Зато комната попалась большая, хорошая с великолепным видом на море и на горы. Там-то на даче стали мы брать обеды и договорились с татаринном Омером носить нам по 2 бутылки молока. Булки и хлеб покупали у турецкого мальчика-разносчика, который приходил на дачу два раза в день с громадной корзиной, полной необычайно вкусных сдобных и не сдобных булок и пирожных, бубликов, сушек и разных восточных лакомств. Приносили нам и виноград по 20 копеек фунт, и мы каждый день покупали другой сорт, чтобы все перепробовать за время пребывания в Крыму.

Особенно понравился нам розовый сотерн, розовый мускат, а потом и изабелла. Любили мы и Шаслу, и золотистый мускат, но падре Хименес и бургундские красные совсем не пришлись нам по вкусу и, попробовав, мы больше никогда их не покупали. Полюбили мы и малагу, и Аликанте, но постепенно они нам приелись и остались со своей любимой шаслой, мускатом и изабеллой.

По утрам нам подавали в номер самовар. Напившись чаю с молоком и булочками, мы сбегали по обрывистым тропинкам в парк, к прудам и озёрам. Часто сидели мы над небольшим озером, в центре которого из серой скалы бил фонтан, а в прозрачной воде быстро мелькали красноперые форели с яркими красными пятнышками на чешуе. Иногда спускались еще дальше – в нижний парк во дворец Воронцовых, на львиную террасу, или же мама спешила к морю купаться.

Я не купалась: вода в море была холодной и волны пугали меня. Даль была почти всегда по военному сурово сизой. В волнах мелькали студенистые медузы, точно блинчики из белого прозрачного желатина. Дамы ловили их, приносили в купальню и они таяли на перилах купальни комочками холодной слизи.

Пока мама купалась, я бродила по берегу. Из Феодосии в Коктебель мне привозила тетя Наташа, бабушка Войцех красивых камушков, и мне казалось, что они должны быть всюду, на морском берегу, но все мои поиски оставались тщетными и я возвращалась в Гюзель Гёрмек с пустыми руками.

Помню, как настало полнолуние. В лунные ночи море было фантастично-прекрасным: лунный свет убегал по волнам в бесконечность серебряной зыбкой дорогой. Иногда пересекала ее рыбацья фелюга, или парусная яхточка и тогда паруса ее казались вырезанными из черного бархата на фоне лунного моря. Звенели журчащим звоном цикады, внизу сильнее пахли под росой цветы и мы с мамой сидели до полуночи на балконе, любуясь красотой южной ночи.

Однажды ночью собралась большая компания обитателей Гюзель Гёрмека пойти на львиную террасу. Мы присоединялись к ним и долго гуляли вокруг воронцовского дворца. Вокруг него, в цветниках распускались ночные цветы – маттиола, табак, нектарники и огромные, еще невиданные мною белые бокалы датуры. Мама и еще одна дама были в больших длинных тальмах до колен сорвали по два цветка датуры, и принесли с собой на дачу. Но аромат датур был так силен, что пришлось вынести их на балкон, чтобы не умереть, как Лакма, от их аромата.

Вокруг Гюзель Гёрмека был виноградник. Я бегала туда с одним восьмилетним мальчиком, единственным ребенком на нашей даче. Мы с куста лакомились виноградом и собирали на кустах улиток, но к моему великому ужасу, они за ночь расплозились по всей комнате, пришлось их собрать и выкинуть вон.

Мама купила мне палку для хождения по горам и белую войлочную широкополую шляпу, стоящую всего 20 копеек. Такие палки и шляпы покупали почти все курортники и в таком виде, да еще и с татарской чадрой в виде шарфа на плечах гуляли на берегу моря и в парке. Купила мама и несколько больших раковин для гостиной. Конечно, эти раковины были не черноморские, а привозные, со Средиземного или Красного моря.

Уезжая, мы накупили на память массу видов Крыма, и главным образом Алупки, потому что хотели всегда видеть особенно нравившиеся нам места.

Прожив в Алупке недели три, мама решила съездить посмотреть другие места южного побережья, думали съездить в Ялту, в Симеиз и в Гурзуф, но как раз в это время я заболела желтухой. Вместо веселых поездок, пришлось сидеть на строгой диете, что в тогдашних условиях частных дач было делом очень трудным. Пришлось маме купить спиртовку, денатурата, кастрюльку и т.д. и вместо поездок и прогулок варить мне в комнате, тайком от хозяев, диетические каши, кисели и разные молочные кушанья. Так пропало у нас целых десять дней, а затем подсчитав свои средства, пришлось вместо поездок по южному берегу, возвращаться в Таганрог.

Как только вернулись мы домой и немного устроились, собрался папа в Петербург хлопотать о переезде из Таганрога в какой-нибудь университетский город. Он был душевно одинок среди Таганрогских юристов, переутомлен невыносимо-тяжелой служебной нагрузкой, которая надоела ему за три года с лишним своим однообразием без просвета и перспектив. С коллегами, вместо теплых товарищеских отношений, осталась холодная вежливая отчужденность с его стороны, а с их стороны – плохо скрытая враждебность, как к человеку-бунтарю, не выносившему сухого гнета самодержавной государственной машины, которая давила всех, как давит пресс виноградные гроздья. Особенно остро стал тосковать он по Киеву, где было столько хороших театров, да и сам город – так живописен на своих семи холмах над лазурной дорогой Днепра. Эта тоска стала его ностальгией, его неутолимой и неотвязной мечтой.

– Там я родился, там хочу умереть, – говорил он не раз в кругу семьи.

Однако на этот раз Муравьев принял папу хоть и любезно, но сухо и почти холодно. Оказалось, доносы Таганрогских мракобесов по капле разъели благожелательное отношение к папе министра, да и времена изменились: став министром, Муравьев первое время продолжал свою привычную линию молодого, ищущего популярного профессора, поэтому так ярко выдвинул папу в предыдущие встречи с ним. Теперь Муравьев все больше втягивался в круг придворной камарильи, где царил страх перед растущей революционной энергией нового поколения. От этого страха явилось стремление подчинить судебный аппарат не духу законов и заветов судебной реформы, а интересам династии и самодержавия. А самодержавие было настолько близоруко, что не хотело идти даже навстречу буржуазным кругам, желавшим участвовать в государственной жизни страны, хотя бы в виде самого умеренного парламента. И царедворец-Муравьев творил волю династии. Пробыл папа в Петербурге целых шесть недель, но ничего там не добился, а я тем временем заболела скарлатиной и лежала в нашей гостиной, и мама одна-одинешенька ухаживала за мной день и ночь. Маленького Волю с кормилицей от меня изолировали, хотя грудные дети редко заражаются скарлатиной. Болезнь протекала в тяжелой форме и сильно затягивалась. По ночам я бредила, шаталась, пугая маму, лезть на стенку: мне чудилось, что я еще в Крыму, в горах, что карабкаюсь я на какие-то скалы. Уж очень яркие и живы были эти первые впечатления о прекрасном юге...

Лечил меня, как всегда мой вечный спаситель Исаак Яковлевич Шамкович и правилась я только к марту, когда повеяло весной. Долго пришлось мне мучиться воспалением почек и разными другими осложнениями. Вот почему в мае смогла бы я сдать экзамены только за первый класс и мама решила снова отложить их еще на год.

В эту зиму завязалась у меня большая дружба с Милочкой Саульской дочерью товарища председателя суда. Милочка была на полгода моложе меня.

К Саульским отпускали меня через воскресенье, то есть два раза в месяц “на целый день”, то есть часов с 12 до 6-7 вечера. Милочка приходила у нас тоже через воскресенье, то есть виделись мы каждую неделю. Она была очень хорошая девчонка и мы горячо полюбили друг-друга. У Милочки была комнатная трапедия, на которой она качалась как на качелях и занималась акробатикой. Сначала я боялась упасть и разбиться, но скоро научилась проделывать на ней все упражнения, которые придумала и проделывала Милочка. Это сильно развило мои мускулы, которых до этого у меня можно сказать вовсе не было. Обменивались мы и книжками, и журналами. Милочка получила “Задушевное слово”, а так как мама, боясь инфекции не брала мне детских книг в библиотеке, и я всегда страдала книжным голодом. Милочкина библиотека принесла мне немало радости. У Милочки прочла я сказки “Тысяча и одна ночь”, сказки Гримма, повесть Лухмановой “Девочки”, “Хижину дяди Тома”, “Приключения деревянного паяца” и многие другие детские книги, а ей давала “Джунгли” Киплинга, много книг Жюль Верна, Рубакина, Немировича Данченко, Фенимора Купера, журнал “Детское чтение” и “Природа и люди” с массой приложений.

Каждая из нас с нетерпением ждала воскресенья, день нашей встречи. Кроме книг, мы играли в блошки, в лото, в трик-трак, в халму, в домино и разные игры. Мать Милочки была русская, но выросшая на берегах Балтики и поэтому любила все немецкое, была очень ласкова и гостеприимна. Жила у них в доме и вырастившая Милочкину старшую сестру Зину, кончавшую гимназию. Вся семья ее любила как родную и теперь, когда Милочка подросла, она не столько занималась с ней, сколько помогала по хозяйству вечно больной мадам Саульской, шила и починяла, делала покупки и приводила Милочку к нам.

И всегда, когда мы приходили друг к другу, нас ожидал какой-нибудь милый сюрприз: какая-нибудь недорогая, но изящная статуэтка, флакончик детских духов, красивый носовой платочек, ленточка в косу, перочинный ножик, бумага для писем, или пара художественных открыток. Это было приятно как знак заботы подруги и ее семьи и мы обе очень ценили эти маленькие сувениры.

И вдруг Милочкиного папу назначили в родной Минск. Саульские стали собираться в дорогу. Мы были в отчаянии. На прощанье Милочка мне подарила огромный мяч в сетке, а моя мама купила ей на память хорошенькие вазочки для туалета и несколько бронзовых безделушек. Года два мы переписывались, но постепенно письма стали приходить все реже, отвечать на них стало не интересно, и дружба догорала как огонек.

Лето снова проводили в Требухах, но дядя не был с нами: он снова поехал на лиман, потому что в сырую погоду ревматизм снова стал давать себя чувствовать.

По дороге мама простудилась, напившись в жару холодного пива и получила глубокий, рассеянный бронхит. Более двух месяцев лежала она, захлебываясь от кашля и буквально истекая мокротой. Доктора лечили ее и даже опасались туберкулеза, но диагноза поставить не могли, так как тогда и в больших городах трудно было добиться рентгена. Поправили ее не лекарства, а свежий воздух, усиленное питание – и в первую голову свежее молоко и богатые витаминами фрукты. К осени мама совершенно поправилась и даже располнела.

Приехала с нами в Требухи и Волина кормилица. Тут его отняли от груди и кормилица вскоре уехала в Таганрог. К осени Воля стал ходить и говорить. Нянчила его теперь дядина горничная прехорошенькая и премилая девушка Саша Рыжкова и мама, видя, что Воля очень ее полюбил, предложила ей ехать к нам в Таганрог, на что Саша с радостью согласилась. И прослужила у нас в Таганроге целый год.

В Таганроге мама сразу энергично взялась за мое учение. И так я потеряла почти два года. Теперь наши занятия шли по твердому расписанию и по часам, внося строгий ритм в нашу жизнь. Но по четвергам мама занималась со мной только до часу дня. После завтрака я была совершенно свободна. В этот день мы подолгу гуляли, делали покупки, или ходили смотреть что-нибудь новое, например, зверинец, картинную выставку, или просто бродили по незнакомым частям города и по пустому городскому саду, где не было ни души и только вороны и воробы перелетали над поредевшим неводом ветвей.

В эту осень был в Таганроге хороший цирк Злобина. Меня раз пять водили на представление – гала. В цирке работали хорошие партерные акробаты-итальянцы,

братья Кострелли, несколько наездниц и вольтижировщиц, дрессированные лошади, музыкальные клоуны, гимнасты на трапеции, жокеи, жонглеры.

Жизнь моя была не очень богата внешними впечатлениями и, конечно, по детски увлекалась цирком. Даже сама попробовала кувырнуться через голову на кровати. Однажды моя упражнения кончились большим конфузом: перекувыркнувшись через голову, я свалилась с кровати головой в таз с грязной водой, в которой только что мыли ноги. На шум прибежала мама. Пришлось во всем признаться, вымыть голову и навсегда прекратить свои упражнения.

Брали меня зимой несколько раз и на концерты-вечера, в “Артистическом обществе”, где я впервые увидела и узнала что такое сцена, кулисы, грим, рампа.

Этой зимой Россия праздновала Некрасовский юбилей и 50-летие со дня смерти Гоголя. Это были любимые папины писатели и он написал два прочувствованных стихотворения, посвященных их памяти.

В Таганрогском литературно-артистическом обществе устроили по этому случаю вечера-концерты, с докладами, посвященными памяти юбиляров. Папу тоже много раз старались вовлечь в число членов этого общества, но папа бывал у них редко и только в этот год стал принимать в их работе более или менее систематическое участие. И эти литературные юбилеи послужили для этого основной причиной.

Впервые в жизни была я на литературном, посвященном памяти Некрасова вечере. Мы с мамой сидели в ложе, а папа почти все время оставался за кулисами. Сначала выступил с докладом историко-литературного типа учитель словесности из мужской гимназии (фамилии не помню), потом содокладчик, один из адвокатов. После этого началась артистическая часть.

Жена инженера Валивского разучила с отставным драгунским полковником Дроссы сценку из русских женщин (разговор с губернатором), затем читали много стихов Некрасова, отрывки из воспоминаний о нем, пели романсы на его слова папа прочел свое стихотворение, которое вызывало долгие аплодисменты (снова что-то читали и пели).

После концерта молодежь стала требовать танцев. Дирекция долго не соглашалась, но потом сдалась и мы с мамой просидели еще часок в нашей ложе, куда все время заходили знакомые позвать папе руку и поздравить его с успехом.

Были мы и на вечере, посвященном памяти Гоголю. На этот раз программа была куда интереснее, потому что коллектив членов Литературно-артистического общества сыграл всю “Женитьбу” и два действия из “Ревизора”, нотариус Арнольд декламировал, баритон – Феохариди пел много романсов, Балинская и Сфаалло сыграли отрывок из “Мертвых душ” (разговор “просто приятной дамы и дамы приятной во всех отношениях”, Шелье спел арию Левка), а папа снова с большим успехом прочел свое стихотворение. Читал стихи памяти Гоголя и мой кум Касаткин, тоже пописывающий стихи, но особенного успеха не имея.

После этих вечеров учитель Филевский и другие педагоги пригласили папу выступать со своими юбилейными стихами в воскресной школе для рабочих, где тоже устроили юбилейное празднество. Преподаватель Филевский сделал там хорошие доклады об общественной роли литературы в истории русского общества, а этих двух

юбиляров в особенности, как сатириков обличителей общественных язв своей эпохи. На этих докладах я не была, но папа дал им высокую оценку и тоже стал иногда выступать в воскресной школе и в Обществе Трезвости перед рабочей аудиторией с докладами о Надсоне, о некоторых юридических вопросах например об ответственности предпринимателя за увечие на производстве и т.д.

Зима наша прошла в усиленных занятиях, без штурмовщины и предэкзаменационной горячки и весной 1903 года я сдала на отлично экстерном при Таганрогской гимназии экзамены за курс первого и второго класса одновременно, получив по всем предметам круглое пять. По истории и географии экзаменовал меня сам Филевский, по русскому Чекменева и Казанский, по закону божию священник Краснокутский, по немецкому – Виссор. Чекменева так удивилась моим знаниям грамматике и грамотности, что спросила у меня всю этимологию (части речи) по учебнику Смирновского от доски до доски. Но помню только, что говорила она по французски с неважным произношением.

В эту же весну папа взял меня на “морское гуляние”.

Устраивалось оно обычно на Троицу, или в какой-нибудь другой майский праздник. В этот день все бывшие в порту пароходы снимались с рейсов, украшались свежей зеленью, флагами и цветами. На каждом из них бывал оркестр музыки и буфет. Билет на морское гуляние стоил 2 рубля, но не знаю, на всех ли пароходах такая цена.

Пароходы уходили в море часов в 11 утра – на целый день.

На спардеке устраивали игры и танцы, эстрадный дивертисмент, в каютах играли в лото, на биллиардах, в шахматы и шашки, в карты и кости. Завтрак и обед, холодные закуски и чай подавали в буфете и в кают компании, конечно, за отдельную плату. Был там и кондитерской киоск и прохладительные напитки, и бар с пивом, коктейлями, ромом и обыкновеннейшей русской водкой. И многие за день так напивалась, что их укладывали в каютах и тем они отлеживались до возвращения в порт. Но этого я не видела, знаю – со слов папы.

В открытом море пароходы бросали якорь, желающие начинали купаться в море, спускали шлюпки, можно было покататься на веслах и под парусами, удить рыбу или забросить невод. Улов тут же жарили и приготавливали уху (и разные замысловатые блюда) а вечером, когда начинало смеркаться – со всех пароходов начинали пускать фейерверк. Огни ракет красиво отражалась в зеркальном заштилевшем море и казались мне волшебным зрелищем. Днем я много танцевала с какими-то девочками и мальчиками, но детей на пароходе было мало, малышей на морское гуляние не допускали, и все бывшие на пароходе ребята были старше меня, но я смотрелась лет на 13 и поэтому меня принимали за ученицу 4-5 класса.

В море пароходы не теряли друг друга из вида и когда на одном пароходе кончался фейерверк – другие пароходы начинали пускать ракеты. После фейерверка мачты и реи пароходов, и линии бортов покрывались сотнями разноцветных фонариков-электрических лампочек. Казалось, что пароход нарисован на фоне неба и моря разноцветным огненным пунктиром.

Ровно в 10 часов вечера иллюминированные пароходы снимались с якорей и под звуки марша своих оркестров выстраивались в кильватерную колонну и возвращались

в порт, где так приветливо подмигивал на высоком гребне Таганрогского мыса красный глаз на белой круглой башне его маяка. Каждый пароход пришвартовывался к своему пирсу, чтобы после полуночи, убрав свой праздничный наряд, отправиться по расписанию в свой обычный трудовой рейс.

К морскому гулянию в Таганроге задолго начинали готовиться. Шили легкие белые платья из прозрачных материй, заказывали новые шляпы, покупали туфли, кружевные чулки и перчатки, модные духи и самые красивые веера.

Устраивались пикники и так сказать сухопутные, в лес “Дубки”, посаженный при Петре Первом и, как это ни странно, по гнездовому способу, который в наши дни (середине XX века) так горячо рекомендует академик Трофим Денисович Лысенко. Но в “Дубки” ездили не всем городом, не по билетам, а отдельными семьями или дружескими компаниями – с собственною закуской и выпивкой.

В “Дубках” происходили и дуэли, в ту пору уже довольно редкие и по большей части среди военных.

За пять лет нашего пребывания в Таганроге случилась только одна “штатская дуэль” между секретарем Окружного суда Солодовым и бельгийцем – инженером Марини дё Шелье, служащим на заводе Вильде Нёф и Ко.

У Шелье была пресимпатичная и преизящная сестра – барыня. А Солодов был известный на весь город пошляк и гуляка, любитель грязных анекдотов и не менее грязных походов среди дам полусвета и податливых легкомысленных дамочек.

Как-то мадемуазель Дё Шелье купалась в море. Метрах в трехстах от дамской купальни была мужская купальня, где в это время купался Солодов. Видя, что мадемуазель де Шелье заплывла далеко от берега, Солодов забрался в дамскую купальню и незаметно проскользнул в ее кабинку и стал к ней приставать с разными пошлостями. Мадемуазель Дё Шелье подняла шум и позорно выгнала его вон, а потом и рассказала все брату.

Марини Дё Шелье послал Солодову секундантов и Солодов принял вызов.

Съехались рано утром в “Дубках”. Кинули жребий. Первый выстрел выпал Марини Дё Шелье. Увидев направленное на себя дуло, Солодов позорно струсил, упал на колени и стал просить пощады. И злые языки говорят, что белье его при этом увлажнилось, а на земле появилась лужица... Шелье расхохотался и бросил пистолет, но оставил за собой право по своему расправиться с оскорбителем.

Два через два, вечером, когда Петровская была запружена гуляющими, Дё Шелье столкнулся с Солодовым, (увивающимся возле каких-то девиц.) Ударом стэка, Шелье выбил ему один зуб и спокойно двинулся дальше, а Солодов, выплюнув выбитый зуб, схватился за щеку и скрылся в ближайшей аптеке. Все это разыгралось под окнами зубного врача Месеровича, который выскочил на улицу и подобрал выбитый зуб, а потом оправил его в золотую оправу в виде брелочка и выгодно продал какому-то любителю.

Весь город долго говорил об этом происшествии, и председатель суда предложил Солодову перейти в другой город, чтобы “не позорить своим поведением высокое судейское звание”.

Лето 1908 года снова проводили в Требухах.

Этим летом дядя Сашок стал преобразовывать старозаветное требуховское хозяйство на новый лад. Еще при жизни бабушки он ввел восьмидольную систему с точными таблицами севооборотов, а теперь приступил к механизации: купил два сепаратора (Мак Кормика) сенокосилки, конные грабли, жнейку со сноповязкой и другую самоброску, веялки, сортировавшие зерно на три сорта, дисковые бороны, купил чистокровных английских свиней Йоркширов, японских гусей, огромных коров Ярославской породы, быков Вильстермаршей и Ангельнов, каждое воскресенье вел контрольные “пробные удои” завел каких-то странных кур, которые летом теряли все перья и ходили голые, заложил ранней весной еще один фруктовый сад на площади трех гектаров, вообще развел лихорадочно-напряженную деятельность и сразу по нескольким отраслям.

Но особенно стал он увлекаться молочным хозяйством: наново переоборудовал он молочную, закупил шварневские ушаты, прессовальные столы, маслобойки, (вроде детских люлек, подвешенных на цепях к потолку). На доярках появились белоснежные халаты, и даже маникюр, масло прессовалось и расфасовывались в узорчатых формах, завертывалось в растительный пергамент: для закваски парных сливок каждый месяц поступали по почте партии закваски из Дерптского университета, молоко складывалось в особые плавучих холодильниках над ключами с низкой температурой плюс 6 градусов выше нуля. Но больше всего продавал он свежего молока: каждое утро отходили в город подводы с запломбированными флягами. (Поставлял он в городскую больницу, в какие-то интернаты) а масло выделывали нескольких сортов: кисломолочное, экспортное голштинское и парижское из горячих кипяченных сливок.

Дядя работал от зари до зари. Диплом свой об окончании университета по первому разряду он спрятал, а сам засел за агрономию и животноводство: стал изучать и строительное дело и по своим проектам построил новые культурно-оборудованные свинарники, амбары, молочные, конюшни, огромный сеновал с въездным мостом, вдоль всего здания на высоте второго с лишним этажа, откуда возы сена самосвалом опрокидывались и сено собственной тяжестью заполнило пространство нижнего этажа, так что только в углах и под мостом надо было размещать его ручным способом. Завел он и травосеяние: клевер, вика, шпергель-timoфеевка, люцерна и другие травы занимали его не меньше зерновых. Вообще, в свое дело вкладывал он всю душу и увлекался им до забвения. Сам проводил он и строительство, а когда со станции привозили огромные ящики с разобранными сельскохозяйственными машинами – он не прибегал к помощи механиков-сборщиков, а сам, засучив рукава часами изучал по чертежу каждую деталь и складывал машины. Сам опробовал он их, пускал в ход, сам обучал рабочих обращаться с ними, сам ликвидировал мелкие неполадки и заменял изношенные детали – новыми.

Часами смотрела я как он монтирует свои машины, помогала ему отыскивать в ящиках нумерованные части, переписывала ему таблички, отчеты. Энтузиазм его заражал меня.

И параллельно, дядя стал активным земским деятелем: строил на средства земства и добавляя к этому свои лесоматериалы и даже вкладывая деньги в больницу и школу в Польшковичах, лично и, конечно, бесплатно чертил проекты этих зданий

и почти каждый день ездил туда (за 5 километров на строительство, чтобы работающие не раскрани материалы и не испортили стройку).

Взял к себе дядя и двух земских жеребцов-производителей, чтобы крыть ими крестьянских кобыл и таким образом улучшить крестьянское конеполовье. И кормил этих жеребцов финской золотисто-буланой породы (Тонту и Бурана) на свой счет. Стояли они в конюшне вместе с дядиными выездными рысаками и конечно, не работали, только раза два-три в неделю их, чтобы они не зажирили и не застоялись. И мы с Волей иногда просились приехать на них два-три километра вместе с выезжавшим их кучером.

Соседи-помещики с одной стороны восхищались дядиной энергией и даже приезжали к нему за советом "перенимать опыт", как теперь говорят, но с другой стороны возмущались его филантропией или подозревали дядю в том, что он явно делает все бесплатно, а тайком что-то на этом зарабатывает, или же преследует какие-то непонятные карьерные цели, или коммерческие планы.

Но, однако, я несколько забегала вперед. Лето мы снова проводим в Требухах, через три дня после нашего приезда в старый Требуховский дом – наша мама снова слегла. У нее началась сильнейшая дизентерия. Мама таяла не по дням, а по часам.

Боясь инфекции, меня и Волю перевели на другую половину дома, в бывшую мамину детскую, а Саша Рыжкова, Волина няня, прожившая у нас в Таганроге всю зиму, превратилась в бессменную сиделку у постели мамы.

К Воле приставили было Франю, жену одного из дядиных служащих, но он ее не взлюбил и даже не позволил ей подойти к нему близко. И пришлось мне, 12-летней девочке, нянчить его самой днем и ночью. Воля тоже заболел гастритом, часто просыпался, плакал по ночам. К тому же Саша приучила его носить его на руках, покамест он не заснет, а для меня двухлетний, довольно упитанный ребенок был непосильно тяжел. Выбившись из сил, шагала я с ним по комнате, чуть освещенной крохотным ночничком и минутами мне казалось что руки мои сами собой разожмутся и я уроню его на пол... А Воля начинал оглушительно реветь, как только я опускала его назад на постельку и снова приходилось брать его на руки – и шагать, шагать...

Да и днем не было у меня ни минуты покоя. Надо было заварить чай и кофе, готовить маме какие-то особенные кисели из черники, набивать дяде папиросы, выдавать продукты, варить для нас и для дяди варенье и опять-таки весь день напролет нянчить и забавлять малютку Волю.

А маме становилось все хуже и хуже. Ездили к нам через день доктора. За визит платили мы им по 15 рублей золотом, но помочь маме не могли. Наконец все трое объявили, что не в силах ее поднять и посоветовали перевезти в город и положить в больницу, но мама от этого категорически отказалась и сказала, что предпочитает умереть в родном доме. Она уж не могла ни приподняться, ни повернуться на бок от слабости. И так исхудала, что между лучевой и локтевой костью на ее руках образовался желобок, а пальцы стали совсем прозрачными.

А папа все не приезжал. Отпуск его начинался 1-го июля. Было уже 12 июля, а его все не было. Оказывается что он так переутомился за год службы, что понемногу запустил дела и у него накопилось много ненаписанных решений по уже рассмотренным

делаю, и он не мог уехать, пока не сдаст всех дел до одного. Сидел он в Таганроге и упорно разгружал свои груды, а мы дрожали при мысли, что мама может умереть, не дождавшись папы.

Однажды вечером Саша прибежала ко мне в детскую в слезах и стала рыться в своем чемодане. Наконец вытаскала она платок с напечатанным на нем портретом Иоанна Кронштадского, священника, который славился в те времена, как праведник по молитвам которого выздоравливали многие безнадежно больные.

– Что ты делаешь, Сашенька? – допытывалась я в тревоге.

– Пишите, барышня, телеграмму папе в Таганрог, чтобы выезжали немедленно. Мамочке плохо, – шептала она, глотая слезы. А я за свой счет пошлю телеграмму отцу Иоанну. Пусть помолится. Врачи то, ведь, отказались лечить, безнадежной признали. Кто теперь ей поможет, кроме господ бога.

Тайком от дяди написала я телеграмму папе, достала свои деньги из копилки, а Саша написала свою телеграмму и мы отдали возчику, возившему в город по утрам молоко и с надеждой и страхом стали ждать приговора судьбы.

Через три дня приехал вызванный папа, испуганный и взволнованный.

И рассказал нам поразительный сон, приснившийся ему в те часы, когда писали мы ему телеграмму. Это был действительно потрясающий пример передачи мысли на расстоянии на каких-то еще неведомых науке сверхэфирных волнах.

Написав последнее решение, державшее его в Таганроге, папа вышел после обеда пройтись по Петровской и позвонить из суда на вокзал, узнать точно час отхода поезда на следующее утро. Билет уже лежал в его кармане. Встретив знакомого телеграфиста он почему-то остановил его и сказал, что если ему будет телеграмма – пусть тот принесет ее с черного хода и сам удивился своим словам: о болезни мамы он не знал и никаких телеграмм не ожидал.

Вернувшись домой в сумерках, он прилег одетый на постели и незаметно уснул. И приснилось ему, будто он продолжает свою прогулку, подходит к нашей квартире и с удивлением видит, что парадный ход настежь открыт. Он входит в переднюю, заглядывает в гостиную и видит, что в глубине ее сидит на турецком диване какой-то священник и, отвернувшись смотрит в окно. И вдруг вспоминает, что зимой как-то зашел к ним бедный глухонемой, продающий для заработка платки с портретами Иоанна Кронштадского и что Волина няня Саша купила себе такой платок. Папа хочет найти этот платок, подойти к своему нежданному гостю и попросить у него автограф на память, как вдруг навстречу ему выбегает из спальни Саша с распущенными и совершенно седыми волосами и с ужасом кричит:

– Барин! Барин! У нас большое несчастье! Барыня умирает. Попросите батюшку помочь, помолиться!

В этот миг резкий звонок разбудил папу. Он вскочил, отпер дверь и получил мою телеграмму:

“Выезжай немедленно. Мама очень опасно больна”.

Слушая папин рассказ, Саша и я дрожали от ужаса и удивленья и только тут признались, что одновременно с моей телеграммой написали и отправили другую в Кронштадт.

С приездом папы мамино здоровье первое время ничуть не улучшалось (молитвы видимо ничем не помогали) и папа бросился в город за другими врачами. Но и они только разводили руками и ничего серьезного не могли посоветовать. Бактериофагов тогда не существовало, витаминов тоже и надо было надеяться только на природу.

Я по-прежнему нянчила больного Волю, исхудавшего от поноса, даже измученная бессонными ночами с больным ребенком, а папа и дядя совсем пали духом и все в доме пошло вверх дном: ложились они под утро, когда доярки шли доить коров, не позволяли убирать со стола самовара, пили по ночам чай. Обедать стали в 8-9 часов вечера, а прислуги этим воспользовались и на всё махнули рукой. Комнаты совсем не убирались. В гостиных на подзеркальниках валялись окурки и грязные крахмальные воротнички. На рояле стояли новые Сотинки. На столовом столе книги и газеты купались в пролитом молоке среди грязных стаканов и объедков. Мерзость запустенья чувствовалась во всем. Паутина и пыль покрыли мебель, неполитые пальмы сохли в вазах и кадках.

И вот среди этого хаоса нашла я книгу Бунина “Листопад”, стала ее читать и не в силах была оторваться от чарующей лепки его образов. В один вечер, заучила его чудесную балладу к картине Васнецова “Витязь на распутье”, разрыдалась над стихотворением “Мать”, замирала от восторга перед сонетом “На высоте, на снеговой вершине”... И не знала что лучше: эти стихи, или “Огромный старый красный пароход у мола стал, вернувшись из Сиднея” – такой понятный и знакомый после ярких впечатлений от Таганрогского порта...

Помню как долго плакала я в тот вечер над его книгой и от красоты прочитанного, и от своего страшного детского горя.

И вот тогда, когда были выплаканы все слезы, когда мысль о смерти мамы переставала пугать меня своей жуткой новизной – мама стала неожиданно поправляться. Поправился и маленький Воля и, увидев маму после целого месяца разлуки с ней, с недетской чуткостью стал целовать ее исхудавшие ноги.

И сразу все вошло в привычный ритм: пошли остановившиеся часы и я после пяти, шести недель затворничества в комнатах и нечеловеческого напряжения сил вышла впервые в сад и чуть не упала, опьяненная свежим воздухом и ароматом цветов.

И только теперь начали мы все поправляться и отдыхать после всего пережитого.

Зима 1903-4 года снова прошла у нас в усиленных занятиях. Окрыленная первым успехом на экзаменах, я и в этом году хотела все сдать на круглых пятерках и поэтому училась охотно и много читала.

В этом году по “закону божию” проводилось богослужение. Священник-законоучитель сказал маме, когда мама попросила его отметить по учебнику, на что надо обратить особое внимание и что можно вычеркнуть, объяснил, что он не только спрашивает по книге чин обедни, но проверяет наблюдательность учащихся, запоминающих виденное и слышанное в церкви.

А я то в церкви почти не бывала и на таких вопросах могла позорно провалиться. Тогда мама решила, что иногда водить меня в церковь и не в греческую, куда она иногда заходила, а в русский собор. Ходили мы в церковь не часто и не по календарю, а по настроению.

В соборе был хороший хор, крестивший Волю священник служил с большим настроением и я – неожиданно для родных и для самой себя – вдруг почувствовала прилив глубокого религиозного чувства с большой склонностью к мистицизму.

Мама и не развivala во мне этих чувств, и не боролась с ними. В существование бога она верила, но к обрядам культа относилась скептически и порою с иронией, а папа бывал в церкви либо на официальных богослужениях по долгу службы, либо на похоронах, свадьбах и крестинах родственников. Христианство он воспринимал не в окаменевших формах религиозного культа, а в духе и истине, как мечту человечества о всякой правде и как моральную систему и, как поэт, остро чувствовал поэзию многих евангельских страниц. Вот почему мне предоставили полную свободу совести, считая что жизнь сама откроет мне глаза и сформирует мое мировоззрение. Не заставляли меня и говеть, так как мама росла при матери француженке, а у католиков только в 14 лет идут к первой исповеди, а до этого детей вовсе не приучают к церковным обрядам.

Этот порыв к чему-то небесному продолжался у меня почти всю зиму и как-то сам собой растаял к лету.

Поздней осенью 1903 года папа возобновил свои хлопоты о переводе в Киев. Попасть в Киев было нелегко: даже перевод в Киев на ту же службу из города средней руки, каким был Таганрог, считался тогда повышением, рассчитывать же на место товарища председателя папа мог только в небольшом городке, а он совсем не хотел снова окунуться в какую-нибудь провинциальную тину. Съездил папа в Киев, побывал в Петербурге и вдруг в середине декабря хлопоты его увенчались успехом. Папу перевели в Киев на ту же должность члена окружного суда.

Радости не было границ. В январе папа уехал, а мы остались в Таганроге до весны, так как тогда истекал срок квартирного контракта, по которому мы платили 4 месяца вперед, и главное я хотела сдать экзамены в уже знакомой Таганрогской гимназии, потому что в Киевском учебном округе были приняты другие учебники и многие части программы проходились в другом порядке и перестраиваться в середине учебного года, да еще потеряв много времени на переезд было слишком рискованно.

В эту же зиму началась японская война.

В первые дни войны по всем городам прокатилась волна патриотических манифестаций. По улицам городов шли толпы народа с оркестром музыки, несли портреты царя и царицы, пели гимн, и кричали ура. Оркестр бывал или полковой, или ученический из какого-нибудь учебного заведения. Школьники были рады под любым предлогом, да еще и с наказа начальства улизнуть на несколько часов из классов от какого-нибудь скучного урока, или трудного письменного и не за страх, а за совесть шагали из учреждения к учреждению и до хрипоты кричали ура. Рабочие в манифестациях почти не участвовали, зато подмастерья разных кустарей присутствовали почти поголовно. Были и домашние работницы, старички-пенсионеры, мелкие чиновники, торговцы, спекулянты часть интеллигенции, а более всего уличных мальчишек.

Мне, как ребенку, интересно было смотреть на эти манифестации, тем более что такие книжки как “Скобелев” и “За свободу братьев славян” Немировича Данченко и его же повести “Поднебесный аул” и “Мысейкина хурда-мурда” заразили меня

романтизмом войны и духом героических традиций нашей армии и я от души желала победы и возмущалась предательским ночным нападением японцев на нашу эскадру.

Скоро в комнате моей появилось несколько карт Дальнего Востока. Я наделала флажков из цветной бумаги и, читая газеты, каждый день втыкала флажки во все города и деревни, упоминаемые в сводках нашего штаба. Накупила я и открыток, изображающих наши броненосцы, крейсера, миноносцы и даже минные транспорты. Приблизительно через месяц в моем альбоме была подобрана вся наша тихоокеанская эскадра, все виды Порт Артура и Дальнего Востока, всего Ляодунского полуострова. Дальше шли портреты (открытки) наших генералов и адмиралов, а в самом конце – портреты японских генералов и микадо Мутсу-Хито.

Неожиданно приехал к нам на один день мобилизованный в армию, как врач, хирург дядя Сережа, живший все время в городе Александровске. По пути на Дальний Восток решил он сделать крюк и заехать к нам проститься, потому что на войне бывают и с врачом всякие неожиданности. Я была ему очень рада и просила дядю писать, а потом из Хабаровска из Манчжурии получала от него преинтересные письма, на которые старательно отвечала.

Но скоро мое восторженное увлечение войной стало приносить мне вместо горделивой радости, одно горе: искренне оплакивала я гибель броненосца “Петропавловска” с адмиралом Макаровым и художником Верещагиным, картины которого я хорошо знала по репродукциям. Гордостью и болью отозвалась в душе моей героическая гибель “Варяга” и “Корейца” в Чемульпо и подвиг двух неизвестных матросов, открывших кингстоны и утопивших миноносец “Стерегущий”, чтобы не сдать его врагу. О гибели “Стерегущего” в одной из газет появилось хорошее стихотворение, которое я заучила на память, но помню только последние строки:

И пусть нет имени у моряков-героев...
Никто не сдастся и никто не будет сдан. –
И вот бесстрашно эти двое
В грудь “Стерегущего” пустили океан.

По поводу гибели “Петропавловска” всю Россию облетел не анекдот, а подлинный факт, который автор романа “Порт Артур” Степанов ошибочно приписал одному из защитников Порт Артура:

В зимний дворец явился по какому-то делу известный остряк, отставной Киевский губернатор генерал Драгомиров. Встречает его мать царя императрица Мария Федоровна.

– Слышали, Михаил Иванович, какое случилось несчастье? – говорит она. – Погиб от мины “Петропавловск” с адмиралом Макаровым... Это ужасно! Но зато такое счастье, что уцелели великие князья Кирилл и Борис Владимировичи.

– Как же, слышал, ваше величество, – отвечает Драгомиров, – действительное большое несчастье: погиб наш Макаров. Ну, что ж, всегда так бывает: золото тонет, а дерьмо всплывает.

В эту зиму пришлось мне впервые говеть, так как гимназия требовала приложить к прошению о допущении меня к экзаменам свидетельство о говении, об оспопрививании и о состоянии здоровья.

Отнеслась я к говению очень глубоко и серьезно: ведь, совпало оно с полосой религиозного пыла, охватившего меня с осени. Я старалась припомнить все свои грехи и искренне раскаивалась в них. А грехов накопилось у меня с первых дней моей жизни порядочно: все мои капризы, вспышки дерзости старшим, иногда сказанная неправда – все стояло перед лицом моей совести, и я давала себе слово исправиться, переломить свою вспыльчивость, воспитать в себе силу воли стать кроткой сдержанной и вежливой. Но самым страшным своим грехом считала я пощечину маме и жестокость по отношению к Генриетте Ивановне Нейтлинг.

Месяца через два после рождения Воли пришла как-то к маме незнакомая дама и рассказала, что Генриетта Ивановна умирает с голоду. Мама в ту же минуту собралась к ней и захватила с собой все продукты, которые остались у нас в доме.

Помню, лежала Генриетта Ивановна на старой деревянной кровати без простыни с кучей старого тряпья вместо подушки – исхудавшая, странная, черная и длинная. В комнате, кроме этой разошедшейся кровати, не было ни стола, ни стула, ни табуретки. Мама дала ей денег. Соседи принесли какой-то стул, на который мама выложила масло, сахар, пакетик чая, бутылку вина и булки, и едва сдерживая слезы жалости, вернулась домой. Я шла с ней совсем убитая.

С тех пор несколько месяцев сряду мама посылала ей обед от нашего стола, которого хватало ей и на ужин. Генриетта Ивановна скоро поправилась, встала с постели и пришла к нам. К маме питала она саму горячую привязанность и благодарность.

Папа стал ее расспрашивать, каким образом она впала в такую ужасную нищету. Оказывается, она была круглая сирота, всю жизнь служила в боннах и гувернантках и замуж не вышла. Лет двадцать прожила она в имении князя Максудова. Максудов вскоре умер и имение его пошло с молотка. Затем лет 12 прослужила она в Таганроге у товарища прокурора Ганнота, которого только прошлым летом перевели в Усть Медведицкий окружной суд. Генриетта Ивановна вырастила его дочь Наденьку, а когда Наденька выросла – вела у них хозяйство, шила на всю семью, штопала, даже стирала, а они, уезжая, бросили ее на произвол судьбы, не заплатив за много лет больше тысячи рублей. Долго билась несчастная старушка, ища работы, но была уже слишком стара и слаба, а дети, вроде меня, от нее убегали, не хотели ее слушать и сидеть возле нее, а малышей она не могла нянчить, потому что не в силах была носить их на руках. Так и дошла она почти до голодной смерти.

Больно и страшно мне было слушать ее тоскливо-безнадежную повесть...

Папа тотчас написал от имени Генриетты Ивановны письмо Ганноту, взывая его к совести. Ганнот стал высылать ей по 10 рублей в месяц и прислал расписку, указав, в ней полную сумму своего долга, а мама подарила ей старенький столик, два стула, немного посуды и целый узел еще крепкого, хоть и поношенного белья и платьев. И снова целый год посылала ей обеды.

Раз в неделю Генриетта Ивановна приходила к нам в гости часов около трех, обедала с нами и уходила часам к восьми, унося либо пакет продуктов, либо каких-нибудь

вещей. Посещения эти для меня были мучительно-тягостны: мне было стыдно перед нею и жаль ее, но вместе с тем ее присутствие давило меня и наводило на меня невыносимую тоску. Под любым предлогом уходила я в другие комнаты, чтобы не видеть ее высокой, чуть сгорбленной фигуры, похожей, как мне казалось, на смерть...

И вот когда пришлось впервые идти к исповеди – пожалуй самым тяжелым камнем на моей совести была Генриетта Ивановна. Да и теперь мне часто кажется, что судьба так жестоко наказала меня на склоне лет за то, что я не пожалела ее нищей, одинокой старости...

На пасху приехал к нам из Киева папа, а из Харькова Жанн Бренфо. Папа привез мне в подарок роскошно изданную повесть Станюковича “Севастопольский мальчик” и его же “Морские рассказы”. Я буквально ими зачитывалась. Хотя Жанн привезла мне тоже книгу “Джунгли” Редьярда Киплинга и красивую серебряную сахарницу “чтобы я ее не забывала, когда вырасту”.

Еще до рождения Воли попробовала я сама сочинять сказки. Фантастику я очень любила и перечитала кажется все известные сборники сказок разных писателей и разных народов. Любила я и легенды вроде легенд Сельмы Лагерлёф, Лескова и других авторов, но всего этого было мне мало.

Для своих сказок завела я тетрадку из хорошей плотной бумаги, склеила для нее обложку из блестящей красной бумаги, на обложку наклеила буквы из “золотой” бумаги, а в тетрадке, в начале и в конце сказки, в виде заставки и концовки, наклеивала хорошенькую ажурную картинку (которую либо покупала, либо получала в виде премии при покупке тетрадей). Из этих картинок самой красивой мне казалась ветка ландышей и кот, сидящий на скамеечке и играющий на виолончели.

За эту и предыдущую зиму написала я десятка два сказок и несколько довольно нескладных стихотворений, и не подозревала, что папа тайком читает мои сказки и находит в них искры таланта. При переезде в Киев я куда-то засунула эту тетрадку и считала ее потерянной, и только лет через двадцать нашла ее в книжном шкафу после его смерти. Он свято хранил ее, как память о моих первых литературных шагах.

Весной 1904 года я снова сдала экзамены на круглых пятерках и получила свидетельство о том, что считаюсь перешедшей в 4 класс, что соответствует теперешнему шестому классу.

Не успели закончиться мои экзамены, как снова приехал папа и начались наши сборы в дорогу в Киев.

Я забыла сказать, что этой зимой мама пригласила мне учительницу немецкого языка, мадемуазель Пикли. Родом она была из Мюнхена, дочь председателя мюнхенского суда, окончила институт в Кронбахе и, помимо своего родного языка, бегло говорила по английски, по французски и по итальянски, знала и греческий, рисовала и играла на рояле, – вообще была настоящей интеллигенткой, человеком воспитанным и деликатным. Приходила к нам три раза в неделю и занималась с 10 до 12 часов и за зиму заложила во мне солидный фундамент по знанию немецкого языка.

Жизнь ее сложилась невесело: в детстве она упала на катке и стала горбатой. Посватался к ней какой-то молодой юрист, но затем бросил ее, найдя богатую невесту. Тогда она уехала в Афины и стала учительствовать, но там от солнечного удара

заболела менингитом, чуть не умерла и после этого пришлось ей ехать в холодную Россию зарабатывать деньги на старость.

Мадемуазель Пикли приносила нам на уроки показывать виды Греции: нынешних Афин, пропилеев, развалин агоры, храма крылатой победы и Парфенона, виды Милета, Родоса и Геликона. Мама очень подружилась с нею и часто приглашала ее к нам в гости. Мама тоже себя чувствовала в Таганроге одинокой, потому что, когда папа раззнакомился со многими своими коллегами, ей тоже пришлось порвать знакомство с их женами и остаться в одиночестве. Вскоре Пикль стала в нашей семье своим человеком. И не смотря на внешнюю почти дружбу во многих вопросах мы говорили на разных языках.

Был, например, такой случай: как-то раз я не выучила того, что она мне задала. Не зная, что я сделала это по маминому разрешению, она заявила что надо меня высечь. Мама возмущенно ответила, что будь я даже виновата, она меня бы и пальцем не тронула, а тем более никому не позволила бы меня бить.

А я, вспыхнув как порох, от возмущения крикнула ей:

– Если бы вы посмели меня тронуть – я нашла бы место, куда бы вам больно ударить.

В эту минуту я совершенно забыла, что она горбата...

Мама спокойно остановила меня и на следующий урок заставила меня извиниться. Внешне все как-будто бы было забыто и отношения снова стали милыми и сердечными, но с этого дня я возненавидела немецкий и все немецкое и, когда Пикль уходила, нарочно начинала петь русские солдатские песни “чтобы очистить душу от всего немецкого”.

А на войне как раз начались неудачи. Пикль каждый раз иронически высказывала мне свое соболезнование, а это соболезнование било меня по моему русскому самолюбию хуже хлыста. И она, с каким-то садизмом, каждый раз возвращалась к этой теме и все расхваливала своего кайзера Вильгельма, называя его гением, а немецкую армию лучшей в мире. Не сомневаюсь, что лет тридцать спустя она стала яркой нацисткой.

И вот окончились экзамены. Пикль уехала на лето к родителям в Мюнхен, а мы стали собираться в дорогу. Генриетта Ивановна Нётлинг с трагической тоской в глазах смотрела, как пустеют наши комнаты, как растет в сарае гора ящиков с посудой и мебелью и, как последнюю драму своей одинокой старости, переживала наш отъезд.

Мне тоже было грустно: я полюбила море и солнечный, уютный Таганрог, такой чистенький, аккуратенький и веселый. Но новизна впечатлений гасила эти минуты печали – и без слез, без отчаянья смотрела я из окна вагона, как исчезает вдали Азовское море и Таганрогский мыс, утопающий в зелени цветущих акаций.

Лето мы провели в Требухах.

Вещи мы отправили малой скоростью в Киев. Туда же уехал и папа, а мы, по обыкновению, помчались на север в Требухи, где уже поджидал нас дядя Сашок.

В это время дядя перестраивал старый Требуховский дом: в комнатах перестелила полы и перекладывали печи по его чертежам. Сделали новое цементное крыльцо взамен старого деревянного, вместо деревянных колонн поставили каменные. Из обстановки прибавились новые ковры, посуда. Дядя собирался жениться.

Невеста его была вдова горного инженера Владимира Николаевича Коншина, уроженка Саратова, рожденная Муравская. Она была очень красивая, неглупая женщина и талантливая артистка. Вместе с Н.С. Станиславским училась она у Федотовой и вместе со Станиславским начинала свою сценическую карьеру, но вскоре переехала в С.Петербург и стала играть в малом театре Суворина. Там несколько лет блистала она как гранд кокетт и инженерю драматик. Талант ее был большого диапазона. Однажды в ее бенефисе шла пьеса Чехова "Иванов", где играла она Сарру. За этот спектакль Чехов поднес ей кольцо со старинной персидской бирюзой и двумя бриллиантами-розочками. Это кольцо Чехов получил в подарок от какого-то перса, как талисман, а он в свою очередь подарил его моей будущей тете.

Выйдя замуж за Коншина, Евгения Николаевна ушла со сцены и уехала с мужем путешествовать. Не прошло и года, как у Коншина обнаружился туберкулез костей. Болел он целых восемь лет и все эти годы они ездили по разным курортам и санаториям Европы и юга России, но все эти курорты ему не помогли...

Познакомился дядя с Коншиными осенью 1900 года в Ялте, где он отдыхал после водолечебницы и Куяльницкого лимана и часто бывал у них. Когда же на следующее лето мы остались в Таганроге по случаю рождения и болезни Воли, он пригласил супругов Коншиных провести у него в имении лето. Очевидно, тогда же дядя и Евгения Николаевна увлеклись друг другом...

В сыром климате Белоруссии Коншину стало хуже и они скоро уехали снова на юг и дядя надолго потерял их из виду и только зимой 1903-4 года дядя снова случайно встретился с нею на улице в Москве. Оказывается Коншина уже не было в живых и Евгения Николаевна, видя, что огромное состояние Коншина прожито, снова подписала контракт, и должна была ехать в Петербург играть в Малом Театре. Эта встреча решила судьбу обоих: 12-го января 1905 года они повенчались и приехали в Требухи. За разрыв контакта дяде пришлось заплатить Суворину неустойку в 15 тысяч рублей золотом.

На малые остатки Коншинского полумиллионного состояния Евгения Николаевна приобрела в Сочи участок земли и дядя построил там пятикомнатную дачку, вокруг которой насадил инжир, мандарины, миндаль, орехи и прочие южные фруктовые деревья и кусты. Новый брак спас Евгению Николаевну материально, потому что с ее размахом жить в столице, имея многокомнатную квартиру на свое жалованье артистки она не смогла бы.

Мама скептически отнеслась к дядиному браку, но, конечно, ни советовать, ни спорить с ним не стала: она была сторонницей полной свободы человека в личных делах. Приехав в Требухи летом 1904 года, когда дядя был еще женихом, она много наслушалась от прислуг о скверном характере их будущей барыни. Все они, как один, не влюбились ее за капризный нрав, резкость, мотовство, за презрительно-повелительный тон, которым отдавала она приказания, даже будучи только гостьей – за то, что она в дорогих белых туфлях и платьях со шлейфами ходила по грязи после дождя и каждую вещь, чуть-чуть поношенную, выбрасывала как негодную. Все это, конечно обличало происхождение Евгении Николаевны, дочери мелкого почтового чиновника

и саратовской мещанки: мещанин во дворянстве всегда дерет нос много выше истинного аристократа и, разбогатеv швыряет деньги без счету...

Мы боялись, что она не уживется в деревне, но на этот раз к счастью, ошиблись. Все-таки Евгении Николаевне было лет под сорок, она стала полнеть и для сцены с ее нервной жизнью стала уже старовата. Менять амплуа она не хотела, не хотела и дорогу уступить молодежи и замужество было для нее выходом из сложного положения.

В это лето, к счастью, никто из нас не болел и в сентябре 1904 года мы наконец приехали в Киев. Папа нанял для нас квартиру в доме №34 по улице Гоголя, рядом с домом, где уж много лет жил дядя Коля. К нашему приезду папа распахивал мебель, и дал отлакировать и починить попорченное в пути, повесил портьеры и гардины на окнах, купил цветов, сервировал хорошую закуску и приятно обрадовал нас своею теплой заботой.

Квартира нам тоже понравилась: в ней было шесть больших комнат, балкон и с высоты четвертого этажа открывался великолепный вид на кадетскую рощу и политехнический институт на Шулявке. По ночам вся эта даль мигала и переливалась несметной россыпью городских и железнодорожных огней. Комнаты после ослепительной белизны Таганрогской квартиры казались необычайно пестрыми от цветистых обоев и раскрашенных лепных потолков и кафельных печей с барельефами и лепными карнизами. Все это нам очень понравилось, да и сам Киев показался нам красивым и даже величественным после миниатюрно-изящного Таганрога.

Дымно-серая громада широко раскинулась на своих семи холмах, вечно увитая сизоу дымкой и казался мрачноватым после ослепительного хрустального солнца Азовского побережья. Станным казался не красный, а серовато-желтый тон его кирпичных домов. Поражала высота пяти и шестиэтажных домов, похожих на многооконные башни, а лазурная ширь Днепра, перехваченная ажурными арками мостов так и просилась на картину.

Приблизительно через месяц после нашего приезда приехала к нам и мадемуазель Пикли. Не захотела она возвращаться в Таганрог и думала хорошо устроиться в Киеве. С нею мы несколько раз ездили кататься по городу в пароконном экипаже, но если Киев поражал нас своими красивыми видами и огромными постройками, садами и парками, то вместе с тем он казался грязным и в некоторых отношениях отсталым по сравнению с Таганрогом: канализация тогда была только в центре, а на средних улицах вроде нашей Гоголевской из-под каждой подворотни текли на улицу ручьи помоев. На мостовых валялись грязные бумажки, окурки, навоз, а после частых дождей надолго застаивались на площадях грязь и топкие лужи. В самом центре города думская площадь была замощена лишь по краям, а посреди на бугристой смоченной земле стояла грязь и рылись свиньи.

Электричество тоже сияло лишь в центре и на Гоголевской по прежнему горели в нашей квартире керосиновые 20 и 25 линейные лампы. Не было и газа, как в Таганроге.

Да и публика казалась бедной и плохо одетой по сравнению с Таганрогской: прислуги ходили по деревенски в белых или темных платочках, в кофточках на выпуск и в дешевых бусах-наместах на шее. Витрины были маленькие и скромно убранные,

и новые моды не сразу преображали толпу, как в Таганроге, где каждую осень и весну толпа резко меняла свой внешний вид по велению владычицы-моды.

И народ был неприветливый и нелюбезный: и в Москве и в Таганроге каждый отвечал на улице весело и приветливо, а тут если мама спрашивала прохожего, как пройти на какую-нибудь улицу, ответы бывали самые неожиданные: если прохожий был поляк он резко цедил сквозь зубы:

– Нье вем, пани.

И быстро шел дальше, не желая говорить по русски.

А если это был украинец, он нехотя лениво буркал:

– Шукайте сами. Я не тутешний.

Или:

– Праворуч перша вулиця.

Это и возмущало, и злило маму, а дядя Коля хладнокровно объяснил:

– А за что им, собственно любить нас, русских? Может быть за то, что Польшу разорвали на три части, самую большую забрали себе, а другие кинули Пруссии и Австро-Венгрии и завели в ней наши полицейские порядки? Вот у Поля был в Таганроге друг Раюнец, такой же юрист и такой же член окружного суда. А этот самый Раюнец не может служить с ним в Киеве и нигде западнее Днепра, потому что он поляк. За что такая дискриминация? Может быть, он в тысячи раз умнее и честнее другого русского, или немца, а пути ему заказаны как негру в Америке. Да и мы сами – какие мы, собственно, русские? Потомки запорожских казаков, украинцы, а называться должны русскими, или в крайности малороссами. Нас за отдельный народ не считают, хотя есть у нас и свой язык и литература, и музыка – даже опера.

– Да, но русские дали миру Толстого, Достоевского, Пушкина, Тургенева, Сеченова, Менделеева, Чайковского, Глинку, Васнецова, Репина, Верещагина, а у вас один Шевченко на закуску, на первое, на второе, на третье и на десерт, – вскипела мама, обиженная таким неуважением к своей родине.

– Да, но так случилось потому, что при Петре первом из Киева забрали и увезли в Москву и Феофана Прокоповича, и Стефана Яворского и всех других наших ученых, лишили нас лучших людей и держали, как пасынков, за бортом жизни. Не даром один великий человек, которого пока знают весьма немногие люди, называют нашу “матушку Расею” тюрьмой народов, – парировал дядя Коля и, протирая замшей очки и помаргивая близорукими красивыми глазами, добавлял:

– А теперь японцы бьют и в хвост и в гриву нашу “великую”.

– И слава богу, что бьют – авось, хоть что-нибудь вобьют в пустые головы нашим архаровцам.

– Там люди кровь проливают, гибнут, а вы радуетесь, – с болью тихо отвечала мама.

– Били и под Севастополем при Николае первом. И это дало нам хоть краткую полосу реформ. Авось, и после японцев получим “хоть куцую да конституцию”, – договаривал дядя Коля и водружал на свой тонкий красивый нос протертые очки. – А остальное мы сами возьмем. Может быть даже сразу поставим на своем.

Такие разговоры редко разыгрывались в моем присутствии, но после ухода дяди Коли я начинала тормошить папу:

– Папа, почему дядя Коля ругает Россию. Ведь, она наша, родная.

– Потому что он желает ей добра и видит ее недостатки.

– А какие? – попытывалась я. – Разве за границей лучше?

– В некоторых отношениях – да, – отвечал папа.

И начинал загибать пальцы на руке:

– Там всеобщее образование и притом обязательное, а у нас более 70% населения неграмотное. Все там могут читать газеты и книги. Это – раз. Газеты там выходят без предварительной цензуры и каждый может писать в них, что захочет, что считает правильным и полезным. Там можно критиковать правительство, изобличать в газетах злоупотребления чиновников. Это – два. Затем народ, правда не весь, но хотя бы часть его, пользуется избирательными правами, то есть может выбирать своих представителей или депутатов, которые сочиняют законы и требуют от министров и других исполнительных властей, чтобы они выполняли законы, написанные самим народом через их представителей. Это – три. Паспортов там нет и каждый человек может ехать когда и куда ему хочется. Это – четыре.

– Вот и не так: Пикль заграничная, а у нее есть паспорт. Я сама видела, – пыталась я поймать папу на слове.

– Да, ей выдали паспорт, потому что она ехала в Россию, где без паспорта нельзя жить. Но если бы она ехала во Францию, или другое свободное государство – паспорт был бы ей совершенно не нужен.

– Ну, а еще что, – продолжала я, наморщив лоб и стараясь понять все, что говорит папа.

– Еще что? Да вот евреи имеют там все права: они могут свободно поступать во все учебные заведения и учиться чему хотят и где хотят, а у нас на сто человек учащихся русских принимают только десять человек евреев. Окончив образование каждый еврей может поступить в любое государственное учреждение и служить по своей специальности, а у нас евреи не имеют права служить на государственной службе, не могут быть офицерами, не могут даже жить где им хочется. А всюду за границей они имеют равные права с коренным населением.

– Вот ты опять ошибаешься, – перебиваю я папу. – Пикль говорит, что у них в Германии евреев нигде не принимают и она даже называет их не евреями, а жидами.

– И очень глупо делает, – возмущенно роняет папа, но умолкает, так как непедагогично дискредитировать старших в глазах ребенка. – В гости их может быть и не приглашают и не принимают в высшем свете, но служить они имеют право и служат где и как хотят.

– А она говорит, что если на одну вакансию подают прошения немцы и евреи, так всякий начальник обязательно возьмет немца, а еврея отошлет без работы.

– Вот это бывает, потому что среди немцев есть еще много глупых людей «*parce que, parmi les Allemands ont beaucoup de gens stupides*», как говорят французы. Но это не по закону. Зато уж таких мерзостей, как черта оседлости там нет и в помине. Ты только подумай, детка, какой это позор, что у нас в Киеве евреи могут жить на Подоле, на еврейском базаре, на Большой и Малой Васильковской улице, а на Крещатике, в Липках, или даже здесь на Гоголевский улицах жить им запрещено. Разве это справедливо?

Я задумалась.

Действительно, жизнь, оказывается, у нас не совсем хорошая. Мне всюду можно жить, а Рейзе и Молке, с которыми я так дружила в Брацлаве – нельзя.

А папа продолжает, скорее думая вслух, чем просвещая меня, ребенка:

– И нигде в просвещенных государствах, кроме дикой Персии и Турции нет такого положения, чтобы людей без суда и следствия обыскивали по приказу какого-то жандармского офицера и потом ссылали в ссылку, отрывая от учения, от близких людей, от возможности жить в городе, среди привычного круга людей. И за что? За то, что они прочли несколько книг, неугодных разным черносотенцам, или где-нибудь в обществе громко сказали, что наше государство неправовое, что законы у нас хороши только на бумаге, а на деле жандармы являются государством в государстве, в чьих руках жизнь и свобода любого из нас... Да и в других отношениях Россия позорно отстает от всей Европы. Если взять простую статистику: сколько там приходится на душу населения мыла, бумаги, книг, газет мануфактуры, железно-дорожных путей – так окажется, что Россия – самая темная, самая грязная, самая безграмотная и дикая страна... И как это больно, если подумать, что есть у нас такие люди, как Лев Толстой, как Пушкин, как Гоголь, такие самородки, как Ломоносов и Максим Горький. Значит, велик народ, но правительство недостойно его. Только об этом нельзя, моя Зиночка, говорить вслух. За это можно и самому пропасть ни за понюшку табаку. А ты у меня умная, ты должна себя беречь, чтобы и без тюрьмы принести нашей бедной России много – много пользы.

– Неужто мы хуже даже турок, – говорю я совсем убитая.

– Нет, турки еще хуже нашего. У нас только полиция да какие-нибудь акцизные берут взятки, а там нет чиновника не взяточника. Так и судьи без “бакшиша”, то есть взятки, не судят. И вообще, Турция совершенно потеряла всякий престиж. Финансы ее в таком состоянии, что даже жалованье чиновникам задерживают и не платят по два-три месяца. И вообще – Турция, это не государство, а одно сплошное недоразумение. Не даром зовут его “больным человеком”.

И папа решительно обрывает разговор, зашедший слишком далеко для моих лет.

Пикль прожила у нас недолго. В Киеве было слишком много немков, ищущих частных уроков, а средняя публика плохо соображала, что она не чета обычной малокультурной гувернантке и предлагала ей за уроки гроши, а Пикль приезжала в Россию не за тем, чтоб кое-как прожить, а за тем, чтобы скопить себе капитал и поэтому скоро уехала в Рамонь, в имение великой княгини, сестры царя, учить трем новым языкам детей ее управляющего.

Мелькнул октябрь. Началась осенняя распутица, и тут-то я ощутила разницу между сухим солнечным Таганрогом и Киевом. От вечной сырости, туманов и дождей снова начались у меня и мамы забытые в Таганроге насморки, ангины и бронхиты. Чихала и кашляла и мама, и на этой почве вопрос о моем поступлении в гимназию снова был отложен на год. Мама снова купила мне учебники, узнала, что надо пройти и снова начала со мной заниматься – готовить меня к экзаменам экстерном. Правда теперь мои занятия стали серьезнее и маме пришлось по вечерам много читать и готовиться к урокам, чтобы ответить на любой вопрос, который могла я ей задать по любому из предметов.

Зато на работе папе в Киеве стало много легче, чем в Таганроге. В заседание начинали не по сорок дел, как в Таганроге, а дел по 14-15, да и дела были не такие сложные и запутанные. В свободное время папа стал часто бывать в Народной аудитории на Бульварно-Кудрявской, где каждую субботу устраивались общедоступные концерты для рабочих и небогатой публики, билет на такой концерт стоил всего двадцать копеек и зал был всегда переполнен рабочими, студенчеством и жителями ближайших улиц. В концертах участвовали совершенно безвозмездно – лучшие солисты оперы, драматические актеры, профессора музыкального училища, которое через несколько лет было преобразовано в консерваторию, профессора, критики, музыковеды.

Каждое воскресенье в этой же аудитории читались научно-популярные лекции с бесплатным входом, литературные диспуты, доклады и т.п. Папа тоже там выступал: читал стихи, делал литературные доклады, участвовал в диспутах по вопросам литературы. Зато в суде, чтобы не повторился горький опыт Таганрога старался держаться в стороне: со всеми был приветлив и вежлив, но ни с кем не знакомился домами. Из Таганрогских сослуживцев он много лет переписывался с Раюнцом и Раюнец, ездивший летом к старушке-матери в Польшу, каждый раз заезжал по дороге в Киев и обязательно бывал у нас в городе или на даче.

Но так как без людей было невыносимо, мама разыскала свою бывшую классную даму Анну Степановну Доршпрунг-Целиццо, вышедшую замуж за старого генерала Завадского. Жили они на Паньковской улице в собственном доме №25. Генерал Завадский, Севастопольский герой и георгиевский кавалер недавно умер. Семья была в трауре. Встретили они меня с мамой приветливо. У Анны Степановны было три дочери: Наташа, старше меня лет на 5, красавица Стефа (Степанида) года на два старше меня и Ксения – девочка лет 10. Со Степанидой я подружилась не сразу, а много лет спустя.

Возобновили мы знакомство и с супругами Прохоровыми, в квартире которых лежал больной дядя. Прохоровы часто приходили к нам со скрипкой и когда у нас появилось пианино не раз играли у нас.

Бывали мы и у Риттеров. Николай Александрович Риттер был членом судебной палаты из остзейских немцев, женатый на Анне Михайловне Королько, родной сестре Алексея Михайловича.

Часто бывали мы и у дяди Коли, женатого на своей троюродной сестре Надежде Федоровне Демченко. Сестра Надежды Федоровны Вера Федоровна окончила Московские высшие женские курсы по филологическому факультету и преподавала литературу в одной из киевских женских гимназий. Она была тесно связана с подпольными организациями С-Д большевиков и была близким другом тов. Урицкого.

Часто ходить по гостям нам было некогда: жизнь была расписана не то что по часам, а по минутам от 10 часов утра до 7 часов вечера. Только воскресенье, да вторая половина дня в четверг были для нас свободны.

Зато у папы образовался широкий круг знакомых среди бывших университетских товарищей, журналистов, артистов и профессуры. В первую же зиму стал он постоянным сотрудником газеты "Киевские отклики", где редактором был Николай Прокофьевич Василенко историк-педагог. Вскоре за какую-то неугодную правительству статью Василенко попал в тюрьму. Там он написал свою диссертацию, которую вскоре

защитил, получив ученую степень магистра истории, а после революции его избрали академиком. Годом спустя папа стал сотрудничать и в газете “Киевская мысль”. В этой редакции подружился он с Анатолием Васильевичем Луначарским, Александром Яблонским, доктором Львом Наумовичем Войтоловским, известным критиком-рецензентом, отставным полковником Оберучевым, судившимся за офицерскую подпольную организацию в рядах русской армии, с редактором газеты Михаилом Исаевичем Эйшишкиным и многими другими. Бывал он и у поэта Даниила Максимовича Ратгауза, на слова второго многие композиторы и даже сам Чайковский написали немало романсов.

В общем, папа чувствовал себя в родной стихии и был счастлив.

В программу четвертого класса, которую проходила я в эту зиму, входила история древнего мира. Мама решила, что следует оживить мои знания каким-либо художественным материалом из темы древнего мира и сначала дала мне прочесть Генриха Сенкевича, а потом взяла билеты на оперу “Нерон” музыка Рубинштейна. Вообще мама придавала наглядности огромное значение и была совершенно права.

Опера произвела на меня потрясающее впечатление. Правда, постановка была роскошная, да и сцена киевской оперы была так велика, что на нее можно вывести целую толпу народа. Костюмы сверкали шелками и золотым шитьем. На форум Пoppея Сабина, императрица Агриппина и сам Нерон въехали на позолоченных колесницах, запряженными четверками белоснежных коней. Железные когорты русских легионов проходили по сцене и на каждой когорте были туники и плащи, шлемы и панцири были другого цвета и рисунка. Великолепно был сделан пожар Рима с падающими зданиями, колоннами и статуями императоров и богов. Декоратор-художник Эвенбах хорошо изучил античную архитектуру и дал блестящие виды вечного города.

Нерона пел Бонавич, Виндекса – Брагин, Хризу – Друзякина, жившая в том же доме, где и мы. Я глаз не сводила со сцены и долго потом напевала мотивы Эпиталамы из девичьего хора из первого акта (белых туник ткани) и арии Нерона “Иллион! Иллион!”.

Содержание оперы я прочла по либретто дома, поэтому великолепно разобрала всё, что происходило на сцене.

После этого, древний Рим встал пред моими глазами, как живой. Я прочла кроме “Кво Вадис», мелкие рассказы Сенкевича из Римской жизни, драму Майкова “Два Мира”, повесть Мордовцева “Жертвы вулкана”, а затем принялась за Вагнера “Элладу” и “Рим”. Это были те книги, которые папа получил в гимназии в награду. После романов и повестей они казались суховатыми, но и их я прочла от доски до доски и конечно знала древнюю историю много лучше многих своих ровесниц.

С той поры мечтой моей стала опера. Об опере думала я каждую свободную минуту, но, по обыкновению, я никогда не просила взять меня в оперу еще раз. Я знала, что мама сама знает, что и когда можно себе позволить.

В ту зиму была я еще на “Гугенотах” и на “Демоне”. Эти спектакли тоже оставили глубокое впечатление, но уж не такое потрясающее, как первое.

Весной держала я снова экзамены. По арифметике готовила меня теперь не мама, а студент математического факультета Осип Николаевич Гельман. Может быть, для себя он и хорошо знал математику, но объяснял плохо. Он показывал как произвести

действие, чтобы добиться ответа, но внутреннего смысла этого действия и логического соотношения величин в каждом ответе он не объяснял и поэтому задачи я решала механически и вовсе не писала объяснений. А на экзамене заставили написать объяснение и подробное. Задачи были решены, ответы правильны, но объяснения написано не было. Поэтому по письменному я получила тройку, по устному пятерку, а в аттестат вывел четыре. Четверку поставил мне и естествовед, хотя ответила я на все вопросы и без запинки. Эти две четверки порядком испортили мне настроение. Я считала, что только пятерка – отметка приличная и долго ходила с обидой в душе и чувством стыда, очень для меня непривычного и обидного.

Вообще Киевская женская министерская гимназия, единственная казенная женская гимназия Министерства народного просвещения показалась мне и папе с мамой очень сухой, чиновничьей и строгой. И это действительно так и было. Большинство киевских педагогов, хоть и были людьми весьма знающими, хорошими методистами, по политическим своим убеждениям были черносотенцы, а в быту принадлежали к типу “Человека в футляре”. И вообще наряду с массой прогрессивных профессоров и инженеров, группировавшихся вокруг политехнического института и отчасти вокруг института коммерческого, добрая половина университетской профессуры была монархически-консервативной. А уж об учебном округе говорить не приходится. Не то было в Таганроге. Это был индустриальный и приморский городок, а эти два фактора будили там общественную мысль и разъедали, как кислота металл, старые формальные догмы и бытовые обычаи. Не было там ни черты оседлости, ни “положения об усиленной охране”, а большой процент иностранцев придавал городу много западно-европейских черточек. И казачество, и военщина как-то стусевались и почти не соприкасались с учащейся молодежью. Внешне это выражалось хотя бы в том, что в Таганроге не так сухо и строго соблюдали форму. В Таганроге ученицы старших классов причесывались как хотели – по моде. Форменные платья и фартушки, конечно, носили, но шили их до земли, а иногда даже с небольшими шлейфами. А в Киеве это считалось чуть ли не преступление: классные дамы проверяли аршином, сколько у каждой ученицы длина юбки и если в 8 классе юбка была на сантиметр чуть длиннее, чем на вершок пола – приказывали дома ее подрезать или подшить. А если у кого-нибудь на голове были в понедельник следы воскресной завивки – несчастную ученицу тащили в уборную под водопроводный кран и мочили волосы до тех пор, пока они не прилипали к голове. Запрещали и оборочки на фартуках, и кружевные воротнички: воротничок должен быть полотняный, совершенно гладкий без вышивки и обязательно туго накрахмаленный. Все это казалось таким несправедливым и придирчивым формализмом после веселого солнечного Таганрога, что невольно сжималось сердце переступая порог гимназии.

Получив свидетельство о том, что я сдала экзамены за курс 4 класса и остаюсь перешедшей в пятый класс, стали мы думать, где провести лето. В огромном душном Киеве это было слишком тяжело нам всем, привыкшим к деревенскому приволью, но ехать в Требухи было неудобно, с точки зрения хорошего тона: мы еще не были знакомы с тетей Женей и ждали первого визита к себе новобрачных. Правда, она писала маме любезные пригласительные письма, но мама держалась принципа, что с родственниками лучше видеться изредка, но сохранить на всю жизнь хорошие отношения,

чем сразу нагряться, загоститься и с резким и нетерпеливым характером нашей ново-явленной тети дойти до разрыва. И впервые глубокой болью почувствовала, что с приходом новой хозяйки ее родной дом перестал быть для нее родным домом... Все это подсказывалось теми нелестными отзывами о тете Жене от Алексея Михайловича, от Требуховского священника, от тетушки Варвары Федоровны Войцех, от ее дочери тети Наташи, от всех прислуг соседей, знакомых и официальных лиц бывших в Требухах в то лето, когда она гостила там и была еще мадам Коншиной.

Ехать всей семьей куда-нибудь на курорт нам было не по средствам, да и лето тянулось месяца три-четыре и один месяц отдыха не мог нас удовлетворить. Поэтому стали мы искать дачу. Ездили в Пуцу Водицу, в Китаев, в Бучу и Ворзель и, наконец, остановились на Святошино – удобное трамвайное сообщение связывало Святошин с Киевом лучше всех прочих дачных мест. Живя там, папа мог провести на даче все лето и ездить оттуда в Суд на заседания раз-два в неделю.

Святошин – это был большой казенный сосновый бор, где участки под дачу не продавались в собственность, а отдавались в аренду на 99 лет с правом вырубить только те сосны, которые были та территории будущего дачного дома – и те за выкуп. Дачи там строили дорогие и нарядные, публика в Святошине была самая приличная. Евреи там права жительство не имели. Но зато дачи были очень дорогие и густо заселены. Одна комната шла в центре Святошина по 100 рублей за сезон, на каждой даче жило по три-четыре и больше семейства. А мама искала уединения – особняка, где можно было жить тихо, отдыхать нервами и не быть поминутно на глазах чужих людей, как это бывало в Требухах. В середине июня, когда часть дачного сезона была позади, дачи значительно подешевели и мы наняли на Межигорской улице, на даче Филипповой четыре комнаты за 150 рублей, с правом жить хотя бы до морозов.

Жили мы там уединенно и довольно скучно. Изредка ходили в поле за васильками, или в лес, где цвела необычайно ароматная белая лесная гвоздика. Ходили и к центральному пруду, на пятой просеке и больше читали на своей даче русские и французские книги. В виде награды за переход в пятый класс, мама купила мне одну книгу Жака Норуза. Прочитав ее, мы узнали, что эта книга составляет одно звено из большого многотомного романа “LES BARDEUR-CARBANSANE – HISTOIRE D'UNE FAMILLE PENDANT CENT ANS”, истории одной семьи в течении целого столетия. Книга нам так понравилась, что наша мама постепенно приобрела мне все семь или 8 томов этой серии. Повествование начиналось со второй половины 18 века, описывало жизнь поэтов, эбенисто-краснодеревщиков, художников и скульпторов Франции при старом порядке, тогдашние салоны, Бастилию, быт и нравы тогдашней богемы. Судьбы двух французов добровольцев, поехавших сражаться в Америку на фронте освободительной войны, наконец французскую революцию, террор, походы в Россию и трагическое возвращение армии Бонапарта из Москвы, затем жизнь богемы в эпоху Реставрации, белый террор, вторую республику и наконец приход к власти Наполеона маленького. Сюжет был построен очень увлекательно: там переплеталось несколько линий и судеб людей, разного социального поколения, язык легкий, изящный и самое повествование – богато историческими материалами, придававшими книгам большую познавательную ценность.

В конце лета я вдруг заболела дизентерией, долго мучилась этой тяжелой изнурительной болезнью и вернулась в город не окрепшей, а исхудавшей и измученной в конце.

В это время японская война закончилась позорным Портсмутским миром. А Россия забродила, заволновалась: сейчас даже самые умеренные элементы, как помещики и фабриканты были возмущены правительством и осуждали его за то, что оно тормозит не только политический, но даже экономический и технический прогресс, за то, что заключает оно мучительно-тяжелые для страны торговые договоры с такими государствами как Германия, которые прямо пользовались случаем нажиться за счет побежденного и ослабленного войной соседа требуя от нас ограничения производства таких продуктов как сахар и химикатов, чтобы превратить наш рынок в рынок для сбыта своей продукции, а наши товары они совершенно не пропускали в Европу, облагая их непомерно высокими пошлинами. Возмущало буржуазные и феодалские круги и то, что их не допускают к участию в управлении государством и следовательно – экономикой благодаря отсутствию парламента, который хотели они видеть узкословным и высоко-цензовым.

Что касается трудящейся интеллигенции, то она на девять десятых была настроена оппозиционно к правительству, но в разных пропорциях и размерах. Зато студенческая молодежь, за исключением крохотной кучки белоподкладочников, была сплошь революционной, как и большинство рабочих. Рабочих правда тогда было мало: всего 5-6% всего населения страны были заняты на фабриках и заводах, да и среди них было еще много несознательных, и всё же этот молодой, непрерывно растущий численно и политически класс кипел бурной революционной энергией.

За царизм стояли город, в деревнях кулацкие элементы, значительная часть духовенства и монашества, подгородное мещанство, всякие кабатчики, лабазники, мелкие биржевики, ростовщики, отсталая часть человечества, а темная забитая крестьянская масса – безмолвствовала, одурманенная поповскими религиозными бреднями, суевериями, беспочвенной, наивной верой в справедливость батюшки-царя, и в душе жило одной человеческой мечтой нищего и неимущего – о земле.

Вот это-то тёмное, забитое и бесправное крестьянство стало теперь просыпаться: то там, то здесь начались аграрные беспорядки. А фабрики и заводы буквально клотали. Забастовки вспыхивали повсюду, и наряду с экономическими требованиями рабочие всё чаще выдвигали требования политические, революционные.

Всё это, конечно, было вне поля моего зрения, но отклики событий долетали со всех сторон: об этом говорили между собой папа и дядя Коля, говорили папа с мамой, читая газеты. Но жизнь в нашей семье в этот год как-то раздвоилась. Я целые дни проводила с мамой за учебниками, а папа вставал часа на два позже нас, один пил утренний чай, читая газеты и часов в 12 уходил в суд диктовать свои решения машинистке Людмиле Анатолиевне. Завтракал папа в судебном буфете, а когда в три часа кончался рабочий день во всех присутственных местах, папа часто уходил из суда в редакцию “Киевских откликов” или “Киевской мысли”, которая тогда кажется, еще называлась “Киевской газетой”, беседовал там с сотрудниками, читал телеграммы в гранках, или вел прием начинающих авторов, в особенности поэтов, исправляя

их стихи, объяснял правила стихосложения или увлеченно беседовал и спорил о событиях нашей внутренней политики, которые захватывали его целиком. Папа весь горел от нарастающей революционной волны. Он ждал революции как верующие люди. А время шло, и возвращался папа домой, когда мы уже успели пообедать. Обедал он почти всегда один, затем ложился на часок отдохнуть и, поднявшись часам к восьми – уходил гулять, потому что при его склонности к полноте, нуждался в ежедневном моционе. Гулял папа долго, часа два с лишним.

В этих прогулках часто сопровождал его адвокат-поляк Дыковский, живший через два дома от нас в доме № 23. Дыковский был человек пожилой, лет 50, поляк, близкий родственник польского знаменитого писателя Стефана Жеромского, брат которого тоже был в Киеве адвокатом. Как человек ярко-прогрессивный, умный и начитанный, он был для папы приятным спутником его вечерних прогулок и не менее приятным собеседником. Иногда к ним присоединялся отставной полковник Оберучев, постоянный сотрудник, друг В.Г. Короленко. Оберучев был уволен из армии за участие в офицерской подпольной организации и в это время был под следствием; грозила ему в военном суде каторга, а может быть даже и смертная казнь. Но его взяли родственники на поруки, и поэтому жил он на той же Гоголевской улице, где и мы, не ближе Бульварно-Кудрявской, приблизительно в 18-20 номере. Сын Оберучева Миша был тогда студентом политехником и впоследствии стал инженером энергетиком. В студенческие годы он писал хорошие стихи. Жаль, что потом забросил он поэзию... из него мог выработаться хороший поэт.

У каждой из Киевских редакций были в театре постоянные места для рецензентов. Но рецензенты бывали обычно на премьерах, а на следующих представлениях на их место мог сесть любой из сотрудников данной газеты. Поэтому папа часто бывал в драме и опере, и на концертах. Спектакли тогда начинались в опере в половине восьмого, а в драме в 8 часов и затягивались иногда до 12 ночи, а то и дольше. Поэтому попадал папа домой, когда мы все спали. В будние дни видели мы его урывками и только по воскресеньям папа целый день бывал дома.

Конечно, мы с нашими усиленными занятиями не могли ломать свой распорядок дня, который мы вели ради папы и жили втроем, точно отдельная от папы семья, но в воскресенье мы с папой читали стихи наших любимых поэтов Бунина, Майкова, Тютчева. Читал мне папа и свои стихи (например, на Казнь Лейтенанта Шмидта и чисто лирические вещи), я показывала папе свои еще не умелые детские опыты и он с самым чутким и теплым вниманием разбирал со мной мои довольно корявые строчки, находя среди них удачные созвучия и искорки. Без тени превосходства с какой-то изумительной чисто товарищеской манерой умел он указывать мне и любому чужому начинающему поэту на его недостатки, помогал выработать абсолютный слух к ритму и метру стиха, к той сокровенной внутренней музыке русского языка, которая доступна только художнику слова.

И тогда я понимала, почему вся начинающая молодежь так стремилась к нему будь то студент, робкий гимназистик, евреечка-швея с Подола, измазанный машинным маслом подмастерье из паровозного депо, застенчивая курсистка, угловатый семинарист – для всех находил папа доходчивые ласковые слова одобрения – всем он протягивал

руку помощи. Так из-под его крыла вышел в люди Михаил Гальперин, Николай Бернер, Лидия Левая, начинающая драматическая инженер Карри (Вера). Начал писать свои песенки Саша Вертинский, Александр Дейч, да всех и не запомнишь. И все звали его теплым словом “учитель”.

Осень 1905 года стала тревожной и напряженной. Газеты каждый день и час приносили известия о бурном и грозном нарастании революционной волны.

Дядя Коля весь горел. Часто приносил он ему в сумерках какие-то свертки на сохранение и я краем уха слыхала, а порой интуитивно догадывалась, что это нелегальщина, привезенная к нам из-за границы. По тогдашним законам можно было безнаказанно держать у себя и для своего личного употребления только по одному экземпляру запрещенных книг, брошюр и прокламаций, а дядя привозил их целыми пачками...

Как юристконсульт Юго-Западных дорог и доверенный Министерства путей сообщения дядя Коля часто, по несколько раз в месяц, ездил за границу во Львов, в Вену, в Будапешт, в Софию, Варну, Констанцу и многие другие города выступать на суде по искам русских дорог к заграничным, или заграничных дорог к русским дорогам. Выступал он там на немецком, французском, польском, украинском, болгарском и других языках, поэтому Россия и гоняла его по всей Европе, так как почти все юрист-консультанты никакими языками, кроме русского не владели, а тем более не могли произносить на них целые речи.

Бывая во всех уголках Европы, кроме Скандинавии, дядя сблизился с нашей политэмиграцией и, исполняя ее поручения и просьбы, привозил оттуда много книг, брошюр и прокламаций, газет и листовок. На границе его не обыскивали. Ради конспирации, он даже завел притворную дружбу с жандармскими пограничниками-офицерами, выпивал с ними, привозил им беспрошленные недорогие заграничные вина и коньяки, а их женам – парижские духи, кружева и чулки. Жандармам он примелькался как свой человек, друг-приятель и ни один из них не подозревал что дядя, выполняет роль политкурьера Женевских, Цюрихских, Львовских и Мюнхенских революционеров разных толков, улизнувших от лап тех же жандармов и охранного отделения, под гостеприимный кров западно-европейских конституционных держав, где была свобода печати и писалось и говорилось все то, за что в нашей России хватили пачками студентов и рабочих, журналистов и земских работников, учителей и медицинских работников и после жандармского дознания и по заочному решению особого совещания при Министерстве внутренних дел ссылали без суда и следствия в административном порядке, сроком не свыше трех лет в далекие дебри Сибири, или куда-нибудь на далёкий север, на Каму или Печору.

В Киеве дядя поддерживал связи с подпольными кружками из Паровозного депо и со студенчеством самые оживленные отношения, и лично и через свою троюродную сестру большевичку Веру Федоровну Костюра, близкого друга тов. Урицкого к которому она даже ездила на свидание в Восточную Сибирь, когда он сидел в Александровском центральном.

Каждое поражение наших войск в Маньчжурии отзывалось болью в моем детском сердце, а у дяди Коли и тети Веры искреннюю радость. Первое время я приходила от этого в ужас, потому что поражение понимала наивно, как горы трупов и тысячи калек раненых и только позже поняла, что их слова “чем хуже – тем лучше” продиктованы

не жестокостью, а настоящей, умной и глубокой любовью к родине, которую давно пора освободить от смертельных пут царизма.

Маму мою революция пугала. В социальных вопросах она плохо разбиралась, в особенности в те времена, вникать в них, изучать – ей было некогда. Надо было быть для меня педагогом, специалистом по целым четырем факультетам, быть хозяйкой дома, воспитательницей маленького Воли, вести довольно обширную переписку и еще давать уроки французского языка.

Произвол она ненавидела, но революцию, которую она представляла себе по романам Гюго, пугала ее как что-то стихийное, которое, разбушевавшись, губит правого и виноватого, заодно.

Помню тот день 17-го октября. Мы только что кончили завтракать и собирались на прогулку, как вдруг вошел дядя Коля и бросился к папе с распростёртыми объятиями.

– Поздравляю! Первая брешь пробита, Конституция! – сказал он и, целуя маме руку, попросил: – Нет ли у вас клочка красной ленты, или какого-нибудь красного шелка. Надо надеть по этому случаю красный бант.

Мама порылась в сундуке и из куска красного нанауса сшила дяде и папе по красному банту бабочкой. И, хотя папа был простужен и сидел уже два дня дома, он не усидел и вместе с дядей ушел в город “на митинг” – первый нелегальный митинг в России. И так радовало всех нас это горделивое свободное английское слово, впервые воплотившееся в нечто реальное на нашей земле...

Меня, конечно, никуда не пустили и мы с мамой пошли пройтись по нашему обычному маршруту по Бульварно-Кудрявской улице по направлению к Сенной площади, но до площади мы не дошли. Какой-то старичок остановил маму:

– Не ходите дальше, мадам, в центре начинаются беспорядки. Там опасно с детьми. На Сенной тоже зашумел народ.

Только к семи часам вечера вернулся папа домой.

– Понимаешь, – взволнованно говорил он маме, снимая пальто, – народ запрудил Крещатик. Море голов. Поют марсельезу. Над толпой – красные флаги. Становятся на тумбы, говорят зажигательные речи, но в редакцию ежеминутно звонят, что на Подоле и на окраинах – черная сотня тоже выходит на улицу с портретами Николая и иконами и начинается еврейский погром. Какая подлость! Издали манифест и тут же начинают идти на попятный. Значит, всё обман. Это добром не кончится.

На другое утро погромы забушевали по всему городу. Толпы разных подонков врываются в еврейские дома и квартиры, били окна, ломали мебель, посуду, избивали всех, кого заставляли дома, грабили ценности, рвали подушки и перины и шли дальше с пением “боже царя храни” и церковных молитв.

Смелая еврейская молодежь встречала громил револьверными выстрелами, тогда толпа либо убивала сопротивлявшихся, либо панически разбежалась.

Двое суток пьяная орда босячки и разной кабацкой сволочи заливала город кровью и осыпала город обломками бедного домашнего скарба, пухом и перьями от перин, чувствуя себя безнаказанной при полном молчаливом одобрении и попустительстве попятывшихся властей, а еврейские богачи, давши взятку околодочным и приставам,

спокойно сидели в своих роскошных квартирах, чувствовали себя в полной безопасности и спокойно смотрели на гибель своих единоверцев.

Русская интеллигенция либо испуганно сидела по домам, выставив в окна иконы, либо самоотверженно спасала евреев, рискуя быть избитыми и ограбленными вместе с ними. Мамина бывшая классная дама, а ныне генеральша Завадская трое суток прятала в своей квартире своих жильцов-евреев и на свой счет кормила и поила их.

На нашей Гоголевской было относительно спокойно, потому что здесь евреи не имели права жительствова, но на Бульварно-Кудрявской и в особенности на Галицком в просторечьи Еврейском базаре – бушевал погром.

Папа вышел из дому непривычно рано и вскоре вернулся с семьей доктора-еврея, жившего на Бульварно-Кудрявской. Они расположились у нас в кабинете и в гостиной. По этому случаю мама освободила меня на целый день от уроков и я играла с детьми доктора Маней и Борей в лото и читала им мои любимые книжки.

А папа надел мундир с орденами, который надевал только в суд, на заседание помчался в город добиваться прекращения погрома.

Долго-долго он не возвращался. Мы все боялись за него и прислушивались и каждому шороху, к шагам на лестнице и вздрагивали от каждого звонка, потому что сквозь открытые форточки доносилась стрельба, а наши прислуги то и дело прибегали со двора и приносили самые дикие, и панические новости. А телефона у нас тогда не было.

И только к вечеру, когда во всех комнатах зажглись лампы, вернулся папа с марлевой наклейкой на виске.

Оказывается он целый день метался по городу, стараясь спасти погибающих. Видя, как полицейские равнодушно и даже с веселым любопытством наблюдают за “работой” громил, папа расстегивал пальто, распахивая осеннему ветру грудь, показывая мундир с генеральскими погонами и повелительно приказывал именем закона прекратить беспорядок. Пристава и околоточные смущенно вытягивались, брали под козырек и с большой неохотой приказывали громилам разойтись и бросить награбленное. Для проформы арестовывали когонибудь: но стоило папе отойти за угол, как арестованного тут же выпускали и погром возобновлялся с прежней силой.

На Прорезной улице погром был особенный, неистовый, стихийный. На углу стояла полурота солдат под командой молоденького подпоручика. Папа обратился к нему, прося помощи и восстановления порядка; но юный, почти безусый офицерик вежливо, но холодно отчеканил в ответ:

– Я здесь охраняю государственные учреждения, а не частных лиц и не могу применять оружия без приказа высшего командования против свободного волеизъявления русских людей, буруемых патриотическим рвением и любовью к обожаемому монарху.

– Тогда я позволю генерал-губернатору и командующему войсками, – вспыхнул папа. – Тут в редакции “Киевских откликов” есть телефон.

Офицерчик пожал плечами, а папа действительно бросился в редакцию, на углу Музыкального переулка и Прорезной.

Телефон был в угловой комнате, в бельэтаже, в узком простенке возле балкона и пока папа тщетно пытался добиться соединения с генерал-губернатором, внезапно грянул ружейный залп.

Несколько пуль прошило оконные стекла редакции и одна из них срезала на папином виске полоску кожи...

Оказывается, поручик проследил, куда вошел папа и приказал стрелять, хотя газета «Киевские отклики» (впоследствии «Киевские вести») была весьма умеренного направления, приблизительно на позициях кадетов, но в то время и кадеты считались левыми и едва терпимыми правительством людьми...

Перевязали папу только часом позднее, в аптеке и едва оттерли с его лица, рук и шеи кровь, чтобы не испугать нас с мамой. В этот день мама впервые в жизни поссорилась с папой, требуя, чтоб он берег себя ради нас детей и не шел под пули в безнадежной схватке с черной сотней.

На третий день, когда власти решили, что довольно заливать Киев кровью – гром мгновенно прекратился, как по мановению волшебного жезла. Наши постояльцы ушли домой. В анатомический театр и морги при больницах свозили трупы убитых. Больницы были переполнены покалеченными стариками, юношами и детьми, изнасилованными и избитыми женщинами и девушками. По улицам еще долго летал первым снегом пух и перья от еврейских подушек и перин. И долго еще искрились и хрустели под ногами осколки стеклянной посуды и оконных стекол, шурашали листы изодранных книг, а столяры и слесаря долго были завалены заказами на ремонт разбитых квартир и изломанного жалкого домашнего скарба и мелких лавчонок.

В городе ввели военное положение и, не трогая громил, стали хватать направо и налево рабочих и студентов. Киев притих. Как будто все вошло в обычную колею; но сколько таких слез и горя притаилось тогда под его высокими крышами!..

А в январе кошмар «Кровавого воскресенья» с попом Гапоном во главе воочию показал народу, что царизм не сдаст без боя своих позиций, хотя страна готовилась к выборам в свой первый парламент – в Государственную Думу.

Газеты пестрели сообщениями о террористических актах и экспроприациях. Это эсеры и анархисты действовали по своему и трудно было понять, где кончалась у них политика и начинался самый неприкрытый уголовный бандитизм. Рабочие бастовали, крестьяне жгли и громили помещиков, а по ночам в царских застенках шли казни, так как темные дела всегда творятся ночью, боясь дневного света.

Весной открылась первая дума, но вскоре была распушена: не могло правительство примириться с тем, что трибуна ее стала единственным местом, где не было цензуры, где все называлось собственными именами и где немногие левые честные люди прямо говорили народу, через головы властей и газет, что делать и чего добиться. Дума не покорилась роспуску, депутаты уехали в Выборг и подписали там выборгское воззвание, призывая народ не давать царю ни гроша податей и народного рекрута в армию, пока не добьется народ своего, но... то что удалось французским генеральным штатам в зале «для игры в мяч» – не удалось русской государственной Думе – и наступила долгая полоса реакции, уныния и мертвецкого кладбищенского «успокоения».

А моя детская жизнь шла своим чередом. Весной я сдала экзамены за курс 3-го класса, получив одну четверку по математике и по всем остальным предметам – круглая пять. Лето снова проводили мы в Святошине, наняв за 100 рублей дачу на углу Северной улицы и Белтчанской у присяжного Поверенного Ясупова. Лето промелькнуло как-то серо и незаметно и только поразило нас, что 17 сентября в день именин Надежды Федоровны жены дяди Коли выпал глубокий снег.

Снег пролежал два дня, потом снова настала теплая солнечная погода – золотая осень, такая красивая и долгая в Киеве.

Зимой 1906-7 года, после женитьбы, приехали к нам погостить дядя Сашок с тетей Женей.

Для меня это было большим праздником: на целых две недели уроки были отменены и приблизительно через день бывали мы с тетей и дядей то в опере, то в драме. Впервые взяли меня и в кино – тогда еще немое. Ездили мы и кататься на санях, бывали в гостях и концертах.

Тетя Женя произвела на меня огромное впечатление. Она была очень красива, одевалась с тончайшим вкусом, с нами вела себя очень приветливо и я положительно влюбилась в нее. Она казалась мне воплощением красоты и сценического таланта. Посетили мы все вместе и дядю Колю, и всех наших знакомых. И когда наши гости уехали – долго вспоминала я эти две веселые и богатые впечатлениями недели, когда наша тихая, деловитая и замкнутая жизнь – стала вдруг шумной и веселой.

В обычное время в драме бывали мы редко: тогдашний репертуар был насыщен нездоровой эротикой дней упадка, от которой меня тщательно оберегала моя целомудренно-строгая мама. Зато в опере бывали мы с мамой регулярно, раз в месяц, билет брали всегда в балкон 1-го яруса, где первый и второй ряд стоил 1 рубль 55 копеек. Если же все первые ряды были распроданы – брали мы билеты в третий или четвертый ряд за 1 рубль 25 копеек. В бенефис билеты и на спектакли с участием гастролеров – те же билеты стоили по 2 руб. 25 коп. и по 1 руб. 75 коп. Билеты приходилось брать за несколько дней. Покупали мы и либретто, чтобы дома ознакомиться с содержанием спектакля и полнее насладиться музыкой, зная ее содержание.

В ту же зиму мама купила пианино фабрики Вестермайера за 625 рублей золотом. За годичную рассрочку пришлось доплатить еще 25 рублей. Инструмент попался исключительно хорошего бархатистого тембра и такое звучное, что любой бывавший у нас музыкант, любивший только рояль, восторгался им и говорил, что такое пианино может вполне заменить рояль. Да и внешняя отделка из настоящего красного дерева с бронзой в выдержанном стиле модерн была на редкость изящна.

Со дня покупки пианино и я стала брать уроки музыки. Моя учительница, Феодосия Григорьевна Берестнева окончила Киевское музыкальное училище (впоследствии консерваторию). Это была грузная полная дама лет под 50 с необычайно красным лицом и большим подбородком-зобом. Приходила она к нам 2 раза в неделю на 1 час. Платили мы ей по 2 рубля за часовой урок.

Училась я музыке охотно и полюбила ее: месяца через три я уже играла легкие пьески Ликпера, «Мавританскую серенаду», Элгара, и после каждой оперы по слуху подбирала мелодии опер и дуэтов.

Жизнь в Киеве с каждым годом становилась дороже. Папиного жалования нам не хватало: за квартиру платили мы Черницкому сперва 880 рублей, потом 900, так что к казенным «квартирным» приходилось откуда-то добавлять. Уроки музыки, немецкого и математики обходились рублей по 50 в месяц, да и продукты становились дороже и дороже. Если в Таганроге фунт мяса стоил 8-9 копеек, то в Киеве он сначала стоил 12 копеек, потом 13, 14 и наконец 16 копеек. Мяса брали мы на нас четверых и троих прислуг фунтов пять в день. Молоко из «лактобациллина» обходилось по 10 копеек литр, то есть по 30 копеек в день, или 9 рублей в месяц и т.д. и т.д.

Занятая со мною мама, теперь уж не могла подрабатывать уроками французского и переводами. На проценты от своих 15 тысяч плюс проценты с пяти тысяч, которые подарил ей дядя Сашок перед женитьбой, всего на 600 рублей в год мама одевалась сама, одевала меня и Волю и даже папе ежегодно покупала льняного холста на рубашки, то отрез на костюм, то фетровую шляпу и дюжину носков. Папино сотрудничество в газетах, бывшее в первый год жизни в Киеве только его душевной потребностью, стало теперь необходимым подработком, чтобы сводить концы с концами. И все таки долги росли. Было у мамы еще пять выигрышных билетов второго займа с номиналом по 100 рублей каждый, но в продаже они стоили тогда рублей по 250 каждый. Они приносили тоже по 3-4 процента каждый, но их приходилось страховать перед каждым тиражом погашения, чтобы в случае их выхода в тираж страхующая банкирская контора заменила билет другим невышедшим в тираж, или же выплатила биржевую цену его по курсу дня, а не номинальные 100 рублей его выпускной стоимости. Каждый год 1-го марта был выигрышный тираж, и мы с волнением читали таблицы выигрышей, но за всю нашу жизнь ни один из маминых билетов не выиграл.

Обычно выигрышные билеты были у нас заложены в банке. Если кто-нибудь из нас серьезно заболел – приходилось закладывать в ломбарде и папины золотые часы и столовые серебряные ложки, но эти вещи при первой возможности выкупались, чтобы быть страховым фондом на случай новой беды. И все-таки при самом строгом и планомерном образе жизни – денег никогда не хватало, потому что если в костюмах мы ограничивались только совершенно необходимым – питались мы всегда прекрасно, но без вин и закусок.

И вот как раз летом 1906 года, когда пришлось нам на даче особенно трудно – снова выплыл из забвения Аарон Коген.

Этот молодчик успел промотать свое огромное состояние и за подлог материнских векселей отсидеть несколько лет в тюрьме. К моменту его освобождения умер один из его старших братьев-совладельцев фабрики (их покойного отца) «Соломона Коген». Аарон получил наследство брата и снова стал богачом. И снова стал придумывать куда девать свои капиталы. На этот раз решил он издавать газету и пригласил папу быть секретарем редакции. А фактически – ее редактором, потому что документы на право редактирования он выправил на имя какого-то промотавшегося человека, согласного стать у него зиц-редактором, то есть лицом, которого и штрафует, и арестовывает власть за опубликование чего-либо противоправительственного.

Газета называлась «Торговой газетой» и выходила три раза в неделю вечером. Из-за этой работы папа почти ежедневно ездил в город и возвращался на дачу

после полуночи – последним трамваем. Конечно, папа адски уставал, но этим самоотречением давал нам возможность жить с комфортом и хорошо питаться. К стыду своему, я тогда по молодости лет не понимала, как он приносил себя в жертву для нас детей...

Дело о наследстве Даниила Адриановича все еще не было решено. Ольга Даниловна, думавшая взять Тулубов измором и доказать, что Кармазин был психически болен, первая почувствовала, что эта волокита губит не Тулубов, а ее саму. Не учла она и того, что профессор медицинского факультета Хорват, сосед по имени Даниила Адриановича, показал как свидетель, что в момент совершения духовного завещания был совершенно нормальный человек. То же подтвердили и другие врачи, лечащие Кармазина. А она так рассчитывала на этих врачей и сама выставила их свидетелями по делу. Так изо всех махинаций Ольги Даниловны не вышло ничего путного – и вот зимой в январе 1907 года приехал из Саратова ее поверенный адвокат Дыбов, предлагая мировую. Ольга Даниловна признала правильность отцовского завещания и соглашалась выполнить его по всем пунктам. Тулубы согласились на мировую. Дядя Сережа и обе тети дали папе доверенность на заключение мировой и на продажу имения, а Дыбов молниеносно подыскал покупателя какого-то богатого еврея Айзиковича, который сам, как еврей, не имел права владеть землей, но купил ее на имя подставного лица, какого-то мелкопоместного разорившегося дворянина, бывшего у него своеобразным прихлебателем.

В завещании Кармазина было сказано, что желательно, преимущественно продать землю крестьянам деревни Макарихи и Диковки. Папа предложил землю крестьянам, но купить землю за наличные они не могли и давали много дешевле, чем Айзикович, и просили рассрочку на пять лет. Тулубы сначала согласились на такую рассрочку, но Ольга Даниловна категорически запротестовала, грозя возобновлением процесса. Тогда мои тети Маня и Людя присоединились к мнению Ольги Даниловны и потребовали немедленной продажи земли. Так земля Кармазина очутилась в руках Айзиковича, с рассрочкой на 6 месяцев.

Для совершения запродажной все сонаследники съехались в Елисаветграде (ныне Кировограде) и сразу получили половину стоимости имения. Из этой суммы перевели земству 27 тысяч рублей на сельскохозяйственное училище имени Жени Кармазина, 2-тысячи отделили Борису, сыну Ольги Даниловны от ее первого брака, все завещанное кучеру Михайле и горничной Маше и прочим наследникам, кому причитались мелкие суммы, потом рассчитались с управляющим Макарихой от опеки и получили из банка доходы с имения за все годы тяжбы.

При этих расчетах, на третий день споров, расчетов и возни с грудой документов дядя Коля и папа просчитались и выдали Ольге Даниловне на пятнадцать тысяч рублей больше того, что ей причиталось.

Спихнулись они в тот же день, но Ольга Даниловна со своим возлюбленным Штейном отказалась вернуть полученное. Тогда папа наложил арест на вторую половину стоимости Макарихи, которую они должны были получить через пол года и предъявил к Ольге Даниловне иск на эти 15 тысяч от своего имени и от имени всех своих братьев и сестер.

Вот почему в начале 1907 года на долю каждого из Тулубов осталось только по три с половиной тысячи рублей. К чести братьев надо сказать, что все четверо единогласно отказались от своего права получить больше, чем сестры и всю сумму разделили на шесть равных частей и таким образом исправили по отношению к своим сестрам несправедливость закона тех времен, по которому дочери и сестры получали ровно половину доли каждого брата.

Вернувшись в Киев, папа прежде всего выкупил мамины выигрышные билеты, заложенные на целых 800 рублей, и уплатил все мелкие долги. Осталось у него около 1700 рублей. Эти деньги положил он в кассу мелкого кредита при киевском земстве, где платили по 6% годовых.

Когда настало лето и пришлось нам снова искать дачу, присяжный поверенный Виттенберг папе посоветовал не нанимать дачи, а купить себе в Святошине дачу. На хорошую дачу у папы, конечно, не было денег, но подвернулся хороший случай: на четвертой просеке, на Межигорской улице, №2, была дача поляка художника Дылевского. Главный дом на этой даче сгорел и остался трехкомнатный флигелек с одной застекленной верандой и другой открытой и отдельным домиком, где помещалась кухня, комнатка для прислуги и сарай для дров.

Но не постройки привлекли папу: сад был необычайно красиво распланирован в стиле английского парка, с нарядными клубами, самой простой персидской и махровой сиренью, с седыми декоративными елочками, с жасмином и акацией. Самый участок сбегал по склону в ложбину, где когда то протекала выпитая песками речка Нивка. Дылевский в этом бывшем русле выкопал искусственный пруд-сажалку, питающуюся ключами. Два ряда пирамидальных тополей и пирамидальных верб окаймляли ее с трех сторон, а в воде плескались караси и лины, выползали на отмель ленивые черепахи и огромные старые сосны, высокие как мачты кораблей и по ржавым стволам их вился дикий виноград, образуя возле корней кружевные зеленые беседки.

Все это было изящно и поэтично, и миниатюрно, как японские сады, хотя вся дача занимала 1800 кв. сажень, то есть почти три четверти га. А по ту сторону ложбины – колыхалось море золотой украинской пшеницы, а в полукилометре белели живописные украинские хатки деревни Беличи с пирамидальными тополями и пестрыми мальвами и подсолнухами.

Земля в Святошине оставалась казенной, государственной, как и сосны. А все остальное – дома, заборы, кусты, цветники принадлежали дачевладельцу. Государство отдавало эти участки в аренду по договору сроком на 99 лет, из которых в то время минуло только лет 10. За этот участок надо было платить казне по 6 рублей в год аренды, то есть много дешевле, чем нанимать чужую дачу. Правда, купив дачу, папа потерял бы проценты на затраченный капитал – рублей 90, но и тогда за 157 рублей в год трудно было рассчитать найти дачу года через два три, так как цены на дачи росли каждый год с неимоверной быстротой. Нанимая чужую дачу, мы просиживали весь май и июнь в городе, а имея свой уголок могли выехать за город в начале мая. Подумал-подумал папа и решился: занял у того же Виттенберга 200 рублей по векселю на год и купил дачу за 1800 рублей.

Так появился у нас свой, пусть тесноватый и бедный дачный домик, но с одним из самых изящных и живописных садов Святошина, притом особнячок, где не было ни шума, ни гама многолюдных и многокомнатных дач, где люди буквально сидели друг на друге.

Лето было солнечное, сухое. Мы с мамой много читали вслух, и часто ходили в кино, где кстати сказать билеты стоили дешевле чем в городе: первые места шли по 45 копеек, вторые – по 35, а третьи всего по двугривеннику.

Появились у нас и хорошие симпатичные знакомые. Больше всего пришлось нам по душе семья педагога-естествознателя Андрея Дмитриевича Карицкого. Это был декоративный красавец-старик с шапкой седых вьющихся волос и большими синими, как васильки, глазами. Он был не только педагог, но и талантливый самоучка-художник и ученый. Жена его Екатерина Павловна была старше моей мамы и успела в свое время кончить филологический факультет, а дочь-подросток Леля, высокая стройная блондинка с отцовскими васильковыми глазами в черных соболиных бровях и пушистых ресницах обещала со временем стать выдающейся пианисткой.

Через дорогу, против нашего дома жил их дальний родственник Салихов, секретарь окружного суда со своей старушкой матерью. Салихов был тоже хороший пианист и каждый вечер подолгу играл на рояле. И мы в своем саду часами слушали в его исполнении Шопена и Брамса, Чайковского и Листа, Скрябина и Глинку, Рахманинова и Шумана, Мендельсона и Шуберта.

Весело отпраздновали мы в это лето папины именины 29 июня и Волины в День Святого Владимира 15-го июля.

Как вдруг 7-го августа неожиданно появился дядя Коля с печальным известием: скоропостижно умер папин брат дядя Сережа. Папа в тот же вечер уехал с дядей Колей на похороны, а мы все остались в Святошине.

Грустный, усталый и какой-то скорбно просветленный вернулся папа через неделю домой и подробно рассказал нам обо всем виденном и пережитом.

Дядя Сережа провел два года в Маньчжурии на войне и вернулся с Дальнего Востока до неузнаваемости располневшим, страдающим одышкой человеком. Несмотря на годы отсутствия, с первых же дней повалили к нему больные. Целые дни принимал он их у себя на дому, то ездил по городу на своем вороном Барине и, конечно, был лишен моциона.

Как раз в начале лета, когда установился тяжелый майский зной, случилось под городом убийство. Городской врач был тяжело болен и судебный следователь пригласил дядю Сережу произвести судебно-медицинское вскрытие. Труп был сильно разложившийся и во время вскрытия дядя нечаянно порезал руку. Не помог ни йод, ни другие дезинфицирующие средства: началось заражение крови. Пришлось дяде мчаться в тот же вечер в Харьков. Там хотели отнять ему руку, но руку удалось спасти, зато трупное заражение вызвало сильное осложнение в сердце. А дядя не обращал на это внимания, вернулся домой в Александровск и снова втянулся в тяжелую жизнь врача с огромной практикой.

А в середине лета пригласила его к себе на дом, как врача прехорошенькая вдовушка Мелания Семеновна рожденная Фесенко. Она была из простой мещанской

семьи, но окончила гимназию, была довольно изящная и миловидная женщина. Болезнь ее оказалась сущим пустяком, но дядя влюбился в нее с первого взгляда и через 3-4 дня сделал ей предложение, а на следующее воскресенье – обвенчался, никому из родственников не сообщил о своей свадьбе. Злые языки говорят, что Мелания Семеновна заболела-то притворно, чтобы только познакомиться с таким знаменитым доктором как дядя Сережа.

Приблизительно через месяц после свадьбы дядя принимал у себя больных. В кабинет его вошел полицеймейстер и стал жаловаться, что у него болит горло. Дядя усадил его против себя и стал его осматривать, как вдруг откинулся на спинку кресла и пополз с кресла на пол.

– Эй, люди! Кто там есть! Доктору дурно! – закричал пациент, распахнув дверь кабинета.

На крик прибежали Мелания Семеновна, горничная, пациенты. Дядя Сережа был уже мертв.

Ожидая близких на похороны, дядю уложили в цинковый гроб и вынесли на ледник, потому что в Александровске стояла сорокаградусная жара.

Похороны вышли величественные. Сошелся чуть ли не весь Александровск: сотни людей, которых он вылечил, а иногда не только лечил, но сам снабжал лекарствами и деньгами на усиленное питание, пришли отдать последний долг «своему доктору». Не было конца венкам и букетам. На могиле говорили теплые взволнованные речи. Горько плакали вместе с родными и взрослые пациенты и пациентки, и глухонемые дети из приюта, где дядя был не только врачом, но любимым добрым дядей, который один теплой лаской скрашивал их холодную сиротскую жизнь.

А весной 1908 года Мелания Семеновна родила дочь Валентину Сергеевну Тулуб.

В ту же зиму судебским прибавили жалованья и папа с двумя пятилетними прибавками стал получать по 4000 рублей в год. Долгов больше не было. Строго планируя свои расходы, мы стали сводить концы с концами.

К счастью, судьба убрала и Когена с папиного пути. Он снова попал под суд за какие-то темные аферы и надолго исчез с нашего горизонта.

По прежнему восторгалась я оперой, по прежнему много читала и каждую весну сдавала экзамены и все больше и чаще писала стихи. Но печататься все еще не хотела.

У меня был какой-то смутный страх перед дебютом в печати. Не раз отклоняла я папины просьбы дать стихи в «Киевские отклики», которые по-видимому в тот год уже выходили под заглавием «Киевские вести»: я знала, что стихи, литература для меня дороже всего на земле и что если я начну печататься – это станет смыслом моей жизни и невольный страх охлаждал душу: «А что если не вытяну. Вдруг перестану писать, или почувствую себя исчерпанной, исписавшейся, выжатой жизнью до дна, как цветок – пустицвет или выросший в обыкновенного обывателя когда-то знаменитый Вундеркинд».

Это было страшно, как могила, как сама холодная и безжалостная смерть. Да и слов своих у меня еще не было: техника стиха понемногу росла, но я чувствовала, что нет в моих стихах еще моей отличной от всех индивидуальности и на все папины уговоры отвечала одним:

– Нет, папочка, рано: когда я почувствую, что не слова меня одолевают, а язык стал в моих руках послушной пластической массой, из которой я могу выложить точную копию каждой своей мысли и каждого настроения – тогда я сама скажу себе: «Пора». А пока – не надо этого. Не хочу я любительства и дилетантства.

Папа меня не понимал. Он преувеличивал, как отец, мои возможности и так хотел порадоваться за меня, видя мое имя в печати.

Как раз в это время графиня Игнатьева, начальница своей собственной женской гимназии стала издавать журнал для детей школьного возраста под названием «Утро жизни». Она иногда бывала в реакции Киевских вестей и Киевской мысли и там познакомилась с папой. Папа как-то показал ей мое стихотворение «Васильки» и она упросила его дать ей его для журнала. Папа с радостью сообщил мне об этом, а я обиделась, даже рассердилась и категорически потребовала взять стихи обратно. И папа, скрепя сердце, покорился...

Тяжелые, черные дни переживала тогда русская литература. Реакция политическая оказалась в ней рядом болезненных исканий, упадочных настроений и заумных кривляний патологических типов.

Во всех журналах, кроме Русского богатства, Вестника Европы и Современного мира плотно свили свое гнездо декаденты и разные вычурные течения, громгласно называвшие себя левыми. Вместо сюжетных стихов: яркого пейзажа, жанровой картинки или тонкого рисунка психологических настроений – поэты стали гоняться за вычурной и полубредовой метафорой, которую даже не переведешь на язык обычных человеческих понятий, за редкой и изысканной рифмой, за новыми размерами и ритмами.

Модных стихов нельзя было пересказать своими словами. А критики-модернисты венчали этих поэтов, вроде Ивана Рукавишников, Зинаиды Гиппиус, лаврами великих мастеров слова.

Пробовала я читать и «Балаганчик» и «Незнакомку», которыми так увлекалась публичка, и мне казалось, что если рядом с ними поставить «Записки сумасшедшего» Гоголя, то бред Поприщина покажется настоящей нормальной жизненной правдой рядом с бредовой чушью Блока, у которого в мозгу качаются «страусовые перья» и всякая тому подобная ерунда. Прочту я такую страничку и начинаю громко весело хохотать.

Папа вполне разделял мои взгляды и между прочим отметил, что чем левее человек в политике, тем правее он в своих литературных вкусах и чем черносотеннее его политические убеждения, тем теснее примыкает он к этим бредовым литературным кривлянием наших доморощенных «новаторов» в творчестве.

Главное дело, все это было не свое, а чистейшее подражание западно-европейским и американским образцам. Что бы не придумали дегенеративные и худосочные метры из парижских мелких литературных кабаре – все это объявлялось у нас последним криком моды, новым словом и новой эпохой, от которой через годик-другой не оставалось ничего, кроме угарного чада в мозгах молодежи, давшей одурманить себя этим жалким словесным гашишем.

И невольно стали мы с папой восхищаться книжкой остроумных пародий на наших «левых» поэтов петербургского критика А. Измайлова под заглавием «Кривое

зеркало», где он едко и метко высмеивал и Гиппиус, и Рукавишникова, и даже Леонида Андреева, ловко повторяя их творческие приемы, размеры и даже вычурные рифмы, превращая их в большой хлещущий хлыст по их теоретическим позициям.

На всю жизнь запомнила я его великолепную пародию на Гиппиус:

Углом круги начерчу,
Надушусь я серою.
К другу сердца подскочу
Сколопендрой серою.

Плоть усталую взбодрю,
Взвизгну драной кошкою...
Заползу к тебе в ноздрю
Я сороконожкой.

Вся в мистической волшбе,
Знойным оком хлопая,
Буду ластиться к тебе,
Словно антилопа я.

Я свершений не люблю:
Я люблю возможности,
Всех иглой своей колю
Без предосторожности.

Винт зеленый в глаз ввинчу
Под извив мелодии.
На себя сама строчу
Злейшие пародии.

И пародию на Рукавишникова:

– Сплю, или проснулся? Ночи час, утра ли?
На плечах одна ли, две ли головы?
Будто как одна...Ужель одну украли?
Где я? Еду в «Вену», или я близь Невы?

И на Бальмонта:

– Я плавал по Нилу, а видел Ирбит.
Берзилу Вавилу бревном придавило.
Вавила у виллы лежит. и т.д.

Остро и метко высмеивал декадентов и другой критик Буренин. Сотрудничал он в газете «Новое время» Суворина в Петербурге. Папа презирал эту газету всеми фибрами души, считал ее гнуснее даже такой откровенно черносотенной газеты, как наш Киевский «Киевлянин», потому что «Киевлянин» не вилял, шел напрямик путем ничем не прикрытого монархизма, а у «Нового времени» вовсе не было политического лица: то оно было яро черносотенным, то вдруг начинало играть в либерализм курс чуть-чуть менялся. В общем это была газета «чего изволите» и «что прикажете». Сотрудничать в «Новом времени» этом частновладельческом «официозе» считалось у порядочных людей позором, и русская общественность долго не могла простить даже такому великому писателю, как А.П. Чехов, того, что иные годы он печатался в «Новом времени» и был близок к Суворину.

Понятно, что мы никогда не выписывали «Нового времени», но раза два в месяц папа покупал в киоске отдельные номера, когда в них бывали критические подвалы Буренина.

Читали мы их всей семьей вслух и заливались хохотом, до того они бывали остроумны и едки. Помню в одном из этих фельетонов изобразил Буренин Зинаиду Гиппиус под именем Спиралии Зигаговны Бледные ноги.

Да, много было в тогдашних стихах иностранных словечек, разной дешевой и бутфорской экзотики, садизма и мазохизма... Не было только таланта, ярких образов и хрустального, лучшего в мире чистого русского языка.

Да и проза у многих авторов не избегала этой тлетворной заразы.

Уж на что был умен и талантлив Леонид Андреев, потрясший Россию своим исключительным «Красным смехом», книгой о войне, но и он поддался моде и стал облекать свои яркие и оригинальные мысли в одежды символизма. Много шумных и интересных споров было вокруг его пьесы «Жизнь человека», «Анатэма» и других вещей, написанных, как сказать «в сухах», если можно применить к написанной книге этот термин театральной постановки, все стили эпохи. Андреев намеренно обстрагивал свою отвлеченную философскую мысль, подавая ее вне географической точки на земной поверхности, вне истории и уж, конечно, вне класса и социальной формации.

Но говоря о Леониде Андрееве, человеку с недюжинным талантом и глубоким аналитическим умом, нельзя было отмахиваться от его исканий, потому что ему хотелось для своих новых дум найти и новые формы. Ну, а вся прочая литературная мелюзга искала популярность скандала и жадно и восторженно хваталась за декадентские (то есть упадочные) хламиды, странные, уродливые, и бесформенные, как нетопырей на стенах комнаты.

Удобно было прикрывать свое убожество и духовную нищету фиговым листком исканий, новаторством и левизной. И сотни начинающих авторов и многие старички в своем бессильном маразме кривлялись и извивались в своих заумных корчах, как болотные черви и нанизывали на бумаге самые невероятные словосочетания, только стараясь придать певучую напевность, которая заменяла им все.

Если в эпоху папиного студенчества длинноволосые нигилисты и радикалы с суковатой дубинкой в руках громили Пушкина с позиций своего нигилизма,

то теперь патологические кликуши декадентства вопили против того же Пушкина, против сюжетности, против психологии нормального человека и бред сумасшедших возводили в перл создания.

У Сологуба в его «Мелком бесе» бегала по комнате какая-то не то мокрица, не то сколопендра или сороконожка под названием «Недотыкамки» и не один критик не посмел назвать ее собственным именем – галлюцинацией душевно-больного.

Русская литература, казалось минутами, погибла. Но, к счастью, был тогда Бунин, Короленко, Максим Горький, Куприн, Вересаев, Серафимович, затем появился Тренев и Шмелев. Эти писатели шли своей прямой частной дорогой. Не изменили они славным традициям наших классиков и честно делали свое дело.

Трудно им было тогда.

Наряду с декадентской отрыжкой западно-европейский гнили, многие ударились тогда в эротику.

Половой акт, в самые диких его извращениях, проповедь разврата, поклонения телу – не здоровому телу физкультурника и ценители классической красоты, а культу секса отдались многие талантливые писатели. Арцыбашев, Анатолий Каменский и их присные своими рассказами и романами разжигали нездоровое инстинкты подрастающего поколения.

К счастью, это тлетворное влияние скоро развеялось, а меня и вовсе не коснулось, потому что в тесном и замкнутом кругу нашей семьи эта сторона жизни никого не привлекала.

Несколько лет спустя, уже взрослым человеком прочла я и их книги, но и они не оказали на меня никакого влияния.

Летом 1908 года съездили мы на три недели в Требухи.

С большим волнением подъезжала я к Требухам, – на этот раз в поезде по новой железной дороге Киев-Петербург. Так хотелось снова очутиться в милом старом Требуховском доме, выйти через сад на берег Днепра – такого узенького, но такого привычно-родного, совсем непохожего на огромный разливающийся каждую весну до горизонта Киевский Днепр. Хотелось побывать и в крохотной деревенской церковке, на могиле любимой бабушки, увидеть заступающие все горизонты дремучие Белорусские леса, подернутые синеватой дымкой, сесть за старинный рояль с пожелтевшими от времени клавишами и нежным хрустальным тембром старинного клавесина...

Но Требухи оказались совсем другими. Многое, привычное и дорогое по воспоминаниям детства не только мне, но и моей маме – бесследно уничтожила тетя Женя. Исчезли старинные, наивные, но музейно-редкие фарфоровые статуэтки 18 века – пусть слишком пестрые, как весь старинный русский фарфор, но такие родные. Появилась дорогая, красивая, модная и поэтому банально чужая мебель, появился граммофон, масса новой посуды. Исчезли старинные верные слуги, не пожелавшие служить при новой барыне, которая не сумела и вернее не захотела подойти к ним мягко и чутко, оценить их честность и преданность семье и только сухо и требовательно упрекала их в лени и с утра до ночи «гоняла» по пустякам, лишь бы проявить над ними свою власть нанимателя.

Даже дворовые лохматые собаки, которых я вынянчила на своих детских руках куда то исчезли, кроме одного старика Зефира с клещами в лохматых ушах и репейниками в косматом хвосте.

Зато в комнате появился огромный сан-бернард, дядин любимец Баруша. Щенком привезли его из Швейцарии, из знаменитого Сан-Бернардского монастыря и в память знаменитого Барри, собаки, спасшей свыше 120 человека, замерзающих в горах по время метелей, назвали его Барри. Но в России имя Барри как-то незаметно превратилось в Барушу, честную и умную русскую собаку.

Тетя Женя встретила нас радушно и любезно. Но даже на три недели не хватило у нее выдержки для ровных родственных отношений, и маму очень корбило, когда она в ее родном доме называла нас, обращаясь к прислуге, «гостями».

– Поддай гостям свежих ягод.

Или.

– Поставь эти фрукты в комнату гостям.

А, обращаясь к дяде, с театральными жестом сценической королевы, говорила:

– Посиди, Саша, со своими единокровными, а мне надо уйти: я очень занята.

Корбило нас и то, как резко и презрительно помыкает она прислугой, точно какими-то полулюдьми, или рабами: не в таком стиле обращалась к ним мама и покойная бабушка Элиз, хотя бабушка и была очень строга иногда случалось ей и выбрать неловкую или неисполнительную, но все это делалось как-то по семейному, не так сухо и резко.

Все это привело к тому, что мое прошлогоднее увлечение и восхищение тетей Женей понемногу сменилось настороженной подчеркнутой вежливостью, а в отношении к дяде Сашку к прежней глубокой привязанности примешалась теплая жалость, потому что без слов почувствовала я, что не совсем счастлив он с этой эгоистичной взбалмошной женщиной, наслаждающейся не своим, а его богатством и властью не своих, а его денег над людьми.

Мама все это болезненно переживала и мы поспешили уехать, боясь, что хорошие отношения могут внезапно испортиться по какому-нибудь пустому поводу.

Вернувшись в Святошин, на нашу тесную бедную дачку, мама почувствовала, что не на родине, а здесь она дома, а в доме, где она родилась и выросла – она стала чужой. И много лет болела в душе ее эта рана и горько было ей думать, что не нашел дядя Сашок мягкого и чуткого человека, а погнался за внешней эффектной, но черствой эгоисткой, искавшей в браке богатства и общественного положения. Красивая и недобрая женщина принесла в теплую патриархальную семью начало мещанского поклонения богатству и не замечала, что за внешним блеском всем видна ее сухая и опустевшая душа.

А рядом со мною рос маленький Воля.

Это был исключительно красивый, изящный мальчик, которого все называли «маленьким лордом».

До двухлетнего возраста он очень любил, чтоб я его катала по большим комнатам нашей Таганрогской квартиры в плоской корзинке для глаженного белья, поставив ее

на суконку для чистки паркетов. Полы и всегда были у нас натерты до зеркального блеска и очень скользкие, поэтому корзинка скользила плавно и легко, я бегала быстро – и Воля блаженствовал. Часто брала я его к себе на спину, обхватывал меня ножонками вокруг талии, а ручонками крепко держался за шею и погонял меня:

– Нно! Нно! Атачка! Ноо!

«Атачка» это значило лошадка. Я скакала, брыкалась, прыгала, как настоящий конь, а он заливался веселым хохотом все подгонял меня.

Чужих людей он до двух лет боялся: подойдет к нему кто-нибудь из гостей, а он отвернется. Спрячет лицо на плече Паши и горько заплачет. Боялся он и новых игрушек, если они были большие: подарил ему крестный отец лошадь-качалку, он два дня боялся войти в комнату, где она стояла, и сел на нее только через неделю.

Двух лет от роду он всех поражал своим самолюбием: когда мама умерла в Требухах от дизентерии, а он тоже болел расстройством желудка и был на диете, крестьянские девушки принесли продавать лесную землянику. Мы купили целых два ведра, насыпали горами несколько огромных блюд и Воля, конечно, стал просить ягод. Ему выбрали на блюде самых спелых. Он их мгновенно съел и стал просить вторую порцию, но папа не дал ему ни ягодки и сказал:

– Поставьте ягоды на буфет, чтобы Воля не взял. Он болен, ему больше нельзя.

Мальчик страшно обиделся и, по своему коверкая слова, возмущенно ответил:

– Даже на пол ставили бы – Воля не взял бы.

Папа смутился и приказал дать ему еще немного, но Воля оттолкнул блюдечко и из гордости не взял ни одной ягодки, как его не уговаривали.

Ко всем нам он был трогательно привязан. Долго не мог он правильно выговорить мое имя и сначала называл меня «Ззя», года в два стал называть меня «Зизяка», потом «Зинтика» или «Зинана». Но стоило ему на меня рассердиться, как имя мое превращалось в нечто невыразимое:

– Зинтика! – кричал он тогда на весь дом и, по-видимому, считал это чем-то очень обидным.

Прохожие на улице часто останавливали Папу, любясь Волей, а соседка наша мадам Логефетис со своим жестковатым английским акцентом:

– Оо, какой бьоти бой! Как у него шелковый шура! А какой локоны!

В Киеве, на квартире Черницкого, Воля очень горевал, что мы с мамой часами запирались в отдельной комнате. Я училась, или мама занималась со мной и маленький Воля, конечно, очень мешал бы нам своим детским лепетом и бесконечными вопросами. Он сидел с Пашей, нашей полунаней-полугорничной, приехавшей с нами из Таганрога, играл, или слушал ее рассказы, но стоило звякнуть ключу в замке, как он со всех ног мчался к нам и влетал в раскрытую дверь с веселым хохотом и бросался в объятия мамы. Мама поцелует его, даст ему что-нибудь поиграть и через пять минут отправляет обратно, чтобы продолжать занятия со мною. Уходит Воля недовольный, вытянув обиженно губки, но делать нечего: надо уйти.

Пашу он любил, нежно называл Пашуленькой, но иногда начинал шутить: Паша была женщина лет 45, с длинными кариозными зубами, полноватая, черноглазая. Посмотрит на нее Воля и говорит:

– У тебя, Пашуленька, зубы длинные как у волка (волка). Ты, Пашуленька, вольк.

– Что ты, Воличка! Какой я волк, у меня и ногтей нет, и хвоста. Вот посмотрим, какой волк на картинке.

– Нет, ты вольк, – спорит Воли, заливаясь веселым хохотом. – И зубы у тебя, как у волки, и хвост есть.

– Да нет у меня никакого хвоста, – спорит Пашуленька, краснея.

– Нет, есть! Только под юбкой. Покажи хвост!

И Пашуленьке стоило невероятных усилий заставить Волю успокоиться и не тербить ее подол.

По вечерам, когда кончались уроки, Воля очень любил рассматривать елочные украшения, сложенные от рождества до рождества в картинках, или мою игрушечную посуду, купленную мамой в Одессе, когда мы возили туда больного дядю. Эту посуду я, как и все свои игрушки, свято хранила на память о детстве в столовом буфете.

– Зинтика, дай-дай-дай чашечки, блюдечки, вилочки, ножички, – просит меня Воля, сидя в своем высоком креслице у обеденного стола

Я вынимаю большую тяжелую коробку и показываю ему сервизы чайный и столовый. Чайный сервиз из белого плоховатого фарфора с розовым букетиками, а столовый из нежной кремовой майолики с коричневыми узорами. Воля осторожно берет каждую вещь и рассматривает крохотные соусники, блюда, супницы, тарелочки и чашечки, сахарницу, сухарницу, сливочник, прелестные никелированные чайные ложечки подают к кофе и для мороженого, ножички и вилки с белыми костяными ручками. Действует он так осторожно, что никогда ничего не разбил, но мне все таки страшновато, как бы не случилось беды...

Часто строили мы с ним на ковре сложные сооружения из кирпичиков, абелевского строительного ящика, кегель и всего годного для такого строительства, и время летело незаметно до той минуты, когда Воле пора было идти спать. И я порой так увлекалась игрой, как будто была его ровесница.

Лет до пяти-шести Воля требовал, чтобы его звали Верочкой. Любочкой или Манечкой, потому что ему хотелось быть девочкой, и все просил, чтобы ему завязали в волосы бант, как у меня. Буквы знал он уже в четыре года и сам складывал из них легкие слова.

В этом возрасте его одевали как девочку, в платьица плиссе, или сборчатые на кокетке, а вокруг шеи завязывали собранное на ленточку широкое гипюровое кружево, покрывавшее его плечики, как пелерина.

Цвет лица у него был бледноватый, но не бескровный. Не по детски серьезно смотрели его близко посаженные глубокие черные глаза с голубоватыми белками, красивый тонкий греческий нос, как у дяди Коли. Пухлые губки – все было у него изящно и гармонично. До 12 лет ему подстригали волосы на лбу от виска до виска ровной линией, параллельной бровям, а на затылке волосы его мягко завивались в пепельно-каштановые локоны шелковистыми стружками. Одевали мы его под стиль лица: в длинные чулки до колен, короткие штанишки и курточку матроску, или застегивающуюся под подбородком с отложным воротником, Шекспир из вышитого гладью батиста, или из белого пике с английским шитьем. Худощавый, стройный он

всех поражал своей наружностью и походил не то на итальянца, не то на греческого ребенка.

Шести лет от роду он всех нас поразил, написав такое стихотворение:

В озеро глядится,
Уходя, луна.
Ручеек струится.
В поле тишина.
Лес вдали синяя,
Безмятежно спит.
А восток, краснея,
Золотом горит.

Он сам написал их на бумаге печатными буквами, но, когда мы все стали восхищаться, вдруг рассердился и сказал:

– Зина пишет стихи, папа пишет стихи. Половина всех поэты. Не хочу больше писать.

И как мы его ни уговаривали, сдержал свое слово, хотя признавался, что ему часто снятся стихи и слова пишутся в строки.

Когда шел ему седьмой год мама пошила ему праздничный костюм из темно-вишневого вельвета бархата хлопчатобумажного, а к нему купила широкий отложной воротник из тончайшего батиста весь в ажурной вышивке английскою гладью. Этот костюм очень шел к нему и как-то папа повел волю в цирк на дневное детское представление и увидел его там папин товарищ по «Киевской мысли» Анатолий Васильевич Луначарский, он был прямо поражен Волиной красотой и в антракте принес ему из буфета огромный сладких апельсин.

– Почему же вы, Павел Александрович, никогда не говорили в редакции, что у вас такой красавец-сын? – повторил он и затем не раз передавал Воле через папу то грушу-дюшес, то шоколадку.

В 1907 году Воля тяжело заболел дифтеритом. Болезнь его захватили вовремя, но реакция от сыворотки была намного тяжелее самой болезни. Целые две недели, пока он болел, прожила я у дяди Коли, жена которого Надежда Федоровна была ко мне очень добра и всячески старалась скрасить мой отрыв от родной обстановки. Дядя Коля был, по обыкновению за границей и привез мне целое кило шоколада Сюшар из Швейцарии и прехорошенькую шерстяную материю (купон) на блузку, кремового цвета, вышитую бронзовыми арабесками.

Зимой 1907-8 года я уже была в седьмом классе, но по прежнему училась дома и по прежнему мама готовила меня по всем предметам, кроме математики и немецкого. Видя, что в Министерской гимназии к экстернам относятся куда придиричивее, чем к своим ученикам и требуют с них многое, вычеркнутое в классе, папа зачислил меня в гимназию с условием, что посещать уроков я не буду, но выпускные экзамены буду сдавать вместе со своим классом на правах ученицы.

К экзаменам дожило мое форменное коричневое платье, черный будничный, белый батистовый нарядный фартук для экзаменов, купили форменную соломенную шляпу тирольку с бронзовым гербом на коричневой репсовой ленточке, внесли за весь год плату за правоучение 45 рублей – за все предметы и по 10 руб. за обучение каждому иностранному языку, купили портфельчик-ременной и я с душевным волнением приступила к экзаменам.

На экзаменах впервые познакомилась я со своими одноклассниками. Зачислили меня на второе отделение, что соответствует нынешнему 7 «б» классу. В этом классе было 50 человек.

Экзамены растянулись на полтора месяца. Промелькнул весь май и часть июня и я за это время успела присмотреться к своим соученицам.

Кроме меня, была еще одна непосещающая ученица Наталия Павловна Терещенко из семьи известных сахарозаводчиков-миллионеров. Это была очень скромная и очень изящная барышня, блестяще владеющая новыми языками. Половину зимы жили они где-нибудь на юге, или за границей, поэтому она, как и я, только числилась гимназисткой. С ними ездили и ее учителя – филолог, готовящий ее по истории, литературе и русскому языку. По педагогике, истории церкви и математики, взявший на себя всю математику, физику и космографию (астроном, француз, англичанка и немец. Все они, кроме немца и англичанки были с университетскими дипломами и солидным педагогическим стажем. А у меня была одна только мама, героически отказавшаяся от радостей жизни, в том числе и литературного творчества, ради меня, Терещенко была хорошо подготовлена, у меня отметки были на серебряную медаль, а у нее до медали не хватало двух пятерок. Правда, и мне медали не дали, так как надо было проучиться в одной и той же гимназии, чтобы иметь на нее право, но я на это не претендовала.

Понравилась мне и изящная и скромная Мася Ярошева, дочь артиллерийского генерала и Маруся Беспалова, дочь товарища председателя окружного суда. Зато первая ученица рыженькая Наталия Антоновна Панченко показалась мне сухарем и зубрилкой. Только много лет спустя поняла я, что очень в ней ошиблась.

Пожалуй самой оригинальной личностью в нашем классе была Майя (Мария Сергеевна Миклуха Маклай, родная племянница знаменитого путешественника).

Она была самая старшая в классе, если Валентине Трофимовой было всего 16 лет, мне и большинству – 17 лет, то Миклухе было целых 22 года. Правда, запоздала она с учеьем не по своей вине. Мать ее умерла от туберкулеза в Ментоне, когда она была подростком. Жили они во Франции несколько лет. Майя училась во французском колледже и почти забыла русский язык. После смерти матери Майю привезли в Россию и она с большим опозданием поступила в гимназию, вторично выучившись говорить по русски. Конечно, она было много зрелее нас, девчонок.

Наружность у Миклухи была неказистая: жалкие, реденькие, белобрысые волосы, закрученные на затылке в крошечный комочек, огромные дегенеративные уши и колоссальная нижняя челюсть. Нижние зубы ее заходили на верхние и смеясь или улыбаясь, она презабавно щелкала челюстями, как волк; серые крохотные глаза. Миклуха уже в гимназии увлекалась революционными идеями, мечтала о подпольной работе, о

подвиге, за который предстоит ей умереть от руки царских сатрапов и палачей. Училась она на четверки, много читала и вне гимназии ходила в черной косоворотке, смахивая не то на английскую суфражистку, не то на смешную англичанку из иллюстрированного издания Ги де Мопассана, не то на карикатурную русскую курсистку 80-х годов. Мы ее прозвали «Базаров в юбке».

И все-таки, хотя я любила все мягкое, грациозное, женственное, странная наружность Миклухи мне пришлась куда более по душе, чем гимназистки мешаночки, строящие глазки каждому студенту и гимназисту. Привлекало меня к Миклухе иное: она любила литературу и стихи, любила путешествия, была начитана и параллельно с политикой могла увлекаться Эдмундом Ростаном, в особенности его «Сирано де Бержерак» и его «Шантеклером» – блестящий сатирой на напыщенных и самовлюбленных поэтов. И я еще во время экзаменов пригласила Миклуху к нам в дом.

И, как это ни парадоксально, Миклуха, по видимому, полюбила меня, даже подарила мне «Сирано де Бержерак» на французском языке с надписью «_____».

В разгар экзаменов получили мы телеграмму о смерти маминой тетушки Варвары Федоровны, которой было тогда 87 лет, а неделю спустя Воля вторично заболел дифтеритом.

Снова пришлось мне перебираться к дяде Коле, который и на это раз выступал в одном из заграничных судов, кажется в Триесте, или Будапеште.

Наконец все было закончено и нам выдали аттестаты, где была у меня четверка по геометрии и тройка по алгебре: снова подвел меня мой репетитор, который пропустил одну главу, на которую как раз дали пример на письменном.

С легким сердцем уехала я в Святошин и осенью поступила в 8-ой педагогический класс.

Из 98 человек окончивших весной 7 классов, в восьмой класс поступило только 23 человека: вакансий было в нем всего 25, но принимали только тех, у кого средняя отметка за 7 классов не ниже 4,7. Поступили все три «золотые медалистки: Панченко, Ярошева и Фалькович и четыре «серебряные» – Трофимова, Беспалова, Нелгунина и Левенберг. Кроме того, в числе этих 23 человек было три «золотые медалистки» из уездных городов Киевщины – Лихнякевич, Дьяченко и Могилевская. Поступила и Миклуха и ее приятельница Жена Демосная.

Так как мы по обыкновению засиделись на даче, я пропустила три недели занятий и мне пришлось догонять пройденное.

В восьмом классе каждая ученица избирала себе специальность: математику, литературу или историю. Я, конечно, выбрала литературу. А Панченко, Ярошева и Трофимова – математику.

Учиться мне было легко, но в первой четверти, на уроке методики арифметики, я однажды попала впросак. Учась дома. я не знала многих классных приемов решения задач и многих видов упражнений, которые задают ученикам в школах. К тому же наш математик Павел Александрович Долгушин объяснил сложно и довольно витиевато. Трудно было сразу привыкнуть к его манере.

Дело было так: вызвал он меня к доске и спросил об арифметических загадках. Я не поняла, чего он от меня хочет, и совершенно растерялась. Стою. Молчу. Стыдно мне – хоть провались в преисподнюю. Он покачал головой, спросил о чем-то другом и вывел мне тройку.

Вышла я из гимназии как потерянная. Ведь, это не экзамен, где возможна всякая неожиданность. Это урок, методика и вопрос касается преподавания в младших классах... От горя и стыда я решила утопиться, свернула с Терещенковской улицы не домой на Гоголевскую, а вниз по Крещатику к Днепру. Иду и страдаю. Лицо пылает, стыдно поднять глаза на людей, как будто все прохожие знают, что я опозорилась. А на дворе пронизывающая осенняя слякоть. Холодно, мокро. Дует резкий северный ветер. Я продрогла, промочила ноги, но этот холод и плохая погода отрезвили меня.

Дома я заперлась в своей комнате, легла лицом в подушку и заплакала. К счастью все куда-то ушли. Сколько провалялась я так – не помню, а потом, как вскочу, да за учебник. По оглавлению нашла параграф об арифметических загадках, прочла, разобралась и даже рассмеялась: стоило топиться из-за таких пустяков!..

В конце четверти эта злополучная тройка давно сменилась жирной пятеркой и до конца года никаких отметок, кроме пятерок, я больше не получала.

Этот учебный год был богат литературными юбилеями: столетие со дня рождения Гоголя и Кольцова, юбилей Гете, 25-летие со дня смерти Тургенева.

Все эти даты отмечались в гимназии торжествами.

Помню, в начале второй четверти вызывает меня в учительскую наш словесник, Владимир Степанович Александрович, грузный, полуседой блондин, метко прозванный Сметаной и просит меня написать реферат о Тургеневе. Этот реферат должна я прочесть на торжественном литературном утре перед лицом всей гимназии, в актовом зале.

Он протянул мне стопку книг, которые я должна внимательно прочесть для того чтобы понять свою задачу. Я немного смутилась и сказала, что вряд ли справлюсь с такой трудной задачей и добавила:

– В нашем классе много учениц с золотыми медалями. Попросите их, Владимир Степанович.

– Не стоит вам, Тулуб, об них вспоминать. – улыбнулся Александрович. – Они учились прекрасно, но у Вас есть то, чего у них нет. У Вас – литературный талант, а это куда больше золотой медали.

Среди подобранной мне литературы вопроса была книга Овсяннико-Куликовского, статьи Нестора Котляревского, Венгерова, Сиповского, сборник надгробных речей, произнесенных над могилой Тургенева. Книга была довольно увесистая. Недели в три я прилежно все это прочла и прежде всего написала о роли Тургенева в деле освобождения крестьян от крепостного права, затем дала эволюцию женских и общественных типов по романам Тургенева, разработала вопрос о значении Тургенева в истории русской литературы и наконец остановилась довольно подробно на эволюции его творческих и стилистических приемов: от «Записок охотника», написанных строго реалистически, по углубленному и лирическому рисунку в изображении героев его романов к реальному ясновидению «Клары Милич», «Стук-стук» – к кружевным миниатюрам его

стихотворений в прозе. Тетрадь получилась объемистая на полных два академических часа.

В актовом зале не было где яблоку упасть. Человек 600 учениц, весь педагогический персонал, классные дамы, массы приглашенных гостей, родители, генералы в лентах и звездах, архиерей, попечитель, окружные инспектора, помощник попечителя красавец Марданов, педагоги из других гимназий и, конечно, начальница княгиня Урусова и директор Николай Владимирович Стороженко. А позади – человек 20 гимназистов в парадных мундирах.

Два не академических, а обыкновенных часа читала я свой реферат. Бурные аплодисменты покрыли мою последнюю фразу.

После антракта было литературное отделение: читали стихи и стихотворения в прозе, пели романсы на слова Тургенева, поставили отрывок из «Месяца в деревне». Я снова выступила, прочла «как хороши, как свежи были розы», и снова мне много аплодировали.

С этого дня в гимназии, где знала я только свой класс, узнали меня все младшие классы. В нашем же классе завоевала авторитет знатока литературы и выдающейся ученицы.

Вскоре подошли «Кольцовские дни». На этот раз реферат поручили написать другой ученице, а я написала стихотворение памяти Кольцова и прочла его на литературном утре, на этот раз прославившись среди учениц, как поэтесса. Только очень было мне обидно, что некоторые ученицы вообразили, будто стихи написал папа, а я только их прочла. Это возмутило до глубины души.

Стихотворения я не помню кроме первых строк:

Был отцом его
Сыр-дремучий бор.
Степь широкая –
Нежной матерью.
Ветерок степной
Напевал ему
Своим песенки
Колыбельные.

В этом стихотворении при недурной ритмике не было общей стержневой мысли поэтому вышло рассыпанным и малосодержательным. Однако, успех оно имело шумный.

В награду за мои выступления директор пригласил меня на бал в 4-ую мужскую гимназию, где он был по совместительству тоже директором и преподавал историю. Вообще почти все наши преподаватели были одновременно и преподавателями 4-ой гимназии.

На бал повез меня папа. Директор встретил нас в вестибюле и, любезно пригласив папу остаться, вызвал лучших учеников выпускного 8 класса Николая Бохина и Бориса Манжоса, познакомил меня с ними и приказал им позаботиться, чтобы я не скучала.

Оказывается и Бохин, и Манжос, были на моем реферате и на кольцовском празднике, а сами в своей гимназии тоже писали рефераты о Тургеневе и о Кольцове. С этого дня между нами возникло подобие нынешнего соревнования, кто лучше напишет, кто лучше ответит, кто лучше выступит на каком-либо торжестве.

Тут же на балу они меня познакомили с моим третьим соперником поэтом Николаем Бернаром. Папа давно знал Бернара, который не раз приходил к нам на литературную консультацию в редакцию «Киевских вестей» и «Киевской мысли», папа терпеливо следил за каждым его литературным опытом, помогал добрым советом и уж несколько раз напечатал его стихи в газете, Бернара папа считал талантливым, но уж очень бесхребетным, юношей, гнавшийся за редкой рифмой, за музыкальностью стиха, но не за смыслом и содержанием.

В тот вечер было мне очень весело. Во первых льстило сознание, что одна должна соревноваться с тремя молодыми людьми, затем льстило и то, каким вниманием они меня окружали: они знакомили меня с лучшими танцорами, угощали мороженым, пирожными и бутербродами, подносили мне живые розы – вообще вели как истые рыцари. Только во время танцев толстый увалень Саша Делонэ, сын профессора физики и авиации, с размаху посадил меня не на стул, а в стоящую рядом кадку с олеандром, и я запачкала в земле кончик своего белоснежного фартука...

После ужина меня пригласили в учительскую, где все учителя, в том числе и наш Александрович, и даже строгий математик Долгушин, наперебой говорили мне что-нибудь теплое, любезное. Они так мило беседовали со мною, что я не могла понять, почему в книгах все учителя рисуются сухарями, а в жизни они такие приветливые и симпатичные.

Приближался третий большой юбилей – Гоголя.

Снова вызвали меня в учительскую, сказали, что нельзя мне быть в стороне от такого литературного события, но на этот раз я отказалась, потому что это мешает мне заниматься музыкой и иностранными языками. И Владимир Степанович уступил мне, сказал что сам прочтет свою статью вместо ученического реферата.

Как вдруг за три дня до юбилея вызывает меня сухая и желчная классная дама Елена Алексеевна Гогель и говорить:

– Тулуб, вас вызывает директор.

Я немного встревожилась. Как будто вела себя безукоризненно и вдруг...

А Елена Алексеева продолжает, недовольно поджав губы:

– У всех учениц есть фамилии, а вас директор величает просто «Зиночка». Говорит, попросите ко мне «нашу Зиночку».

Идите же к нему. Тулуб: он вас ждет.

Директор любезно подал мне руку на мой низкий, почти придворный реверанс.

– Вот что, Зиночка: на днях столетие со дня рождения Гоголя. Напишите к завтрашнему утру стихотворение памяти Гоголя: в университете будет выставка

всех изданий Гоголя за сто лет и всего, посвященного ему, или его памяти. И мы отлитографируем Ваше стихотворение и тоже выставим на этой выставке.

Я растерялась.

– Но, Николай Владимирович, разве можно приказать душе и писать стихи по заказу. Я не знаю, выйдет ли у меня хоть что-нибудь.

– Выйдет, обязательно выйдет! Ну, а если что-нибудь не будет ладиться, вам поможет талантливый папа.

Я вспыхнула и, не смотря на некоторый страх перед директором, четко ответила:

– Я не стану просить помощи. Я никогда не позволяла папе ничего исправлять. Я просила его – указать ошибки, и исправляла их всегда сама, иначе я всю жизнь не научусь писать стихи и буду ходить на чужих костылях.

– Вот вы какая! – поднял брови директор. – Такая нежная, застенчивая... Ну, идите с богом домой и пишите.

Дома я взволнованно взялась за тетрадку и часа через два были готовы четыре куплета.

Много струн было в сердце поэта.
И в устах – много светлых речей,
А в душе – жажда счастья и света
Для бесправной отчизны своей.
 Но сгущались тучи седые,
 Непрогляднее делалась ночь.
 И годами слова огневые
 Не могли этой тьмы превозмочь...
И тогда он смеялся, рыдая,
И смеясь, кровью сердца писал
И мечтал, но мечты золотые,
Как и слезы, от мира скрывал.
 Этим смехом велик ты, наш гений,
 Незабвенный сатирик-поэт,
 Так прими молодых поколений
 Неподдельный, горячий привет.

Папа стихи одобрил, но посоветовал заменить слово «бесправной» словом «несчастной», чтобы «гусей не раздражить», выражаясь словами Крыловской басни.

Еще в бытность в Таганроге, в 1902 году, когда в Таганроге праздновали 50-летие со дня смерти Гоголя, папа написал памяти Гоголя большое стихотворение. Теперь папа его подновил, дополнил и дал отпечатать отдельной листовкой в типографии «Киевской мысли». На эти слова доцент Киевского университета Петр написал кантату, и эту кантату разучил хор и оркестр оперного театра, чтобы исполнить ее в университете на торжественном заседании, посвященном памяти Гоголя.

На другое утро, начисто переписав стихи, я вручила их директору. Он поблагодарил меня, прочел стихи и вдруг сказал, что завтра, в воскресенье я должна явиться в парадной форме в гимназию, потому что депутация от нашей гимназии пойдет в

городской оперный театр возложить цветок к подножию бюста Гоголя и я должна буду прочесть с оперной сцены свое стихотворение.

Это меня потрясло. Я вернулась в класс и до конца уроков думала, как же я буду читать стихи перед такой громадной аудиторией со сцены, где играют и поют самые знаменитые певцы, где я с таким восторгом смотрела столько опер и слушала столько концертов.

В три часа я, по обыкновению, вернулась домой, но папы уже не застала: он уехал в университет на чествование Гоголя... Мне тоже хотелось там побывать, послушать кантату на стихи моего папочки и его самого, и многих своих будущих профессоров, но в те времена гимназистке было немислимо пройти в университет. Правда, папа мог бы этого добиться, но и он не хотел нарушать моих гимназических занятий, а мама была к этому равнодушна и сама осталась дома с маленьким Волей.

Теперь мне больно, что я не видела в тот день оваций, заслуженно выпавших на долю моего скромного папы... И вечером я с грустью рассматривала отпечатанную золотом на веленовой бумаге программу университетских торжеств и утешило меня только то, что и в опере исполняют папину кантату и он тоже будет на сцене, как представитель от киевской прогрессивной прессы.

На другой день, в 11 часов утра, была я в гимназии и вместе со своей одноклассницей Наташей Федоровской, нашим учителем словесности и директором двинулись к оперному театру. Мама уже сидела с другими дамами в ложе, а папа встретил меня за кулисами и издала ласково мне кивнул.

Директор вручил нам с Федоровской серебряный венок с белыми муаровыми лентами, на которых было написано несколько слов золотом, и указал нам наше место на сцене, а мне подал пергаментный свиток с написанными на нем моими стихами.

А сцена огромная, как площадь, была празднично разукрашена. На фоне какой-то пышной декорации, напоминавшей любимый Гоголем Рим, стоял бюст поэта, окруженный пальмами и знаменами. Занавес был опущен и мы потихоньку подбегали и прорезанной в нем дорожке, взглянуть на переполненный театр. Депутации все прибывали и прибывали, профессора университета, политехникума, коммерческого и медицинского институтов, духовной академии, фребелевского педагогического института, Киевских высших женских курсов, высших женских курсов Жекулиной, Курсов иностранных языков, от 35 женских и от 12 мужских гимназий, от редакций газет, от всех театров Киева, от музыкального училища, от ученых обществ, от клубов и библиотек. Сцена вмещавшая до 1000 человек постепенно переполнилась. Все были со свечками, венками или букетами.

И вдруг вспыхнули прожектора, взвился занавес, и загремел огромный оперный оркестр. Исполнили кантату. Затем началось возложение венков и чтение приветствий в прозе и стихах.

Все мало мальски известные люди Киева были тут на лицо. От прогрессивной прессы выступил папа и критик Войтоловский, от преподавателей средних школ – критик Чаговец, от профессуры – Лобода, от музыкальных кругов Пухальский и Ходоровский, профессора нашей будущей консерватории, от драматического театра

артистка Юренева и многие другие. Затем наступила очередь средних учебных заведений и вдруг голос ведущего торжественно провозгласил:

– От Киевской Министерской земской гимназии стихотворение «Памяти Гоголя». Прочтет автор поэтесса Зинаида Тулуб, ученица восьмого класса.

Я боялась, что у меня не хватит голоса на такой огромный пятиярусный зал, но голос мой внезапно зазвенел неожиданной силой и прочла я стихи звонко и радостно.

Мне долго и шумно аплодировали.

Когда все венки и букеты легли пестрой ароматной горой к подножию бюста, читавших приветствия разместили группой на сцене лицом к публике. Меня с венком от нашей гимназии поместили почему то в самом центре. Вспыхнули сценические прожектора и всю группу сфотографировали сразу несколько фотографов от редакций и от Киевских театров – на память о чествовании.

Затем был антракт. Мы с папой перешли к маме в ложу и смотрели оттуда всю дальнейшую программу: сцену у Солохи из оперы «Черевички», сцену из «Майской ночи», «Женитьбу» Гоголя, сыгранную силами драматического театра и несколько арий и отрывков из произведений Гоголя.

В следующую пятницу, в иллюстрированном приложении к «Киевской мысли» была напечатана вся наша группа, со мной и Талей Федоровской – в центре, на переднем плане, и в той же «Киевской мысли» известный киевский педагог и журналист Всеволод Чаговец дал отзыв о Гоголевском торжестве в оперном театре, проложив резкую грань между официально-казенными приветствиями большинства учебных заведений государственных учреждений, пусть даже и культурно-просветительных и подлинной живой любовью к Гоголю, как социальному сатирику со стороны настоящей русской общественности и ее передового рупора молодежи.

«Все было мертвое, казенное, официальное и мертвенное, – писал он, – но потом на смену ему пришла свежая чистая, неиспорченная юность. И тогда зазвенели серебряные колокольчики полудетских, девичьих голосов:

Так прими молодых поколений
Неподдельный, горячий привет.

Так помимо моей воли случайно попали в печать мои первые две строчки.

Не успели мы вернуться домой из театра, как раздался звонок: посыльный принес из магазина роскошный букет, подарок «Зиночке Тулуб» от директора, а через полчаса горничная начальницы княгини Урусовой – принесла мне большую бонбоньерку шоколадных конфет.

Снова потянулись однообразные будни школьной жизни, но на масленице снова был у нас уже не официальный праздник: большой костюмированный бал. К этому балу ученицы седьмого класса долго разучивали на уроках танцев монгольский танец Кейка пу, а группа другого седьмого класса – русский. Мы же 8-классницы должны были одеваться цветами, чтобы участвовать в живых картинах и протанцевать танец цветов. По указанию начальницы, каждая из нас заказала себе костюм какого-нибудь цвета, состоявший из огромного, как ламповый абажур цветка, сделанного из той же

морщенной бумаги на голову в виде шляпы, стебельком вверх, юбочки из лепестков этого цветка из той же морщенной бумаги, надеваемом поверх форменного платья и на цветка, который мы держали в руках вместо веера.

Мне сказали заказать костюм «чайная роза», другие стали подсолнухами, маками, васильками, колокольчиками, лилиями и т.д. На средства гимназии закупили несметное количество разного рода закусок, зернистой и паюсной икры, сардин, маринадов, балыков, швейцарского, кавказского сыра, сливочного масла. Из всего этого наделали горы бутербродов. Заказали более трех тысяч пирожных, много ящичков шоколадных конфет, помадок, глазированных фруктов, свежих фруктов (мандарин, апельсинов, яблок, фиников, орехов, бананов), прохладительных напитков, лимонадов, ситро, а для учителей – пива. Вообще, приготовления были грандиозные.

Пригласили оркестр военной музыки и, в виде исключения, разрешили нам надеть туфли на высоких каблуках и завиться. Каждая из нас должна была пригласить себе кавалера, брата, кузена или знакомого. У меня не было знакомых молодых людей, но папа посоветовал пригласить моего двоюродного кузена Сашу Подуста, студента-юриста. Так я и сделала.

Бал был блестящий. Сначала был концерт силами наших учениц: пели романсы, играли на рояле и на скрипке, декламировали, пели дуэты. Потом была поставлена живая картина «Широкая масляница»: на высоком постаменте из столов, задрапированных коврами, стояла самая дородная блондинка из 7 класса с палкой длиной в два аршина, с насаженным на ней картонным блином. Стопку таких же блинов держал на блюде, поваренок, а остальные делали вид, что пляшут, или поют. Все участницы были в атласных сарафанах, вышитых бисером и искусственными камнями, в роскошных кокошниках с поднизями и фатою. Живую картину показывали три раза, потом все «боярыни» спустились в зал и ловко протанцевали русскую и наконец показали вторую живую картину «Россия».

После антракта двенадцать пар исполнили балетную постановку в японских костюмах, с веерами, с причесанными по японски волосами и в японском гриме.

А тем временем на нашей сцене готовили последнюю живую картину: «Веер из живых цветов». Меня, как розу, царицу цветов, посадили у самой рампы внизу. Дали мне в каждую руку по семь широких полос золотистой материи, а за мной, на искусственном скате разместили полукругом в два ряда всех моих подруг переодетых, а между нами протянули пышные гирлянды зелени. Наша живая картина имела, как и все предыдущие, большой успех, потом мы выбежали в зал и исполнили танец цветов на мотивы неаполитанских песенок.

Затем начались общие танцы в актовом зале, где происходил концерт, быстро убрали мебель, на сцене расположился военный оркестр. Во всех соседних классах устроили уютные гостиные, там гремели рояли, за которым не переставая работали профессиональные таперы, в общем вся гимназия плясала. В шести местах были буфеты, стояли киоски с мороженым, продавались в пользу недостаточных учениц цветы.

Вдруг по залу разнеслась новость, что приехал по приглашению Маруси Кузьменко, оперный тенор Федор Гаврилович Орешкевич. Мы его сначала угостили тортами,

бутербродами, затем упросили спеть и он спел нам много романсов и неаполитанских песенок.

До четырех часов утра продолжались танцы и в зале, и в классах. Мне было весело, что я даже забыла полакомиться всеми прелестями наших буфетов, и только подруги напомнили мне, что надо что-нибудь съесть и выпить. Когда тушили огни ученицам седьмого и восьмого классов разрешили разделить все оставшееся в буфетах между собой.

Долго не могла я забыть нашего, этого первого большого бала в моей жизни, потому что бал в 4-ой гимназии все же был полуофициальный.

А вскоре настала весна с последними выпускными экзаменами.

В пустые дни между экзаменами мы часто собирались в своем классе и беседовали о том, куда идти дальше учиться, или слушали музыку пианиста Тарновского, живущего против гимназии в особняке своих родителей. Тарновский тогда учился в С.Петербургской консерватории, но был уже выдающимся виртуозом. Цвела акация. Грустно было расставаться с гимназией, где за единственный год своего ученичества на мою долю выпало столько светлых и счастливых минут, где впервые вкусила я от сладостного и пьянящего вина успеха и пусть детской, школьной, но все-таки славы.

А жизнь звала вперед, к новым, еще более заманчивым высотам, и 2-го июня 1909 года я навеки простилась со средней школой.

Все учителя 8 класса подарили мне на память свои фотографии с теплыми надписями, подарил карточку и директор, и начальница княгиня Урусова.

И дней через 5-6 после прощания с гимназией я уехала снова в Святошин.

Тихо и мирно текли дни нашего полного летнего отдыха. Мы наслаждались тишиной, великолепным молоком, которое носила нам из Белич Катерина Мовчун, ароматом соснового бора, шорохом столетних сосен, напоминающих шум дождя или морского прибоя. Много читали мы с мамой по русски и по французски, и можно сказать были в курсе всех новинок России. Запада, получая по годовой подписке несколько русских ежешаечников («Вестник Европы», «Современный мир» и «Русскую мысль»), парижский журнал «_____», брали книги и в Святошинской библиотеке. Раз в неделю аккуратно ходили в кино, где в то время царили Коралли, Вера Холодная, Рунич и многие другие актеры, имена которых не помню. Но больше всего нравилась нам на экране красавица Коралли.

В лунные ночи мы подолгу сидели в саду, любясь лунным светом сквозь кружево сосновых вершин, а по утрам – любовались каждым новым цветком на клумбах, каждой веткой сирени или жасмина, каждой рыбкай в нашем прудике, каждой лягушкой-древесницей, жившей на ветках наших акаций.

Все было нам интересно: и светлячки по ночам, и пчелки в чашах пышных цветов и спелая земляника в газоне, и каждая бабочка.

Огорода у нас не было: не хотелось буднично-деловыми огородными грядками уродовать изящество нашего прелестного сада, все пышнее разраставшегося с каждым годом. Все покупалось на базаре. По дачам крестьянские дети носили кувшины лесной земляники, днем разносчики носили бублики-сушки и выборгские крендели.

Ярославские крестьяне предлагали полотно, кружевницы – русские кружева. Газеты и почту получали мы два раза в день.

Иногда собирались мы компанией на Нивку, болотистую речонку в двух верстах за Святошиним, поросшую камышом и водными лилиями. Ходили и в поле за васильками, и в лес к полустанку Беличи, где на полосе отчуждения росла ароматная лесная белая гвоздика и медуница, дикие скабиозы, цикорий и красивый малиновый шпажник. Букеты полевых цветов у нас не переводились.

По воскресеньям у нас почти всегда бывали гости. Приезжали Анна Степановна Завадская, бывшая мамаина грозная классная дама со своими дочерьми Наташей, Стефой и Ксюшей, приезжал дядя Коля с Надеждой Федоровной, а когда Воля стал старше – приезжали его товарищи гимназисты.

Из моих подруг по гимназии в Святошине жила всегда Валентина Трофимова, дочь доктора-ларинголога, Августа Киселевич и Ярошевы. Младшая из Ярошевых училось в 8 классе вместе со мною. Это было очень милая, симпатичная семья. Отец их инспектор артиллерии 21-го корпуса, генерал-лейтенант Ярошев умер, когда мы были в 8 классе, оставив троих дочерей и двух сыновей штабс-капитанов, батарейных командиров из 33-й артиллерийской бригады. Старшая дочь Лиза была учительницей рукоделия в гимназии группы родителей на Львовской улице, средняя Аня не служила нигде, а моя подруга Маса не захотела дальше учиться, хотя как и обе старшие сестры кончила гимназию с золотой медалью. Осенью поступила она телефонисткой на Киевскую телефонную станцию. Я ее уговаривала идти учиться дальше, но в среде военных высшее образование для женщин казалось чем-то неприемлемо-чужим и все мои уговоры не сломили их семейных традиций. Во всем же остальном это была очень дружная уютная и теплая семья. Все три сестры были исключительно хорошими рукодельницами, хозяйками и кулинарками. Они никогда не делали из своих знаний производственной тайны и охотно учили меня своим рукоделиям.

У них научилась я вязать кружевные занавески и шляпы из раффии, шить себе туфли и полуботинки, кроить и шить платье и блузки, делать мережки и вышивать.

Все это очень и очень пригодилось мне в годы гражданской войны и много позже – на Дальнем Востоке.

Часами проводили мы время и за игрою в крокет. Мама купила нам великолепный дубовый крокет, площадка у нас была ровная, хорошо утрамбованная. Приходила к нам играть Леля Каржаная с Андреем Дерезицким. Ярошевы и Волины приятели мальчишки – Володя Кистяковский, Коля Рудич, Коля Дреллинг и многие другие. Бывали и случайные дачные знакомые, потому что Святошин был людным дачным местом, куда стремились тысячи киевских жителей, даже приезжали дачники из Ленинграда и из Москвы.

Много потратила я в это лето времени и на то, чтобы сделать папе сюрприз к именинам – красивую иллюминацию. У нас за годы жизни в Киеве находились около сотни коробок от тортов. Они и были моими основным материалом. Фонарики делала я двух фазонов шестигранные в виде овальной дамы со срезанным верхом и низом и в виде четырехгранного бочкообразного корпуса. На каждой створке рисовала я карандашом какой-нибудь узор, вырезала его ножницами и подклеивала кусочками разноцветной

папиросной бумагой, маки – подклеивала красной бумагой, листья – зеленой и т.д. Готовые створки я сшивала по краям толстой ниткой, к картонному донышку приклеивала дощечку с прорезами, а верх оставляла открытой для тяги.

Рисунки на каждом фонарике были другие. И чего-чего я только не придумывала! Были и просто орнаменты, коврово-бессюжетные рисунки, были и целые картинки: На одном фонарике были парусные яхты, на другом – цветы: тюльпаны, ирисы, маки, иные пестрели огромными тропическими бабочками, жуками, птицами, попугаями, рыбами, бамбуковыми хижинами, средневековыми замками, античными храмами и виллами, морскими пейзажами, доисторическими ящерами, горами и кипарисами, закованными в латы рыцарями на конях, балеринами, китайцами, японками с веерами под зонтиками, индейками с орлиными перьями на головах, боярышнями, русскими богатырями, испанскими рыцарями времен конкистадоров, каравеллами на всех парусах, желанными маркизами в белых париках, римскими воинами, чертями бендерками, шаманами, броненосцами, воздушными шарами, оружием, кубками с вином и даже сценами из оперы и балетов. Был, например, фонарик с 6 моментами из партии Мефистофеля, дуэли рыцарей из «Гугенот», сцена из «Лебединого озера», статуями и почти всеми персонами из «Сказки о царе Султане» и из «Садко».

В день делала я не более одного фонарика, а всех сделала я до папиных именин штук 45-50. В каждом укрепила подсвечник с половинкой четвериковой свечи, то есть половинкой 100 граммовой свечи. Конечно, все это делалось тайком от папы, когда был он в городе и пряталось в кладовку, куда папа никогда не заглядывал.

В день Петра и Павла 29 июня, ныне 12 июля мы вбили гвозди в кору старых сосен вдоль всей дачи, натянули между ними и проволоку, которую папу по близорукости так и не разглядел, а когда вечером стемнело и собрались гости, я в кладовой зажгла фонарики и мы с Волей, прислужой и мальчиками, охочих помочь, мгновенно развесили их по всей даче, от нашего дома вплоть до соседней дачи Вилькена.

Наши гости (Селиховы, Карицкие, Завадские, дядя Коля с Надеждой Федоровной и Риттеры) пришли в восторг от моей выдумки, и мы не сразу заметили, что на улице возле нашего забора собралась целая толпа дачников полюбоваться такой цветистой и оригинальной иллюминацией.

Папа был очень тронут моей изобретательностью и тем, что я так ловко сохранила в тайне все свои приготовления.

Вторично зажгла я свою иллюминацию на Волины именины 15-го июля, (в день святого Владимира) и в третий раз на мамины именины 5-го сентября. На следующий год я заменила выцветшие и истрепавшиеся фонарики новыми и добавила еще десятка полтора.

Вообще, летом на даче именины были для всех знакомых событием, разнообразившим дачную жизнь. Первыми в сезоне были папины именины, потом именины Лели Карицкой, затем у нас Волины, 20 июля праздновала Анна Павловна Селихова свои именины, затем 26 августа праздновали всех Наталий, 16 сентября – Людмил, 17 сентября – Веру, Надежду и Любовь и наконец маму Елизавету.

По обычаю, на именины шли не с пустыми руками: кто с тортом, кто букетом цветов, кто с коробкой конфет или духами, кто с корзиной фруктов. Угощение всегда начиналось с большого сдобного именинного пирога. Публика была веселая, отдохнувшая, беззаботная: танцевали под рояль и пианино, иногда под граммофон, ставили живые картины, пускали ракеты, пели, декламировали. Мадам Виттенберг, оставившая сцену певица пела, Леля Карицкая играла на рояле, ставили шарады – в общем развлекались разнообразно и культурно, без ссор и чрезмерный возлияний.

Расходились обыкновенно в час ночи, торопясь попасть на последний трамвай. Конечно, в имениях гостей бы не отпустили без ночлега, но на даче не было ни лишних подушек и одеял, ни даже кроватей. Правда, изредка особенно дорогих и родных гостей удерживали, настелив на полу свежего сена и, право, на свежем аромате сена спалось не хуже, чем на самой дорогой кровати.

В те времена лето обычно бывало в Киеве дождливое, с частыми ливнями и грозами, и только август бывал солнечный и сухой, в сентябре бывало несколько холодных дней во время наклона осеннего равноденствия, а затем снова устанавливалась сухая солнечная погода – золотая осень, длившаяся иногда до конца октября.

Еще весной, во время экзаменов я стала думать о продолжении своего образования. Правда, в выборе факультета я не колебалась ни минуты: этот вопрос куда больше волновал папу и дядю Колю, чем меня и, бывая у нас даче, дядя Коля не раз заводил со мною серьезные разговор и о моем будущем.

Называл он мне и медицинский, и естественный факультеты и даже свой юридический, а я спокойно отвечала:

– Нет, все это мне не по душе. На медицинском надо прежде всего преодолевать ужас и отвращение, потрошить трупы, а затем всю жизнь видеть человека не в его нормальном и естественном состоянии, а больным, страдающим: не видеть ни его умственных взлетов, ни его плодотворного труда, ни его высокой борьбы за какие-нибудь идеалы, ни его исканий и творческих порывов, а знать только стоны, боли, кашель; слышать хрипы умирающих. Я знаю, что профессия врача гуманна и прекрасна, но это не для меня.

– Ты смотришь на дело однобоко, – возражал дядя Коля. – Кто тебе мешает после приема больных пойти в театр, бывать на вечерах, читать, видеть все, что есть прекрасного в жизни? И не забывай того, что медицина – прочный кусок хлеба в жизни. Ты не богачка, не дай бог, умрет папа – и вы на улице. А медик никогда не будет голодать. Не даром называют медицинский факультет хлебным.

Тут уж я возмущенно перебивала дядю:

– Стыдно говорить о науке, как о доходе. Я иду учиться, потому что люблю учиться, люблю самый процесс накопления знаний и те горизонты, которые знания нам открывают, делая человека мудрым и глубоким. Я буду и хочу писать, а для этого надо прежде всего накопить много знаний и не в одной области, а обо всем; надо вписать в себя опыт многих поколений и все в жизни уметь понимать честно и глубоко.

Дядя Коля чуть уловимо улыбается моей горячей отповеди, и не знаю, чего больше в его улыбке – легкой иронии, или одобрения.

– Ну, а как ты относишься к юридическому? – продолжает он, помолчав.

– Мне нравится роль адвоката, пылливо и тонко разбирающего психологические причины того, что называется преступлением: ведь, каждый поступок человека это порой подсознательный логический вывод из долгой цепи внутренних причин и внешних толчков окружающей среды. Мне нравится и роль следователя, и роль обвинителя, бичующего нечестных, преступных людей, которые паразитируют на теле обществе и питаются за счет ближнего, присваивая себе его имущество, или его труд. Но ведь не станешь ты спорить, что пред судом представляют прежде всего уродливые явления жизни: кто-то нарушил чьи-то права, и вот суд пытается либо восстановить справедливость, либо наказать за ее нарушение. Значит, и юрист, и судья является не создателем, а восстановителем нормальных отношений между людьми, как врачи восстанавливают нарушенное здоровье. Нет, не хочу я копаться в грязном белье человечества! Я ищу красоты взлетов человеческой души, поэтому я решила идти только на филологический – хочу изучать творчество поэтов, писателей и драматургов всех времен и народов, впитать весь аромат веков, могучие крылья человечества, глубину его мысли. Хочу изучить философию, историю пластических и изобразительных искусств, историю музыки в театра – все чем человек возвышается над новостным миром.

– Ну, что же, – если так – иди своей дорогой, – соглашается дядя.. – Но боюсь, как бы ты со своей манией красоты не скатилась до мелкого эстетствующего снобизма, в духе твоего любимого Оскара Уайльда, – добавил он предостерегающе.

– О, можешь быть совершенно спокоен, – парировала я. – Если я и восторгаюсь его «Портретом Дориана Грея», то только потому, что написан он действительно блестяще. Каждый пустяк, мельчайшую деталь умеет он подать эффектно и необычайно ново и оригинально. Это не то, что лохматый серенький Достоевский. Но не забывай, что в «Портрете Дориана Грея» показывается именно трагическое противоречие между блестящей внешностью и скрывающейся под нею отвратительной сутью этих самых снобов. Только поверхностный читатель не улавливает, что внешность Дориана – это маска, а портрет – истинная суть его души, во всей ее отталкивающей подлости, храбрости, алчности и пустоте.

На этом спор или обычно заканчивался и мы отправлялись пить чай или кофе на веранду, где уже приветливо попыхивал паром начищенный до зеркального блеска самовар и так хорошо пахло булочками, или ватрушками, свежей земляникой и сотовым медом.

В вопрос о выборе факультета мама не вмешивалась. Она своим героическим и самоотверженным трудом дала мне среднее образование и полагала, что я не могу не учиться дальше, но чему именно – это должна решить я сама. Папа тоже ничего мне не навязывал, только говорил, что надо серьезно проверить себя, чтобы сознательно выбрать свой путь в жизни.

На это я тоже отвечала, что один у меня путь в жизни – литература. Если жестокая судьба отнимет у меня тягу к творчеству, или же я скажусь бездарной, тогда и филологической факультет прокормит меня, как журналиста, или педагога.

В конце июля папа по моей просьбе побывал на высших женских курсах и привез мне программу филологического факультета и обзорные преподавания в осеннем семестре.

Из программы я узнала, что историко-филологический факультет делится на три отделения: историческое, германо-романское и славяно-русское. На каждом из этих отделений были специальности: на историческом – русская история и история искусства. На германо-романском – германская филология и романская филология, а на славяно-русском – литература и чистая лингвистика. Впрочем, разница между последними специальностями была еле заметная: лингвистики должны были написать больше письменных работ по языковедению, чем по литературе, а литературоведки – все письменные работы писать по литературе. Теоретические же предметы были для всех одинаковые. А лингвистики было столько, что можно было придти в ужас. Это не была ложка дегтя, которая портила, по пословице, бочку меда, а целый ушат дегтя в полубочке меда.

Папа тотчас провел параллель между этим засильем чистой лингвистики с классицизмом в средней школе, насаждавшимся в годы его младенчества и отрочества.

– Все это введено для отвлечения молодежи от совершенности, от социальных проблем. Мертвые языки и сравнительное языкознание нужно в таком объеме только ученым, посвятившим себя на всю жизнь истории одного юга. Но ведь из ста филологов лингвистами чистой воды становится два-три человека, остальные педагогами средней школы, а два-три человека из людей талантливых, уйдя в творчество, до самой смерти никогда не заглянут ни в учебник Санскрита, ни в греческие аористы.

И, конечно, папа был вполне прав.

Программа была на редкость сухая и отпугивающая своей оторванностью от жизни: латинский, греческий, санскрит, сравнительная грамматика индо-европейских языков, четыре славянских языка, древнецерковно-славянский язык, сравнительная грамматика славянских языков, история русского языка, исторический синтаксис, палеография, диалектология и один западно-европейский язык – такой был груз, который предстояло мне поднять, как принудительный ассортимент к литературе, истории искусств и философскому циклу, не говоря уж о практических занятиях по всем этим мертвым языкам.

Зато цикл философских предметов был и обширен и разнообразен: логика, психология, введение в философию, история античной философии, история средневековой и новой философии, этика, эстетика, психология творчества – этот цикл давал огромную тренировку мысли, привычку орудовать категориями, разбираться в противоречьях, обобщать и анализировать, находить мельчайшие трещинки в стройных системах, наконец изучить душевный мир и психическую деятельность человека. Разве это не искушало отталкивающей суши мертвых и анатомируемых, как трупы, живых и мертвых языков?!

Наконец третьим и самым для меня главным циклом была литература. Эллада, Рим, Александрийская эпоха, средневековая литература, эпоха Ренессанса и затем главнейшие западно-европейские литературы славянских народов, эпос романских и

германских народов, русская народная словесность и история русской литературы от остромирова евангелия и киевских глаголических листков до наших дней.

Правда в те времена историю литературы заканчивали только умершими писателями и о живых и здравствующих не упоминали даже вскользь, потому что живой человек не был объектом научного изучения, покамест смерть не подведет черту и не подытожит его творчество. Кроме того, научное изучение человека было немислимо без опубликования воспоминаний о каждом писателе, его переписки и разных документов его жизни.

Вот этот то третий цикл и был тем, ради чего я решила переварить каменные глыбы лингвистики.

Существенным пробелом в нашей программе было то, что в ней вовсе не касались ни персидской, ни арабской литературы и ни словом не упоминали о творчестве Японии и Китая, не говорили об эпосе исконных жителей Америки, так называемых краснокожих индейцев, оставивших миру такой дар, как песни о Гайявате, не говорили ничего, и о литературе Америки то есть Соединенных Штатов и десяти республик Южной (латинской) Америки. Все это приходилось пополнять где-то на стороне, чтением отнюдь не оригиналов, а переводов.

Особняком в учебном плане славяно-русского отделения стояла история России и история славянских народов... История искусства читалась только на историческом отделении, хотя ни один образованный литературовед не может считать себя культурным человеком без знания истории культуры, архитектуры, живописи, потому что все искусства связаны друг с другом единством духовного содержания тематики и стиля. То есть внешних способов выражения.

Спасало то, что была у нас не курсовая, а предметная система: всякий слушал когда и что хотел, лишь бы в лекционной книжке, матрикуле была запись, что такая то курсистка слушает такие-то предметы. Фактически можно было проводить эти часы на любом факультете и на любом предмете.

Принимали на курсы не по конкурсным экзаменам, а по конкурсу отметок в гимназическом аттестате. Поскольку у меня отметки были хорошие – я не сомневалась в том, что буду принята и действительно приняли меня по первому списку.

Официально занятия начинались 1-го сентября, но первые две недели целиком уходили на зачетные экзамены, а лекции начинались числа 13-20-го. Мама и на этот раз не захотела возвращаться в город, до наступления холодов, и мне пришлось несколько раз съездить в город, чтобы узнать расписание и вообще разобраться в своих новых студенческих делах.

На наше славяно-русское отделение было принято около трехсот человек, поэтому в тесном помещении курсов, нанимавших тогда два четырехэтажных корпуса в конце Фундуклеевской улицы (ныне улица Ленина), было настоящее столпотворение.

Прежде всего пришлось простоять несколько часов, чтоб получить входной билет, без которого внутрь здания не пропускали. Шумная веселая толпа молодых девушек, вчерашних гимназисток поражала после средней школы пестротой костюмов, шляп и причесок, вместо строго и туго заколотых кос на затылке – пышные локоны и узлы, перевитые по моде того года лентами, с пестрыми шпильками и гребенками. Платья

от скромных английских блузок и косovorоток до самых вычурных фасонов, аромат пудры и духов – все это прямо ошеломляло.

Одни с напускной серьезностью рылись в каких-то справочниках и подряд читали все объявления в витринах и просто на стенах, другие радостно и звонко окликали знакомых, землячек, или вчерашних школьных подруг, расспрашивали старшекурсниц о курсовых делах и порядках, чему-то смеялись, доверяли друг другу какие-то секреты, или новости. И все куда-то спешили, толпились в проходах, мешая движению, что-то стремились скорее узнать.

Наконец оливковый билет из бристольского картона №1919 очутился в моих руках и я переступила порог «святынища науки». Во всех коридорах, на лестницах и в аудиториях тоже стоял оглушительный шум и невообразимая толчея. В деканскую трудно было протолпиться. Но все с преувеличенной вежливостью называли друг друга «коллега», задавая вопрос говорили «расо», а получив ответ любезно кивали.

В деканской секретарша декана Лидия Ивановна продавала по 50 копеек лекционные книжки, как тогда называли зачетные книжки или матрикулы. Декан охрипшим голосом в сотый раз объявил, на какие предметы должны записаться все первокурсницы, какие предметы обязательны и какие необязательны.

Я приобрела лекционную книжку, записалась по его указанию на логику, введение в философию, на древнецерковно-славянский и латинский язык, на народную словесность, (фольклор, говоря немецким словом), на историю средневековой литературы и два курса из факультативных о Гете и о Достоевском. Записать меня на историю искусства декан отказался, потому что это предмет для историчек и кроме того этот предмет совпадал по расписанию со строго обязательным древнецерковно-славянским языком.

Узнав, что лекции начнутся только недели через две, я спокойно вернулась в Святошин и лишь к началу октября явилась на курсы.

Пропущенные две недели на добрый месяц запутали мои курсовые дела, но мне и в голову не приходило просить маму поскорее вернуться в город ради моих личных дел.

Первое время я буквально терялась в этом хаосе новых предметов и знаний, потому что на первых лекциях каждый профессор успел познакомить свою аудиторию с терминологией предмета и прочесть основы своей дисциплины. Догнать пройденное по учебнику было немыслимо, потому что ни один профессор не придерживался чужих печатных трудов. Каждый строил свой курс по своему и требовал отвечать на экзамене по своему изложению плюс несколько указанных им книг.

Это поневоле заставляло нас аккуратно посещать лекции и вести записи. Никто нас, впрочем, не контролировал: многие вовсе уезжали из Киева, и бывали на лекциях редко, зато всем нужны были пособия для подготовки к экзаменам, и поэтому каждый год сами собой образовывались издательские комиссии, которые либо издавали записки одной курсистки, проверенные профессором, либо стенограмму, либо сводную запись нескольких человек.

Профессора читали не по запискам, а из головы. Они чутко реагировали на то, как аудитория воспринимает их изложение и то оживляли лекцию каким-нибудь

интересным фактом, если внимание аудитории утомлялось, либо наоборот усложняли свое изложение, когда видели, что лекция воспринимается легко и непринужденно.

Мы, первокурсницы, положительно терялись в этом хаосе новых методов и новых для нас наук. Просили указать пособия, бегали по книжным магазинам и букинистам, покупали или выпрашивали у старших курсов их записки, но их записки редкогодились, потому что профессора следили за ростом своей дисциплины и ежегодно обновляли материал.

Не делали они и скидки на неподготовленность аудитории: это были ученые, а не педагоги высшей школы, поэтому курс свой строили не методически, а так, как того требовала структура предмета. Мне же, пропустившей первые лекции, было сперва особенно трудно. Спросить у профессора, перебить его были и неприлично, и невежливо, и просто стыдно, и я долгие часы просиживала каждый вечер над книгами, добиваясь значения каждого незнакомого термина, каждой мелочи.

Вскоре я заметила, что пишу быстрее многих и могу полусловами записать любого профессора почти слово в слово, но вечером приходилось переписывать запись начисто. Запускать эту работу было невыносимо, потому что через несколько дней масса материала начинала путаться в голове, а особенно формулы лингвистики, где нужна была особая точность.

Неделя через шесть я во всем разобралась и стала прекрасно ориентироваться во всех курсовых делах.

Зато наши стенографистки окончательно оскандалились: профессора забраковали все их расшифровки и запретили их издавать.

Тогда устроили собрание всех первокурсниц, попросили показать записки наиболее активных по посещению лекций и тут то мои записки оказались самыми подробными и точными.

Особенно поправились мои записки профессору Шаровольскому по истории средневековой литературы и профессору Лободу по русской народной словесности и я обязалась вести их для издания курса этих предметов «на правах рукописи».

Издательская комиссия подсчитала на глазок, во сколько печатных листов уложится каждый из курсов, собрали задаток и заказали в типографии издание с небольшим излишком против числа записавшихся. В среднем курс лекций одного семестра при том, что профессор читал по 2 часа в неделю, а записывалось на него человек 200-250, обходился от рубля 20 копеек до полутора, если же курс читался по 4 часа в неделю – рубль по два с полтиной. Печатались записки по частям и по частям выдавались записавшимся, чтобы можно было параллельно с чтением курса готовиться к экзамену. За свой труд ни одна издательница ничего не брала, кроме бесплатного экземпляра издания. Да мне и он был не нужен, так у меня оставалось черновые записки да и типография после второй корректуры возвращала мне чистовик. Просто это было общественной нагрузкой на пользу коллектива. Работать приходилось много. Руки скоро стали сильно болеть, а к концу второго курса переутомление пищевого нерва перешло в болезнь, известную в медицине под названием «Mogigraphia», или болезнью писцов, потому что этой болезнью страдали древнеримские переписчики книг. Но я не предвидела этого, и на первом курсе ретиво работала, и с каким-то упоением ловила каждое

слово профессора, стараясь все запомнить, все понять, все вобрать в свою молодую, жаждущую знаний голову.

Любила я ходить на курсы. Встану рано-рано. Все еще спят. У меня теплая отдельная комната, бывший папин кабинет, – комната уютная, очень теплая, с чудным видом на кадетскую рощу, на пути Юго-западной железной дороги и на Политехнический институт. Оденусь, причешусь, напьюсь кофе в столовой – и бегу. Все мне важно, все интересно в жизни. А главное я познала прелесть дисциплины – не насильственной гимназической, когда нельзя опоздать, чтобы не получить замечания классной дамы, а потому что это мой долг, что это нужно, чтобы не упустить крупницы знания, а главное еще и потому, что дело чести не сдрейфить, ни на йоту не отступить от предписанного себе самой ритма жизни и самого прекрасного на свете труда – накопления знаний.

Любила я придти свежей и холодной с мороза в аудиторию, в ослепительном, высоком крахмальном воротничке, с галстуком-самовязом на чистенькой, хорошо сшитой английской блузке, с красиво зачесанным тяжелым греческим узлом темно-каштановых волос на затылке, от которого тень моя на стене похожа на головку с кваснофигурной греческой вазы, или с картины Альма Тадемы. А когда в аудитории появляется седая, или чуть тронутая сединой грива профессора, я сижу на одной из первых скамеек и на пюпитре раскрыта моя клеенчатая тетрадь и с полдюжины отточенных карандашей.

А кругом пестрота женских, красиво причесанных головок, легкий шелест платьев, неуловимая струя тонких духов. И молодые, веселые и вместе с тем сдержанно-серьезные лица, настроенные на высокий лад усвоения высших наук. То тут, то там взрывается приглушенный смех, две-три головки наклонятся друг к другу и шепотом поверяют свои сердечные, такие для них важные, а в сущности такие пустые девичьи тайны...

Между собой курсистки держатся преувеличено вежливо: к незнакомым обращаются церемонно – «коллега», курсы называют «Альма матэр» и стараются ничем не уронить своего достоинства. Но... многим очень трудно долго оставаться серьезной – и весело искрятся от каждого пустяка их глаза и при каждом удобном случае, когда профессор старается чем-нибудь оживить утомленную аудиторию, особенно дружно и звонко звенит в аудитории молодой девичий хохот.

Профессора тоже обращаются с нами изысканно-вежливо: во-первых, мы барышни, то-есть «дамы», а культурные люди обязаны оказывать дамам подчеркнутое внимание и уважение. Во-вторых, мы – их ученицы. Лекции профессора начинают словами «Милостивые государыни». Один старик Малинин называет нас «Сударыни», а иногда и «Сударушки», за что мы всегда подтруниваем над ним за глаза. Если профессор болен, или занят и не может прочесть очередной лекции, в проходной, где мы сдаем наши входные билеты, всегда висит объявление, написанное, приблизительно, в таком стиле:

Милостивые государыни!

Имею честь поставить вас в известность, что сегодня, такого-то числа, я лишен возможности прочесть вам очередную лекцию по такому-то предмету. Следующая лекция состоится тогда-то.

Проходя мимо, мы бегло просматриваем эти записочки и тут же решаем, куда пойти на этот час, или чем заняться в освободившейся аудитории.

Состав нашей профессуры, надо сказать по совести, был весьма солидным. И вообще Киев, как научный центр, считался много выше Одессы, Саратова, Казани и Дерпта. Уступал только по блеску научных имен С.Петербургу и Москве. Медицинский же факультет считался в Киеве вторым в России: первым был Московский, а в Петербурге медицинского факультета в университете не было, – была только военно-медицинская академия, да женский медицинский институт.

Наш филологический факультет всегда оставался недоукомплектованным, потому что экстраординарным профессором мог быть только магистр, а ординарным только доктор филологических наук. Большинство же наших профессоров были магистрами, а доценты всего лишь магистрантами, то есть лицами, уже сдавшими магистерский экзамен, но еще не защитившими магистерской диссертации.

Пустовала, например, со дня отъезда Перетца в Петербург, ординатура по истории русской литературы, пустовало целых две кафедры по русской истории, не было второго санскритолога, не было второго (экстраординарного) профессора философии, так как Челпанов только что уехал в Москву. А факультет, как и все прочие факультеты свято соблюдал все научные чины и разряды, и не допускал в свои ряды ни одного человека, ниже рангом в науке, как бы талантлив он не был.

Была тут и другая причина. Среди киевской профессуры, особенно среди математиков, было много черносотенцев. Да и на нашем факультете их хватало. Поэтому многие талантливые молодые люди, так или иначе зарекомендовавшие себя, как прогрессивный элемент, боялись защищать диссертацию при Киевском университете, которую могли провалить не за ее качество, а за крамольный образ мыслей диссертанта. Ехали они с готовой диссертацией либо в Москву, либо в другой город, например, более прогрессивный Харьков и, получив там магистра, или даже доктора, оседали там и более не возвращались на родину. Да и столица забирала у нас каждого мало-мальски знаменитого ученого, который соглашался променять солнечную Украину на туманную сырость Петербурга.

И все-таки удельный вес нашей профессуры был и оставался на довольно высоком уровне. И все профессора университета и политехникума без исключения читали на наших женских курсах ничуть не делая разницы в изложении между нашими аудиториями и аудиториями своих ВУЗ-ов.

Первое время я благоговела перед всеми профессорами и только к концу первого семестра, освоившись с основами наших дисциплин начала разбираться и довольно точно определять удельный вес и лекторские данные каждого из них в отдельности.

На смену уехавшему в Москву Челпанову назначили читать у нас логику приват-доцента Генриха Ивановича Якубаниса.

Это был блестящий оратор и очень красивый по наружности молодой человек лет 27-28. Предмет его был обязателен для всего первого курса, поэтому аудитория его была всегда переполнена, его слушали исторички, германо-романистки и славистки в общей группе человек в 600. Чтобы попасть на его лекцию в наших малообъемистых

аудиториях приходилось занимать место часа за два до начала лекции, приколов на пюпитре записку: «занято от такого-то часа до того-то», или просидеть одну-две лекции, не выходя из аудитории во время перерыва.

Читал он такой на первый взгляд сухой предмет прямо увлекательно. Излагал он не самую систему логики, а историю ее возникновения и развития, появления разных течений в этой науке от истоков ее Аристотеля до наших дней. Подробно изложив Аристотеля, он переходил к Платону и Плотину, затем к спору об универсалах со всеми течениями в этой области, говорил о Порт-Рояльских янсенистах, о Беконе Веруламском, основоположнике индуктивной логики, затем обо всех английских, немецких, французских ученых так или иначе разрабатывавших проблемы логики и доводил курс до Спенсера и современных школ и течений.

К экзамену требовал он, помимо знаний своего курса, пройти один из учебников по дедуктивной логике, рекомендуя Светилена Лосского, Введенского и Челпанова на наш выбор и вкус, а по индуктивной логике обязательно пройти толстый как библия учебник Минто.

На лекциях легкий румянец смущенья от творческого подъема и от сотен устремленных на него восторженных глаз окрашивал его обычно бледное лицо. А мы сидели и слушали его, как зачарованные и кажется всем первым курсом были в него влюблены.

Он был высок ростом, строен и хорошо сложен. Красивый четырехугольный лоб окаймляли волны черных волос. Большие темно-синие глаза в черных бровях и ресницах, тонкий нос, капризно изогнутые губы с приподнятыми уголками, баритональный певучий и сильный голос – все казалось нам верхом изящества и утонченности. Говорили, что он очень скромн, любит цветы, музыку и живопись, но никогда не ухаживает за женщинами и девушками. Сидя в первом ряду, мы обоняли аромат его духов и легкий запах эфира-валериановых капель, которые он пил перед каждой лекцией. Чувствовалось, что он очень впечатлителен и нервозен и что силой воли придает он себе вид ученого, потому что неловко ему читать нам, чуть ли не своим ровесницам.

Но если Якубанисом увлекались как хорошим оратором и красивым человеком, то благоговеть перед ним не приходилось, потому что он был пока только доцент и покамест не внес еще крупного вклада в науку.

Благоговели мы и боялись как самого авторитетного, профессора философии Алексея Никитича Гилярова.

Это был грузный с проседью человек, серыми острыми глазками и небольшой бородкой на мясистом красном лице. Говорил он, слегка пришипывая, чистым русским говором северянина, точно язык его не умещался во рту. Толстая апоплексическая шея его казалась вечно залитой кровью. Курсистки старших курсов уверяли, что он очень знаменит, что даже в Америке преподают философию по его книгам. На курсисток он смотрел с чуть уловимым оттенком снисходительности, очевидно не особенно доверяя нашим способностям овладеть философией. Читал короткими фразами, легкими по грамматическому построению, но без метафор, и никаких ораторских приемов не допускал. Любил иногда отпустить циничную шуточку по адресу священного писания,

чем задевал религиозное чувство верующих курсисток, особенно католичек. На экзаменах спрашивал строго, требовал сознательного ответа а не зубрежки, но никогда не подковыривал каверзными вопросами. При хорошем ответе охотно ставил «отлично», а при плохом ответе, фыркал, как сердитый кот и тогда его шея еще сильнее наливалась кровью «как у индюка», при посредственном ответе посмотрит искоса поверх очков и чиркнет в лекционной книжке «Удовлетворительно», но так, что получилось не «удовлетворительно», а «удалить».

Чувствовался в нем колоссально-образованный человек, умница, но хамоватый, от природы грубый вроде купцов из ранних романов Максима Горького. В художественной литературе разбирался он тонко и состоял постоянным рецензентом Академии наук по присуждению поэтам Пушкинской премии. В политику не вмешивался. Царизм с глазу на глаз поругивал, называл «азиатчиной», а в общем был созерцателем современной жизни и умеренно-прогрессивным человеком.

Курс введения в философию строил он из вступления двух частей: деструктивной и конструктивной. Конечно, стоял на позициях идеалистической философии. Снова анализировал вопрос, что такое философия и что понимали под нею разные мыслители. Определял он ее, как попытку построить стройную всеохватывающую систему знания, могущую ответить на все вопросы, поставленные человечеством в области космогонии, психологии, социологии, творчества научного и художественного, истории и всех точных наук. Затем делал все существовавшие философские системы на материалистические и спиритуалистические и как смесь обоих систем – дуалистические. При этом иронически замечал, что ни один материалист не смог ответить на вопрос, что такое материя, ни один спитуалист – что такое дух и ни один дуалист что такое материя и дух и как они сочетаются друг с другом. Затем делает краткий схематический обзор этих трех групп философских систем и в каждой из них указывал ряд внутренних противоречий и невозможность ответить на очень многие вопросы, без которых эта система не была ни полной, ни логичной, ни всеобъемлющей. В этом изложении, он принципиально старался излагать каждую теорию с позиций ее автора и исходя из него самого находил в ней трещины и противоречия. При этом буквально ослеплял нас едкостью своей критики, своей всеразрушающей какой-то Мефистофельской иронией и железной логикой. Конечно, много повторял он высказывания многих историков философии и критики, но мы их не читали и каждое слово Гилярова было для нас вновь открытой Америкой.

Философов, которые строили не всеобъемлющие системы, а касались одной, или нескольких философских проблем – он вообще не касался, называя их не философами, а дробными числами от философии.

Имени Маркса не упоминал. Хотя университетское преподавание было совершенно свободно от какой-либо цензуры, но во первых каждый профессор был продуктом своей эпохи, класса и воспитавшей его прослойки, а во вторых все же существовали какие-то незримые студенчеству границы, которых огромное большинство профессуры не могло, или не хотело преступать. И поэтому одна из самых животрепещущих и жизненных сторон философии осталась вне поля нашего зрения.

Конструктивная часть его курса была значительно слабее деструктивной, да я ее и хуже помню, потому что она ничем не поражала нашего воображения. Сам Гиляров называл себя фехнеприанцем по имени философа Густава Теодора Фехнера. Эта система показалась мне красивой но пустой сказкой об удешевлении всего мироздания и я пришла к выводу, что наш суровый и почтенный Алексей Никитич чистойшей воды фантаст и идеалист. И понемногу мое преклонение пред его авторитетом стало таять, несмотря на его едкий сарказм, его угнетающую и подавляющую эрудицию.

Кафедру славянских языков и истории славянских литератур занимал у нас в университете крупнейший славист того времени и член почти всех зарубежных академий наук Тимофей Дмитриевич Флоринский. В своей области он пользовался большой и заслуженной славой.

Это был высокий худощавый старик с белоснежными волосами ежиком и маленькой острой бородкой-эспаньолкой. Большие черные огненные глаза, орлиный нос, тихий голос, надтреснутый от передних зубов, дополнял его наружность. Если Якубалис читал всегда в черном наглухо застегнутом сюртуке, как у английского маэрджимена, а Гиляров – в рыжеватом пиджаке нараспашку, – Флоринский читал в черном пиджачном костюме с высоким под самое горло крахмальном воротничке, с отогнутыми уголками у выпуклого кадыка.

У курсисток отношение к Флоринскому было двойственное: ни кто из нас не посмел бы умалить его заслуг перед наукой, но крайние левые курсистки, связанные с активным подпольем, ненавидели его как цензора, хотя был он цензором книг, а не газет журналов – следовательно штрафы и приговоры против левой прессы были делом не его, а других рук. А нас, прогрессивных, но политически аморфных курсисток (а таких было подавляющее большинство), он не мог не зажечь какой-то особой любовью единоплеменникам-славянам. Этот сокровенный огонь проступил у Флоринского не в пышных и громких словах, а пронизывал теплым внутренним светом все его изложение. Он говорил нам о страданиях и несправии славян под пятой турок и швабов, то есть немцев, насильно германизовавших сербов лужицких и кашубов, словенцев и банатских сербов. И тогда настороженный холодок его аудитории сменялся вдруг напряженной тишиной и мы долго молчали, когда умолкал после звонка его тихий надтреснутый голос и скрывалась в дверях его шупленькая, чуть согбленная фигура с серебристо-белой головой.

На экзаменах спрашивал он легко и, если замечал сочувствие к славянскому племени, мог забыть обо всем, и вместо вопросов начать рассказывать что-то из истории и жизни славянских народов, и потом, спохватившись, смущенно покраснеет и поставит курсистке «отлично».

Когда впоследствии пришлось мне готовиться к экзамену по славяноведению по его этнографической карте славянского племени – меня буквально подавила масса использованной им литературы и то, что он лично исходил пешком все славянские земли в Австрии и Германии, потому что знал, что немецкое правительство публикует о славянах заведомо ложные заниженные цифры и материалы.

Мы, курсистки прозвали его «Эдельвейсом» и «Одуванчиком». Таким казался он нам хрупким, стареньким и слабым-слабым. Никогда и ни в чем не замечали мы в

нем тупого и злобного консервативизма, характерно для большинства мракобесов. Очевидно, слухи о его монархизме были либо раздуты, либо просто он застыл в привычных понятиях дней своей молодости и никогда не задумывался над социальными вопросами, слишком углубляясь в свою специальность: а из глубоких шахт, как известно, горизонтов не видно...

Профессор Иван Васильевич Шаровольский читал у нас историю западно-европейской литературы средних веков. Он был крупный специалист по германской и частично романской филологии. Высоко ценили его академики Радлов и профессор Браун Петербургского университета, но наши курсистки смотрели на него без особого уважения. Может быть, источником такого отношения была его наружность.

Маленький, кругленький толстячок, с намечающимся брюшком, с не по росту большой головой и огромным белым лбом, обрамленным прилизанными, черными, как смоль, волосами, быстро бегал наш «шарик» по коридорам и лестницам, весело и приветливо улыбаясь своим свежим, румяным лицом и яркими, черными глазами.

Читал он громко, весело, энергично. Чувствовался в нем избыток сил, большая работоспособность. Первая магистерская диссертация его была о скандинавской Гервара-саге, вторую, докторскую, о немецких шванках он тогда только писал и собирался за границу в научную командировку, в Колочу, где хранились оригиналы заинтересовавших его шванков.

В политику он не вмешивался, на факультетских заседаниях примыкал к умеренно-правым, за что его и недолюбливали наши социалистки.

Его то лекции пришлось мне записывать для издания, хотя все денежные расчеты с типографией и курсистками вела не я, а Женя Егорова.

Курс был построен очень интересно. Сначала эпос – исландский, скандинавский, древнегерманский, потом эпос ломбардский и французский, после эпоса – лирика тех же народов, но с особым упором на итальянский и провансальской, после лирики – рыцарские романы, фавлю и шванки, мистерии и драмы от святой Терезы до итальянского ренессанса.

Читал он 4 часа в неделю, но в один семестр не уложился и продлил курс до весны, закончив «_____» и всем прочим творчеством Данте.

Из всего читавшегося на первом курсе это был самый интересный предмет и я отдавала ему порядочно времени и сил. Каждый раз, приводя в подарок свои записки, я бегло просматривала все предыдущие лекции и таким образом в любой день и час могла бы ответить по всему курсу, но сдавать его можно было только по окончании учебного года.

Товарищ по гимназии дяди Саши Тулуба, Андрей Митрофанович Лобода на первом курсе читал русскую народную словесность, а затем на старших курсах читал нам общий курс литературы от времен Петра 1-го до наших дней, читал историю русской школы, методологию русской литературы и многие специальные необязательные курсы (русский снобизм, Лев Толстой и другие). После 1905 года он читал курс украинской литературы и «Тараса Шевченко», но в мои студенческие годы – годы реакции – эти предметы у нас не читались.

Как большинство окончивших Киевскую вторую гимназию. Лобода был типичным украинцем и «ксенофобом», но в 1909 году реакция заставила крайнофилов присмиреть и Лобода ничем, кроме акцента, не проявлял своих украинских симпатий – разве что уделял много внимания украинским колядкам и лирическим бытовым песням, чем северному фольклору. Человек он был безусловно прогрессивный, но вместе с тем его прогрессивность прекрасно уживалась в нем с приспособленчеством, подхалимством и карьеризмом. Когда была я на втором, или на третьем курсе, нашего попечителя Зилова куда-то перевели, а на его место назначили некоего Деревницкого. Казалось бы какое дело профессорам автономного университета к смене начальства в учебном округе. Но... на заседании правления наших курсов Лобода предложил поднести уходящему попечителю прочувственный адрес и альбом с фотографиями всей Киевской профессуры. Такое лакейство так возмутило многих, что часть профессоров демонстративно поднялась и ушла с заседания и заседание закрылось за отсутствием кворума. Знаю об этом со слов доцента Клингера и других профессоров, даже правых, возмущенных таким предложением.

Наружность Лободы была довольно привлекательная. Худощавый, очень миниатюрный, с полуседыми вьющимся волосами и остренькой испанской бородкой и усами стрелками, в золотом пенсне на остреньком, как у зверька, носике, живые серые глаза, часто искрящиеся смехом – он был довольно симпатичен и курсистки охотно слушали его лекции и вообще относились к нему хорошо, а об его подхалимаже мало кто знал, поэтому и уважали его и ценили.

Метод Лободы был аналогичен методу Владимира Николаевича Перетца, только что избранного академиком: это был метод филологический.

В применении к древнерусским рукописным памятникам это, пожалуй, был единственно-правильным метод, потому что раскрывал историю текста путем анализа и внешности рукописи (палеографическим путем), и употребляемых в тексте грамматических форм, и анализа список и ошибок переписчиков, которые невольно вносили в переписываемый текст нечто свое от живой речи хотя бы в виде произношения тех или иных звуков. Так можно было восстановить историю отдельных изводов, редакций и переработок памятников древней Руси.

Но в применении к новой печатной литературе, когда нет ничего общего, кроме содержания, между рукописью писателя и напечатанной в типографии книгой, этот метод превращается в поиски, откуда автор позаимствовал ту или иную мысль, сюжетную ситуацию, тему, или даже отдельный образ. Анализируя какую-нибудь повесть, надо было долго копаться в авторской переписке и мемуарных материалах о нем, чтобы проследить, читал ли он ту или иную книгу, вышедшую до данного его произведения и трактующую если не ту самую, то аналогичную тему. То же самое проделывать с каждым характером героя, с каждым сюжетным узлом и даже отдельным образом. Так в этих горах мелочей растворилась личность писателя и вся его творческая жизнь, все его душевные переживания сводились к жалкой компиляции чужих слов, перепевов чужих мыслей, сюжетов, словечек. Литература превращалась в историю всемирного плагиата, как я прямо бросила в глаза Лободе

однажды на балу, на старшем курсе и потом смертельно боялась, что он мне за это отомстит на государственном экзамене.

Конечно, на первом курсе я во всем этом еще не разбиралась и пока с благоговением воспринимала все, что нам преподносили наши профессора и если в чем-нибудь сомневалась – говорила самой себе:

– Рано критиковать. Надо сначала хорошо овладеть предметом, все обдумать, изучить литературу вопроса и уж потом зрелым умом составить свое собственное мнение.

В эти годы много помог мне в моих занятиях дядя Коля. Он почти все свои заработки адвоката и юрисконсульта тратил на книги и у него уже в те годы образовалась колоссальная для частного лица библиотека в 4500 томов, не считая брошюр. У него были такие библиографические редкости, которых не было и в нашей курсовой библиотеке. И когда я стала изучать философию, античные литературы, историю искусства он мне дарил книги по этим предметом, не штуками, а целыми кипами. Так подарил он мне историю русской литературы под редакцией Аничкова, Бороздина и Овсяннико-Куликовского. Историю славянских литератур Пыпина и Спасовича. Полное собрание сочинений Лермонтова, издание Висковатова, и несколько книг Зелинского, Овсяннико-Куликовского. Почти всех писателей Греции и Рима, да всего и не вспомнишь...

Но вернусь к своим профессорам.

На первом курсе пришлось мне слушать и несколько специальных курсов, в том числе и курс о Достоевском. Читал его Василий Николаевич Малинин, высокий, грузный, седой, как дед мороз, профессор о ярко выраженным русским аканьем, так резко выделявшемся на фоне чуть окающего русского мужика из произведений Толстого, а курсистки прозвали его мороженщиком. Читал он более чем популярно и подробно, как гимназисткам, пересказывал содержание каждого романа Достоевского. Внешне это было занимательно для тех, кто не читал этих книг, но лекции Малинина были совершенно лишены научного анализа и метода. Мой гимназический учитель Владимир Степанович Александрович давал нам куда больше Малинина. Правильно звали его «профессором для первокурсниц».

Латынь я вовсе не посещала. Пользуясь привилегиями предметной системы я решила «заложить» ее на потом, а пока нажимала на философию, логику, народную словесность и сербскую литературу. Параллельно с отвращением посещала я древне-церковно-славянский язык.

Читал его приват-доцент Александр Митрофанович Лукьяненко, тощий высокий молодой человек 25 лет, с реденькой козлиной бородкой и длинным мясистым носом, свисающим над большим некрасивым ртом. Бесцветные рыбы глаза его смотрели сквозь пенсне как-то особенно неприятно. Ходил он всегда в синем педагогическом мундире, в форменном жилете и даже пальто и фуражку носил только форменную «установленного образца». Конечно, к профессорам была установлена форма, но даже ярые черносотенцы игнорировали мундир, подчеркивая университетскую автономию. Если Лобода и читал в мундире то потому, что до наших лекций – читал в одном из средних учебных заведений, где форма была обязательна, да и то пальто и шапку и под мундиром жилетку надевал штатскую. Лукьяненко же всячески подчеркивал, что человек он казенный.

Гнилые зубы, какой-то зеленый лягушачий цвет лица, узкая впалая грудь и быстрый громкий говор в нос дополняли его наружность.

Говорил он очень быстро, даже мне было трудно точно записывать его напористую речь, но курсистки всегда переполняли его аудиторию, потому что древнецерковно-славянский язык был осью нашего учебного плана.

Лукьяненко, как большинство приват-доцентов, был холост. Многие курсистки уживались вокруг него, мечтая стать профессоршей, а он присматривал себе среди нас невесту повыгоднее.

Годом позже Лукьяненко пригласили читать лекции в Киевскую духовную академию и вскоре избрали там профессором. С этих пор он всячески стал подчеркивать свою близость к духовенству и записался в партию монархистов, то есть сам наложил на себя позорное клеймо ретрограда и мракобеса.

В душе все порядочные люди презирали его, но боялись говорить об этом громко, боясь с его стороны доноса. Курсистки боялись его, потому что память у него была феноменальной. Знал он около 40 языков и на экзамене мог каждой из нас сказать, на каких лекциях была любая курсистка, где сидела, как была одета и как причесана, и наши левые товарищи в сердцах говорили в тесном кругу, что с такими природными данными место ему быть филером в царской охране, а не читать нам лекции.

Лукьяненко был учеником Флоринского. Много лет подлизывался он к нашему «одуванчику», пока был студентом и магистрантом, а когда получил приват доцентуру, Флоринский так ослабел и одряхлел, что много читать не мог – Лукьяненко ловко подставил ему ножку, и под видом помощи старику, отнял у него и те лекции, которые он (хоть и с трудом), но все же мог читать нам раза два-три в неделю.

Была у нас еще одна одиозная фигура: профессор богословия Светлов.

Богословие, собственно говоря, не имело к филологии никакого отношения, но этот предмет был введен по приказу свыше в противовес революционно-социальным наукам и прогрессивным веянием нашего общества.

Светлов был и бездарность и черносотенец чистой воды. Читал он сухо и узко-догматически. Курсистки до такой степени ненавидели его, что в год моего поступления единогласно заявили, что не желают ни слушать у него лекции, ни сдавать экзаменов, которые он превращал в настоящее издевательство.

И мы первокурсницы автоматически поддержали старшие курсы и стали бойкотировать его. Деканат и совет профессоров долго надеялся, что все как-нибудь утрясется и мы волей-неволей принуждены будем слушать его, чтоб получить диплом, но на этот раз и правые и левые, и усидчивые, и лентяйки и филологи, и математики, и биологи, и юристки были так единодушны, что в бытность мою на втором курсе, наш ненавистный «Бог ослов», как величали мы Светлова, куда-то исчез и вскоре на его место назначили доктора богословия, но не профессора, протоиререя Евгения Капралова.

На первую лекцию Капралова набилось столько народу, что яблоку негде было упасть. Ведь, богословие было обязательным предметом для всех четырех факультетов. То есть на добрых тысяч пять человек. Конечно, попала в аудиторию только незначительная часть желающих и поэтому через несколько ней слушательниц разбили на несколько групп, но и после этого его аудитория была всегда битком набита.

Приходили слушать его и католички, и еврейки, и лютеранки, хотя по своему вероисповеданию были освобождены от богословия. Просто нравилась всем его манера читать. Читал он не как догматик, а скорее как историк, как светский всесторонне образованный человек. Начал с археологии, с палеолита и неолита, с раскопок в Египте, говорил о микено-критской культуре, о Мексике и Перу истории и верованиях (чего ни одни профессор не упоминал – поэтому это было так интересно), говорил о врожденности религиозного чувства, цитировал многих поэтов и мыслителей и главное никому ничего не навязывал. Это совсем не походило на лекции Савонароллы-Светлова, фанатика изуверского православия, обряда и догмы, а не духа евангельского.

Конечно, атеистки от лекций его не стали верующими, мы не атеистки, но не признающие обрядов, не стали молиться, но нам было интересно и приятно слушать его, как умного интересного человека, которого мы невольно стали и уважать, и даже любить.

На первом курсе я невольно растеряла своих гимназических подруг. Трофимова уехала в Петербург на Бестужевские (женские курсы в Санкт-Петербурге, (1878-1918)), Панченко, Фалькович, Лихнякевич и Циклинская поступили на медицинский, Долгушина и Миклуха на математический, Ярошева не училась нигде, хотя мы изредка продолжали встречаться, так как наши родители познакомились семьями. Только Денбская, приятельница Миклухи, Беспалова и Журавченко были со мной на одном факультете, но мы как-то утонули в студенческой массе и только изредка встречались в аудиториях, или в буфете.

На первом курсе я очень сдружилась с Галей (Галей Алексеевной Елеонской).

С виду Галя была еще совсем ребячливой: румяная, круглолицая, с задорно вздернутым носиком и чудесной каштановой косой до колен, она была наивна и смешлива, игрива и кокетлива, как котенок. Характер у нее был на редкость мягкий, легкий и податливый. Скоро она всецело подпала под мое влияние. В нашей дружбе я верховодила, когда касалось наук и серьезных дел. Она обожала меня и часто слушалась, как старшую, хотя мы были однолетки. А мы вместе чувствовали себя веселыми и беззаботными девчонками.

Галя была неглупа и на редкость способной. Все схватывала налету, но усидчивости в ней не было ни на грош: к экзаменам она готовилась только в «пожарном порядке». Третью часть курса честно выучит, вторую – прочтет, а в третью и не заглянет, поэтому экзамен был для нее сплошной лотереей. Она часто уезжала среди учебного года на недельку домой, в Лубны, на полтавщину, а я тогда следила за всеми ее делами: записывала ее на лекции и на экзаменах, покупала ей книги и лекции, вообще нянчила ее как младшую сестру. Она была мне трогательно благодарна, но стать серьезной даже на время – не могла.

Отец ее был священник, но не приходской, а законоучитель, преподававший, кроме религии логику и психологию, человек очень ученый и суровый, но и весьма порядочный. На приход не хотел он идти из принципа, чтобы не жить доходами от треб, много читал и, как человек с высшим образованием, следил за всеми науками и искусствами. Галино легкомыслие его возмущало и он однажды назвал ее в сердцах

не «девица Елеонская», а «блудница Вавилонская», хотя Галя совсем не была распущенной, ни пошлой.

Она восхищалась моими стихами, а сама обладала недюжинными литературными данными, но в области юмористики, была исключительно способна к живописи и на первом курсе поступила, помимо курсов в художественное училище (техникум) на Сенной площади и юмористически называла его не _____ (в машинописи пропущено – ред.) а «д’энель дэ базар», потому, что на Сенной площади был действительно базар. Но проучилась она в этом училище только один год: не хватило выдержки, хоть написала несколько премилых натюрмортов маслом и даже копий с хороших картин. Под ее влиянием я тоже купила на следующее лето набор масляных красок, палитру и стала пробовать свои силы в живописи.

Много помогло нашей дружбе и то, что жили мы в одном доме: родители наняли ей комнату с полным пансионом, в квартире № 6 профессора канонического права из Киевской духовной Академии Федора Ивановича Мищенко. Мищенко был старый холостяк и поселился вместе со своею овдовевшей кухней учительницей французского языка Ольгой Федоровной Черняховской. У них было пять комнат и экономии ради они сдали Гале такую же комнату, как у меня. Платила им Галя на всем готовом 50 рублей в месяц и прожила у них до _____ (пропущено в машинописи – ред.) Вместе ходили мы на курсы и в театр, в библиотеку и по магазинам, вместе готовились к экзаменам, то есть готовилась я отдельно, а ее все время подхлестывала и довольно неудачно, потому что органически не выносила ее штурмовщины.

Галю у нас все полюбили как родную, даже маленький Воля считал ее товарищем своих детских игр, несмотря на огромную разницу лет между ними.

Любила Галя и пококлетничать. В обществе пользовалась она большим успехом, несмотря на свой курносенький носик и глаза странного цвета: зеленого и коричневого «как у кошки». Всех поражало странное сочетание ее шаловливости кокетства молоденькой кошечки, и острого сатирического язычка. Мужчины были от нее без ума. Она упивалась этим успехом, доводила их до обалдения, а потом весело смеялась над ними. Она позволяла поцеловать себя в темном углу, но они начинали добиваться более рискованных вещей – она резко давала отбой и оставляла своего обескураженного партнера с носом.

Как провинциалка, она верила некоторым приметам, но тоже как-то в шутку и сама смеялась над собою за это, любила гадать на картах и меня научила этой премудрости. Я смеялась над нею, корила ее за суеверия, но за все наше студенчество мы с нею ни разу не поссорились, и вообще поссориться с Галей было совершенно невозможно.

Большим контрастом Гале были другие мои приятельницы.

Вера Кирилловна Надпорожская, полная, низкая, глуховатая девушка в черном пенсне училась прекрасно и была очень развитой и умной и довольно художественной натурой. Отец ее, путеец-инженер был главным контролером на постройке железной дороги Одесса-Бахмач. Семья была большая из семи человек детей и Вера была самой старшей. Когда мы были на втором курсе, умерла ее мать, а годом позже – погиб отец во время автомобильной катастрофы. Все заботы о семье легли на плечи Веры Кирилловны, а после смерти отца – началась жестокая нужда после за-

житочной жизни, почти богатства. И все же Вера кончила курсы и даже параллельно занялась живописью, и стала художницей, потому что глухота лишила ее возможности стать педагогом.

Подружилась я и с Натальей Павловной Кистяковской, дочерью Мирового судьы, девушкой талантливой, очень умной, но дегенеративной и очень нервной. Держала она себя несколько надменно и чуть манерно, но только не со мною. Училась хорошо, была изящна и недурна собой, но любила символизм, декаданс, и влекли ее такие авторы как Эдгар По, Ницше и другие упадочные философы-пессимисты, как Мирбо с его «Садом Пыток», Амиэль, а впоследствии – Шпенглер. В отношениях к людям Кистяковская была очень любезна, но эгоистична: у нее, например, трудно было узнать, где купила она хорошую шляпу, кто ей шьет, где достала она редкую книгу. Все свое она, типичная эгоцентричка, держала при себе, но собеседница была очень интересная особенно на научные темы и мне было приятно тренировать свои мозги в беседах с нею.

Миклуха бывала у нас редко. Поступив на курсы, на химическое отделение, она скоро сошлась с подпольными кругами и поэтому бывать у нас часто не могла.

Курсы и переписка начисто лекций занимали у меня почти все время; но все же каждый день вечер я хоть полчаса занималась своими стихами. Только на первом курсе почувствовала впервые, что язык мне покорен, как покорено рукам пекаря хорошо вымешенное тесто: любую мысль могла я выразить стихами, я владела словом, а не слово вело меня, как раньше, на поводу. Тогда-то я написала свой «Утес», «Старую скрипку», «Совет о сонете», «Клены» и многие другие стихотворения.

И в эту же зиму началась моя долгая, глубокая и нежная дружба с папой, не дочери с отцом, а поэта с поэтом.

Как я уж говорила, папин распорядок дня сильно отличался от нашего. Правда, теперь мама освободилась от занятий со мною, но домашнее хозяйство, маленький Воля, которого она уж начала учить, и разные другие, незаметные домашние хлопоты по прежнему отнимали у нее массу времени.

А папа перестал писать дома решения по судебным делам, потому что судебные машинистки не разбирали его почерка. Теперь он каждый день ходил в суд диктовать их своей секретарше Людмиле Аполлоновне, а затем, когда в три часа кончалось в суде «присутствие», как тогда называли рабочий день в государственной учреждении, папа шел сначала в «Киевские вести», а попозже в «киевскую мысль» и возвращался домой не к нашему обеду в 5 часов, а в начале седьмого. В редакциях он подолгу беседовал с журналистами, принимал начинающих авторов, давал им, как теперь выражаются творческие консультации, прочитывал в гранках все новости дня и сам писал немало стихами и прозой, потому что его литературный заработок неизменно пополнял наш бюджет.

Победав подогретым обедом, папа ложился на часок отдохнуть и шел пройтись для моциона. Возвращался он домой часов в 11, когда Воля и мама уже спали, пил чай и потом мы с ним вечерами вели бесконечные беседы о литературе и каждый вечер показывали друг другу либо новые, либо переделанные, отшлифованные стихи.

Часа два длилась эта беседа. Папа тонко и незаметно посвящал меня во все тайны стихосложения, а я его – в старинные редкие формы провансальской и итальянской поэзии.

Папа учил меня скандировать гекзаметры и пентаметры, а я его Алкееву и Сафическому стиху, говорила об аллитерациях исландского эпоса, о русском былинном трехударном ладе северных сказителей.

Этой осенью я как-то купила себе красивый альбом для стихов, небольшого формата, как мужской карманный бумажник, в красивом кожаном переплете с бронзовым углом с чеканной на нем головкой девушки-гречанки в профиль. Я решила собирать в этом альбоме автографы поэтов и писателей. Конечно, прежде всего просила у папы автограф. И папа вывел на первой странице своим тончайшим легким и изящным бирюзовым пером одно из новых морей, которое мне особенно нравилось.

* *
*

Набегали зеленые волны,
Нежно льнули к уступам скалистым –
И смеялись. И, радости полны,
Рассыпались дождем серебристым.
 А на них из зеленого парка
 Белой виллы сияли колонны.
 В блеске дня, трепетавшего ярко,
 Пальм развесистых спали короны.
Серый берег тянулся вдоль линий
Желтых гор, извиваясь змеею.
Купол неба, и яркий, и синий,
Ширь воды обнимал бирюзою.
 И смеялось холодное море,
 И сверкало, и гордо синело.
 Но меж волн, как в тоскующем взоре,
 Что-то смутной тревогой темнело...
Только парус, белевший стыдливо,
Весь дышал и восторгом, и лаской
И скользил, и скользил вдоль залива
Светлой грезой, навеянной сказкой.

Иногда, вместо стихов, приносила я и читала с папой диалоги Платона, с которыми я познакомилась в переводах во втором семестре, и под влиянием Платона, папа написал одно из изящнейших своих стихотворений:

КРАСОТЕ

Красоты, красоты я ищу.
В песнях скорби я к ней лишь взываю.
Я стремлюсь к ней, как к светлому раю,
И об ней, и об ней лишь грущу...
 Ах, не только жилища да хлеба,
 И не терний, ни мук суеты!
 Дайте, дайте мне счастья мечты,
 Дайте творческих радостей неба!
Зной и блеск вдохновенных страниц!
Солнца правды огонь незакатный!
Лишь пред ними в тоске благодатный,
Лишь пред ними склоняюсь я ниц.
 Только там, средь лазурного храма.
 Только там вдохновенный мой бог,
 В блеске истины, кроток и строг,
 Весь в цветах, весь в волнах фимиама.
Лишь к нему я душою стремлюсь.
Красоте, красоте средь исканий,
В скорби дум, средь тоски и страданий
Лишь одной красоте я молюсь.

Правда, такие стихи с апологией чистого искусства были в папином творчестве исключением и безусловно навеяны Платоном и отчасти моими восторгами перед Джоном Рёскиным и Вундтом, о которых я слышала на лекциях по эстетике. Папа был поэтом жизненным, ищущим подлинную красоту природы и человеческой души во всех ее переживаниях, а не поклонник этих чуждых нам течений, которыми он увлекался только мимоходом.

Знакомил меня папа и с принципами литературной и товарищеской этики, с авторским правом и установками отдельных журналов и альманахов. Говорил о том, что ни один порядочный поэт и беллетрист не может параллельно печататься в прогрессивных и черносотенных изданиях, потому что это значит расписаться в своей беспринципности, но зато может параллельно печатать художественные произведения в нескольких изданиях прогрессивного толка, даже если они отличаются друг от друга в оттенках. Особенно презирают все честные писатели и журналисты «Новое время», потому что в ней нет никакого лица: это политфлюгер газета «Чего изволите» и «Что прикажете». Объяснял, что писать человеческие типы надо не с одного живого лица, а брать типичное от многих людей – самое характерное. Потому что тип – всегда нечто собирательное, а не индивидуальный портрет.

Много характерных фактов рассказывал мне папа из жизни писателей и из жизни литературной богемы и не скрывая от меня, что много в ней морального разложения, грязи и пошлости, особенно по отношению к женщинам, поэтому не следует

ослепляться лучами литературной славы, не пьянеть от красивых слов, на которые писатели такие мастера, когда надо вскружить голову молодой, неопытной девушке.

Вместе читали мы новые книги, разбирали стихи в новых номерах толстых журналов, папа показывал мне свои черновики, я ему – свои и мы были живыми свидетелями шлифовки каждой строчки каждого куплета. Разбирали Бунина и других любимых поэтов, но я никак не могла овладеть дивным папиным двустопным ямбом.

Я вдаль взирал
С немой тревогой.
Мой конь бежал
Лесной дорогой.
Вокруг стеной
Толпились ели
Во тьме ночной
Они шумели.
Их смутный шум
Таил страданье,
Он рай мне дум
Сливал в сознание и т.д.

Читал мне папа и свои политические стихи, которые он особенно часто писал после переезда в Киев. В период 1904-07 года папа написал их на целую книжку, появлялись они, конечно, под разными псевдонимами: М.Вершинин, П.Александрович, Булатов и другими. Особенно, нравилось мне его стихотворение на смерть лейтенанта Шмидта. Это стихотворение было впоследствии уже при Советской власти перепечатано из старых газет в сборнике «Крым», изданный в Симферополе, но папина фамилия была там перепутана.

Большим успехом в публике пользовалась и его сатирическая поэма, напечатанная в «Киевской мысли» приблизительно в 1906 году, или немного раньше, под заглавием: «О китайском публицисте Пи-Хо-Но». Под этим китайским публицистом подразумевался редактор Киевской монархической газеты «Киевлянин» профессор Пихно.

Удалась ему и другая поэма-сказка о четырех героях Вальма, Карно, Сазе, Кали, которые выступали на бой с многоголовым драконом, срубали ему по одной голове, но тотчас гибли, схваченные другими головами чудовища. И на смену погибшему выходил на смертный бой следующий витязь и, срубив еще голову, также погибал в зубах одной из уцелевших голов, как и его предшественник.

Под этими четырьмя героями подразумевались Балмашов, Карпович, Сазонов и Каллев, смелые борцы революционеры-одиночки тех времен.

Конечно, говорили мы и об арестах и кровавом терроре, которым наше правительство хотело запугать Россию. Я восхищалась ими, а папу это приводило в ужас.

– Да, они герои, – говорил он, – но не вздумай и ты пойти по их пути. Самый смелый человек ничто перед огромной пятой государства, оно раздавит любого, как букашку. У тебя другой путь. Природа многим тебя наградила, а ты накапливаешь целую

сокровищницу знаний. Все это должно пойти на пользу России не путем швырянья бомб, как мечтает твоя Миклуха, а путем создания монументально-художественных произведений. Довольно и так погибло талантов в Петропавловской и Шлиссельбурге. Я преклоняюсь пред их страданиями, но если и ты... Если с тобой стряется беда – я этого не переживу.

И это говорилось с такой болью, с таким волнением, что казалось, вот-вот и папу хватит удар, как покойного дедушку.

Незаметно подошел конец семестра и зимние святочные каникулы. В декабре я не решила держать экзамены и после веселых святок с театром, елками, вечерами я усердно засела за логику, которую успела основательно пройти в декабре. 13-го января, в понедельник был назначен экзамен. Был морозный звездный вечер. На небе ярко и немного страшно сияла серебристая полоса кометы, как сотканная из лучистой звездной пыли. В список попала я тринадцатой и по дороге встретила попа. По всем приметам моей милой Гали это судило мне скандальный провал. Я очень волновалась: как никак первый экзамен в высшей школе, но... вместо провала получила «орtime», самую высокую отметку, которую Якубанис ставил очень редко и только за самые удачные ответы.

Заметив, что курс я знаю основательно, он дал мне прочесть какую-то статью по философии и предложил разобрать отрывок из нее с точки зрения логики. Хотя текст был трудный и до того перегруженный философской терминологией, что трудно было понять, на каком языке он написан, я быстро нашла в нем противоречие и какую-то логическую ошибку. Это и решило все.

Сдала я и французский язык у мсье Дуруза, не слушая у него лекций. За первый и второй курс одновременно.

Юридически у нас было две отметки: удовлетворительно и весьма удовлетворительно, но большинство профессоров ставили за хороший ответ «отлично», что соответствовало 5, зато преподаватели иностранных языков, итальянец Бартоломуччи, англичанка, немцы и французы, а из профессоров Кнауэр и Кулаковской не признавали никаких «отлично» и ставили за самый выдающийся ответ «весьма».

Во втором семестре читали нам на смену законченного курса сербской литературы – чешскую литературу. К сожалению, читал ее не Флоринский, а Лукьяненко, умевший засушить самые лучшие перлы художественного творчества своим казенным языком, штампованными оборотами и сухим перечнем фактов, дат, имен и заглавий.

Гиляров приступил к чтению психологии. Начал он с того, как смотрели на душу первобытные люди, как возникли религии древнего востока, как смотрели все эти народы на душу. Это было куда интереснее и живее введения в философию. Я восхищалась мифами персидских огнепоклонников, египтян, индусов, древних евреев, буддистов, магометан. Гиляров умно и тонко вел линию возникновения каждой новой религии из уже живших в сознании человечества готовых представлений о душе и смерти, существовавших в предшествующих верованиях. Он показал, как христианство создавая нечто новое, впитало в себя множество более древних мифов, обрядов, догматов и примет.

Одновременно с его курсов пришлось мне прочесть «Великие посвященные» Эдуарда Шюрэ. Я была в восторге от красоты его изложения и долго была под

впечатлением его описаний Элевзинских мистерий, дионисий и других празднеств и церемоний античного мира.

К экзамену, кроме своего курса истории психологии Гиляров требовал пройти один из рекомендуемых им учебников: Виндельбанта, Челпанова, Вундта и других.

Во втором семестре Якубанис читал необязательный курс эстетики. Я, конечно, на него записалась и стала записывать лично для себя. Надо признаться, что помимо науки, тянула меня и личность Якубаниса, которая произвела на меня еще в первом семестре огромное впечатление. Правда, мечты мои о нем не шли дальше того, чтоб слушать его лекции, иногда зайти в профессорскую поговорить о каком-нибудь неясном научном вопросе и на улице обменяться с ним беглым поклоном. Да и не такая была я девушка, чтоб заводит даже самый невинный платонический флирт. Просто на моем небосклоне в этот год он был самой яркой точкой, которая приковывала мое духовное зрение и девичьи мечты. Этим мечтам я обязана несколькими совсем неплохими стихотворениями, могущими сделать честь любому поэту. Для меня это было полезно.

Читал Якубанис в дневные часы, кажется от двух или от трех часов, два раза в неделю. По своему обыкновению, он начинал изложение каждой науки от ее основоположников, то есть не от Баумгартена, создавшего термин «Эстетика», а от Эллады, колыбели всех наук и искусств, от Аристотеля и его произведений «Пери риторикон» и «Пери поэтикон».

В том семестре и в те дни читал для старших курсов сравнительную грамматику Индо-Европейских языков старый немец-профессор Теодор Иванович Кнауэр.

Его лекции продолжались по два часа непосредственно перед лекцией Якубаниса. На этой почве однажды разыгрался презабавный инцидент.

Этого Кнауэра ненавидел весь факультет и как лектора и как человека. Ненавидели и его предмет и ученые труды, хотя Кнауэр был автор единственной грамматики санскритского языка в России, человек с весом в научных кругах. Читал он самые скучные и трудные предметы нашего лингвистического цикла и делал их своим сухим и тяжелым изложением еще более неприемлемыми и скучными, чем были они на самом деле.

Это был тщедушный старикашка среднего роста, сгорбленный с узким красным лицом, с огромным крючковатым носом в малиновых жилках и рыжевато-седыми моржовыми усами, узкоплечий с белесыми рыбьими глазами в красных подпухших веках.

Читал он тихо, невнятно что-то бормотал себе под нос, чмыхал, чихал каждое слово коверкал своим сильнейшим немецким акцентом. Сам лингвист, он за 30 лет не научился мало-мальски правильному произношению, до того был бездарен и враждебно туп. На его лекциях обязаны были бывать все славистики, германки и романки, но аудитория его всегда пустовала.

Курсисток он ненавидел и не скрывал того, что был противником высшего образования. По убеждениям он был монархист чистой воды. Россию ненавидел и презирал, боготворил свою Германию. Своих сыновей он не отдал в русские университеты, а отправил учиться за границу. Каждый год эти сыновья приезжали на каникулы к отцу в Киев и вечно катались по Днепру на собственной моторной лодке, привезенной из Германии. И вот, когда началась первая империалистическая война, этих студентов

арестовали и вдруг оказалось, что они вовсе не студенты-филологи Боннского университета, а офицеры германского генерального штаба, производившие на Днепре промеры дна и военно-топографическую съемку и собиравшие разные шпионские сведения. Тогда-то и нас избавили от их почтенного папаша, отправив его в ссылку в Сибирь, в город Томск, где он сразу получил кафедру санскритологии в тамошнем университете.

Но все это случилось несколькими годами позже и мне моим однокурсникам пришлось выпить горькую чашу – слушать его лекции.

В конце каждого семестра все курсистки, слушавшие данный предмет, должны были подать профессору свою лекционную книжку, в которой он делал пометку, что данная слушательница действительно посещала его лекции и прослушала полный курс. Большинство профессоров заполняли матрикулы механически, но Кнауэр сделал и из этой формальности камеру нервозности, как метко выразилась одна из наших слависток: он долго вглядывался своими рачьиими бесцветными глазами в каждую из нас и потом шамкал:

– Ниэт! Вы у мене лекций не слышаль. Вы хотить держайть экзамен, не посещавши мои лекций, абер такой нумер пройдьот. О, ниэт, не пройдьот!

И возвращал матрикул обратно.

Поэтому приходилось отсиживать его лекции, как тяжелую повинность, не слушая его чмыханья и бормотанья, а готовясь к другому экзамену, или читая интересную книгу. Проверить что мы делаем – он не имел права, потому что это была не гимназия, а те, кто готовились идти к нему на экзамен сидели на первых партах, чтоб намозолить ему рыбыи глаза, а мы за их спинами чувствовали себя совершенно спокойно. Но и при таких ухищрениях в его аудитории никогда не бывало больше 30-40 человек, то есть не более 10% тех, кто должен был слушать данный предмет.

И вдруг когда мы были на втором семестре, после двухчасовой лекции Кнауэра назначили лекции Якубаниса по эстетике. Чтоб попасть в аудиторию на лекцию Якубаниса, многие стали приходить «на Кнауэра» за час, а то и за два до эстетики. Кнауэр удивился: почему это в начале его лекции а аудитории пусто, а после перерыва яблоку негде упасть. И притом приходят те, кто давно сдал у него ненавистную «Инду». Он даже спросил декана, что это значит.

Тот расхохотался.

– Мойн либер герр Кнауэр: ларчик очень просто открывается. После Вас читает такой блестящий оратор, как Генрих Якубанис, да еще такой предмет, как эстетика. Понятно, что всем нашим фрейлейн этот молодой красавец куда интереснее, чем такой поштенный и старый шеловек, как вы. Им только и подавай их наслаждение, господина Якубаниса.

Кнауэр взбеленился. На следующий раз он приказал запереть на ключ все три двери своей аудитории. Прихожу я на курсы хочу войти, а двери на замке. А те, что уж «сидит на Кнауэре» не могут выйти из аудитории ни в уборную, ни в буфет...

После лекции пошли толпой жаловаться декану, пригрозили корреспонденцией в газеты и в сатирические журналы. Декан хохочет, начинает нас журить за то, что мы обижаем старикашку, но я самым почтительным образом доказала ему, что старикашка читает на два с минусом и так ловко представила его, что все так и покатились от хохота.

Больше нас не запирали. Кнауэру отвели другую аудиторию поменьше, а чтение его лекций перенесли на другие часы.

Параллельно с историей литературы каждый семестр велись по ней практические занятия, но нам, первокурсницам, участвовать в них не разрешалось, потому что писать рефераты могли только те, кто мало-мальски знаком с тем, как работать с книгой, разбираться в противоречивых взглядах и ориентироваться в методологии.

Каждая курсистка должна была написать 4 реферата, прочесть и защитить их, или же, если несколько человек работало над одной и той же темой, самый лучший реферат (или наоборот самый слабый) назначался к чтению, а остальные практикантки должны были выступить как официальные оппонентки референту.

В начале семестра Лобода вывешивал список рекомендуемых тем со списком литературы вопроса под каждой темой. Я попросила папу зайти на курсы и поговорить с Лободой, чтобы он разрешил мне посещать эти занятия, присмотреться к работе, неофициально попробовать свои силы – написать реферат. Лобода из дружеских чувств к нашей семье согласился, но предупредил, что этих занятий он мне не зачет. Я несколько раз была на практических, затем робко подошла к нему и попросила разрешения написать пробный реферат, на тему «Эстетика Гоголя» (или его взгляды на искусство и творчество в свете самых распространенных взглядов и понятий его эпохи). Лобода удивился, что я предложила свою собственную тему, согласился с ней и снова предупредил, что реферата мне все равно не зачет. Из литературы вопроса он указал мне всего три книги, кроме таких пособий, как «___» и другие книги, знакомые мне по реферату в гимназии.

По своему почину я присоединила к рекомендуемой литературе Лессинга, Шиллера, Гете, братьев Шлегелей, Тика и Вакенродера, французских романтиков, изучила книгу Жирмунского, все истории и теории Эстетики, на которые ссылался хоть мельком Якубанис, например Гюйо, Прельса, Меймана и других, так или иначе разбиравших вопрос о реализме и романтизме и расположила весь материал по проблемам эстетики, то есть взгляды на красоту, на то, что такое искусство, классификация искусств и взгляды на каждое из них в отдельности – то есть на искусства пластические, изобретательные, словесные и музыку, затем на проблему психологии творчества и психологии эстетического переживания. Получилась в чистовике 200 страниц с небольшим – целая толстая клеенчатая общая тетрадь, стоившая в магазине 25 копеек.

Лобода около месяца держал мою рукопись, долго отнекивался недосугом, потом вдруг сказал, что он зачет мне его за целых два семестра практических занятий, и так как в моей работе не просто реферируются чужие мысли по поводу Гоголя, а делается самостоятельное исследование, с указанием источников, откуда Гоголь мог позаимствовать те или иные свои взгляды – он зачет мне мой реферат как дипломное, «кандидатское» сочинение, если к моменту моего окончания я расширю его всеми статьями и материалами, которые появятся за эти годы в печати, пока же советует добавить материалы из трех неизвестных мне книг.

Я так была поражена, что, окончательно растерявшись, молча свою взяла тетрадку и отвесила ему глубокий реверанс. Он не мог не улыбнуться и уж совсем по отечески добавил:

– А татусе скажите, шо у него дочка большая умница и будет из нее в жизни толк.

И действительно в 1917 году Лобода зачел мне мой первый реферат со всеми внесенными в него добавлениями, как дипломное, кандидатское сочинение на звание кандидата филологических наук.

В эту зиму я много писала стихов, пробовала свои силы в таких трудных стихотворных формах, как сонеты, дантовские терцины, эллегические дистихи и другие. Я чувствовала, что расту, что в стихах начинает отражаться мое «я» и стала подумывать о дебюте в печати, но молчала и даже папе не признавалась в своих мечтах.

В то время среди курсисток пронесся слух, что Якубанис наконец получил двухлетнюю научную командировку за границу, чтобы там писать свою диссертацию. Мне стало больно: осенью он хотел прочесть нам так органически нужный мне предмет, как психология творчества, и вдруг мы лишаемся единственного человека, могущего взяться за этот предмет и зажечь нас интересом к нему. Да и чувство мое к нему, несмотря на всю его бесплотность и отвлеченность – все росло и все крепло.

Хотелось с одной стороны добра нашему лучшему доценту, хотелось, чтоб он еще выше поднялся, как ученый, но вместе с тем было больно лишиться его интересных лекций. Под влиянием всех этих противоречивых настроений, я написала полуфантастическое стихотворение «Песня Наяды».

Начиналось оно так:

Я – царевна тишины подводной.
Только в небе заблестит луна,
Подымаюсь я с морского дна
И качаюсь на волне холодной
 Нежусь я средь пены кружевной...
 Чуден блеск очей моих печальных:
 Это звезды в смутах зеркальных
 Отразили блеск свой голубой.

Но певец огромной силы и таланта раскрывает перед наядой лучезарной дали, а потом уходит от нее в далекие края. Наяда тоскует и хочет умчаться вслед за певцом.

Тосковать одной...
О, нет! Я испареньем
Вознесусь в лазурь и с духовеньем
Ветерка умчусь я за тобой.
 Прилечу к тебе я тучкой снежной,
 Белой пеною сверкая в небесах;
 Тихо тая в огневых лучах
 Осеню тебя я тенью нежной,
Упаду на землю я дождем –
И цветком волшебным и душистым

Расцвету я вечером росистым
Над твоим светящимся окном.
 Про любовь тоскующей наяды
 Песнь споет, рыдая, соловей, –
 И, внимая повести моей,
 Вдруг померкнут в небесах Плеяды...
Лучезарный! В лоно волн зеленых,
В зыбких струй трепещущий хрусталь
Снизойди! Пойми мою печаль,
Позабудь о даях озаренных!
 Тишину коралловых аллей
 Возмути мелодией могучей.
 Холод вод согрей любовью жгучей,
 Мрак пучок сияньем дня рассей!

Стихотворение показалось мне хорошим. И когда, папа снова заговорил о том, что пора мне выступить в печати, я отдала ему рукопись и стихи появились в «Киевских вестях» в пасхальном номере 18-го апреля 1910 года по старому стилю или 1-го мая по новому, Григорианскому стилю.

Эта дата – начало моей литературной деятельности.

В те времена был обычай на рождество, Новый год и пасху, вместо статей и хроникерских заметок печатать в газетах повести, рассказы и стихи. И в киевских газетах в эти дни этот обычай сохранился в полной силе: номер выходил двойной и в нем печатались рассказы или главы из романов Скитальца, Серафимовича, Айзмана, Юшкевича, Букина, Максима Горького и других крупных писателей. В эти же дни печатались большие критические обзоры литературных новинок сезона Льва Наумовича Войтоловского и Анатолия Васильевича Луначарского. А папины стихи и стихи других поэтов всегда были украшением праздничных номеров.

С волнением увидела я свои стихи в печати, но тотчас же на душе моей стало тревожно и мрачно, как будто над головой моей собиралась гроза. А папе мое настроение было непонятным, а я чувствовала, что в этот день не наступил в моей жизни решительный перелом, и страшно стало мне, что я могу не оправдать возлагаемых на меня надежд, оказаться пустоцветом и когда-нибудь сама почувствую свое бессилие поднять большую, глубокую тему. Страшно и жутко сознаться в своем банкротстве, и одна мысль о его возможности повергала меня в ужас.

После праздников я как то вошла в профессорскую попросить Якубаниса восстановить пропущенную в моих записках мысль. Он любезно подсказал мне ее, посмотрел мои записи, потом похвалил мои стихи. Я смутилась, покраснела, что-то пробормотала невнятное. Не знаю, догадался ли он, что стихи навеяны его лекциями. Он еще раз пожал мне руку, пожелал успехов и поздравил с удачным дебютом. Ушла я домой – как во сне...

Настала весна, экзамены. Готовясь по средневековой литературе, я купила еще зимой прозаический перевод «Старшей Эдды» в издании Глазунова. Первая

космогоническая песнь Эдды «Völuspö» так увлекла меня своими титаническими образами, что я стала перелагать в стихи корявый прозаический перевод, стараясь по возможности, соблюсти древнеисландские аллитерации, например:

И сошлись все боги
К месту совещанья.
Высоко святые
Держат свой совет:
Кто наполнил воздух
Ядом неприязни.
 Выдав деву Ода
 Великанам злым?!

Верифицировав почти половину текста, я показала свою работу Шаровольскому. Он живо заинтересовался ею и ему стало жаль затраченного труда, потому что текст был искажен прозаическим переводчиком, и я невольно повторила его ошибки. Через несколько дней Шаровольский принес мне полный и точный немецкий стихотворный перевод Гуго Геринга и посоветовал начать работу сызнова по этому проверенному тексту.

Урывками занималась я «Völuspö», составила к тексту примечания, написала уже на втором курсе вступительную статью и снова принесла к Ивану Васильевичу. Он сделал несколько мелких замечаний, которые я приняла к сведению, и посоветовал поскорее издать «Völuspö», потому что студенчеству нужен удобочитаемый перевод этого трудного древнего памятника. Я действительно поставила себе целью сделать темный и тяжелый текст «Völuspö» доходчивым до читателя. О научном исследовании Эдды я не помышляла. Я была поэтессой, а не ученым, хотя в этой работе выдержала перевод почти строка в строку, без длиннот и добавлений, как у большинства стихотворных переводчиков, даже таких опытных, как Щепкина-Куперник в переводах Ростана.

Но, однако, я забежала вперед.

На экзамене Шаровольский просто поставил мне отлично, ничего не спрашивая. Гиляров наоборот экзаменовал меня долго и подробно и по введению в философию и по психологии тоже поставил отлично. Сдала я и эстетику и снова получила «optime». Сдала я и народную словесность у Лободы. На второй курс оставила древнецерковно-славянский язык, а все остальные предметы (славянские литературы, славянские языки и западно-европейскую литературу от эпохи Возрождения до конца 19 века разрешалось сдавать только при переходе на третий курс – сразу за все четыре семестра.

В разгар экзаменов узнали мы, что наш декан профессор Лециус, читавший латинский язык и античную филологию, выходит в отставку и уезжает навсегда на родину в Ригу со всем многочисленным семейством из шести дочерей.

Лециуса у нас очень любили, как человека отзывчивого, доступного, даже простецкого, скорее напоминающего провинциального учителя, чем профессора. Он много помогал нуждающимся курсисткам, добиваясь для освобождения от платы за право учения, рекомендовал их своим многочисленным знакомым как учительниц и

репетиторов отстающих ребят и – говорят – даже сам вносил за некоторых плату из своего профессорского жалованья.

Мы сложились и поднесли ему на память альбом с видами Киева, цветы и прочувственный адрес и в одно из ближайших воскресений устроили прощальную прогулку в Межигорье.

Был чудесный солнечный день. Пароход отчалил от пристани часов в 9 утра и шел до Межигорья против течения часа три с половиной. Днепр был великолепен по всем величия начинающего спадать разлива. Местами воды его сливались с горизонтом. На палубе устроили танцы. Танцевали друг с дружкой, потому что на 600 курсисток на пароходе было всего человек 20-30 студентов, да около десятка профессоров и доцентов, но от этого наше веселье ничуть не пострадало.

Почти все мы были в белых, или светлых летних платьях из легких батистов, и других прозрачных тканей. Шляпы пестрели букетиками искусственных цветов, бантами и красивыми бронзовыми булавками под золото ювелирной работы.

Устроительницы пикника накануне съездили в Межигорье и заказали для нас в монастырской гостинице хороший завтрак и обед их трех блюд. Был на пароходе и буфет, устроенный нашими хозяйственниками, где пирожки, пирожные, булочки, бутерброды, мороженное и ситро, фрукты и ягоды подавались по себестоимости, то есть дешевле, чем в кондитерских и булочных.

Студентов с нами было мало потому, что пригласили мы только учеников Лециуса филологов, а филологический факультет в университете был самый малолюдный, а классическое отделение, где читал Лециус, едва насчитывало на всех четырех курсах вместе взятых 60 студентов. Вообще, классицизм был наукой вымирающей: шли туда только те, кто мечтал стать профессором, поэтому, я шутя прозвала классиков «заврологами», исчезающим видом студентов, подобно доисторическим ящерам.

В Межигорье нас ожидал чай и холодный завтрак с великолепными монастырскими пирогами, разными сдобами и холодной закуской.

Затем мы пошли осматривать фарфоровую фабрику. Гуляли по лесу, ходили в живописную балку, к источнику «Ключики», лазали по крутым откосам Днепра, собирали цветы. Эти откосы были совершенно белые – от белой фарфоровой глины, которую копали и отправляли на местную посудную фабрику – на фаянс и фарфор.

Монастырь был живописно расположен в лесистой седловине между двумя горами, покрытыми лесом, и над темной щеткой соснового бора ярко сверкали на солнце его золоченые купола.

Один из студентов захватил с собой хороший фотографический аппарат и снимал нас в монастыре, за чаем и за обедом – на открытом воздухе, затем под развесистым дубом с ветвями, кустившимися почти от земли, на которых разместилось человек 20 курсисток с Лециусом, Сонни и Клиngerом в центре. Затем снимки размножили и каждая могла купить их себе на память.

После обеда снова гуляли, рвали цветы, плели венки, вышли в поле, где уже колосилась густая украинская пшеница, и тронулись в путь, когда последние лучи солнца догорали на куполах межигорского монастыря.

В Межигорье, возле монастыря было нескольких дачек. Дачники вышли на берег Днепра к отходу нашего парохода и в тот момент, когда наш пароход стал разворачиваться, отходя от пристани, кто-то из провожавших пропел нам вслед:

– Прощайте!

Это прозвучало в тишине заката так хорошо, с таким глубоким настроением, что по возвращению домой я написала в тот же вечер сонет:

Меж двух холмов, в лесистой седловине,
Белеет скит. Сверкают купола
Внизу – река привольно залегла.
Широк разлив ее холодной сини.
Заря кровавым блеском залила
Зеленый бархат сосен на вершине,
А крест, символ прощенья и святыни,
Горит звездой. Плывет, густеет мгла.
У берега, на зыби полусонной –
Наш пароход, готовый отойти.
Он будто медлит, в тишину влюбленный...
Но вот пошел по зыбкому пути –
И чей-то голос, далью заглушенный,
Нам вдруг послал тоскливое прости.

Смеркалось. Пароход быстро шел по померкшему красавцу-Днепру, а мы шумные и веселые, вдруг притихли, собрались на палубе, усадили среди нас виновника торжества Иосифа Андреевича Лециуса и в сумеречный час стали говорить ему прощальные речи, идущие от сердца. Говорили, как дорог молодежи каждый кто дает ей много умственной пищи, такой же нужной мыслящему человеку, как хлеб насущный; говорили, как жадно тянемся мы к знанию и как дорожим своими профессорами, а среди них – особенно близки нам те, кто не просто учит, но поддерживают нас морально, является нашим Вергилием в долгих странствованиях по мрачным кругам нашей жизни.

Не обошлось тут и комического ляпсуса. Одна из курсисток сгоряча, чуть не со слезами воскликнула:

– Много у нас профессоров, но они нас учат, но не любят, не верят нам, женщинам, даже ненавидят и презирают нас (тут она, конечно, имела в виду Кнауэра, Светлова и некоторых других). На фоне их Вы – единственное солнечное пятно в нашей жизни.

Мы так и прыснули. Невежливо назвать человека пятном – это раз. А во вторых Лециус был не один, рядом с ним сидели хорошие люди: Сонни, Клиггер, магистрант Дложевский и еще несколько человек – все друзья и товарищи Лециуса и по их адресу это было просто дерзостью. Но Лециус нашелся, понял, что это обмолвка и вдруг обнял растерявшуюся ораторшу и крепко поцеловал, потом смахнув непрошенные слезы, сказал:

– Мои дорогие курсистки. У меня дома шесть дочек, а на курсах еще две тысячи. И я вас всех люблю и никогда не забуду. Дайте я вас всех поцелую на прощанье, как отец.

Мы растерялись, а он уже начал обнимать и целовать всех, кто стояли поближе. Тогда мы с веселым смехом стали выстраиваться в очередь и с каждой из нас он трижды расцеловался, совсем как на пасху.

Это была первая очередь в моей жизни.

Я только упомянула две фамилии – Сонни и Клингера. Надо сказать несколько слов и об них.

Адольф Израилевич Сонни читал у нас на втором курсе историю греческой литературы, греческий и латинский язык. После отъезда Лециуса его избрали деканом.

По национальности Сонни был фин, крошечного роста, почти лилипут, с непомерно большим носом, как у «Петрушки», куклы из украинского кукольного театра и на первый взгляд производил довольно комичное впечатление. Небольшая каштановая борода и длинные усы были окрашены дешевой краской и на улице и в солнечный день отливали зеленым и мы – насмешливые и наблюдательные девчонки – придумали, что он похож на зайца, несущего в зубах пучок салата. В довершение всего шея у Сонни совершенно не ворочалась и когда ему надо было обернуться, или посмотреть в сторону, он оборачивался всем корпусом, а не одной головой.

Сонни был довольно добрый и мягкий человек. На лекциях, пересказывая содержание какой-нибудь чувствительной истории, он не мог не прослезиться хотя уж добрых 25 лет читал тот же курс и рассказывал о тех же произведениях. Неловко бывало ему перед курсистками за эти слезы, а голова, как назло, не ворочалась. Тогда он на мгновение отворачивался от аудитории, становился к нам спиной и делал вид, что протирает носовым платком запотевшие очки.

Говорил он по русски грамматически правильно, но с легким незнакомым акцентом. Читал просто, точно рассказывал случай из собственной жизни. Мы считали его средним оратором, а на самом деле эта непринужденность изложения большое ораторское мастерство. Лекции его посещались охотно, аудитория всегда была полна и относилась мы к нему хорошо.

Клигер был тоже классиком, но не профессором, а приват-доцентом. Читал он у нас греческий язык и историю Александрийской литературы. Это был застенчивый, тощий, бледный молодой человек лет под 30, слегка сутулый, с расчесанными на косой пробор рыжевато-каштановыми волосами и светло-голубыми зеленоватыми глазами. Он писал тогда свою магистерскую диссертацию и готовился к ее скорой защите. Тема у него была на наш теперешний взгляд схоластически-карикатурная: «Животное в античном и совершенном суеверии».

Собрал он для этой темы тысячи упоминаний в разных рукописных и книжных источниках о животных, рыбах, птицах и даже насекомых со времен Фукидида и Геродота до наших дней. И кого-кого только не было в его диссертации: крысы, мыши, собаки, куры, петухи, гуси, орлы, лошади, змеи, ящерицы, хорьки, лисицы, ласки, волки, медведи, ласточки, чибисы, олени, козы и разные другие бегающие, летающие и ползающие твари перечислялись в ней сотнями и о каждом приводилось много суеверий, примет и заговоров, обычаев и поговорок. Все это было систематизировано по эпохам, народам, видам и семействам животных и представлено на соискание ученой степени.

На диспуте оппоненты с самым серьезным видом кивали лысыми и белогривыми головами и говорили о громадной эрудиции диссертанта, с видом величайшего глубокомыслия говорили, что там то он забыл упомянуть петуха, зарезанного в такой-то басне, или о ящерице, перебежавшей дорогу такому-то великому человеку, или неправильно назвал такую-то морскую свинку или выдру и после пяти часов торжественного спора вынесли решение, что это ценнейший вклад в науку и присудили Клингеру звание магистра классической филологии, то есть дали возможность стать не доцентом, а профессором. Потом мы узнали, что факультет хотел сразу присудить ему за всю эту белиберду сразу высшую степень – доктора классической филологии, но Клингер был во первых поляк, а во-вторых считался крайним левым и притом ярым польским националистом и был такой «опасный» человек, что иногда выступал в профессорской против членов Союза русского народа и прочих черносотенцев. И вот поэтому и только поэтому, по проискам Светлова и других крайних правых ему дали пока только магистра.

Что Клингер был ярый польский националист – это факт, но тогда все поляки повально настолько ненавидели Россию и русских, как своих угнетателей, что в этом нет ничего необыкновенного, только одни умели сдерживаться и скрывать свои настроения, а другие говорили открыто. Но эпоха была тогда такая, что мы, студенчество, рады были высказать свои симпатии даже самой яркой бездарности, и ш ь б ы б ы л он человек прогрессивным, ненавидящим произвол. А раз монархисты, подставили ему ножку – надо было приветствовать и отметить его диспут чем-то особенным. Зная, что он любит цветы, мы купили ему пару ваз художественной работы с репродукциями картин Верещагина, поднесли роскошный букет с лентой, на которой дали отпечатать золотом наши добрые пожелания и адрес, написанный тушью на свитке пергамента. Одна из наших художниц (Сименович) нарисовала в виде заставки киноварью и тушью копию древнегреческой краснофигурной вазы, известной в истории искусства под названием « _____ » (пропущено в машинописи – ред.), хранящейся, кажется в Лувре.

Все это мы вручили Клингеру перед его лекцией на другой день после диспута. Он был очень тронут вниманием и от души поблагодарил нас, а мы устроили ему настоящую овацию.

Странная тема диссертации Клингера кажется теперь пережитком средневековой схоластики, но в те времена многие прогрессивные люди нарочно выискивали такие странные темы, чтобы благополучно обойти подводные камни цензуры и подвохи мракобесов-товарищей, потому что жизненную тему нельзя было трактовать нейтрально, не касаясь социальных проблем, а следовательно не подставив под удар свою голову. Зато получив ученую степень и заняв самостоятельную кафедру, молодой ученый мог наконец браться за любую тему по душе и трактовать ее жизненно, прогрессивно и увлекательно.

Не знаю какие соображения руководили Клингером при выборе своей темы, и фантазировать не хочу, потому что слишком мало его знаю.

Из гимназистов, с которыми я вроде того что соревновалась в выпускном классе гимназии, Коля Бохон уехал из Киева и поступил в С.Петербургскую военно-медицин-

скую академию, а Боря Манжос и Коля Бернер-поэт – поступили в московский университет: Бернер на юридический, а Манжос на историко-филологический факультет. Оба приезжали в Киев на святках, на пасху и летом и всегда и неизменно бывали у нас.

Коля Бернер в Москве стал членом общества свободной эстетики, возглавляемого Валерием Брюсовым. Он по прежнему много писал стихов, чеканил их форму, но стихи его по прежнему оставались музыкальными певучими вариациями без сюжета, даже без основной темы.

К папе Бернер по прежнему питал теплую привязанность, как к человеку, впервые протянувшему руку помощи и посвятившего его в тайны поэтической техники. Папа действительно поддерживал его морально и своей душевной теплотой часто смягчал ему холодную и сухую обстановку его ранней юности.

Бернер рос душевно-одиноким ребенком. Мать его рассталась с отцом, когда Коля был совсем крошкой, а отец его человек очень богатый, но черствый и сухой вроде Даниила Адриановича. Он жалел дать Коле полтинник на билет в театр, на нужную книгу, даже на трамвай и вообще держал сына в ежовых рукавицах. Сам из мелких мещан, он разжился, стал миллионером и ничего, кроме денег, в жизни не знал.

Когда Коля решил ехать учиться в Москву, скряга-отец сам отвез его в Белокаменную, определил его в университет, сам нанял ему комнату на весь учебный год с полным пансионом и даже стиркой белья и отдал хозяйке деньги, которые она должна была выдавать Коле по рублю в день на карманные расходы. Так надел он железную узду на всю Колину жизнь. За это товарищи еще в гимназии звали Колю «нищим миллионером», потому что если ему надо было купить книгу, стоившую два-три рубля – ему приходилось либо ходить неделю пешком, чтобы скопить эту сумму, либо занять у товарищей, и потом отдавать долг по четвертаку и полтиннику, потому что хозяйка попалась кремень баба под стать папаше и никогда не соглашалась дать ему денег вперед, или же шла вместе с ним в магазин и сама покупала ему все необходимое, а потом держала без гроша, до погашения ссуды.

Близким другом Бернера был Александр Николаевич Вертинский.

Вертинский учился в 4-ой гимназии вместе в Бернером, Бохоном и Манжосом приблизительно до 6-го класса, а потом был исключен за какой-то скандал.

Вертинский был из старозаветной мещанской семьи, – кажется, даже из старообрядцев. Родители его соблюдали все посты и обряды, в комнатах держали целые иконостасы и буйные шалости сына и его безбожие вызывали у них настоящую ярость. Когда Вертинского исключили из 6-го класса, родители пожалели взять ему репетитора и заставили самостоятельно готовиться на аттестат зрелости. Но не ученье было у него на уме. Он мечтал не то стать поэтом, не то артистом. Эта мысль родилась у него, быть может потому, что старшая сестра его не выдержала семейной обстановки и удрала из дому с каким-то актером в Петербург и вскоре стала актрисой Сабуровского фарса. Шли годы. Никаких экзаменов, Вертинский, конечно, не сдал, а когда Бернер с Манжосом, с аттестатами зрелости уехали в Москву, он к ним присоединился и разыскал в Москве свою сестру-актрису, которая тоже успела переехать в Москву и жила в богатой квартире, в шелках и бриллиантах. Как подобает шикарной даме

полусвета, эта-то сестра и приютила брата. Дала ему комнату и Саша Вертинский поступил в Московскую консерваторию, так как у него обнаружился прекрасный голос.

Казалось, что судьба его сложилась хорошо, но не по Саше Вертинскому была систематическая и серьезная работа над голосом. Его тянуло к легким успехам, аплодисментам, к концертной эстраде, успеху у женщин, вообще к блестящей и легкой жизни баловня судьбы. А студентам консерватории запрещалось выступать на концертах, в особенности в разных кабаре и ресторанах.

К тому времени Вертинский написал две-три песенки и ему захотелось блеснуть. Несколько раз выступал он в каком-то ресторане, где песенки его вызвали бурные аплодисменты. Тогда ему захотелось большего. Несколько раз выступал он на студенческих вечерах и тоже с большим успехом. Откуда-то слышала о нем великая княгиня Елизавета Маврикиевна, вдова убитого вел. кн. Сергея Александровича и пригласила его выступить на каком-то благотворительном концерте, где он столкнулся нос к носу со своими консерваторскими профессорами.

Это решило его судьбу.

Директор консерватории (кажется Танези) вызвал его и потребовал объяснений. Вместо извинений, Вертинский нагрубил. Тогда его исключили. Как ни хлопотала за него сестра через своего «покровителя», ничего не вышло. Да и с сестрой он скоро рассорился, потому что она стала обвинять его в легкомыслии и требовать, чтобы он чем-нибудь занялся. Он обозвал ее проституткой и содержанкой, за что был выгнан на улицу. Тогда Вертинский перебрался к Коле Бернеру, который приютил его и стал давать ему по 30-40 копеек в день из своих скудных грошей. Так Вертинский проболтался около года, обносился, ангажементы нигде не получил, а случайные выступления не могли его прокормить – и он вернулся в Киев, надеясь найти на родине пристанище и заработок, рассорившийся навеки и с Бернером.

Еще до отъезда в Москву пробовал он свои силы в литературе. Пописывал стихи, и как вся киевская молодежь, приходил к папе в редакцию. Папа, видя, что задатки и способности у него есть, взял у него и кое-что напечатал. И вот теперь, после Москвы, Вертинский снова попытался стать литератором.

Написал он несколько сказок. Одну из них он написал талантливо. Называлась она «История маленького мерзавца» и она мне очень понравилась. Папа устроил эту сказку «подвалом» в «Киевских вестях», ему выплатили за нее рублей 20-25, но часто печатать сказки газета не могла, да и фантазия у Вертинского скоро стала сбиваться на шаблоны и постоянная, жестокая тяжелая нужда стала его постоянною спутницей. Давать уроки он не мог. Так как перезабыл все, что знал пятое через десятое. Так дожился Вертинский до полной нищеты.

Не знаю, пробовал ли он вернуться к родителям, или они его оттолкнули, но положение его скоро стало безвыходным. А он был человек самолюбивый и долго скрывал свою нужду. Только мы замечали, что он бледнеет и худеет, что рубашка у него стала грязной, что порвались ботинки и он невольно поджимал ноги, чтобы мы их не замечали.

Однажды вечером папа вернулся со своей обычной прогулки около 12 часов ночи. Открыв дверь своим французским ключом он по привычке заглянул в почтовый ящик. Там белело небольшое письмецо. Папа взял его и ушел к себе, а я сидела у себя за книгами. Вдруг папа бегом пробежал обратно в переднюю, сорвал с вешалки пальто и шляпу и крикнул мне «Потом! Потом!» помчался вниз по лестнице.

Я долго не ложилась, встревоженная этим странным поведением папы. Наконец он вернулся, усталый и измученный и рассказал мне, что письмо было от Вертинского. Вертинский писал, что устал бороться за свое существование и, изверившись в родственниках, товарищах, друзьях и вообще во всем человечестве, решил покончить жизнь самоубийством.

«Только Вам одному еще я верю в жизни, – писал он, – поэтому и пишу Вам. Вы один еще можете меня спасти. Буду ждать Вас до полуночи и ровно в 12 часов уйду из жизни, если Вы не откликнитесь».

Почти дословно так писал папе Вертинский. Жил он в двух кварталах от нас, где-то не то внизу Фундуклеевской, не то на нашей Гоголевской возле улицы Гершуни, тогда называвшейся Мало-Владимирской.

Папа взглянул на часы было около двенадцати и помчался к Вертинскому. Он ворвался в квартиру, где жил Вертинский, перепугал до полусмерти хозяйку, стал стучаться к Вертинскому. Никто не отвечал. Тогда вместе с примчавшимся дворником они высадили дверь и вынули из петли Вертинского, еще живого, но уже в глубоком обмороке.

С трудом привели они его в чувства и потом, когда все ушли, папа долго беседовал наедине с Вертинским и он, самолюбивый неврастеник, рыдая, как дитя, рассказал папе все.

Папа и сам был взволнован до слез, взял с него честное слово, что он больше не будет покушаться на свою жизнь, отдал ему все деньги, что были при нем и дал слово как-нибудь устроить его в жизни.

И папа честно сдержал слово. Собрав в пользу Вертинского денег среди журналистов и адвокатов, папа помог ему одеться, и списавшись со своими московскими друзьями Белоусовым, Дронкиным и другими, отправил Вертинского в Москву, где все же легче было найти работу, чем в Киеве. Вертинский раза два писал папе, потом умолк и через несколько лет внезапно вынырнул из забвения, приехав в Киев уже знаменитым и модным исполнителем своих песенок.

Явился он к нам нарядный, располневший, привез ложу на свой концерт, а мне ноты в подарок.

На концерте пел он в costume и гриме Пьеро, выдвинув из складок занавеса только голову – белое от пудры лицо, обрамленное кольцом пышно наплоенных кружев как воскресший персонал из итальянской *commedia dell'arte*.

Это было оригинально. Это понравилось, как новинка, и скоро весь Киев, как вся Москва и весь Петербург, распевали его песенку «В голубой, далекой спаленке», «Китайчонка Ли» и «Лилового негра из Сан Франциско» и многие другие.

Но если впечатление от концерта осталось хорошее, то все же было грустно думать, что Вертинский с его прекрасным голосом разменял в себе настоящего серьезного артиста на легкий и шумный успех любимца моды.

Борис Манжос был человеком совершенно другого типа. Он стилизовался под Гоголя: отпустил длинные, как у Гоголя волосы, оставил себе такие же тонкие усики ниточкой, но никак не мог стилизовать под Гоголя свой курносый нос. Держал он себя развязно, по турецки забирался с ногами на диван, тоже подражая в этом Гоголю, но учился и работал серьезно и все старался затмить меня своим превосходством, но, к его великой досаде, это ему никак не удавалось. Я много работала и по всем предметам филологического факультета могла поспорить с ним, как однокурсница, ничуть не уступавшая ему в занятиях.

Проучившись год в Москве, Манжос перевелся в Киевский университет. По природе своей Манжос был прежде всего карьерист: все в жизни делал он по расчету. Мечтой его была кафедра и он добивался ее всеми путями, ничем не брезгая. Еще студентом старался он втереться в профессорскую среду и поэтому стал бывать у нашего декана Сонни и ухаживать за его дочерью Ниной. Его карьеризм чувствовался во всем: он частенько даже выдавал себя такими словечками:

– Надо держаться подальше от Клингера: на его косится в учебном округе.

Или:

– О, это родственник ректора университета Цитовича. Следует принять его приглашение.

Вообще, все поступки его были поступками по расчету, хотя он всячески корчил из себя поэтическую вдохновенную натуру не от мира сего. К знаменитым людям, к сановным и богатым его тянуло, точно магнитом. И если он у нас бывал, то только потому, что папа сотрудничал и в местных и в столичных изданиях, что папу пригласили читать гражданское судопроизводство и что папа может при случае помочь замолвить где нужно словечко. Папа отлично это понимал, но из вежливости делал вид, что ничего не подозревает.

Мечта Манжоса была прославиться, но трудно было ему добиться славы, не имея особенных талантов.

И вот скоро представился неожиданный случай.

Глубокой осенью 1910 года Лев Толстой ушел из Ясной Поляны.

Эта весть, как гром с ясного неба, поразила все человечество. Невольно каждый спрашивал себя, что было последний каплей, заставившей Великого старика оставить родной дом и семью и уйти куда глаза глядят искать праведной жизни, чтобы никто не смел упрекать его в том, что у него слово расходится с делом.

Конечно, глубокие душевные потрясения должны были толкнуть его на этот шаг и каждый спрашивал себя, читая газеты, кто осмелился нанести Толстому предательский удар, быть может гибельный для такого глубокого старика.

И действительно, не под силу оказались Толстому превратности далекого путешествия, все потрясения и волнения, связанные с ним и со свиданием в Оптиной

пустыни с родной сестрой его, Инокиней. Видно, страшная душевная буря бушевала в душе его и сломила его, как старый дуб.

Толстой тяжело заболел. Комната начальника станции Остапово стала его последним приютом. Не выдержало настрадавшееся склеротическое сердце обыкновенного воспаления легких и после недели тяжелых страданий Лев Толстой умер.

Не успели появиться в газетах известия о его уходе из Ясной поляны, а затем о том, что больного сняли его с поезда и что лежит он на станции Остапово, как во всех газетах столиц и Киева появилось письмо Бориса Манжоса, которое он написал Толстому недели за две до его ухода из Ясной поляны.

В этом письме Борис Манжос елейно, робким тоном, едко и больно бил в самое сердце писателя земли русской, говоря, что он проповедует отречение от всех благ богатой и праздной жизни помещика и аристократа, говорит, что правота на стороне бедных и бесправных крестьян, а сам живет в холе и роскоши, на золоте и серебре, пользуется плодами трудов этих крестьян и т.д. и т.п. И сознательно обошел вопрос о том, что вся жизнь Толстого была огромным, титаническим литературным трудом, что творения Толстого – это такой великий трудовой подвиг, за который благодарное человечество должно было бы создать ему самые великолепные условия жизни, как человеку, подарившему миру бесценные перлы его души.

Змеиный укус Манжоса больно поразил Великого старика. В своем ответе Манжосу, Лев Толстой писал, что давно хочет он уйти от семьи и прежней своей жизни – и тогда отпадет от него справедливый и горький упрек Манжоса, как незаслуженный: об одном только просит Толстой Манжоса – не публиковать ни своего письма, ни ответа на это письмо.

Но разве мог делец Манжос упустить такой «бизнес», такой единственный, неповторимый случай прославиться! Как литературовед, он знал, что их переписка, то есть его письмо, написанное истерическим, бьющим по нервам тоном, но с притворным смирением верного восторженного почитателя, которому больно, что его кумир, подобно солнцу, имеет пятна, и ответ солнца русской литературы, полный боли и сознания своей вины – это неповторимый по ценности материал для историков литературы, которым дорога каждая мелочь, каждый психологический штрих для работы над личностью каждого писателя, а такого великана, как Толстой – и подавно.

И Манжос не дождался смерти Льва Толстого и вслед за своим письмом, где он в своих комментариях к нему величает себя тем, кто толкнул Толстого на его роковой уход, – опубликовал и ответ Толстого, не вычеркнув даже фразу о том, чтобы не публиковать их переписку...

Да, этот беспринципный подлый карьерист был косвенной причиной смерти Толстого, был его косвенным убийцей.

Мы были потрясены.

Горько рыдая, написала я свое стихотворение на смерть Льва Толстого, которое появилось в ближайшем номере «Киевских вестей». Стихотворение было бесформенное, слабое, но в нем ярко отразилось душевное смятение и растерянность не меня одной, а многих тысяч людей, потрясенных случившимся.

Тише! Тише! Пусть крыло молчанья
Осенит весь мир. И пусть в тиши
Ни звучат ни стоны, ни рыданья
Истомленной горестью души.

Пусть померкнут звезды золотые
За туманной дымкой облаков.
Пусть не льются речи огневые,
Пусть умолкнут звуки праздных слов.

Тише! Тише! Эта – смерть – есть тайна.
Жизнь ее не в силах разгадать...
Жизнь его была, как мир, бескрайна...
Мы должны поникнуть и молчать.

И в молчаньи чистыми слезами
Смыть с души земли тлетворный прах,
Чтобы образ Вечный перед нами
Засиял в немеркнущих лучах.

Если бы можно было продержатъ стихи два-три дня, поработать над ними – может быть вышло бы лучше, но в тот день это просто был бесформенный, болезненный крик души.

Смерть Толстого переживала я много острее, чем смерть любимого композитора Римского-Корсакова, которого я тоже оплакивала года за два-три перед тем, понимая, что не скоро появится на Руси такой великий живописец звуками и такой виртуоз инструментовки, как он.

Но прошла неделя-другая, жизнь вошла в колею и снова ходила я на курсы, записывала лекции, училась, читала...

Увлелась я теперь историей античной философии, древнегреческой литературой и историей итальянского эпоса эпохи возрождения, которую читал нам Сонни. Читала разбираемые им поэмы Луиджи Пульчи, Бернардо и Торквато Тассо, хотя в глубине души они мне не особенно нравились. Слушала курс Бокадорова и Сервантеса и Шекспира и повторяла его же курс предыдущего семестра о Петрарке и Бокаччио, изучала испанскую драму Лопе де Вега и Кальдерона. Из славянских литератур читали нам на втором курсе болгарскую и польскую литературу и эти же языки.

И параллельно со всеми этими нужными и интересными для меня предметами приходилось слушать и записывать греческий язык, введение в сравнительное языкознание, славянские языки, так что свободного времени совершенно не оставалось.

И все же я старалась помимо курсов, не отставать от жизни: раз в месяц ходили мы с мамой в оперу и раза четыре за зиму – в драму. Кроме того, изредка бывали мы вдвоем с Галей в театре на студенческие билеты, которые начинали продавать за 15 минут до начала спектакля на все непроданные места по одной цене: в опере по 50 копеек, а в драме до 40 копеек. Записалась я членом в «Общество друзей музыки», устраивающее каждое воскресенье камерные концерты в Купеческом клубе со вступи-

тельно-часовой лекцией о том композиторе, музыке которого был посвящен концерт. Так познакомилась я с камерным и вокальным творчеством Грига, Синдинга, Сметаны, Дворжака, Мошковского, Алябьева, Шаминад и многих других.

На балах и вечерах бывала я только во время зимних каникул. Наука и творчество, искусство и литература – вот что меня интересовало и ничто иное меня не влекло.

На курсах на втором курсе несла я некоторые несложные общественные нагрузки: например, участвовала в подготовке студенческих вечеров в пользу недостаточных слушательниц наших курсов. Эта работа помогла мне впервые заглянуть в жизнь нашей студенческой массы, которую на первом курсе я совершенно не знала.

В материальном отношении положение наших курсисток на каждом факультете резко отличалось друг от друга.

Самые обеспеченные, а поэтому самые шикарные и независимые были наши юридички. Если в университете юридический был самым многочисленным факультетом, а филологический едва насчитывал несколько десятков студентов, то у нас юридический был наоборот самым малолюдным факультетом. По национальности подавляющее большинство юристок были еврейки, дочери крупных коммерсантов, фабрикантов, банкиров, содержателей отелей и театров, дочерьми крупных адвокатов и врачей. И бедные необеспеченные девушки попадались среди них очень редко.

Ходили они в самых модных шляпах-панамах или волосяных соломах с перьями эскри и плерезомы, стоимившими по 60-70 рублей штука, с бриллиантовыми серьгами в ушах, шелестя шелками нижних юбок, набросив на плечи дорогие горжетки из песцов, или черно-бурых лисиц, а зимой щеголяли в котиковых и каракулевых манто – заветной мечте каждой мещанки.

Одного взгляда на вешалку было достаточно, чтобы определить, что здесь разделялись юристки.

Учились они, по большей части, не ради науки или куска хлеба, а затем, чтобы стать юрисконсультами родительских фирм, заводов и фабрик, банкирских контор и магазинов, поэтому специализировались почти исключительно как цивилистки и часто бегали к моему папе за советом и помощью во всех трудных юридических вопросах и казусах. И папа, часто принимая такую юристку, в первую минуту не мог определить кто перед ним: опереточная дева, или курсистка.

Наши филологи, математички и биологички были куда скромнее. На наших вешалках не бывало ни котиковых, ни каракулевых манто. Изредка встречались скунсовые горжетки, платья носили мы шерстяные и полушерстяные, а чаще всего темную юбку с бумажной или шерстяной блузкой, галстуком-самовязом. Прически тоже были много скромнее: не было в них ни черепаховых, ни роговых гребней и шпилек с дорогими бронзовыми и серебряными украшениями. Пальто были на вате, или на недорогих мехах. Шляпы без перьев бархатные или фетровые, а самые бедные носили ватиновые белые шапочки с букетиком фиалок сбоку.

Жили курсистки вдвоем и втроем нанимая комнату для экономии. На таких улицах, как Гоголевская, Тургеневская, Павловский переулочек и другие смежные с ними можно было найти комнату на двоих и троих рублей за 8-10 в месяц. В центре города, в новых многоэтажных домах такая же комната рублей за 25. Обедали либо у хозяйки

рублей за 10 в месяц, или в студенческий столовой. Студенческих столовых в Киеве было несколько и содержались они на общественные средства, туда же шла часть доходов от благотворительных вечеров и лотерей. В каждой такой столовой обедало ежедневно тысячи по 2-3 студентов и курсисток. Сытный мясной обед из двух блюд стоил там 20 копеек. Я несколько раз бывала в этих столовых и даже обедала в них. На первое давали глубокую тарелку борща или супа с довольно большим куском мяса, на второе – пару котлет с гречневой или пшенной кашей и подливой. Каши давали много: полную мелкую тарелку. За пять копеек добавляли тарелку клюквенного или вишневого киселя, или блинчики с сахаром из белой муки.

Если бюджет юристки в среднем равнялся 60-80 рублям в месяц, то бюджет (средний) филологички и математички не превышал 30-35 рублей в месяц. В общем курсистки были народ бедный и порядком нуждались. Ведь, эти 30-35 рублей не все получали из дому: большинство должно было их зарабатывать давая частные уроки, занимаясь стенографией, и перепиской, но, по мере распространения пишущих машинок, переписки встречалось все меньше и меньше. А параллельно надо было посещать лекции, готовиться к экзаменам, писать рефераты. Неудивительно, что многие, записавшись на лекции, уезжали в провинцию домой, где был кров и кусок хлеба при родных, а потом приезжали только сдавать экзамены и останавливались у кого-нибудь из подруг.

Борьба за существование подтачивала и здоровье, и моральные силы, и не раз бывало, что, не выдержав этой борьбы, девушки и юноши лишали себя жизни. Тем более, что эпоха реакции способствовала распространению пессимистических взглядов на жизнь и самоубийства порою принимали характер психических эпидемий.

Так в бытность мою на курсах покончила собой Муся Огудлук, медичка и еще одна математичка третьего курса. Такие факты не проходили незамеченными: в газетах писали статьи, начинали собирать пожертвования, устраивали благотворительные концерты, но умерших это не возвращало к жизни, зато немного облегчало жизнь оставшимся в живых. Самыми счастливы были киевлянки, которые, как я, жили дома.

С точки зрения классовой и сословной – подавляющая масса курсисток была из трудящейся интеллигенции. Было довольно много народных учительниц, скопивших за годы педагогической деятельности небольшую сумму на первый год учебы. Были поповны, боявшиеся, как огня, горькой доли своих матерей, деревенских «матушек». Были и дочери помещиков, и мелких врачей и профессоров. Были и жены профессорские, стремившиеся хотя бы с запозданием повысить свой образовательный ценз. Из крестьянок попадали на курсы дочери кулаков, или же девушки, добившиеся материальной поддержки земства, но последних было очень мало.

Из нашего поступления процентов 15 отсеялось, не одолев нашей научной работы и приблизительно столько же из-за замужества и материнства. Был отсев и по «объективным причинам», то есть процента 4 попадали в ссылку за свои связи с нелегальными организациями, но на средней-академической успеваемости это мало отражалось, потому что наиболее ретивые в науках редко увлекались политикой, отдавая науке все время и силы. Наконец процентов 10 – отсеивались по материальным причинам,

не осилив жестокой борьбы за существование. Все же остальные, то есть процентов 55-60 благополучно добивались дипломов.

Общественность, в особенности прогрессивная, старалась всячески помочь нуждающимся студентам и курсисткам. Часто устраивались в пользу недостаточных студентов и курсисток благотворительные вечера, балы, концерты, гуляния и лотереи. Обычно каждый такой вечер был в пользу определенного ВУЗа. Не отставали в этом отношении и наши курсы.

Два-три раза в учебный год в колонном зале самого большого киевского клуба, называвшегося Купеческим, в конце Крещатика над Днепром, бывали вечера наших курсов. Огромные афиши о них задолго привлекали внимание публики, пестря фамилиями лучших оперных и драматических артистов Киева. Бывали у нас и приезжие гастролеры с большими именами и надо признаться, что если приглашали мы артистов за определенный гонорар (по 100-150 рублей за выступление), то почти все артисты отказывались от своего гонорара, или же приняв конверт с деньгами, выходили в зал выпить бокал шампанского в киоске и бросали на блюдо этот нераспечатанный конверт.

Концерт был обычно в двух больших отделениях. Начинался часов в 8. Студенты ездили за артистами и привозили их в клуб в хорошем парном экипаже (автотакси тогда еще не существовало).

После концерта часов в 11 с лишним начинались танцы при двух оркестрах военной музыки, сменявших друг друга. Поэтому танцы ни на минуту не прекращались.

Все билеты бывали заблаговременно проданы и клуб битком набит публикой: были тут и профессора с женами, студенты, чиновники, военные, даже генералы, адвокаты, врачи, инженеры. На наших вечерах было весело, так как чопорность великосветских балов тут не чувствовалась: кавалеры приглашали дам, не будучи им представленными. Через весь зал летели шуршащие ленточки серпантина, сыпался пестрый дождь конфетти, взлетали под потолок воздушные шарики, толпясь в хрустальных люстрах и карнизах. А в боковых гостиных, на бархатных диванах под огромными пальмами собиралась серьезная не танцующая публика, завязывались серьезные разговоры и споры – главным образом о пьесах и книгах, новинках сезона.

Тем временем в буфете шла бойкая торговля мороженым, ситро, конфетами, пирожными и бутербродами, которые, конечно, мы закупали оптом по пониженной цене, а продавали вдвое выше магазинных розничных цен: пятиконечное пирожное покупали мы за три с половиной копейки, а продавали по ресторанной цене по 15 копеек, а под утро – по гривеннику. Мороженое шло по 50 копеек порция. Кавалеры на перерыве угощали дам между танцами всеми этими яствами, а в большом зале, в наружно задрапированных киосках артистки продавали живые цветы и шампанское, свои портреты и художественные открытки. Бывало, что богатый человек бросал на блюдо за бокал и сторублевки.

В перерывах между танцами разыгрывали в американском аукционе букет или бутылку вина. За лучший танец выдавали призы – вообще было очень оживленно и весело.

Когда же объявляли мазурку, в которой дамы приглашали кавалеров – у нас считалось шиком пригласить старого важного профессора и, тот, польщенный, долго отказывался, а потом проходил два-три раза по залу, со старинной лихостью и шиком выделял сложные и довольно трудные па мазурки, этого буйно-веселого польского танца, скоро уставал и, с трудом припав на подагрическое колено, церемонно целовал ручку своей дамы, затянутую в тесную лайковую перчатку, и, обмахиваясь белоснежным носовым платком, вел ее на место, довольный тем, что его выбрала одна из его молоденьких и робких в аудитории учениц.

Большинство курсисток имело хотя бы одно бальное платье, которое тщательно береглось и разглаживалось перед каждым вечером, но самые бедные курсистки приходили на вечер в беленькой или розовой шелковой блузочке и порой в той же темной юбочке, в которой бывала на лекциях. К чести нашей надо сказать, что никто на это не обращал внимания: все здесь были равны, все были курсистки на своем собственном студенческом вечере.

Бал кончался под утро. Профессора давно разъехались по домам со своими родственными или тощими супругами; уехали и артисты. В залах становилось свободнее и в окна заглядывал бледный зимний рассвет, и тогда, наконец, смолкали томно-тягучие мелодии последнего вальса, и последние ленточки серпантина опутывали последние пары, с дремотной улыбкой скользившие по тускневшему паркету.

Тогда в буфете собирались члены нашей хозяйственной комиссии и подсчитывали выручку. Обычно чистая прибыль доходила у нас до полутора-двух тысяч рублей. Дня через два комиссия устраивала заседания и рассматривала все поданные заявления о помощи, причем фамилии подавших заявления и содержание заявлений хранились в строгой тайне.

Львиная доля выручки шла на уплату за право учения. Платили мы по 100 рублей в год, по 50 рублей в семестр, причем можно было уплачивать эти 50 рублей в два приема. Кое-кому снижали плату по постановлению профессорского совета. Иждивенцы профессоров обучались бесплатно. Человек 10 получали стипендию. Эти стипендии учреждались умершими профессорами и некоторыми частными лицами – по завещанию и распределялись так, как указывал в завещании завещатель. Остальным нуждающимся помогали мы сами.

Попадались заявления и с другими просьбами: например – помочь купить теплое зимнее пальто, на лечение и усиленное питание, на покупку галош. Если на всех выручки не хватало, просили знакомого врача или адвоката пустить подписной лист, или кто-нибудь из нас жертвовал какую-нибудь вещь, например отрез шелка на блузку, ценную книгу, гравюру и т.п., и ее разыгрывали в лотереи. Билет бывал по 10 или по 25 копеек, всех билетов делали штук 200-300 и таким образом находили возможность быстро помочь беде. Билеты раскупали быстро и охотно. Мы делали все от нас зависящее, чтобы повернуть дело как можно быстрее. О том, какой билет выиграл – вывешивали объявление. Счастливице выдавали выигрыш и не раз она отказывалась от него, чтоб еще раз пустить ту же вещь в оборот и этим удвоить собранную сумму.

Так и жили, и учились мы шумной, трудолюбивой спянной массой, точно пчелки в своем улье, любили науку, но и любили повеселиться, потому что были молоды. Толь-

ко такие фанатички занятий, как я, позволяли себе веселиться и до упаду танцевать на балах и вечеринках только тогда, когда все экзамены сданы и в матрикуле появлялось несколько новых «отлично». Тогда на душе не было камня при мысли, что что-то осталось непройденным и недоработанным.

В политическом отношении курсистки в значительном большинстве были настроены прогрессивно, но участвовали в подпольной работе все-таки единицы. При случае мы все без исключения оказывали подпольным товарищам посильную и самоотверженную помощь и небольшие услуги: прятали у себя пачки нелегальной литературы (листочков и прокламаций) сообщали однокурсницам и кому нужно какие-то адреса, предупреждали об аресте. И даже настроенные отнюдь не прогрессивно, в таких случаях честно отказывались исполнить поручение, но ни одна не пошла на такую подлость, чтобы кого-нибудь выдать охранке.

И вместе с тем мы были почти поголовно политически безграмотными. Знали, конечно, по газетам, что есть в России эс-эры, эс-деки, анархисты. Знали. Что все они вместе взятые хоть и по разному стремятся, как тогда выражались «к ниспровержению существующего строя», но чего хотят, когда наконец совершится это ниспровержение – почти никто из нас себе не представлял.

Зато совершенно искренне, всей душой ненавидели жандармов, цензуру, шпионов, ссылку, тюрьмы, знали, что за границей куда свободнее, что там наши полит-эмигранты свободно говорят и думают, пишут и провозглашают то, чего наш царизм не допускает, за что арестовывают, приговаривают и ссылают. Знали, что крестьянам надо дать землю, а рабочим восьмичасовой рабочий день и пенсии на старости лет, что надо разрешить профсоюзы, дать женщинам равноправие. Но... дальше наши знания мало у кого простирались.

И вдруг в нашу кипучую трудовую жизнь ворвалась буря.

В Мадриде террорист Фареро стрелял не то в короля, не то в какого-то чиновника. Его схватили и приговорили к смертной казни. По этому случаю по всей России прокатилась волна политических забастовок протеста. Забастовал полностью Политехнический институт и частично университет. Медицинский институт пока продолжал работу. Явились к нам делегаты политехники, призывая присоединиться к забастовке.

Начались бурные сходы. Образовался забастовочный комитет. На ряде сходов выносили резолюции о том, что надо прекратить занятия. Но профессора, несмотря на посланные им письма, продолжали аккуратно являться на лекции. Тогда в некоторых аудиториях сделали химическую обструкцию сероводородом. На лестницах и коридорах тянуло на рвоту. На химическом отделении и на «чистой» математике занятия совершенно прекратились. Наш факультет растерялся и разошелся во мнениях. Наши «правые», а таких было у нас 10% – решительно высказывались за продолжение занятий. Стипендиантки пришли в ужас, потому что тогда стипендию назначали с первого курса на все годы пребывания на курсах и за участие в забастовке они бы лишились ее, то есть остались на улице. А остальные просто растерялись и не знали как быть и кого слушать. Профессора никому ничего не советовали, а черносотенцы грозили репрессиями. Два-три профессора объявили себя больными и даже легли в постель, но мы понимали, что это просто уловка. К такой же тактике прибегли и некоторые курсист-

ки и просили директора отпустить их домой под предлогом болезни родных или разных других семейных событий. Так между прочим, удрала в Лубны моя Галя.

Я тоже не знала что делать: приходила на курсы и часами слонялась в коридорах, или ходила на сходки чужих курсов и факультетов, не зная, как быть. С одной стороны удивляло, что у нас казнят чуть ли ни каждую неделю, а мы спокойно миримся с тем, что гибнут в застенках наши лучшие люди, а за какого-то Фереро надо заступаться всей молодежи нашей страны. Спрашивала у папы, а папа на этот раз умывал руки и говорил, что надо мне начать жить самостоятельно и решать самой, что делать. А дядя Коля, старый подпольщик уехал в Бельгию надолго и не у кого было добиться ответа на все мои недоуменные вопросы. В среде же курсисток я никогда не раскрывала своей души, может быть потому, что выросла одиночкой и привыкла все тяжелое переживать втихомолку и в одиночку.

В эти дни собрались на экстренное собрание все наши старосты, издательницы лекций и все наши отдельные финансовые и хозяйственные комиссии. Стали совещаться как быть, потому что забастовка больно била самых бедных курсисток, так как вся наша благотворительная работа замерла. Пригласили представителей забастовочного комитета, изложили нам все наши соображения на счет стипендианток и получивших скидку в уплате за право учения на основании справки об успеваемости. Заговорили и мы издательницы, так как профессора продолжали читать лекции даже тогда, когда в аудитории было всего два-три человека. С одной стороны не хотелось нам разбивать коллективный протест всего студенчества, но с другой стороны ни один профессор не станет читать лекций на бис, когда занятия войдут в свою колею и тогда весь курс, а порою и два-три курсов сразу останутся без пособия к экзаменам, потому что спрашивать-то будут всех и по всему курсу, и в том числе и по лекциям, прочитанным в пустых аудиториях.

Споры были бурные и долгие. Решили, что стипендианткам и льготникам по взносу платы представить полную свободу поступать, как они считают необходимым, издательницы же должны являться на курсы, но оставаться в коридорах до той минуты, когда профессор взойдет на кафедру и приступит к чтению: значит, все равно в аудитории есть хоть две-три души и лекция будет считаться состоявшейся. Тогда надо быстро войти и приступить к записи. Если же профессор не захочет читать двум-трем человекам, или же будет колебаться, как ему быть – не пополнять своей особой его аудитории, пока она сам не решит, что следует читать и ни в коем случае не просить его приступить к чтению, даже не попадаться ему на глаза.

На это, скрепя сердце соглашались и некоторые члены забастовочного комитета. Не трогали нас и пикетчицы, знавшие, что мы «издательницы».

Все это было мне очень неприятно и тяжело. Чувствовалось, что в этом есть какой-то компромисс и вместе с тем Испания была так далека...

Так продолжалось около недели, как вдруг наши друзья и сторонники, прогрессивные профессора, до тех пор почти всегда срывавшие у нас лекции, известили что в учебном округе получен секретный циркуляр Министерства народного просвещения, как называли мы ведомство Кассо – немедленно закрыть и ликвидировать навсегда

Киевские высшие женские курсы, если забастовка охватит все факультеты и курсы без исключения.

Из горького опыта времен Александра III-го и Александра II-го мы знали, что правительство сдержит свою угрозу и что мы навсегда лишимся возможности закончить и продолжить свое высшее образование. К тому же времени отпала и причина забастовки: Фареро был казнен и теперь никакие протесты не могли вернуть ему жизнь. И занятия наши быстро вошли в колею.

Но долго еще курсы гудели горячими спорами в перерывах между лекциями и возле вешалок и на улице, когда мы расходились домой.

На четвертом семестре заканчивалось у нас чтение философского цикла. Читал историю средневековой и новой философии, приват-доцент Ананьян, заменивший Якубаниса, читал этику и на первом курсе – логику.

Заканчивался и курс истории западно-европейской литературы, которую читал нам Бокадоров.

Бокадоров, донской казак, не был профессором: он преподавал русскую литературу в Киевском кадетском корпусе и у нас числился просто преподавателем, читал он всегда по тетрадке, что снижало качество изложения и так довольно посредственного. Читал сумбурно, сентиментально и многословно. Правда материал был редко интересный, что самые факты спасали его от скуки. Я уже прослушала у него историю литературы итальянской эпохи возрождения, курс испанской драмы, Сервантеса и Шекспира. Теперь читал он нам французскую литературу 16-18 веков. Кроме того ему же почему-то поручили прочесть у нас курс исторической поэтики и психологии творчества, хотя последний предмет относился к философскому циклу.

Психология творчества меня очень интересовала. Бокадоров давал нам в области очень мало, но я прочитала все книги, которые он хотя бы мельком упоминал на своих лекциях, а в лекциях его из водички жадно выуживала каждую, пусть крохотную крупинку знания.

Читал Бокадоров либо в куртке хаки военного образца с погонами военного педагога, либо в таком же форменном черном сюртуке, тоже с погонами, но покроя как у военных моряков под горло, а с отворотами, из-под которых виднелся крахмальный воротничок и галстук. Это был толстяк лет 36, с курчавыми темно-каштановыми волосами и длинными усами – горизонтальными стрелками. Читал он нараспев басом, сентиментально закатывая глаза и слащаво смаковал любовные мотивы Петрарки и прочих лириков. Он был холост, на экзаменах спрашивал легко, почти всем ставил «отлично» и видимо был очень доволен собою. А мы в грош его не ставили и даже испытывали досаду, что не нашлось для нас настоящего ученого, чтобы вести такой ответственный курс.

Бокадоров пописывал стишки, цитировал непереуеванные сонеты Петрарки по своим бесцветно-водянистым переводам, стихосложение знал, но не чувствовал его, так как для огромного большинства курсисток всякое стихосложение было китайской грамотой – его знаний в этой области почти хватало. Вечно ссылался он при этом на Шульговского, хотя в книге Шульговского очень много полезных указаний, но ни капли таланта.

Весь курс западно-европейской литературы от Ренессанса до наших дней надо было сдать не по семестрам, а сразу при переходе на третий курс. Все четыре славянские литературы сдавались также все вместе за первые четыре семестра. Без отметок по этим предметам нельзя было слушать дальнейших предметов, поэтому на втором курсе было очень много работы и я буквально разрывалась: я вела записки по нескольким предметам одновременно и кроме того слушала на романском отделении провансальскую поэзию, которую читал на французском языке, вновь приехавший из Парижа доцент из Сорбонны мсье Шовен, а на германском отделении скандинавскую литературу нового времени у Шаровольского, и историю искусств на историческом отделении.

В эту весну папа собрался в Москву и Петербург. В Москву звали его на юбилей Ивана Алексеевича Белоусова, праздновавшего 25-летие своей литературной деятельности, а в Петербурге папе надо было побывать по делу с Ольгой Даниловной Федоровской, куда она переехала вместе со своим вторым мужем Штейном. Хотел папа и позондировать почву насчет издания большого сборника своих стихов и задуманного им сборника решений по гражданским делам, пособия для студентов, начинающих судей и адвокатов.

Папе я дала десятка полтора своих стихотворений, чтобы папа устроил их в столичных журналах. Не любила я печататься в газетах, потому что жизнь газеты – всего один день, и мне больно было бы видеть, как старой газетой с моими стихами заворачивают попку или белье, чтоб отнести его в прачечную. Папа ничего не обещал мне, сказал, что стихи при случае покажет друзьям-писателям – и только. Да и я не особенно надеялась на дебют в столице, зная, как труден путь начинающих авторов сквозь лед недоверия чужих незнакомых людей. Боялась я, что и папа, по свойственной ему рассеянности, забудет их в кармане и привезет обратно в Киев, но на этот раз крепко ошиблась.

Вернулся папа в конце мая, как всегда, обвеянный свежим ветром далеких столиц, привез много хороших книг, перезнакомился с массой ведущих писателей (Шмелевым, Борисом Зайцевым, Куприным). Возобновил знакомство с Буниным и Адой Чумаченко, которая была года на 4 старше меня и уж давно печаталась в «Русском богатстве» у В.Г. Короленко.

А я тем временем успела сдать и 4 славянских литературы, и всю западную литературу, и все философские дисциплины.

Юбилей Белоусова прошел очень торжественно: если он, как оригинальный поэт не был знаменитостью, то все же публика его знала и ценила. Стихи его были безыскусственны и сердечны. Но главная заслуга Белоусова была в том, что он перевел почти всего «Кобзаря» Шевченко на русский язык, издал его и таким образом познакомил широкую публику с великим основоположником Украинской литературы. Если некоторые стихотворения Шевченко ему трудно давались, он просил других поэтов их перевести. Перевел для его издания несколько стихотворений Шевченко и папа (Титаривку, «Як був би ти, Богдане п'яний» и еще 4-5 вещей). Когда было столетие со дня рождения Шевченко, Белоусов в Москве организовал чествование памяти

Великого кобзаря. Вот почему на юбилей Белоусова отозвались и Украина и послала ему не одно сердечное приветствие и поздравление, а папа лично присутствовал на юбилее от Киева и Киевской русской прессы.

Папа невинно захватил с собой в Москву и мой альбом, в который я собирала автографы писателей и Белоусов вписал мне на память в этот альбом свое стихотворение, которое мне особенно нравилось:

Помню в детстве мы ходили
В церковь с нянею, «к страстям»
И с зажженными свечами
Мы стояли долго там.
 Поздним вечером из церкви
 Возвращались мы домой.
 Пламя свечи я от ветра
 Загораживал рукой.
Мне хотелось, чтобы свечка
Не погасла на пути –
И старался осторожно
По дороге я идти.
 Шли года...Другие свечи
 Загорелись предо мной;
 Свечи правды, свечи знания,
 Свечи истины святой.
Вот когда бы эти свечи
По тернистому пути
До последнего приюта
С детской верой донести!

В Москве папа, конечно, побывал в родной редакции «Детского чтения» и «Педагогического листка». И Тихомировы приняли для «Детского чтения», которое тогда было переименовано в «Юную Россию», одно мое стихотворение «Васильки», а папиных стихов приняли сразу довольно много.

Из Москвы папа поехал в Петербург и там побывал в «Вестнике Европы», где редактором литературного отдела был академик Овсяннико-Куликовский, которого я особенно ценила и уважала, как великого ученого и считала, что его психологический метод куда выше филологического метода Перетца и Лободы, господствовавший в Киевском университете и на наших Высших женских курсах. Об Овсяннико-Куликовском как большом и великом ученом я не раз беседовала с папой, восхищалась его методом, его колоссальной эрудицией, его книгами о Гоголе и Пушкине, о Тургеневе, а больше его чудесными этюдами в области психологии творчества.

При знакомстве папа рассказал о наших беседах Дмитрию Николаевичу и он был очень тронут тем, что в Киеве есть люди, для которых он и авторитет и любимый уче-

Но чем нарядней он – тем холоднее.
В игре сонета зноя, жизни нет.
Как нет огня в эфирном сердце феи.
 Но миг слепит его бенгальский свет,
 Тепличный блеск нарядной орхидеи
 Таит в себе сверкающий сонет.

В Петербурге папа встретился и с супругами Могучими, издававшими в Риге журнал «Тихие струны». Могучие жили раньше в Киеве и папа долго руководил их первыми литературными опытами, устроил им дебют в печати, и теперь, занявшись издательской деятельностью, они взяли у папы одно мое стихотворение, не помню только какое именно, кажется это были мои «Яблони».

Но больше всего забот приложил папа к тому, чтобы устроить мою «Völuspo» из первой космогонической песни из «Старшей Эдды» Семунда Мудрого. В «Вестнике Европы» такой вещи не могли напечатать как слишком специальной и слишком трудной и малодоступной для чтения средним читателям с обычным законченным средним и высшим образованием. По совету Овсяннико-Куликовского папа прежде всего предложил ее редактору «Журнала Министерства народного Просвещения» академику Радлову, куда и Шаровольский советовал мне обратиться в первую голову.

Радлов сказал, что памятников германской филологии они не печатают с тех пор как в это время начал выходить «Нео-филологический Вестник», специальный журнал по германо-романской филологии, редактором которого был как раз нужный мне специалист по древнегерманскому и скандинавскому эпосу, академик Федор Алексеевич Браун. К нему то и обратился папа.

Не читая моего перевода, но тут же посмотрев его, Браун сказал, что ему достаточно одной рекомендации Шаровольского, слишком крупного специалиста в этой области, чтобы считать перевод заслуживающим внимания, но беда в том, что у них уже в наборе имеется другой перевод Эдды, сделанный С.Петербургской филологичкой Свириденко, которая перевела не одну «Völuspo», а всю «Старшую Эдду» дословно целиком.

– Но, – добавил Браун, – Свириденко не поэт, а ученая. Перевела она «Эдду» очень точно, строка в строку, с соблюдением всех требований научного перевода, но так тяжело, неуклюже и сухо, что ни одна душа, кроме узкого круга германистов-филологов, не станет читать ее перевода. Перевод же вашей дочери – художественное произведение, которое может читать всякий образованный человек и с большой для себя познавательной пользой. Поэтому нельзя медлить: ближайший номер «Неофилологического вестника» выйдет в следующем учебном году, а вам надо добиться, чтобы «Völuspo» вышла раньше: если не возьмут в общелитературный журнал, как слишком специальный материал – выпускайте ее отдельной брошюрой, чтоб сохранить за собой приоритет.

Прощаясь, с папой вписал мне в альбом четыре строки из «Эдды» по древнеисландски, где добрых 13-14 веков тому назад говорит автор Эдды:

Умирают стада, умирают люди, звезды умирают в небесах, но песня, однажды спетая скальдом, никогда не умрет на земле...

Никогда не ожидала я, что папа привезет мне столько радости из столицы. Два дня ходила я как во сне и радость моя вылилась в таком стихотворении:

Я сегодня – в царстве грезы,
Грезы радостной и вешней:
Улыбаюсь я сквозь слезы
Расцветающей черешней.
А ведь небо – в тучах мгlistых.
Серой сеткой дождик льется.
Бисер капель серебристых
По дорожкам сада бьется.
Что мне тучи, что ненастье:
Я сегодня – в царстве сказки.
Мне сегодня светит счастье
Светом радости и ласки.

Особенно потрясло меня, что мои стихи принял сам великий Овсяннико-Куликовский в «Вестник Европы», самый монументальный из всех «толстых» журналов России, на страницах которого некогда появлялась повесть и рассказы Тургенева, где были напечатаны его «Сенилиа» (стихотворения в прозе). Волна горячей благородности папе переполняло мое сердце.

Но только с одной Галей, да и то под большим секретом, поделилась я своей тайной. На курсах я ничего никому не сказала, даже Шаровольскому. Прошел месяц и другой – и вот стали приходить журналы и газеты с моими стихами. Почтальон приносил авторские экземпляры журнала и оттиски, которые каждый журнал бесплатно высылал каждому автору. Стали поступать и гонорары. Особенной точностью отличался «Вестник Европы». Выходил он с точностью хронометра первого числа каждого месяца и ровно в 10 часов утра первый почтальон приносил мне авторский экземпляр и бандероль с оттисками, и ровно в 4 часа дня третий почтальон денежный перевод. Платили они за стихи рядовым поэтом, как я по 50 копеек за строку, а таким, как Бунин, по 2 рубля. «Нива» платила по 30 копеек за строку, газеты, как «Биржевые ведомости», «Южный край», «Одесский листок» – по 25 и по 30 копеек за строку, а «Современный мир», тоже толстый и весьма почтенный ежемесячник, считавшийся марксистским изданием – дороже всех: по 75 копеек за строку.

Это было много дороже, чем гонорар «Киевских вестей», который за «Песню Наяды» заплатил по 15 копеек за строку, впрочем, так же дешево платила и богатая эс-дековская «Киевская мысль».

На деньги от стихов смотрела я – как на священные. Мне казалось, что их нельзя тратить на что попало. Они должны быть источником чего-то умного, или прекрасного: на них покупала я сборники стихов лучших поэтов на русском и на французском языке Тютчева, Майкова, Полонского, Фофанова, Верхарна, Гюго, Мюссе, Роденбаха, Верлена. На них покупала я зимой живые цветы: ветки желтой кавказской мимозы, гиацинты, камелии. На них брала билеты на Скрябина и Рахманинова, на гастроли Собинова

и Шалапина – вообще «на аромат души человечества», как призналась я маме, на все, что помогает вдохновенью, взлету души над землей.

Лето мы снова проводили в Святошине, в своем скромном уединении, среди цветов, шороха сосен, бесед с папой о поэзии, среди книг и любимых авторов, которых мы с мамой читали друг другу вслух. Мама моя от души радовалась моим успехам в науке и творчестве, гордилась мною, но узнавала я об этом стороной, потому что мама не любила баловать детей захваливанием и никогда не баловала нас нежностями.

Это было очень мудро с ее стороны, зато редкое слово нежности мы ценили как высочайшую награду.

В это лето прибилудилась к нам наша любимица кошка, которую Воля прозвал «Лэди Провост». Собственно говоря, сначала прозвали ее просто Лэди, но в газетах промелькнуло известие, что в Англии некая леди Провост устроила большое литературное празднество в честь русских театров и деятелей русского искусства и литературы. Мы почему-то запомнили эту фамилию, а маленький Воля, большой по натуре юморист и сатирик русифицировал фамилию чопорной английской леди и окрестил ею нашу кошку.

А кошка была по своему замечательная.

Явилась она к нам впервые как-то вечером, когда мы пили на террасе вечерний чай, обнюхала нас и сама первая приласкалась. Мы угостили ее большим блюдечком молока и чем-то мясным. Затем она деловито осмотрела нашу дачку и куда-то исчезла. Через минут двадцать она явилась к нам с уже зрячим котенком в зубах, положила мне его на колени и снова исчезла. Так за один вечер перенесла она все свое потомство – четырех прелестных котят: одного серебристо-голубого, как голубой песец, с длинной пушистой шерстью, другого черного, как кусок антрацита, третьего тигрового и четвертого, как она сама серого с белыми лапками и мордочкой.

Мама разрешила оставить у нас кошку на лето с условием, что осенью мы подарим кошку, а котят раздадим добрым заботливым людям. Мы с Волей страшно обрадовались: уж много лет не было у нас ничего живого. Мигом устроили для котят теплое гнездышко из мягкого сена и ваты в углу сарая, и кошка поняла, стала к нам ласкаться и почувствовала себя как дома.

Мать была изумительная. Своих котят окружала она необычайною нежностью, играла с ними, облизывала так аккуратно, что ни на одном котенке не было ни пылинки. Смело бросалась она на собак втрое больше ростом, так что огромные собаки в ужасе убегали, спасались от ее бешеного наскока, от ее неистово сверкающих глаз и острых когтей.

Изумительно обучала она своих детей всему, что полагается знать каждой кошке. Возьмет котенка в зубы, влезет метра на два на дерево, посадит котенка на сук – и спрыгнет на землю, а с земли зовет его самыми нежными воркующими интонациями, как бы говоря:

– Не бойся: опускайся смело, милый: не разобьешься.

По вечерам приносила она котяткам живую рыбу из пруда, для нас это было загадкой: лапки сухие, мордочка сухая, а живая рыбка в зубах. Воля решил это выяснить и подстерег ее на рыбной ловле: оказывается ночью караси и лини подплывали к самому берегу и спали, уткнувшись носом в береговой песок у самой поверхности воды.

Кошка засветло залегала у самой воды в траве и, заметив спящего караса, одним взмахом лапы подхватывая его когтем в зубы и мчалась туда, где резвились котятка.

За лето мы очень привязались к нашей Лэди Прохвост и перед отъездом Воле пришлось пережить тяжелое детское горе – прощание с Лэди и ее котятами.

К а ж д о м у из них мы подыскали добрых и заботливых хозяев, живущих круглый год в Святошине: голубую красавицу Муфточку мы подарили мадам Лесиш жене владельца большого садоводства, белую Пушинку – профессору Эйхельману, у которого папа в свое время слушал лекции. Тигренка взяли наши соседи Селиховы, а Черного чертика у нас украли.

Помню, относили мы котят вдвоем с Волей. Воля всю дорогу прижимал котенка к сердцу и в темных глазах его стояли еле сдерживаемые слезы, а губки чуть вздрагивали от горя. Мадам Лесиш заметила, как он страдает и чтобы хоть немного его утешить сорвала для него лучший персик своих шпалер и подарила вазон каких-то ароматных цветов, похожих на крестики матиолы, но точно сделанные из стеарина и воска, как цветы туберозы.

Лэди Прохвост осталась у сторожа на соседней даче, который присматривал зимой и за нашей дачей. На следующее лето не успели мы распаковать, как Лэди Прохвост снова явилась к нам и вскоре родила нам таких же прелестных котят, в том числе вторую сизо-голубую Муфточку.

Года четыре проводила у нас лето эта умная кошка. Когда бывали у нас гости и мы шли провожать их в трамвай, Лэди шла вместе с нами и сидела возле остановки, покамест гости не сядут в вагон, а потом возвращались с нами обратно на дачу. Мы все больше к ней привязались, но на четвертое лето Лэди к нам не пришла и сторож рассказал, что умерла она от тяжелых родов.

Летом 1911 года я не только отдыхала, но и много занималась и осенью сдала два целых курса по русской литературе и историю римской литературы у профессора Кулаковского.

Этот экзамен оставил во мне неприятный осадок: во-первых, мы всегда держали у профессоров экзамен по одиночке. Все экзаменующиеся оставались в коридоре, а в аудиторию входила только та, чья очередь отвечать. Билетов у нас не было, спрашивали по всему курсу без обдумыванья. Обычно профессор спрашивал один, хотя по правилам полагался ассистент.

У Кулаковского все было наоборот. Всех экзаменующихся он сразу пригласил в аудиторию. Мы расселись по партам, он задавал вопросы всей группе и затем тыкал пальцем, в одну из присутствующих и та должна была ответить. Не дослушав ответа, он вдруг махал на нее рукой и тыкал в другую и та должна была на лету подхватить неоконченную мысль и продолжать прерванный на полуслове ответ. Потыкавши так во всех нас в течении двух часов, он собирал все наши лекционные книжки и ставил отметки. «Отлично» у него не существовало, зато «удовлетворительно» получали те, кто ничего не знал, а в том числе и многие готовившиеся на совесть, но терявшиеся от такого несерьезного метода проверки знаний.

Я была возмущена. Стоило копаться в комедиях Плавта и Теренция, во всей лирике Тибулла и Проперция, Катуллы и Овидия, изучать их стихословие, читать

Горация и Цицерона, Ливия и Тацита и даже «Декамерон» Петрония, чтобы наравне с чисто ученическим стандартным ответом получить такое же «весьма». Но... большинство курсисток было довольным, потому что можно было легко сдать экзамен, вовсе не готовясь к нему, так как перед каждой из нас лежали наши записки и мы их свободно перелистывали, отыскивая нужную страницу.

Утешило меня только то, что на государственных экзаменах все равно не ставят «отлично» и значит эта злополучная отметка утонет в общей массе таких же «весьма»

Осенью, на третьем курсе, я вышла из состава «издательниц», так как рука моя серьезно разболелась: пришлось ее электризовать, массировать и по вечерам подолгу держать в тазу с горячей водой.

В эту зиму у нас в программе были самые трудные и громоздкие предметы факультета: санскрит у ненавистного Кнауэра, сравнительная грамматика индо-европейских языков у него же, славянские языки и сравнительная грамматика славянских языков и греческий язык Витольда Павловича Клингера. Были и интересные предметы: палеография у Флоринского, практические занятия по философии для желающих, история русской прессы. Был еще необязательный курс Византийской литературы у Кулаковского и «Русский театр» у Малинина. Немного позже объявил и Шаровольский историю новоскандинавской литературы. Одновременно слушали мы вместе с историчками обязательный курс русской истории. Древнерусскую историю (удельно-вечевого период) читал у нас Данилевич, Московский и Императорский периоды – Довнар Запольский.

Оба курса по русской истории надо было сдавать одновременно, а оба наших историка были на ножах и часто срывали на экзаменующихся свою взаимную ненависть.

Стоило какой-нибудь курсистке ответить на вопрос «по Довнару», как скрипуче-злбный Данилевич задавал ей ехидный вопрос:

– Разрешите узнать, у какого «историка» вычитали вы подобную нелепость?

А если курсистка на вопрос Довнара отвечала «по Данилевичу», Довнар не упускал случая вздеть руки к небу и воскликнуть:

– И приходится же слушать подобную нелепость! Где вы вычитали нечто подобное! Не раз возмущенная курсистка парировала:

– Прочла то, что написано в лекциях, изданных и одобренных ведущим курс профессором, а если это не так, то я в этом не виновата.

Тут между экзаменаторами начиналась дискуссия, подходящая на перепалку в стиле диспутов между обскурантами и новаторами времен Джордано Бруно и бедная курсистка частенько становилась жертвой разбушевавшихся ученых. Поэтому каждая из нас смертельно боялась идти отвечать, если оба профессора экзаменовали вместе. Со временем их, как зверей, рассадили по разным аудиториям и, на мое счастье я не попала в такой переплет.

Довнар Запольский был большой эрудит и прекрасный оратор. Читал он живо, красочно, с огоньком, поэтому его аудитория была всегда битком набита. Вне курсов это было человек живой, остроумный и веселый, мастер рассказать что-нибудь интересное, мастер поухаживать, даже завести роман с интересной курсисткой, хотя по наружности интересным он не был: средних лет, с легкой проседью в гриве косматых

волос, с козлиной бородкой, придававшей ему нечто от Мефистофеля с живыми серыми глазами.

Мы зачитывались его монографиями о Николае первом и об Александре первом, его блестящим исследованием об Иване Грозном. В политическом отношении Довнар был человек ярко прогрессивным, не скрывавший своей ненависти к нашему отнюдь не просвещенному абсолютизму. В лекциях излагал материал с экономическим и юридическим анализом каждой эпохи момента, был резко настроен против религии и клерикализма, в особенности – против католичества и пользовался большим восторженным уважением, почти поклонением всех историчек.

Данилевич был полнейшим контрастом Довнару. Худощавый, смуглый жгучий бронец с длинным лицом и косматыми бровями, в пенсне на длинном носу, читал медленно и скучно скрипучим голосом, назойливо и упрямо пережевывая серые и ограниченные мысли и слова. Чувствовалась в нем бездарная тупица, с трудом овладевающая наукой и ползущая по научным фактам без взлета, как уж из горьковской «песни о Соколе». Его аудитория только потому не пустовала, что курсистки его боялись и принуждены были его записывать, так как он запрещал издавать свои лекции даже «на правах рукописи», очевидно, чувствуя, что они могут подвергнуться жесточайшей критике любого ученого. Но... мы все-таки тайком издавали его литографированный курс. На экзаменах он был мелочно придирчив. Если Довнар славился как женолюб и даже развратник, то Данилевич всячески подчеркивал, что презирует женщин и старался каждую курсистку обвинить в недомыслии и глупости, причем любовь к изящному и художественному злобно отождествлялась с распущенностью и глупостью. В политическом отношении он, конечно, был черносотенцем. Его даже подозревали в том, что он подобно богослову Светлову, связан с охранкой.

Года два-три спустя, появились у нас другие историки Смирнов и Сташевский – оба свежие талантливые люди, но мне уж не пришлось их слушать.

Училась я не ради прав, не ради диплома, и никогда даже во сне, не мыслила себя в будущем педагогом, поэтому записывались на все предметы, которые значились в программе, но лингвистику считала неизбежным злом, вроде насморка при поносе, а сама искала на курсах только расширения знаний и умственных горизонтов. И поэтому со стороны казалось, что я мечусь, разбрасываюсь между всеми отделениями и специальностями, а на самом деле в моих поступках был и план и четкая целеустремленность: на историческом я слушала историю искусств всех времен и народов и предметы археологические: нумизматику, Леонардо да Винчи, фламандскую и испанскую живопись, «Старый порядок во Франции», которые читал нам Ардашев, историю Византии, часто бывала на лекциях блестящего биолога Севернова, которого вскоре переманила из Киева Москва, – вообще везде и всюду искала того, что может когда-либо приходиться мне, как писательнице.

Практических занятий по русской литературе полагалось по программе 4 семестра, в этом же году разрешили один из 4 семестров посвятить практическим занятиям по философии за счет русской литературы.

Я не преминула этим воспользоваться и записалась на практические к Гилярову, а Гиляров подобрал мне тему по душе «Взгляды французского философа Габриэля

Сеай на проблему гения в искусстве». За эту тему никто не брался, так как книга Габриэля Сеай не была переведена на русский язык, владеющих же французским, как русским на факультете, не оказалось, кроме меня.

Задача было несложной: пересказать содержание книги, его теорию, а затем сопоставить ее с другими существующими теориями гениальности, а потом разобрать, кто из них прав и какие есть в каждой из этих теорий внутренние противоречия, логически ошибки или пробелы.

Если Чезаре Ламброзо говорил, что гений – это безумие (психоз), то Габриэль Сеай, наоборот, утверждал, что гениальность – это высший синтез всех интеллектуальных сил и способностей человека, высшее здоровье, высшая стадия развития, притом гармоничное и закономерное. Теория Сеайля была изложена стройно и последовательно и я, не договариваясь об этом с Гиляровым, сразу стала последовательницей Сеайля и работала над его книгой с большим удовольствием.

Когда реферат был готов и начисто переписан, я подала его Гилярову и он назначил его недели через две к чтению. Рукопись все это время должна была лежать в библиотеке курсов, чтобы каждый желающий мог с нею там ознакомиться и выступить как оппонент. Двух человек Веру Надпорожскую и Попову назначил он официальными оппонентами, которые должны были ознакомиться со всей литературой, которой я пользовалась при работе, и постараться найти в моем реферате пробелы, логические ошибки и противоречия. В этом и состояла роль оппонентов в наших занятиях, чтобы приучить к любой печатной работе, подходить критически и разбирать ее по косточкам.

К сожалению, мои оппонентки плохо знали французский и работа их велась к ознакомлению с моей рукописью и трудами Ламброзо и некоторых других философов.

Чтение назначено было в пятой, самой большой из наших аудиторий. Народу, как всегда, набралась много. Работа моя была настолько объемистой, что пришлось мне читать два раза по два часа каждый раз.

Никаких возражений со стороны моих оппоненток не последовало. Были с их стороны только недоуменные вопросы, на которые я тут же ответила, а остальной народ «безмолвствовал».

Оппонировать мне по существу взялся сам Гиляров, который отметил, что я недостаточно зло и едко раскритиковала теорию Ламброзо и недостаточно подробно изложила теорию Гюйо из его книги «Искусство с социологической точки зрения» и теорию Ипполита Тэна, а в общем нашел, что у меня «железная» логика и очень зоркий глаз на логические ошибки, поставил мне «отлично» и при всей аудитории сказал, что жалеет об отсутствии на нашем факультете специального философского отделения, потому что из меня вышел бы хороший научный работник в области философии. Аудитория приняла мой реферат с интересом и многие говорили мне, что много почерпнули знаний из него по вопросам, над которыми никогда еще не задумывались, но которые должны быть ясны любому желающему стать историком литературы или искусствоведем.

Пришлось мне в эту зиму готовиться к экзамену и по палеографии. Практических занятия по ней я не посещала, потому что они совпадали с другими более интересными для меня предметами, а между тем без практики нельзя было научиться читать

старинные рукописи. Альбом же снимков под ред. Соболевского был на курсах один, поэтому впервые в жизни пришлось мне готовиться к экзамену по палеографии в компании. Первые два раза, я не могла никак приноровиться к тому, чтоб заниматься в коллективе, но дня через три я окончательно освоилась с этой работой и могла безошибочно датировать любую рукопись по шрифту заставке и всем прочим признакам, любую древнерусскую рукопись с точностью до четверти века.

Во втором полугодии я со вздохом облегчения узнала, что по новой программе греческий и санскрит стали предметами необязательными, зато ввели несколько новых предметов, которых мы еще не слушали. Поэтому я сразу перестала их посещать и поскорее постаралась выбросить из головы спряжения греческих аористов, глагола «Эйми» и прочие прелести старой классической гимназии, которые так отравляли детство моего папы и дяди Сашка.

В новой программе вообще лингвистику урезали, расширив историю и курсы по литературе, сделав программу жизненнее и интереснее. Ввели нам, как факультативные курсы политэкономии, и историю русской общественной мысли.

Огромное большинство слависток, конечно, специализировалось по литературе. Любительниц чистой лингвистики было очень мало – не больше десяти человек. Наши лингвистки были, как на подбор, правыми, если не вполне черносотенцами, то во всяком случае правее к-д, зато учились запоем и ничего на свете не любили, кроме своих юсов и аористов и литературу проходили поверхностно, всячески отмежевываясь от живой жизни, а от общественной – в особенности.

Самой усидчивой и я бы сказала самой развитой была среди них Инна Васильевна Попова, дочь тайного советника, инспектора классов киевского института благородных девиц. Инна особенно много работала в области изучения древнецерковно-славянского языка и мы вскоре разгадали причину ее увлечения этим тяжелым и мертвенно-сухим предметом: она влюбилась в Лукьяненко.

И Лукьяненко еще на первом курсе стал выделять ее как лучшую славистку факультета. Как мы вскоре проведали, он стал бывать у них в доме и ухаживать за Инной, очевидно, полагая, что для приват-доцента выгодно войти в семью человека, которого просили в помощники попечителя учебного округа, а может быть, в дальнейшем и в попечители. Когда мы были на втором курсе, Лукьяненко удвоил внимание к Инне и мы уж их считали женихом и невестой, как вдруг отец Инны вышел в отставку.

Это совпало с моментом, когда Лукьяненко избрали профессором Киевской духовной академии, и с этого дня женитьба на Инне потеряла для Лукьяненко всякий смысл и он круто изменив тактику, перенес все свое внимание на другую нашу однокурсницу и приятельницу Инны Поповой Таню Воздвиженскую.

Таня училась много хуже Инны. Зато у Тани был собственный дом на Воздвиженской улице, разделяющей Мариинский парк от Царского сада. Отец Тани, священник, давно умер, мать была жива, но двухэтажный каменный дом принадлежал лично Тане, как наследство от каких-то родственников. Таня была единственной дочерью и имела, кроме того, денежный капитал.

Лукьяненко, очевидно, решил, что Танины средства придутся ему как раз кстати и, неожиданно для всех, он женился на Тане, дородной, румяной девушке средних способностей, медлительной и добродушной.

Узнав об этом, Инна тяжело заболела. Она и раньше была очень слабенькой, худой, слабогрудой. От худобы страдала блуждающей почкой и даже на курсах случались с ней мучительные припадки от этой блуждающей почки. Долго крепилась она, скрывая от всех свое горе, но при здоровой душе – не выдержало здоровье и в 1912 году она умерла от скоротечной чахотки.

Почти одновременно со смертью Инны, Таня родила дочь. Кто-то шутики ради пустил слух, что родила она мальчиков близнецов и в своем церковно-славянском усердии Лукьяненко назвал их Кириллом и Мефодием. Смеху по этому поводу было немало.

Мы жалели Инну, как человека, пострадавшего от чужой жадности, как одну из лучших по учебе курсисток, но как монархистку, человека политически слепого и отсталого не уважали, хотя в обращении и как товарищ, она была очень со всеми мила, отзывчива и любезна, многим помогала заниматься, охотно делилась своими записками и даже оказывала материальную помощь.

Осенью 1911 года, покончив с работой по изданию лекций, я должна была довести до конца расчеты с курсистками по курсу, который издавала я в весеннем семестре 1910-1911 учебного года, потому что из-за отсутствия денег типография задержала на осень печатание последних листов. Собрав с записавшихся последние взносы, и, наконец добившись выпуска последних листов я забрала их к себе на дом, потому что декану понадобился шкаф, где они обычно хранились. И вывесила объявление, что последний лист отпечатан и прошу в такой-то день и час забрать его у меня на квартире.

В назначенный день наши двери буквально не закрывались. Вдруг в общей массе наших слависток-литературоведов является ко мне химичка Миклуха, моя гимназическая подруга, вызывает меня в переднюю и шепотом просит меня по французски спрятать какой-то пакетик, аккуратно завернутый в белую бумагу и перевязанный ленточкой, точно коробка шоколадных конфет. Вместе с тем сунула она мне и измятый рубль от моей однокурсницы Жени Денской, приятельницы Миклухи еще по гимназии – за лекции.

– Принеси завтра Жене лекции на курсы, отдай вместе с этим, – шептала она с видом заговорщицы.

– _____, – добавила она еще тише.

– Что это? – спросила я, взяв пакетик.

– Литература. Нелегальщина, – прошелестела Миклуха еще тише. И щелкнув челюстями, что должно было изобразить улыбку, выскользнула на лестницу.

Я сунула Миклушкин пакет на верхнюю полочку нашей вешалки и стала снова раздавать лекции, а перед сном забрала пакет в свою комнату, чтобы горничная не подумала его развязать, и сунула за книги на этажерку.

Поздно засиделась я в тот вечер за книгами. Папа вернулся из театра, но я так устала, что не вышла к нему побеседовать и стала ложиться. Вдруг кто-то резко позвонил. Папа подошел к двери, стал с кем-то говорить, потом сбросил цепочку и постучался ко мне.

– Зина! К тебе. Обыск!

Я обомлела, но вынести Миклухин пакетик я не могла. Трясущимися руками застегнула платье и открыла дверь. На пороге стоял жандармский офицер, а за ним виднелись серые кители.

– Спокойно, мадемуазель. Садитесь сюда, – поставил он стул посреди комнаты и кивнул своим спутникам.

Один бросился перерывать мою постель, другой к туалету и письменному столу, а офицер подошел к этажерке и стал рыться в моих книгах и в общих тетрадях. Каждую книгу он тщательно вытряхивал, просматривал мои записки – и вдруг вытащил Миклухин пакетик. В нем оказалась сотня или даже больше листовок, отпечатанных на шапирографе.

– Тээж-с, – торжествуя процедил офицер и обернулся к папе, с безмолвным отчаянием стоящему в дверях. – А вы изволили утверждать, что у вашей барышни не может быть ничего нелегального.

– Это не мое! – вырвалось у меня против воли.

– А чье же? – иронически улыбнулся ротмистр.

Я смешалась, но вдруг перехватила взгляд папы, показывающий на кучи нерозданных лекций.

– Это... Это кто-то забыл у меня сегодня. Я думала – шоколад, – с решимостью отчаяния вырвалось у меня и, снова, поймав взгляд папы, я заговорила смелее, решительнее.

– Я издаю лекции. Посмотрите. У меня пуда два нерозданных листов. Сотни курсисток на них подписываются, а сегодня у меня перебивала их целая толпа. Ну и кто-то забыл этот пакет.

– Таких вещей не забывают, – усмехнулся ротмистр в усы. – Придется привлечь вас, барышня к законной ответственности за хранение нелегальной литературы с целью пропаганды ниспровержения существующего строя.

Я похолодела. Это пахло двумя-тремя годами ссылки на Дальний север.

А обыск шел своим чередом. Я сидела окаменев и лаконически отвечала на его вопросы, боясь смотреть на папу.

Ушли они в четвертом часу, взяв с меня под папино поручительство подписку, что завтра я должна явиться в жандармское отделение. Это не предвещало ничего доброго, а папа метался по моей комнате, как раненый и возмущенно повторял:

– Гибнуть из-за этой дегенератки. Ведь, это патологический тип, наполовину невременяемый! Разве честный конспиратор так поступает! И разве можно таким людям соваться в подполье. Она и себя погубит и провалит всю организацию, а заодно и таких доверчивых глупышей, как ты, – твердил он в отчаянии. – Сколько раз давала ты мне честное слово не ввязываться в политику. Что наши товарищи делают великое дело – это факт, но чтобы ты гибла из-за кучки листовок – это безумие, это так же нелепо и ужасно, как если бы ты прыгнула с нашего балкона вниз головой.

– Но пойми, что я не могу сделать подлость и выдать Миклушку, – повторяла я в слезах.

– Не говори глупостей! Никто тебе такой гадости не советует. Твердо держись одного: «кто-то забыл, или в крайности подбросил, а я ничего больше не знаю». Ну, а я нажму все пружины, чтобы тебя спасти.

Успокоившись, мы стали с папой советоваться о деталях и вдруг мне пришел в голову план разыграть светскую барышню, (утонченную эстетку). Папа и это одобрил, но предостерег, чтобы я не переигрывала и этим не провалила всего. Условились мы и о том, что ничего не надо говорить маме об обыске, чтобы зря не тревожить ее. И много-много лет мама не подозревала, как много пережила я в эту ночь...

Утром я как всегда пошла на курсы, шепнула Жене об обыске, чтобы она предупредила Миклуху ко мне не показываться, потому что за мной в лучшем случае будут долго следить и к завтраку вернулась домой. Но кусок не лез мне в горло. При малейшем волнении я вообще не могла есть и на все экзамены шла голодной, так и сейчас кусок не шел мне в горло, потом причесалась в древнеримском стиле, зная, что эта прическа ко мне идет, надушилась парижскими духами, надела красивое модное платье, и новую шляпу с белыми бархатными эдельвейсами, взяла перчатки, муфту и, решив, что так могу я сойти за самую элегантную даму, с решимостью отчаяния отправилась в жандармское отделение.

Он меня уже поджидал. Усадил, стал заполнять обычные вопросы анкеты: имя, отчество, фамилия, год рождения, вероисповедание, сословие, национальность, где проживаю, где учусь.

А я тем временем исподволь разглядывала и изучала его: выше среднего роста, красивые волнистые волосы, крупные белые зубы в холеных бронзовых усах, голубые как фарфоровые глаза, которые он кокетливо щурил, как кот, подстерегающий воробья, правильный нос, холеные белые руки, которым он – подумала я – не раз выбивал зубы солдатам. Сильное, чувственное и холодно-эгоистическое животное, но с претензиями на утонченность и изящество. Почему-то вспомнился рассказ Толстого «После бала» и внутренне я вся подобралась, а внешне приняла небрежно-грациозную позу, слегка похлопывая себя перчаткой по руке.

– Это ваши стихи печатаются в журналах за подписью Зинаида Тулуб? – внезапно спросил он, откидываясь на спинку кресла.

– Мои, – ответила я, не меняя позы и играя перчаткой.

– Я читал... Очень изящно и мило. Вот не думал я, что придется познакомиться с автором при такой обстановке, – продолжал он с притворной печалью.

– Я тоже, если бы мне вчера сказали, что буду беседовать с вами, я бы тоже никогда этому не поверила, – передернула я плечами.

А сама подумала:

– Усыпляет внимание, чтобы легче поймать!

И вдруг с удивлением почувствовала, что похвала мне, как автору, приятна даже в устах жандарма...

А ротмистр как бы забыл, что находится при исполнении своих жестоких служебных обязанностей и стал расспрашивать давно ли я пишу, люблю ли Бальмонта, музыку. Тут уж почва была подо мной твердая и я стала отвечать непринужденно и чуть-

чуть кокетливо, сама втайне удивляясь, как это мне ловко удается, точно у хорошей актрисы на сцене. Конечно, в ответах я немного лукавила: хвалила Бальмонта, Блока, которых недолюбливала, восхищалась Александром Блоком, которого органически не выносила и расхваливала критика Буренина за его пародии на декадентов: знала, что читать «Новое время» было признаком благонамеренности...

– А какой из журналов Ваш любимый? – между прочим ввернул ротмистр.

Я назвала «Вестник Европы» и салонный журнал «Столица и усадьба» и тут же добавила:

– Обожаю старые дворянские гнезда, Александровский амбир, севрский фарфор и гобелены. К сожалению, все это есть в имении моего любимого дяди, а мы не так богаты, чтобы окружить себя всем, что нравится. Ведь, мой дедушка был губернский предводитель дворянства и род его записан в шестую книгу русского дворянства.

Он видимо был несколько сбит с толку моими разговорами: ждал увидеть перед собой твердокаменную большевичку, а встретил изящную избалованную барышню...

– Прочтите мне что-нибудь из ваших стихов, – с к а з а л он вдруг, вынул портсигар и вежливо спросил меня: – Разрешите?

– Пожалуйста. Но... что же вам прочесть? Я, право не знаю, что вам понравится, – протянула я, лукаво поглядывая на него из полуопущенных ресниц.

Этот взгляд я все утро репетировала дома, собираясь на допрос.

– Ваше любимое.

– Ну, хорошо, – как бы решила я и, положив перчатки и муфту, выпрямилась.

– Я прочту вам ненапечатанное.

И, помолчав, начала:

Он был мечтой, легендой странной,

Дыханьем горного цветка.

Он мне светил во мгле туманной,

Как свет желанный маяка.

В его очках – лазурь сияла

И над челом его крутым

Как будто туча ночевала,

Свивая в локоны свой дым.

А мысль его – небесных далей

Стремилась грани разомкнуть

И вспышки молний озаряли

Ее свободно гордый путь.

Он вспыхнул ярче вдохновенья,

Погас зарницей без следа,

Но наяву и в сновиденьи

Со мной он всюду и всегда!

Я любила это свое стихотворение, гордилась им и закончила декламацию зазвеневшим голосом с большим нервным подъемом.

– Прелестно! Прелестно – повторил он два раза.

И на этот раз я почувствовала, что это сказано вполне искренне.

Но жандармская душа тотчас снова выглянула из-за человека.

– Прочтите еще что-нибудь, этакое душевное, русское, в стиле Некрасова.

Я опустила глаза, чтоб скрыть улыбку, но тотчас сделала брезгливую гримаску:

– Что вы... Некрасов давно вышел из моды. Теперь никто так не пишет, а если и вздумал писать, его никто не стал бы печатать, а тем более читать. И было бы очень смешно, если бы я стала писать о лаптях и избушках, когда я их в глаза не видела. Я лучше прочту вам что-нибудь другое.

И с тем же подъемом прочла ему свою «Полюби!»

* *
*

Много в море беспредельном волн то кротких, то мятежных,
А в груди – невольных вздохов и томительных и нежных.
Полюби! Растают вздохом, легким всплеском затихая,
Как на отмели прибрежной тает пена кружевная.

Много горный ключ лепечет звуков чудных, но невнятных.
Много зреет в сердце песен, но неспетых, непонятных.
Полюби! забрызжут звуки под твоим горячим взглядом,
Как ручей, летящий в бездну искрометным водопадом!

Он с минуту молчал, приоткрыв рот, как бы не решаясь выдохнуть дымка своей душистой папиросы и вдруг – как топором по голове оглушил меня давно жданным ударом:

– Но почему же вы не хотите прямо сказать, что Миклуха оставила у вас эти прокламации?

Я давно ждала этого вопроса и, не дрогнув, удивленно подняла брови.

– Миклуха? Но она только принесла рубль за лекции нашей подруги. И вообще, я не понимаю, почему вы стараетесь ее очернить. Она девушка из очень хорошей дворянской семьи, племянница знаменитого путешественника. При чем тут какие-то прокламации.

– Не какие-то, а те которые мы изъяли у вас при обыске.

Я, с ловко сделанным возмущением, привстала:

– А я вам говорю, что она мне принесла только рубль. Дайте мне с ней очную ставку, если она арестована. Никаких прокламаций я у нее не получала и не знаю, кто положил этот пакет в передней на полку вешалки. Я его не развязывала: я не так воспитана, мсье, чтобы читать чужие письма, или развязывать чужие покупки. Я просто

спрятала его «до востребования» от горничной, потому что думала, что там шоколад, а она у нас большая лакомка.

– А вы напрасно отрицаете свою вину. Миклуха во всем созналась, – холодно перебил меня ротмистр. – Да и не могла отрицать, раз в наших руках такие неопровержимые доказательства.

– Какая низость! Не ожидала я от нее такого отношения. Дайте мне с ней очную ставку – и я брошу ей в лицо, как бесчестно и бессовестно клеветать на ни в чем неповинных людей... И неужели она, дочь такой хорошей семьи, замешана в распространении каких-то прокламаций. Как все это ужасно!.. – почти крикнула я и, не выдержав нервного напряжения, расплакалась.

Ротмистр налил и подал мне стакан воды.

– Успокойтесь, мадемуазель. Вы сами понимаете, что я обязан по долгу службы выяснить обстоятельства дела. Я не стану губить ни в чем неповинных людей, но виновных обязан найти и я их найду. Успокойтесь же. Поговорим подробно, выясним все.

А я, вытирая глаза, сообразила, что не испортила дела, как показалось мне сгоряча и, всхлипывая повторяла.

– Это неправдоподобно! Я ее всегда считала просто большой оригиналкой, играющей под нигилистку. Она так некрасива, что этот стиль только и может быть ей к лицу. А вообще, она развитая, училась во Франции, много путешествовала и видела. И потом она сирота, поэтому мы с мамой ее жалели, – продолжала я с наигранной грустью и горечью.

– Но вы, как подруга, не могли не знать, что она связана с подпольными кругами.

– Какое право имела я требовать у нее отчета или признаний. Она мне никогда не говорила об этом. Мы читали вместе Ростана, Бодлэра, Верхарна и не касались политики. А последнее время мы вообще редко виделись, загруженные занятиями.

Теперь я была уверена, что он солгал и что Миклуха меня не предала, поэтому говорила смело и прямо смотрела ему в глаза.

– Кто открыл ей двери? – продолжал ротмистр опрос.

– Я не видела. Кто-то из уходящих курсисток. Одни приходили, другие уходили, а я все время была в своей комнате и отсчитывала им листы. Проверьте в моей тетрадке: вчера было у меня 65 человек, да и сегодня верно дома все звонки обрывают: лекции нужны всем до зарезу.

– Но ведь она химичка, зачем ей было к вам приходиться?

Я подробно объяснила, что Миклуха принесла мне деньги за нашу общую подругу Денбскую, которой я отдала лекции накануне без денег, что Миклуха на минуту вызвала меня в переднюю, сунула мне деньги и ушла и я ничего не заметила.

Ротмистр что-то записал у себя на листке бумаги и снова заговорил со мной о постороннем, расспрашивал о курсах, о профессорах. А я по-прежнему сидела в изящно-непринужденной позе и иногда, бегло улыбаясь ему глазами, говорила, что хочу посвятить себя поэзии и может быть прозе, хочу путешествовать и описывать Индию и Восток в стиле Лоти и Букина, хочу изучить литературу всех эпох и народов, овладеть всеми формами и стилями всех времен и народов, а сама тонко и твердо вела свою линию, подчеркивая свое «вечно женственное», и сама наблюдала за своей

игрой, точно со стороны посторонняя, и ловила себя на том, что увлекаюсь задачей вскружить голову этому жестокому и самодовольному врагу. То я комично изображала Сонни, как он становится спиной к аудитории, чтоб скрыть слезы, выступившие на глазах, при рассказе о горестях царя Адмета и жены его Алкестиды, то с брезгливой гримаской вскользь замечала, что у Лободы вульгарное украинское произношение и потом с непритворной краской призналась, что самый интересный и симпатичный у нас Якубанис, но... его уже нет: он уехал за границу писать диссертацию.

– Не ему ли вы посвящаете ваши прелестные стихи? – спросил уже совсем по-светски ротмистр.

Я смущенно опустила глаза, чуть улыбаясь уголками губ.

– Ах, мсье, с вами просто страшно беседовать, раз вы читаете чужие мысли.

– Хорошие стихи. Я был бы счастлив, чтобы какая-нибудь прелестная изящная поэтесса, – скользнул он по мне откровенным взглядом, – посвятила мне такие стихи.

– Попробуйте. Авось, посвятит, – не то насмешливо, не то кокетливо засмеялась я. Коли заслужите.

И вдруг, считая момент подходящим, умоляюще сложила руки на груди и с притворным волнением, сдавивши мне горло, спросила:

– Неужто, мсье, вы действительно засудите меня за этот несчастный пакет? Ведь, поймите: не могла я раскрыть чужую покупку. Это было бы так вульгарно, так пошло с моей стороны..., точно горничная, подслушивающая господские разговоры.

– Это будет зависеть от вас. Назовите, кто вам его оставил – и вы свободны, – ответил он с любезной улыбкой. – Поверьте, мне не доставит никакой радости посадить такую очаровательной барышню, как вы. Тюрьма, ссылка куда-нибудь в глушь, где нет ни общества, ни музыки, ни милой родной семьи, ни балов – это совсем не для вас. И только долг, жестокий долг офицера и патриота...

И он со вздохом развел руками.

– О, если бы я знала, какая негодяйка мне «это» подбросила! – с неподдельным волнением и наигранным негодованием воскликнула я. – Но войдите, войдите же, мсье, в мое положение: что я могу сказать, когда три четверти, нет, девять десятых курсисток, бывших у меня вчера, мне неизвестны: то есть я знаю их в лицо и по фамилии, но кто они, чем дышат, чем увлекаются – это вне поля моего зрения. Вчера даже приходили совсем посторонние лица получить лекции по доверенности. Я не знаю на кого думать, а вам ведь тоже нужна правда, а не ложный след.

Долго еще продолжалась эта игра. Ротмистр стал называть мне некоторые фамилии. Все это были незнакомые мне курсистки, только одну Наташу знала я по совместной подготовке к нашему балу. Мы с ней вместе ходили приглашать артистов выступить в нашем концерте и вместе заказывали афиши.

– Ну, а ее политические убеждения?

– Не знаю, – беспомощно пожимал я плечами: – Мы вместе хлопотали по устройству бала, а на балу я не сидела ни в классе, ни в буфете: я все время танцевала. Я так люблю танцы! – воскликнула я и сама пришла в восторг как искренне и наивно это у меня вырвалось.

– Я тоже люблю танцевать. – улыбнулся ротмистр – особенно мазурку. А вы?

– О, обожаю! И краковяк. Вообще, польские танцы такие бурные, такие огненные, – подхватила я, задорно трянув головой.

И почувствовала, что из глубокого мундира снова выглянул холеный, сытый и самоуверенный ловелас.

Ротмистр задумался и долго смотрел на меня внимательно изучающим взглядом:

– Ну, что ж, – сказал он наконец. – Если окажется, что Вам действительно подбросили этот злополучный пакет – вы и впредь будете танцевать на веселых и пышных балах. А нет – придется пожить в курной избе и смотреть как по праздникам пляшут в кабаке пьяные мужики, воняющие махоркой, портянками и сивухой.

– О, нет! Нет! Какой ужас! О мсье, спасите меня, – умоляла я, переплетая подлинный ужас с ловкой игрою.

Долго еще продолжалась наша беседа. Я два раза еще всплакнула, умоляла не губить меня, доказывала, что не может быть у меня ничего общего с прокламациями, содержание которых я даже не знаю (а я их действительно не прочла). Он стал задавать мне вопросы по рабочему движению. Я отвечала каждый раз начиная с того, что недавно я прочла в «Киевской мысли» то-то, а дальше ничего, мол не знаю, а так в этих вопросах я действительно была профаном, – видимо наплела таких лаптей, что он наконец не мог не улыбнуться.

– А что бы вы сказали, если бы я явился на Ваш студенческий вечер и пригласил бы вас на мазурку? – спросил он вдруг, смотря на меня в упор.

Сердце во мне оборвалось. Кровь метнулась в голову. Ведь, танцевать с жандармом, да еще на студенческом вечере – значило опозорить себя перед всеми порядочными людьми.

Жандармам даже руки не подают, а не то что танцевать с ними... Но... мне грозила ссылка, надо было спасти Миклуху, спасти себя и я подняла опущенные глаза и заставила себя улыбнуться.

– Я никогда не отказываю хорошему танцору, если танец не занят и... если он интересный, – добавила я, чуть сверкнув на него глазом из-под ресниц.

И снова потупилась, как будто смущенная неволью сорвавшимся комплиментом. Я поняла, что этот вопрос решал мою судьбу.

– Так вот: приглашаю Вас на мазурку, но с условием, что вы узнаете, кто оставил в вашей квартире этот пакет.

– Мерси, мсье, – с большой улыбкой кивнула я – и вдруг испугалась: – Но как же мне узнать историю этого ужасного пакета? – заговорила я с отчаянием и пальчиком показала на пакет, лежавший на столе, точно это были не прокламации, а по крайней мере живая гадюка.

– Он останется у нас, а вы, мадемуазель, должны немедленно сообщить нам имя, отчество, фамилию и адрес той, или того, кто явится за ним, – уже сурово-деловым тоном заключил ротмистр.

Быстро набросал он протокол, дал мне подписаться и я, внутренне холодея, поставила под ним свою подпись. Тогда он снова превратился в светского молодого человека, проводил меня до дверей, подал мне пальто и церемонно поцеловал мне руку.

Я пулей вылетела на улицу и попала в объятия папы, который вне себя от тоски бродил уж два часа возле подъезда.

Подробно рассказала я папе все, что произошло и папа был очень рад, что в подписанием мною протокола не было никакого обязательства сообщить охранке чью либо фамилию или адрес.

– Очень хорошо, что в протоколе не было ни слова о том, что ты обязана дать им какие-то сведения, – облегченно вздохнул папа. Видно хорошо ты ему вскружила ты ему голову, что он спрятал свои когти. Молодец, Зинка! Не думал, я, что ты такая актриса... Значит, дело будет прекращено, но помни: за тобой будут теперь следить и на улице, и на курсах. Всюду найдутся глаза и уши... Второй раз не выкрутишься.

И я, конечно, стала очень осторожной. С Миклухой больше не встречались, потому что она вообще куда-то исчезла, а с другими старалась не уединяться и не беседовать, как раньше подолгу.

Перспектива мазурки с жандармом камнем лежала на душе. То я решала вовсе не быть на балу, то собирались уехать к Гале в Лубны, то к дяде в Требухи, но трудно было все это сделать так, чтобы не напугать маму, да и оторваться от занятий было невысказано. Под большим секретом поведала я серьезным товарищам о своем горе. Они мне посоветовали не дразнить зверя и отбить эту мучительную мазурку, и на этом оборвать знакомство.

В день бала я страшно нервничала. Приехала на бал поздно, к концу концерта я все время сидела в буфете, как вдруг мне шепнули, что раз приходится с ним танцевать – надо использовать эту мазурку для добрых целей: вместо нескольких мелких шпиков на бал, оказывается, явился только один «мой ротмистр», а поэтому я должна к нему выйти и постараться подольше его занять. Мазурка скоро начнется, а пока мы будем плясать – в одной из гостиных состоится серьезная встреча наших товарищей.

Я злилась на себя и на весь мир, что впуталась в эту грязную историю. Но... загремела ритурнель – и я выпорхнула в зал. Первые пары уж неслись по паркету, когда ротмистр ко мне подошел. Закусив губы, помчалась я с ним в вихре танца с какой-то испуганной страстью выделявая па. Он был в парадном мундире, с настоящими серебряными шпорами и действительно блестяще танцевал. Нам зааплодировали и поднесли мне приз – серебряную лодочку для туалета. Я тотчас пожертвовала ее для американского аукциона в пользу недостаточных курсисток и при первой возможности, притворилась усталой, исчезла.

Больше мы с ним не встречались. Ротмистра перевели в другой город, а дело прекратили за отсутствием улик.

Напечатать «Völuspá» в общелитературном журнале не удалось, поэтому осенью я выпустила ее отдельной брошюрой в полтора печатных листа. Я поднесла своим профессорам по экземпляру на память и разослала ее в журналы и газеты «для отзыва». Коротенькие рецензии о ней появились в «Киевской мысли», в «Ниве», в «Нео-филологическом вестнике», но, конечно, широкого распространения она не нашла: мало нашлось любителей древнеисландского эпоса.

Зимой 1911-1912 года закончился наконец процесс о наследстве Даниила Адриановича с его дочерью Ольгой Даниловной. На папину долю пришлось около 10 тысяч рублей.

На эти деньги папа прежде всего погасил все наши долги и купил за семь с половиной тысяч в доме №6-А по большой Житомирской улице (ныне улица Горовица) квартиру в собственность. Дом этот из двух шестиэтажных корпусов был паевой, то есть домовладельца-хозяина в нем не было: каждая квартира было собственностью другого хозяина, а таких пайщиков хозяев было всего 24 человека. Управляло домом правление, выбиравшееся на общем собрании пайщиков.

Такие паевые дома появились совершенно недавно и первый такой дом был выстроен в Киеве, и уж потом появились они в Москве и Петербурге. Дом, где папа купил квартиру был седьмым таким домом и так и именовался «дом 7-го общества квартировладельцев». Построили его за свои деньги первые пять пайщиков, купившие участок и заказавшие архитектору проект, а уж в процессе стройки к нам присоединялись остальные, закупаая квартиру, тогда она только отделявалась. Наша квартира и еще одна в фасадном доме были последними непроданными квартирами и папа долго колебался, которую из них купить большую 12 тысячную, сделав долг, или ту, на которой он в конце концов остановился.

Наша новая «собственная» квартира, была много меньше прежней, в доме Черницкого на Гоголевской (дом №34, кв. 7), но зато много благоустроеннее ее: во-первых здесь было центральное водяное отопление, электрическое освещение, подъемные машины на парадном и на черном ходе (для дров и грузов), на черной лестнице были на каждом этаже ватер-клозеты для прислуги, чтобы не приходилось им сбегать вниз во двор, как это было на Гоголевской, в ванной и ватере были умывальники с горячими и холодными кранами, был общий телефон в парадной, черные и парадные лестницы отапливались, так что можно было спуститься вниз к телефону зимой в одном платье, наконец это был центр города, против окружного суда, где служил папа, в двух кварталах от Крещатика, по улице проходили трамваи разных маршрутов, наконец с обоих балконов открылся чудесный вид на Днепр, Вышгород, – с одной стороны и на Лавру и Царский сад и Владимирскую горку – с другого балкона.

Эта квартира при всех своих плюсах обходилась нам вдвое дешевле квартиры Черницкого: платили мы ему последний год по 900 в год, а здесь на содержание дома, куда входило жалованье дворникам и швейцарам, лифты водопровод, канализация, отопление и освещение лестниц платили мы всего по 20 рублей в месяц. Если даже считать, что за затраченные деньги папа получал бы по 5% годовых, то есть 375 рублей, то квартира обходилась нам всего 240+275 рублей, то есть 615 рублей в год, а квартира Червицкого стоила 900 рублей плюс рублей 150 на отопление, то есть свыше тысячи и ежегодно дорожала. Учел папа и то, что здесь мы меньше тратились на трамваи и на извозчиков, наконец в случае его смерти мы могли в центре города сдать кабинет и гостиную рублей за 45-50 в месяц, то есть жить в остальных комнатах бесплатно, да еще и иметь постоянный доход. Да и держать двух прислуг в такой квартире было излишне и это опять-таки было значительной экономией.

Купчая крепость на квартиру была оформлена в апреле 1912 года. Контракт с Черницким истекал в мае, поэтому мы сразу перевезли мебель в Большую Житомирскую, а сами уехали на дачу, чтоб осенью устроиться на новом месте.

Чтобы сделать маме приятный сюрприз мы сговорились с папой выбрать вместе красивую электроарматуру и наконец сдать в архив все наши керосиновые лампы, которые, нам, однако, еще раз пригодились – в гражданскую войну. Для этого я два раза съездила с папой в город, как будто по своим студенческим делам. К осень съездила я еще раз в город с нашей горничной для генеральной уборки, позвали полотеров натереть паркеты и к мамину приезду мебель была расставлена, паркеты сияли зеркальным блеском, портьеры и гардины задрапированы моими руками и даже посуда расставлена в буфете по праздничному.

Комнат в этой квартире было пять: папин кабинет, где он и спал в 14 метров площадью (две с половиной сажени), гостиная и столовая – каждая в пять с половиной сажень, то есть по 27 кв. метров, мамина спальня, где спала она с Волей в 4 сажени, то есть в 18 кв. метров и наконец моя крошечная комнатка «купэ» как я ее называла площадью всего в пять с половиной квадратных метров. Зато эта комнатка выходила в столовую, куда дверь всегда была открытой, чтобы было больше воздуха.

Все наши комнаты были светлые, сухие и очень теплые, не то что на Гоголевской, где угловая комната и папина спальня были невыносимо холодными. Жаль мне было расставаться с моей теплой и уютной комнатой на Гоголевской и перед самым отъездом я написала там стихотворение, начинавшееся так:

Я вас оставляю, любимые стены,
Свидетели многих раздумий и грез,
С глубокою болью невольной измены,
С тоскою непролитых слез.

Бывало, баюкает ночь тишиною
Стремящийся к знанью и истине ум.
А жизнь – далека, не нарушит покоя
Огромного города шум.

Над лампой колышется сумрак зеленый.
Уютно. И сон безмятежный разлит,
Но бодро работает ум окрыленный.
Перо по бумаге скользит.

И образы, свежие, звонкие строки
Текут, как по скалам – ручьи,
Из юной души и, сливаясь в потоки,
Смыкают куплеты свои.

Рождается песня, как юность живая.
Все выше взлетает душа,
Туда, где сияет луна голубая,
Где светлая ночь хороша.

И песнь полетит далеко за пределы

Родимых лесов и полей

Будить молодых, окрыленных и смелых.

Но это мимолетная грусть расставания скоро рассеялась на новом месте. С Гоголевской нелегко было попасть в центр, а здесь до Крещатики и до театров было рукой подать. Грустно было только, что Галя осталась на Гоголевской, но зато она каждую неделю, в субботу приходила к нам на целый вечер с ночлегом, спала в столовой на турецком диване необъятной ширины. Перед сном я забиралась к ней под одеяло и мы долго-долго шептались с нею о своих планах, надеждах, и иногда поверяли друг другу наши несложные девичьи сердечные дела.

В этой последней области у Гали было много новостей. Вечно за ней кто-то ухаживал, писал ей письма, объяснялся в любви, а у меня были только мечты, потому что в поле моего зрения не было никого на ком могла бы я серьезно остановить свое внимание.

Вообще, росла я без общества своих ровесников-студентов или молодых людей каких-либо других профессий. Мама, подобно большинству француженок, полагала, что не дело родителей подыскивать для дочерей женихов и считала ниже своего достоинства даже мельком думать об этом. А папа смертельно боялся, что какой-нибудь рядовой, ничем не замечательный молодой человек может вскружить мне голову и я из отмеченной печатью таланта могу превратиться в обыкновенную влюбленную девицу и променять светлую и уже открытую мне дорогу славы и творчества на семейный мещанский уют, пеленки, ревность и прочие прелести рядовой обывательщины.

И часто говорил мне папа:

– Я его еще не знаю, но уже ненавижу его, этого типа, который посмеет покуситься на твои светлые литературные пути. Тебе нельзя думать ни о каких романах, свиданиях и поцелуях – разве что только в виде темы для тонких изящных и вдохновенных стихов. Но если на пути твоём встретится человек выдающийся, как Пушкин, Шопен, Глинка, как Леонардо Да Винчи тогда не стыдно стать его спутницей и целиком разделить его жизнь.

А таких на моем пути не встречалось...

Бывали у нас наездами из Москвы Коля Бернер, на которого я смотрела чуть покровительственней, как на безвольную и бесхребетную личность, секретарь суда Селихов толстяк лет 35, хороший пианист, братья Ярошевы, два артиллерийских офицера, но к офицерам в те времена было несколько недоброе отношение, на них смотрели, как на людей ограниченных, обычно недоучек, зараженных всеми кастовыми предрассудками старой армии и обычно политически отсталых людей. Правда, к артиллеристам отношение было иное: это были люди более культурные, а Ярошевы к тому же были вообще симпатичными молодыми людьми, довольно развитыми, любителями музыки и театра. Солдаты их любили за их гуманность и справедливость, честность и моральную чистоту. Оба были хорошими братьями и сыновьями, в особенности Николай-Николашка, как звали его в семье, поэтому на них папа не фырчал, как на всех военных и даже любил с ними беседовать.

Эпизодически появлялись у нас заезжие поэты и журналисты, но постоянными знакомыми назвать их было нельзя.

Никто мне не запрещал знакомиться с людьми на стороне, но было поставлено условие, что, познакомившись, я должна пригласить в семью – показать своих новых знакомых папе и маме. Но я вообще была в те годы довольно нелюдимой и, познакомившись с кем-нибудь у подруг обычно никого не приглашала и не вводила в семью, даже не пыталась от шапочного знакомства перейти к более близкому. Да и некогда мне было тратить время на разговоры, когда все часы жизни были расписаны по минутам на разные дела и лекции. И тянуло меня только к великим ученым и к великим деятелям искусства.

Даже если порою кто-нибудь начинал нравиться (например, оперный певец, или драматический актер), стоило увидеть лучшего исполнителя того же репертуара – как мои восторги мгновенно лопались мыльным пузырьем, оставляя в душе неприятный осадок, как у человека принявшего латунь за золото, или стекло за алмаз.

Папа этого не знал и ревниво оберегал меня от увлечений. Как-то раз увидел он на улице одну из курсисток под руку со студентом и по близорукости принял ее за меня. Ему чуть дурно не сделалось от ужаса и отчаяния. Дома папа подверг меня жесточайшему допросу и мне стоило немало трудов убедить, что он ошибся, что ни с кем я не встречаюсь, а тем более не позволю себе. (...)

Так и росла одиночкой, как бронзовая Сафо работы Филиппа Томира, на комичных требуховских часах – под хрустальным колпаком моего папы, не желая и не пытаясь выйти из-под него: и так жизнь моя была наполнена до отказа. Ничего не нужно было, кроме искусства, науки, моих грез, музыки и театра. Богатства-то я не хотела. Был комфорт, была, пусть крохотная, как купэ, комнатка, домашний уют, вкусная питательная пища без излишних деликатесов, два-три приличных платья, новое белье и книги-книги.

Я была счастлива и не мечтала о большем.

О будущем я тоже не заботилась, исключительно из самолюбия, а не ради заработка стала я мечтать на старших курсах о кафедре: хотелось выдвинуться и доказать, что женщины не глупее мужчин. Но читать лекции хотела я в самом ограниченном количестве и только по тем вопросам и дисциплинам, которые волнуют меня. Зато много мечтала о путешествиях.

Но для путешествий нужны были деньги, богатство, которого у нас не было. И вот я узнала, что есть у поэта возможность добиться и этого. Российская Академия наук раз в год присуживала Пушкинскую премию только ОДНОМУ человеку – лучшему поэту, выпустившему в этом году книгу. Жюри из поэтов и академиков было очень строгим и были годы, когда за отсутствием выдающихся книг премия вовсе никому не присуждалась, поэтому, втайне мечтая стать лауреаткой, я тщательно чеканила каждое слово, добиваясь максимальной сжатости мысли до пределов рубайят Иракских поэтов или Александрийских эпиграмм. Поэтому печаталась я мало, чтобы ни одна сладкая, или растянутая вещь не попала в печать. Если в год писала я стихотворений 30, то в печать отдавала не более 10, а многие вещи выдерживала, как вино.

Не любила я печататься и в газетах. Газета – бабочка-поденка, век которой всего один день. Сегодня ее читают, а завтра ею заворачивают старые туфли, чтобы отнести их в починку, или даже уносят в уборную, если случайно не окажется туалетной бумаги.

Больше всех импонировал мне «Вестник Европы» и «Современный мир», выходявшие раз в месяц толстыми фолиантами страниц по 400-500 и больше. Хотелось еще попасть в «Русское богатство» к В.Г. Короленко, но как-то не было случая туда обратиться.

Пушкинская премия по нынешним временам, когда сталинские премии поражают колоссальными суммами премий, кажется просто нищенской: она равнялась всего пятистам рублям золотом. Но не в этом была суть дела: параллельно с премией пароходство «Добровольного флота» выдавало каждому лауреату бесплатный билет первого класса сроком на три года, по которому можно было в любом порту мира сесть на пароход Добровольского флота и ехать куда душе угодно. Пассажиру первого класса полагалась отдельная каюта и полный пансион, а пароходы Добровольного флота бороздили все океаны земного шара, так что за 3 года можно было сделать два кругосветных путешествия. Конечно, каждый лауреат перед отъездом заключал договор с каким-нибудь журналом или газетой на путевые очерки или другой литературный материал, гонорары, за которые давали ему возможность сходить на берег в любой стране, осматривать все достопримечательности, даже жить там по несколько месяцев, покупать на память разные вещи и с максимальной пользой проводить время.

Вот этот-то билет и был главной наградой за хорошие стихи. Но, для соискания Пушкинской премии надо было выпустить книгу объемом не менее 120-150 страниц. Если на каждой странице помещали одно маленькое стихотворение, а большие вещи размещались по 6 куплетов, то есть по 34 строки на странице, надо было набрать штук 80-90 безукоризненных по стилю и разнообразных по темам стихотворений. Поэтому я все строже и строже относилась к себе, пробуя себя во всех стилях и метрах. В то время мои литературные вкусы только формировались и я бесповоротно отшатнулась от декадентов и символистов разных оттенков и групп, и считала лучшим поэтом России одного Бунина, да нескольких его юных последователей – Николая Мешкова, Аду Чумаченко. В прозе я еще некоторое время увлекалась Оскаром Уайльдом, Г. Габриэлле д'Аннунцио, испанцем Бласко Ибаньессом, а из французов Пьером Лоти, в особенности его «Исландским рыбаком», «Матросом» и романами из турецкой жизни – «Разочарованными», и «Азиаде», наделавшими немало шума по всей Европе своим протестом против закрепощения в гареме турецкой женщины – правда только высшего общества, а из бельгийцев Раденбахом.

Это отчасти понятно: русские писатели писали тогда исключительно мелкие рассказы, но у них даже при крупном таланте трудно было развернуть сложную большую тему. Такие темы встречались у нас в новостях и пьесах. Любила я очень повести Куприна «Поединок», «Молох», «Гранатовый браслет», любила «Красный смех» и некоторые пьесы Андреева, исключительно глубокого и умного автора, но романы Максима Горького отталкивали меня грубостью, злобой и ограниченной тупостью провинциальной жизни в его романах. Быта мещан и городских низов я совершенно не знала и мне казалось, что он клеветает на русский народ, приписывая ему несуществующие

пороки, которых в нем никогда не было. Ведь, судила я о народе по Тургеневу и повестям Пушкина и Гоголя и не понимала, что много в старой дворянской литературе романтической идеализации провинциалов и народных низов. Только много лет спустя поняла я свою неправоту, когда пришлось мне очутиться среди «отверженных»...

В те годы я искала в книге прежде всего сложных коллизий и конфликтов долга и совести, чести и личных отношений, но с непременным условием, чтобы все это было подано в захватывающем, интересно-завязанном сюжете и утонченным стилем. Не допускала я отсутствия гармонии мысли и формы, пусть бурной, стихийной по силе, как в «Поэме Экстаза» Скрябина, поэтому очень любила из классиков не спокойно-медлительного автора Домби и Сына, а бурного Гюго 1799 года.

Еще девочкой 15-16 лет, впервые прочитав «Антон Горемыку» Григоровича и «Нечточку Незванову» я в сердцах спросила маму:

– Почему никто не отдал этих книг Тургеневу или Гаршину для исправления? Тогда из этих книг получилось бы куда больше толку и можно было их читать с удовольствием?

И эту же мысль буквально повторил лет десять спустя мой брат Воля, когда в пятом классе гимназии ему дали прочесть того же «Антон Горемыку», чтобы написать переложение (по нынешнему «изложение»). Он встал и перед всем классом заявил учителю Москаленко, что читать Григоровича не станет, потому что он не умеет красиво писать. Пришлось папе, как представителю родительского комитета и отцу уговаривать Волю подчиниться и прочесть ненавистного Григоровича. А Воля твёрдо стоял на своём и твердил:

– Не стану портить себе язык, читая такие книги.

И позже, на филологическом факультете, когда я решила переломать себя и прочесть всего Достоевского, я долго мучилась от его суконного языка, пока наконец не увлеклась сюжетом и тогда переставала замечать невыносимые шероховатости его языка.

И очевидно Уайльд и д'Аннуцио были своеобразной психологической реакцией на стиль Достоевского и Григоровича, хотя чрезмерная манерность этих авторов порой сильно корбила меня, как противоположная крайность.

Из классиков я боготворила Лермонтова, любила Бориса Годунова и непревзойдённую по лёгкости и простоте «Капитанскую дочку», лирику Лермонтова и его Демона знала на память и если заболела, начинала мысленно читать его стихи – и они так зачаровывали меня, что я переставала ощущать самые несносные физические боли. Бунин очаровывал меня строгой чеканкой каждого слова, яркостью, почти осязаемой, как картина в красках, своих образах, но содержание его рассказов было мне чуждо и непонятно: крестьянского быта я не знала, а мерзость запустения догнивающих дворянских усадеб злила и раздражала: видно, слишком много было в моей крови французской живости, что противна была мне эта обречённая пассивность ленивых никчёмных людей, которые не умеют бороться не то, что за высокую идею, но даже за собственное благополучие, лишённое примитивного инстинкта самосохранения любого живого существа.

А ум таких типов, как «Обломов», я буквально ненавидела. Только в ссылке, смертельно больная, заставила я себя прочесть его до конца, а раньше прочту страниц 70,

как он лежит в постели и не может встать, одеться и умыться, и тошно станет: заброшу книгу куда-нибудь за печку, чтоб не заразить души этой трупною ленью.

«Мёртвый Брюгге» Роденбаха было тоже описанием умершего запустелого города, но написана была эта картина в тонах музейного гобелена, со всем лирическим очарованием золотой осени, солнечной полуденной тишины. Это было красивой, пусть статичной картиной. Любила я и описание старого Стамбула и путешествия Бунина по востоку, потому что там не было ничего расслабленного, патологического, не было неврастенической мягкотелой души, в которой нет неволи и жажды жизни, одна разлагающаяся протоплазма, и вообще не любила книг, где герои безвольны. В те времена все восторгались, или делали вид в силу моды, что восторгаются Кнутом Гамсуном, а я терпеть его не могла ни в книгах, ни на сцене. Чехова любила я за его юмор, да исключительный стиль, но его хмурые и скучные герои мне тоже были противны.

Ведь, можно и сумасшествие описать, как Гаршин и Гоголь, не сходя с ума, но если автор начнет от себя произносить бредовые тирады, или описывать свои галлюцинации – это становится не искусством, а вредной патологической макулатурой.

Поэтому такие мастера, как Ибаньес, Мопассан, Сенкевич, Лондон были мне много ближе наших многих отечественных неврастеников.

Осенью 1912 года была я на четвертом курсе.

Как-то в начале семестра встретил меня на лестнице Шаровольский и пригласил меня придти на его ближайшую лекцию по средневековой литературе, которую читал он теперь для трех курсов.

Я думала, что в науке появилось что-нибудь интересное и новое и охотно приняла его приглашение. На всякий случай принесла общую тетрадь и карандаши, но села поодаль, а не возле кафедры. Шаровольский внимательно вел глазами по аудитории и, встретившись со мной глазами, начал лекцию. Заговорил он о «Старшей Эдде», изложил ее структуру, содержание и вдруг сказал приблизительно следующее:

– До сих пор мы лишены были возможности ознакомиться с этим замечательным памятником в художественном удобочитаемом переводе. Но теперь можно предложить Вашему вниманию прекрасный перевод «Вёлуспо», первой и самой оригинальной и содержательной из мифологических песен Эдды. Автор этого перевода наша талантливая курсистка – поэтесса Зинаида Павловна Тулуб. Недавно вышла «Вёлуспо» отдельной брошюрой и продается во всех книжных магазинах. А теперь разрешите от имени факультета, от имени кафедры германской филологии и литературы и от моего лично принести мою глубокую благодарность госпоже Тулуб за ее работу.

И первый заплодил мне.

Не знавшие меня в лицо курсистки зашевелились, зашептались. Одни захлопали в ладоши, другие оглядывались, стараясь догадаться, кто же эта Зинаида Тулуб, а Шаровольский подошел ко мне, пожал мне руку и торжественно повел к кафедре. Тут, конечно, поднялась настоящая овация. Я и улыбалась и конфузилась, и готова была удрать куда глаза глядят. А Шаровольский усадил меня возле себя и пришлось мне просидеть возле него до звонка.

В эту осень Россия праздновала 25-летие литературной деятельности Ивана Алексеевича Бунина.

Первая книга его под заглавием «Листопад» вышла в конце 90 годов и получила Пушкинскую премию. Вторую Пушкинскую премию получил он за перевод «Песня о Гайявате» Лонгфелло. Небывалой свежестью и красотой веяло от этого дивного полумифического эпоса Американских индейцев, а Лонгфелло только обработал его в виде поэмы. И перевод Бунина придал поэме Лонгфелло свежесть и красоту оригинала.

Со стихами Бунина была с детства знакома. Много стихов его печаталось в «Детском чтении», а потом зачитывалась и его «Листопадом», и папа разделял мой восторг перед этим великим мастером русского слова.

В 1907 году Бунин был проездом в Киеве и, как писатель прогрессивный, выступил не в одном из фешенебельных клубов, а в народной аудитории на Бульварно-Кудрявской улице. Там папа с ним и познакомился. Рабочие паровозного депо горячо приветствовали его не столько за стихи, сколько за его повесть «Деревня», где дал он потрясающую жестокой жизненной правдивостью картину деревенской жизни в период «освободительного движения», как тогда говорили о первой революции 1905 года.

Бунин произвел на папу большое впечатление как человек и поэт. Я очень горевала, что папа не прислал за мной, или сам не зашел, чтобы могла с ним познакомиться и долго расспрашивала папу о каждом слове и каждом жесте любимого великого поэта.

А между прочим, широкая публика мало знала Бунина. Рядовой средний читатель предпочитает романы и повести, а в рассказах – ищет интересного сюжета, и мало обращает внимания на философскую глубину вещи, на классическую форму и меткость глаза на мелкие, но единственные по точности детали. Куприн был много популярнее Бунина, хотя повесть Бунина «Деревня» была высоко оценена всей передовой общественностью и сыграла огромную прогрессивную роль, убедив не одну тысячу человек, что пора решить крестьянский вопрос, не откладывая его на десятилетия. Но, несмотря на восторженные отзывы всех передовых критиков, Бунина все-таки мало читали...

И вот теперь, когда исполнилось двадцать пять лет со дня первого появления его стихов в печати, академия наук по отделу изящной словесности, редакции всех толстых журналов Петербурга и Москвы, столичные университеты, критики и литераторы решили торжественно отпраздновать его юбилей, чтобы заинтересовать широкую публику, молодежь и заброшенных в медвежьи углы интеллигентов творчеством этого замечательного писателя.

В Москве образовался юбилейный комитет, о готовящихся торжествах были заметки и статьи во всех газетах и журналах, разосланы приглашения на торжество и разработан самый порядок и ритуал юбилея, рассчитанный, по шутливому выражению одного писателя, как крестьянская свадьба, на целую неделю.

Получили приглашения и Киевские прогрессивные газеты «Киевская мысль» и «Киевские вести».

Пригласили и папу большим личным письмом за подписью Ив.Ад. Белоусова и других членов юбилейного комитета. Но папа не решался на такой непосильный расход и с грустью спрятал письмо в письменный стол, решив, что надо будет послать юбиляру теплую приветственную телеграмму и опубликовать ее в местных газетах. А местные

критики Войтоловский, Чаговец и Луначарский заготовили ко дню юбилея статьи о Бунине.

Дня через два-три, когда в Москве должны были начаться торжества, пришла домой я с лекций и застала папу в приподнятом настроении.

– А у меня, Зина, большая новость, – вышел папа ко мне навстречу в переднюю. – «Киевская мысль» посылает меня в Москву на юбилей Бунина от имени Киевской прессы. Поедет так же Эйшинский Михаил Исаевич, редактор. Дают мне на дорогу 100 рублей, а «Киевские вести» просят приветствовать юбиляра и от их имени, но дают всего 25 рублей (дела там были очень плохи и больше дать они никак не могли).

Я вспыхнула от радости за папу, но тотчас тень легла мне на лицо при мысли, что я ничего не увижу, и не услышу.

А папа, без слов угадав мои переживания, – с улыбкой продолжал:

– Завтра рано-рано беги на курсы доставать льготный студенческий билет. Я решил, что пора ввести тебя в литературные круги. Если мы поедем для экономии в третьем классе (жестком вагоне), а ты со скидкой по студенческому билету мы как-нибудь сведем концы с концами...

Радости моей не было границ. На другой день ровно в 9 часов была я в кабинете ректора Армашевского с заявлением и, хотя он злобно пожевал губами, узнав, что еду на юбилей такого «красного» писателя, приказал мне выдать льготный билет с 45% скидкой против обычного тарифа.

Курсистки, узнав, куда я еду, заволновались:

– Позор! Мы проморгали такое событие! И в университете никто не догадался послать делегатов...

Срочно образовалась сходка в самой большой одиннадцатой аудитории и мне поручили приветствовать Бунина от имени Киевского студенчества. Я смутилась. В Киеве 10 вузов, а меня выдвигают от одного факультета наших курсов. Но меня успокоили, сказав что сегодня же свяжутся с университетом, политехническим и другими институтами и если не успеют вручить мне на вокзале мандатов – пришлют их.

День ушел на упаковку и на писание приветственного стихотворения Бунину. Но радостная суета моя была омрачена: папа не предложил маме ехать в Москву и мама обиделась его невниманием. Я готова была отказаться от поездки, чтоб снять с души тяжесть при мысли что еду я вместо мамы, но при одной мысли об этом – сжималось до боли сердце. Мама почувствовала, что меня грызет, и сама первая пришла ко мне и объяснила, что она никогда бы не тронулась в путь, понимая, что для неё это было бы только ярким и интересным моментом, а мне эта поездка нужна, как будущей писательнице, чтоб сразу, в день большого литературного праздника войти в среду товарищей по перу. Чуткость, почти ясновидение моей мамы, потрясло меня до слез. Папа тоже понял свою невольную бестактность, просил извинить его невнимание к ней, как даме, и спутнице его жизни, и вечер прошел в какой-то особенно теплой семейной атмосфере, точно канун большого праздника.

На перроне меня разыскали два студента-филолога и вручили письмо от имени студенчества университета – приветствовать Бунина, как великого мастера классика русской литературы.

Ехали мы впервые в жизни в третьем классе, но в вагоне «для чистой публики». Наш спутник – был пожилой крестьянин из Владимирской губернии, ездивший к сыну на побывку. Горько обидел его сын, выгнав, как дармоеда, севшего ему на шею.

– Какой же я дармоед, когда я всю жизнь тружусь, пять сынов и двух дочек вырастил и его самого до ума довел, – горько жаловался старик всю дорогу.

И, то успокоившись, начинал петь песни, то понемногу выпивал и закусывал, заливая свое лютое горе. К вечеру он совсем захмелел, свалился на лавку и заснул, а мы с папой еще долго тихонько беседовали, и я все отделявала и отделявала стихотворение, которым собиралась приветствовать Бунина.

Незадолго перед юбилеем, моя знакомая, Наталья Васильевна Рылеева, внучатая (или правнучатая) племянница декабриста Рылеева, преподававшая словесность в одной из киевских гимназий, рассказала мне, что у браминов существует обычай мысленно осыпать белыми цветами человека высокой одухотворенности и в каждом цветке, даже в каждом их лепестке слать ему добрые пожелания, а особо дорогим гостям подносить не букеты, а венки из белых ароматных цветов и покрывать такими венками их плечи. Это мне очень понравилось, и как-то невольно вышло, что мое приветственное стихотворение Бунину стало слагаться на эту тему.

Бунин долго и много путешествовал по востоку и поэтому, как мне казалось, такое стихотворение должно было ему понравиться, как индусский мотив. Не даром восхищался он Рабиндранат Тагором и даже редактировал переводы «Гитанджали» и «Садовника» – лучших сборников индусского поэта.

Поезда в те времена ходили по Московско-Киево-Воронежской дороге медленно: выехали мы из Киева в скором поезде в 11ч. 20мин. дня, а приехали в Москву на следующий день в 5 часов утра.

В Москве остановились мы в Лоскутной гостинице, на Тверской (ныне улица Горького) недалеко от Охотного ряда, огромно базара с сотнями ларьков, сундучков, лотошников, с калашницами и обжорками, трактирчиками и ресторанчиками. В Лоскутной проживал и сам юбиляр Иван Алексеевич Бунин с женой Верой Николаевной Муромцевой, дочерью председателя Московской городской управы и племянницей председателя первой государственной думы.

На первый взгляд могло казаться странным, что такой знаменитый писатель не имеет ни своего дома, ни квартиры, а ютится пусть в двух, но все же гостиничных номерах. Но для этого были свои причины.

Бунин был уроженец Елецкого уезда Орловской губернии, сын разорившегося помещика. Именье их вскоре пошло с молотка, отец умер и мальчик бросил гимназию за отсутствием средств. Тогда старший брат его Юрий Алексеевич стал проходить с ним на дому курс старших классов, научил его английскому, латыни и всем прочим обязательным предметам гимназического курса.

В 16 лет пришлось Ивану Алексеевичу идти служить. Работал он в Полтавском земстве земским статистиком, но много читал и думал и стал писать.

Отрочество и юность вне школьного коллектива сделали Бунина не по летам серьезным, вдумчивым и немного замкнутым. А затем сразу пришла слава. Две пушкинских премии дали возможность в роскошной обстановке и изысканном обществе в течении целых шести лет исколесить весь земной шар, кроме Америки, куда не тянула Бунина его глубокая творческая душа. И это же оторвало его от нашей российской действительности, сделали сторонним созерцателем ее жизни, о которой он долгие годы мог судить только по газетам и книгам. Не раз, должно быть, приходилось ему краснеть перед французами, англичанами и немцами за еврейские погромы за то, что у нас подавляющая часть населения была неграмотной, что в России на одну душу населения потребляют писчей бумаги, мыла, книг и газет в десять, а может быть и в двадцать раз меньше, чем в передовых государствах Европы.

А он любил Россию, но вернувшись, видел то, что так примелькалась всем русским, безвыездно живущим дома, что мы уж не обращали на это никакого внимания, даже – вовсе не замечали, как постоянный и неизменный атрибут нашего существования, а он, такой впечатлительный и зоркий, все видел, все замечал и все кололо его точно острой иглой, пропитанной ядом. Вот почему в Россию приезжал он ежегодно, гонимый ностальгией – тоской по Родине, но оставаться в России мог он недолго: проживет лето в родной Орловской губернии у сестры Пушешниковой, муж которой выкупил родовое гнездо Буниных, из которого некогда вышел наш классик Василий Андреевич Жуковский, незаконный сын Бунина, и знаменитая поэтесса времен Отечественной войны с Наполеоном Анна Бунина, о которой сохранились эпиграмма Карамзина.

Я вижу Бунину – и Сафо наших дней
я вижу в ней.

Осенью тянуло его на юг: не выносил он осенней распутицы, слякоти, холодов. Сентябрь-октябрь жила он под Одессой или в Крыму, а затем вслед за прелестными птицами рвался на юг, к вечному лету.

Так исколесил он Италию, Испанию, Швейцарию, Грецию, Турцию, Сирию, Палестину, Египет, а затем – Индию, Цейлон, Малакку, Зондский Архипелаг, Южный Китай и обо всех его скитаниях остались или отдельные рассказы, или намеки, осколки от больших переживаний.

Единственное, чего не было в творчестве Бунина – это динамики, напряженного действия. Он был статичен, как античная скульптура, как статичные непревзойденные храмы Акрополя, римские форумы, прекрасные своими пропорциями, как геометрично точные арены цирков, но без захватывающего драматизма того, что разыгрывалось на этих аренах... В этом по моему и была единственная причина, почему его мало читали средние люди и молодежь, которую всегда влекло к книгам с напряженным драматическим сюжетом, коллизиями и сложными перипетиями сюжета. Например, не могу себе представить Бунина в роли драматурга.

Впрочем, ручаться за это не могу: очутившись за границей, среди белой эмиграции, ежедневно встречаясь с выброшенными за борт России соотечественниками, среди которых вместе с буржуазией, черносотенцами и помещиками очутилось немало трудовой интеллигенции, напуганной событиями и в панике бросившимися науток, сам испытываю и голод и жестокую нужду в чужой стране, где никому он не был нужен и никому не введом – Бунин мог вдруг проснуться от своей скульптурной статичности и заговорить языком, потрясающей силы. Но я не знаю, что он там писал, кроме крохотной книжечки «Митина любовь», вернее отрывков из нее, изданной в Москве при НЭПе. Кто-то говорил мне, что там он написал большой роман, но разве можно верить слухам...

Однако, надо продолжать рассказ о его юбилее. Понятно, что при таком кочевом образе жизни Бунин и не мог обзаводиться даже самым примитивным хозяйством. Бывая в Москве, он с Верой Николаевной обычно останавливался у ее родителей, имеющих уютный особняк в Столовом переулке. Но праздновать юбилей даже в родственной семье Бунин стеснялся и поэтому мы очутились под одним кровом с ним в Лоскутной гостинице.

Номер в гостинице попался нам неказистый на 4 этаже, кажется за три рубля. Напившись чаю, папа пошел с визитом к Буниным и разузнать, какие празднества стоят на повестке сегодняшнего дня.

Я не успела привести себя и вещи в порядок, как на пороге появился папа с Верой Николаевной и Иваном Алексеевичем. Они пришли со мною познакомиться, поблагодарить за внимание, и как бы подать мне первую дружескую руку в среде больших писателей.

В первую минуту я не могла сказать ни слова от волнения, протянула ему руку и только смотрела на него глазами, полными каким-то новым, как мне казалось сиянием. Бунин вторично отвесил мне церемонный поклон и поцеловал мои задрожавшие пальцы.

– Вот вы какая... Славная, – сказал он ласково своим глубоким бархатистым голосом. – А я читал ваши стихи. Рад Вас приветствовать. Значит, нашего полку прибыло. Только работать надо. Главное дело – работать. Стихи легко никому не даются. Я в ваши годы совсем еще плохо писал.

Вера Николаевна, видя мое смущение мило и ласково заговорила со мной, на каком я курсе, много ли осталось сдавать.

Я отвечала и вдруг стало так легко, так просто и так хорошо на душе. Бунин говорил немного, короткими фразами, точно афоризмами, но безо всякой рисовки, простым русским языком, но с удивившим меня в устах «кацапа», как говорят у нас в Киеве не звонким, а придыхательным «Г», как по латыни произносят. Я невольно спросила его об этом.

– Это по нашему, по-Орловски: я ведь Елецкий. – улыбнулся Бунин. – У нас все говорят: _____, а не _____.

Завязалась общая беседа. Я во все глаза смотрела на них обоих. Иван Алексеевич был очень похож на свою фотографию, где он сидит в сером сюртуке на садовой скамейке, а Вера Николаевна поразила меня своей классической красотой. Нигде и

никогда не видала я подобной красавицы и меня осенило, и все силилась вспомнить, кого она мне напоминает. И вдруг вспомнила:

– Да, те же черты, тот же любимый поворот головы чуть набок и вниз, те же длинные веки в пушистых ресницах, даже та же гладкая прическа узлом из тяжелых волос, падающим на ее лебединою шею. Я не могла отвести глаз от этой строгой классической красоты, которая по словам Винкельмана, олицетворяет погруженный в себя покой античных богов.

Побеседовав минут 15, наши гости стали прощаться и предупредили нас, что вечером будет торжественное заседание Общества любителей Российской словесности, основанное при московском университете еще Карамзинскими.

– А завтра в 12 дня – милости просим к нам. Здесь, в Лоскутной, мы взяли на день зал, чтобы принять всех наших милых гостей, пришедших и приехавших на юбилей Ивана Алексеевича, – добавила Вера Николаевна, – и вы, наши Киевские друзья, будете нашими желанными гостями.

Папа ушел вместе с ними, чтобы получить для нас пропуска в университет. Эти пропуска выдавал юбилейный комитет, помещавшийся в одном из номеров той же Лоскутной. Там же принимали запись на завтрашний банкет в Литературном кружке, как назывался большой литературный клуб на Большой Димитровке.

Вскоре папа вернулся с Михаилом Петровичем Гальпериним, нашим Киевским уроженцем (сыном еврея-часовщика с Прорезной улицы), начинавшим свою литературную карьеру под папиным руководством на страницах “Киевских вестей” и “Киевской мысли.”

Переехав в Москву, Гальперин широко воспользовался папиными рекомендательными письмами, устроился на работу в двух-трех редакциях, стал членом и всегдашним Литературного кружка, со всеми светилами перезнакомился и даже попал в члены Юбилейного комитета. В некоторых отношениях он был прямо незаменим, как расторопнейший юноша, знавший всех и все. В Киеве я его несколько раз видала в редакциях, но в дом мы его не водили, потому что мама не любила людей такого слишком ловкого типа. В Москве же он нам весьма пригодился.

Сейчас Гальперин принес нам пропуска в университет и билеты на банкет (ценой по тогдашним временам небывалой: по десять рублей от персоны). Я спросила его, как мне поступить с написанным стихотворением, просто ли подарить его Бунину, напечатать ли в одной из московских газет, или прочесть завтра на утреннем приеме у Буниных.

Гальперин подумал и посоветовал припрятать стихи до вечернего банкета, потому что Бунины пригласили человек 120, а на банкете народу будет около пятисот человек. И я с ним согласилась. Гальперин теперь, когда я печаталась в толстых журналах (куда он все же еще не пролез), рассыпался передо мной мелким бесом и со своей модной холеной бородкой почему-то неуловимо напоминал мне черта в гостях у Солохи, чего я, конечно, ему не сказала, хоть и очень чесался язык, а папа вдруг спохватился, что уж пять часов, мы еще не обедали и только напились чаю. А я то и о голоде забыла, увидев Бунина. Гальперин тотчас взялся проводить нас в нарядный вновь открытый ресторан Амфир и мы весело двинулись в поход.

После обеда папа, почти не спавший ночью в поезде, лег отдохнуть. Легла и я на свою приставную кровать в другом конце номера, но ни на минуту не сомкнула глаз: столько впечатлений никак не могли во мне улечься. А папа тихонько поспыпывал во сне и я никак не могла дожидаться, когда он наконец проснется. Десятки раз приподнималась я, чтобы его разбудить и снова ложилась, стыдясь своего нетерпения. Наконец силы мои пришли к концу и я его разбудила. Папа взглянул на часы, вскочил и стал одеваться. Я мигом была на ногах, причесалась, надела строгое темно-коричневое английское покроя платье в чуть зеленую и красную искорку, с белоснежным крахмальным воротничком и шелковым темно-красным галстуком-самовязом. Папа надел черный сюртук, чуть подфиксатурил сидящие усы и объявил, что он готов.

Не успели мы прикрыть свои постели, как зашел к нам племянник Ивана Алексеевича начинающий адвокат Дмитрий Алексеевич Пушешников, сказал что Бунины нас ждут в вестибюле, чтоб вместе ехать в университет. Это было с их стороны трогательным вниманием.

На улице было тихо-тихо. Легкий морозец в два-три градуса (28 ноября старого стиля или как по нашему 11 декабря), редкие порхающие снежинки. Было так хорошо, что никому не захотелось ехать и все мы пошли пешком.

Входя в университет, я невольно заволновалась. Тут некогда учился Лермонтов, Белинский, Тургенев. Тут провел свои юные годы и дедушка Василий Федорович Королько. Я точно ощущала присутствие какой-то незримой силы, связывающей меня со славным прошлым этого старого заслуженного рассадника и светоча науки. Сказать больше, мне показалось, что я не просто вхожу в него, а прохожу ступени какого –то посвящения в русские писатели.

Папа давно был действительным членом общества любителей Российской словесности и вместе с пропуском предъявил свой членский билет.

В зале было уж много народу и я с грустью подумала, что придется сидеть где-нибудь в уголке, под стеной, где ничего не будет и ни слышно и не видно за плечистыми фигурами дорогих москвичей. Но Бунины провели меня в первый ряд Иван Алексеевич сам усадил меня рядом с Верой Николаевной ее братьями, золовками и родичами Ивана Алексеевича, старшим братом Юлием Алексеевичем и другим Пушешниковым, переводчиком «Гитанджали» Рабиндраната Тагора. Тут познакомили меня и с молодыми поэтами Вяткиным, Мешковым и с моей детской подругой и первой соперницей Адочкой Чумаченко.

Иван Алексеевич ушел в соседний зал, где поджидала его профессура и докладчик Павел Никитич Сакулин.

Зал все больше наполнялся и наполнялся. Стало совсем тесно, но я ничего не замечала, потому что сидела у самой эстрады, против кафедры.

Речь Сакулина я теперь плохо помню. Знаю, что показалась она мне, и всем присутствующим очень интересной и многосторонней. Внешне Сакулин говорил блестяще и, как всякий талантливый человек безо всяких бумажек. Затем выступил профессор Роман Федорович Брандт, автор учебника по палеографии, которым пользовались многие из киевских курсисток, считая учебник Соболевского слишком трудным. Но я, конечно, готовилась по Соболевскому и поэтому судить о нем, как ученом, не могла.

Речь Брандта показалась после Сакулина скучной, и серенькой, поэтому я стала разглядывать публику и прежде всего Веру Николаевну.

Она была одета в темно-темно коричневое плюшевое платье, совершенно узкое, узкое до самой земли. Только воротничок из брусельского кружева оттенял ее лебедию шею, на которой матово переливалась теплым мерцанием нитка настоящего жемчуга. Эта строгая скромность наряда резче оттеняла безвкусную купеческую роскошь туалета ее золовки из коричневого с золотом шелкового гипюра, отороченного собольями, тоже курсистка и тоже филолог 4 курса была в дешевеньком черном гладеньком платье. Мы то и дело переглядывались и перебрасывались шепотом короткими фразами, вспоминая детство, О'Ремов и милый солнечный Таганрог".

После перерыва выступил Бунин. Говорил он с глубоким волнением и подкупающей искренностью. По пунктам разбирал он каждый упрек, каждое обвинение, когда-либо брошенное ему критиками.

А таких обвинений и упреков встречалось немало даже в самых хвалебных статьях и рецензиях. Громко расхваливали его великолепный, непревзойденный русский язык, глубину его мысли, чеканную скульптурность образов, психологическую верность в передаче тончайших переживаний его героев и всегда сопровождали эти похвалы эпитетами "холодный", "отвлеченный", "равнодушный", что на Эзоповом языке левой критики означало нежелание касаться ужасов нашего государственного строя, наше-го беспорядка, бескультурия, желание останавливаться на социальных вопросах, быть представителем "чистого искусства". Доходило даже до того, что упрекали его даже за любовь к путешествиям.

Очень жалею, что не было со мной карандаша и тетради, чтоб записать эту историческую речь-исповедь большого художника слова. Я только ловила каждое слово Бунина, чтобы по-памяти восстановить дома каждое его слово.

Он стоял над нами, высокий, стройный, худощавый, в великолепно черном сюртуке и, говоря, все время нервно теребил и рвал лепестки белых гвоздик из огромного букета, поднесенного ему перед началом заседания.

– Говорят, что я холоден, – бросал Бунин своим звучным глубоким голосом. – Но разве критики не понимают, что у писателя должна быть холодная голова, чтобы писать языком точным и верным, чтоб зорко видеть и чувствовать каждую чуть-чуть неверную ноту, каждую лишнюю деталь, неверный оттенок мысли. Но при холодной голове – писатель должен иметь горячее сердце. И это сердце у меня всегда было. Неужто никто из Вас не понял, сколько глубокой боли, скорби и гнева горело во мне, когда писал я свою "Деревню" – несчастную, темную и забитую деревню, которую поманил обманчивый блуждающий болотный огонек надежды на землю, чтобы тотчас погаснуть и еще глубже погрузить ее в трясину и тьму. А "Суходол"? А другие мои рассказы? Если не почувствовали вы этого внутреннего душевного огня – виноват не я... Впрочем, может быть виноват и я, но не в том, что я холоден, а в том что слишком понадеялся на доходчивость моего слова до души читателя. Значит, надо было писать иначе...

– Упрекают меня и в том, что не люблю я свою родину. Нет, я люблю ее. Я не могу хотя бы раз в год не прийти к своей родной земле, не припасть к ней подобно Антею. Но слишком тяжело долго глядеть на все, что творится у нас дома. Вы понимаете, что

я имею в виду, говоря так... Я не могу смотреть равнодушно на то, за что приходится стыдиться. А стыдиться за того, кого любишь – слишком тяжело, слишком мучительно. И слишком – дрогнул на миг его голос, мучительно. И гонит меня душа далеко-далеко, потому что издали не видно деталей и кажется она светлой и прекрасной...

– Я много видел, изъездил половину если не больше земного шара. Но жизнь коротка. И хочется успеть объездить весь этот такой, в сущности, небольшой земной шарик, – показал он в воздухе шар приблизительно той величины, какой кажется нам луна в полнолуние, – потому что нет ничего лучше, как впервые увидеть и узнать то, чего еще не знал и не видел.

– Говорят, что я слишком увлекаюсь востоком, мусульманским и буддийским миром, – древними странами, некогда бывшими колыбелью цивилизованного человечества. Ну, что же: отвечу прямо. Там, под развалинами далекого прошлого, под мертвыми камнями, осталось еще много той честной патриархальной простоты и прямоты, которая на Западе и в Америке сменилась алчной всепоглощающей погоней за золотом – кровавым металлом, во имя которого совершается столько преступлений. Только там видел я последние искры поруганной и давно растоптанной веры, чувства долга, благодарности. Но и там уже люди – не братья.

Бунин говорил довольно долго. Конечно, не буквально передаю я его речь. Трудно, немислимо было бы помнить ее дословно ровно сорок лет, но за общую верность высказанных им мыслей – я ручаюсь. Забыла много мелких упреков, на каждом из которых он все же останавливался хотя бы двумя словами, – запомнила только самые главные. И до боли жаль мне той простой школьной тетрадки, куда записала я ее по памяти по приезду в Киев и куда вклеила все подробные статьи, отчеты, рецензии и даже мелкие заметки о Бунинском юбилее из всех тогдашних московских газет.

Речь Бунина слушали так, что казалось в этом зале, в неимоверной тесноте не было никого: ни шороха, ни вздоха, ни скрипа стулом не прервали его исповеди. И когда он кончил – публика еще долгую минуту молчала, не переводя дыхания и только потом грянула долгой, неистовой, восторженной овацией.

После второго перерыва Бунин выступил снова – со своими стихами.

Первое его стихотворение было как бы ответом его критикам, – гордым и горьким ответом непонятого человека. И, как всегда, Бунин облек свою мысль в форму стиха из Корана.

* *
*

Так говорит Господь: "Когда, мой раб любимый,
Читаешь ты Коран среди врагов моих –
Я разделяю Вас завесою незримой,
Зане смешон врагу мой сладкозвучный стих.
И сокровенных чувств, и дум, и песен много
От вас я утаил. Никто моих путей,
Никто моей души не знает, кроме бога:
Он сам нас разделил завесою своей.

Публика тихонько ахнула. Начали, было, аплодировать, но Бунин жестом погасив вспыхнувшие аплодисменты, продолжал:

* *
*

Как старым морякам, живущим на покое,
Все снится по ночам пространство голубое
И сети зыбких вант. Как верят моряки,
Что их моря зовут в часы ночной тоски –
Так кличут и меня мои воспоминанья.

На новые пути, на новые исканья,
Велят они вставать – в те страны в те моря,
Где только бы тогда я бросил якоря,
Когда б заветную увидел Атлантиду...
В родные гавани вовеки я не выйду,
Но знаю, что и мне в предсмертных снах моих
Все будет сниться сеть канатов смоляных
Над далью синюю, над зыбью океана –
Да чутко встану я на голос капитана.

Это было признание в том, что душа его никогда не успокаивается на достигнутом, вечно ищет, вечно стремится к совершенствованию и думает о том, что близок час конечного итога жизни.

Снова вспыхнули рукоплесканья, но не дав им воспламениться, Бунин продолжал:

* *
*

– Дай мне звезду! – твердит ребёнок сонный.
– Дай, мамочка!

Она, обняв его.
Сидит с ним на балконе, на ступеньках
Ведущих в сад. А сад, глухой, степной,
Идёт, темнея, в сумрак летней ночи,
По скату, к балке. В небе, на востоке,
Краснеет одинокая звезда.

– Дай, мамочка!..

Она с улыбкой нежной
Берёт худое личико.

– Что, милый?
– Вон ту звезду!..
– А для чего? Играть?
– Какая же ты глупая. Конечно!

Лепечут листья сада. Тонким свистом
Сурки в степи скликаются. Ребенок
Спит на коленях матери. А мать,
Обняв его, вздохнув счастливым вздохом,
Глядит большими светлыми глазами
На тихую далекую звезду.

Прекрасна ты, душа людская: небу
Бездонному, глубокому ночному
Мерцанью звезд подобна ты порой.

Это стихотворение произвело на меня особенно глубокое впечатление, неожиданным глубоким лиризмом и удивительным перевоплощением в душу матери.

Я не помню, как принимала это стихотворение публика, потому что только старалась унять внезапно брызнувшие из глаз слезы...

А Бунин прочел еще свою поэму, которая, кажется, называется, «Мать». Вещь это большая, строк во сто-сто пятьдесят. Помню я из нее только несколько отрывков:

Человечество не помнит,
Как творит оно легенды,
Как им спета Песня Песней,
Отчего возведена
На престолы горной славы
Красоты неизреченной
Позабывтая, простая,
Галилейская жена.
Лет тринадцать: Ожерелье
Из серебряных монеток,
На висках – татуировка,
Легкий кубовый покров,
Ниспадающий на плечи...
Ты ли это, Мать Бога
И Владычица миров?!

Рассказывается там о бегстве Марии и Йосифа с новорожденным Иисусом в Египет и о том, как говорит она своему сыну:

Расскажи о Назарете,

О простом и бедном быте,
О колодце, где я мыла
Твой заплатаанный хитон
И о том, что если будешь
Ты самим Владыкой Мира –
Багряницы и виссона
Будет мне дороже он...

Последнюю вещь публика приняла холодно, верно потому, что вещи на религиозные темы, пусть и трактованные в бытовом реалистическом плане, уже утратили для большинства передовой интеллигенции свой мистический смысл.

Но когда объявили заседание закрытым, все снова встали и проводили Бунина бурными аплодисментами.

Белоусов и другие писатели стали звать нас поехать в “Кружок” закончить вечер за дружеским ужином, хотя сегодня в “кружке” должно было быть пусто. Туда же поехал и Бунин с Верой Николаевной и всеми своими родственниками.

Пока он прощался с профессорами, мы быстро спустились вниз и поехали на санках вперед.

Было часов 12 ночи, но по столичному – рано. В “Кружке” Белоусов, как любезный хозяин и один из членов правления “Кружка” повел меня показать помещение, где все его достопримечательности, главной из которых была картинная галерея, а в этой галерее – портрет Льва Толстого кисти Репина. Висел он за легкой занавеской от солнца днем, и от пыли – ночью. Белоусов сдернул занавес и зажег электричество, проведенное так, чтобы наилучшим образом подчеркнуть его силу и прелесть.

Толстой стоял под цветущими яблонями, ярко освещенный утренним солнцем, бившим ему прямо в лицо. Казалось, что лицо его окружено солнечным нимбом. Но ничего иконописного не было в этом портрете. Наоборот. Это был человек и только человек в лучшем смысле этого слова. И только освещение было символическим, чтобы подчеркнуть, что Толстой не щурясь смотрит в глаза солнцу, потому что он сам – солнце нашей сумеречной эпохи. Вернее не сумеречной, а предрассветной, потому что каждый из нас предчувствовал близость чего-то еще неизвестного, но нового, яркого и могучего. Это бродило, как вино, в каждом из нас, кто мыслил и верил в будущее.

Кроме портрета Толстого там были хорошие пейзажи Переплетчикова, Маневича и других художников, но подробно рассматривать их было некогда. Показали мне библиотеку и читальню “кружка”, куда каждый писатель, бывавший в нем обязательно приносил, все свои только вышедшие произведения. Обошли мы уютные гостиные, где заседали по средам Бунинская “Среда” и по четвергам Брюссовская “Эстетика” и, вернулись в ресторанный зал, где поджидал нас Бунин и все прочие с ужином.

Сдвинули мы два столика и часа полтора незаметно пролетели за непринужденной беседой. Рядом была небольшая эстрада, где охотно выступали все присутствующие поэты, пианисты, актеры, скрипачи и даже солисты балета и оперные певцы. Тут не полагалось жеманиться: каждый исполнил свои лучшие номера и бывали запросто

лучшие силы всех искусств: Собинов, Шаляпин, Качалов, Гельцер, Книппер-Чехова и многие другие. Но в тот день в “кружке” было пусто, и я с грустью узнала, что сегодня суббота, а “бунинские дни” начались три дня тому назад в среду торжественным собранием литературной Среды, председатели которой был сам Бунин. Членами “Среды” были все поэты и беллетристы реалистической школы.

На другой день в четверг состоялось Бунина общество свободной эстетики или как просто называли его “Эстетика”. В обычное время Эстетика враждовала со средой, но по случаю такого шумного юбилея групповые распри были забыты и чествование прошло пышно и оживленно.

Абсолютно не помню нашего меню. Знаю, что пили мы только легкое белое виноградное вино, а Бунин резал ломтями лимоны, макал их в сахар и вино с наслаждением всасывая.

В беседе Бунин незаметно прощупывал мои литературные вкусы. Я мельком сказала, что стихи Брюсова кажутся мне холодными мертвыми изваяниями и Бунин заметил, что не один Брюсов, а вся его “Эстетика” пишет не душой, а одними словами, потому что душа всей эстетики – бездушный Брюсов. Заговорили о Бальмонте, и Бунин назвал его “кондитером”, который подает публике не литературу, а приторные и затейливо разукрашенные сладости вместо стихов.

Тут папа стал меня корить за увлечение Оскаром Уайльдом, Бунин заговорщицки подмигнул мне и шутливо сказал:

– Ну, это пустяки. Это скоро пройдет! Все отдадут дань моде и молодости, увлекаясь подобными фокусами. Но истинное величие всегда просто. А эти украшения – это модное и довольно безвкусное платье, которое скоро надоедает и на себе и на других.

И я невольно перехватила его взгляд, иронически скользнувший на кричащем своей роскошью туалету золовки Веры Николаевны.

Назвали стихи кого-то из молодых. И когда спросили мое мнение я немного смутившись сказала, что все их хвалят, а мне они не нравятся, потому что это набор бездушных и бессодержательных слов.

И Бунин, чокаясь со мною, одобрительно кивнул мне и негромко сказал:

– Правильно, Зинаида Павловна. Мы – между собой мастера и значит должны говорить только то, что думаем и чувствуем, отбросив всякий этикет. Это действительно “американское золото” с “парижскими бриллиантами”. А настоящая поэзия – это прежде всего – мысль и живая душа.

Советовал он мне много работать. Я со вздохом призналась, как мало остается у меня времени для себя с таким трудным факультетом как наш. Бунина возмутило количество чистой лингвистики в нашей программе.

– Чорт знает что. Это притупление мозгов, а не наука, – в сердцах воскликнул он.

И посоветовал сдавать лингвистику в пределах экзаменационного минимума, чтобы выкроить для себя лишний час ежедневных занятий.

Только в третьем часу ночи вернулись мы всей компанией в Лоскутную и легли отдохнуть.

Но привычка вставать в половине девятого не оставила меня и Москве. Жили мы тогда по астрономическому времени, поэтому даже в Москве смотрел в окно тусклый

зимний рассвет. Я быстро оделась, потребовала самовар, заварила чай, привела все в порядок и только тогда с трудом разбудила папу.

За утренним чаем застал нас Гальперин. Пришел узнать, когда думает папа выступить от имени Киевской прессы – днем или вечером. Тут я вдруг вспомнила, что надо съездить заказать букет для Бунина, потому что читать мои стихи можно только с букетом и только белым, из тех цветов, которые упоминаются в стихотворении.

Гальперин сокрушенно покачал головой: надо было заказывать цветы накануне, потому что сегодня воскресенье и значит все цветочные магазины закрыты. Я пришла в ужас. Видя мое отчаянье, Гальперин придумал выход: какой-то его знакомый богач заказал накануне роскошный букет и массу нарезанных живых цветов для своей приятельницы артистки. Он попробует сам, а еще лучше попросит Телешова уговорить этого богача переуступить мне для Бунина часть цветов. Папа со своей стороны стал просить Гальперина выручить меня, и он помчался исполнить свое обещание, за что мы оба от души поблагодарили его.

Пора было одеваться к Бунинскому приему, назначенному ровно в 12.

На этот раз я нарядилась в свое визитное платье из дорогого шерстяного фая цвета фрез, чуть потемней давленной земляники. Это платье было мне к лицу и пошито по оригинальному парижскому фасону из маминого журнала “_____”. Стоячий воротник и круглая вставка была из гипюра экрю с легким узором под цвет материи. Вставку обрамляла берта и пань-бархата в тон материи, но много темнее его, оттенка пьяных вишен. Такой же бархатный кушак-корсетик и бархатный шарф, падающий сзади до земли из-под тюника заканчивал отделку. А тюник красиво падал вперед двумя набегающими друг на друга остриями почти до земли, а сзади был не длиннее 40 сантиметров, с пышными красивыми сборками. Волосы я заложила красивой прической в древнеримском стиле с бронзовым обручем и такими же шпильками возле греческого узла.

Когда мы спустились, а в зале было человек 20 гостей. Вера Николаевна была уж тут, и познакомила меня со всеми. Самым почетным гостем был грузный, чуть сгорбленный академик Овсяннико-Куликовской, с крупными чертами запоминающегося лица, академик Веселовский, академик Бобрыкин с женой, высокой, костлявой старухой, туго затянутой в голубое парчовое платье, больше похожее на церковную ризу, чем на дамский туалет.

– Пиковая дома, – мысленно назвала я эту набеленную и нарумяненную, с фальшивыми локонами и чубами старуху, осыпанную бриллиантами и жеманно обмахивающуюся огромным веером из страусовых перьев.

Были тут и родственники Бунина, и старики Муромцевы, Белоусов с женой, Борис Зайцев, Телешов, Иван Шмелев, автор нашумевшего романа “Человек из ресторана” поэт Гиляровский с дочерью, начинающей поэтессой, артисты Мхата, профессор Евгений Ляпицкий, князь Сумбатов-Южин с двумя артистами Малого театра, смотритель Третьяковской галереи Мудрогель, профессор Сакулин, (преподаватель московской консерватории, фамилии не помню), семья меценатов Корзинкиных, делегаты от университета Шанявского, от большого оперного театра, от оперы Зимина, от Петербург-

ского Александринского театра, несколько иностранных журналистов. Ежеминутно входили все новые и новые лица. Человек десять московских студентов и курсисток робко жались друг к другу. Ада Чумаченко, художник Переплетчиков, братья Мешковы, Игорь Грабарь, знаменитые режиссеры, Михаил Павлович Чехов с О.Л. Книппер, алтайский писатель Георгий Гребенщиков, Кранихфельд, редактор «Современного мира» – да всех и не вспомнишь.

Я сидела почти все время возле Веры Николаевны и старалась всех запомнить. Были и знаменитые адвокаты и в том числе кузен моей подруги Наташи – Игорь Александрович Кистяковский, и академик-юрист Кони, старый папин знакомый по Петербургу, историк Кареев и т.д. и т.д.

Все прежде всего подходили к Вере Николаевне, как хозяйке, которая и сегодня блистала своей классической красотой в темно лиловом прозрачном, как туман платье из шерстяного вуаля на черном шелку, с полуоткрытой шеей, застегнутой звездой на нескольких просто оправленных крупных бриллиантов и букетиков белых ландышей и черных бархатных орхидей у пояса.

Карзинкины поднесли ей букет из таких же чернолиловых живых орхидей и ландышей. Я обоняла тонкий и чуть дурманящий аромат ее букета, но не робела и не чувствовала себя ничем, когда даже сам Овсяннико-Куликовский, редактор “Вестника Европы” и Кранихфельд, чуть вскидывали удивленно брови и почтительно целовали мне руку, говоря:

– Аа!.. ...Наша юная сотрудница. Как же, очень рады лично приветствовать.

Папа расцветал от каждого приветливого слова по моему адресу и то и дело подводил ко мне своих старых литературный друзей по Киеву и Петербургу.

Когда все приглашенные были в сборе, Телешов, Гальперин и другие члены юбилейного комитета пригласили всех занять места. И все стали рассаживаться вдоль стен, в креслах и на диванах, стульях и даже качалках. Тогда распорядители вывели под руки Ивана Алексеевича и поставили в глубине зала лицом к выходу.

Скрывшиеся куда-то на миг академики первыми выступили на середину зала во главе с Овсяннико-Куликовским. Огромный свиток пергамента с мягким шелестом развернулся и упал одним концом до полу и Дмитрий Николаевич громко и торжественно стал читать адрес-приветствие от Академии Наук своему почетному сочлену Ивану Алексеевичу Бунину.

Содержания адреса я, конечно, не помню, только последняя фраза навеки врезалась в мою память.

– И пусть отныне всякий любящий наш великий русский язык с любовью с благоговением да произносит ваше имя.

Бледный от волнения слушал Бунин эти величавые, полные значимости слова. Знал он, как скупа на похвалы русская Академия Наук и как много надо было сделать в жизни и каким талантом обладать, чтоб заслужить такое слово.

Приветствия сменялись приветствиями. Каждая делегация выходила на середину зала и либо говорила либо читала свои адреса. Не было конца речам и подношениям. Букеты, альбомы, роскошные папки и свитки пергамента, хрустальные и фарфоровые вазы художественной работы, хрустальная яхта “Вера” с серебряными парусами

и такелажем – для украшения камина, Портрет Льва Толстого кисти Репина, картина Переплетчикова, чек на 20 тысяч золотых франков на Лионский кредит для нового кругосветного путешествия, старинный гобелен, харасанский ковер, письменный прибор из слоновой кости и чудо японского садоводства на глубоком подносе вроде плоского ящика длиной в 70-80 см длиной см на 60 шириною – уголок карликового тропического леса из карликовых пальм и дубов, см в 50 высотой возрастом около полувека, с крохотным бассейном посредине и статуэткой слона из чистого золота. И снова адреса, свитки, альбомы, роскошные издания Данте, Пушкина и Шекспира и цветы, цветы.

До трех часов продолжалась эта вереница приветствий. Папа с Эйшинским и, кажется, с доктором Бонч Бруевичем, постоянным сотрудником «Киевской Мысли» тоже сказал небольшую речь от имени Киевской прессы, последними выступили студенты почти всех больших городов и в том числе я – от Киевского студенчества.

В конце концов все так устали от этого калейдоскопа речей и приветствий, что радостно перешли в соседний зал, где был сервирован холодный завтрак.

Тут Телешов незаметно отозвал меня в сторону и шепнул:

– Слово русского писателя, Зинаида Павловна, будет для Вас букет, мы с Гальпериным устроим.

Я просияла.

Завязались беседы, знакомства. Овсяннико-Куликовский любезно угощал меня зернистой икрой и устрицами. Итальянский поэт, приятель Бунина наливал бокал настоящего Лакрима Кристи. Молодые поэты подносили цветы и просили приколоть в волосы желтые розы Маршаль Ней. Старик Гиляровский, напоминавший мне Тараса Бульбу, пил за мое здоровье и писал в альбомах экспромт “Отец – певец пучин морских. Ты – яркий луч на водах голубых”. А я, как подсолнечник тянется к солнцу, – все искала Бунина глазами и прислушивалась к каждому его слову. И он не забывал никого из присутствующих и то и дело оказывался возле меня: то предложит что-нибудь особенно вкусное, то улыбнется своими большими миндалевидными лазурными глазами.

Но поговорить с ним не было никакой возможности: ежеминутно подавали ему телеграммы со всех концов земного шара.

А Гальперин украдкой шепчет:

– Букет будет вечером в ваших руках. Телешов только что повторно звонил Мантанову. Подобрали все цветы, как вы просили.

От вина чуть-чуть кружится голова. Легкий румянец выступает на щеках. Глаза горят ярче обычного. И в огромных стенных зеркалах улыбается другая Зинаида Тулуб, и кажется мне, что на общем фоне она не хуже, а много лучше многих присутствующих...

“Пиковая дама” скалит свои фарфоровые мертвенно-белые зубы, приглашает бывать у них в Петербурге, и, скосив глаза на букет Веры Николаевны шепчет:

– Безумная расточительность: одна такая орхидея стоит три рубля, а в букете не меньше сотни...

Мадам Морозова (говорят миллионерша) увивается вокруг папы и мне забавно следить, как она старается вскружить папе голову. Пусть ее: папина голова слишком крепкая – не удастся.

Ада знакомит меня с москвичами-студентами. Конечно, завязывается беседа о профессорах и новостях науки. Москвичи стараются затмить меня блеском имен своей профессуры. Но и я козыряю именами, Довнар Запольского, Флоринского, Гильярова, Лободы, а о столичных профессорах говорю уверенно, потому что читала и даже изучала их труды и каждому из них знаю цену. Говоря об Овсяннико-Куликовском называю его “своим редактором”, как сотрудница “Вестника Европы”.

Филологи стараются филологически расшифровать мою фамилию, но запутываются, не зная ни арабского, ни украинского, ни крымско-татарского. Я расшифровываю их фамилии. Получается нечто вроде филологических загадок.

– Робустов, – называет себя один из москвичей.

– Из духовного звания, так как в старину бурсаки давали друг-другу латинские клички.

– Верно! – восхищается Робустов.

А другой смугляк лукаво посмеивается.

– А моя фамилия Кафанников. Уж ее то никто не расшифрует.

– Почему, – улыбаюсь я. – Либо предки Ваши из Крыма, вернее из Феодосии, которую в старину называли Каффой, – либо были они табаководами и возделывали лучший крымский сорт табака Кафан.

– Студенты смеются. Оказывается, всех ловил Кафанников на эту удочку, а я все – таки на нее не попалась.

Но молодые поэты оттесняют студентов – и я уже сижу в кругу поэтов: Ада Чумаченко, Мешков, Вяткин, Гальперин и даже Коля Бернер, член Брюсовской “Эстетике”.

К нам подсаживается Бунин и мой папа. Мы все, как дети, жадно ловим каждое слово Ивана Алексеевича. Ада сидит от меня справа, а Бунин – слева. Ада кладет мне локти на колени, чтобы через меня дотянуться к нему и смотрит на него снизу вверх боготворящими глазами. Но не дают нам побеседовать с юбиляром: ежеминутно подают ему письма и телеграммы. И снова я в кругу профессоров и редакторов журналов. Знакомят меня с Тихомировой и другими членами редакции “Детского чтения”, спрашивают, что мне больше всего нравилось в детстве и в каком именно возрасте. Стараюсь отвечать подробно и точно, по годам. Восторженно вспоминаю статьи Рубакина, повести из военной жизни Немировича Данченко и исторические повести Альбова, Мордовцева и других авторов о Шекспире, Джордано Бруно, Жижке, детских годах Наполеона.

И время летит незаметно. Двое суток без сна, но от массы впечатлений и нервного подъема я не чувствую усталости. Наоборот: говорится необыкновенно легко и слова слетают с языка какие-то особенно меткие, красочные. Я – точно птица, взлетевшая высоко-высоко, точно морской корабль, впервые выходящий в океан. Дунуло мне в лицо дыханьем огромного неведомого и необычайно прекрасного мира. Розы в волосах благоухают тонко и нежно, обвивая голову своим ароматом. Угощают меня свежими финиками и ананасами, залитыми взбитыми сливками. Мне кажется, что и в этом – преддверье будущих странствований по далеким неведомым полусказочным странам, откуда Бунин вывез свой темно-золотой, нигде не сходящий загар, где вечное

лето, где цветы и бабочки, деревья и фрукты фантастически-красивы и ароматны и как бы созданы для наслаждения человека.

И, как бы угадывая мои сны наяву, Бунин начинает рассказывать об Индии и о Цейлоне, где люди вечно гибнут от голода среди изобилия, об их мучительном труде под тропическим солнцем, о стране, где леса и болота кишат ядовитыми гадами и насекомыми, а жалкие хижины из бамбука едва дают кров вымирающим от оспы и голода, чумы и холеры жителям, покорным судьбе и своей древней религией, запрещающей бороться со злом... И только белые плантаторы-санбы да местные магараджи утопают в роскоши, которой нет имени на нашем честном русском языке.

Гаснет короткий зимний день. Гости начинают расходиться. Поднимаемся и мы к себе в номер. Но... надо идти разыскивать мадемуазель Пикль, которая до сих пор переписывается с мамой и к которой, если забыть стычки из-за несчастной Японской войны и из-за кайзера Вильгельма, все-таки осталось в душе теплое чувство. А главное встреча с Адой так оживила воспоминания о детстве, о Таганроге, милым солнечным юге, о котором я так часто и долго тосковала в дождливом и сравнительно холодном и душном Киеве...

Пикль живет теперь в семье миллионера Красильщикова, родственников Морозова. Мы поднимаемся вверх по Тверской, и не доходя квартала до памятника Пушкину, поворачиваем в переулок, где дом Красильщиковых. Но Пикль нет дома. Мы оставляем ей визитные карточки и возвращаемся домой пешком. Уже ночь, час нашего привычного обеда. А на приеме у Бунина я лакомясь только закусками, да разными фруктами и теперь чувствую голод. Проголодался и папа. Заходим в большое кафе, кажется, Филиппова, требуем порции московской кулебяки и сосисок, и возвращаемся в Лоскутную часам к семи.

И снова некогда отдыхать: надо переодеться, причесаться и к банкету. И, как всегда, перед большим торжеством, надо что-то переметать, почистить, приколоть.

Надеваю свое самое нарядное вечернее платье, небесно-голубой шерстяной вуаль, вышитый шелком и серебром. Надеваю белые шелковые кружевные чулки и белые лайковые туфли на высоких французских каблуках. И вдруг с ужасом замечаю, что забыла в Киеве белые ботинки, которые надевала только на белую обувь. В будничных ботинках, в которых ходила я в черной обуви туфли тотчас запачкаются. Я в отчаянии. Попробую завернуть туфли носовыми платками, но ничего не выходит. Вдруг входит Бунин с Верой Николаевной уже в пальто, чтоб вместе ехать в "Кружок". Иван Алексеевич советует надеть на туфли мужские носки, но у папы с собой нет лишней белой пары. Бунин просит Веру Николаевну принести его белые шелковые носки и вместе с папой помогает натянуть их на мои ноги. Я смущена, а Бунин лукаво шепчет, что с такими ножками, как у меня, не грех ходить в коротеньких платьях и даже босиком. Ноги у меня действительно маленькие (34-й номер обуви) с высоким подъемом и стройными икрами с тонким перехватом у косточки. Я невольно краснею и вспоминаю, что в одном рассказе он говорит, что оценивать женскую красоту надо, начиная с ног...

Кто-то задерживает Буниных в вестибюле гостиницы мы с папой садимся в санки и мчимся в "Кружок" одни.

Двух с половиной этажное здание “Кружка” сияет огнями. На лестнице парадные ковры, кругом пальмы, олеандры и лавры. Толпится народ. Мужчины во фраках и смокингах и изредка в бархатных толстовках с большими кружевными воротниками. Верно, поэты или художники. Дамы в вечерних открытых туалетах из кружев и прозрачных тканей, или наоборот из тяжелых бархатов и шелков. В волосах, ушах и пальцах бриллианты и жемчуга. Аромат живых веток цветов сливается с ароматом духов. Как крылья тропических бабочек бьются о кружева и шелк огромные веера из страусовых перьев. Руки в длинных белоснежных перчатках. Шелестящие трэни ползут по коврам, или скользят по блестящим паркетам, горностаи и соболя прикрывают обнаженные плечи.

Беседуют вполголоса, стоя. Все ждут юбиляра. Вдруг откуда-то раздается торжественный марш из “Тангейзера”. Все бросаются на лестницу – и мимо нас проходит между рядов рукоплещущей публики Иван Алексеевич в черном фраке с белоснежным букетом в руках под руку с Верой Николаевной в белоснежном туалете наполовину из легкого шелка, наполовину из настоящих кружев «Шантильи», красиво драпирующихся на ее высокой стройной фигуре. Волосы ее по-прежнему гладко причесаны и заколоты на затылке одним узлом и только на открытой шее сверкает и переливается звездной россыпью бриллиантовая ривьера.

Все строятся парами и под звуки марша входят в банкетный зал. Тут стоят четыре длинных параллельных стола и пятый поперечный, примкнутый вплотную ко всем продольным. За этим пятым столом занимает центральное место Иван Алексеевич с женой.

Сервировка поражает своей роскошью. Скатерти тончайшего полотна падают почти до пола. Хрусталь, чеканное серебро, бронзовые канделябры – все искрится как морозные узоры на окнах. Между приборами скатерть покрыта белыми цветами, головка к головке.

Более тысячи цветов благоухают и на скатерти, и в высоких хрустальных вазах между приборами и от вазы к вазе протянуты гирлянды воздушной (аспарагуса и других неведомых мне южных растений).

Сперва закусывают стоя возле отдельных закусовых столов вдоль стен, потом распорядители Телешов, Белоусов, Гальперин и еще кто-то указывает каждому приглашенному его заранее расписанное место. Кто-то говорит, что с утра банкет был заказан на 410 кувертов, но за день прибавилось несколько десятков человек. Мы оказываемся в центральном проходе продольных столов, человек через пять-шесть от Бунина, в обществе Георгия Чулкова, Бориса Зайцева с женой, жены Белоусова, Михаила Павловича Чехова и других. Напротив усаживается автор модной пьесы «Касатка» Алексей Николаевич Толстой с женой, смуглой худощавой в роскошном серебристом кружевном туалете, вся в бриллиантах, но с таким поразительном декольте, что касается, вот-вот платье спадет с нее на пол и она совершенно нагая, как Венера, выходящая из вод морских.

– Графиня Хайка, – шепчет жена Белоусова. – У него каждый литературный сезон другая подруга, но эта еврейка кажется, подцепила его навсегда.

Рядом с нею петербургский популярный, но посредственный писатель Борис Александрович Лазаревский, в какой-то странной полуохотничьей серой куртке, Мария Павловна Чехова, брат Бунина Юрий Алексеевич.

Позади стол артистов, но я пока стесняюсь оборачиваться, хоть и любопытно знать, кто там.

Председателем банкета выбирают князя Сумбатова-Южина, актера и драматурга. Он предлагает желающим выступить записаться у него в список ораторов. Я шепчу папе, чтоб он меня записал, но Телешов кивает нам, я уже в списке – девятой. А ведущий Гальперин летит ко мне с небольшим, но пышным, прелестно составленным букетом из белых роз, лилий, магнолий и ландышей.

– Ни лотосов, ни ненюфаров в Москве нет, – шепчет он мне. Манташов звонил во все цветочества Москвы и в подмосковные. Пришлось заменить их магнолиями. Издали они похожи на лотосы.

Но я так благодарна, что только радостно улыбаюсь в ответ. Папа тихонько спрашивает, сколько с нас следует за цветы, но Телешов и Гальперин только машут руками:

– Что вы! Что вы! Манташов обидится. Он архимиллионер и достал цветы потому, что читал стихи Зинаиды Павловны и готов за них не то что достать цветы, но и осыпать их бриллиантами.

Я прошу передать ему самую горячую благодарность и записываю его телефон.

Первым оратором выступает снова Дмитрий Николаевич Овсяников-Куликовский. И снова торжественно подчеркнуто-значительно звучит его голос, приветствуя Ивана Алексеевича, как академик и как редактор «Вестника Европы». Бунин с бокалом шампанского идет с ним чокнуться, потом они обнимаются и по русски трижды целуются с ним.

Музыка играет туш.

Я оглядываюсь:

– Где Бальмонт? Где Брюсов? Блок?

Вокруг меня чуть-чуть улыбаются. Неужто я не догадываюсь, какая профессиональная зависть бушует в их сердцах?! Блок живет в Питере, Бальмонт куда-то уехал... Не даром пишет он сам про себя:

– Я – изысканность русской медлительной речи.

Предо мной все другие поэты – предтечи.

Ну, а Брюсов, конечно, не явится. Он дипломатически болен.

– А Версаев? А Куприн? А Короленко с Леонидом Андреевым.

– Из них один Версаев москвич. Но у него желчь не в порядке. Не любит он чужих празднеств. Трудный у него характер, – объясняет Белоусов, который в качестве распорядителя почти не присаживается. – Андреев живет в Финляндии, Куприн – в Питере, а Короленко в Полтаве. Все они прислали телеграммы. Большого мы и не ждем.

– И притом Короленко примыкает к Эс-эрам, а Иван Алексеевич – ближе к эс-дэкам, – объясняет еще кто-то.

Но из сказавшего достаточно, чтоб приоткрыть предо мной, неофиткой, кулисы писательского быта. Значит, тут только друзья – подлинные, настоящие. И, может быть, и среди них...

Но к чему рассуждать, когда надо видеть, слышать, запомнить все-все. Ораторы сменяют ораторов. Я начинаю волноваться: в списке я девятая – значит, скоро. Говорит адвокат Игорь Кистяковский, говорит Сумбатов-Южин, Евгений Ляцкий, петербургский профессор. Затем Брандт. На этот раз он шутиливо начинает по привычке филологов, с филологии слова банкет – от итальянского слова «банкетто» – скамеечка. Все весело смеются и аплодируют ему. Впрочем, аплодируют всем, но одним меньше, а другим – больше, но всегда весело, от души. Почему же выступают только мужчины? Неужто я одна женщина отважусь выступить перед всеми? От шампанского у всех чуть приподнятое настроение, но все трезвы, приличны и даже порою – изящны. Только Алексей Толстой, приехавший на банкет полупьяным, то и дело прерывает с места ораторов.

– Граф Алексей Николаевич, – провозглашает князь Сумбатов, – призываю ваше сиятельство к порядку!

А Толстой, (толстый под стать фамилии) грузный и уже начинающий лысеть выпячивает свою ослепительную фрачную манишку и отвечает на весь зал заплетающимся языком:

– Нне ммогу ммолчать! Дядюшка Лев Николаевич писал: «Не ммогу ммолчать». Нну и я ттоже нне могу ммолчать!

Полуголая жена его тихонько шипит на него, передергивая костлявыми плечами. Он умолкает, но когда начинает говорить следующий оратор, он вдруг поднимает брови и, указывая на хоры, где сидит кучка каких-то подозрительных типов («Филеры», «Гороховые пальто» – шепчут вокруг), громогласно с вызывающим жестом провозглашает:

– Вваше здоровье, господа охранники!

Филеров точно ветром сдуло. Хохот. А князь Сумбатов с невозмутимо-торжественным видом, точно ничего не произошло, вторично провозглашает:

– Граф Алексей Николаевич, вторично призываю ваше сиятельство к порядку.

И тем же заплетающимся языком Толстой отвечает:

– Ваше сиятельство, я уж имел честь вам доложить, что я нне ммогу молчать.

Перепадка двух сиятельств приводит меня в бодрое и веселое настроение. Букет благоухает у меня на коленях. В снятой перчатке листок с переписанным на всякий случай стихотворением. И вдруг Сумбатов снова встает с места и громогласно провозглашает:

– Слово предоставляется поэтессе Зинаиде Павловне Тулуб.

Я поднимаюсь с места и не могу понять, почему вдруг вспыхивают аплодисменты. Хлопает Овсяннико-Куликовский. Хлопает Сумбатов, наш тамада, хлопает сам Иван Алексеевич, улыбаясь мне сквозь гирлянды воздушной зелени, за которой и он, и Вера Николаевна сидят, точно картины в зеленых рамах. Мгновенье стою молча и когда все стихает – зазвеневшим голосом начинаю свое приветствие, прижав к груди свой букет:

Прими мои цветы, Их сноп благоуханный,
Быть может, в тишине с тобой заговорит,-
И нежный аромат, мистический и странный,
Тебя, как облако, дремотно осенит.

Я в розы нежные, что никнут горделиво,
Махровым венчиком на гибких стебельках,
Волью огонь мечты и яркой и красивой,
Как отблеск алых зорь на млечных облаках.

И в белый ненюфар, в глазок его огнистый
С лучами яркими тычинок золотых
Я спрячу поцелуй, мечтательный и чистый,
Как зыбкий луч луны на водах голубых.

Вплету я в лилии, – в атласные бокалы,
Налитые росой прохладной до краев,
Моих девичьих слез лучистые кристаллы
И искры светлые моих волшебных снов.

Пусть аромат цветов, обвеяв дух поэта,
Зажжет его огнем немеркнувшей мечты,
Чтоб он светил векам лучом живого света,
Как гений радостный бессмертной красоты.

Каждый выступающий подходил к Бунину с пенным бокалом шампанского. А я забыла свой бокал и пошла к нему с прижатым к груди снопом белоснежных цветов. Он дрогнул, быстро поставил бокал в пену цветов на скатерти и, когда я широко взмахнув обеими руками, протянула ему через стол цветы, он схватил их вместе с моими руками и несколько раз попеременно горячо поцеловал мои руки. Весь зал гремел аплодисментами. И чей-то голос произнес над моим ухом скандируя под гексаметры:

Так мудрая Псаффа цветы приносила Алкею
И в белых цветах – полнозвучную душу свою.

До сих пор не знаю, кто сказал и откуда эти строки. Знаю только, что пока я шла на место – со всех сторон тянулись ко мне мужские и женские руки, улыбались чьи-то глаза, поднимались приветно бокалы, и белая пена стекала по хрустальному, в котором кипела золотистая влага...

И вместо надоевшего туша с хор лились звуки какой-то певучей мелодии.

У папы на глазах сверкали слезы. А я села, низко опустила к губам руки, которые только что целовал Бунин...

Я не сразу поняла, что говорят мне писатели, почему целует меня Ирина Павловна Белорусова и другие дамы, каким образом Борис Лазаревский, сидевший напротив, внезапно нырнул под стол и очутился рядом со мной, нашептывая мне какие-то банальные любезности. Это было диссонансом к моему настроению. Но в эту ночь – все в мире, даже глупость – казалась мне прекрасной и гармоничной.

А банкет шел своим чередом. Выступали писатели, артисты, ученые, адвокаты, депутаты государственной думы, Я понемногу успокоилась и незаметно рассматривала

публику. Позади сидели актеры и артисты оперы. Ирина Павловна любезно называла мне их: Книппер-Чехова, Скрябин, Гзовская, Гельцер, Пашенная, Мознухин, Алексеев, Лилина, Лужский, Эрденко, Немирович-Данченко...

Сумбатов и Телешов оглашают телеграммы от Максима Горького, Олигера, Куприна, Федорова, Нилуса, Л. Андреева, Бальмонта, Жемчужникова, Шалапина, от польских писателей Жеромского и Свентоховского, от Рахманинова, Глиера, Ипполитова-Иванова, Есиповой-Лещетицкой, от русских политэмигрантов из Парижа, Цюриха, Лондона, от Рабиндраната Тагора, от турецких и итальянских поэтов, от японских писателей, от Лондонской, Загребской, Парижской академии наук, от румынской королевской писательницы Кармен Сильвы.

Голова кружится от этого потока имен. Распорядители охрипли от чтения и в конце концов показывают издали горку телеграмм высотой в добрых 15 сантиметров, точно две толстых книги. И невольно публика разбивается на группы и вполголоса начинает беседовать.

В шестом часу утра за столами поредело. Бунин снова к нам подсел и попросил переписать ему на память мое стихотворение. И тут мы все сообразили, что за речами и тостами почти не прикоснулись к роскошному ужину и тесной компанией человек в 15 велели себе подать «ужин на бис». Бунин сидел рядом со мною, улыбаясь счастливой, усталой улыбкой. Беседуя с ним, я машинально собирала разбросанные по столу цветы и плела из них веночек.

– Это для кого? – спросил Бунин вполголоса, чуть наклонившись ко мне.

– Если бы он был втрое прекраснее – он был бы для Вас, – так же тихо ответила ему я. Но я никогда не решусь надеть его на Вас, Иван Алексеевич.

– Отдайте мне его. На память... Я никогда не забуду этого вечера и никогда не забуду вас, – совсем беззвучно сказал он.

Я только глянула на него, взмахнув ресницами, и молча протянула ему веночек.

И когда мы наконец стали прощаться, он на миг отпахнул полу пальто и показал мне спрятанный под ним веночек.

– Я надену его, когда останусь один, – сказал он и снова прижал мою руку к губам.

Проснулись мы с папой после полудня. Я долго молча лежала, не подымая тяжелых светонепроницаемых штор. И мне казалось, что лицо мое светится во мраке, как фосфорящееся осенью Черное море...

Папа спустился вниз и принес целый ворох газет с описаниями и отчётами о Бунинских торжествах. Я сложила их в чемодан, чтобы увезти с собой в Киев.

Тут явился к нам Баскин Серединский, бедный киевский старик-еврей, родом из белорусского местечка Серединки. Жил он обычно в Киеве у замужней дочери и, ради грошового заработка работал агентом одной из кино-фирм по съемке кино-хроники. Не будучи вхож к Ивану Алексеевичу, он просил нас уговорить Бунина сняться для кино-хроники вместе с нами и другими приехавшими на его юбилей писателями и в первую голову с Овсяннико-Куликовскими. Папа написал Бунину записочку и передал через гостиничного лакея. Бунин ответил, что после бессонной ночи и шампанского у него болит голова и просил отложить это дело на завтра. Баскин был в восторге и помчался в контору кино-фабрики договариваться с оператором, а мы собрались делать визиты.

Побывали мы у Овсяннико-Куликовских, стоявших тоже в Лоскутной, у Гиляровского в редакции «Детского чтения» и «Русского слова», где у папы были дела. По телефону поблагодарила я Манташова за его любезную помощь с цветами, затем отправились на Спиридоновку к Екатерине Экк, писательнице, сотруднице «Русской мысли». У нее пили мы чай, слушали игру на скрипке ее дочери Галочки. Настоящая фамилия Екатерины Михайловны Экк-Курч, а «Экк» – псевдоним. Галочке было тогда лет 15. Училась она в консерватории по классу Эрденко, бывшего профессора Киевского музыкального училища. Был у Галочки дивный голос, но ей еще рано было учиться пению, хоть мать уже тогда пророчила ей славу мировой певицы.

Приглашали нас к себе и Белоусовы, но жили они очень далеко, за Семеновской заставой и мы просто не успели их посетить.

С Буниным снова встретились мы в доме Муромцевых, патриархальной русской дворянской семьи. В столовой у них увидела я репродукцию-гравюру «Св. Цецилии Дольчи». И мадам Муромцева-мать подтвердила мне, что они тоже были поражены сходством их Верочки со святой Цецилией и вместо Верочкиного портрета повесили себе гравюру Дольчи. Только у Веры Николаевны нос был несколько иного рисунка, чем у Дольчи.

В этот день узнала я и некоторые подробности из жизни Бунина. Первая жена его была одесская гречанка Анна Николаевна, из семьи коммерсантов. С нею Иван Алексеевич прожил года полтора, но не выдержал атмосферы их среды и сбежал от душевного болота, которое грозило его засосать и погасить в нем душу живую. Анна Николаевна из женской мстительности не пожелала дать ему развода. Ведь, брак тогда был церковный, а священники разводили только тогда, если одна из сторон возьмет на себя вину и тогда, по расторжении брака, виновной стороне не разрешают вторичного супружества. Обычно, если добровольно никто не брал на себя вину в прелюбодеянии, приходилось разыгрывать полнейшую комедию: требовавший развода нанимал специальных свидетелей, которые должны были застать его или ее в постели, голышом с нанятым для этого партнером или партнершей, обычно в номере какой-нибудь подозрительной гостиницы. За такие представления и свидетели, и партнеры требовали солидные куши денег, не меньшую мзду требовали и попы, члены духовной консистории, чтоб ускорить развод, который они тянули годами, если взятки бывали, по их мнению, недостаточными. Иногда они пускали своих клиентов по миру своими непомерными поборами.

Полюбив Веру Николаевну, Иван Алексеевич обратился к жене за разводом, но когда она ему категорически отказала, он прямо и открыто заявил семье Муромцевых, что не в состоянии ни морально, ни материально затевать развода со всей связанной с этим грязью и пошлостью, взятками и поборами, шантажами и вымогательствами. И тогда семья Муромцевых – люди передовые, умные и возмущавшиеся не менее Бунина грязью и подлостью консисторских чиновников решили бросить перчатку обществу и соединить свою дочь с Буниным гражданским браком: устроили большой званый вечер, роскошный ужин и в присутствии массы гостей, цвета культурных сил, науки и литературы России торжественно благословили дочь стать женой величайшего поэта своего времени.

Передовое общество поддержало почин их семьи и, вопреки пережиткам старой мешчанской морали демонстративно продолжали принимать Верочку Муромцеву, как жену Бунина и всячески подчеркивать свое безразличие к тому, освящен ли их брак церковным обрядом или нет.

Узнав все это, я с грустью подумала, как ужасно, что бабушка Тулуб не дожила до начала двадцатого века, когда среди передовых людей уже почти никто не спрашивал у дамы, обвенчана ли она в церкви, или нет. Тогда жизнь ее сложилась бы совершенно иначе и – главное – несчастный юноша Женя Кармазин не покончил бы жизнь самоубийством из-за своего ложного положения в свете...

В этот день я почувствовала себя такой усталой и измученной непривычной сутолокой и бессонными ночами, что готова была отказаться от всего в мире, лишь бы хорошо выспаться. Поэтому вернулись мы в гостиницу по московски рано, часов в 12 и сразу улеглись спать.

Утром я почувствовала себя бодрой и отдохнувшей. Папа съездил на городскую станцию за билетами, а потом мы отправились вместе с ним в Новые ряды на Красную площадь купить маме подарки. В магазине шелковых тканей я попросила показать шелка на блузки. Нам выбросили на прилавок не менее 30 рисунков кремовых и белых шелков. У меня глаза разбежались от такого чудесного выбора. Тогда папа сказал выбрать две самых хороших материи и мы дадим маме выбрать, которая из них придётся ей больше по вкусу, а вторая останется на блузу мне.

Так мы и поступили. Затем съездили в кондитерские, накупили московских булочек, тортов, шоколадных конфет Абрикосова и Эйнема и вернулись в Лоскутную. Тут поджидал нас Белоусов, приглашая нас к себе на обед. Мы пообещали быть у Белоусовых в 4 часа, а сами вместе с Буниным, Верой Николаевной, Овсяннико-Куликовским с женой и Баскиным-Серединским отправились в «Кружок», где за домом был большой сад, занесенный снегом, где должны были нас снимать для кинохроники. У дверей Лоскутной откуда-то вынырнул Борис Лазаревский и тоже поехал вместе с нами.

Оператора еще не было. Мы сидели в вестибюле «Кружка», не снимая пальто, и беседовали. Лазаревский увивался вокруг меня и нашептывал мне свои банальные, избитые комплименты. Меня же тянуло побеседовать с Буниным и он мне откровенно мешал.

– Зачем вы его пригласили? – укоризненно шепнул мне Бунин, когда Лазаревский на минуту исчез.

– Я его не приглашала. Я думала, что вы его пригласили, – удивленно и даже обиженно отозвалась я.

– Значит, он сам навязался. Вот смола, – вздохнул Бунин. Я хотел сняться со своими друзьями, с Вами, с Вашим милым папой, с Дмитрием Николаевичем, а вовсе не с ним.

– Даа... Теперь уж не отвяжешься, – покачала я головой. – А у меня к Вам, Иван Алексеевич, большая просьба. Позвольте мне показать Вам несколько моих стихотворений. Прочтите их и вообще скажите, что вы об них думаете. Но только одну настоящую правду.

– Когда же? – задумался Бунин. – Завтра разве?

– Нет, мы сегодня вечером уезжаем. Папа уже взял билеты. У него вроде завтра заседание в суде.

Подумав, Бунин назначил мне прийти к нему в 6 часов вечера.

А время шло и оператора не было и съёмка так и не состоялась. Баскин волновался, бегал к телефону, кому-то звонил, с кем-то спорил. Наконец выяснилось, что директорша кино-фабрики послала оператора снимать спортивное состязание и что вернётся он через час. Мы не могли больше ждать и, к великому огорчению Баскина, и моему, разъехались в разные стороны.

Белоусовых застали мы уже за обедом. Оказывается, был у них какой-то семейный праздник и по этому случаю обед был парадный и по-московски обильный.

Но я так спешила на свидание к Бунину, что, извинившись, не стала пить послеобеденного кофе и мы умчались в Лоскутную.

Бунин меня уже ждал. Попросил Веру Николаевну всем говорить, что его нет дома и увёл меня к себе в соседний номер.

– Только не обижайтесь, если я всё скажу прямо. В литературе у меня одна мерка и для меня, и для других, – говорил Иван Алексеевич, усаживая меня у своего рабочего стола.

– Я не прошу никаких скидок, – ответила я серьёзно. – Похвалить может всякий и от похвал пользы нет, а дельно, серьёзно указать недостатки можете только вы.

Он сел против меня за скромным гостиничным письменным столиком, чуть побольше дамского, включил лампу под зеленым абажуром и стал читать. В каждом стихотворении находил он или немзыкальное звуко сочетание, или неудачный эпитет. Попробовал раз подсказать направление, но я тотчас перебила его:

– Не надо, Иван Алексеевич! Знаю, что я сама не сумею, пожалуй, так хорошо исправить, как вы, но мне надо научиться ВИДЕТЬ свои ошибки и НАУЧИТЬСЯ их ИСПРАВЛЯТЬ. Иначе я всю жизнь буду ходить с палочкой чужой помощи.

И Бунин со мной согласился. Посоветовал в односложной рифме добиваться того созвучия, чтоб и в предшествующем слоге звучали соответствующие друг другу глухие и звонкие (З – С, Д – Т, В – Ф). Не понравилось ему в одном стихотворении выражение «немые холмы».

– Разве могут они быть говорящими? Нельзя оставлять в стихах таких пустых избитых слов. Разве хорошо, например, сказать: «Стоит, как вкопанный», или «Стоит, как столб», или «покраснел, как рак», когда мы каждый день и час слышим эти избитые выражения.

С голоса он не брался ничего критиковать: читал только написанное и останавливался на каждой фразе.

Прочел он такой куплет:

Не наноси удара сновиденью!
Дай просветлеть огнем живой мечты,
Сказав, как Фауст, бегущему мгновенью:
«Остановись, прекрасно ты!»

«удара сновиденью» – ему не понравилось:

– Это слишком материально, грубо, физически ощутимо. Надо сказать легче, воздушно.

Затем удивился, что я пишу имя «Фауст» с дифтонгом «ау», когда по русски оба этих гласных звука – полные слогаобразующие. Я заспорила. Ведь, по немецки это дифтонг, и вся наша интеллигенция знает немецкий, зачем же ломать иностранное имя на русский лад. Он оставил вопрос открытый и даже сказал:

– Ну, здесь вам, филологи, и книги в руки.

Я все поглядывала на карманные часы Бунина, которые он положил на стол, потому что у меня были в распоряжении считанные минуты. Надо было спешить на вокзал.

– Ну а вообще. Стоит ли мне писать? – замирая, спросила я, когда он собрал мои последние листочки.

– А вообще – хорошо. Работать надо! Много! Долго! Упорно! Талант – это труд, большой и долгий труд по шлифовке природного дарования. Бросьте все, что мешает работать. И боже вас сохрани – променять литературу на мещанское счастье. Я не говорю быть всегда одинокой, но совмещать семью и творчество можно при больших средствах, которых у вас нет. Иначе, конец будет вашему восхождению. Пишите мне. Буду рад помочь. Мы между собой мастера и должны помогать друг другу. Трудно плыть против воды, и мне тоже трудно. Но теперь нас с Вами подняли волны. Теперь поплывем мы по воде.

– Спасибо Вам, – сказала я сдавленно, вставая. – Я никогда ни от кого не получила столько, сколько дали вы мне за этот час. Я уловила тайну отделки стиха. Я буду работать. Много, упорно. Труда я не боюсь. Пойду напрямик, прямо на крутизну.

Он взял мою руку, глянул мне в глаза с невыразимой лаской и поднял мои пальцы к своим губам. В голове моей смутно мелькнуло, что надо поцеловать его в голову. Так полагается в серьезные минуты. Я качнулась к нему, но Бунин так порывисто выпрямился, что поцелуй мой пришелся чуть пониже его глаза возле виска. Он дрогнул весь, сжал меня на миг в судорожных сильных объятиях и впился мне в левое плечо таким бешеным поцелуем, от которого долго оставался синяк на моем по детски худеньком плече...

В порыве смущенья, восторга, раскаянья за свою неловкость и благодарности, которой нет имени в человеческой речи, я наклонилась и поцеловала его руку.

Вся помертвев от ужаса выпрямилась я, закрыла лицо руками и выбежала в комнаты. Вихрем помчалась я по коридору, свернула к нам в номер, где папа старательно укладывал наши вещи, остановилась у своей кровати лицом к стене, и непривычная что-либо скрывать от папы – не своим, беззвучным голосом прошептала:

– Не знаю, как это случилось, но я... его поцеловала.

Папа бессильно спустился на стул.

Оба молчали мы минуту-другую. И вдруг папа спохватился.

– Скорей укладывайся. Опоздаем к поезду!

Вдруг вошла Вера Николаевна, с которой я даже забыла проститься, помогла мне запереть ключиком чемодан, горячо обняла меня на прощанье и шепнула:

– Будьте счастливы. Пишите. И нам пишите. Большой, светлый путь перед Вами. Так велел Вам сказать Иван Алексеевич.

Обратно ехали мы в мягком вагоне. Всю ночь баюкал меня ритмичный перестук колес и покачиванье купе. Я дремала, погруженная во что-то огромное и прекрасное, точно расцвел в душе сказочный огнецвет, который таила я от всех годами, точно священную чашу Грааля из брабантской легенды о Лозенгине.

Так пришла ко мне самая великая, самая одухотворенная и лучезарная своей чистотою любовь моей жизни.

В Киеве и мама, и Галя были поражены какой-то странной во мне переменной. Как будто бы все оставалось по старому: ходила я на курсы, училась, читала, писала стихи, но какой-то новый внутренний свет сиял в моих глазах и даже я сама замечала, что похорошела после Москвы. Часами рассказывала я маме и Воле обо всем виденном в Москве, повторяя каждое слово Бунина, стараясь передать интонации его голоса, его выговор, описывала все что было на его юбилее и каждый раз эти рассказы подымали меня, бодрили и радовали. И мама чутко поняла, что это была не просто поездка полная яркими впечатлениями, а великое посвящение всей моей жизни творчеству.

По иному стала я относиться к филологическому факультету. Если я раньше вкладывала в подготовку к экзаменам, записывание лекций и издание их, в слушание лекций и писание рефератов не только все свое внимание, силы и пылкий энтузиазм души, радуясь каждой крупнице новых знаний ежедневно попадавшей в голову, то теперь я остро почувствовала, что все, что может дать мне факультет в смысле расширения умственных горизонтов, овладение научным методом, чтения художественных произведений и научных трудов в любой отрасли – я уже получила. Остается только дослушать последние предметы учебной программы, заучить их и сдать.

Лекции я по прежнему посещала добросовестно и аккуратно, но душа моя не была больше в наших душных и шумных аудиториях. Она звучала теперь сложным оркестром ритмов и мелодий всех времен и народов, расцвечивалась новыми оригинальными образами, звала меня к уединению, к письменному столу, к ювелирной отделке каждой строчки, каждого выражения, – и главное – к новым темам и настроениям. Не Старшая Эдда, не ведийские тексты, не стихи Виньона, вроде его «_____», а русские сонеты, былинные стихи, октавы, элегические листики-поэмы занимали меня теперь. Тянуло и на прозу. Пробовала и в этой области марать бумагу, но ничего пока не выходило: проза у меня выходила ритмичной, почти стихотворной. Я догадывалась, что в прозе есть своя внутренняя музыка, гармония, но уловить ее тайну еще не могла. В эту зиму начала я писать свою поэму «Саломея», которая так и осталась у меня ненапечатанной.

На курсах я ни с кем, кроме Гали не поделилась внутренним переворотом, случившимся со мной. Кистяковской и Надпорожской и некоторым другим рассказала внешнюю сторону Бунинского юбилея – о том, какие получил он приветствия и подарки, сказала, что и я приветствовала его, но во внутренний свой мир никого не пускала. Это было для меня мое святое святых, куда и я уходила только дома поздно вечером, за своими рукописями...

Вскоре папа получил от Бунина подарок – его книгу «Суходол» с надписью и любезное письмо, в котором он благодарил папу и меня за приезд, за знакомство – за то что мы были капельками той волны, которая подняла его выше прежнего.

Моя подруга Галя Елеонская проводила предыдущие лето в Ялте. Жили они на какой-то даче, где целых 7 или 8 комнат выходили на одну общую террасу, обращенную к морю. В одной из этих комнат поселился офицер лейб-гвардии уланского полка, поляк Станислав Ясинский, а рядом с ним его замужняя сестра баронесса «Г». Вскоре все жильцы, как это бывает на всех курортах, перезнакомились и Ясинский стал ухаживать за Галей. Галя, по обыкновению, поддразнивала и подзадоривала его ухаживанья, потому что внимание аристократа-гвардейца забавляло ее и льстило ей, как поповне. Ясинский, видимо, думал завести легкий курортный флирт, но Галя дальше совместных прогулок верхом, и, быть может, нескольких поцелуев в темном углу, по обыкновению, не пошла. Нашла коса на камень, Ясинский, раздраженный ее кокетством, упорствовал, а она твердо стояла на своем и не позволяла ему ничего лишнего. Тогда Стась сделал ей предложение и объяснился с матушкой Елеонской. Та сказала, что Галя сама решит, как быть, решит свою судьбу и что она, как мать, вмешиваться в это не станет. А Галя дразнила его, продолжала смеяться, отшучиваться и не давала никакого ответа.

Однажды поздно вечером, когда вся дача уже спала, Галя вышла на общую веранду полюбоваться морем в лунную ночь, села в кресле и вдруг услышала разговор баронессы, сестры Ясинского с какой-то своею родственницей, приехавшей из Гурзуфа и заночевавшей у баронессы.

– Я не понимаю, что он нашел в этой барышне, – говорила баронесса возмущено, – Во-первых она совершенно не нашего круга – какая-то провинциальная поповна, во-вторых курсистка, и к тому же безо всяких средств. Понятно, она интригует, чтобы подцепить Стася: для нее это более чем блестящая партия, но для нашей семьи это бог знает что.

Галя беззвучно пробралась в свою комнату и проплакала до утра от обиды. Богатства она не искала. Правда, Стась ей импонировал блеском гвардейского мундира, принадлежностью к польскому вельможному панству – но не более. И вовсе не интриговала. Просто, как маленькая хищница-сердцеедка играла с ним, как кошка с мышкой, но не из корысти. На другой день она категорически отказала Ясинскому. Но Ясинский от нее не отставал. Долгая игра успела увлечь его и обида от отказа только подлила масла в огонь. Он понял, что без памяти влюбился именно потому, что его отвергли.

Галя стала его избегать, а через неделю они с матерью укатили в Киев. И вот почти перед самым юбилеем Бунина явился в Киев Ясинский, через адресный стол отыскал Галю и возобновил свои ухаживанья. Я зашла к Гале и застала его в уютной, милой, но не роскошной студенческой комнатке. Он постарался быть со мною как можно любезнее, показывал мне портсигар с александритами колоссальной ценности, вышел вместе со мною и стал просить повлиять на Галю, зная, что она считается со мною и во многом следует моим советам и указаниям.

Я ответила, что постараюсь выяснить обстановку, но что в таких делах брать на себя много – нельзя.

Галя твердо повторила мне свой отказ, говоря, что не хочет быть у них в семье непрощенной «холопкой» и вороной в павлиньих перьях и я прямо передала это Ясинскому.

Казалось, всему конец, но вдруг поздно вечером, когда мама и Воля давно спали, а папа уехал в служебную поездку, раздался тихий-тихий звонок. Я подошла к двери и на пороге появилась Галя. На ней лица не было.

– Что с тобой? – вскрикнула я в ужасе. – Кто-нибудь умер?

– Я... убила Стася.– пролепетала Галя и разрыдалась.

Из ее сбивчивого рассказа я узнала, что Стась, который накануне распрощался с нею и якобы совсем уехал из Киева, сегодня к шести часам вечера, когда у Мищенко окончился обед, снова явился к Гале и снова стал добиваться ее руки. Приехал он на роскошном рысаке на дутых шинах. Галя снова категорически отказала ему и, чтобы от него избавиться – надела шляпу и заявила, что она куда-то спешит.

Вышли на улицу вместе. Увидев ожидавшего Стася рысака под синей шелковой сеткой, Галя пришла в восторг: она буквально обожала лошадей и не могла равнодушно видеть породистого рысака или верховного коня. Стась стал приглашать ее покататься, или подвезти туда, куда она спешит. И Галя не устояла пред искушением: сели в пролетку и помчались. А Стась, чтоб усыпить ее осторожность стал ей рассказывать историю трагической гибели своего младшего брата, погибшего на японской войне. Рассказывал он, по обыкновению мастерски и так растрогал Галю, что она согласилась на минутку зайти к нему в номер гостиницы взглянуть на фотографию этого брата.

Очутившись в одном из номеров «Праги». Галя поняла, что попала в ловушку. Стась запер двери на ключ и набросился на нее. Задыхаясь от страсти он бормотал, что она должна ему отдаться, потому что:

– Когда ты станешь моею, тебе волей неволей придется согласиться, – твердил он в исступлении.

Галя бешено отбивалась, но силы были не равны. Тогда она вдруг вспомнила, что в гимназии учитель естествознания и анатомии показал в классе, где у человека находятся сонные артерии и объяснил, что если их прижать – человек теряет сознание. В ужасе и отчаянии она впиалась в шею улана и так сжала его, что он побледнел, пошатнулся и замертво упал на ковер.

С трудом высвободившись из-под него, Галя с трудом привела себя в порядок, заколола волосы и, шатаясь от ужаса и страха, вышла из гостиницы.

– И вот хожу, не знаю, что делать... Пришла к тебе... Завтра меня арестуют, будут судить. А я не хотела убить, я только защищалась... Что делать? Что делать, Зиночка? – лепетала она, горько рыдая. – И папы твоего, юриста, нет.

А я надеялась на Галино счастье. Через час открылась парадная дверь и приехал с ночным поездом усталый папа.

Мы обе в слезах бросились к папе, рассказали ему все и он как мог успокоил Галю. На утро мы бросились на улицу купить газеты, раскрыли отдел происшествий, но ничего ужасного не нашли. Галя вне себя от волнения пошла к себе, а я – на курсы. С курсов позвонила в «Прагу», спросила Ясинского. Ответили, что он еще не выходил из номера. После лекции я бросилась к Гале, которая лежала в постели с головной болью.

Просидела у нее больше часа, повторяя все папины советы, что говорить на случай допроса. И Галя с ужасом сказала мне, что забыла у Стасы шпильку от прически.

Сидели мы в полном отчаянии. Вдруг звонок. Хозяйка пошла открыть и на пороге появился Стась. Галя ахнула и от облегчения и от неожиданности. Я встала и не знала, что делать. Но Галя вскочила с постели и неожиданно властным жестом и голосом крикнула:

– Вон отсюда, подлец! И вы еще смели сюда явиться.

Ясинский что-то пролепетал в ответ, протянул Гале ее шпильку.

Она швырнула ее в угол и снова указала ему на дверь.

И Ясинский, опустив голову, как побитая собака, молча вышел из комнаты, а Галя села на первый попавшийся стул и долго дрожала мелкой дрожью.

Больше они не виделись. Этот урок пошел Гале впрок. Она поняла, что нельзя так безнаказанно шутить с огнем, как делала до сих пор.

Зима минула быстро. На пасху приехал в Киев Борис Лазаревский, стал бывать у нас, но мне он положительно был противен и своим ухаживаньем и своим творчеством. Получила я письмо от некого Юргенсона, богатого молодого человека, собиравшего коллекции автографов современных писателей и писателей прежних лет. Просил он прислать ему несколько автографов и фотографию. Со слов Лазаревского я узнала, что у него собран очень ценный музей, в котором имеется такая редкость, как черновик стихотворения Лермонтова на смерть Пушкина, весь закапанный слезами Лермонтова. Папа и я послали ему и фотокарточки и автографы. Впоследствии это собрание Юргенсона и собрание артиста Балагина послужили основой для московского литературного музея. Посылая ему карточки и стихи, папа сообщил ему, что в Киеве проживает Тамара Александровна Слинко, рожденная Тимирязева (дочь сенатора и племянница профессора Тимирязева), у которой замечательный альбом писательских автографов: записка Пушкина, в которой он просит у кого-то из знакомых 500 рублей взаймы, два больших письма Тургенева, письмо Тютчева, письмо Гончарова, несколько писем Кони, Майкова и многих других. Папа бывал у Слинко, как адвокат и не сразу узнал, что Тамара в первом браке была замужем за Стивой, сыном Юлии Степановны Пашенко, у которой папа гостил в Носковцах вместе с Надсоном. Со Стивой она развелась, но со своею свекровью Юлией Степановной сохранила самые теплые родственные отношения и впоследствии поселилась вместе с нею и делила бедность и лишения в годы гражданской войны, да и теперь зимой 1912-13 года Юлия Степановна частенько гостила у Тамары Александровны. А эта же Тамара Тимирязева в девичьи годы живя в Петербурге, была без памяти влюблена в моего дядю Сашка Королько.

Узнав о существовании такого замечательного альбома, Юргенсон написал Тамаре Александровне, прося продать ему альбом для его музея. Т.А. сначала категорически отказалась, но через несколько лет, когда материальные дела ее пошатнулись, переуступила ему альбом за довольно значительную сумму денег.

Летом в Святошине я приобрела очень ценное для меня знакомство. У наших соседей Карицких поселилась довольно известная писательница Варвара Николаевна Цеховская, известная в литературе под псевдонимом Ольнем.

Папа и раньше был с нею знаком в студенческие годы. Судьба Ольнем довольно романтична и фантастична. Дочь помещиков средней руки, она училась в институте благородных девиц и на школьной скамье обнаруживала склонность к литературе и даже литературный талант. Где-то встретила она с красавцем-князем «***» гусарским офицером, который по старым гусарским преданиям похитил хорошенькую институтку и обвенчался с нею. Но не долго продолжался этот брак: Варенька вскоре нашла, что муж ее хоть и красив и лихой гусар и бретер, но глуп и пуст и решительно с ним порвала и вскоре вторично вышла замуж за какого-то Цеховского. С ним тоже не клеилось и юная героиня двух романов стала чуть ли не первой в России женщиной-репортером и журналистом. В этой новой области она вскоре приобрела и ловкость, и опыт, и большую сноровку, а затем постепенно от рапорта перешла на фельетон, затем на очерки и наконец стала писать рассказы и повести, переехала в Петербург и прочно обосновалась в редакции «Русского Богатства», где главную и первенствующую роль играл Короленко.

В 1913 году у нее было уже две больших книги повестей и рассказов и рассказов не плохих, написанных твердой литературной рукой, хорошим стилем с хорошо разработанной психологией героев.

Знакомства на даче завязываются легко: я вскоре стала часто заходить (...)

Много интересно рассказывала мне Ольнем о жизни писателей, о редакционных нравах, об общих знакомых. Но еще больше дало мне то, что мы с нею обсуждали многие литературные новинки и я стала улавливать то мерило, с каким критики подходят к каждому художественному произведению, только что появившемуся в печати.

Но недолго продолжались наши встречи: вторую половину лета мы решили провести в Крыму и числа 15 (28)-го августа тронулись в путь.

Долго обсуждали мы всей семьей, где обосноваться в Крыму, внимательно изучая путеводитель по Крыму, написали предварительно во многие места, запрашивая о ценах, и наконец остановились на Нижнем Кастрополе Первушина. Это было имение, а не большой, густо населенный курорт, но мы и не искали шумной курортной жизни, – искали красивой южной природы, горного и морского воздуха, фруктов, возможности любоваться морем и горами и писать. А главное в таких местах, как Ялта, Гурзуф и другие самые известные курорты была масса туберкулезных больных, а мы панически боялись коховской палочки и в проспектах Нижнего Кастрополя прочли, что курортный врач от владельца обязан осмотреть каждого приезжавшего и немедленно удалить всякого, у кого обнаружатся признаки чахотки. Да и цены в Кастрополе были доступнее других: за 60 рублей в месяц мы получили там две больших комнаты в сотне шагов от пляжа, а за обеды платили по 25 рублей с человека. Ужина и завтрака мы не брали. Утром и вечером нам подавали самовар, молоко брали мы у татарина из соседней деревни Кучук Коя, и булки покупали у разносчиков, персики и виноград в садах имения, чай, сахар, кофе, галеты и кое что из закусок привезли с собою. Большого нам и не требовалось.

Привлекало в Кастрополе и то, что администрация принимала только вполне приличную интеллигентную публику. Комнат было там всего 60, следовательно всего было там приезжих человек 100-140. Среди прочих жил там известный географ

Григорьев, учебники которого в соавторстве с Барковым, Чифрановым и другими долго был принят во всех гимназиях, а затем и трудовых школах России. Был там московский доцент по чистой математике Писарев с женой, несколько педагогов, два-три профессора, мировой судья, инженеры, астроном из Пулкова, одна купеческая семья московских колбасников Беловых, пять-шесть пенсионеров-чиновников в высоких чинах, сыновья армянина адвоката Чалкушьяна из Нахичевани на Дону, внучка севастопольского героя адмирала Корнилова, чопорная старушка, говорившая только по французски, но с далеко неважным акцентом, семья жандармского полковника из промотавшихся гвардейцев, два-три студента и ни одной демимондэнки, ни одного представителя театральной богемы, ни одного юркого и нахального журналиста, или крупье казино, какими кишели курорты южного берега Крыма, не было ни нагло-красивых в своих картинных костюмах крымских проводников, с которыми так любят флиртовать молодые вдовушки и богатые пресыщенные купчихи, падкие на экзотику. Это было довольно уединенное имение, затерянное среди скал и лесов в 8 километрах западнее Симеиза. Большое открытое море вечно шумело в его небольшой и неглубоко вдававшей в землю бухточке, парк был довольно запущенный, хоть и росли в нем хлебные деревья, лавры, мимозы, магнолии, кипарисы, пробковые дубы, итальянские пинии со своими вечнозелеными бархатными зонтиками плоских вершин. Несколько кедров поражали своими огромными шишками больше головы новорожденного младенца, а по скалам вился крымский плющ, разлетающийся серым пухом клематис (кажется, по русски зовут его повиликой), усатый дрок тянется к небу своими зелеными палочками, лишенными листьев, дикий шиповник весь осыпанный кораллами ягод, и колючие кусты остролиста-илекса. И над самым морским обрывом тянется черным коридором длинная густая кипарисовая аллея, вечно благоухающая нагретой солнцем ароматичной смолой.

Мы с Волей были в восторге: присматривались к каждому растению, к листьям, цветами, шишкам или плодам, все было нам интересно: и иудино (дерево), вторично зацветающее под осень, и ночные датуры с цветами величиной с бокал для шампанского. Часами сидели мы на камнях среди пены прибоя, наблюдая, как маленькие рачки-креветки вылезают из моря греться на солнышке, как огромные омары и крабы мелькают в волнах, как кувыркаются на взморье дельфины, взлетая из волн, точно черные камни, как в штиль расходятся по морю серебристые тропинки, о которых Ада Чумаченко так хорошо написала мне в альбом:

Серебристые дороги на зеркальном тихом море
Затерялись и пропали в нескончаемом просторе,
Серебристые дороги – это счастья светлый сон,
Это путь для тех, кто молод, кто отважен и влюблен.

Море было вечно новым, вечно изменчивым и неожиданно-прекрасным: утром оно висело за призрачной дымкой каким-то невесомым лазурным виссоном, на котором загорались и гасли несметные серебряные искорки-пылинки, днем оно становилось зеленым, точно волны были отлиты из зыбкого зеленоватого стекла в белых пенных

гривах, в часы заката оно становилось перламутрово-сиреневым с парчовыми штрихами от закатного солнца, а в лунные ночи струилось серебряной полосой аспидно-серое небо под луною. Иногда поперек серебряной дороги убегающей от берега в бесконечность проплывала рыбацья фелюка, накренив черное крыло паруса, точно огромная летучая мышь. Иногда далеко-далеко загорали сигнальные огни на мачтах проходящего парохода, но почти всегда сохранялось оно вдали огромной безбрежной пустыней. И по ночам и днем журчащим певучим звуком, не похожим на сухое стрекотанье украинских кузнечиков, звенели где-то в траве и в кустах цикады, и мне казалось, что похожие на бубенцы шишки от кипарисов звенят таким мелодичным журчащим звоном.

Странное дело: тут, в Крыму, мне казалось, что я приехала на родину. В месте, где никогда я прежде не бывала, я ориентировалась, точно тут родилась. Я готова была лечь на землю и ласкать ее своими горячими от солнца ладонями, точно снова вернулась туда, где вечно жили мои предки...

К сожалению первые десятки дней пребывания в Кастрополе мы почти не выходили из дому: по дороге мама простудилась и слегла с сухим, но упорным плевритом, а папа, переутомленный службой и дорогой, первое время отсыпался и почти не трогался с места. Только под вечер, когда свалит зной, выходили мы снова к морю и пред лицом природы читали стихи о море и папины, и Бунина, и других писателей.

Здесь, пред лицом природы всякая неверная нотка резала ухо, но удачные стихи только выигрывали от такой проверки пред морем. И тогда как-то в полдень написала я, как этюд с природы свое первое море:

На взморье – зыбь. Там ветер юга
Развел тяжелую волну –
И вот, широко и упруго
Она идет на крутизну,
 По валунам дымится пеной
 И, докатившись, тяжело
 Дробит о каменные стены
 Свое зеленое стекло,
В заливе пенится на щебне,
Гребет и камни, и пески, –
И в блеске дня литые гребни
Горят на солнце, как клинки.

Мама поправилась мы стали предпринимать более далекие прогулки, были в соседних имениях на восток от Кастрополя, где была красивая лестница от моря к усадьбе. Если стать внизу, то казалось, что лестница уходит в небо, за что ее прозвали «лестницей святого Иакова», по библейской легенде. Покупали там дивные шпалерные персики и груши, такие большие и такие нежные, что их на деревьях-карликах опускали в мешочки из непромокаемой бумаги, привязывали к сучку, чтоб они не оборвались и не разбились в лепешку.

Как-то собрались компанией с Григорьевыми, и Писаревыми, студентами Чаушьянами и другими москвичами в Мухалатку Кокорева километрах в шести на запад

от Кастрополя. В Мухалатке любовались роскошным розариумом, где по словам садовника было до четырех тысяч сортов роз. Были там розы самых необыкновенных оттенков: сиреневые, как персидская сирень, черные, серовато-голубые «цвета тумана», чайные, цвета апельсинной кожи. Никогда до тех пор не видела я ничего подобного.

Ходили и к скале Ифигении, с которой по преданию бросилась она в море. Со стороны суши на нее было не трудно подняться, но со стороны моря она обрывалась совершенно отвесной стеной, под которой всегда кипел и клокотал прибой. Говорили, что со стороны моря под нею была пещера, в которую можно было въехать на лодке, но только в штиль, потому что вход в пещеру очень низкий, а дальше пещера расширяется в довольно большую сводчатую залу и море в ней сияет лазурным светом, освещая своды солнцем, пропущенным сквозь морскую волну. Хотелось мне туда съездить, но сначала не было лодок, потом – не подбирались компании и вскоре наступили бури осеннего равноденствия, когда вообще не то что кататься, даже смотреть на море было страшно.

Три дня бушевал шторм, приближающийся к урагану. С утра проснулись мы от грохота прибоя, точно от пушечной пальбы. Бросились к морю и не узнали его под мутью холодного пронизывающего дождя оно ревело и клокотало, изрытое ветром. Огромные курганы мутных волн, от поднятой со дна глины и ила шли на берег и пенные гривы их стекали желтоватыми кипящими струями им на грудь, а перед самой землей они вдруг вздымались дыбом и опрокидывались гребнем вперед, валились на пляж, разметавши по отлогому щебню свои пенные лапы, которые казалось впивались в песок, и, отходя, гребли его за собою с камнями и водорослями, чтобы через миг другая такая же громада с тем же оглушительным ревом и грохотом снова валилась на берег.

Вдали метался, валясь то на правый, то на левый борт какой-то большой пароход. Он видимо с трудом боролся с морем, которое несло его к берегу, где нашел бы свою гибель. Но только часа через два удалось ему отойти в открытое море, метая по небу черными спицами мачт.

После обеда в хаосе бешеного моря показалась фелюка. С ужасом следили мы с берега, как она то проваливается куда-то, то снова взлетает на гребень волны. К вечеру ее наконец швырнуло в бухту. Местные рыбаки бросились к ней и вот на мокром от брызг и пены пляже оказалось три мокрых полуголых турка, которые смеясь и рыдая целовали землю и что-то бормотали дрожа от холода.

Сбежались татары, русские. Нашлись говорящие по турецки. Оказалось, это были рыбаки из под Синопа, которых шторм застал в открытом море и пригнал к берегам Крыма. Их увели в кухню, накормили, одели, полумертвых от усталости.

Полумертвые от усталости, голода и холода и пережитого ужаса, они со слезами целовали землю, не веря собственному спасению. Их отвели в кухню, напоили, накормили, высушили у огня их одежду. Часа через два пришли пограничники, через переводчиков узнали, откуда они, как их зовут и увезли в Ялту к турецкому консулу, чтобы отправить их обратно на родину.

А море продолжало бушевать. Холодный ветер и мелкий дождь прохватывали наши летние пальто. На губах и лице стыла соль от морских брызг, наполнявших воздух своими тончайшими пылинками. В комнатах стало холодно и бесприютно. Мы вышли в зал. Там ярко пылал камин и сидели курортники тесным кольцом у огня.

Мы присоединились к ним и весь вечер просидели возле огня, слушая интересные рассказы, или играя в какие-нибудь игры.

На другой день ветер стал стихать, но море все еще неистовствовало, только волны стали более плоскими и широкими, сплошь покрытыми лохмотьями пены, точно марлей или кисеей. В газетах сообщали, что в Евпатории сорвало с якорей док, шаланд, шхун и баркасов и выбросило на берег или разбило в щепки. Пострадало два парохода, пришвартовавшиеся к Ялтинскому пирсу. Не досчитывались многих рыбацких шхун и баркасов, ушедших в море за знаменитой кефалью.

Только на пятый день настала снова тихая солнечная погода и море снова легло в берега ласковой атласною гладью.

И снова стали мы бродить по скалам и окрестным имениям. Многие кастропольцы ездили в Гурзуф, в Ялту или в Алупку, но, подсчитав свои ресурсы, мы увидели, что лучше сидеть на месте и не тратиться на поездки, чтобы просидеть в Крыму лишних две недели.

Созрел виноград. Сначала продавали его по 20 копеек фунт, потом цену снизили до 15 и наконец до 10 копеек. Особенно любили мы шаслу и изабеллу. Покупали на нашу семью по 4 фунта в день и частенько лакомились свежими орехами и миндалем. Любила я прогулки в компании с Григорьевыми и Писаревыми.

Григорьев превращал их в настоящие научные экскурсии. Это был такой живой и многосторонний человек, что на каждый вопрос по географии, геологии, ботанике, ихтиологии и океанографии тут же на ходу отвечал целыми живыми и обстоятельными лекциями и это давало больше, чем сухие научные книги. Собирали они и коллекции бабочек, насекомых, морских раков от крохотных креветок до огромных омаров, коллекции минералов, барий и скоро их комнаты превратились в настоящий краеведческий музей.

Папа и мама купались в море, а мне доктор запретил холодное купание и посоветовал воздушно-солнечные ванны на пляже, то есть прогулки нагишом по пляжу, под зонтиком. Для развлечения я собирала плоские морские камни и бросала их в море, вскоре научилась так бросать, что каждый камень по пять раз перепрыгивал с волны на волну, пока не падал на дно.

Доктор Рожнов, лечивший маму, часто принимал участие в наших прогулках. Это был веселый и общительный москвич, привезенный сюда постоянными посетителями Кастрополя семьей колбасного фабриканта Белова. Доктор часто ездил кататься верхом, бывал в Мухалатке, где лечил семью владельца Кокорева и привозил мне оттуда букеты чудесных фантастически-красивых роз цвета персидской сирени, или цвета серебристо-голубого тумана, угощал меня чудесными персиками и вообще оказывал много внимания. Его общество было мне приятно, а ему льстило, что я поэтесса, читающая в толстых журналах. Нюша Белова видимо приревновала его ко мне и однажды, лежа на одной скале в парке, случайно подслушала ее ревнивые укоры за упреки, за прогулки и беседы со мною. А между тем никакого романа у нас не завязывалось, просто нам было приятно друг с другом, а меня забавляла чужая ни на чем не основанная ревность и я нарочно старалась ближе подружиться с ним.

И вот недели через три оказалось, что пора возвращаться домой.

Чтобы добраться до Севастополя, папа заказал парный экипаж. С нами был довольно солидный багаж, потому что в те времена на курортах не давали постельных принадлежностей и приходилось возить с собою подушки и одеяла. Да если бы и давали – весь Крым был переполнен чахоточными и мы никогда бы не рискнули взять их на прокат.

Как все уезжающие мы купили 2 пуда винограда, и нам его упаковали в двух плетеных корзинках.

Выехали мы из Кастрополя в 8 часов утра. Провожал нас доктор и все, кто любил рано вставать. И приبلудившаяся к нам с первых дней собачка Гектор никак не хотела оставаться в Кастрополе и ни на шаг не отходила от нас.

На прощанье доктор поднес мне последний, самый роскошный букет и просил разрешенья писать. Я дала ему киевский адрес, но честно предупредила, что отвечу только тогда, если папа мне это позволит.

Экипаж быстро покати по дороге. Грустно было расставаться с солнечным югом, кипарисами, морем, со скалами и огромными кедрами, с новыми знакомыми и в том числе с доктором. Маленький Гектор задыхаясь бежал рядом с экипажем, жалобно повизгивал как бы умолял взять его с собою. Надо было прогнать бедную собачку, чтобы она не попала под встречный грузовик, или экипаж на бойком государственном шоссе, к которому поднимались мы по извилистой горной дороге, но в голове моей все еще звучал голос доктора и, вместо «пошел вон, Гектор!», я громко выпалила сквозь застилавшие глаза:

– Пошел вон, доктор!

Папа, мама и Воля так и покатались от хохота, а я покраснела, как пион, понимая что позорно выдала свой тайные думы.

И долго еще дразнили меня в семье и повторяя эту злополучную фразу:

– Пошел вон, доктор!

И все потому, что в этих двух словах была довольно-таки корявая рифма...

Плохо только то, что папа всерьез истолковал мое восклицание и категорически запретил мне ответить на самое дружеское и почтительно письмо московского доктора.

Торопились мы в Киев не только потому, что иссякли деньги и что кончался папин отпуск. Спешили мы обратно и потому, что в Киеве начинался слушаться знаменитый процесс Бейлиса. Это жуткое дело больше года не сходило со страниц не только киевских, но всех крупных русских газет.

В марте 1911 года на даче Якова Бернера, владельца кирпичного завода и родного дяди поэта Николая Бернера, нашли в пещере, откуда копали глину для огнеупорного кирпича, убитого школьника тринадцати лет Андриюшу Ющинского, жившего неподалеку оттуда. Дело было за неделю перед пасхой. На висках и на теле мальчика было много резаных ран в тех местах, где кровеносные сосуды мальчика близко подходят к коже и всюду число этих ран, расположенных по определенному рисунку, было равно числу 13. Это показалось весьма подозрительным и загадочным.

Как полагается, составили протокол, вскрыли труп и передали дело следователю, по важнейшим делам Рыжову. Рыжов был папин приятель и товарищ по университету, с которым папа продолжал часто встречаться и по дружески беседовать. Дочь Рыжова,

по мужу Якевич, училась со мной на филологическом факультете, поэтому мы всегда были в курсе всех интересных событий в области криминалистики.

Началось собиранье улик, допросы, экспертизы и загадочное убийство стало постепенно проясняться: все улики вели в дом Веры Чеберяк, крупной воровки и содержательницы воровской квартиры, в которой «аристократы» преступного мира собирались после крупного «дела» покутить, разделить награбленное, или обдумать и подготовить новые налеты и ограбления.

У Веры Чеберяк, в просторечии «Чеберячки» было двое детей. Старший мальчик ее тоже лет 13 учился вместе с убитым Андрюшей Ющинским в городском училище в одном классе с ним. Как-то Ющинский зашел к товарищу, но не застал его дома и, войдя в чужую квартиру, случайно попал в ванную комнату, где лежал наполовину завернутый в ковер труп мужчины, очевидно бандита, с которым Чеберячкина компания не поделила добычи и в ссоре прикончила его. Труп убитого до поры до времени Чеберячка прятала у себя.

Пораженный таким зрелищем Андрюша Ющинский не мог не спросить у своего товарища-Чеберяка, что это значит. Тот испугался, что-то промямлил и, очевидно рассказал матери о вопросе Ющинского. Это пахло арестом. Чеберячка со своим братом, крупным налетчиком Сингаевским и другими приятелями решили «убрать» опасного свидетеля, нагромождая таким образом убийство на убийство. Вероятно, мальчика заманили к себе в гости там прикончили, а затем Сингаевский, большой любитель бульварных детективных романов, из времен испанской инквизиции, решил направить следствие по ложному следу и разделал труп Ющинского под ритуальное убийство.

Во времена инквизиции тысячи людей сжигали на кострах по обвинению в колдовстве и не менее того евреев и представителей других религий по обвинению в том, что они убивают христианских мальчиков, чтобы употреблять их кровь при своих религиозных обрядах – в частности добавляя якобы их кровь в тесто, из которого выпекали пасхальную мацу (хлеб в виде тоненьких пластинок высушенного теста толщиной в лезвие столового ножа), но с тех пор прошло добрых триста-четырееста лет и об ужасах инквизиции позабыло все цивилизованное человечество не забыли только представители преступного мира...

Рыжов вел уверенно дело. Это был умный, опытный следователь и тонкий юрист. Все было ему ясно и он уж заготовил приказ об аресте Чеберячки и всей ее «малины», как вдруг дело приняло совершенно неожиданный оборот.

С того, дня, когда труп Ющинского был найден в пещере, черносотенские газеты подняли на всю России истошный вой, повторяя средневековые бредни о том, что евреи примешивают к маце христианскую кровь и обязательно кровь мальчика, не достигшего возмужалости. Из русских черносотенных газет эта чушь попала в немецкие газеты, где, как известно, евреи по закону были равноправны, но на самом деле среди немецкого даже интеллигентного общества процветал махровый антисемитизм. Прочитав «о ритуальном убийстве в Киеве», немецкий император Вильгельм в личном письме к нашему царю и своему двоюродному брату между прочим спросил его, правда ли, что еще существуют такие убийства? Николай второй ничего не знал по этому поводу и на очередном докладе спросил министра юстиции Щегловитова, прав-

да ли, что в Киеве было ритуальное убийство. Вопрос царя застал министра врасплох: по линии своего ведомства он ничего не знал о деле Ющинского, но так как ответить незнанием значило скомпрометировать себя в глазах «обожаемого монарха» – он с апломбом повторил вычитанное из черносотенных газет, что убийство действительно ритуальное и что в ближайшем будущем убийца-еврей предстанет перед судом.

Вернувшись из дворца, министр вызвал телеграммой старшего председателя судебной палаты Федора Алексеевича Болдырева, Болдырев, ничего не подозревая, доложил ему, что Рыжов почти распутал дело, что убийство просто уголовное и только подделанное под ритуальное. Министр (в ужасе схватился за голову, но, вместо честных выводов,) приказал отнять дело у Рыжова и передать на доследование другому следователю, который взялся бы бесспорно доказать, что убийство ритуальное.

Конечно, об этих дворцовых переговорах публика так и не узнала, но отнимая дело у Рыжова, и передавая его другому следователю, Болдырев честно не скрыл от Рыжова, что дело вовсе не в его некомпетентности, а в высших соображениях и под честным словом рассказал ему все, а Рыжов тоже под секретом рассказал все это папе. И папа, конечно, не мог подвести старого друга и себя под большую неприятность, поведав кому-либо правду. Позже, при советской власти, папа стал писать об этом статью, но тяжелая болезнь, которая свела его в могилу, помешала ему опубликовать этот потрясающий факт.

Новый следователь, понимая, что на этом деле ему выпало счастье сделать блестящую карьеру, ретиво взялся за работу. Он старательно стал искать еврея убийцу. Все улики против Чеберячки и ее бандитской шайки были положены под сукно. Сингаевского вызвали в качестве свидетеля и начали перебирать всех евреев, живущих на даче Бернера, или по соседству с ним.

Выяснилось, что на квартире Менделя Бейлиса, служившего у Бернера в разное время то кладовщиком-инструментальщиком при заводе, то просто сторожем, пекли перед пасхой мацу. Этого было достаточно, чтобы Бейлиса арестовали и стали собирать против него самые «достоверные» улики.

А главная улика была одна: он – еврей и еврей благочестивый, верующий, и на квартире у него пекли мацу. Получился логический вывод по знаменитой украинской поговорке: «В огороде бузина, а в Киеве – дядько». Вокруг Бейлиса мигом закопошились все темные силы реакции, но им оставалось решить и показать самый основной и важный вопрос: существует ли у евреев ритуальное убийство, а если нет, то хотя бы обычай примешивать к тесту, из которого пекут мацу, человеческую кровь и именно кровь христианского мальчика, не достигшего возмужалости.

Собрали специальных экспертов, профессоров киевской духовной академии, специалистов по древнееврейскому языку, но все они, как одни, показали, что такого догмата и такой традиции, или обряда ни в еврейском священном писании, то есть в Библии, ни в Талмуде, ни в бесчисленных комментариях к ней они никогда и нигде не встречали, и даже не находили косвенных намеков на подобное изуверство. То же подтвердили и московские и петербургские профессора гебраисты, а вслед за ними – все православные священники и монахи.

Оскандалившись с православным духовенством, обратились к потомкам отцов-инквизиторов, всех этих Торквемадо и Савонаролл и среди них, конечно, нашлась продажная душонка католической ксендз Пранайтис, который выгашил на свет божий материалы «святой инквизиции» и, орудуя материалами тех времен, когда арестованных пытали в застенках, а потом сжигали на городских площадях, стал утверждать, что на протяжении многих веков евреи систематически убивали христианских мальчиков-подростков, чтобы примешивать их кровь при приготовлении пасхальной мацы.

Поддержал изуверские бредни инквизиции и ее последнего представителя ксендза Пранайтиса русский черносотенец адвокат Шамаков, матерый член союза русского народа и включился в дело в качестве гражданского истца в уголовном процессе личность презренная, бездарная, лишенная малейших проблесков совести, но упорный в своей тупой злобе и фанатической ненависти к евреям.

Чтобы придать форму законности новому следствию, вырыли из могилы труп убитого Ющинского и подвергли его вторичной судебной экспертизе. Но приглашенные для этого врачи и профессора установили, что надрезы на коже были сделаны после смерти Ющинского, когда кровь его успела свернуться, а следовательно эти надрезы не могли кровоточить, то есть через них не могли добыть кровь для мацы, даже если бы этого действительно хотели, убит же он финским ножом или кинжалом и чем-то тяжелым, вызвавшим перелом черепа и несколькими ранами в грудь, в области аорты и сердца. Этот протокол тоже постарались подшить в дело подальше от зорких глаз адвокатуры вместе со всеми уликами против Чеберячки и ее банды.

В семье Чеберячки в это время разыгралась вторая ужасная драма.

Сын ее, товарищ и одноклассник убитого Ющинского еще на допросе у Рыжова показал, что он, по приказанию матери пригласил к себе Ющинского в гости, но, когда Ющинский пришел, мать услала его в лавочку за покупками, то там как всегда перед праздником было много народу, он не скоро вернулся домой, и вернувшись, не застал Андрюши, только нашел на полу его книжку, залитую кровью. Книгу забрали, сделали анализ и кровь на ней оказалась человеческой. Затем, очевидно мальчик рассказал о допросе матери, а мать не выдержала и проболталась перед сыном. Мальчик догадался, в чем дело и его начала мучить совесть. Возможно, что он даже бросил матери упрек за убитого друга. Одним словом, мать решила и сына убрать с дороги, лишь бы избавиться от призрака каторги. И через несколько дней дети Чеберяк умерли, отравившись молоком из нелуженого котла. Умиравший мальчик долго мучился и умолял позвать священника поисповедываться, вопя, что у него на совести страшный грех. Мать старалась всячески его успокоить, но присутствующие соседи все-таки сбегали за священником. Когда батюшка пришел напуганного умирающего, мальчик уже умирал. Он силился что-то сказать, но мог сказать только несколько несвязных слов, а мать бросилась к нему и стала поцелуями затыкать ему рот, чтоб он не произнес рокового признанья. Так ушла в могилу прямая улика против страшной преступницы.

С первых дней, когда появились отрывочные сообщения об убитом Ющинском прогрессивная общественность наша заволновалась. Левые газеты, начиная от кадетских и кончая самым левыми эс-эровскими и эс-дековскими, повторяли в один голос, что было бы величайшим позором допустить самую мысль о существовании на

заре двадцатого века такого средневекового позорного процесса, достойного застенков герцога Альбы, где все обвинения строились на показаниях Чеберячкиной компании, будто они видели Бейлиса возле пещеры, на выдумках махровых антисемитов и черносотенцев, налитых звериной ненавистью к еврейству, темной и верой во всякую чертовщину.

Умеренно-правые выдвинули компромиссную мысль, вернее лазейку на случай провала своего шаткого обвинения, будто не все евреи употребляют христианскую кровь, а только изуверская секта хасидов, потому что в каждой религии, дескать бывают свои изуверы, а среди мусульман – вертящиеся дервиши.

Эту версию тоже подхватил Шманов и Пранайтис и теперь усилия следователя были направлены на то, чтобы доказать, что Мендель Бейлис не просто еврей, а хасид. Забрали все духовные еврейские книги, бывшие у него на квартире, и снова созвали гебраистов, определить, какая это литература: общеврейская, или хасадическая.

Конечно, сам бедняк Бейлис не мог нанять себе хорошего адвоката. Самое большое на что мог он рассчитывать, это на казенного защитника, а на эту роль обычно выдвигали не матерых адвокатов, тонких юристов и хороших ораторов, а робких помощников присяжных поверенных, или бледных второстепенных адвокатов, так и не вынырнувших в жизни на широкую и глубокую воду.

Но и тут царизм жестоко просчитался. С первых шагов судебного следствия, еще тогда, когда дело было в честных и чистых руках Рыжова, лучшие адвокаты России решились выступить на этом процессе и взялись за него совершенно бесплатно, хотя при иной ситуации за такое сложное и трудное дело большие адвокаты брали огромные куши денег – тысяч по 15-20 золотом, то есть целое состояние.

Но это был случай, когда дело шло о чести России, ее общества, ее культуры, науки и – самое главное – общественной совести. И уже в процессе следствия, когда другой следователь (фамилии его никак не могу вспомнить) взял дело в свои руки и между новым следователем и адвокатурой началась упорная позиционная война за каждую улику, каждую мелочь, и на каждый удар адвокатура находила не менее тонкий и полновесный контрудар.

И все же тяжелая государственная машина одолела и дело было назначено слушанием в Киевском окружном суде на открытом заседании с присяжными заседателями.

Из списков жителей Киева постарались выбрать в присяжные заседатели самых надежных с правительственной точки зрения людей – монархистов, ретиво исполняющих все обряды православной церкви, людей мало вникающих в суть гуманного христового учения, малоинтеллигентных и совершенно неспособных разобраться в сложной юридической терминологии и казуистике ясно подтасованных доказательств.

Обвинителя тоже прислали из Петербурга, потому что боялись, что киевские прокуроры, слишком хорошо знающие истинную картину этого преступления, откажутся в заседании от обвинения. Прислали из Петербурга особенно надежного карьериста товарища прокурора Петербургской судебной палаты Виппера, сына профессора истории нового времени Западной Европы которого ничто не связывало с Киевом и который руководился только жадной сделать блестящую карьеру и не за страх, а за

совесть прислужиться министру Шегловитову. Конечно, он постарался хорошо изучить это многотомное дело и вызвать свидетелями обвинения всех членов Чеберячкиной «малины», потому что на этот раз все это отъявленное жулье было его единственными верными и надежными союзниками по обвинению Бейлиса.

Но против всей этой хорошо подобранной государственной ударной группы решили выступить и на добрых два месяца съехались в Киев крупнейшие звезды русской адвокатуры. Из киевлян решил выступать только Александр Соломонович Гольденвейзер, отец ныне здравствующего знаменитого пианиста, да бывший воспитанник Киевского университета и тоже папин университетский товарищ Оскар Осипович Грузенберг, у которого папа всегда бывал в Питере и который как-то навестил нас в Таганроге. Третьим защитником был Игорь Александрович Кистяковский, крупный юрист и блестящий оратор, с которым мы познакомились в Москве на юбилее Бунина. Затем Бобрищев-Пушкин, тоже матерый волк русской адвокатуры, большой оратор, известный по всем громким процессам начала века и наконец Николай Карабчевский, которого вся юридическая Россия называла Русским Цицероном. Если Грузенберг и Гольденвейзер считали своим нравственным долгом выступить на защиту своих единоверцев, то остальные адвокаты своим участием хотели в этом деле смыть с России позор кровавого налета, потому что помимо этого, так процесс был бы на много десятилетий источником антисемитической травли целого ни в чем неповинного народа.

И защита и обвинение вызвали массу свидетелей. К началу процесса в Киев съехались журналисты со всей России и масса иностранных корреспондентов со своими переводчиками. Приехали и многие писатели и критики и почти все редакторы толстых журналов, чтобы своими собственными глазами увидеть, услышать и разобраться и затем написать все, что удалось им подметить и понять в этом хаосе фактов, вымыслов и юридических ухищрений.

Писатели искали сенсационных сюжетов, другим не давала покоя их общественная совесть, а иным просто затем, чтобы пережить несколько острых и ярких минут. Как бы там ни было, но все гостицы были переполнены, на телеграфе стояли очереди, тираж местных газет удвоился и раскупили их буквально нарасхват, потому что попасть в суд было более чем трудно, а в них каждый день печатались безо всяких купюр полные стенограммы заседаний предыдущего дня, фотографии тоже зарабатывали большие деньги, ловили своими аппаратами выходящих из суда свидетелей и адвокатов, а в особенности самого Бейлиса, когда утром доставляли его в тюремной карете в суд, а после утреннего заседания возили из суда в той же карете.

Заседания происходили в самом большом зале окружного суда, но вместить в него всех желающих, даже сотую часть их было немислимо, поэтому для состава суда и судебной палаты отвели два-три ряда кресел на эстраде, позади судей, журналистов – поместили на хоры в глубине зала и пропускали туда только по корреспондентским билетам с визой председателя и фотографической карточкой журналиста, заверенной у того же председателя, а внизу, так сказать в партере для публики едва-едва отвели триста мест.

Утреннее заседание началось ровно в 10 часов, то есть тогда, когда во всех учреждениях начинался рабочий день. Продолжалось оно почти до четырех. Вечернее заседание начиналось в 6 часов вечера и продолжалось порой до одиннадцати. И так более пяти недель, без перерыва. По закону присяжные заседатели с начала разбора отдельного дела до момента вынесения приговора по этому делу строго изолировались от всего окружающего, поэтому, видя что дело продвигается не одну неделю, для них оборудовали заново комнату, где в таких случаях жили присяжные заседатели в самом суде. Комната эта была совершенно изолированная, даже с отдельной уборной (ватер-клозетом) и умывальной. В их помещение никто не смел входить так же как и в свидетельскую и в совещательную комнату. В суд, за счет министерства юстиции доставляли им из ресторана завтрак, обед и ужин, а из судебного буфета чай, кофе, хлеб, молоко, бутерброды. Чистое белье, бритвенные принадлежности и одежду приносили им, как передачу в тюрьму, и строго просматривали, чтобы к ним не проникли письма, записки, газеты или телеграммы, книги и все то, что может содержать условные знаки. Не передавали им и денег, не разрешали свиданий с близкими, не было у них телефона, а радио тогда еще не существовало, значит его бояться было нечего. Такая изоляция присяжных от внешних влияний делалась потому, чтобы они не могли быть ни подкуплены, ни соблазнены посулами, женской красотой и иными соблазнами и оставаясь наедине со своей совестью и материалом судебного следствия, доводам обвинения и защиты – решали дело только ПО СОВЕСТИ.

И эти правила тогда соблюдались со скрупулезной честностью.

Стол защитников стоял возле скамьи подсудимых, а рядом с ним – стол стенографисток, от суда и от прессы, которые сменяясь каждые 10 минут, записывали каждое слово и ночью расшифровывали свои записи. Они даже отмечали в своих стенограммах каждый звук, исходящий от публики, например, смех, аплодисменты и т.п. и следующий затем звонок председателя.

«Киевская мысль» была газетой с большим тиражом. Выходила она 6 раз в неделю, но во время процесса Бейлиса, по просьбе работников типографии, понимавших политическое значение процесса, стала выходить и по понедельникам. Формат ее был большой – в полных восемь столбцов, обычно выходила она двумя полными листами, то есть на 8 страницах, по праздникам и на 10 страницах, поэтому отдав 4, а иногда и все 6 страниц стенограмме процесса, Киевская Мысль все же умудрялась уместить на своих листах отклики столичной и иностранной прессы на процесс, отклики из зала суда, все важнейшие телеграммы, хронику, передовицы, специальные статьи и даже фельетоны. Выпускала она по прежнему литературные иллюстрированные приложения со стихами, мелкими рассказами и репродукциями портретов и картин и даже с карикатурами. По мере развития процесса, редакция выпустила отдельными томами стенограммы процесса, которые раскупались с необычайной быстротой, так что редакция не только сделала большое общественно-политическое дело, но и заработала на них.

Когда присяжных привели к присяге, началось чтение обвинительного акта. Зачитывание продолжалось, если не ошибаюсь, полтора дня. Затем перешли к допросу обвиняемого и свидетелей. Допрос каждого из них сначала вел председатель, то есть Болдырев, затем вопросы задавали прокурор и защитники. Свидетелей было больше

ста человек и в ходе процесса, то прокурор, то адвокаты возбуждали ходатайство вызвать дополнительных свидетелей, могущих пролить свет на какую-нибудь деталь дела.

Чеберячка явилась на суд в шикарном черном шелковом платье и огромной черной бархатной шляпе, с серебряной сумочкой в виде сетки, в черных лайковых перчатках и в черных лакированных туфлях. Держала она себя надменно, со спокойной, вызывающей наглостью человека, чувствующего себя под крепкой защитой царских законов, но, думая, что на душе у нее все же было тревожно. Таким же «джентльменом» явился на суд и ее брат Сингаевский, один из крупных аристократов преступного мира.

Допрос Чеберячки продолжался целый день, да и потом ее несколько раз вызывали для очной ставки с другими свидетелями.

После свидетелей стали вызывать экспертов врачей, делавших вскрытие трупа Ющинского, делавших анализ пятен на книжке, на ковре в квартире Чеберячки, даже простынь и одеял с ее кровати. И часто допрос экспертов прерывался повторными опросами отдельных свидетелей.

Вся эта процедура, называемая на языке юристов судебным следствием, тянулась около четырех недель. Одни свидетели проходили перед судом бледною тенью, не внося в дело ни ответа, ни ясности, другие одним словом создавали впечатление разорвавшейся бомбы, но огромное большинство извивалось в руках защитников, как дрессированные, но все же жутко-страшные удавы в руках укротителя. И тогда публика замирала, следя за каждым словом их ответов, за их интонациями и порою не могла не нарушить напряженной тишины взрывом аплодисментов, или возгласами возмущения, когда удалось уличить их в противоречиях, а порою и просто во лжи.

И тогда с председательского места раздавался предостерегающий звонок, а иногда и предупреждение, что придется удалить публику из зала заседания.

Папа почти каждый день бывал на процессе и когда на следующее утро мы читали стенограммы вчерашнего заседания, он яркими и меткими штрихами расцвечивал стенограмму, описывал наружность свидетелей, их интонации, а иногда и в лицах изображая их. И тогда-то, что на газетном листе казалось серым и незначительным, вдруг оживало, облекалось в живую плоть и кровь и порою приобретало волнующий смысл.

А Мендель Бейлис сидел на скамье подсудимых безучастный и равнодушный ко всему происходящему в зале суда. Казалось, он чувствует свою обреченность, не верит в возможность справедливого приговора и терпеливо ждет своей доли, потому что доля его народа на протяжении долгих веков – одно сплошное терпение. Душа его была не здесь, не в этом зале, где люди с напряженными до отказа нервами следят за борьбой защиты и прокурора, – а в бедной хибарке на даче Бернера, где жил он со своей многолюдной семьей и только в кругу этой семьи находил немного душевного тепла и покоя.

И только через месяц со дня начала процесса начались прения сторон. Худощавый и бледный, какой-то водянистой бледностью петербуржца, товарищ прокурор Виппер выступил со своей многочасовой обвинительной речью, собрав воедино все шаткие материалы обвинения. Говорил он внешне гладко, даже с претензиями на ораторский пафос, но его хлыщевато-картавая речь, напоенная ядом ненависти и наигранным

возмущением, производила довольно жалкое впечатление, хотя стилистически была абсолютно правильной и внешне логичной.

Речь его не вызывала оваций. Публика ждала самого интересного – речей защитников.

Если весь первый месяц процесса я сидела дома довольно спокойно, сознавая, что попасть в заседание почти немислимо, то теперь я решительно надела на папу, умоляя его провести меня хоть на одно-два заседания. И, хотя папу осаждали все время десятки лиц, особенно писатели и общественные деятели просьбами достать им билет хотя бы на одно заседание, папе удалось устроить меня в зале суда, за столом стенографисток рядом со столом защитников.

Попала я на утреннем заседании на вторую половину речи Грузенберга. Он с точностью микробиолога анализировал улику за уликой, основываясь на показаниях свидетелей и в особенности – экспертов, цитаты из которых у него были заблаговременно подобраны. С несокрушимой логикой и последовательностью разбивал он их одну за другой, внешне спокойный, даже чуть-чуть суховатый и только по тому, как судорожно сжимал он и разжимал пальцы видно было, с каким трудом давалось ему это внешнее спокойствие. Да голос иногда изменял ему, почти все время звучал он четко и жестко, как сухая математическая формула, но изредка прорывалась вдруг нота глубокой скорби за человека вообще и за своего подзащитного – в частности, за которым стоял в эту минуту весь еврейский народ.

Как все хорошие ораторы, Грузенберг говорил не по рукописи, точно не произносил речь, а доказывал в научной аудитории сложную и волнующую его истину.

Во время его речи, я все время, не отрываясь, смотрела на Бейлиса. Большие черные глаза его с поволокой, как на винограде Изабелла, или у дорогих рысистых коней, смотрели с тоской и покорностью, точно все в жизни для него позади. И только раз, не замочив ресниц, выкатилась и растаяла в его бороде маленькая прозрачная капелька. Он оглянулся, внимательно и серьезно с безмолвным вопросом повел глазами по залу и снова опустил свои длинные веки.

– Что есть истина? – как будто спросит он этим взглядом.

Когда Грузенберг кончил, объявили утреннее заседание закрытым. Мы вышли в коридор, где была страшная теснота. Папа пропустил меня вперед и я сказала ему, не оборачиваясь и медленно пробираясь к выходу:

– Человек с такими глазами не может убить.

– Вот видите, и моя Зина говорит то же самое, – сказал папа кому-то.

Я обернулась и лицом к лицу столкнулась с Грузенбергом.

– Значит, у Зинаиды Павловны чистое и чуткое сердце поэта, – ответил адвокат и крепко пожал мою руку, усталой походкой пошел в буфет и спросил горячего крепкого чая.

Вечером говорил Карабчевский.

Его, русского Цицерона, выпустили последним, как адвоката-психолога. Другие адвокаты (Грузенберг и Бобрищев) успели логически проанализировать все улики и разбить их. Гольденвейзер доказал, что ни в одной строке Библии и позднейших еврейских священных книгах нет намек на человеческие жертвоприношения, но зато встречается много проклятий по адресу языческих культов, допускающих такие жертво-

приношения. Разбили они и ссылки Пранайтиса на процессы прежних веков и жестоко осмеяли их выводы с точки зрения нынешних понятий о праве, потому что признания подсудимых на судах инквизиции были вырваны путем жесточайших, утонченнейших пыток и морально-подавленного состояния обвиняемых. А такие признания никакой юридической силы не имеют как вынужденные. Карабчевскому осталось общая часть защиты – сопоставление морального облика подсудимого с обликом клеветующих на него бандитов из «малины» детоубийцы Чеберячки и ее преступной компании иезуитско-инквизиционными домыслами последнего представителя эпохи ауто да фэ Пранайтиса и изуверского мракобесия гражданского истца Шмакова, который стремился в своем усердии верноподданного помочь царскому самодержавию, смешав с грязью «всех видов», как выражался он в своей речи, а фактически втоптал это самое самодержавие и всех сторонников его в самое глубокое и зловонное болото.

Наружность Карабчевского была и величественна и декоративна. Лет 50, со львиной гривой припорошенных как пеплом черных волос, широкоплечий, с гладко выбритым лицом, и характерным профилем, в великолепно шитом фраке с ослепительно-белой манишкой, стоял он за столом защитников в двух шагах от меня и чувствовалось, что на этот раз говорит он, не как обычно говорят адвокаты, чтоб ловко и умело доказать правоту своего подзащитного, а с большим внутренним подъемом, потому что редко выпадает на долю адвоката бороться за правду не за деньги, не ради спортивного успеха – а по глубокому внутреннему убеждению, потому что так велит совесть. И это подымало, красило и молодило его. Это была защита в редком, самом благородном и полном значения этого слова.

Говорил он приблизительно два часа. Как все талантливые ораторы он не произносил речи, он убеждал, требовал, возмущался глубоким скрытым негодованием, он стучался в душу присяжных, взывал их к совести и протягивал им на ладони очищенную от примесей правду, словно слиток или самородок драгоценного сверкающего металла. И против этой правды нельзя было ни спросить, ни бороться, потому что порою он просто начинал рассказывать сошедшимся в зал суда людям страшную правду о том, что случилось в пещере на даче Бернера, показывая окровавленный труп убитого мальчика, потому что его, невинного ребенка, боялись даже мертвого, его убийцы и хладнокровная рука человека, не раз обгаренная человеческой кровью терзала ножиком его холодный трупик, нанося ему по 13 нарезам на виски и на грудь, как об этом рассказывают бульварные романы из времен инквизиции. А потом приводил он нас в лачугу Менделя Бейлиса, где радостно суетились детишки, готовясь к празднику, а жена вынимала из заветного шкафчика торжественную пасхальную посуду, из которой можно есть только раз в году, во время пасхального ужина сейдера. Мирно и тихо в этом скромном жилище, потому что отец детей сидит в тюрьме за то, что под праздник жарко топилась его печка и тонко раскатанное тесто из белоснежной муки пеклось на зубчатом валике, напоминая о раскаленной пустыне, где блуждали его далекие предки, спасаясь от рабства Египетского.

Рокочущий гибкий голос защитника околдовывает своей чарующей силой. Тихо в зале, только скрипит по бумаге шесть карандашей шести стенографисток, да мой

седьмой, в моей клеенчатой общей тетради. Да мелькают на хорах в руках журналистов торопливо исписанные листки блокнотов.

А защитники снова взывают к человеческой совести, требуют, грозят позором грядущих веков, если не послушают люди голоса своей совести.

Оборвалась магия речи. Публика молчит, потом одною грудью вздыхает глубоко и протяжно. Пауза длится долго-долго.

И вдруг, вместо ожидаемого резюме председателя раздается пискливо-картавый, капризно-раздраженный голос прокурора. Белобрысый длинный и тощий, как глиста, Виппер пытается разбить впечатление от речи великого оратора. С раздражающим, мелочно-напористым пафосом выступает он с возражением на речи защитников. Он говорит, что они строят защиту, играя на нервах присяжных, обвиняют адвокатуру в нечестной игре.

– Мне тоже не нравятся манеры присяжного поверенного Карабчевского, но не перехожу на личности, – обиженно и злобно повизгивает маленький глистообразный чинуша, белобрысый и уже безвременно лысеющий карьерист, посверкивая на адвокатов белосовато-судачьими глазенками.

Карабчевский молча поглаживает рукой свою пышную львиную гриву и чуть улыбается, затем снова берет слово и на этот раз не обиняком, а в упор нападает на своего противника, клеймит следствие, направленное не на раскрытие истины, а на утверждение клеветы и, обращаясь к присяжным говорит, что, если есть еще на свете совесть, она подскажет им единственный правильный и возможный ответ: «Нет, не виновен».

В коридоре меня знакомят с Владимиром Галактионовичем Короленко. Подходит известный С.Петербургский критик Измайлов, автор неповторимых по меткости и остроумию пародий на декадентов. Подходит Войтоловский, Луначарский, иностранные корреспонденты и я как-то невольно становлюсь для них переводчицей. Гурьбой выходим мы в вестибюль. Со мной мой альбом. Прошу на память автографы и многие вписывают мне по несколько милых строк. И, расходясь, все мы говорим, что сегодня мы присутствовали не то на поединке Ормузда и Аримана, не то на битве Правды с Кривдою.

На другой день утреннее заседание открывается заключительным резюме председателя. Он должен подвести конечный итог всему, что было на процессе в течении пяти недель, нечеловеческого напряжения нервов всех участвующих.

Федор Алексеевич Болдырев человек неглупый и довольно тонкий юрист. Наружность у него вся представительная: холеная темно-каштановая борода, расчесанная на две половины, как у генерала Соболева, плечистый полноватый, с обаятельной улыбкой, он в любой гостиной был душой общества, умел хорошо поговорить о театре, о музыке, был любитель женщин и вообще. Умеренно правый (конституция нам, конечно, нужна), о союзе русского народа он говорил с легкой гримаской брезгливости, но чтоб не испортить себе карьеру, он, как большинство либералов, ушел подыгрывать правительству. В начале процесса он и старался подыгрывать прокурору, но видя какой потрясающий резонанс имел этот процесс во всей Европе, он ловко сманеврировал и занял позиции нелицеприятного судьи и в своем резюме не скрывает, их шаткости

и призывает присяжных честно взвесить все за и против и вынести приговор, продиктованный им здравым смыслом, присягой и совестью.

Затем старосте присяжных вручают лист, на котором написано два вопроса, на которые они должны лаконично ответить: «да» или «нет».

Первый вопрос: доказано ли, что в еврейской религии при приготовлении пасхальной мацы употребляют человеческую кровь и притом кровь христианского мальчика.

Второй вопрос: «Виновен ли Мендель Бейлис в убийстве с ритуальной целью Андрея Ющинского 13 лет».

Присяжные поднимаются и удаляются в свои комнаты на совещание и это совещание длится более суток.

Огромная толпа стояла возле суда, ожидая вердикта. В этот день в университете и на женских курсах многие лекции прошли при полупустых аудиториях. Публика тихо тихо стояла, либо медленно прохаживалась вдоль сквериков на Софиевской площади и возле здания присутственных мест. Множество пешей и конной полиции было собрано во дворе окружного суда на случай беспорядков, но тут, на площади только несколько городских да один околоточный в серой офицерской шинели вежливо просили публику не мешать уличному движению, и не толпиться возле самых подъездов, по которым все время сновали судебские, адвокаты и лица, имеющие входные билеты на заседание. Я долго топталась в толпе, тихо переговариваясь с Галей и жалея, что на сегодня папа не смог провести меня в суд. Публика вела себя тихо, почти подавленно, и к каждому, выходящему из суда бросались с вопросами:

– Ну как? Скоро ли?

Смеркалось. Я озябла, хотя погода была тихая, чуть-чуть морозило. Так и не дождавшись вердикта, пришлось мне вернуться домой. Мы сели обедать без папы, понимая, что он не уйдет из суда, не дождавшись вердикта, но только в восемь часов вечера влетел он в столовую с радостной вестью:

– Оправдан.

На оба вопроса присяжные ответили:

– Нет, не доказано.

И:

– Нет, не виновен.

Как только староста присяжных заседателей произнес эти слова, председатель встал и произнес заготовленную резолюцию со словами «считать по суду оправданным».

И в то же мгновение двое часовых, стоявших у скамьи подсудимых с обнаженными шашками и одним движением вложили шашки в ножны, а председатель обратился к Бейлису:

– Господин Бейлис, вы свободны.

Бурная овация прокатилась по залу, но теперь председатель не касался звонка и не пытался ее оборвать. Только Бейлис стоял на месте, растерянный и как будто удивленный, не зная, что делать, куда идти. Адвокаты окружили его, овация прокатилась на площадь. Толпа рукоплескала бросала шапки, целовалась, кричала

«Ура!». Полиция куда-то исчезла. Все ждали выхода Бейлиса, но он, испуганный аплодисментами, попросил вывести его через черный ход во двор и отвезти в тюремной карете на Лукьяновку в тюрьму, где оставались его вещи, принесенные ему семьею на случай обвинительного приговора. Так его и не увидели.

Из суда позвонили в тюрьму. Вещи Бейлиса собрали, сложили и вынесли ему к воротам. Он расписался в их получении и поспешил домой.

В тот же вечер Владимир Галактионович Короленко приехал к Бейлису и поздравил его с оправданием. Бейлис совсем растерялся и не знал, куда усадить знаменитого гостя, которого не даром русская прогрессивная общественность называла нашей общественной совестью.

Несколько дней продолжалось паломничество к Менделю Бейлису. Всем хотелось пожать ему руку, поздравить, сказать несколько теплых слов. Корреспонденты щелкали его своими кодаками и эрнеманнами, а затем американские евреи предложили ему переехать в Америку, где в те времена самая мысль о подобном процессе показалась бы абсолютно немыслимой.

А следователям пришлось снова взяться за работу. Через несколько дней был отдан приказ об аресте Чеберяк и всей ее «малины», но... Вера Чеберяк бесследно исчезла и ни уголовный розыск, ни полиция «не смогли» ее отыскать.

Только летом 1919 года советская власть установила, что Вера Чеберяк преспокойно проживает на старой квартире в Киеве вместе со своей бандой и продолжает свою преступную деятельность. ВЧК Украины арестовала ее и расстреляла, наконец воздав ей по заслугам за ее преступную жизнь.

Несколько интересных и значительных встреч выпало на мою долю во время процесса Бейлиса. Жили мы как раз против суда на Б.Житомирской (ныне улица Горовица) улице и по вечерам, если заседание не обещало ничего сенсационного, а иногда просто желая переменить впечатления, приходили к нам критик Измайлов, редактор «Современного мира» Владимир Павлович Кранихфельд, Войтоловский, Давид Яковлевич Айзман и другие. Однажды пришел и Короленко – перед отъездом в Полтаву.

Мама каждый раз старалась гостеприимно и уютно обставить эти литературные посещения. У нас была прекрасная повариха-варшавянка по имени Сатурнина, которую шалун Воля перекрестил по своему в Сатанину. Сатурнина любила блеснуть своим кулинарным талантом и пекла нам великолепные кулебяки, или русские именные пироги с капустой и грибами, с рисом, вязигой и другими начинками, делал великолепный хворост и пончики. Бутылка хорошего вина, ароматный чай, ветчина или другая закуска, ваза апельсин или винограду, все это было скромно, но вкусно, уютно и приветливо. Беседовали, конечно, больше всего о процессе Бейлиса, о литературе и театре, читали вслух наспех набросанные очерки и впечатления из зала суда, а если приходил кто-нибудь из музыкантов – слушали Шопена и Грига, Шуберта, Шумана и Чайковского. Иногда приходила кончающая консерваторию певица Татьяна Ивановна Гаращенко и пела нам сцену у зимней канавки из «Пиковой дамы», или арию Гальки, или романсы Глинки и Рейнгольда Глиэра.

Особенно запомнился мне один вечер, когда посетил нас сам академик Овсянко-Куликовский.

Дмитрий Николаевич решил совместить приятное с полезным и приехал в Киев прочесть в Купеческом клубе публичную лекцию на модную и всех волнующую тему о ценности жизни, а одновременно побывать на процессе Бейлиса, разобраться на месте, в чем тут дело и написать для «Вестника Европы» статьи об этом процессе.

Я поспешила взять билеты и мы с папой были на этой лекции, а маме из-за легкого гриппа доктор не позволил выходить. Мама попросила нас пригласить Дмитрия Николаевича к нам в гости.

Лекция прошла блестяще. Дмитрий Николаевич провел в ней мысль о том, что в юности человек мало дорожит жизнью, быть может, потому, что биологически его психика и организм полны свежих сил. Но с годами и в особенности в старости, когда физические силы начинают сдавать – человек начинает дорожить жизнью, цепляться за нее, потому что иначе он умирал бы скорее, если бы по юношески не обращал бы внимания на недомогания, не берегся бы заразы или простуды. В общем, чувство жизни – это чувство наживное. Но ценность жизни не в субъективном ощущении жажды жизни. Ценность жизни в ее общественной стоимости: если человек приносит пользу, делает нечто нужное для своего поколения, народа, общества – он полезен и следовательно он осуществляет свою общественную стоимость, или то что он в силах и должен сделать для своего времени. А если человек одарен разными способностями, обладает знаниями, но эгоистично держит их при себе – он не осуществляет своей общественной стоимости, а следовательно жизнь его не представляет никакой объективной ценности, такой человек не нужен и даже вреден, как скверный пример.

Читал он со спокойной и мудрой манерой ученого. Лекция его была направлена своим острием на вредные, но модные в то время теории, что жизнь сама по себе не имеет никакого смысла, что надо жить, пока жизнь приносит наслаждения, а иначе нет никакого смысла тянуть нудную и тяжелую ношу земного существования. Эта теория привела на практике к тому, что в беспросветной ночи реакции, забытые нуждой девушки и юноши часто приходили в отчаяние и по самым пустяковым причинам кончали жизнь самоубийством.

Публики было много. За три дня до лекции был объявлен аншлаг. Одно поразило меня: в Киев приехал крупный ученый, академик, автор замечательных научных трудов, но ни один местный профессор не счел долгом быть на лекции, хотя бы из вежливости, по долгу гостеприимства.

Через несколько дней зашла я в деканскую и застала там Лободу. Он иронически спросил меня, была ли я на лекции Дмитрия Николаевича. Я, конечно, ответила, что была и добавила, что поведение киевской профессуры считаю и неприличным и непорядочным. Лобода злобно сверкнул на меня своими серыми глазенками и отрезал:

А когда мы, грешные, приезжаем в Питер – тоже нас не встречают и даже знать не хотят о нашем существовании.

– Большая разница: он и вы, – отрезала я в сердцах и почувствовала, что нажила в лице Лободы врага. – У нас литература сводится к истории всемирного плагиата, а он пытается найти в писателе живую человеческую душу, его индивидуальность, особенности его мышления, его способа писать и чувствовать жизнь.

И, не слушая его возражений, выбежала из деканской.

После лекции Д.Н. долго отвечал на записки из публики, потом, побеседовав с нами в артистической, решил спуститься с нами в ресторан при клубе. За ужином он развеялся, стал рассказывать анекдоты и разные смешные факты из жизни писателей и мы расстались под утро друзьями, взяв с него слово, что он нас посетит.

Дня через два он действительно провел у нас вечер. Воля не отходил от него и Дмитрий Николаевич с удовольствием отметил, что мальчик любознательный и способный. Узнав, что мама сама по всем предметам, кроме математики, подготовила меня за полный курс гимназии, он оживился, стал расспрашивать маму о ее методических приемах и после подробной беседы пришел к выводу, что у моей мамы исключительный педагогический талант. Затем перешли к обсуждению некоторых спорных вопросов грамматики. Дмитрия Николаевича точно водой живой брызнуло. Он точно помолодел, оседлав своего конька, а маме эта тема была близка, потому что она стала готовить Волю экстерном за первый и второй класс гимназии и весной Воля должен был сразу держать экзамены в третий класс. О некоторых вопросах орфографии у них даже возник легкий но вполне дружеский спор. В конце концов Дмитрий Николаевич попросил маму дать подробный отзыв о его (Овсянико-Куликовского) грамматике и, узнав, что у мамы только старое не переработанное издание, пообещал прислать новое и взял с мамы слово ответить ему подробной рецензией.

– Для меня ваш отзыв будет дороже отзывов гимназических педагогов, которые испорчены педагогическими шаблонами и стандартами, – говорил он, – а вы, Елизавета Васильевна живая душа, а не человек в футляре, талант божьею милостью, а не волею попечителя.

К концу этой беседы пришел «на огонек» Кранихфельд. Стали говорить, что пора мне выпустить свою книгу, но я искренне ответила, что издам стихи только тогда, когда наберется у меня на 10 листов безукоризненных стихов.

Значит, Пушкинская премия вам обеспечена, – ответил Дмитрий Николаевич и когда я нахмурилась, думая, что со мной шутят, добавил: – Нет, кроме шуток, у Вас для этого все шансы.

А Кранихфельд взял мой альбом и написал в него шуточный эскпромт:

Дили-бом, дили-бом!
Пишем шуточки в альбом.
Но погодите!!!
Наточу я скоро зуб:
Выйдет «сборник» 3. Тулуб.

Я рассмеялась и стала просить Дмитрия Николаевича тоже черкнуть мне что-нибудь на память. Он сначала шуточно отмахивался, но когда папа присоединился к моей просьбе, спросил:

– А какие есть рифмы к Вашему имени, Зинаида?

– Згида, артемида, планида, – шуточно затараторила я.

– Эврика! Довольно! Давайте альбом, – оставил он меня и через десять минут в моем альбоме появился такой прелестный эскпромт:

Меня жестокая планида
К стихам влечет. О, Зинаида,
Стихи давно уж я оставил,
Не соблюдаю даже правил
Стихосложения, но...Павел,
Отец ваш, все ж меня заставил
Стихи писать в альбом ваш чудный,
Я написал. А вышло нудно.
Таков удел мой стариковский!
Простите.
Дмитрий Куликовский.

Мы пришли в восторг, а Дмитрий Николаевич довольно улыбался, сам радуясь удачным стихам.

Настал 1914 год. И вскоре приехал в Киев Викентий Викентьевич Вересаев тоже прочесть лекцию и тоже на модную тему ценности жизни.

Лекция Викентия Викентьевича тоже прошла с аншлагом и с большим успехом у публики, только Вересаев трактовал свою тему совершенно с другой точки зрения, не от социологической, а медицинской, исторической и отчасти литературной.

Некоторые его тезисы, как я потом узнала, соприкасались с его работами о Дионисе и исследованиями по античной литературе.

Чудесно звучал его необыкновенно-красивый по тембру и богатый интонациями бархатистый баритон. Публика долго не отпускала его, окружив эстраду плотным кольцом. Познакомился с ним папа в редакции «Киевской Мысли», а в антракте познакомил с ним и меня. На другой день Вересаев провел у нас вечер.

Воле шел тогда, кажется, 12 год. Мальчик был не по годам развитый, вдумчивый и наблюдательный. В беседе Вересаев заговорил о своем путешествии в Египет и о раскопках в долине Царей. Воля подсел к нему и не отводил от Вик.Вик. своих глубоких вдумчивых глаз. Вересаев нежно обнял его и начал рассказывать ему о хамелеонах, на глазах меняющих свою окраску под цвет земли или камней, по которым они ползали, о том, как ловко ловили они мошек и других насекомых. Рассказывал он так увлекательно и красочно, что мы все притихли и слушали его, долго-долго...

Вересаев тоже дал мне на память автограф. Написал то, что было главной основной нитью его лекции о смысле жизни.

«Жить. Только жить! Жить широкою полною жизнью, не ломать и не отрицать себя!»

И никто из нас не подозревал, что эта горячая проповедь радости жизни подсказана глубокою личною драмой. Жена Викентьевича Мария Гермогенова рожденная Смилович страдала нервной болезнью, которая выражалась отсутствием желания жить. То и дело покушалась она на самоубийство. Приходилось день и ночь следить за нею, прятать от нее все вплоть до столовых и перочинных ножей. И вот, чтобы разубедить ее, научить ценить жизнь, уметь находить в ней радость, а уж затем спасти от пессимизма и жажды к самоуничтожению тысячи молодых жизней, заеденных реакцией,

безвременьем, борьбою за существование и сотнями личных причин, начал он свою проповедь радости жизни.

В нашей семье, морально и нервно здоровой, в квартирке нашей, где было так душевно тепло, уютно, где все дышало здоровым трудом и творчеством – Викентию Викентьевичу стало как-то особенно хорошо. С этого же дня завязалась моя с ним 25-летняя дружба – редкая, товарищеская дружба, в которой не было ни намека на увлечение, на ухаживанье, на какое бы то ни было поклонение. Так редко встретишь подобную дружбу между мужчиной и женщиной, и другой такой братской, товарищеской дружбы в моей жизни больше никогда не встречалось.

Раз-два в год Бунин писал папе коротенькие сердечные письма, как вдруг в феврале 1914 года получаю я с острова Капри большой заказной пакет, а в нем – кабинетный портрет Бунина, лучшая из всех известных мне его фотографий. Да и исполнена она была художественно: на коричневой, тона сепии маговой фото-бумаге в виде полотна. Бунин был на ней поразительно похож. И под его карточкой была надпись:

Высший труд – над собою. Будь верен себе
И среди похвал и среди осуждений.

Буддийская мудрость.

Зинаиде Павловне Тулуб на добрую память

Ив. Бунин.

Капри. Февраль 1914 г.

Дрогнуло сердце все своими струнами, получив этот далекий, бесконечно дорогой привет. С неделю ходила я как во сне, даже конверт, надписанный им по итальянски и по русски спрятала я и много лет хранила как святыню.

Но надо было ответить, поблагодарить. Но где найти слова, чтобы выразить мою благодарность. Но где найти слова, чтобы выразить благодарность, мою радость от сознания, что он меня не забыл, не осудил за мою шальную выходку... Пробовала начать письмо, но все выходило не так, как надо. А в душе вязалась длинная цепь воспоминаний о тех минутах, когда попадались впервые мне в руки его творения, все это сливалось в поток немного хаотичных, но таких искренних душевных стихов, что я в конце концов достала листок самой красивой из своих бумаг и написала большое письмо стихотворение, из которого помню не все:

О, как мне дорог ваш привет,
Как солнце южное, далекий.
Я все гляжу на Ваш портрет,
На надпись, чудный и высокий
Свою мудростью завет.
Гляжу и ярко вспоминаю,
Как в детстве я узнала вас.
С тех пор всегда в тоскливый час
Я ваши книги раскрываю,

Читаю долго – и глаза
Туманит светлая слеза.

Шесть лет мне было с половиной,
Букварь я одолела длинный –
И вот отец пообещал
Мне первый выписать журнал.
Однажды утром с первой книжкой
Явился, помню, почтальон.
Я в уголок забила мышкой –
И новый мир, как яркий сон
Мне распахнул свои чертоги.
И я читала вся в тревоге
И начитаться не могла.
Я ваши там стихи нашла
О том, как ночью серебристой
Луна стояла высоко.
Ваш стих хрустально и легко
Вошел мне в душу грезой чистой –
И вздохом нежным и святым
Вздыхнула тихо я над ним...

Прошло три года. Мы гостили
В имени бабушки моей.
И там мне как-то подарили
Ваш первый сборник для детей.
Был вечер. Зыбкий свет камина
По тихой комнате бродил.
Сверчок – напев сухой и длинный
Однообразно заводил.
Была я с книжкой дорогою.
Я «Мать» читала – и светло
На сердце было, но невольно
Вдруг что-то к горлу подошло.
Таинственной и чудной властью
Стихи связали нас без слов...
И гас камин горячей пастью,
Мерцающая бронзой угольков.

Опять стоял июнь зеленый.
Опять в деревне были мы,
Но старый дом, мрачней тюрьмы,
Стоял, в молчанье погруженный.

Там мама гасла, как свеча,
Борясь за жизнь свою упорно,
А я бродила в нем покорно.
Молитвы тихие шепча.

Отец в слезах. Дом – в паутинах,
С малюткой-братом я одна,
И жутко давит тишина
В покоех пышных и старинных.
И – ни слезинки на глазах,
И взор – сухой и воспаленный.
В нем затаился жуткий страх
С тоской недетской, но бездонной.

Конец этого абзаца не помню. В общем, в тоске блуждая по комнате, на старом рояле нашла я новую, только что купленную папой книжку «Листопад», раскрыла ее и все забыла, очарованная гармонией его дивных стихов. И вдруг слезы брызнули из глаз и горе, первое детское горе – страх потерять маму вылился в этих горячих слезах под страницами его книги. С тех пор каждый вечер читала я и перечитывала стихи его и каждый раз находила в них новые красоты, новую глубину.

Сонет «На Альпах», «Вирь», «Под тучей» –
Сжилась я с ними, и со всем,
Что дух ваш нежный и могучий
Вложил в слова своих поэм.

Шло время. Робко, неумело
Как ручеек из-под снегов,
В душе неясно зазвенела
Живая песня.

Странно-нов
Был этот голос. С нежным чувством
Порой он тихо угасал,
Но с ясной радостью предчувствий
Как ландыш, снова расцветал,
Тогда как раз в литературе
Настал тяжелый перелом.
С жестокостью осенней бури
Все было сметено. Кругом
Звучали музыкой салонной,
Пустой, но вычурно
Певучей, сладко-пустозвонной,
Пьяня, как крепкие духи,
Крикливо-модные стихи.

Куда идти? Поверить зову
Старинной мудрой простоты,
Или в цветистых блестках слова
Искать мне легкого пути?
И вы пришли. И вещим словом
Как солнце, озарили путь.
Иным не верю больше зовам, (...)

Последних строк никак не вспомню. Знаю только, что дышали они таким счастьем, что есть у меня лучезарный маяк, который не даст сойти с пути всех славных преемников Пушкина и Лермонтова, потому что путь – это истинное искусство. С глубоким волнением переписала я свое послание начисто и отослала в далекую солнечную Италию, где средь лазурного моря сияло мне солнце моей вселенной.

Я вечно думала о нем. Старалась угадать, что сказал бы он о каждом новом моем стихотворении. Если нужно было бы – я отдала бы за него жизнь, как отдали свою жизнь Пифагорейцы, когда жители Кротона подожгли их обитель, чтоб уничтожить Пифагора, считая его волшебником. Пифагорейцы легли сами в огонь, чтобы по их телам мог выйти Пифагор из пылающего здания и уйти в другие страны, где нашлись бы новые ценители и последователи его философии. Я любила его, но никогда не мечтала о близости с ним, а тем более – о браке. Ясно сознавала я, что его отношения с Верой Николаевной много крепче и неразрывнее «законного» брака, потому что дать ей счастье было для Ивана Алексеевича долгом чести, за все те уколы и обидные улыбки, которые могли бы выпасть на ее долю, а может быть и выпадали от мелких и ограниченных провинциальных людей. А долг чести для порядочного человека более обязателен, чем любой иной долг, связанный самими крепкими документами.

А кроме того я смутно чувствовала, что такие отношения – учителя и ученицы, куда прочнее и прекраснее ежеминутной совместной жизни, потому что при этом сказала бы разница в характерах и его слишком сильная личность могла бы и обезличить меня и – пожалуй – совсем поглотить.

В эту зиму я усердно работала над своей Саломеей. Еще в детстве запомнила я картину из Третьяковской галереи, где Саломея с любопытством смотрит на блюдо с мертвой головой Иоанна. Читала я и пьесу Оскара Уайльда «Саломея», где Иоанн, заточенный в сухой колодец во дворе, громко проклиняет Ирода, Иродиаду и дочь ее Саломею, а Саломея велит его казнить, так как он отверг ее любовь. Все эти трактовки темы мне не понравились. И захотелось мне по иному разработать ее. Сделать Саломею чистой невинной девочкой, которая росла в бедной сельской обстановке кочевников и вдруг попала во дворец.

Печальные детские дни
Не в царском дворце провела я,
Где зренье и слух обольщая,
Как грезы, мелькают они, –

Светили мне неба огни,
Шумели мне кедры Ливана,
Да звон бубенцов караванов
Журчал надо мною в тени.

И новый открылся мне мир.

А будни – как праздничный шар.
Под звонкое пение лир
Звучали там строфы элегий,
А жар сладострастья и неги,
Там чтился, как общий кумир.

Однажды был пир у царя...
Прекрасна, как роза Шарона,
Смеялась я звонче Кедрона
В сияньи огня-янтаря.

Плясала, восторгом горя,
Пьянея от блеска наряда,
От вин и тетрархова взгляда.
И рдело лицо, как заря.

Потом я покинула зал,
Томима тоской незнакомой
Присела, объята истомой,
А ветер кудрями играл.
Он в буйном восторге трепал
У факелов желтые гривы –
И свет их дрожал прихотливо...
Очнулась: царь – ирод позвал.

Он звал и молил танцовать.
Молил с разгоревшейся страстью.
Клялся он честью и властью
Пол мира за танец отдать.
И я не смогла отказать:
Цветистое взяв покрывало,
Я замерла тихо средь зала
И звуков ждала, что начать...

...Как луч, утомленной луны,
Скользнула с тоскою во взоре,

Потом заметалась, как в море
Бурун опененной волны.
И с дрожью звенящей струны
В истоме на миг заставала,
Взвивая концы покрывала
Зовущим покровом весны.
Окончив, склонила я лик,
Исторгнув из уст властелина,
Забывшего явства и вина,
Безумный, восторженный крик,
И громко твердил мне старик:
– Клялся я и вновь повторяю:
Все дать тебе я обещаю,
Чем род мой богат и велик.

Молчала, смущеньем полна.
Желанья роились, как тени.
Хотелось камней, украшений,
Хотелось волшебного сна.
И вот молчаливо одна
Я вновь у колонн на террасе.
Смотрю, как на звездном Пегасе
Дымится барашков волна.

Не слышно, как синяя ночь,
Вдруг мать подошла и, целуя,
Сказала: “К тебе прихожу я,
Чтоб в выборе трудном помочь.
Перь страсти не мог превозмочь. –
Воспользуйся милостью рока
И казни еврея-пророка
Потребуй, любимая дочь”.

И холод невольный и дрожь,
Змеей по спине пробежала
Опять я к колонне прижалась...
Как будто увидела нож.
И с лаской, где слышалась ложь,
Царица совет повторила.
И тихо ее я спросила:
“Убить Иоанна? За что же?”

Не знаешь? Так слушай, дитя.
Он сеет вражду к нам в народе.
Он долго бродил по свободе.
Народ легковерный мутя.
Быть может, за что-то нам мстя,
Он словом, исполненным страсти,
Поносит законы и власти,
Он царству грозит, не шутя.

Он мир к обновленью зовет:
Все то, что лелеет нам чувства, –
Пиры, наслажденья, искусства
Врага и судью он найдет.
Смиренья и бедности гнет.
Потом изнуренное тело –
Вот счастье, к которому смело
Толпу за собой он ведет.

И жалкий, безумный слепец
С мечтами о правде грядущей
В угоду толпе неимущей
Пятнеет наш царский багрец.
Зажжет он толпу наконец,
Восстанут тогда иудеи –
И с нас и с тебя Саломея,
Сорвут лучезарный венец!”

Внимала я речи ее
И в зал освященный глядела,
Там флейта фригийская пела,
А в сердце проснулась змея,
И гнев свой в душе затая,
Вошла я и с силой неожиданной
Сказать: “Главу Иоанна
Подай мне. Вот воля моя!”

Смутился тетрарх. Поднялся,
Бледнея, на ложе парчовом,
Но, связанный клятвенным словом,
На страшную просьбу сдался..
...Шумели кругом голоса...

Фригийская флейта звенела.
На блюдо я с болью глядела,
Где стыла из крови роса...

...Глаза с поволокой густой.
На тонком померкнувшем лице
Мертвеют горячие блики,
Меняет их смерть синевой...
Я блюдо взяла с головой,
Царице его протянула
И снова назад отшатнулась,
Как будто столкнулась с змеей.

Огни потускнели кругом.
Томительно флейта рыдала...
Я в страхе безумном дрожала,
Как лань под осенним дождем.
Глава с помертвелым лицом
Мерещилась грозно повсюду,
А, кровь, растекаясь по блюду,
Гранатовым стыла кольцом.

Так кончала я первую главу своей Саломеи. Второй главы совершенно не помню. Знаю, что Саломею мучит раскаянье. Свою мать коварную Иродиаду она возненавидела. Отчим преследует ее своей старческой страстью, но она так оскорбила его, что он сразу опомнился и отошел от своей падчерицы. И вот бродит она одна, худеет, бледнеет, но никому не признается что терзает ее.

Думая что она больна, ее отправляют в Галилею, где климат мягкий, но и там она не находит покоя. И только раз в минуту отчаянья признается рабыне о своей тайной драме. А рабыня – христианка. Она объясняет Царевне, что Иоанн только предшественник великого пророка Христа. Христос уж третий год бродит по всей Палестине, исцеляя больных, воскрешая мертвых и проповедуя свою новую правду, правду бедных людей. Саломея жадно слушает рассказ и с той поры они обе ждут не дождутся, когда придет учитель в их скромный Галилейский городок. Но время идет. Христа все нет. И вот все кругом собираются в Иерусалим на праздник Пасхи. Рабыня говорит, что Христос тоже бывает там ежегодно, и вот Саломея просит отвезти ее в Иерусалим, потому что она только там надеется найти себе исцеление. Снаряжают Караван и долго идет он в пустыне, где только весной бывает зелень, где благоухают степные лилии и алый мак рассыпан по земле горячими красными угольками. В Иерусалиме полным полно народу. Теснота, шум, гам, давка. С дороги Саломея заснула, а на рассвете посылает рабыню узнать, пришел ли сюда Христос. Рабыня возвращается и в ужасе рассказывает, что Христа ночью арестовали и судили и повели на казнь.

Саломея, набрасывает бедную ситарру рабыни и они вдвоем бегут на Голгофу, но, не зная дороги, долго блуждают и попадают туда тогда, когда Христос испускает дыханье.

И дрогнула в страхе земля,
Морщинами трещин покрылась.
Толпа задрожала, смутилась –
И бросилась в страхе в поля.
Песком и камнями пыля,
Завихрилась буря средь зноя,
И вздыбилась смерчем, и, воя.
Пригнула к земле тополя.

И солнце померкло, венцом
Кровавым чуть брезжа средь ночи.
И звезды дрожащие очи
Раскрыли во мраке густом.
Но туча широким крылом
Метнула и вдруг по равнинам
Рассыпалась крупным дождем.

Бежала... Неверен был путь,
Под ливнем, под вихрем с грозюю.
Вдруг ворон, испуганный тьмою,
Мне ринулся прямо на грудь.
Едва удалось отшвырнуть
Безумную птицу. Упала
На камни, а в душу, как жало,
Впивалась холодная жуть.

Через мгновенье заглянуло солнце. Утихла буря и Саломея поняла, что (...) во тьме, она снова вернулась к Кресту, на котором распят Иисус.

И в душе совершается давно подсознательно подготавливавшийся переворот: она поняла, что пришла в жизнь новая правда, новое мировоззрение:

Он был мировая мечта
О жизни вне смерти и тленья,
В нем радостным светом без тени
Сияла сама Красота.
И взоры подняв на Христа.
Узнала я бога в распятом
И с сердцем восторгом объатым,
Упала к подножью креста.

Эта поэма была навеяна и Ренаном, и моим отношением к Бунину, и чтением и тем, что если не любила я мишуры церковных церемоний, Евангелие меня всегда волновало, особенно в Чистый Четверг, когда при свете трепетных свечей, под древними

сводами читал нараспев повесть о клевете на невинного человека, о трусливом чиновнике Пилате, который боялся испортить себе карьеру и политически скомпрометированными перед императором, оправдав этого странного непонятного философа, который, понимая, что ему грозит страшная мучительная казнь, спокойно спрашивает “Что есть истина?”, а на вопрос, правда ли, что он бунтовщик, иронически говорит “Царствие мое не от мира сего”. Здесь в этих чтениях нет сложной и нежизненной догматики, нет сложной и мертвой символики обрядов. Раз в год звучит здесь простая бытовая жизненная правда об одном судебном процессе, где безвинно казнили ни в чем неповинного человека. И эта простая в своей ужасной правде повесть не может не волновать художника и поэта...

Взятая мною форма амфибрахических октав сильно связывала меня своей полусонетной рифмовкой, но я нарочно так усложнила свою работу, чтобы тренировать себя на самую сложную стихотворную технику.

К курсам я совершенно охладела. По прежнему добросовестно и подробно готовилась к экзаменам, но не набирала к каждому из них по 10-15 книг специальной литературы, как делала прежде, а просто изучала все, что полагалось по программе, не больше.

В этот день снова стал читать у нас Якубанис, и снова логику для первого курса, да еще что-то – кажется, греческий язык. Как-то зашла я в его аудиторию. Да, читал он содержательно и красиво, но его красноречие отдавало театральщиной. Так рассыпался в прах один из моих прежних кумиров, когда поняла я, что есть ораторское искусство маркой выше его, а знания – глубже и оригинальнее. Ну, что, подумала я, надо идти от простого к сложному, от стекла к хрусталу, от хрусталя – к слезам, а затем, может быть, к звездной россыпи на южном небе.

В конце зимы – приблизительно в конце февраля, или иначе марта, подобрала я штук семь стихотворений о море и Крыме, озаглавив их “Из Крымских стихов” и послала в “Русское богатство”. Со слов Ольнем, я знала, что единоличного редактора там нет, что рукописи читают там всей компанией, состоящей из Горнфельда, Ельпатьевского, Редько, Мякотина, Пешехонова, Ольнем и еще кого-то, но стихи отданные в полное распоряжение Горнфельда Ольнем говорила не раз, что человек он нервный, стихи оценивает по настроению часто бракует ценное и принимает самое серенькое, но несмотря на все эти дружеские предупреждения, решила взять и эту вершину литературного Олимпа, чтобы не осталось ни одного толстого журнала, где не было бы на обложке в списке постоянных сотрудников не фигурировало бы мое имя.

Недельки через три пришел ответ. Горнфельд писал, что технически стихи мои безукоризненны. Еще бы – Бунинская школа, но что отошел он от них холодным, потому что я даю один пейзаж без человека на фоне его. Я так возмутилась и так рассердилась, что даже расплакалась, а мысленно сказала себе.

– Ну, погоди! Я тебе по своему отомщу. Встал ты, горбун с левой ноги – и подавай тебе, как купцу, пейзаж с дивчиной возле колодца, или стадом коров, чтобы кроме природы, была там живая тварь... Ладно! Пошлю я тебе стихов “со скотинкой или с человеком”, приучу тебя, а там – посмотрим...

Это была единственная неудача за всю мою литературную жизнь.

Я отдала свою Бретонскую балладу и под заглавием “Возвращение” послала ему, ни словом не упоминая о его отзыве. Горнфельд стал действительно “приручаться”, ответил любезным письмом и принял эту балладу и еще одно стихотворение.

Я довольно улыбулась про себя, но мысль о мести не оставила, только отложила ее на будущее.

В мае я сдала польский язык и еще два каких-то предмета.

Воля тоже сдал экзамены за курс, кажется, третьего класса, и мы в конце мая переехали к себе в Святошино.

Беседуя с Вересаевым, я между прочим показала ему свой перевод из сборника “_____”. Александрийского поэта Фанокла. Перевод мой понравился Вересаеву и он попросил меня прислать ему копию моего перевода. Отрывок из этого стихотворения (“Смерть Орфея”) он процитировал в своей вступительной статье к переводам из Сафо, которые вскоре вышли в издании “Книгоиздательства писателей” в Москве. В своем письме Вересаев сообщил мне, что Книгоиздательство Сабашниковых собирается выпустить в своей серии “Памятников мировой литературы” большой сборник греческой лирики, куда должно было все дошедшее до нас и целиком и во фрагментах, все известное по крохоткам, добытым при раскопках в свалках возле Александрии.

Чтобы не взятыся за уже переведенное, я списалась с Сабашниковыми и получила список сотрудников и стихов, еще никем не переведенных. С этим списком съездила я в Киев к Клингеру, который изредка у нас бывал, даже приезжал к нам на дачу, он тотчас достал Антологию “_____” и стал мне диктовать один отрывок за другим. Особенно понравился мне фрагмент из Анакреонтиков и пока Клингер разыскивал другие отрывки я записала хореем его диктант.

Раз, венок из роз сплетая,
Я нашел в цветке Эрота –
И, схватив его за крылья,
В налитую чашу бросил
И с вином душистым выпил.
С той поры в себе я чую
Беспокойный шорох крыльев.

Показала свою запись Клингеру. Он был поражен, но, подумав сделал одно замечание:

– Все хорошо, но по гречески фрагмент написан ямбом, а не хореем.

– Жаль, – ответила я, – Хорей всегда легче и воздушнее ямба. Как это я проглядела размер... Придется переписать его на ямб.

И тут же, на том же клочке бумаги написала в его присутствии:

Венок из роз сплетая
Нашел я в них Эрота,
Схватил его за крылья –
И, опустивши в чашу,
С вином душистым выпил.

С тех пор в себе я чую
Тревожный шорох крыльев.

Списала я у Клингера отрывки из Мелеагра, Симонда Кеосского, Леонида Тарента и другие. Все эти отрывки Сабашников у меня принял, но оплатить обещал как тогда полагалось, только по выходе книги. Однако, война и революция помешала проследить за их дальнейшей судьбой. Я так и не узнала, вышел ли этот сборник и денег за свою работу я так и не увидела.

Этим летом, Бунин по обыкновению вернулся в Россию и жил на даче Ковалевского под Одессой, на Большом Фонтане. И вот однажды получила я презабавную открытку от Бориса Лазаревского: “Я с Буниным, а вы – нет. Ага!” Под этой шутливой фразой стояла подпись Лазаревского, а ниже Ивана Алексеевича, прекрасного писателя Николая Фридриховича Олигера, Федотова (автора романа “Камни”), художника и Нилуса, Веры Николаевны Муромцевой и еще нескольких литераторов. Собрались дружной компанией на Большом фонтане, говорили о том о сем, перебирали, как всегда, свою литературную братию, добрались и до меня и тут несомненно Борис Лазаревский, который не мог мне простить, что я не отвечаю на его настойчивые ухаживания, письма и ежегодные приезды в Киев, очевидно, начал прохаживаться на мой счет и сказал, что в жизни я никого, кроме Бунина, не хочу признать. И тут же всей компанией веселые люди писатели решили меня подразнить. А я обрадовалась, что меня не забывают, считают своей и спрятала эту шуточную открытку в коробочку с другими писательскими письмами – на память.

В начале июля серб – студент Габринович убил в Сараеве Австрийского эрцгерцога Фердинанда, и это убийство стало внешней причиной первой мировой империалистической войны.

Сначала никто не подозревал, какое страшное бедствие надвигается на всю Европу. Мало ли стреляли королей, министров и президентов! Но на этот раз события разворачивались с быстротой кинофильма. Австрия предъявила Сербии ультиматум, требуя от нее отказа от прав суверенного государства. Вмешалась Россия, защищая славянскую землю.

Пока заваривалась эта кровавая война, мы на даче готовились наблюдать еще невиданное нами полное солнечное затмение, потому что на этот раз оно должно было быть в Киеве во всем своем величественном виде. Собрались мы целой большой компанией, вместе с Ярошевым, Карицкими и другими соседями, и вышли на взгорье, в открытое поле с закопченными стеклами и биноклями.

Пшеница в поле была уже скошена, так что можно было передвигаться куда угодно. Редкие кучерявые облака лениво плыли по небу. Был жаркий сухой солнечный день. Около трех часов дня. Но вот черная тень стала медленно наползать на сверкающий солнечный диск, и день, такой знойный и яркий, стал медленно тускнеть, стал смутным, точно картина, писанная акварелью и выцветшая от солнца.

Облака над горизонтом стали принимать странные зеленовато-коричневые тона. Вот и серп распался на несколько ослепительно ярких угольков – и все померкло. А на том месте, где только что было солнце, появилось прозрачное кольцо из мерцающего сияния, да по горизонту вокруг легла странная, фантастическая заря коричневого

с зеленоватым отливом оттенка. И вдруг ветер – холодный, пронизывающий ветер пролетел по полю по пути затмения. Мы были в прозрачных батистовых блузках и платьях и холод прихватил нас, точно нас бросило в холодную воду. Где-то испуганно завyla собака. Стайка мелких птичек с испуганным свистом прошила воздух над головой. Мы дрожали в глубоких сумерках и удивленно смотрели на коричневую зарю, охватывающую горизонт сплошным кольцом, и я вспомнила, что такую зарю видела на картинах Рериха, написанных им в Норвегии (Олафсборг и другие).

Но вот с противоположной стороны солнечную корону разорвала огненная точка, за ней вторая, через мгновение они сомкнулись в огненную дугу и золотой серп восходящего солнца вспыхнул на небе, рос, расширялся. Странная фантастическая заря стала меркнуть, сменилась тусклым днем и живительные солнечные лучи сменил пронзительный ветер. Мы помчались на дачу согреться горячим чаем, а через час снова сиял знойный июльский день и казалось – вовсе не было на небе жуткой коричневой зари и черного диска в лучисто-прозрачном нимбе на померкнувшем небе.

– Война! Будет война, спаси нас господи, царица небесная, испуганно твердила наша кухарка Феня, зажигая в кухне пересошую и засиженную мухами лампадку.

Но ей никто не верил.

Австрия внезапно напала на Сербию и стала ежедневно бомбить Белград. Тогда Россия объявила мобилизацию, а Германия – предъявила нам ультиматум, как союзница Австрии.

Поздно вечером, когда все на дачах спали, приехал к Ярошевым, моя подруга по гимназии, их старший брат Николашка проститься с матерью и сестрами, потому что 33 артиллерийская бригада, где командовал он батареей 21 корпуса должна была на рассвете выступить к австрийской границе. Папа возвращался из города и встретился с Николашкой в трамвайной будке поздно ночью, когда тот возвращался в лагери. Папа, конечно, пожелал ему всего хорошего и пошел домой, подавленный мыслью, что этот веселый, свежий и жизнерадостный человек может через несколько дней погибнуть, или стать беспомощным жалким калекой, потому что австрийским законам выгодно было поглотить маленькую героическую Сербию, а Сербия не захотела рабства и не легла покорно к ногам Габсбургской монархии.

Смущенный и опечаленный рассказывал нам папа на другое утро о прощании с Николашкой и, совсем сконфузившись, достал из жилетного кармана недокуренную папироску.

– Это Николаша курил, когда подошел трамвай, – объяснил он. – Он бросил папиросу и мы простились. Мне стало так больно за него, что я поднял окурочек и подумал: “может быть я его больше никогда не увижу” – и взял окурочек на память.

Вот этакий окурочек может пережить человека... И вообще, в мире творится что-то ужасное: миллионы людей идут убивать друг друга, поработать, разрушать... И люди как будто культурные... Мы тут сидим, благодушествуем, а Николашка идет туда, в этот ад... Подставляет себя как мишень.

Эти сбивчивые, смущенные слова нашего папы, совершенно растерявшегося при мысли, что привычный, как будто такой незыблемый порядок вдруг рассыпался в прах, заставил и меня призадуматься.

Когда где-то в Африке, или Полинезии шли войны – это, конечно, тоже казалось пережитком варварства, но все же вязалось в представлении об отсталых народах, а главное – это было неизмеримо далеко и почти казалось нереальным и отвлеченным.

Но теперь война стояла у нашего порога, стучалась к нам. Германия только что предъявила нам свой ультиматум: это ошетинились на нас самая злобная и жестокая в своей бронированной мощи кайзеровская Германия. И за тяжелым скрежетом ее военной машины уходила в небытие туманная и мудрая Германия Шеллинга и Гегеля, Канта и Лессинга, Гете и Шиллера, Бетховена и Гейне, Вагнера и Шумана... Прусские кованые сапоги топтали цветущие поля Бельгии, готовились обрушиться на Францию, почти родную Францию, где в 1870 году наглые пруссаки так гнусно оскорбили кров моей прабабушки. Наша родная Россия должна помочь, спасти союзницу, спасти Сербию и Бельгию – всех, кому противен и невыносим прусский милитаризм с ее нахально-заносчивым кайзером. Но для этого надо миллионам Николашек пролить свою кровь...

Все это было каким-то кошмаром...

Прошло два дня. Тысячи тысяч разных русских людей оторвались от привычной работы, от плуга и от канцелярского стола, от заводского станка и от научного микроскопа, от магазинных прилавков и подготовки к экзаменам, от творчества и научных исследований, чтобы идти навстречу вихрю пуль и шрапнели, на ножи заостренных штыков, не пустить на нашу землю страшную немецкую напасть.

Суконные и золотые погоны легли на плечи почти всех окружающих, зеленые гимнастерки сменили студенческие тужурки, косоворотки, пиджаки и толстовки. Шли люди на кровавое побоище и на звериную первобытную жизнь долгими месяцами и даже годами в открытом поле и мокрых окопах, в дождь слякоть, в мороз и бурю в мокрой или мерзлой одежде, на съедение вшей, без бани и бритья, на простуды и ревматизмы, на отравление газами, на раны и смерть...

Трудно было даже представить себе все лишения, всю нечеловеческую усталость и напряжение этих долгих окопных будней, о которых средний интеллигент и вообще горожанин знал только по рассказам из жизни каменного века и истории средних веков.

И почти презрительное в устах передового человека слова “солдат”, а тем более “офицер”, которое всегда сливалось с понятием опричник, каратель, преторианец, янычар, опора монархии стало постепенно превращаться в понятие мученик, страдалец, защитник... Мы тогда смутно понимали, что война эта нужна не крестьянам, рабочим и трудящимся интеллигентам, не ученым и работникам искусства, нужна она была западным династиям, владельцам пушечных и химических заводов, но смутные догадки свои мы не могли доказать, не зная основ научной социологии, да и чувство любви к родине тогда было опоганено постоянным отождествлением его с преданностью монархии и считалось почти позорным признаком отсталости и мракобесия. Мы возмущались, что на нас напали и отлично знали, что Германия никогда не была для нас другом. Не даром во время неудачной японской войны, вместо помощи, Германия навязала нам, пользуясь случаем, почти кабальный торговый договор, по которому Россия не имела права развивать своей химической и машиностроительной промышленности, а сахарную промышленность лимитировала определенным количеством

выпуска сахара, да еще обязывала вывозить его в Германию по таким ценам, что русским сахаром в Германии откармливали свиней, а сливочное масло из русских имений оклеивали немецкими или датскими этикетками и перепродавали по двойной цене.

Но и этого показалось мало алчным немецким капиталистам: надо было отбросить нас далеко на восток, отрезать от Балтики, отнять прорубленное Петром Великим окно к свободному морю, наглухо запереть нам Босфор и Дарданеллы и превратить в экономически-зависимую, земледельчески-сырьевую колонию для западных держав, да еще в рынок для сбыта своей промышленной продукции.

Это мы знали. Но не знали другого: что война, давая народу оружие в руки, давала им в руки ключи от своих кандалов и этим самым приближала нас к революции, о которой мечтали все мало-мальски честные и умные люди России.

Наконец и поднявшийся по всей стране патриотический подъем мешал разглядеть во тьме грядущего новые, еще не ведомые нам пути человечества.

К счастью, в нашей семье на протяжении нескольких поколений никогда не было военных. Блеск мундира никогда не привлекал ни Тулубов, ни Корниц-Королек, ни даже далеких Кальмелэ. На военных смотрели мы, привыкшие к мирной жизни, на людей, нужных только царизму, потому что каждая профессия творит что-то полезное и нужное человечеству, создает какие-то материальные и моральные ценности, а продукция военных – это калеки и трупы. И так как мы были люди глубоко мирными и мыслилась нам наша жизнь только в обстановке мира, то фабрикация трупов казалась нам просто пережитком варварства. И само собой забывалось, что иногда поневоле приходится стрелять в разбойников, ворвавшихся в наш мирный дом.

Поэтому и теперь мы переживали события как-то отвлеченно, так как не за кого было переживать горе родственников, провожающих своих на войну.

И на этот раз большим для нас горем стало то, что дядя Коля застрел в Берлине.

Он всю зиму прихварывал, мой добрый и умный (Креснушка-Потапушка-Шоколад). Донимали его мучительные отрывки, тошноты и болезненные спазмы под ложечкой, головные боли и головокружения. Киевские врачи подозревали рак желудка, но ни рентген, ни анализ желудочного сока не подтвердили их диагноз. Два месяца пролежал дядя Коля на Бульварно-Кудрявской в санатории доктора Лапинского, но и водолечение ему не помогло. Тогда дядя поехал в Берлин посоветоваться со всемирно-известным профессором Боасом. При первом осмотре и Боас не смог поставить диагноза и положил дядю в свою клинику для наблюдения. Недели через две Боас определил что у дяди тяжелое страдание симпатического нерва и начал лечить его электричеством и другими сложными процедурами.

И там застала дядю война.

Из газет мы узнали что по всем городам Германии, в особенности Пруссии, прокатилась война жестоких русских погромов. Русских избивали и убивали на улицах, издевались над ними, насиловали женщин, грабили и калечили. Жену профессора Туган Барановского, выдержавшую накануне тяжелую операцию, выволокли из больницы, где она и погибла под каблуками толпы. Душа болела за дядю читая газеты.

Папа узнал, что Испания и ее посольство взялось защищать русских, застрывших в Германии, и бросился к Испанскому консулу. Консул записал имя, отчество и фамилию

дяди, его возраст, профессию, адрес клиники профессора Боаса и обещал срочно навести справки, но дни шли за днями и ответа не было.

Застала войну в Германии и моя гимназическая подруга, курсистка-бестуженка Валентина Николаевна Трофимова, дочь известного в Киеве ларинголога медицины. От рождения Инна, как звали мы ее, страдала пониженной кислотностью желудочного сока и отец отправил ее лечиться на воды в Лангеншвальбах. Там и застала ее война.

Курортников грубо согнали в скотопригонный двор при городской бойне и продержали там среди грязи и навоза под улюлюканье и издевательства толпы целые сутки без капли воды и крошки хлеба, потом загнали, как скот, в товарные вагоны и везли взаперти, в такой тесноте, что нельзя было даже лечь на пол целых двое суток, затем стали обыскивать, раздевая подряд женщин и мужчин догола, отнимая все металлическое. Всех мужчин призывного возраста (от 20 до 28 лет) отделили и объявили военнопленными, а женщин и стариков загнали в трюм грузового парохода и на другой день высадили на шведском побережье. И это все проделали с больными, страдающими язвами желудка, диабетом, нефритом, камнями в печени и почках и другими тяжелыми заболеваниями. Шведский красный крест их накормил, устроил им баню и дал возможность переночевать в приличных условиях, а на другой день усадил в поезд и отправил через Финляндию в Петербург.

Пережив эти прекрасные впечатления от германской культуры, Валентина ярко выраженная “красная” до того дошла, что увидев на русской границе жандарма, разрыдалась от радости и бросились его целовать...

Можно себе представить, как тревожились мы за больного дядю, наслушались подобных рассказов...

Раньше обычного в первых числах сентября вернулись мы в Киев. Город был полон раненых. Многие гимназии были отведены под лазареты, и впервые в России учащиеся стали заниматься в две смены.

Ушла на фронт медсестрой Ксения Завадская, Наталия Васильевна Рылеева, внучатая племянница декабриста, а по матери правнучка князя Кутузова-Смоленского стала работать медсестрой в госпитале, размещенном в митрополитических покоях во дворе Софийского собора. Даже Валентина Трофимова после всего пережитого в Германии, на что была настроена оппозиционно правительству, пошла добровольной сестрой в Дегтяревскую богадельню, тоже превращенную в госпиталь Союза городов. И мне стало стыдно быть в стороне от этого всенародного страдания, быть барышней-белоручкой, но надо было сперва научиться ухаживать за больными и ранеными. И вот каждое утро я уходила из дому, но не на курсы, а в Красный крест на лекции и практику. Слушала курс полевой хирургии, микробиологии, общей терапии, гигиены и др. и через день отбывала шестичасовое дежурство при раненых и больных. Одного не могла выносить – запаха эфира и хлороформа: от них делалось мне дурно, даже раз настоящий обморок и поэтому работать в операционной я не могла и была только палатной сестрой.

Уж две зимы Воле преподавал математику студент-юрист Александр Иванович Серапинов. Будучи гимназистом, он бежал во время Японской войны на восток, с эшелонам добрался до Маньчжурии и там пристал к какому-то полку. Сначала хотели

отправить его домой, к родителям, но потом сжалились и оставили. А он стал ходить в разведку, однажды приволок связанного “языка и до конца войны заработал все четыре степени солдатских “Георгиев”, то есть 4 боевых ордена. Был тяжело ранен и лишился ноги. Сделали ему хороший протез, который однако, не сгибался в колене. Серапинов всем говорил, что нога у него своя, но от долгого лежания срослась в колене, но мы-то знали правду.

И вот вскоре после нашего переезда в город пришел к нам Серапинов в офицерском мундире прощаться перед отъездом в армию. Мы, конечно, поразились: как он, инвалид, может идти на войну. Но его взяли не строевиком, а готовить в тылу новобранцев и ополченцев к отправке на фронт. Пошел он, конечно, добровольцем в тот же день, как студент, и бывший воин и георгиевский кавалер всех четырех степеней был в тот же день произведен в прапорщики. Так лишился Воля своего первого хорошего математика, а мы симпатичного знакомого.

На прощанье мама купила ему в подарок дорожный несессер, папа – термос, а я вечное перо и две коробки красивой почтовой бумаги.

Прошли мои именины (11-го октября по старому стилю), а о дяде Коле все не было вестей, и мысль, что нет его в живых все чаще заползала в душу, как вдруг пришла желанная телеграмма:

Проехал Одессу через Италию, Салоники, Софию.

Отдохну здесь недельку. Привет.

Папа бросился в Управление дорог, оттуда дяде немедленно перевели денег, так как за ним сохранялась его должность юрисконсульта и мы каждый день поджидали либо новой телеграммы, либо самого дядю. Но приехал дядя только через две недели и неожиданно встретился с папой в коридоре суда, куда дядя зашел по делу в Совет присяжных поверенных. О своих мытарствах он не распространялся, сказал, чтобы ему дали немного отдохнуть, а потом он сам позовет нас к себе и подробно расскажет нам все свои злоключения.

В последних числах октября собрались мы к нему на Гоголевскую всей семьей. Дядя по прежнему жил во втором флигеле дома Миллера (фабриканта красок) №32 и вокруг своего особняка разбил прелестный садик с редкостными для Киева сортами роз. Привозил он и кустовые и штамбовые розы отовсюду, из Казанлыка, из Марселя и Ниццы, из Триеста и Дрездена. Кроме роз было там много персидской сирени и разных цветов и в день нашего посещения всюду стояли на столах и этажерках букеты из последних астр, резеды и левкоев вперемешку с чудесными розами самых редких оттенков.

Не забыть мне никогда этого вечера. Кроме нас, собрались к дяде и племянники его жены Надежды Федоровны и как-то особенно тепло и уютно было в тот же вечер в скромной дядиной квартире, среди его огромных шкафов, полных редкими книгами и альбомами. Посидев немного в гостиной, мы скоро перешли в столовую и за чаем и скромной, но вкусной закуской, дядя рассказал нам свою долгую и жуткую повесть.

Внешне дядя Коля выглядел неплохо. Голос его звучал отчетливо и красиво, как и подобает хорошему адвокату, но иногда он умолкал и сидел, опустив голову как бы отдыхая и прежде чем, снова продолжать свой рассказ с минуту ловил губами воздух, точно трудно было ему говорить.

– В Берлине, – начал дядя, – Боас, как и наши врачи, не смог поставить сразу диагноз и положил меня к себе в клинику для наблюдения и разных диагностических анализов и процедур. Боас говорил по-русски. Он изучил наш язык по книгам, потому что у него лечилось много русских. Лежал я у него две недели и наконец диагноз был поставлен: у меня оказался не рак, а сложное заболевание, редкое по форме заболевание симпатического нерва. Значит, надо было в первую голову восстановить мне нервную систему. Надо было жить без волнений и долго и систематически лечиться. Задача для адвоката – довольно трудная, – не смог не улыбнуться дядя, – особенно для специалиста по железнодорожному праву, когда мотаешься по всей Европе. Но я решил остаться в Берлине месяца на два, чтобы поставить себя на ноги.

– Все шло как будто хорошо. Как-то вечером вызывали Боаса в Потсдамский дворец к заболевшему кайзеру. У Вильгельма оказался легкий грипп, или что-в этом роде, но если болен император из каждого прыщика делают гору. Вернулся Боас поздно, к полуночи и сразу прошел ко мне. А я две недели не видел газет и не подозревал, что творится на свете, потому что в больницах, да еще нервным больным газет не дают. И вот Боас рассказывает мне о том, что Германия предъявила России ультиматум, срок которого истекает минут через двадцать и что во дворце уже подписан манифест Кайзера о войне, да и сам император не скрыл этого. “Утром об этом узнает вся Германия и будет русский погром”, сказал Боас, а поэтому, чтобы спасти мне жизнь, он советует мне немедленно выехать в Мюнхен, а оттуда в Швейцарию, потому что пассажирское движение на восток к русской границе уже прекращено. Пока мы беседовали, принесли из кладовой мои вещи и доложили что лимузин профессора Боаса ждет меня у подъезда. Раздумывать не пришлось. Я собрался. Меня отвезли на вокзал и усадили в отдельное купе, а вещи сдали в багаж. Утром я был в Мюнхене, сдал вещи в камеру хранения и решил проехать по городу, потому что поезд к Боденскому озеру отходил вечером. Мне нужно было повидать знакомых Мюнхенских адвокатов и министра юстиции, с которыми мы не раз встречались на научных съездах и конференциях по вопросам железнодорожного права.

В трамвае я стал расспрашивать кондуктора, где мне выйти, и тут выдал меня мой акцент. Кто-то из публики подслушал наш разговор и как гаркнет:

– Бей его! Это русский!

И вдруг чинная благовоспитанная, хоть и возбужденная утренними газетами публика точно взбесилась. Ко мне бросились. Одни выталкивали меня из трамвая, другие рвали меня за полы. Вагон остановился у какого-то перекрестка, где тоже бушевала толпа, орала “Гох” и выбивала окна многоэтажного дома, где помещалась контора одного из русских банков. Меня вышибли из вагона, а я все повторял громко и отчетливо:

– Оставьте меня! Я испанец! Как вы смеете драться!

На шум явился шуцман. Я повторил, что я испанец и требую защиты. Шуцман успокоил публику, немцы ведь страшно боятся полиции, усадил меня на извозчика и повез, по моей просьбе к полицей-президенту.

Когда мы немного отъехали, я сказал шуцману, что я действительно русский, но назвался испанцем, чтобы не быть убитым на месте. Шуцман одобрил мой поступок

и рассказал мне, что Испанское посольство и консулы защищают интересы русских, застрявших в Германии.

В полиции я предъявил свой паспорт, свидетельство, выданное мне в Берлине Имперским министерством юстиции на право выступления во всех немецких судах по делам русских железных дорог, и – главное – визитную карточку баварского министра юстиции, на которой министр карандашом написал, что просит меня, как друга, бывать у него запросто. Эта карточка подействовала как волшебное заклинание. Полицей-президент любезно принял меня вне очереди и осведомился, что мне угодно. Я ответил, что хочу сегодня же выехать в Швейцарию, как державу нейтральную, и прошу защитить свою особу от оскорблений толпы.

Полицей-президент тут же позвонил министру. Тот видимо подтвердил мои слова. Тогда полицей-президент послал шуцмана на вокзал закомпостировать мой билет на вечерний поезд и предложил мне отдохнуть в одном из служебных кабинетов и даже приказал принести мне из ресторана обед. Но... в эту минуту увесистый камень расшиб оконное стекло и под окном заревела озверевшая толпа...

Оказывается, кто-то пустил слух, что полиция прячет русских. И вот толпа требовала выдать меня на расправу. Вместо отдыха и обеда меня умчали черным ходом на другую улицу, усадили в закрытый автомобиль, отвезли на вокзал. Получив из камеры хранения мои вещи, их раскрыли, отдали мне всю одежду и деньги, а книги, рукописи и материалы, которые я собираю для энциклопедии железнодорожного права, взяли у меня под расписку для просмотра военной цензуры. Взяли у меня и мой киевский адрес, обещая все прислать после просмотра через нейтральные страны.

– День провел я на вокзале, – продолжал дядя, немного передохнув. – Я сидел в каком-то помещении вроде приемного покоя, куда помещают снятых с поездов больных пассажиров. Вечером шуцман в штатском усадил меня в поезд, в отдельное купе, так что я спокойно проспал до самой границы.

– На берегу Боденского озера образовался целый табор русских, в панике бежавших с курортов. Согнали нас всех в огромный загон, окруженный решетчатыми заборами. За этими заборами толпились озверевшие немцы, швыряя в беззащитных больных, стариков, детишек и женщин камнями, объедками, тухлыми яйцами, гнилыми фруктами и даже комками навоза. Многих серьезно ранили. Мы укрывались за нашими чемоданами но это плохо спасало...

– Группа военных с оскорбительной наглостью проверяла документы и рылась в нашем багаже. Всех мужчин призывного возраста отделяли и отправляли в лагерь для военнопленных. С душу раздирающими воплями отрывали их от женщин и детей и я невольно вспомнил рассказы о невольничьих рынках востока, видя эти ужасные сцены. Я был счастлив, что мне 50 лет и по возрасту меня уж не тронули, но с меня было достаточно одних наблюдений...

Среди нас был рослый гимназист последнего класса лет 17-18 с первым пушком на губе. Он был с больной матерью, которой накануне только сделали в Мюнхене тяжелую операцию. Так как носилок нигде не было ее принесли на пружинном матраце и она в ужасе металась на нем: ей все казалось, что толпа повалит забор и на ее глазах растерзает сына.

– Все растерялись, но я попросил мужчин окружить матрац плечом к плечу и за их спинами мы переложили больную на плед, я поднял матрац, подпорол нижнюю холстину и велел юноше забраться внутрь и лечь между задвинутыми пружинами.

Затем мы снова забили холстину, Камней для этого нашлось сколько угодно: об этом позаботилась избивавшая нас толпа...

К счастью скоро начиналась посадка. Тогда шестеро крепких пожилых мужчин уложили на матрац больную и понесли ее вместе со спрятанным сыном на пароход. Все, конечно, старались идти добрым шагом, чтобы никто не разгадал нашей хитрости.

– Вслед за матрацом с больной пошли на пароход женщины, старики и дети. Вы не можете себе представить как трудно было взять себя в руки и спокойно пропускать других вперед под градом камней, плевков и разной гнили и не ринуться как все остальные к трапу, давя и расталкивая друг друга. А озверевшая толпа наседала, требовала юношу на самосуд, но юноши уже нигде не было видно...

Безумно хотелось поскорее сойти с этой проклятой немецкой земли и почувствовать под ногами палубу швейцарского парохода, – продолжал дядя, глотая большими глотками чай, точно одно воспоминание об этой гнусной сцене душило его.

Передохнув и успокоившись, дядя продолжал:

– Высадились мы на швейцарском берегу и там прежде всего распорол матрац и вытащили полузадохшегося юношу. Тут снова проверили наши паспорта и отвели нас всех в гостиницу отдохнуть и поесть. У многих немцы отняли деньги и ценности. Но никто тут не считался с этим: платили друг за друга, как одна семья, как русские. Почти двое суток мы ничего не пили и не ели, и тут только я почувствовал, что силы мои приходят к концу. Поев, я лег спать и проспал больше суток, а потом чтобы душевно отдохнуть от шума и сутолоки пошел побродить по горам. Спешить было некуда, так как надо было сидеть у Боденского озера, пока не приедет наш консул и еще какие-то власти. Но в горах бродил я не долго. Через какой-нибудь час меня задержал патруль Швейцарской пограничной стражи и только тут я узнал, что напуганная ужасной судьбой Бельгии, Швейцария объявила мобилизацию, чтобы с оружием в руках защищать свою землю от вторжения немецких орд. Не даром немецкие генералы разрабатывали вариант нападения на Францию через Швейцарские Альпы.

– Со мной полевой бинокль немецкой фирмы Цейсс, и поэтому швейцарская пограничная стража сочла меня немецким шпионом и, не допросив, бросила в один из казематов своей крепости Куфштейн. Тут на меня, юриста и мирного штатского человека напало настоящее бешенство: да и как было не придти в бешенство от такой чудовищной неразберихи. До сих пор в Швейцарии спасались от русских жандармов и военно-полевых судов все мои товарищи по подполью, и вдруг меня, русского революционера принимают за шпиона прусской военщины. Но помочь делу никто не мог, потому что ни нашлось ни одного швейцарского официального лица, умеющего говорить и читать по русски. Русским же, бежавшим вместе со мною из Германии, никто здесь не доверял.

– Я руки грыз себе от отчаянья, а на второй день прибегнул к испытанному средству всех политических – объявил голодовку. Я требовал послать телеграмму в Женеву к русскому консулу, другую телеграмму – председателю Бернского и Цюрихского окружных судов, где не раз выступал по делам наших дорог.

– Двое суток продлилась моя голодовка. На третий день к вечеру русский консул из Женева меня наконец выручил и вывел из каземата. И тут я свалился. Консул отвез меня в Базель и поместил в больницу. Там провалялся я ровно два месяца. И только в последний день моего пребывания там приехал испанский консул по твоему, Поль, запросу. Нельзя себе представить, как тронула меня твоя забота обо мне – сказал дядя с внезапно увлажнившимися глазами. Тяжело умирать одному на чужой стороне, где даже слова нельзя сказать на родном языке... Тут–то я впервые понял, что такое тоска по родине...

Выйдя из больницы, я поехал в Италию, которая вот-вот должна была вмешаться в войну на стороне немцев. В Италии южнее Рима я еще не бывал, а теперь, я вместе с последней партией русских, которые долго не могли вырваться из Германии, приехал экспрессом в Неаполь. Там пришлось несколько дней ждать русского парохода, делавшего регулярные рейсы Одесса-Марсель. За эти дни побывал я на Капри, был в Лазурном гроте и в Собачьей пещере, осмотрел развалины Помпеи и Геркуланума, неаполитанский музей и наконец по подвесной дороге-фуникулеру поднялся на Везувий. Везувий был беспокоен. По ночам над вершиной его светилось золотисто – розоватое зарево.

Я видел в кратере кипящую лаву, поднял на память несколько кусочков пемзы и на обратном пути сорвал с апельсинового дерева несколько еще зеленых апельсинчиков, величиной в грецкий орех.

Тут дядя встал с места и принес из спальни несколько кусочков ноздреватой лавы цвета кофе с молоком и зеленые апельсины. Племянницы Надежды Федоровны стали выпрашивать их на память, так что на мою долю ничего не осталось.

А дядя, отдохнув, продолжал свой рассказ.

– Да, лава кипела в жерле вулкана, как борщ в котле, а эта пемза плавала на каменном борще, как пенка. Долго сидел я на вулканической бомбе и ушел с Вершины Везувия последним. А через денька два пришел пароход, который долго отстаивался где-то в нейтральном порту, чтобы не попасться немецкой субмарине. Море было бурное. Мы с трудом проскочили Мессинский пролив и первая наша остановка была в Салониках.

Качало день и ночь и я впервые в жизни жестоко мучился своей болезнью. Ехали со мною больше дамы: жена коммерсанта из Одессы с двумя подростками, одна рижанка с взрослой дочерью, жена здешнего адвоката (тут дядя назвал какую-то фамилию) и еще какие-то дамы. В Салониках все мы решили, что довольно с нас и морской болезни и немецких торпед, тем более, что в Черном Море все время разбойничали немецкие крейсера Гёбен и Бреслау, топя всех без разбору и предупреждения, и поэтому сели в поезд. А так как был я единственный мужчина, то пришлось мне и билеты доставать, и узнавать расписание: и все дамы держались меня, как слепые – поводыря. Да к тому же в Базеле им рассказали, как я спрятал гимназиста в пружинный матрац, и поэтому считали меня героем.

Пока ехали мы по греческой и турецкой земле – все было спокойно. Никто нас и не трогал, и не замечал. Я ловко объяснялся с кондукторами, зная болгарский, французский и украинский. По крайней мере меня все хорошо понимали. Но вот добрались мы до сербской границы. Как водится, предъявили свои паспорта. И

тут произошло нечто неопишемое. Офицер-пограничник сразу взял под козырек и сказал, что для него величайшая честь и радость приветствовать русских людей из той страны, которая своею кровью и грудью встала на защиту его родины. Я от души пожал ему руку и мы с ним трижды расцеловались. Тут откуда ни возьмись сбежалась целая толпа народу, стали кричать "Живио!", то есть ура, натащили нам целые горы персиков, орехов, винограду, гранатов, принесли несколько кувшинов чудесного вина, сыру, разных сладостей, мяса. А мы плакали, и смеялись от радости, что наконец встретили друзей, братьев-славян. Даже дама-еврейка из Одессы и та прослезилась и все повторяла:

– Ой, как я рада, что я из России. А мы до сих пор не понимали, что Россия самая добрая и честная страна на свете...

Не знаю, как это вышло, но на каждой станции и разъезде нас встречали толпы народа, бросали нам цветы, несли целые горы фруктов и разных подарков, дарили нам вышитые полотенца на память и музыка играла «Боже царя храни». Вообразите, какое получилось дурацкое положение: я старый подпольщик должен был выходить на перрон, стоять без шапки и слушать гимн, который привык ненавидеть, несмотря на чудесную музыку Львова! Пришлось и речи говорить в ответ, благодарить за теплые чувства, желать победы, но вместе с тем каждый раз напоминать, что кровь проливали за них не цари и министры, а наши мужики-солдатики и еще добровольцы-студенты.

– Не так встретила нас Болгария, – продолжал дядя после долгой паузы. – Немцы успели протянуть туда свои жадные щупальцы и втянуть ее в орбиту своей экономики. Болгария готовится предательски перейти на сторону немцев и объявить нам войну. Два дня прожил я в Софии, где часто гостил у товарищей по университету, болгарских юристов. Все они советовали мне поскорей уезжать, чтобы снова не влипнуть в военную авантюру. Они не скрывали, что их коммерческие и финансовые интересы так переплелись с немецкими, что они не могут не воевать.

– Противно мне стало от их расчетов, – с отвращением сказал дядя. Зато извозчики, когда разъезжал я по Софии, да носильщики на вокзале каждый раз говорили мне, что царь Фердинанд продан немцам, и что не буде болгар воевать с русом. Но что может сделать народ отсталой земледельческой стране на корню закупленной немцами...

– Сел снова в поезд, навсегда попрощался с Софийскими адвокатами и утром проснулся в Одессе. Наши на границе хорошо знали меня и не тревожили обыском. Ну, а в Одессе снова пришлось отдыхать. Ведь, как никак, а я болен... Я весь был изломан, да и в душе шла сложная переоценка всех ценностей. Я до сих пор считал, что нет ничего на свете отвратительнее нашей русской государственной машины, а теперь вижу, что похуже ее – прусский милитаризм и пангерманизм и что если поскоблить любого европейца, под лощеной шкурой сразу покажется современник Гейдельбергской челюсти... До сих пор я любил в России только природу, литературу и народную мудрость, а теперь, кажется, начинаю любить ее по настоящему.

Дядя умолк и низко опустил свою красивую умную голову.

– Как же ты все-таки себя чувствуешь, дядя? – допытывалась я. – Теперь надо тебе лечиться по настоящему. Диагноз есть, значит и путь к лечению найден.

Дядя с деланной бодростью встал, стал набивать себе папиросы и с обычной своей манерой поддразнивать меня, ответил:

– Ничего. Мы ще землю попокаостымо.

Было поздно. Дяде пора было отдохнуть и мы простились с ним, обещая быть у него в следующую субботу.

На другой день вечером пришли ко мне впервые мои однокурсницы Наташа и Соня Соловцова. Я уж несколько раз была у них, и меня забавляли зверушки, переполнившие их квартиру: кроме обычного кота и собаки, была у них ручная белка, буквально летавшая над головами с багета на багет, с картинной рамы на люстру. Была и ручная сорока Сонька, буквально поразившая меня в первый раз. Зашла я первый раз за какими-то лекциями, заболталась и меня пригласили в столовую пить чай. Предложили конфет. Я взяла конфетку, положила в хрустальное блюдечко и, продолжая беседу, пила чай, потом взялась за конфетку. Гулявшая по столу сорока вдруг подскочила ко мне и крикнула мне прямо в лицо.

– Воровка!

Я так и осталась с открытым ртом и с конфеткой в руке, а Соня Соловцова отогнала Соньку-сороку и объяснила:

– Она у нас хорошо говорит. Она у нас умница, хоть и большая нахалка. Но однажды у нас из-за нее случилась большая неприятность: имение наше в Воронежской губернии. Усадьба – на горе, а фруктовый сад внизу, на берегу реки. Как-то привезли нам во двор подводу яблук-падалиц на варенье и для еды. Лошадей выпрягли, а подводу оставили возле веранды. Было воскресенье, мы всей семьей пошли купаться, а в это время пришли из деревни поденщицы за расчетом. Постояли, подождали. Видят, никого нет дома и решили полакомиться нашими яблоками. Кто набрал полный фартук, кто головной платок. Как вдруг вылетела из дому сорока и бросилась прямо на них: бьет их крыльями, норовит клюнуть и орет на всю усадьбу:

– Воры! Воры!

– Девушки и бабы так перепугались, что побросали и платки и яблоки и без памяти бросились прочь. Со страху они решили, что наша мама колдунья и, обернувшись сорокой, бросилась спасать свои яблоки. Это было бы очень забавно, если бы не кончилось скверной историей. У нас осыпается пшеница, а ни одна женщина не хочет идти к нам работать. Пришлось запрячь лошадей, взять нашу Соньку и вместе с мамой объехать все окрестные деревни, показать всем, что мама – это мама, а Сонька – это только сорока... Но пока все это выяснялось – у нас осыпалось много пшеницы.

Узнав о Сонькиных проделках, я отдала ей свою конфетку. Она проглотила ее, затем схватила серебристую бумажку и улетела.

– Вот так ворует она все блестящее, – объяснила Соня. – В деревне украла она у знакомой серебряный наперсток, а у мамы золотое пенсне. А когда я попробовала отнять у нее все награбленное, она чуть не выклевала мне глаза.

Вот эти-то Соловцовы пришли к нам в гости на следующий день после вечера у дяди Коли. Мы с мамой были им рады, но беседа никак не завязывалась. Какое-то невыносимое и непонятное тоскливое настроение сковало нас обоих. Мы говорили и двигались как во сне, и когда наши гости ушли, мы с отчаянием переглянулись и в один голос сказали:

– Им было у нас так скучно, что они больше никогда к нам не придут.

Так и легли мы спать, не стряхнув с себя своего гнетущего, непонятного оцепенения. Я уж дремала, как вдруг затрещал звонок. Прибежала, накинув что-то длинное белое наше Феня, открыла и на цыпочках вернулась к себе. Я стала засыпать, но все-таки слышала, что минут через десять хлопнула еще раз парадная дверь, и заснула глубоким сном.

Проснулась я внезапно, точно кто-то толкнул меня. В окне серел пасмурный зимний рассвет, а в открытых дверях моей комнаты стоял папа совершенно осунувшийся, посеревший, с непривычно опущенными плечами.

Я испуганно привстала, потянулась к нему:

– Умер наш Коля... – беззвучно сказал папа и низко-низко опустилась его сидящая мудрая голова.

Умер...

Вечером у дяди снова были гости – родичи Надежды Федоровны. Видя, что дядя устал, все рано разошлись по домам, и дядя тоже ушел к себе. Надежда Федоровна кипятила ему на спиртовке молоко, как вдруг услышала, как что-то тяжелое упало в дядиной спальне. Она бросилась туда. Дядя лежал на ковре у кровати, ловил губами воздух, но говорить уж не мог. Вместе с кухаркой его подняли и уложили на кровать. Вызвали ближайшего врача, но он только написал свидетельство о скоропостижной смерти...

На извозчике помчалась кухарка за папой, но Надежда Федоровна строго-настрого приказала ей не говорить папе правду, чтоб и его не хватил удар. Просто велела сказать, что дяде стало плохо и Надежда Федоровна просит его помочь в уходе. Папа быстро оделся и они помчались на Гоголевскую, и только тут, на извозчике кухарка стала его бережно подготавливать к тому, что нет в живых его любимого брата...

Папа сам обмыл и одел его, сам уложил в гостиной на стол, чтоб ничьи чужие равнодушные руки не коснулись его... Всю ночь просидел папа над дядей, вспоминая детство, первые игры, уроки, печальные каникулы в проклятой Макарихе, студенчество... Вся жизнь их была связана крепче простого родства. И вот лежит он холодный и бледный, но величаво-спокойный, помолодевший и похорошевший в своем парадном адвокатском фраке и точно живет какой-то неведомой, бесконечно-далекою жизнью...

На десять лет постарел папа за эту ужасную ночь.

Тяжелым камнем легло горе на нашу семью. Все мы любили и уважали его. Мама с первого дня замужества видела в нем теплое и чуткое родственника и отзывчивого честного человека, на которого можно было опереться в любой беде. А мы с Волей потеряли в нем умного и честного советчика и друга, ласкового душевного дядю.

Пришлось нам с мамой пойти с тяжелой вестью к папиной сестре Людмиле. Тетя Людмила была замужем за военным врачом Александром Кузьмичем Мохначевым. Жила она все время в Херсоне, но так как мужа ее призвали на фронт, она временно переехала в Киев и жила в меблированных комнатах Познякова на Трехсвятительской улице, против Михайловского монастыря. Трудно было сказать ей тяжелую правду... Долго не поворачивался у нас язык и только к часу дня заплаканные и удрученные вернулись мы домой, но папу уже не застали: он поехал хлопотать о похоронах.

Засветло во всем темном (черного у меня ничего не было, но было темно-коричневое платье). Рано утром поехали мы на Гоголевскую.

Дядя Коля лежал на столе как живой, только чуть бледнее обычного. Я долго стояла над ним и не могла оторваться от его дорогого лица. Кругом, кроме дядиных пальм, откуда-то появилась масса вазонов живых хризантем, лавры, олеандры... Начали приносить венки из фарфоровых роз и огромных пальмовых веток... А в шесть часов, когда назначена была панихида собралось столько народу, что наполнилась и гостиная, и столовая, и передняя. Скорбно и красиво звучал церковный хор, а за окном стояла ранняя осенняя ночь и огоньки от восковых свеч, трепетавших в руках, отражались в оконных стеклах трепетными золотыми мазками, точно огненные язычки «святого духа» на иконах византийского письма. Благоухание ладана и осенних цветов сливались с пением хора в волнующую и прекрасную симфонию, где скорбь и красота сливались воедино. И от этого скорбь становилась нежнее, трогательнее, теряя острую безнадежность первых минут.

Горько плакала в уголке дама, – одна их тех, кого он вывез из немецкого плена. Печально глядели на дядю его доверители и подзащитные, рабочие паровозного депо и железнодорожных мастерских, где вел он кружок по самообразованию и систематически снабжал его из-за границы нелегальной литературой. Пришли какие-то бедные дети, за которых платил он в школу... Пришли адвокаты проститься с хорошим товарищем, студенты, за которых платил он за правоучение, пришли племянники Надежды Федоровны, которых он вырастил, и дал им образование... Так по слезам и горю неведомых нам людей узнали мы, как много добра творил тайно наш дядя Коля и не от роскоши и излишка, а только по душевной доброте.

Венков становилось все больше и больше. Одни были роскошные в рост человека и выше, другие наоборот крохотные – чуть побольше тарелки, но от этих маленьких венков веяло еще большей любовью, чем от пышной роскоши атласных и муаровых лент и сухого жестяного звона искусственных листьев.

Еще утром послали мы в Требухи срочную телеграмму и дядя Сашок ответил, что выезжает на похороны. Не мог он забыть, сколько теплоты, услуг и внимания оказал ему дядя Коля, когда мы привезли его из Требух лечить и поселились у Прохоровых. Приехал из Дубно дядя Саша Тулуб и тетя Маня из Ореева. И все поручили мне поехать и заказать венки от братьев и сестер. Я долго выбирала готовые искусственные венки, но они мне не нравились своей мертвенной пышностью и я заказала венки из сиреневых цветов в рост человека с широкой в 25 см муаровой лентой, на одном конце ленты была надпись: Дорогому Коле – братья и сестры, а на другой две строчки и папиного стихотворения:

И плачут, дыша ароматом,
И с ним умирают цветы.

Венок доставили вечером, во время второй панихиды. Он был очень пышный, и рядом с искусственными казался таким живым, нежным и трепетным... папа наклонился к ленте, прочел свои стихи и не узнал их.

– Кто это так нежно, так чутко написал? – спросил он вполголоса – и вдруг слезы теплые облегчающие хлынули из его глаз.

В этот день в Киеве был уличный кружечный сбор в пользу бельгийцев, бежавших из-под немецкой оккупации. Все чтит Бельгию, несчастную маленькую страну, героически вставшую на защиту единоплеменной Франции и растоптанную прусскими сапогами. С первых дней войны слово Бельгия и бельгиец стало синонимом героического самопожертвования, отваги и рыцарского чувства долга, а юного короля ее Альберта чтит чуть ли не как рыцаря святого Грааля. И вот, пока метались по городу в хлопотах о похоронах, немало трехцветных бельгийских флажков запестрели на наших пальто и один такой желто-черный-красный флажок приколола я мертвому дяде на отворот его фрака, рядом с серебряным адвокатским значком, потому что он испытал на себе то же страдание, что и бельгийцы.

На другой день во всех прогрессивных газетах появилось траурные объявления о дядиной смерти. И целый день не закрывались двери его скромной квартирки. Рабочие вагоноремонтного и вагоностроительного заводов принесли венок из бессмертников. Общество Грамотности, Народный дом, Управление дорог, совет присяжных поверенных – все приносили венки и приходили проститься с дядею.

Многие по сходству с дядей принимали меня за его дочь и когда я, заплаканная стояла у гроба с бережной лаской говорили:

– Ваш папа был исключительно хорошим человеком.

Я с ужасом шарахалась от них и говорила:

– Это дядя... Дядя мой. Папа жив. Разве можно так говорить...

Под вечер снова была панихида, а потом дядю вынесли в Вознесенскую церковь на Львовскую улицу и окружили целой горой букетов и венков.

Хоронить дядю пришлось не в Покровском монастыре, на Львовской, а на Новом Байковом кладбище, потому что настоятельница монастыря запросила за место 1000 рублей золотом.

Утром на третий день, во время заупокойной обедни, вошел в церковь дядя Сашок. Прямо с поезда поехал он на Крещатик и купил целую охапку чудесных чайных роз и с этими розами явился в церковь на отпевание, во всем черном, с креповой повязкой на рукаве.

После отпевания он подошел поздороваться с нами и все мы семьей пошли за гробом на другой конец города. Венков было столько, что вторая колесница была ими завалена доверху. Процессия растянулась на целый квартал.

Впереди за крестом шел церковный хор, за хором духовенство, потом колесница с гробом, за которой шли мы, затем вторая колесница с венками и музыка. Масса экипажей ехала позади. И то траурный марш Бетховена или Шопена, то церковный хор звонко выводивший «Святыи боже» сменяли друг друга.

Больше трех часов шли мы, провожали дядю в последний путь. Наконец процессия свернула с Большой Васильковской в какую-то грязную и мрачную улицу, нырнула под железнодорожные пути, а затем стала медленно подниматься на Байкову гору.

В три часа дня очутились мы у открытой могилы. Снова краткая панихида. Снова задрожали в руках поредевшей толпы робкие и зыбкие огоньки. И тоскливо-скорбная вечная память понеслась под поредевшими кленами, с которых медленно слетали последние листья.

На длинных пассах скользнул в могилу блестящий цинковый гроб и стал на кирпичную кладку склепа. Горсти земли со звоном посыпались на крышку. И каменщики спустились в могилу замуровывать склеп.

Долго стояли мы так, смотря на их работу. Затем могильщики стали засыпать могилу землей и сыроватый бугор утонул под целым курганом венков. Мы осторожно расправили ленты с сердечными надписями, оставшиеся венки расставили, прислонив к решеткам соседних могил и долго не могли уйти, оставить дядю одного в его холодной могиле.

Смеркалось. В дымных осенних сумерках чуть намечались контуры огромного города. Гулко переключались на путях паровозы, точно звали друг друга своими мощными голосами, нежно и грустно пели рожки стрелочников, а на могилах замерцали как светлячки рассыпанные по всему кладбищу лампадки, невидимые при дневном свете. Они дрожали и переливались эти крохотные капельки света, как будто теплилась в них вся грусть и нежная скорбь родных, не забывающих ушедших навеки. В этих огоньках ночное кладбище теряло свою жуткую неприютность и как бы согревала холодную землю и одинокий вечный сон мертвецов.

Этот печальный вечер дядя Сашок провел вместе с нами, а папа остался у осиротевшей Надежды Федоровны, чтобы скрасить ей жуткое одиночество в опустевшей квартире.

В эту зиму в Театре «Соловцов», на Николаевской улице, играла жена Максима Горького Мария Федоровна Андреева. В первые дни войны царское правительство объявило амнистию русским политэмигрантам, живущим за границей. Амнистия коснулась и Максима Горького и Горький вместе с Марией Федоровной решил вернуться на родину, потому что Италия, связанная тройственным союзом с Германией и Австро-Венгрией могла выступить против России. Приехал Горький в Россию летом, поселился, как я слышала, в Москве, но в начале зимы решил перебраться в Киев к жене.

О приезде Горького узнали мы из газет, и мне захотелось обязательно познакомиться с ним. Папа на этот раз не разделял моих планов: он был так удручен смертью дяди, сам прихварывал и кроме того стеснялся навязываться такому всемирно известному писателю, как Горький. А я знала, что в литературной среде есть неписанный закон, по которому всякий печатающийся поэт и беллетрист может придти к товарищу по перу, не будучи с ним знаком. Это напомнило мне масонов, которые считали друг друга братьями, хотя бы принадлежали к разным народам.

Загруженная курсами медсестер, лазаретом и лекциями я долго собиралась к Горькому и наконец выбрала свободный час, когда совсем наступила зима.

Шел первый снег, еще влажный, но такой крупный, что казалось – не снежинки летят с неба, а растрепанные белые хризантемы.

Мария Федоровна Андреева занимала три комнаты в квартире недавно умершего актера Евгения Неделина в доме №6 по Лютеранской улице. Квартира Неделина была на 6 этаже в глубине двора, в левом подъеме, против ворот. Я поднялась в лифте и позвонила. Вышла горничная и сказала, что господа обедают. Я передала визитную карточку и собиралась спускаться, как вдруг дверь снова открылась и горничная пригласила меня в крошечный кабинет, прося обождать, пока господа пообедают.

Смеркалось. Угасал короткий ноябрьский день, а за окном в синюющих сумерках загорались первые пушистые золотые огни и все летели и летели белые растрепанные хризантемы. Я вынула блокнот и стала писать стихи. Но после второго куплета ритм вдруг спутался и я просто задумалась, смотря на хлопья снега. И не заметила как вошел Горький, высокий, широкоплечий, и сутулый.

Низким хрипловатым басом извинился он, что заставил ждать и широким жестом пригласил сесть. И тотчас спросил, как приходится мне Павел Тулуб.

– Я помню его по «Неделе» Гайдебурова, – сказал Горький, когда я ответила и стал расспрашивать, где папа служит, где печатается.

Я сказала, что пришла к нему, потому что из газет знаю, что он предполагает издавать новый толстый журнал и принесла ему для этого журнала несколько стихотворений. Горький ответил, что это издание еще весьма проблематично, но все же стихи он прочтет и скажет о них свое мнение, а если стихи ему понравятся, то и устроит их судьбу. Я протянула ему свою Соломею и штук пять мелких стихотворений. Одно из стихотворений было посвящением Бунину. Еще не читая стихи, Горький заметил:

– Не знаю, каковы Ваши стихи, но посвящение Бунину говорит за то, что у вас есть вкус.

И вдруг задал мне каверзный вопрос:

– Какое место, по вашему, занимает Бунин в русской литературе?

Надо было и правду сказать, и не задеть авторского самолюбия Горького, но я сразу сообразила все это и ответила:

– По моему, в поэзии он первый поэт России.

– Верно, – подтвердил Горький. – А в прозе?

– А в прозе он занимает одно из первых пяти мест.

– А кто же остальные четверо? – продолжал допрашивать Горький и в зрачках его сверкнули озорные искорки.

– Остальные: вы, Леонид Андреев, Куприн и Шмелев.

Горький улыбнулся: видимо нашел, что я ловко вывернулась и стал расспрашивать меня о Киеве, киевских писателях и о курсах. Я рассказала, что в Киеве общество делится на группы по национальностям, которые почти не соприкасаются друг с другом. У каждого народа – свои клубы и даже театры. Украинцы чуждаются русских. Поляки – и русских, и украинцев, а русские, так называемое «общество» евреев не принимает в свою среду, а над украинцами подтрунивают, поражаясь их озлобленным и фанатически узким национализмом. С польским обществом русские считаются и могли бы жить мирно, но поляки держатся особняком, ненавидят нас и не хотят нас знать. Что

касается студенчества, то Киевское студенчество по сравнению с московским и петербургским политически отстало. Есть у нас и белоподкладочники и прямые черносотенцы, но все же подавляющее число молодежи настроено прогрессивно, хотя в массе не исповедуют никакой определенной программы.

– Благодарные либеральные прогрессисты, – подытожил Горький.

Заговорили о литературе и о литераторах.

Горький с большим презрением отозвался о Борисе Лазаревском, который знает только одну тему об измене жены, которая рождает от возлюбленного ребенка и, родив, травится от угрызения совести.

– Все знают, что его жена покончила самоубийством, но как это низко с его стороны спекулировать смертью близкого человека, потому что это интересный сюжет. Да не один раз, а перепевать его на все лады. Я не могу его видеть, – добавил Горький. – Когда он явился на Капри, я нарочно уехал в Неаполь, чтоб не встречаться с ним.

Мне была приятно это слушать, потому что этот беспардонный пошляк, часто приезжал в Киев, усиленно преследовал меня своими ухаживаниями, а я его буквально не переваривала и откровенно презирала. Он дошел до такой мерзости падения, что записывал в свою записную книжку имена, отчества и фамилии всех женщин и девушек, с которыми был когда-либо близок, или хотя бы добился некоторого их внимания и при случае хвастаясь показывал итог, конечно, подтасованный, доходивший что-то до 210 имен. Я сочла бы для себя величайшим позором фигурировать в этом списке, который он любил показывать своим собутыльникам таким же развратникам, как и он сам. Верно, из-за этого я бывала с ним даже груба и не скрывала своей гадливости к людям его типа.

Как раз перед визитом к Горькому я прочла роман Мережковского об Александре первом и Николае первом. После его же довольно сценичной и талантливой пьесы «Павел 1-ый», эти две объемистых книги произвели на меня какое-то серое впечатление.

– Так это не литература, а ремесленная работа, – горячо вырвалось у Горького.

И этим он только подтвердил мое впечатление.

Стал Горький спрашивать, кто тут есть из пишущих. Я ответила, что настоящих больших талантов в Киеве нет. Назвала молодых начинающих поэтов, окружавших папу, назвала еврейского писателя Давида Яковлевича Айзмана, поэта Ратгауза, критика Войтоловского, из поэтов Мих. Оберучева, Гальперина (хотя он уже жил в Москве), Бернера, Лидию Лесную, Веру Карри, а вообще с грустью заметила, что в Киеве нет своей литературы.

– У украинцев есть Коцюбинский да Леся Украинка. Это единственные настоящие таланты, а от остальных разит такой просвитчанской кустарщиной, что просто нну... – покачал головой Горький. – Есть у них таланты, но все еще топчутся они на сентиментальном народничестве, – добавил он, – Но не стоит говорить им об этом. Когда-нибудь сами поймут...

Воспользовавшись паузой, я достала из муфты свой альбом и попросила его дать мне автограф. Горький замялся. Я поняла и объяснила, что мой альбом – коллекция автографов, а не «уездной барышни альбом». Он просмотрел его, увидел

автографы Бунина, Глиэра, Куприна, Златовратского, Овсяннико-Куликовского, Ляцкого, Рахманинова и многих других и вывел своими кругленькими колечками-буквами, точно нанизал их на нитку:

Люблю простые, упрямые слова,
Например: «Они» – свое, а мы – свое,
Максим Горький.

Под словами «они» и «мы» Горький, конечно, подразумевал классы и их борьбу между собою. По тем временам это было сказано предельно ясно, но на «Эзоповом языке».

Вскоре вышла Мария Федоровна. Горький нас познакомил и, продолжая шагать из угла в угол по диагонали, отрывистыми словами вроде: «Чудесно», «Великолепно», вставлял свои замечания в нашу беседу. Заговорили об Ибсене и Гауптмане. Я сказала, что видела Марию Федоровну на сцене в «Одиноких», где играла она не жену, а другую женщину, имени которой не помню. Она очень хорошо отозвалась о своих товарках по сцене Алексеевой-Месхиевой и армянке Калантар. Конечно, не обошли молчанием и войны. Я рассказала, какие мытарства свели дядю Колю в могилу и чуть не расплакалась, вспомнив о нем. Чтобы переменить тему, Горький, посмеиваясь, сказал, что сердобольные дамы дни и ночи проводят в лазаретах, ухаживая за ранеными. Я удивлялась. Неужто он стоит в стороне от всенародного горя, не жалеет людей.

– Конечно, жалко. Очень, очень жалко людей. Мучаются, гибнут, калеками остаются, но почему спрашивается. Все это никакой пользы нашему народу не принесет. Не нужна нам такая война, – сказал он решительно. – Но раз воюют – терпеть приходится. Вот и моя Мария Федоровна, – с ласковой усмешкой кивнул он на жену, днюет и ночует в лазаретах. Стараются им муки облегчить.

О многом еще говорили мы, но пора было прощаться. Горький и Мария Федоровна проводили меня в переднюю. Горький подал мне пальто, а Мария Федоровна шуточно погрозила ему пальцем:

– Не кокетничай с барышней, Лёшенька.

– У тебя, матушка, научился, – засмеялся Горький и стал просить меня заходить запросто, а на счет стихов придти через недельку.

Я поблагодарила за приглашение, но сказала, что совестно мне часто отнимать время у него от работы. Горький рукой махнул:

– Что вы! Здесь я работать не могу. Разве можно работать в квартире, где такая мещанская обстановка, где стены обвешаны дешевенькими, бездарными картинками и сладенькими гравюрками!.. У меня на Капри настоящие Помпейские мраморы и картины больших художников. А на эту мазню «под искусство» смотреть тошно. Какое уж тут настроение. Лучше голые стены, чем такая мазня!

По этой фразе я поняла, как вырос Горький в Италии в художественном отношении. Противны был ему и претенциозные фотографии покойного актера Неделина в разных костюмах и гримах, и разные сувениры от его бенефисов, фото актеров и актрис, с которыми он выступал. От всего этого театрального хлама веяло претенциозно-мещанской декоративностью, невыносимой для настоящего художника.

Прощаясь, Горький попросил меня передать папе его сердечный привет и извинение за то, что Горький, как приезжий не был у нас с визитом, так как время осеннее, на дворе сыро и доктора запретили ему выходить, чтобы не возобновился приостановившийся процесс в его легких.

Я ответила, что папа так удручен смертью любимого брата, что пока не в состоянии взять себе в руки, но что скоро сочтет долгом посетить Горького.

– Я к вам и сам приду, только станут морозы, – добавил Горький. – А вы не считайтесь со мной визитами. Приходите по дружески, запросто. Мы с Марей Федоровной будем Вам рады. Люблю я молодежь.

Недельки через две я снова была у Горького. Пришла после обеда, часов в шесть, или около того. Горький был дома один. Когда я позвонила, горничная сразу узнала меня и пригласила в переднюю.

– Пожалуйте, барышня. Только я не знаю, как Алексей Максимович. Прихворнули они маленько. Я сейчас доложу им.

И вдруг из-за дверей раздался бас Горького:

– Простите великодушно, Зинаида Павловна: не могу вас принять, потому что я остался босой, то есть не совсем босой, а в ночных туфлях. Ботинки мои порвались и Мария Федоровна понесла их в починку, а других ботинок я не привез. Неприлично, ведь, принять барышню в ночных туфлях... Простите великодушно. Может быть, завтра пожалуете к нам вечером на чашку чая?

– Алексей Максимыч, хоть я барышня, но не Мольеровская жеманница. Покажите какие на вас туфли, а я уж сама решу, прилично, или неприлично беседовать в них о литературе.

Мы оба невольно расхохотались. Горький высунул из под портьеры ногу, обутую в коричневые шагреновые туфли, и я авторитетно заявила, что такие туфли вполне подходят для литературных бесед.

Горничная сняла с меня пальто и ботики. Я обогрелась, чтобы не простудить Горького и вошла в гостиную, где с лукавой усмешкой Горький еще раз со мной поздоровался.

Я мысленно рассмеялась, вспоминая, как тетя Наташа Войцех называет Горького «босьяком» и «жуликом из-под моста»... Вот так босьяк! За пояс заткнет манерами любого аристократа. Даже нарочно кокетничает правилами хорошего тона, чтобы разбить ходившие о нем в обществе легенды, как о человеке примитивном и грубом в обращении, презирающем, подобно нигилистам прошлого века, хорошие манеры и светский лоск.

Мне тоже не раз пришлось слышать подобные рассказы о Горьком и когда я первый раз была у Горького, а Горький расспрашивал меня о киевских молодых поэтах получился небольшой конфуз: между прочим назвала я одного молодого поэта, только что выпустившего в Киеве книжечку своих стихов. Этот молодой человек, очевидно, принадлежал к черносотенцам, потому что ни разу не обращался со своими стихами ни в «Киевскую мысль» (эс-дековскую газету), ни в «Киевские вести», газету левых кадетов. Он списался с Великим князем Константином Константиновичем, известным поэтом, писавшем под псевдонимом К.Р (то есть Константин Романов). Константин похвалил его стихи и написал к его книжечке предисловие. Тогда этот молодой человек

напечатал в киевской монархической газете “Киевлянин” стихотворение посвященное великому князю и начинавшееся так:

Ты – царь мечты. Твоя корона
Свита из молнии стиха.
Разишь стрелами Аполлона
Ты злые призраки греха.

И в той редакции “Киевской мысли” пустили слух, что этот молодой человек сунулся к Горькому со своими стихами, а Горький прогнал его вон, сказав, что не желает говорить с поэтом, который прославляет в стихах членов императорской фамилии.

И вот в первое свое посещение я между прочим назвала этого молодого человека и добавила:

– Да этот самый поэт, которого вы выгнали за посвящение стихов Великому князю. Горький тогда страшно удивился.

– Я? Я выгнал? Молодого поэта? Да неужто вы думаете.... Впрочем, многие распускают обо мне слухи, что я человек грубый и невоспитанный, – прервал сам себя Горький. – Но я никогда не позволил бы себе выгнать человека, у которого есть хоть крохотный талант, да и вообще человека. Потому что человек – это не животное и даже к самому плохому человеку надо подойти душевно и чутко.

Я тогда так покраснела и смутилась, что Горький пожалел меня.

– Да Вы не смущайтесь: в литературной среде без сплетен не бывает, – ласково заметил Горький, – только не верьте им. Я совсем не таков, как хотелось бы меня выставить очень многим.

И вот теперь, во второе свое посещение, мне показалось что Горький нарочно подчеркивает свое утонченное воспитание, чтобы разбить во мне остатки этих сплетен.

И именно поэтому не целовал мне руки, потому что я барышня, а барышням целовали руку только в артистической и литературной среде, а в самом утонченном высшем свете с барышнями обмениваются рукопожатием, а целуют ручку только замужним женщинам.

Прежде всего, Горький достал мои стихи, сказал, что прочел их. Понравилось ему мое стихотворение “Ковыли и ветер” и другие, но сказал, что сейчас он не стоит во главе предполагавшегося нового журнала, потому что инициатор его «* * *» думает начать дела без гроша в кармане, а это значит провалить самое хорошее начинание. Он выпустил две книги и осталось у него 200 рублей. Не хватит даже чем оплатить типографию, а уж авторов и подавно. А писателю тоже есть, пить надо и нельзя брать у него рукописи даром. Времена Достоевского, когда писателю платили 40 рублей за лист – бесследно миновали. Нельзя вгонять писателя в чахотку такими гонорами.

Я уж хотела спрятать свои рукописи, как вдруг Горький, заметив, на лице моем разочарование, вдруг протянул за ними руку:

– Нет, нет, дайте мне ваши стихи. Я скоро отсюда уеду. Трудно мне долго сидеть сложа руки. Работать надо. Поеду в Москву, в Питер. Передам ваши стихи Бунину. Он теперь тоже в Москве. Там при новом “Книгоиздательстве писателей” собираются издавать альманах “Слово”. Вот туда и следует направить ваши стихи. Там и “Саломею”

может быть напечатает. В журнал ее устроить не трудно, потому что за стихи платят много дороже, чем за прозу и для журнала большая поэма разорение, а альманах всегда богаче.

Я смутилась.

– Это слишком с вашей стороны любезно... Я право не знаю...

– Неужто я такой плохой почтальон, что нельзя мне доверить стихи? Доставлю их в целости и сохранности, как заказную корреспонденцию, даже с обратной распиской, потому что сочту свои долгом написать Вам, когда, где и кому их вручил. – продолжал шутить Горький.

И мне осталось только поблагодарить за любезность.

Потом спросила, что он пишет, или обдумывает. Горький сказал, что принялся за воспоминания детства и в свою очередь стал меня спрашивать о моих литературных замыслах. Я рассказала, что задумала поэму в диалогах, или статическую драму не для сцены, а для чтения философа Пифагора, в годы его изгнания из Эллады в Великую Грецию, когда между Кротонем и Сибарисом основал он свою полуфилософскую, полурелигиозную общину и там, в кругу избранных учеников зарабатывал свою философию, такую многогранную и разностороннюю. Тут я хотела как бы разложить философию Пифагора на первоначальных множителей: каждый ученик его по свойственной ему, как человеку средней ограниченности воспринимает и признает только одну сторону его учения, а поэтому собравшись вместе, они горячо спорят друг с другом и никак не могут придти к соглашению, чему, собственно, учит их великий учитель. Появляется Пифагор. Они бросаются к нему, прося разъяснить, в чем суть его учения и он примиряет все противоречия в учении о мировой гармонии. Затем появляется девушка. Эта девушка пришла к нему со своим горем: она полюбила великого поэта Клеона, победителя на состязаниях поэтов во время праздника Панафинеса. И поэт полюбил ее и вот уехал поэт петь другим городам свои песни, обещал вернуться – и вот минул год, а поэта все нет. “Если он умер – воскреси его, если изменил – верни мне его сердце”, – молит она Пифагора. Девушка знает о философе только то, что говорят о нем обыватели Сибариса: будто он маг и волшебник, чудотворец и колдун. Пифагор старается утешить ее говоря, что смерти нечего бояться, потому что жизнь вечна и жизни нет предела. Она не понимает ее и его пантеистическую речь о том, что он во всей своей окружающей природе понимает буквально и видя засверкавший по морю лунный путь бросается ему навстречу и тонет в море. Рассвет. Встает солнце и пифагорейцы славят его восход, воспевая свой гимн солнцу – живому сердцу мира.

Всего этого я Горькому не рассказала, просто назвала свою тему и посоветовала, что слишком мало у меня материалов, потому что во всех историях античной философии Пифагору отводят всего 2-3 странички. Горький задумался, а так как был энциклопедически начитанным человеком – посоветовал сверх того, что называл мне Гиляров прочесть Гомперца и Гольцапфеля “Панидеал”. К сожалению, этих книг так и не удалось мне достать. Я спросила у Горького совета, как быть: начать ли собирать материалы, по крохам собирать мелкие детали рискуя дать застыть замыслу, или же

писать так сказать идя напролом, а уж потом добавлять исторические подробности, расширяя и обрабатывая рукопись.

– Начинайте писать, – посоветовал Горький, – но параллельно ищите: иногда новый факт даст вам лишний толчок вдохновению, а иногда вдохновение научит вас, чем заполнить отсутствие материалов.

Стала ему жаловаться, что попытки писать прозой мне не удаются. Горький и тут дал мне несколько дельных советов. Много и долго беседовала я в тот вечер с Горьким. Казалось, сижу у него час, а промелькнуло мгновением целых четыре часа. И снова Горький сказал, что как только установится тихая морозная зима он обязательно к нам соберется. Просил заходить, не считаться визитами с ним, больным человеком.

И еще раз была я у Горького, он познакомил меня с Иваном Ивановичем Манухиным, который изобрел способ лечить туберкулез, облучал селезенку рентгеновскими лучами. Селезенка при этом начинает усиленно вырабатывать белые кровяные шарики таким путем активизирует борьбу организма с коховской палочкой.

А еще через несколько дней был в Соловцовском театре бенефис Марии Федоровны Андреевны. Ставили Чехова – “Три Сестры”. Как всегда, Машу играла Андреева. Мы с мамой сидели в партере, и когда уже гасли огни, я заметила, что в единственную незанятую ложу бель-этажа вошел Горький. В антракте публика заметила его и устроила Горькому бурную овацию. Горький стоял в ложе улыбался, ласковой, чуть смущенной улыбкой, кивал во все стороны и раза два приветственно махнул рукой рабочим и студентам, переполнявшим галерку.

Я на минуту забежала к нему в ложу, поздравила с успехом Марии Федоровны и снова вернулась к маме.

Настал декабрь. По ночам и с утра до полудня морозило. Но все еще висела над Киевом сырая осенняя муть.

Я усиленно занималась церковно-славянским языком, чтобы наконец отделаться от этого тяжелого противного предмета.

Дежурства в лазарете становились труднее. Прикрепили меня к 116 полевому лазарету, где первое время были только раненые, но потом стали поступать и больные и чем дальше, тем больше. Появились и заразные – с сыпняком и натуральной оспой. Страшновато было работать с заразными, и первое время я оставалась при раненых, а о том, что есть у нас инфекционное отделение я дома, конечно, не призналась, потому что папа с мамой запретили бы мне там работать. Помимо ухода, я писала солдатам письма на родину, читала ответы и так понемногу знакомилась с жизнью простого народа, о котором имела самое смутное представление.

Противно было только то, что большинство сестер, наряду с настоящими героинями, смотрели на свою работу как на способ найти интересных поклонников, или составить выгодную партию.

Поэтому в офицерском корпусе на 5 офицеров приходилось по одной медсестре, на человек 20-30 раненых солдат одна сестра, а у заразных больных была одна старушка-монахиня, которая с ног валилась от усталости и отсутствия смены. Помогал ей только один выздоравливающий, потерявший на фронте глаз и поэтому в строй негодный, но вдвоем они не могли справиться с работой.

Однажды главврач созвал всех медсестер и сказал, что так больше продолжаться не может и на первый раз вызвал желающих работать при заразных. Все молчали. Оспы каждая из нас особенно боялась, потому что она уродует лицо.

– Неужто ни у кого нет жалости к заброшенным больным? – спросил Анатолий Павлович.

И снова все молчали, переминаясь с ноги на ногу.

Наконец вызвалась одна кадровая сестра, а из нас доброволок ни одна глаз не подняла. Я не выдержала, сказала, чтобы мне сделали предохранительную прививку – и тогда я пойду работать. Прививку мне сделали в тот же день. Она не принялась и я пошла на новую работу.

Больные относились ко мне очень ласково. Нежно называли сестричкой, старались не прикасаться ко мне. И все спрашивали, привита ли у меня оспа. Работала я, как полагается в резиновых перчатках и, уходя домой, каждый раз принимала ванну и меняла белье, мыла голову, а в палатах ходила в плотной не марлевой, а полотняной шапочке под косынкой, чтобы зараза не попала на волосы.

Память о дяде Коле вечно жила в моей душе. Не было дня, чтоб я его не вспоминала. Но во сне я никогда его не видала.

И вот в половине декабря приснился мне сон, поразивший меня своим странным фантастическим содержанием и необычайной яркостью виденного.

Снилось мне, будто мы всей семьей собираемся на кладбище служить панихиду на могиле дяди. Все наши уже вышли на парадную лестницу и ожидают меня, а я что-то забыла и торопливо разыскивала в передней. И вдруг подходит ко мне дядя Коля. Я знаю, что он мертв, но говорю с ним, как с живым.

– Покамест вы съездите ко мне на могилу – говорит мне дядя Коля, – я тут немного почитаю. Положи мне на стол в гостиной новый номер “Русского богатства” и “Вестника Европы” да разрежь: я ведь мертвый и не могу сам разрезать книги, могу только дуть и таким образом перелистывать их.

Я кладу ему на стол уже разрезанные книги, а дядя говорит мне:

– Скучно и тоскливо мне одному в могиле. Я попросил, чтобы ты пришла ко мне и осталась со мною. Вдвоем нам будет легче и веселей.

Я с ужасом понимаю, что он зовет меня с собой в могилу и начинаю его умолять:

– Дядечка, милый, пожалей меня. Я еще молода, но я уже пишу и печатаюсь. Ты ведь любишь литературу. Подумай, сколько хороших книг я могу еще написать, какую пользу могу принести ими людям. Оставь меня с папой с мамой. Ты лучше почаще навещай нас: я буду класть тебе самые новые, самые лучшие книги, буду играть тебе Грига и рассказывать все интересное.

Дядя посмотрел на меня, вздохнул глубоко и печально и наконец ответил:

– Ну, так и быть. Оставайся. Но если бы ты знала как скучно там и одиноко... Плохо только, что ты раньше меня не попросила. Совсем отменить уж не могу. Ты заболееешь, но ты будешь жива. Проживешь столько же, сколько прожила. Даже дольше.

Этот сон поразил меня своей яркостью. Он так верно характеризовал дядю, который так любил книги, что весь свой адвокатский заработок тратил на пополнение своей библиотеки, и в свободное время больше всего любил беседовать о литературе.

Я рассказала сон папе и маме, и на них он тоже произвел большое впечатление, а Надежда Федоровна решила, что надо усиленно молиться за дядю. Мы не возражали: пусть делает, как ей угодно...

С 15 декабря начались на курсах экзамены, но церковно-славянский был назначен в самом конце сессии, приблизительно 22 или 23 числа, когда курсы совсем опустели, потому что почти все разъехались по праздникам по домам.

Как всегда, я любила отвечать одной из последних. Я сидела в коридоре и объясняла робким первокурсникам непонятные вопросы и особенно подробно историю индо-европейского “и” долгого. До сих пор помню параллели древнему церковно-славянскому слову “зима”: джимас, греческие хаймон, латинское «hiems», и рефлексы его в современных славянских языках.

Но вот настала моя очередь. С лекционной книжкой в руках вошла я в аудиторию. Лукьяненко любезно растянул свои тонкие пленочки губ, почему-то напоминающие мне веки лягушки, показал свои зеленые зубы и жестом указал на кресло против себя. На первый вопрос я ответила твердо и точно. Затем он спросил меня историю индо-европейского “и” долгого, и все, что я только что там авторитетно объясняла в коридоре – куда-то провалилось, точно в мозгу моем образовалась какая-то черная всепоглащающая пустота.

Я сидела, молчала и мучительно морщила лоб, но .., ничего вспомнить не могла.

Лукьяненко перелистал мою лекционную книжку:

– Одни “отлично”. А на такой обычный вопрос не можете ответить. Это только потому, что вы не любите древнеславянского языка и не хотите им серьезно заняться. Я вам поставлю “удовлетворительно”, оставив пустое место чтобы добавить “весьма”, когда вы придете ко мне в январе. Я не могу допустить, чтобы по основному предмету славяно-русского отделения была у вас тройка.

– Не знаю, что со мной, – ответила я беззвучно. – Я только что рассказывала об этом курсисткам и вдруг все забыла. Ставьте, что хотите, – добавила я, взяла матрикул и вышла из аудитории. В коридоре я едва доплелась до первой скамейки. Курсистки заметили, что мне плохо, помогли мне спуститься, одеться и на извозчике отвезли домой.

Вечером у меня был жар. Я приняла сильную дозу аспирина и легла спать. И всю ночь и на другой день у меня так ломило поясницу, точно я целый день таскала на спине мешки.

На третий день, в сочельнике у нас была елка. У меня болела голова. Одеваясь вечером в нарядное платье, я заметила на лбу волдырчик, решила, что это ожог от щипцов и осторожно проколола его булавкой.

Весь вечер было мне очень весело, точно после нескольких рюмок вина. Было много гостей: с фронта приехал тетин муж доктор Мохначев и Николашка Ярошев с двумя боевыми орденами на груди. Был Селихов, Карицкие, моя учительница музыки с сыновьями студентами. Леля играла, пела певица Татьяна Ивановна Гаращенко. Огромная до потолка елка сияла 125 свечами, распространяя по всей квартире аромат смолы и воска. Я раскраснулась и у меня необычно ярко сияли глаза, точно от атропина.

На утро на каждой моей руке от кисти до локтя было по штук 15-20 нарывов, и я с ужасом поняла, что это натуральная оспа. Глянула в зеркало: и на лице штук восемь огромных, как бобы, оспин. Поставила градусник: 39.

Не объясняя ничего, я сказала папе и маме ко мне не входить, потому что у меня оспа. Все пришли в ужас, позвонили доктору Демченко, товарищу покойного дяди Сережи. Тот до службы заехал к нам и подтвердил мой диагноз: оспа, но в слабой форме, и велел сделать всей семье предохранительную прививку.

Меня перевезли в гостиную, уложили на турецкий диван, где были такие мягкие пружины, что я тонула в них, как в волнах. Две двери заклеили, а от третьей оставили только одну створку. И в этот же день не только всей нашей семье, но и жильцам нашего шестизэтажного дома (фасадному и нашему корпусу) сделали за наш счет предохранительные прививки. Это обошлось папе немного более 100 рублей золотом, но папа с мамой сочли моральным долгом сделать это, чтобы обезопасить всех соседей от заразы, как ни трудно нам было это в материальном отношении.

По опыту ухода за оспенными я знала, что при неподвижном лежании зуд почти не беспокоит больных, но тех, кто вертится в постели – доводит до иступления. Поэтому я старалась лечь как можно удобнее и лежать без движения часа по два. От высокой температуры я все время дремала, но стоило шевельнуться, как нестерпимый зуд начинал меня терзать. Надо было переменить позу, не касаясь своих язвочек и снова замереть в полной неподвижности. Тогда минут через 10 зуд начинал стихать и скоро совершенно прекращался.

Особенно ужаснулась моей болезни тетя Людмила: она смертельно боялась, что оспа меня изуродует и помчалась к старому доктору Агапову за советом. Тот посоветовал ей старинное средство от рябины: присыпать как можно гуще гипсом нарывчики, потому что гипс их сушит и не дает углубиться в нижние слои кожи. Так мы и поступили. От присыпки вообще было легче, а от головной боли мне давали то аспирин, то пирамидон – попеременно.

В первые дни оспа почти не заразна. Она становится опасной для окружающих дней через 7 после высыпания, но привитая оспа уже успевает к тому времени приняться, так что при осторожности можно избежать заражения – легко. Вторичного высыпания у меня вовсе не было и вообще болезнь протекала легко. Видно, старая прививка немного давала себя чувствовать.

Папа ко мне не входил, так как должен был ходить на службу, в редакцию и в аптеку – вообще держал связь с внешним миром. Ухаживала за мной одна мама и даже прислугу ко мне не пускали, чтобы не подвергнуть ее опасности. Даже мама убрала комнату. Так прошли ее святочные каникулы. Когда корочки начали спадать, пришло сначала коротенькое письмо от Горького, что рукописи мои он передал Ивану Алексеевичу, а денька через четыре большое письмо от Бунина.

Я чуть с ума не сошла. Письмо от Бунина, а мне его не дают. Папа говорил что строки написанные его рукой, надо будет сдать потом в музей, а если дать мне заразной письмо – его придется сжечь когда я выздоровлю.

На этот раз, такая всегда послушная дочь, обезумела, вскочила и сказала, что сойду с ума если мне сейчас же не дадут письма. И папа покорился моему капризу.

Бунин писал тепло и сердечно. Говорил, что во всех случаях жизни (он имеет в виду горе по случаю дядиной смерти) надо помнить слова мудрой солдатской песни:

Жить на свете чижало,
Между прочим – ничаво.

Относительно “Саломеи” сказал, что много в ней удачного, но есть несколько готовых слов, которые следует заменить. Мелкие стихи похвалил. Относительно сборников “Слово” сказал, что к редактированию их касательства не имеет, а поэтому и принять в него стихи не правомочен. Посоветовал написать Телешову и Вересаеву. Добавил, что готовится к перелету на юг, но куда именно, из-за войны – неизвестно. Тон письма был сердечный и дружеский и начиналось оно обычном между писателями обращением: “Дорогая”.

Ответить ему сразу я не смогла, как заразная. Написал ему за меня папа.

Скоро поднялась я с постели. На лице моем не осталось ни одной рябинки, но долго держались красные пятна на месте нарывчиков: к лету они стали коричневыми, а затем и вовсе исчезли.

К 20 января я совершенно оправилась. Мне сделали ванну, а в квартире – полную дезинфекцию формалином. Пришлось несколько раз перебираться из комнаты в комнату только после дезинфекции стала я выходить на воздух.

Когда мои больные узнали, что я от них заразилась, они, сложившись по гривеннику, прислали мне миндальный торт и душевное письмо, в котором кланялись дорогой нашей сестричке «от ясной зари до сырой земли» за то, что я, молодая и красивая, пошла ухаживать за ними на страданье и муку и от сердца душевного желали мне, чтобы она, проклятая, не поклевала моего белого личика за мою доброту. За всех подписал письмо донской казак Емельян Сизов, георгиевский кавалер, это письмо очень меня тронуло. Торт был очень вкусный, и я его понемногу уничтожала во время болезни.

Из-за своей болезни и этого письма – пришлось признаться что работала я в госпитале, но что была в заразном отделении я так и не сказала.

Двадцать восьмого января 1915 года исполнилось 25 лет со дня папиной и маминой свадьбы. Праздновать серебряную свадьбу, потратившись так сильно на мою болезнь, им не пришлось. Но все-таки старые знакомые (Виттеры, Завадские и другие) поздравили папу с мамой, но сами не пришли, боясь заразы. Прислали торты или “хлеб соль” то есть бисквит, облитый шоколадом точно буханка черного хлеба с серебряной солонкой на вышитом полотенце, а дядя Сашок прислал мне 50 рублей с просьбой купить папе и маме какой-нибудь хороший и нужный подарок. Мы посоветовались всей семьей и решили купить для нашей гостиной хорошенькую бронзовую люстру и в первый мой выход из дому отправились с мамочкой в магазин Новикова и выбрали очень изящную люстру в античном стиле с массой подвесок из матового хрусталя. Это вышло весьма кстати, потому что летом, когда мы папой покупали электроарматуру – у нас хватило денег только на настольные лампы и на плафоны во все комнаты кроме гостиной. Теперь был восполнен этот пробел.

Разбирая бумаги покойного дяди, папа и дядя Саша Тулуб нашли черновой проект духовного завещания, которые дядя Коля так и не оформил юридически, даже не подписал. В этом черновике он завещал свою огромную, с любовью и знанием собранную библиотеку городу Киеву, вернее киевской городской публичной библиотеке, помещавшейся в собственном здании в конце Крещатика, рядом с купеческим клубом царским садом, но с оговоркой, что, если город Киев доживет до времен, когда будет в нем своя Академия наук – книги его должны быть переданы Академии наук. Домашнюю обстановку он оставлял Надежде Федоровне. Из вещей папе – пишущую машинку, дяде Саше – золотые часы. Так появилась у нас в доме пишущая машинка, служившая мне верой и правдой бесперебойно и без ремонта до 1937 года, когда я дала сточить ее валик, искореженный годами непрерывной работы.

Хотя завещание было в виде черновика и без подписи, а следовательно, юридической силы не имел, папа и все остальные родственники решили свято выполнить дядину волю и подали в городскую публичную библиотеку заявление просьбу принять от семьи Тулубов дар – библиотеку их покойного брата в количестве 10 книжных шкафов, нескольких полок и более пяти тысяч томов, выделив их в отдельный книжный фонд имени Николая Александровича Тулуба.

Дар был с благодарностью принят, но так как каталога дядиных книг не было, всю весну и все лето ходил на Гоголевскую сотрудник библиотеки и по всем правилам библиотечной техники каталогизировал ее. Он исключил все журналы, брошюры и потрепанные утильные книги и составил каталог на более 4300 томов научно-ценной, а порою и библиографически редкой литературы. Не приняла библиотека и энциклопедических словарей – Граната и Брокгауза Эфрона, потому что в библиотеке таких словарей был избыток и тогда папа забрал к нам непринятые словари.

Остаток зимы и весну проработала я над своим первым рассказом, скорее даже повестью “На перепутьи”.

Трудно было мне на первых порах писать прозой. Еще беседа с Горьким, я призналась ему, что в прозе я невольно сбиваюсь на стихотворный ритм. И тогда у меня на каждом шагу возникали разные затруднения. То снова проза становится ритмичной, то рядом нанижется несколько фраз одного и того же синтаксического построения. С трудом стала я улавливать, непохожую на стих, но глубокую внутреннюю музыкальность художественной прозы.

Перемарав не мало бумаги, я все-таки преодолела все и наконец закончила свою повесть, затем медленно, косолапо, но очень аккуратно переписала ее на машинке и послала в “Русские записки”, то есть в бывшее “Русское богатство”. Одновременно написала я и Варваре Николаевне Ольнем-Цеховской, прося узнать какова судьба моей рукописи.

Ольнем тотчас ответила мне, что рукопись получена, но надо набраться терпения, потому что каждую прозаическую вещь читает не один, а два-три члена редакции, а значит и ответ дают не ранее, чем через месяц-полтора. И действительно, приблизительно через месяц я получила открытку, но... с заголовком

Глубокоуважаемая Зинаида Павловна!

Ваш рассказ “На перепутьи” будет напечатан в одном из ближайших номеров “Вестника Европы”.

С глубоким уважением: Д. Овсяннико-Куликовский.

Я была поражена и с недоумением смотрела на открытку: послала рукопись в “Русские записки”, а ответ получила из другого журнала. Только через день все стало ясно: пришло подробное письмо от Ольнем. Оказывается она первая прочла мою рукопись и она ей понравилась. Затем прочли ее еще два редактора, но на заседании редакционной коллегии мнения разделились. Заседало 6 человек, трое было за рассказ и трое против, хотя все шестеро нашли рассказ художественным и умным. Разногласие вышло в политическом отношении, так как члены редакции по разному относились к войне, а следовательно по разному смотрели на нашу армию. Два раза ставили рассказ на обсуждение и каждый раз голоса делились: трое против трех. Тогда Ольнем не дожидаясь приезда с курорта седьмого редактора, мнение которого должно было куда-то перетянуть, отнесла рукопись в “Вестник Европы” и показала Дмитрию Николаевичу. Овсяннико-Куликовский был единоличный редактор художественной литературы и рассказ ему понравился. И вот старый знаменитый академик известил меня, начинающую писательницу, провинциальную курсистку такой более чем почтительной открыткой.

Отношение ко мне Ольнем было более чем чутким и трогательным.

– Я потому предприняла этот шаг на свой страх и риск, – писала мне Ольнем-Цеховская, – что боялась, как бы первая неудача с такой неожиданно зрелой вещью для первого опыта не отбила бы у вас охоту писать. Я много наблюдала вас, и знаю, что вы очень впечатлительны. Малейшая неудача, какая-нибудь неудачная строка, даже эпитет вечно ставит пред вами вопрос, есть ли у вас талант, прогрессируете ли вы, или этот крохотный срыв – начало упадка. Нельзя быть такой мнительной и доверчивой к собственным силам! Вот почему я рада поздравить Вас с удачным дебютом. Это даже лучше, что рассказ появится не у нас, а в “Вестнике Европы”, что греха таить – в художественном отношении “Вестник Европы” строже подходит к прозе, чем наша редакция, отзыв Овсяннико-Куликовского значит больше, чем отзыв Горнфельда, Елпатьевского, Пешехонова или Мякотина, но это, конечно, – строго между нами.

Нечего и говорить, как была я рада такому исходу и с каким нетерпением ждала появления своей прозы.

Приблизительно в марте 1915 года готовивший Волю математик Богданов внезапно покончил жизнь самоубийством. Мы были в отчаянии: и юношу жалко, и Воля остался без учителя. Надо было срочно подыскать нового. Ведь, до экзаменов оставалось менее двух месяцев. Мама попросила меня проверить, что знает Воля по латыни, и я с ужасом констатировала, что слов он вовсе не учит, в грамматике едва разбирается, а

переводить вовсе не пробовал. И тогда решила я сама за него взяться. За два месяца без пяти дней он выучил на зубок и слова, и грамматику, и получил на экзамене пять. Да и другие экзамены тоже сошли хорошо, а осенью Воля поступил наконец в пятый класс Киевской первой Александровской гимназии, помещавшейся на Бибикивском бульваре (ныне Бульвар Тараса Шевченко), в доме №14, где помещение Министерства просвещения УССР.

Уже весной со слов приезжих с фронта стало ясно, что война принимает неблагоприятный оборот: не хватало артиллерийских снарядов. Раненые рассказывали, что, идучи в атаку, многие шли без винтовок и только тогда, когда падал раненый или убитый, брали его винтовку и шли дальше. Боепитание терпело полный крах. А наша промышленность, хоть и пыталась перевести ее на военное производство, не успевала снабжать фронт оружием и снарядами, а наши союзники хоть много обещали, но не хотели и не могли вооружать нас за счет своего фронта, где кипели упорные и кровопролитные бои. Их редкие транспорты часто топили немецкие субмарины.

Как только реки вошли в берега и подсохли поемные низины, немцы ринулись в наступление.

Они выбили нас из восточной Пруссии, с Карпат, отняли Варшаву и почти все Царство Польское и только под осень остановились где-то возле Лиды, Барановичей и под Здолбуновым.

Наступление их было так стремительно, что у нас началась паника. Десятки тысяч беженцев наводнили Киев. Всюду звучала польская и западно-украинская речь. Карпатские горы мелькали всюду в своих красивых белых безрукавках и куртках с нарядными вышивками и аппликациями – эдельвейсами. Начали эвакуировать и русские города, даже Киев. В обществе и народе каждый день рождались новые панические слухи и не было дома, где не говорили бы о том, куда ехать. Консерваторию отправили в Ростов-на-Дону, другие музыкальные училища – в Тифлис. Университет и Высшие Женские курсы в Саратов. Пришлось и студенчеству двинуться на восток. Правда, ряды их сильно поредели, так как младшие курсы были призваны и пришлось им сменить студенческие тужурки на мундиры военных училищ. Я не знала, что делать: у меня осталось только шесть несданных предметов, три вновь введенных в расчете на то, что нам наконец дадут права университета и три старых – латынь, сербский язык и сравнительную грамматику индо-европейских языков, которую было некому сдавать, потому что Кнауэра арестовали в первые дни войны из-за его сыновей офицеров германского генерального штаба, выдававших себя за студентов. Надо было ехать в Саратов, но страшно было оторваться от семьи и потерять друг друга.

Я специально поехала в город посоветоваться по этому с деканом. Сонни объяснил мне, что большинство профессоров оставляют семьи в Киеве и что официально разрешено принимать у себя на дому зачеты от оставшихся курсисток, во время зимних каникул, потому что каждому из них захочется вернуться к семье хоть на месяц. Это меня успокоило и мы спокойно продолжали сидеть дома, на даче, твердо уверенные в том, что куда-куда, а в Киев немцев не пустят.

В разгар эвакуации получаю от Валентины Трофимовой приглашение на свадьбу.

Судьба Валентины сложилась довольно трагически. Окончив гимназию, она уехала в Петербург и поступила на Историко-филологический факультет Бестужевских курсов. Когда мы с нею были на 4 семестре, мать ее заболела саркомой. Валентина примчалась в Киев ухаживать за матерью. Больную дважды оперировали, но, конечно, не спасли и она умерла в начале 1912 года.

Жили мы тогда еще на Гоголевской. Узнав из газет о смерти мадам Трофимовой, я помчалась к подруге.

Отец Валентины, как я уже говорила, врач-ларинголог с огромной практикой и только что выстроил себе на Назарьевской возле Безаковской четырехэтажный дом, где занимали они роскошную 8 комнатную квартиру – весь бель-этаж. Брат Валентины Глеб Николаевич только что окончил политехнический институт и работал сменным инженером в киевском арсенале. Недавно он женился и жил отдельно от родных.

Валентину застала в ужасном виде. Судорожные рыдания сменялись у нее ужасными припадками истерии: она то извивалась в судорожных корчах, то впадала в безпамятство. Отец и еще один врач-невропатолог от нее не отходили, что-то впрыскивали ей, что-то насильно вливали ей в рот, но припадки шли непрерывно весь день. Внешне цветущая и полная девушка, Валентина на самом деле была совершенно больным человеком: порок сердца, почти полное отсутствие кислот в желудочном соке обрекали ее на пожизненную диету, постоянные поездки на курорты и разного рода лечебные процедуры. А нервная система была в таком состоянии, что каждый пустяк валил ее с ног и даже угрожал психозом. Все это было следствием того, что мать ее матери, жившая с ними тихая, приличная и душевная бабушка страдала запоем. Это тщательно скрывали от знакомых, но бич наследственности, миновав дочь и Глеба – всей силой обрушился на несчастную Валентину.

В отчаянии, подруги – я, Ярошева, Панченко и Новицкая целый день провели возле Вали, но ничем не могли облегчить. Только изредка оставляли ее и выходили в зал, где среди цветов и курений лежала покойница.

А в других комнатах любимые подруги Валентины, дочери доктора Соколова – Надя, Мариэтта и остальные младшие сестры напропалую кокетничали со студентами и офицерами, хохотали, строили им глазки, говорили пошлости и всем своим поведением оскорбляли горе семьи. Валя этого не могла видеть, но мы все возмущались до глубины души.

Смерть мадам Трофимовой, женщины лет 45 такой жизнерадостной, веселой и гостеприимной, поразила меня. Поздно вечером вернулась я домой и ночью написала стихотворение, вскоре напечатанное в литературном приложении к “Киевской Мысли”:

* *
*

Спит она, нашедшая вечное забвение.
Дремлет, прилежана мягкой тишиной.
Сны ее баюкает клирное моление.

Сны ее баюкает сумрак голубой.
Вещих снов покойницы тайна не разгадана.
Взор навеки спрятали веки-лепестки,
Смутно вьется кружево голубого ладана,
Дышут умиранием пышные венки.
Свечи ярко теплятся, как тюльпаны алые,
Восковые слезы их стыннут на стеблях.
Чтение протяжное... Голоса усталые...
Чьи-то тени замерли в сумрачных углах.

После смерти матери Валя долго болела. Настало лето. Учебный год у нее пропал. Пробовала она перевестись на Киевские курсы, но здоровье все равно не позволило ей учиться.

Подруга ее матери, мадам Соколова, мать Нади и Мариэтты, стала почти ежедневно бывать у Трофимовых и уговаривать доктора Трофимова, доцента университета, взять долгосрочный отпуск и повезти Валентину на Кавказ лечиться. Доктор долго колебался, желая практикой поскорей покрыть долг по постройке дома, но поздней осенью согласился, взял отпуск и они стали собираться в дорогу. Тогда мадам Соколова стала умолять Трофимова взять вместе с дочерью и ее Надю, потому что у нее слабые легкие и острое малокровие. И Трофимов не смог отказать.

Сначала Валю лечили в Железноводске, потом переехали на побережье, в Сочи и Сухум. Вернулись они только в середине зимы.

Во время этого долгого путешествия Надя Соколова, девушка некрасивая, но большая кокетка, стала за Валиной спиной кокетничать с ее отцом и... сошлась с седовлысым доктором на десять лет старше своего отца.

А Валя долго ничего не подозревала, и только в Киеве, когда весь город заговорил об этом узнала правду. Потерявший голову по девчонке старик объявил, что женится на Наде и с этого дня Валентина в родном доме стала Золушкой-падчерицей. Надина мать и сама Надя стали забирать у Трофимова все его гонорары, шить Наде приданное и наряжать ее сестер, а Вале Надя выдавала деньги на трамвай, на лекарство, на кусок туалетного мыла. Доктор Трофимов перестал замечать дочь. Валя снова уехала в Петербург, тогда уж ставший Петроградом, хотела продолжать учиться, но отец давал ей только 50 рублей в месяц, да и то нерегулярно, а этих денег с Валентиными диетами и леченьем никогда не хватало. Наконец летом 1914 года отец услал Валентину за границу лечиться в Лагеншвальбах, чтобы в ее отсутствие справить свадьбу, как вдруг, грянула война и расстроила его планы.

Много натерпелась Валентина на обратном пути в Россию, но все эти события как-то примирили ее с отцовской женитьбой. В семье жила она теперь как квартирантка, приходила и уходила когда хотела, обедала в своей комнате, а иногда и на стороне. Молча терпела она все и целые дни проводила в госпитале с ранеными. Почти одновременно с моей оспой заболела она брюшным тифом – тоже видно заразилась от больных. Никто за ней не ухаживал. Лежала она всеми забытая и никому не нужная. Бабушка ее успела умереть весной 14 года, даже прислуга к ней почти не заглядывала,

услуживая новой молодой барыне. В это время приехал в Киев и перевелся в Киевский политехникум Валин свояк: родной брат ее бель-сёр, жены Глеба Веры Николаевны Ясирской. Он давно симпатизировал Валентине, познакомились с нею на свадьбе Веры и Глеба. Увидев ее ужасное положение, он стал за ней ухаживать, как самая усердная сиделка или медсестра. Шесть недель днем и ночью не отходил он от Вали, и когда Валя была вне опасности, сделал ей предложение. Валя полюбила его и дала слово. Свадьбу отложили на осень, потому что Лавр Николаевич должен был сдать практику и ряд запущенных из-за сильной Валиной болезни лабораторий и зачетов.

И вдруг – эвакуация, Валя заволновалась. Наскоро сшили ей подвенечный туалет, купили фату настоящего алисонского кружева. На этот раз Трофимов не поскупился, потому что все кололи ему глаза бездушным обращением с дочерью и в августе, в жаркий и по осеннему ослепительно-яркий день Валентина обвенчалась в Железной церкви с Лавром Николаевичем Ясирским. Так брат и сестра Ясирские поженились с братом и сестрой Трофимовыми, для чего пришлось взять разрешение митрополита.

Я приехала на свадьбу прямо с дачи в белом маркизетовом платье. Во время венчания чудесно пел хор и “Верую” солировала какая-то исключительно хорошая певица. Валя была декоративна в своем наряде. Хорошую речь сказал священник. Затем все отправились на квартиру Трофимовых, где подали свадебное угощение – бутерброды с икрой и фрукты. После легкого ужина Валентина переделалась в дорожный костюм и все собравшиеся поехали на вокзал проводить новобрачных, уезжающих на юг в свадебное путешествие.

Вокзал произвел на меня жуткое впечатление: зал ожидания, все вокзальные помещения и платформы были забиты беженцами и солдатами, на перронах стояли сплошные штабеля ящиков, сундуков, бочек и разного ручного багажа под самую крышу крытых платформ (и в два с лишним человеческих роста – на открытых платформах). Только по самым краям перрона оставались узенькие проходы, по которым можно было бочком пробраться вдоль поезда и большим трудом разминуться с идущими на встречу. Запасные пути были забиты санитарными поездами, воинскими эшелонами и теплушками, в которых сидели друг на друге измученные, перепуганные беженцы. Ругань, военная команда, плач детей, стоны раненых, рыдания провожающих на фронт близких, бессвязные крики, свистки и гудки смешивались в оглушительный хаос. Где-то ловили вора, утянувшего чемодан, гнали публику от уходящего эшелона. Кондуктора отходящих поездов надрывались, отгоняя публику от края перрона, чтобы кого-нибудь не столкнули вниз под колеса.

С трудом пробилась мы к вагону, где было заказано купе для новобрачных. В вагон лезли безбилетные пассажиры, контролеры отгоняли их, кто-то швырял в окна узлы с перрона.

И вся наша свадьба с букетами казалась смешным и вопиющим диссонансом со всей этой дикой и беспорядочной суетою военного времени.

Поезд отошел с опозданием на полчаса против расписания, хотя формировался в Киеве.

Я вернулась на дачу подавленная и измученная. Впервые война глянула прямо в глаза хаотическим тылом, отчаянием беженцев, лишившихся крова и куска хлеба, ужасами начинающейся разрухи и чувством, что война идет не так, как пытаются изобразить сводки штаба верховного главнокомандующего, а скорее напоминают палубу потрепанного в бою корабля, в трюмах которого неизменно и неотвратимо подымается уровень из пробоин.

И снова приснился мне дядя Коля. Сидим мы, как будто, в каком-то саду, за столиками летнего кафе под открытым небом: не то едим мороженое, не то ждем, чтобы нам его подали. Беседуем о том, уезжать из Киева, или нет. И вдруг рядом со мной, справа очутился дядя Коля. Я знаю, что он мертв, но не удивляюсь и просто здороваюсь с ним, а он мне говорит:

– Я пришел к тебе, Зина, сказать по секрету, что вовсе не надо уезжать вам из Киева. Дядя Сашок хорошо сделал, что переехал из Дубно в Киев, потому что немцы Дубно заберут, но дальше почти не двинутся. И вообще война идет на убыль. Простоят так года полтора, а потом весной растает снег и фронт вместе со снегом. На том и конец.

Я хочу спросить о чем-то, а дядя мне грозит:

– Смотри, никому не говори, что я тебе сказал. Просто посоветуй Полю и маме сидеть дома.

А я не выдерживаю и тут же говорю папе и маме:

– Не надо уезжать. Вот и дядя Коля говорит, что Киев немцы не возьмут.

Дядя как рассердился, вцепился мне ногтями в лицо и вырвал правый глаз.

На том и проснулась. Глаза на месте и я лежу в своей постели. Конечно рассказала всем и этот сон и с тех пор в семье прослыла ясновидящей.

Галя что-то писала мне из Саратова. С квартирой устроилась она плохо. Хозяева попались грубые, некультурные. Хозяин часто возвращался пьяным домой и бил жену. До курсов было около часа ходьбы. С питанием тоже неважно, и Галя от души жалела, что помчалась на край света от родного, уютного знакомого Киева.

Продукты постепенно дорожали. Если до войны мама давала кухарке на базар два рубля, то теперь и трех рублей мало с тем же меню. Из-за наплыва беженцев и военных вздорожали и комнаты: за такую комнату, как папин кабинет, платили до войны рублей 18-20, а теперь рады были взять ее за 25-30. Рестораны были переполнены. Всюду слышалась польская речь со свистящим акцентом. Появилось много шикарных дам полусвета и еще больше военных. Особенно кутили интенданты и земгусары, щеголявшие в необычайно широких галифе или бриджах на Крещатике мелькали небесно голубые шинели с широкими пелеринами и кепи с золотым шитьем французских офицеров и черные с красным пилотки бельгийских летчиков.

Громко звучала их гортанная Брабансская речь. В оперетте пели варшавские примадонны Кавецкая и Люсина Мессаль. Входили в моду театры миниатюр и кабаре. Балиев открыл на Кругло Университетской свою «Летучую мышь». Из притворного или квасного патриотизма русские с немецкими фамилиями меняли их на русские и под шумок евреи тоже стали из Айзбергов – Железнодорожниками, Шварцман превратился в Чернова, Левин – во Львова, а Коган в Князева.

А наш шалун Воля – назвал кота Кайзером, а потом научил его фокусу: поставил кота на задние лапки и командует “Кайзер, гош!” Кот стоит, а Воля, подождав командует: – “Кайзер, сдох” и кот валится на пол и притворяется мертвым.

Почти все профессора приехали в Киев на зимние каникулы. Я воспользовалась случаем и сдала у Сонни латынь за первый и второй курс, а весной – и за третий курс латинского автора (Тита Ливия). Готовила и сравнительную грамматику индо-европейских языков, но сдать ее было некому, так как взамен сосланного Кнауэра нам никого не присылали. Понемногу материал по Пифагору и в этом отношении особенно много бытового дала мне хрестоматия из жизни древних греков Гиро “Частная и общественная жизнь греков”.

(...) награду “За отличные успехи и поведение”. А вообще много надо было восполнить усилием воображения. И тут пригодились 7 недель в Кастрополе. Климат южного берега Крыма почти такой же как в Греции и Италии: те же кипарисы и пинии, тот же лазурный цвет моря, лавры, магнолии и олеандры, лавры и остролисты, дрок и плющ, климатис и звонкое журчание, как бубенцы, стрекотание цикад.

И снова ежедневно занималась я с Волей латинским языком: в эту весну он должен был сдать экзамены за курс 4-го класса и осенью поступить в пятый класс.

Во время экзаменов, когда я особенно напряженно с ним занималась, он стал жаловаться на озноб и головные боли и, сдав последний экзамен, слег в постель. У него оказалась корь. Хотели меня отослать из дому к кому-нибудь из друзей или к осиротевшей Надежде, но доктор нашел это излишним, раз в детстве я не болела корью, то я уже заразилась от Воли, потому что корь заразна в период инкубации, а Воля все чихал от насморка и не мог не начихать на меня, раз мы с ним сидели либо рядом, либо против друг-друга.

И действительно, когда он стал поправляться – слегла я. Снова заперли меня в темную комнату и от кори страдала я много больше, чем от натуральной оспы: мучительно болели глаза.

Хоть и лежала я в комнате с наглухо завешенными одеялами окнами, но крохотный луч света, пробивавшийся под дверью – и тот причинял такие страдания, что я просила положить на пол каких-нибудь тряпок, чтобы успокоить глаза. Болело и горло, и голова. Когда мама ко мне входила, приходилось закрывать лицо густым черным платком от света и есть, приподнимая его край до уровня ноздрей.

Так провалялась я добрых три недели. Когда мне стало немного лучше, мама с Волей уехала в Требухи. Откладывать поездку им не хотелось, потому что в этом году надо было вернуться в город в августе из-за Воли, а была уже половина июня. Да и поездка была сопряжена с получением особого пропуска, потому что в Могилеве была ставка верховного главнокомандующего и дядя прислал нам пропуска и вызов на непродолжительное время. Поэтому мы с папой остались вдвоем.

Корь осложнилась у меня глубоким рассеянным бронхитом и еще чем-то вроде сухого плеврита. Доктор Демченко настаивал на усиленном питании и поездке в деревню. Дядя Сашок тоже прислал мне вызов и самое теплое родственное письмо с просьбой приехать на все лето попить деревенского молока и поесть чудесной мали-

ны, яблок и месячной земляники. Я стосковалась по Требухам и рада была съездить туда. Как только температура перестала прыгать выше 37.3 десятых, я села в поезд.

На вокзале встретил меня сам дядя и на чудесном вороном рысаке Коварном повез в Требухи.

В Требухах снова нашла я много перемен: появился прекрасный грамофон с маской пластинок. Появились новые собаки. Дядин сан-бернард Баруша из косолапого и шаловливого щенка стал огромным псом ростом с двухмесячного теленка.

Баруша был очень привязан к дяде, а к нам относился тоже хорошо, как бы чувствуя, что мы не чужие. Целые дни Баруша проводил с нами в комнатах, но на ночь его выставляли на крыльцо, где для него клали пухлую соломенную циновку.

У Баруши был собственный, им самим установленный распорядок дня: с утра он спал в столовой под роялем, после завтрака охотно шел с нами гулять и на прогулке нес в зубах корзинку для грибов или ягод, зонтик или тросточку, но с одним условием: надо было все время обращать на него внимание и подбадривать вслух:

– Посмотрите, какой наш Баруша умница: он несет наши вещи. Он помогает нам. Баруша умней всех собак. Молодец, Баруша! Он – наш помощник!

Тогда Баруша с радостно-горделивым видом задира хвост и шел впереди нас, покачивая головою. Но стоило перестать обращать на него внимание и заняться своим разговором, или просто задуматься, как Баруша обиженно ставил корзинку куда попало, опустил хвост и уходил куда глаза глядят.

За завтраком в столовую приносили Баруше миску, куда тетя Женя складывала остатки кушаний с тарелок, поливала все это либо соусом, либо целым кувшином молока, а иногда и сливочек и полную миску относили в буфетную, где Баруша и приступал к еде. Остальных собак в комнату не пускали и кормили их из корытца возле кухни, на дворе.

После завтрака Баруша укладывался спать в ванной, на линолеуме, а после обеда долго грыз во дворе на газоне особенно вкусную махристую кость из бульона, после чего уходил во вторую гостиную понежиться на пушистом ковре.

Вечером он снова лежал в столовой под столом. Когда же после чая все расходились по своим комнатам и наступало время изгнания Баруши на крыльцо, он в сырую погоду прикидывался больным, падал на спину, лапами кверху и повизгивал, прося пощады. Все это, конечно, было ловким притворством, и Барушу безжалостно выставляли за дверь. С его медвежьей шубой никакая сырость не была опасна, просто он хотел понежиться и ночью в комнатах.

Появилась в Требухах и другая собака дворянка Злючка, любимая тети Жени, действительно необычайно злая и коварная собачонка. Симпатичнее ее была легкомысленная и добродушная Канька. Из старых собак был еще жив старик Зефир, который и сейчас, после пяти лет разлуки узнал меня и чуть не свалил с ног от радости, бросившись мне на шею.

В хозяйстве тоже произошли значительные перемены: дядя насадил еще один фруктовый сад гектара в 2-3. Накупил много новых машин, посадил великолепный малинник, выстроил новый свинарник с отдельным стойлом для каждой свиньи. В шутку называли мы этот свинарник свиным двором. Мечтал поставить турбину и построить свою электростанцию.

Но погиб весь бабушкин крыжовник, пораженный какой-то заразной болезнью вроде филлоксеры. Засохли старые сливы ренклоды, привезенные бабушкой из родной Франции, а “бело-сладкая” яблоня против окон бабушкиной спальни совсем одичала и почти перестала плодоносить.

Трудно было в этот год и с рабочей силой: почти всех мужчин забрали в армию, а девушки не умели обращаться с косилками, конными граблями и жнейками сноповязками. Цены на поденную и годовую рабочую силу сильно повысились. В соседних имениях часто вспыхивали забастовки, но у дяди еще не бастовали ни разу, потому что платил он дороже других и кормил много лучше: одного хлеба он давал по 4 фунта в день (1600 грамм). Часть хлеба рабочие продавали, а такие продукты как картофель, огурцы, помидоры, капусту, лук, творог и сепарированное молоко выдавали без нормы: брали сколько съедят.

Трудно было солдатам без кормильцев-мужей. Поэтому дядя разрешил 70 семействам из Требух и Купёл бесплатно брать в своих лесах налужник и хворост для топлива, обрезать от деревьев сухие ветки и рубить сухостой, то есть деревья, засохшие на корню. Запрещено было только трогать живые, зеленые деревья. Сухостой же даже годный на плотничьи и столярные работы могли брать сколько душе угодно. Грибы же и ягоды женщины и дети собирали в дядиных лесах и прежде совершенно свободно, а если приносили их в усадьбу продавать все это покупалось у них по городской базарной цене.

Строил дядя этим летом и школу в Полиновичах, большой деревне в 3 верстах от Требух по дороге в Могилев. На школу он подарил свой строевой лес, сам сделал архитектурный проект школы на 4 классных комнаты с учительской и двумя квартирками для учителей: по комнате с кухней и чуланом. Почти каждый день дядя ездил на эту стройку и следил, чтобы не раскрадывали материалов, строили прочно, добротнo и точно по проекту.

В усадьбе он тоже стал строить флигель из четырех больших комнат с ванной и удобствами. Он был уже вчерне готов, когда мы приехали и дядя объявил нам, что строит он его для нас: грустно и тяжело ему было видеть, что мы приезжаем погостить ненадолго раз в пять лет. Он отлично понимал причину этих редких посещений и как-то в сумерки разговорился со мной откровенно.

– Когда флигель будет готов, я прикажу поставить туда всю нашу старую мебель – диваны, люстры, статуэтки, спрятанные на чердаке, говорил дядя.

– Все это дорого нам с Лиличкой, потому что напоминает нам детство, мамашу. Приезжайте тогда и живите тут от ранней весны до морозов. И Польша, папа твой, любит Требухи. Пусть пишет стихи и бродит по берегу Днепра. Вы не будете тогда чувствовать себя гостями. Вам будут готовить обед по вашему вкусу, сами заказывайте тогда обеды и завтраки. Припасов хватит на всех.

А я буду приходить каждый вечер. Будем вспоминать прошлое, строить планы, перечитывать книги, которые читали давно-давно. И будем отдыхать душой.

И такая боль вдруг зазвучала в его голосе, что у меня дрогнуло сердце.

– Знаешь, дядя, я тоже стосковалась по Требухам и по всем, что было тут при бабушке, – заговорила я, заражаясь его волнением. – Когда я вижу этот Днепр, не Киевский широкий, а узкий, но такой родной, эти липовые аллеи, эти деревенские хаты,

крытые соломой, я чувствую, какое это все родное. И хочется сказать словами поэта: “мое младенчество здесь бродит, здесь плачет молодость моя”.

Сказала я и испугалась своих слов: дядя вдруг закрыл лицо руками и разрыдался.

– Ах Зина! Трудно тем, кто родился в деревне и вырос в ней, оторваться от родной почвы и жить в городе! – с горечью воскликнул он.

– Все мне говорит: “Продай! Продай!” Да разве не больно продавать дом, где родился, все воспоминанья, родные могилы – все! И тут жить тяжело, и новые времена наступают: трудно становится хозяйничать... И не могу уйти из дома... Не могу...

– Не уходи, – повторила я сквозь слезы. – Не слушай ее, никого, кроме своего сердца. А если придется уйти – уйди не по пустому капризу, а потому, что так повернулась история. Тебя все любят, а если и велют уйти, то не тебе, а “ей”, – добавила я.

И оборвалась, заслышав шаги тети Жени.

Дядя любил природу, любил и земли, и труд культурного земледельца. Ради родной земли и труда на ней он спрятал свой диплом, бросил службу, сулившую ему блестящую карьеру. Это был земледелец по призванию. Он считал своим долгом окультурить этот кусок родной страны, вложить в него все свои силы, знания. Работая он вкладывал в свое дело душу и сердце, мозг и знание. Не смотрел на землю только с точки зрения дохода, как большинство культурных хозяев. Не даром и у него доживали свой век старые слуги, возмущая жену своим присутствием. Не даром старые дряхлые лошади как Сивалеска и Мамог доживали у него свой век, чтоб умереть своей естественной смертью, потому что подло убивать коня, всю жизнь честно прослуживши своему хозяину... И старые собаки, как беззубый Зефир тоже находил у него свой приют и кусок хлеба, которым никогда и никто тут не попрекал. Одноглазой старушке Степаниде построил он избу за то, что много лет приходила она поденно помогать горничной, повару Акиму подарил лесу на пятикомнатный дом, а еще раньше, когда Аким был женат на экономке Даше и родился у них сынишка Сашка, для этого Сашки выделили из стада отдельную хорошую корову, чтобы ребенок был здоровеньким и вдоволь пил хорошего молока. И целый шкаф лекарств был всегда для крестьян и не гомеопатии, как при бабушке, а обычных наших лекарств. И держал он в усадьбе племенных жеребцов и быков, чтобы бесплатно крыть крестьянских коров и кобыл и этим улучшить их скот.

Чистокровных английских йоркширских поросят продавали крестьянам по рублю за поросенка, чтобы у крестьян росли племенные продуктивные свиньи, и деньги в долг давали крестьянам безо всяких процентов и “когда сможешь – отдашь”, а не на отработку. Вечно учил он крестьян, как лучше хозяйничать, но они не понимали его и плохо усваивали советы, даже тогда, когда улучшение ничего не стоило, но сулило большие выгоды.

За все это помещики-дельцы недолюбливали дядю. Говорили что он портит крестьян, приучает к большим заработкам. И вместе с тем завидовали дяде, потому что дядю любили и считали его душевным и честным баринном.

Не любили зато тетю Женю. Она раздражала и оскорбляла своими черствыми криками, капризами и замашками парвеню. Презирали за мотовство и мещанское презрение к экономам и вещам, как у женщин полусвета, потому что доставались они им лег-

ко, и поэтому не умели и не хотели они их беречь. В этом отношении тетя Женя резко отличалась от женщин нашего круга, потому что в среде дворянства дочерей с детства приучали и чулки штопать, и платье перешить, и перчатки почистить бензином, а не швырять все в печку при первой же дырочке, или при первом пятне. Зато не скупилась мы на помощь бедным людям и отдавали совершенно крепкие и еще хорошие вещи, а не сжигали в камине вместо того, чтобы одеть бедного человека. И если давали то мягко, деликатно, а не швыряли, как швыряют кость голодной собаке.

Лето 1916 года проводили мы в Требухах. По праздникам в Требухи приезжали гости, особенно военные из ставки верховного главнокомандующего. Чаще других приезжал дядин и мамин друг детства, генерал-майор. Владимир Евстафьевич Скалон.

Скалоны были по происхождению французы, верно потомки белых эмигрантов 18 века, или же недомерзших французов из армии великого Наполеона. Эти Скалоны не имели ничего общего со Скалоном, Варшавским генерал-губернатором.

Имение Скалонов, вернее их бабушки Эйлер было в 40 верстах от Требух по ту сторону Днепра и в детстве маленьких Скалонов Колю и Волю часто привозили в Требухи погостить. Потом Колю отдали в гимназию, а Волю в кадетский корпус. Затем Коля кончил университет, а Воля, (Владимир Евстафьевич) окончил Академию Генерального Штаба.

Строевиком он так и не был и все время работал в генеральном Штабе, как теоретик-ученый. Только раз в жизни пришлось ему уехать на три года в Германию по секретному заданию генеральского штаба.

Говорят, что привез он оттуда более чем ценные сведения и сразу был повышен в чинах и получил Владимира, орден довольно высокий в мирное время. Жил Скалон в Германии под видом штатского человека, остзейского барона, яркого сторонника Кайзеровской Германии со всеми предрассудками прусского юнкерства и рабским преклонением перед прусской шагистикой. Играл Скалон свою роль великолепно, потому что бабушка его по матери мадам Эйлер была немкой и у нее научился он говорить по немецки как чистокровный немец и в доме ее насмотрелся таких браттеров-барончиков. Оттуда присылал он близким и дяде, как лучшему другу свои фотографии в смокингах с моноклем, в цилиндре и лихо закрученными выше глаз усами.

Вильгельм, с нарочито наигранной дубовато-окаменелой манерой держаться, выпятив грудь и надменно задрал голову, скованную высокими тесными воротничками.

Как-то приехал он в Требухи под вечер. Все ушли гулять и я одна его приняла в дядиной первой гостиной.

Он привез только что вышедшую в Париже новинку, Роман Анатолия Франса “Боги жаждут”. Я заинтересовалась книгой, стала ее разрезать, а Скалон серьезно говорил мне: – Прочтите ее внимательно. Скоро и у нас будет революция.

Будет и красный террор, потому что слишком много накопилось у нас горячего. Пора ознакомится по чужим образцам с тем, что нас скоро постигнет.

– Неужто так скоро? – спросила я, рассматривая маленький желтенький томик обычного карманного формата французских книг.

– Скорей, чем вы думаете. И многие из нас ее не переживут, – добавил он задумчиво и серьезно.

И так же задумчиво и видимо машинально вынул из кармана маленький браунинг вороненой стали с четко выгравированной на рукоятке маркой “NFC”.

Я любила рассматривать оружие, пробовала в Святошине даже стрелять из папиного никелированного “Бульдога”, и маленького напыленного “Белладога”, но все они были с барабаном, а пистолетов с автоматической обоймой я еще никогда не видела, поэтому попросила Скалона показать браунинг. Он показал, но в руки не дал и спрятал, шуточно говоря:

– Такие вещи не дают в руки маленьким девочкам.

– Хорошая “девочка”, почти окончившая филологический факультет, – обиженно поджала я губы.

– Значит девочка, раз болеете детскими болезнями вроде кори, – поддразнивает меня Сталон.

И уже серьезно добавил:

– А книгу прочтите: хорошая, умная книга. Побольше бы таких, а не каких-то “Саниных”.

На третий день, когда Скалон уехал и книга была уже мною “проглочена”, а дядя только приступил к чтению, я заговорила с дядей о Скалоне.

Удивительно, что он, военный, да еще штабный, говорит о близости революции. У нас только депутаты, рабочие да красные студенты интересуются такими вопросами, – сказала я надеясь, что дядя объяснит мне, в чем дело.

– Разве он тебе не говорил, что ему внесено в обязанность каждый день читать всю иностранную прессу и докладывать царю резюме мировых событий и в особенности всего, что пишут о нашей стране? Он читает все: и официозы, и подпольную, и рабочую прессу и неплохо во всем разбирается, но, конечно, доклад свой строит так, чтоб голова с плеч не слетала и чтоб вензеля не слетели с погон.

– И... кому же он сочувствует? К кому примыкает? – спросила я удивленно.

– Он человек здравый и смотрит правде в глаза. А вообще, как теоретик и созерцатель, возмущается очень многим и отводит душу с друзьями, но и революция его пугает: раз у нас крестьяне почти поголовно неграмотны, промышленность только начинает развиваться – ясное дело, что в нашей огромной стране разыграются стихийные и страшные силы. И бог знает, чем все это кончится. А наш “обожаемый” дальше своего носа не видит и не хочет открыть маленькой отдушины, чтобы понизить давление и предотвратить страшный взрыв.

– Но неужели он не разу не попробовал спросить у нашего Ники-Милуши, как он терпит в своем дворце этого проходимца Гришку Распутина? Вот и верь после этого царедворцам. Ведь твой Скалон человек порядочный, но и у него язык связан различными соображениями. Ох, уж эта камарилья, – вспыхив воскликнула я.

– Эх, Зинка, – вздохнул дядя. – Скалон человек честный и более чем чистоплотный, но он военный и прежде всего знает, что такое дисциплина. А с государством он пробовал говорить. И однажды прямо спросил его, как раз то, что ты только что сказала.

Дядя помолчал и как бы подумав, можно ли меня посвятить в такие тайные дела, заговорил медленно и осторожно.

– Ты, верно, знаешь, что наш наследник Алексей страдает Гессенской болезнью. Это такое свойство крови, что в случае царапины или пореза, кровь не сворачивается, беспрерывно льется из самой пустяковой ранки. У здорового человека, как только кровь покажется на коже, она сама собой начинает свертываться от соприкосновения с воздухом, а при этой болезни кровь не свертывается, и остановить ее почти немислимо. Только сильный гипнотизер может путем внушения вызвать сжатие кровеносных сосудов в месте пореза или укола, и тогда кровотечение приостанавливается. Алексей мальчик живой, шаловливый и непослушный и часто с ним случается беда. То порежет палец, то уколется, то поцарапается. Каждый раз во дворце бывает паника. И ни один гипнотизер не может остановить у него кровь, кроме Гришки Распутина. А наша Алиса Гессенская болеет тяжелой истерией. У нее буквально навязчивая идея, что мальчик может погибнуть от первой царапины. Чуть что: – “Подать сюда Григория Новых” (это настоящая фамилия Распутина). А Распутин – жадный и подлый мужик пользуется этим. Очевидно, у него есть свои люди из приближенных царевича, потому что с ним вечно случаются разные несчастья. И снова Гришка спасает его от гибели. И вот когда Скалон, поставив свою судьбу на карту, спросил царя почему он не прогонит Распутина, позорящего всю императорскую фамилию в глазах всего мира, царь ответил:

– Я предпочитаю терпеть во дворце трех таких мужиков, чем три истерики в день моей милой супруги.

Скалону оставалось только умолкнуть.

– Да, продолжал дядя, опять помолчав, вся беда не в Распутине, а в том, что мать Алексея полусумасшедшая истеричка, которая вбила себе в голову, а может ей это внушил сам Гришка, пользуясь своей гипнотической силой, что если Гришку удалить – сын ее погибнет страшной смертью.

– Но, говорят, что он близок к ней, – воскликнула я невольно.

– Это ложь. Как ни связаны страхом и этикетом придворные, но это было бы там известно. Гришка развратничает со множеством дам, бывающих при дворе – это факт, а насчет Алисы и ее дочерей – это легенда.

– Но откуда ты узнал об этой болезни? – допытывалась я настойчиво.

– Зимой у меня был приступ аппендицита. Я думал – придется делать операцию. Скалон привез мне лейб-хирурга Федорова.

Федоров прогостил у нас двое суток, потому что была страшная метель. Мы с ним разговорились по душам и он рассказал много интересного, только ты, конечно, об этом не вздумай болтать, – пригрозил мне дядя. Премилый, преинтересный, человек он, этот Федоров. Большой умница.

И больше ничего не добавил.

Рассказ дяди Сашка почти буквально совпал с тем, что рассказала нам тетя Наташа Войцех, гостившая у нас зимою.

После смерти маминой тетушки Варвары Федоровны весной 1908 года, дочь ее тетя Наташа почти не жила в Могилеве. Зиму проводила она в Петрограде, а летом ездила в Меран, или на берега Женевского озера, осень по привычке проводила в Крыму в Феодосии и по дороге иногда заезжала к нам на недельку-другую погостить. В Петрограде она близко сдружилась с женой знаменитого модного адвоката Казаринова

и если приезжала в Петроград не на всю зиму, а на месяц-другой, жила у Казариновых, занимающих огромную девятикомнатную квартиру. А у Казариновых бывал “Весь Петроград” и все новости бывали там тотчас известны.

Однажды в праздничный день сидели Казариновы с тетей Наташей за завтраком, как вдруг лакей подал на подносе визитную карточку. Казаринов никого не принимал после обеда, или завтрака, но на этот раз порывисто встал, извинился перед дамами и велел просить посетителя в свой рабочий кабинет. И когда после завтрака все сидели в будуаре мадам Казимировой, рассказал под секретом, что приезжал к нему «* * *» недавно смещенный с поста министра, а теперь только член государственного совета.

«* * *» был очень взволнован и попросил у Казаринова юридической помощи и совета по весьма деликатному поводу: когда его внезапно сместили, молодая жена его решила спасти карьеру мужа и помчалась к Распутину, ища помощи и защиты, потому что от Распутина тогда зависели все назначения на министерские посты.

Распутин тотчас принял взволнованную посетительницу. Та со слезам рассказала ему о судьбе мужа, Распутин обещал помочь и добавил:

– А теперь, Милашка, ложись. Я тебя осчастливию.

Дама пришла в ужас: и мужу надо помочь, и злить нельзя опасного временщика, и невозможно платить своим телом, за такую услугу. Она разыграла смущенье и стала отговариваться здоровьем.

– Да ты сифилитичка, что ль? – по своему понял ее Гришка.

Дама еще пуще растерялась и, закрыв лицо руками, пролепетала, что она в эти дни не здорова.

– Ладно. Коли так – подождем, – решил Гришка. – Сёдни у нас четверг. Приходи, стало быть, в воскресенье, после поздней обедни. Тогда и побалуемся.

При этом он оторвал ее руки от лица и глянул ей прямо в глаза свои сверлящим гипнотическим взглядом.

Дама только кивнула в ответ, обрадовавшись отсрочке, чтобы придумать приличную отговорку.

– Стало быть, в воскресенье, во втором часу. А потом пойду к матушке-царице по твоему делу, – сказал Распутин и проводил ее до передней.

Дома она разрыдалась и призналась мужу в своем неудачном демарше. Муж пришел в ужас: он знал влияние Распутина при дворе и его страшную гипнотическую силу, и неумную, ничем неутолимую чувственность, а жена билась в истерике, и кипела негодованием, как смел этот распутный мужик так бесстыдно оскорбить ее.

Тайком от жены «* * *» побеседовал с лечившим жену невропатологом. Тот пообещал приехать к ним в воскресенье, но войти с черного входа и ждать решительного момента.

В воскресенье с утра дама была совершенно спокойна: как всегда, распорядилась по хозяйству, беседовала с мужем и детьми, читала письма, но в час дня она внезапно оборвала беседу и с отсутствующим выражением лица, как автомат, или лунатичка ушла в свою комнату. Муж предупредил врача, сидевшего в дальней комнате, и прошел к жене. Она не отвечала на вопросы.

– Куда ты спешишь? – допытывался «* * *».

Она молча стала надевать шляпу. Муж отнял у нее шляпу и решительно стукнул по столу:

– Никуда ты не пойдешь! Сиди дома!

Но хрупкая, впечатлительная и слабая женщина вдруг с неожиданной силой оттолкнула его и без шляпы вышла на улицу.

Швейцар догнал ее и набросил ей на плечи пальто. Она на ходу застегнула его и с каменным лицом и остановившимися глазами пошла прямо к особняку Распутина. Муж и доктор незаметно шли за ней следом и там, возле самого подъезда остановили ее. Муж втолкнул ее в закрытый экипаж.

Она сначала дико отбивалась, потом впала в полуобморочное состояние. Доктор вызвал коллегу-гипнотизера и они вдвоем с трудом привели ее в нормальное состояние, а взволнованный муж помчался к Казаринову, чтобы начать против Распутина дело.

Но умный адвокат, возмущенный подлостью Гришки, все же посоветовал своему сановному клиенту не судиться, потому что его карта бита, не смотря на самые неопровержимые доказательства против Распутина. А главное, имя его трепалось бы на страницах и нашей, и иностранной прессы, так как подобная сенсация долго была неисчерпаемой темой всех газет, а поэтому от души посоветовал увести жену на год на юг, или в имение чтобы она успокоилась и выздоровела после пережитого потрясения.

Лето было солнечное, теплое и для Белоруссии на редкость сухое. Мы часто и много гуляли и ходили по грибы. Мама купалась в Днепре. А Воля увлекался лошадьми и в особенности дядиным новым рысаком Коварным, – вороным чистокровным красавцем, не раз бравшим призы в Москве на бегах.

Коварный был рысак Ознобишенского завода и стоил больше 20 тысяч золотом. Таких денег дядя, конечно, не мог заплатить, но Коварный простудился за время осенних бегов и заболел бронхитом и одышкой. Ветеринары признали его негодным для бегов на призы и Коварный был продан за две тысячи сто рублей моголевскому земству. Однако, земство вскоре отказалось от мысли устроить конский завод призовых рысаков, а так как Коварный продолжал болеть, продали его дяде за несколько сот рублей, как жеребца производителя.

В Требухах, в холе и ласке, на деревенском свежем воздухе и сытых кормах, при умелом лечении Коварный понемногу поправился и заслуженно стал дядиной гордостью. А Воля просто с ума сходил от его красоты и легкого и плавного бега, напоминавшего полет стрелы.

Раза три в неделю стоянных лошадей запрягали в двухместный шарабан и каждый из них делал пробег километра в три и обратно, чтобы не застояться. Воля зорко следил за тем, когда запрягают Коварного и подсаживался к кучеру Клементию в шарабан и ехал кататься. Иногда Воля даже плутовал: и нарочно переводил часы обратно, чтобы домчаться до Могилева и прокатить по главным улицам Ветреной и другой, вызывая восхищенные возгласы прохожих, а в особенности военных из ставки верховного главнокомандующего, больших знатоков лошадей. Последние километры под городом он нарочно пускал Коварного шагом, чтобы дать ему передохнуть, а в городе давал возможность лететь ему, распластавшись в плавной широкой рыси.

И высшим наслаждением его было видеть, как останавливаются прохожие и провожают их глазами и слышать восклицания:

– Вот это конь!

– Самолет, а не конь!

– Так это же знаменитый Коварный Александра Васильевича – тот самый, который брал Дерби.

На обратном пути приходилось снова спешить, чтобы вернуться к сроку и иногда Коварный влетал во двор весь в мыле.

Хорошо, что дядя не раскрыл Волиных проделок, потому что ему, конечно, досталось бы за такое лихачество.

В середине лета дядя однажды уехал в город и вернулся из Могилева на другой день вечером с интересной новостью. Видя что с рабочими руками становится трудно, дядя выхлопотал себе 12 человек пленных австрийских солдат. Пленные должны были явиться на другой день нашим порядком под командой русского унтера.

– Это банатские сербы, – объяснил дядя.

– Они без боя сдались в плен, потому что не захотели сражаться против русских, как славяне против славян. Теперь-то мы проверим на практике, как учат нашу Зину славянским языком на ее филологическом факультете.

Я была озадачена: у нас читали историческую грамматику сербского языка, кроме того, к экзамену мы должны были прочесть 30-40 страниц на современном сербском языке и перевести их без обдумыванья и без словаря и разобрать по этимологии, фонетике и синтаксису два-три абзаца. Ни у кого из нас не было современных сербских изданий. Единственная книга по сербски, по которой готовились все без исключения, был сборник сербских народных песен, собранных Вуком Кардаджичем “Српске народње Пјесне” – исторический цикл о Кральевече Марко и Коссовской битве и эту книгу, как на зло я забыла в Киеве. Были со мной только записки лекций Лукьяненко да словарь Мичатека. За вечер я выбрала пять десятков слов, которые показались мне нужными для первой беседы с сербами выписала я их на клочки бумаги, и за вечер и утро постаралась выучить, чтоб не ударить лицом в грязь, зная, что иначе дядя будет дразнить меня до окончания века. Дядя и так относился к моим курсам иронически, беззлобно, но единственно с целью подразнить меня – называл курсисток курсучками и часто пенял моей маме, что она совершенно не заботится о том, чтоб выдать меня замуж и этим самым определить мой жизненный путь. На этой почве у меня даже вышла с ним основательная размолвка и я два дня не могла с ним говорить, так возмутило меня его старосоветское “домостроевское” отношение к моей судьбе. Вот почему я с особенным рвением хотела не ударить лицом в грязь. Пленных привели в Требухи, когда мы сидели за завтраком, то есть около двух часов. Им прежде всего дали пообедать, затем часа два вздремнуть и в пятом часу каждому дали небольшую работу по усадьбе, привезти бочку воды для поливки цветов, вымыть забрызганную грязью пролетку, сложить треугольником напиленные накануне доски, чтобы они лучше сохли и т.п.

Дядя, тетя, мама, я и Воля вышли из дому и подошли к группе пленных, мывших на дворе у возовни шарабан и пролетку.

Они выпрямились: молодые отдали честь, пожилые полноватые сняли свои серые суконные шапки вроде кепи и хором сказали:

– Добар дан, госпо барон и господжинцы.

– Добар дан, српски юнаки, – ответила я им на их родном языке. – Откуда вы?

Они стали наперебой рассказывать, что они сербы из Баната, крестьяне-землеробы. Тяжело им было жить под венгром и австрияком, которые старались заставить их забыть свой язык и национальность, закрывали их школы, запрещали книги и газеты «Да ми су мадьярни», потом забирали их в армию воевать с руссами, но не пошли они против братьев, которые кровью освободили сербов от турецкого ига, и сдались без выстрела в плен.

Молодой стройный красавец Степа Барачкович говорил, а другие два поддакивали и продолжали мыть колеса пролетки, заляпанные грязью после вечернего дождя. Затем стали просить, нельзя ли им достать газет по сербски, или по русински, то есть по украински, потому что по русски им еще трудно понимать.

Я ответила, что русинские газеты есть только в Киеве, а дядя грустно покачал головой и сказал:

– Вот он, наш позор: крестьяне из Бената не могут жить без газет, а нашему русскому мужичку газета нужна только на раскурку...

Сербы между тем стали просить, чтобы дядя разрешил им купить табаку, потому что махорку они курить не могут – дерет горло и стали трогательно умолять меня, господжинцу, достать им хоть одну книжку, или брошюрку на родном языке. Сердце мое задрожало, когда я почувствовала, какая огромная тоска по родине и по всему родному таилась в этих скромных словах. И пока дядя распорядился, чтобы извозчик на другое утро купил им в городе табаку, или папирос, написала письмо папе, прося немедленно выслать мне сборник сербских песен Вуку Караджича. Книга пришла дней через пять, в воскресенье. Сербы с утра пошли в церковь, а потом, пообедав, устроили во дворе, возле амбара танцы. Наши русские рабочие, парни и девушки кольцом окружили их и с любопытством смотрели на сербов, водивших свое старинное «Коло» (танец вроде хоровода), а затем плясали нечто среднее между венгеркой и полькой под дудочки, которые успели себе вырезать из камыша. Попробовали они пригласить дюжину, но те, может быть смущенные нашим присутствием только закрывали лицо вышитыми рукавами рубашек и тихонько хихикали в ответ.

В перерыве между танцами я показала им книгу. Надо было видеть, как они обрадовались, увидав слово на родном языке. Я с трудом объяснила, им, что учусь на курсах – студентка, потому что слова курсистка они не поняли, что учу сербский язык, но не живую речь, а историческую грамматику его.

Один из пленных, пожилой сорокалетний Пайя (Павел) Саввоич сел на ступеньки амбара и стал громко читать сербские былины. Остальные слушали его, точно Евангелие. Когда чтение окончилось, я попросила их научить меня правильному сербскому произношению, и после этого Степа Баранович, окончивший, кажется, в Загребе, среднюю школу, несколько раз читал мне вслух песни: «Девет Бритов, двет Юговичей», «Ксовку-евојку», «Марко Краљевича и Сокко», Марко Краљевича и

орле". Косове поле и другие сербские эпические былины, которые дал нам выучить Лукьяненко к экзамену.

Я быстро, на слух, уловила трехударный, эпический размер стиха, почти тождественный с русским былинным ладом. Научилась производить гласные словообразующие "Р" и "Л" – так называемые сонанты, почувствовала произношение долгот и согласное мягкое "Л" похожее на среднее "Л" из полтавского говора, но несколько тверже. Осенью на экзамене все эти особенности сербского языка привели Лукьяненко в восхищение и, поставив мне "отлично" по сербскому языку, он снова посоветовал мне еще раз прийти к нему и сдать славянский, чтобы получить за него "отлично" и не портить себе диплома этой единственной тройкой. Но нахлынувшие политические события не дали мне охоты снова браться за этот грузный и набивший оскомину предмет.

Прошло недели две. От обильной, но грубой требуховской еды сербы стали болеть желудками: не по нутру пришелся им черный ржаной хлеб, такой тяжелый и кислый после белоснежной банатской, знаменитой на всю Европу пшеницы. Она привыкли есть фасоль, курить легкий табак, есть виноград, пить настоящее кофе, а в Требухах ели они гречневую и пшеничную кашу, борщ или щи из капусты, картошки, пили молоко или сай, жажду утоляли квасом.

Однажды они пришли к дяде и вежливо стали просить господина барона дать им кофе. О суррогатах вроде ячменного или овсяного кофе тогда и слуху не бывало, а кофе можно, товар импортный, привозившийся из Аравии, Турции, Бразилии и с острова Мартиники вздорожал от 75 копеек за фунт до 10 рублей и даже для нас варили его только раз в день, а не утром и после обеда, как раньше. И то, тетя Женя, по свойственной ей деликатности и родственной чуткости не раз охала за столом, что его много выходит... Поневоле пришлось дяде им отказать, хотя каждая их просьба приносила дяде душевную боль.

– Бедные сербы, – говорил дядя. – Я отлично понимаю, что им тут не сладко. Но посудите сами: не могу я им давать другой стол, чем своим русским рабочим. Для них они по прежнему враги, солдаты неприятельской армии, которые убивали их отцов, братьев, мужей. Наши мужички сочли бы меня просто изменником. А между тем надо что-то придумать.

По совету кого-то из гостей, он велел нажарить зерен ячменя, смолоть их, купить цикория из этой смеси варить им эрзац-кофе, а мы с мамой дали возчику три рубля и тот привез на другой день 80 фунтов сахарного песка, которые мы и вручили сербам под видом подарка от международного красного креста.

Просили сербы варить им фасоль, но фасоль была в Белоруссии редкостью и на этот раз дядя снова им отказал. Зато разрешил им брать каждый день из сада полсотни яблок-падалиц.

Однажды приехали под вечер гости: генерал Тихменев из Ставки, супруги Аненковы и внучка Данзаса, секунданта Пушкина, за ними приехал в штабном авто и Скалон. Когда я по какому-то делу пробегала через переднюю, вошел вдруг один из сербов и сказал мне, что он к барину с просьбой: надо отправить в больницу самого молоденького из них Йована (фамилии не помню), который уж вторую неделю болеет тяжелым кровавым поносом.

– Помоги, любяб господжица, – говорил он ломаным русским языком. – Умриe Юнак, надо спасти его. Один сын он у матери.

Я тихонько вызвала дядю и дядя попросил меня самой распорядиться, чтобы утром его посадили на одну из подвод, везущих в город молоко (у дяди были больше большие поставки в город свежего молока в больницу, в ресторан, в интернат и в госпиталь земского городского союза), и сдали в больницу.

– А пока посмотри, что с ним. Вот тебе ключ от аптечки. Видишь сама сколько гостей, – добавил он.

Я достала солон, опиум, ваты и клеенки для согревающего компресса и пошла в семейную.

...Тускло коптила под потолком засиженная мухами семилинейная лампочка. По темным от копоти бревенчатым стенам шурашали усатые черные тараканы. Пахло горячим черным хлебом, квасом и какими-то травами, висевшими по стенкам пучками. На лавке, покрытой свежим сеном, под своей тощей австрийской шинелькой лежал Йован. Я не сразу увидела его в полумраке. Баба-хозяйка зажгла огарок и посветила мне, и тогда рассмотрела я его страдальческие черные с поволокой глаза и ужаснулась, увидев, во что превратила его болезнь. Прозрачно-бескровный и бледный, как Борис и Глеб с картин Нестерова из Киевского Владимирского собора тянулся он ко мне исхудавшими руками с неестественно длинными от худобы пальцами.

– Помирает парнишка, – с крестьянской жестокой простотой говорила стряпуха. – Кровью ходит, ничего не ест, только пьет квас, да стонет.

– Нельзя ему квасу, – с ужасом вскрикнула я. – Квас для него теперь – отрава. – Почему вы раньше ничего не сказали.

– До чего довели человека, – говорила я, раскрывая пузырек с опиумом.

– Да кому говорить было? Барин неделю в городе был, а барыне боялись докладывать.

Старуха сказала правду. Дядя неделю был на земском собрании, а тетя... ей предпочитали вообще ни о чем не докладывать. Я приказала подать кипяченой воды, дала больному три капли опиума с таблеткой солола и стала готовить компресс.

Но Йован отрицательно покачал головой.

– Не надо: Я умру. Зачем это... Пиши майке письмо, гоподжица. Туда, в Банат.

Я не сразу поняла, что шептал он мне тихо, прерывисто.

– Письмо просит написать, барышничка. – У него уже силы нет. Все про майку якусь то говорит, – объяснила стряпуха.

– А чего хочет – не разберешь: австрияк ведь.

– Майка – это мать, строго объяснила я. – И он не австрияк, а серб. Это народ из нашего племени, братский нам русским. Австрийцы насильно взяли его на войну, а они в плен сдались, чтобы не проливать за немцев нашей крови. Бедный мальчик, плохо ему, вот и вспоминает мать.

Стряпуха удивленно взглянула на меня, потом вздохнула.

– Кто ж его знает... Мать... Вишь ты... А мы то...

– Письмо, господжица. Молю, письмо... – прошептал снова Йован и схватил меня за руку своими тонкими пальцами.

– Напишу. Сейчас напишу. Принесу только перо и бумагу. Вихрем помчалась я в дом, прямо к нам в комнату, достала из чемодана перо и карманную чернильницу.

Слабая улыбка скользнула по лицу умирающего, когда он увидел перо и бумагу. Диктовал он тихо и медленно и от слабости и потому, что понимал, как трудно мне писать по сербски, ловя слова по слуху и часто плохо улавливая их смысл.

... Тяжело умирать одному, на чужбине. Земляки любят и жалеют меня. Никто меня здесь не обижает, но жизнь тут не такая, как у нас, и болезнь очень тяжелая. Земля тут бедная, пшеница не растет и хлеб тяжелый, кислый и черный, как наша земля... Не плачь, любя майка, по своему сыну. Одна ты была у меня на свете. Ты все сердце свое отдавала мне. Спасибо тебе за все: за ласку, за тяжелый батрацкий труд у проклятого шваба-барона, за руки мозолистые, за ночи бессонные... Хотела вывести меня в люди, не ждала беды...

Не успел я ничего сделать в жизни – ничем не вернул тебе все, что ты для меня сделала... Сгубила нас проклятая война.

Но я остался чистым: не обагрив рук человеческой, братской кровью. Не опозорил себя перед сербской землей. Не стал швабским наумитом...

Больно мне, что никогда-никогда не увижу тебя, но ты не плачь. Если есть “тот свет”, я часто буду витать возле твоей белой хатки. Не огорчай меня тогда слезами: значит, так надо было... Земляки, побратимы мои найдут к тебе, расскажут тебе, как мне тут было, принесут тебе мой последний привет.

Прими их, как родных сынов, братьев моего страдания. Они много скрасили мне мою темную горькую жизнь. И не кляни русских. Они – темные бедные люди, согнанные жизнью в землю, как плакучие деревья...

Я писала, напряженно ловя каждый звук, чтоб не запутаться, не исказить чужие незнакомые слова, а слезы застилали глаза и клубок рыданий подступал к горлу.

– Не надо писать о смерти: ты поправишься, – пыталась я его морально поддержать, но голос выдавал меня и я не в силах была придать ему твердость.

А Йован с неожиданной строгой простотой остановил меня.

– Пиши, господжица, что говорю: “Она” уже во мне, – сказал он и я молча опустила голову.

– Дойдет ли письмо? – повторил он два раза, когда я написала адрес.

– Дойдет. Я пошлю его заказным, даже сниму копию, чтобы вторично послать, если не будет ответа, – сказала я и на этот раз твердо, как клятву.

Гости сидели в столовой за ужином. Звенели рюмки и серебро. Легкая непринужденная беседа не прерывалась, когда я вошла в столовую. Только дядя отодвинулся и краю, чтоб уступить мне место.

– Ну как там? – спросил он взглядом.

Я молча опустила глаза, а тетя Женя вдруг с театральным смехом крикнула с другого конца стола.

– Ну, что поставили клизму этому сербскому мужчинке? Кстати Фиалка, наша свиноматка, тоже заболела поносом: Пойдите, поставьте клизму и ей, раз вы такая сердобольная.

Гости с недоумением переводили глаза с меня на тетю Жанн.

– Лечите своих свиней сами, – громко и отчетливо сказала я.

Потом обернулась к дяде и тете, мягче сказала:

– Поздно дядя, его лечить: он умирает.

В комнате стало тихо-тихо. Я встала, молча вышла из столовой и, не выдержав, хлопнула дверью.

В эту минуту я ее ненавидела.

Гости почти тотчас уехали.

Дядя всю ночь просидел над Йованом, давая ему красное вино, вспрыскивая камфору, а на рассвете запрягли рессорную бричку, чтобы не растряссти его и отвезли в Польшковичи, в земскую больницу. Там пожил он еще двое суток и тихо умер.

В тот же день вернули из леса всех сербов, работавших на заготовке дров к зиме, и они сами сделали ему гроб, покрасили его и убрали цветами, а на могиле поставили большой дубовый крест с венком из дубовых листьев.

Вскоре стали мы собираться домой. Накануне отъезда в сумерки, когда в Требухах, по обыкновению, все сидели дома, боясь туманов и вечерней сырости, я ушла одна из дому проститься с милой колыбелью своего детства. На душе была невыносимая тоска, точно хоронила я кого-то близкого и бесконечно дорогого. Все прошлое и забываемое стояло пред моим мысленным взором и впервые в жизни пришла в голову мысль, что жизнь – это вечное прощанье с чем-нибудь или с кем-нибудь дорогими.

В липовых аллеях старого сада было уже темно: Своды высоких старых лип смыкались высоко над головой точно аркады готического собора. Сквозь неподвижную зелень чуть мерцали отсветы заката. Я прошла одну аллею, другую, свернула туда, где в годы детства моего был глубокий тенистый пруд, и села на скамье против старого дуба, не раз опаленного молнией и уже наполовину засохшего, простилась и с ним, потом свернула влево, открыла калитку, полускрытую в густой стене стриженных елок, окаймлявших сад, и спустилась у Днепру.

Закат уже погас. Днепр лежал в своих обрывистых но невысоких берегах, точно большое тускло-свинцовое зеркало. Черно-синей щеткой лежал над Днепром, на высоком поемном берегу лес, правее, тоже среди уже поредевших лесов, чернели хатки Кострицы, Колесница и Павловки и кое-где вспыхивали в них подслеповатые, тусклые огоньки. Проехал на душегубке бакенщик и на излучине Днепра зажег сигнальный огонь.

Невыразимая печаль была в этом сумеречном пейзаже, вечернем безмолвии, где только всплеск рыбы изредка морщил черную гладь...

Долго стояла я так, стараясь навеки запомнить каждую линию днепровских берегов, каждый холм заречного поемного берега и слезы тихо накатились по моему лицу...

Ехали мы обратно в вагоне штаба верховного главнокомандующего. Папа встретил нас на вокзале и с вокзала мы прямо поехали в Святошин, к себе на дачу.

Месяц в Святошине пролетел незаметно и к началу Волиных занятий в гимназии мы были в городе.

Шел третий год первой империалистической войны, которую правительство пыталось назвать и объявить отечественной, но это название так и не пришлось в народе... Понемногу росли цены на продукты питания, особенно на импортный товар, на чай, кофе, ваниль, тропические и субтропические фрукты, какао и шоколад. Беднее стал выбор материй в галантерее: сказывалась потеря Жирардова. Варшавы и Лодзи, где была сильно развита легкая промышленность. Трудновато было и с обувью, а как раз вошли в моду высокие серые замшевые сапожки на шнурках, доходившие почти до колен и впервые после многих десятилетий юбки стали носить не до земли, а открывающая ступню и перехват ноги "у косточки". Такие сапожки стоили 40 рублей и мне, как ни хотелось бы их иметь, и в голову не приходило просить маму купить мне их.

Новой темой у нас в семье стала Волина гимназия. Приходя после уроков домой, он подробно рассказывал нам, что было в классе, какие были уроки, какие шалости на переменках, так, не зная их, хорошо узнали мы всех его учителей, товарищей, начиная от элегантных первых учеников вроде Джона Богацкого, Глуздовского, братьев Клингенберов, кончая хулиганистыми парнями с камчатки как Гордасевич, Малиженовский и другие. Подружился он с сыном адвоката Андриюшей Балясным и Джоном Богацким, поляком из Варшавы, сыном генерала Богацкого, погибшего на фронте в первые дни войны. Джона на самом деле звали Иваном, но это имя казалось ему весьма вульгарным и он англизировал его по своему вкусу.

С первых же дней Воля тоже зарекомендовал себя, как один из лучших учеников: по всем предметам шел он на круглых пятерках и даже возбудил у Джона некоторое чувство зависти.

С большим юмором рассказывал Воля как ненавидел их француз мсье Серму немец и все немецкое. Не только на уроках говорил он об этом, но даже в учительской не мог сдержат своей ненависти и частенько наскაკивал на хромого немца Дрешера и кричал ему в лицо, как горластый галльский петух:

– Мы с них сорвьем последний рубашка! Мы будем требовать с них реперосьон за всьо. Мы их прогоним за Рейн и будем отбирать наш Альзас и наш прекрасный Лорэнн.

А Дрешер испуганно отковыливал в угол и из угла огрызался:

– Нун, это мы будем посмотрэтъ. Пока Ваш фюффер не стоит на Эльба абер (...) наш вермахт стоит на Марна и унтер Верден, Эсс!

Учителя в Александровской гимназии были опытные, хорошие педагоги и ученики любили и уважали их. Исключением был учитель математики Воловик, которого ученики и не любили и не уважали. Это был неумный и неопытный учитель: как то на экзамене, когда Воля был еще экстерном, он дал неправильную по условиям задачу. Понятно, никто ее не мог решить. Отец одного из экстернов проверил задачу, нашел ошибку в условиях и помчался к директору. Тогда всем экстернам дали повторный экзамен и все, как один, решили другую задачу. Надо же было, что Воля попал в класс этого незадачливого Воловика!

Мальчики всячески старались досадить ему: мстили за черствое, сухое и придиричливое отношение, за серые скучные уроки и презирали его за то, что он, призванный в армию, как офицер запаса, остался в тылу. Подозревали, что сделал он это темным и незаконным путем. Как всех нелюбимых педагогов, ученики, как всегда водилось, нелюбимым учителям давали прозвища, так и Воловика прозвали гимназисты Шпонькой, а Воля сразу уловил характерные черты его наружности и частенько изображал Шпоньку-Воловика на листе бумаги. Кто-нибудь приносил воздушный шарик, к шарик у прикрепляли карикатуру и пускали лететь под потолок в огромном двухсветном вестибюле гимназии. Шпонька летал под потолком, а мальчики в диком восторге орали:

– Ура! Шпонька летит! Шпонька!

На шум появлялся директор или инспектор добрейший Варсонофий Николаевич Иванов, тоже преподававший математику. Приказывали служителям поймать шарик. Те вооружались длинными щетками для чистки потолков от пыли и паутинок и начиналась работа. Долго увертывался легкий шарик, покамест не удавалось загнать его в угол и ловким ударом щетки раздавить. Громко лопнувший шарик падал на ступеньки, а ученики снова подымали оглушительный радостный визг:

– Урра! Шпонька подох! Урра: нет больше проклятого Шпоньки!

И никто не подозревал что все эти карикатуры выходили из-под Волиного карандаша, такого изящного и на вид скромного до женственности мальчика, которого всегда ставили в пример всему классу, как образец воспитанности и дисциплины.

И класс, конечно, никогда его не выдал, даже тогда, когда это выходило за пределы обычной мальчишеской шалости.

Наряду с очень воспитанными и развитыми были в их гимназии и второгодники, сидевшие на задних партах и поэтому носившие стародавнюю кличку “Камчатки”. Но надо правду сказать, что Александровцы высоко держали знамя своей гимназии и как лучшей и самой старой из Киевских гимназий, уже отпраздновавшей столетие со дня ее основания. В актовом зале на мраморных досках много было знакомых Киеву и даже всей России фамилий бывших ее воспитанников. Был среди них и наш дедушка, Александр Данилович Тулуб. И никто не сетовал, что в этой гимназии программа широкая и требования больше, чем во всех прочих гимназиях. Интересно, то, что исключенные из Александровской гимназии ученики, попадая в другую гимназию, из двоечников становились отличниками и шли на круглых пятерках, а первые ученики, попадающие в Александровскую гимназию долго не могли идти в ногу с классом и нахватаывали немало троек, покамест не подтягивались к общему уровню класса.

Уже в четвертом и в пятом классе издавались у них рукописные журналы и Воля вскоре стал постоянным художником иллюстратором издававшегося в их классе юмористического “Журнала”, то есть журнала юмористики.

Настала зима. В Киеве впервые за всю мою жизнь и жизнь моих родителей стали брать по реквизиции комнаты в частных квартирах и вселять в них военных, так как Киев стал главным тыловым центром всего южного фронта. Боясь уплотнения, мы пригласили к нам нашу святошинскую соседку Лелю Карицкую, ученицу последнего

курса Музыкального училища, только что переименованного в консерваторию. Родители Лели остались зимовать в Святошине, так как цены на квартиры сильно поднялись, а Лёля ездила из Святошина почти каждый день в Киев. Жить в Киеве она не могла, так как это тоже сильно “кусалось” в смысле расходов. А между тем, Леле надо было обязательно посещать все концерты пианистов, все симфонические и все ученические вечера в самой консерватории. Концерты кончались поздно, и после них она не могла попасть на последний трамвай, уходящий в Святошин зимой в начале двенадцатого, а главное не из центра города, а с Шулявки, с угла Керосинной улицы, или с улицы, ведущей к Кадетскому корпусу, поэтому ночлег у нас по два раза в неделю был ей очень удобен и она охотно дала нам свой паспорт, чтобы прописать ее в нашей квартире, как квартирантку. Каждый раз она играла нам Шопена, Бетховена, Рахманинова и Скрябина и до поздней ночи затевала со мной и Волей веселую кутерьму, приятно разнообразившую нашу строгую и безмолвную жизнь. Конечно, никому из нас не пришло в голову брать с нее плату за ночлег: это была взаимная дружеская услуга: имея такую почти фиктивную квартирантку, мы спасали себя от уплотнения, потому что фактически комната оставалась с нами, а Леля не рисковала быть ограбленной или убитой на Шулявке после концерта. Ждали мы ее всегда с удовольствием, как милое симпатичное и веселое существо и даже в шутку звали Волиной невестой, хоть и была она старше его лет на пять, если не больше.

Училась она тогда в классе пианиста Добкевича, а потом перешла к Генриху Густавовичу Нейгаузу, знаменитому пианисту виртуозу, и ныне проживающему в Москве. Вообще, став из училища Консерваторией, наша киевская Консерватория сразу пополнилась крупными музыкальными силами: директором ее стал Рейнгольд Моринович Глиэр, бельгиец по национальности, уроженец Киева, Нейгауз и Беклемишев стали вести классы пианистов, класс скрипки вел Эрденко – вообще музыкальная жизнь Киева оживилась и стала много интереснее прежнего, хотя и раньше статистика ясно говорила о том, что Киев – крупный музыкальный центр уж хотя бы потому, что количество клавишных музыкальных инструментов (роялей и пианино) на душу населения был выше, чем во всех прочих городах тогдашней России.

Да и концерты у нас всегда были первоклассные: не раз играл в Киеве Рахманинов, Скрябин, дирижировали лучшие дирижеры Европейских столиц, а певцы охотно приезжали в Киев из Милана и Праги, Парижа и Вены, Варшавы и Лейпцига, не говоря о Москве и Петрограде. Слушали мы и Титто Руффо, и Режину Пикерт, и Д’Ансельми, и Собинова, и Шаляпина, и Пирогова, а Гальтеро Боссэ, Цесевич, Воронец, Зубаров, Бочаров, Селявини и многие другие хорошие певцы служили в Киеве годами.

У нас лично кроме Лели бывали и певицы: Татьяна Ивановна Гаращенко, кончающая консерваторию по классу пения у Шперлинг, Ольга Юрьева-Адешелидзе, Галина, подруга по гимназии (из Лубен) часто слушали мы дома в прекрасном исполнении арии Тоски, Гальки, письмо Татьяны, сцену у зимней канавки “Пиковой Дамы” и многие чудесные романсы Глиэра, Рахманинова, Чайковского, Глинки и других композиторов. Зато цыганщины и легкой музыки я не выносила и никогда принципиально не бывала

на концертах знаменитых эстрадниц того времени вроде Вари Паниной, Плев (...), Вильцевой, Изи Кремер.

Всю эту осень и начало зимы 1916 года мы с большим вниманием и интересом прочитывали отчеты о заседаниях Государственной Думы. Печатались эти стенограммы в газетах (особенно левых) без купюр. И по ним становилось ясно, какое огромное и все растущее недовольство правительством охватывает население страны: не только левые социалистические партии выступали с думской трибуны с откровенной и резкой критикой правительства, не только партия центра – кадеты, произносили блестящие по форме громовые речи, но даже монархические правые партии вроде октябристов начинали переходить от постоянного фимиама царизма к осторожной раболепной по форме, но все же критике наших порядков.

Если при выборах в первую Государственную думу большевики бойкотировали наш слишком куцый и почти бесправный “парламент”, то теперь они широко пользовались думской трибуной, так как думские речи не могли быть запрещены в печати. Депутат на заседаниях пользовался полной свободой слова, все сказанное им на другой же день появлялось в газетах в сотнях тысяч экземпляров и таким образом доходило до самых широких масс населения. Правда, за слишком “крамольные речи” депутата исключали на несколько заседаний, но на следующем заседании другие товарищи говорили еще ярче, резче и снова добивались своего.

Жаль только, что в те времена три четверти русского народа было безграмотным. Да и малограмотные далеко не все читали газеты. И все же пресса была и тогда могучим средством воздействия на умы, открывавшим глаза многим на многое.

– Так дальше продолжаться не может.

Это слышалось и в студенческих аудиториях, в заводских цехах, и в передовых окопах, и в военных казармах, и в семейном кругу большинства интеллигентов, даже в магазинах и на улицах. В армии были тогда не только юные парни, но и бородатые отцы семейства, и почти все наше студенчество, принужденное надеть серую шинель и золотые погоны. Кадровых офицеров становилось все меньше, а вчерашний студент не мог относиться к солдату, так как большинство кадровых военных, впитавших с детских лет все предрассудки офицерской касты, подменявших священный долг защиты родины холопским понятием защиты дома Романовых и старого прогнившего строя. Они защищали Россию от иностранных захватчиков, а не фабрики и заводы, банки и латифундии толстосумов, для которых был дорог царизм.

Даже в среде гвардии, монархистов и ...великих князей многие хоть и вкривь и вкось понимали, что надо как-то реабилитироваться в глазах народа и цивилизации, но как это сделать не понимали и ограничились тем, что вместе с крайним правым депутатом Пуришкевичем, бессарабским помещиком, убили Гришку Распутина, чтобы смыть с дома Романовых хотя бы одно позорное пятно...

Но все это было не то, чего хотелось массам.

Даже на фронте и в генеральном штабе творилось что-то непонятное. Первые удачные дни для войны сменились полугодовой полосой неудач и отступлений из-за того, что не было снарядов и оружия; но затем началось сравнительно удачное летнее наступление 1916 года на южном фронте, которое развивалось хоть и не остро,

но успешно, начавшись в нескольких одновременных прорывах австро-германского фронта и несколькими клиньями, вбитыми в их оборону, но вдруг бои захлестнулись, выдохлись, хотя, казалось из местных тактических успехов могли перейти в крупный стратегический успех. Фронт замер, даже местами подался назад и даже пролитая народная кровь оказалась новой бессмысленной жертвой чему-то неведомому.

В народе поползли слухи об измене. В измене обвиняли жену царя, немку Александру Федоровну, которую по прежнему знали в народе Алисой Гессенской, или даже ядовитую гессенской мухой, которую ненавидели даже в придворных кругах, а с нею и окружающих ее немцев, или остзейских немцев, хоть и русских поданных, но откровенно ненавидящих нашу страну.

Военные неудачи были тем обиднее для национального самолюбия, что на западе французы перешли в наступление и медленно, но упорно ломали острие изогнутого почти под прямым углом немецкого фронта и пядь за пядью выбивали "бошей" из родной земли.

Еще летом, в Требухах, я не раз расспрашивала Скалова, что это значит. Он только руками разводил, или говорил что-нибудь вроде:

– Видите ли, очевидно в игру вступили силы, чуждые нам, стратегам. Часто соображения высокой политики то стимулируют, то парализуют боевые операции. Вы, как историк, можете сами это понять, а мы, люди военные, в это не вмешиваемся. Вспомните хотя бы походы Суворова: и его, военного гения, часто толкали туда, куда идти ему вовсе не следовало. Где уж, нам, грешным, претендовать на большее!...

Но невольно губы его при этом складывались в горько-саркастическую складку человека, которого оскорбляет все окружающее и выбивает почву у него из-под ног...

Война была навязана нам извне. Сцепились из-за дележа колоний и рынков все крупные и капиталистические державы, а мы должны были воевать в силу верности союзным договорам. Но все-таки хотелось, чтобы пролитая кровь была не бессмысленной и оправдалась хотя бы каким-то проком для родины. Слишком уж обидно и больно за убитых и искалеченных за чужую выгоду людей – за все муки, что терпел почти весь наш народ в окопах – в холоде, во вшах, в грязи и сырости, измученные и истерзанные физически и морально...

А царизм ничего не видел, не понимал и окончательно потерял здравый смысл, и даже присущий всему живому инстинкт самосохранения: в тылу, накаленном до близкого взрыва, свирепствовала охранка. Добрая половина Европейской России под соусом близости фронта, была объявлена на военном положении, а в силу этого всякое политическое и даже уголовное дело решалось с окружным судом и присяжными заседателями, как было написано на своде законов, даже не судебной палатой с словесными председателями, а самым настоящим военно-полевым судом по законам военного времени.

А всякий из нас прекрасно знает, что такое военный суд: это смертная казнь почти за все "преступления", за которое обычный суд присяжных вынес бы или оправдательный вердикт, или дал бы год-два лишения свободы, без лишения прав.

И смертные казни не прекращались.

Вынесенный смертный приговор после утверждения его передавался для исполнения окружному суду. Это было больше, чем издевательством над всеми принципами права и законности. И читать под виселицей приговор приходилось по очереди всем товарищам прокурора и секретарям киевского окружного суда.

Молодые юристы изнывали от этого мучительного и позорного служебного долга, сказывались большими, прямо отказывались, старались уехать в командировку, лишь бы увидеть от того, что возмущало их до глубины души, претило их понятиям о праве и христианской морали и будило глубокую ненависть ко всякого рода делам заплочных дел мастеров. А так как папа славился в юридическом мире, как образец гуманности и как человек огромной душевной чистоты и к тому же талантливый поэт и литератор – все они, даже правые, но испорченные и неokaменевшие в своей бюрократической косности – шли к нему со своей душевной раной за теплым словом, за моральной поддержкой и за советом: как быть...

Богатым обеспеченным юношам папа советовал немедленно подать в отставку, а нервным и слишком впечатлительным взять медицинское свидетельство от невропатолога о том, что подобное зрелище противопоказано ему, но это было только средством перебросить мучительную ношу с одних плеч на другие.

Был даже случай, что один молодой юрист упал под виселицей в обморок и после этого пришлось положить его в больницу.

В ту ночь, когда должна была совершиться очередная казнь, (а казней бывало не мало), папа не мог лечь спать. Под каким-нибудь предлогом он обрывал со мной обычную нашу литературную беседу и либо шагал часами из угла в угол по своей комнате, мысленно представляя себе подлейшую и душераздирающую сцену, как живого здорового человека ведут убивать, и душа его разрывалась от чувства бессильной ненависти к режиму, который допускает такое подлое дело, да еще и облакает его в формы законности, прикрывает правовыми нормами. Все его существо содрогалось от душевной муки и иногда, не выдержав он выбегал на улицу, тихую и пустынную в эти поздние ночные часы и долго стоял на углу Большой Житомирской, покамест не проезжала мимо наглухо закрытая темная карета, окруженная конными полицейскими с шашками наголо, в которой везли осужденного на Печерск, чтобы в крепости, прочесть ему смертный приговор и затем смотреть, как корчится он в петле в смертных муках и не помочь ему, не вырвать из петли, а ждать, пока прекратятся его корчи и бледный от волнения врач не констатирует, что приговор приведен в исполнение.

Папа долго не мог возвратиться домой. Долго шагал он по гулким плитам тротуаров и не мог найти покоя своей смятенной душе.

Всю свою жизнь он был противником смертной казни. Покамест казни бывали редким и единичным явлением, он не принимал так близко их к сердцу, но с каждым годом он все острее ощущал пропасть между принципами истинного права и окружающей жизнью. Где только мог – в Юридическом обществе при Киевском университете, на банкетах в годовщину учреждения судебных уставов, на страницах газет под псевдонимом и без него – он выступал активным борцом за то, что человек не имеет права убивать себе подобных, что смертная казнь – недопустима в системе наказаний за преступления, потому что в любом случае можно пересмотреть дело, обнаружить су-

дебную ошибку и значит исправить допущенную несправедливость, а казненного уж ничем не воскресить... В годы моего раннего детства он так гордился тем, что в русских уголовных законах нет смертной казни, а теперь на склоне жизни ежедневно сталкивается с нею на страницах газет, где печатались прощальные письма казнимых, в суде, где отбывшие казнь приходили ответить с ним душу и рассказать ему все подробности этого жуткого акта произвола нашего проклятого царизма. И приходил он из суда домой душевно разбитый, надломленный и нигде и никогда не мог забыть о том, что за стенами Лукьяновской тюрьмы сидят другие смертники, которых тоже через несколько дней провезут мимо нашего дома глухою ночью, чтобы надеть им на шею петлю...

Воля был слишком мал, чтоб посвящать его в эти переживания, мама – слишком нервная и только со мною папа часто говорил об этом. Я мысленно холодела, слушая его рассказы, но надо было как-то морально поддерживать папу и я старалась не показывать, как это тяжело слушать и старалась свести беседу на что-либо другое, отвлечь папу от этой мысли, которая стала кошмаром его совести и всего существования.

Настал 1917 год. Прошли январские морозы и февральские снежные бури. За эти месяцы в нашей семье не произошло почти ничего нового: в октябре назначили нам вместо сосланного Кнауэра нового санскритолога Дложевского, молодого доцента, с которым мы познакомились на первом курсе, когда ездили с Мециусом в Межигорье. Тогдашний студент-дипломант успел за эти годы сдать государственные и магистерские экзамены. Приятно было наконец избавиться от самого тяжелого на всем факультете экзамена, который некому было сдать в течении двух лет. Летом я хорошо изучила эту ненавистную “Инду”, как звали мы сравнительную грамматику индо-европейских языков и, по обыкновению, получила у Дложевского отлично. Только один церковно-славянский язык, по прежнему портил вид моего заполненного до отказа матрикула, но пересдавать его я не собиралась.

Перед экзаменом я в шутку сочинила пародию на арию Руслана из оперы Глинки.

«О, Инда-Инда, кто тебя
Измыслил тухлыми мозгами?
Какой дурак тебя зубрил
В последний час перед ответом.
Кого профессор провалил
С улыбкой адскою при этом.
К чему, зачем ты нам нужна?
Предмет проклятый, нежеланный,
Лишивший отдыха и сна.

Так покончила я наконец со славяно-русским отделением.

Что же касается отделения исторического, то и на нем мне оставалось для получения свидетельства об окончании всего 5-6 предметов. Но события жизни стали отвлекать меня от истории и я так и не подготовилась к этим последним экзаменам.

Этой зимой внезапно дали папе прибавку к жалованью “на дороговизну”. Это пришлось весьма кстати, потому что цены хоть и медленно, но росли и снова стало трудно сводить концы с концами.

Появились и новые деньги. Народ вскоре окрестил их “Керенками”, хотя появились они не при нем, а за несколько месяцев до февральской революции и выдавались в неразрезанном виде большими листами хрустящей бумаги. Керенки-двадцатирублевки были песочного цвета с темно-коричневыми надписями, а сорокорублевые – зеленые с надписями красно-коричневого цвета. Вместо мелкой серебряной и медной монеты уже давно были в ходу почтовые марки с изображением царей Николая второго и первого кажутся.

На железных дорогах начались перебои в движении. Судя по газетам, в Петрограде начались перебои со снабжением хлеба и женщины впервые в жизни узнали тяжелую и новую повинность – стоять в очередях перед булочными. Чтобы как-то выйти из положения придумали “товарные недели”, когда совершенно прекращалось пассажирское движение и все станции были открыты только для грузового движения, но, видимо и это не помогало. Да и по всей России на железных дорогах творилось нечто невозможное: ехали с фронта в отпуск, ехали на фронт после ранений, вагоны были нагружены так, что и сидеть было трудно, и в силу этого появился сыпняк...

Пока его было сравнительно мало, но все же езда по жел. дорогам сопровождалась призраком заражения этой тяжелой и опасной для жизни болезнью.

Настал февраль, а с ним обычные в Киеве ветры и метели.

И почти одновременно началась та великая буря, которую ждали как освежающей грозы, так нужной и желанной для всех.

Дня три не было никаких известий о том, что творилось в Петрограде. Жители Киева выбились из колеи. Все валилось из рук, все бегали по знакомым, соседям и родственникам и вместо обычных до этого вопросов: “Как поживаете?” бросались друг к другу с тревожным и жадным вопросом: “Что слышно? Что нового?” Газеты выходили какие-то странные. Рядом с горячими статьями бросалось в глаза почти полное отсутствие телеграмм. Исчезли и ежедневные сводки с фронта. “От штаба верховного главнокомандующего”.

На курсах лекции шли, но я уже была почти что не курсистка: лекций я больше не слушала и если ходила на курсы, то чтобы узнать новости.

Но главным источником новостей стал папа. Телеграф не работал, но в редакции приходили железнодорожные рабочие из депо и из службы движения. Они то по своему железно-дорожному телеграфу и от машинистов проходящих с севера поездов знали многое, но пока только бросали отрывистые намеки, которые тотчас обрастали легендарными деталями, так что на наших глазах творились злые фантастические слухи и гипотезы.

Не помню точно, какого это было числа, папа пришел под вечер из редакции и на наши жадные вопросы и взгляды, полные любопытства и ожидания, взволнованно сказал, что по видимому в Петербурге началась революция, что там идут уличные бои, но чем они кончатся не известно и поэтому можно только выжидать. Долго сидели мы в этот вечер за керосиновой лампой, сохранившейся у нас для дачи и каждый из нас

строил разные догадки предположения. От размышлений общего порядка перешли к личным гипотезам. Я авторитетно заявляла, что теперь нам, курсисткам предоставят права мужских университетов и что осенью можно будет держать государственные экзамены, а затем остаться при университете. Мама волновалась за судьбу брата и старого требуховского дома и мы все старались ее успокоить говоря, что сознательный свободный народ никогда не пойдет ни на грабеж, ни на убийство: земля отойдет народу, а усадьба останется в виде дачи для летних каникул. Воля мечтал о том, что у них вычеркнут из программы латынь, хотя по латыни он шел на круглых пятерках, папа радовался, что на новый год он отказался от высокого ордена “Владимира”, за что пилили его многие сослуживцы, не понимавшие, как может коронный судья швырнуть обратно правительству такую высокую награду и упрекали в том, что он опозорил все судейское сословие подобной выходкой, прогремевшей на всю Россию.

Поздно легли мы спать в этот вечер и папа не раз спускался в швейцарскую, чтобы еще раз позвонить в редакцию и типографию, но оттуда ничего путного не отвечали.

На утро встали мы рано, утомленные долгой беседой, затянувшейся почти до трех часов ночи. Папа только оделся и бегло просмотрел в газетах, где снова место телеграмм было заполнено разным случайным материалом и быстро ушел в город, а мы с мамой остались дома. Воля, по обыкновению, рано ушел в гимназию.

Часа в три папа взволнованный и возбужденный влетел в квартиру и с порога сказал:

– В редакции есть сведения по линии местной организации социал демократов, что Николай отрекся от престола. Пока сведения получены через железнодорожников, но завтра об этом будет известно официально всем.

Я пристала к папе с вопросами, но папа только отмахнулся:

– Не мешай! Сегодня ночью снова казнь. Я должен спасти этого человека.

И не успела я вымолвить слово, как папа вихрем вылетел на лестницу и в лифте провалился вниз.

Обедали мы без папы. Второй день не горело электричество, поэтому вечером недолго просидели мы при керосиновой лампе, такой необычной в городе, и рано легли спать. Мы привыкли что папа приходит и уходит в любое время дня и ночи, куда ему нужно, или хочется, поэтому теперь ни капли не беспокоились его отсутствием, но, конечно, хотелось поскорее узнать, удалось ли папе задуманное. Я знала, что завтра он все расскажет нам с обычным своим мастерством рассказчика и мы будем все знать так ярко, точно видели все собственными глазами. Побаивалась я только за папины нервы и сердце, если его рискованные шаги потерпят фиаско, но усталость взяла свое и я уснула, зная, что завтра предстоит необычайный день, полный новых впечатлений и поразительных новостей.

Проснулась я внезапно, как от толчка. В дверях моей комнаты стоял папа там же, как в то утро, когда вернулся он от умершего дяди Коли. Он был в пальто нараспашку, без шапки, но даже в сумерках рассвета я увидела, что глаза его мерцают как звезды на утомленном и бледном от бессонной ночи лице.

– Я спас его. Казнь отменили, – сказал папа и, шагнув ко мне, сбросил пальто прямо на пол и широко открыл мне объятия. – Христос Воскрес, моя Зиночка!

Я встала на кровати в длинной белой ночной рубашонке до пят и обеими руками охватила его красивую мудрую голову.

Так встретили мы с ним РЕВОЛЮЦИЮ.

А теперь – спать... Спать... – заговорил папа через мгновение. – Господи, как устал и как проголодался!.. Ведь сутки маковой росинки не было во рту.

Я вскочила, что-то набросила на себя и на цыпочках, чтобы не разбудить маму, налила в столовой папе стакан холодного потемневшего чаю, достала булки, сливочное масло и быстро отнесла в кабинет, где спал папа, потому что там можно было спокойно побеседовать, никого не разбудив.

Глотая холодный чай, папа рассказывал, что добыв в окружном суде копию приговора и приказ о приведении его в исполнение, он помчался к председателю военно-окружного суда и потребовал отмены казни ввиду начавшейся революции и отречения царя, именем которого произнесен был приговор.

Председатель военно-окружного суда, хоть и слышал уже частным откуда-то образом о свержении царизма, побоялся своей властью совершить такое самоуправство, за которое в обычное время пошел бы под суд, но посоветовал папе обратиться к командующему войсками, потому что Киев на военном положении и он высшая в городе военная власть. Видно здорово струсил председатель военно-окружного суда, что пошел на такие советы он, подписавший столько смертных приговоров на своем веку!

Папа помчался к командующему войсками. Тот сначала категорически отказался говорить на эту тему. Тогда папа стал грозить ему гневом народа:

– Завтра толпа растерзает Вас и вздернет самого на первом фонаре. И я буду этого требовать – я, юрист, коронный судья, – кричал на него папа. – Нет больше императора Николая. Есть революционное правительство и государственная дума. И именем революции, именем республики требую отменить последнюю царскую казнь.

– Да вы успокойтесь, голубчик, – стал уговаривать его генерал. – Дело передано гражданским властям для исполнения. Достаньте дело и мы что-нибудь придумаем сообща. Отменить я тоже сам пока не рискую, но отложить это можно. И если ваши слова оправдаются, то осужденный будет этим самым спасен.

Папа еще раз заставил его дать честное слово, что он не отступит и помчался разыскивать гражданского губернатора. Тот был в отъезде, или не был дома. Тогда папа бросился к митрополиту. Пришлось даже слукавить и пойти под “благословение” и горячими взволнованными речами добиться того, что митрополит послал письмо генерал-губернатору, требуя именем Христа и Святителя Николая Мирликийского отменить казнь, поскольку власть предрешающая волей божьей низвергнута. Вместо гражданского губернатора папа разыскал чиновника особых поручений, а тот от имени своего патрона подмахнул бумажку, что возражений не встречается отсрочить казнь сроком на две недели, так как нет палача. С этой бумажкой папа снова помчался к командующему войсками и к генерал-губернатору.

Очевидно, пока он летал из одного конца города в другой, оба генерала по военному телеграфу кое-что разузнали, потому что приняли папу во второй раз куда любезнее,

даже предложили закусить, что папа отверг с негодованием, разве можно было думать о еде, когда человека ждет казнь!

Во время лихорадочных метаний по городу, папа растратил все бывшие с ним деньги на извозчиков и, выскочив на улицу с желанной бумажкой, обнаружил, что у него в кармане ни гроша. С душевной мукой бросился искать он извозчика и прямо сказал ему, куда и зачем ему надо ехать и, честно предупредил, что ездить придется, может быть до утра, и только утром дома папа с ним расплатится. Извозчик запросил целых десять рублей, но разве можно было торговаться...

И вот в первом часу ночи, а может быть и позднее (папа дома забыл карманные часы) папа поскакал из Липок на Лукьяновку в тюрьму, чтобы объявить о том, что казнь отложена и повидаться с осужденным, на что он имел, как судья, законное право. Извозчик нахлестывал свою клячонку, но... в тюрьме осужденного не было: его только что увезли в тюремной карете на Печерск, то есть на противоположный конец города и как раз в ту сторону, откуда папа только что приехал. Снова помчались обратно: извозчик не щадил своей лошаденки, а папа чуть с ума не сошел в пути, боясь опоздать.

Приехали на Печерск в крепость. Там не сразу пустили его, потому что папе невдомек было брать пропуск. Снова пришлось звонить по крепостному телефону, который действовал и ночью (городские телефоны бастовали). Почти бегом бросился папа к месту казни. Высоко в небе стояла виселица, построенная прочно – не на один раз. Под болтающейся веревкой на помосте и вокруг копошилась кучка народа с фонарями. Папа распахнул ночному сырому ветру грудь, показывая шитый золотом мундир и ордена. Полиция и военные взяли под козырек. Осужденный стоял посередине и бледный дрожащий секретарь суда читал ему приговор.

– Отойдите! – оборвал его папа. – Казнь отменена на две недели. Вот приказ командующего войсками и генерал-губернатора.

Потом подошел к осужденному и обнял его.

– Вы спасены, – сказал он ему. – В Петербурге – революция. Царь отрекся от престола. Слава богу, что я не опоздал.

Тут ноги у папы подкосились от нервной реакции. Его усадили. Доктор, приехавший констатировать смерть осужденного, дал папе каплю от сердца и от души сказал папе спасибо за то, что он избавил его от муки присутствовать при убийстве человека.

– И что же дальше, – торопила я папу, когда он торопливо прихлебывая холодный чай, заканчивал свое волнующее повествование.

– Да ничего, ответил папа застенчиво. – Пока меня отпаивал доктор, его увезли. Знаю, только, что зовут его Дорофей Комар. Кажется он даже не политический, а просто солдатик с фронта. А впрочем, не все ли равно: ведь жизнь человека – это самое главное. А теперь иди спать. Лягу и я, – добавил он.

И когда я выходила из комнаты, чувствуя, что слезы текут по моему лицу, вдогонку добавил.

– А извозчик привез меня домой и отказался от заработанной платы.

Часов в десять утра громкий звонок заставил нас всех вздрогнуть: так звонили обычно телеграфисты, приносящие ночью тревожную телеграмму.

Я только что встала и оделась. Мысль, что они разбудят папу кольнула меня. Я бросилась в переднюю и открыла дверь. На дороге стояли два студента и какие-то два молодых человека в косоворотках.

– Можно видеть Павла Тулуба? – спросили они торопливо.

– Тише! Тише. Папа спит. Он не спал всю ночь, – зашипела я на них.

– Мы знаем. Мы именно поэтому пришли, – взволнованно заговорили они наперебой. – Вся тюрьма вышла на свободу. Внизу толпа. Мы пришли к нему. Хотим его видеть, приветствовать.

– Но ему надо отдохнуть. Ему там дурно сделалось, под виселицей, – заспорила я. И тут раздался папин голос.

– Кто там? Я здесь. Пусти ко мне, Зина.

Я ввела их в гостиную и через несколько минут папа вышел к ним одетый, еще бледноватый, но такой светлый, такой радостный, каким я его никогда не видела.

Я смущенно выскользнула из комнаты и села в столовой пить кофе. Через некоторое время вошел папа:

– Я уйду в городскую думу. Там митинг. Вся тюрьма вышла на волю: и политические. Они хотят меня видеть.

– Часы. Карманные часы, – заволновалась мама. – Оставь их дома: вытащат.

– О, нет. Сегодня ни один вор красть не станет, – засмеялся папа и вышел вместе со всеми на лестницу.

Остальное знаю опять-таки со слов папы, потому что меня никто не звал на митинг.

Когда папа вышел на улицу, собравшиеся приветствовали его громким “ура”. Сотни рук его подхватили, а затем всей толпой пошли вниз по Михайловской улице к городской думе. И там в первый день русской республики после митинга политических, состоялся митинг воров и других представителей преступного мира. Они пригласили папу к себе, усадили на эстраду в президиум. Выступали взломщики, карманщики, чердачники и квартирники. Говорили, что с этого дня надо стать на путь честной жизни, бросить свое позорное ремесло, стать честными людьми. Папа тоже сказал им речь и обещал организовать широкую помощь в их трудовом устройстве. Но, к сожалению, только единицы сдержали свое слово...

Вернулся папа только в 6 часов вечера и с гордостью показал маме, что его дорогие карманные часы Патека, поднесенные ему в день 25-летия судебной деятельности, целы и невредимы.

Зинаида Тулуба

УДК 929 Тулуб

Тулуб З. П.

T82 Моя жизнь / З. П.Тулуб. — К.: Київ – Париж – Дакар, 2012. — 435 с.

ISBN 978-966-97236-0-4

Вперше читач отримує можливість ознайомитися з повним текстом спогадів «Моє життя» видатної української письменниці Зінаїди Павлівни Тулуб (1890-1964), автора історичних романів “Людолови” і “В степу безкраїм за Уралом”. Ця книга – панорамне художньо-документальне оповідання про історію чотирьох поколінь родини Тулубів – державних службовців, юристів, медиків, письменників і поетів. У ньому – політичні, історичні, побутові реалії життя кінця ХІХ – початку ХХ століття в Україні, Білорусі та Росії, котрі були тоді частинами Російської імперії.

Зінаїда Тулуб була реабілітована і звільнена «за відсутністю складу злочину» в 1956 році. Дев’ятнадцять років ув’язнення і заслання сталінського тоталітарного режиму не зломали письменницю. Пройшовши через тортури допитів 1937 року, Ярославську в’язницю, табір «Ельген» на Колимі, заслання в цілинний Казахстан, Зінаїда Тулуб не втратила гостроти розуму, точності пам’яті і виразності письма. Вона створює переконливий документ, який свідчить, що «жахи» часів царизму, що використовувалися радянськими комуністами для зомбування населення, були в мільйони разів менше, ніж пекло створеного ними ГУЛАГу, через яке пройшли не менше двадцяти мільйонів кращих синів і дочок народів СРСР. На жаль, смерть перервала її роботу над спогадами, які зупинилися на лютневій революції 1917 року в Російській імперії.

Книга адресована літературознавцям, студентам-філологам, а також читачам, які цікавляться історією України та української літератури.

ISBN 978-966-97236-0-4

УДК 929 Тулуб

Документальне літературно-художнє видання

Тулуб Зінаїда

«Моя жизнь»

Російською мовою

Відповідальний за випуск Є.А.Павленко
Редактор-укладач Б.В.Клименко
Художнє оформлення, макет К.М.Петренко
Комп'ютерна обробка тексту А.О.Горбова

Оригінал-макет виготовлено
у видавництві «Київ–Париж–Дакар»

Папір офсетний 70 гр./м².

Формат 60х90/16. Обл.вид.арк. 14,40.
Ум.друк.арк. 7,81.

Наклад 2001 примірник.

ТОВ «Київ – Париж – Дакар», Видавництво
04070, м. Київ, вул. Іллінська, 20/6,
№ тел.: +380508565612,
веб-сторінка: <http://www.kpd.co.ua>
ел.скриня: kyiv.paris.dakar@gmail.com

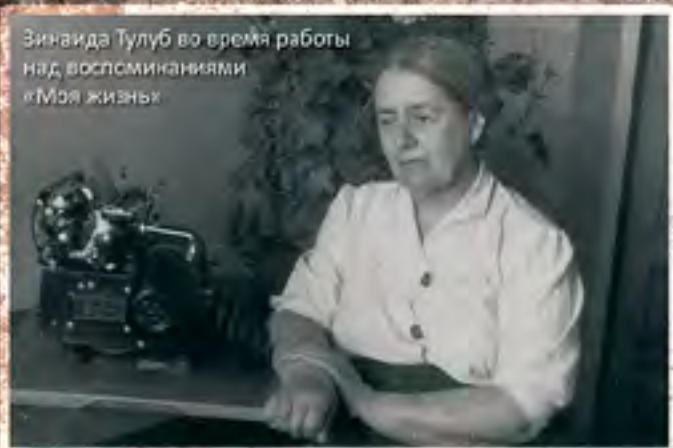
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до державного
реєстру видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції
ДК № 4161, від 20.09.2011 р.

Віддруковано у друкарні ТОВ «Інвест Інтернешинал»

Адреса: 01103, м. Київ, вул. Підвисоцького, буд. 10/10, оф. 61.
тел.: +380445929962, ел. пошта: drucarnia@ukr.net

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до державного
реєстру видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції
ДК № 4159 від 16.09.2011 р.

Зинаида Тулуб во время работы
над воспоминаниями
«Моя жизнь»

Меня, как реку,
Суровая эпоха повернула.
Мне подменили жизнь. В другое русло,
Мимо другого потекла она,
И я своих не знаю берегов. ...

Анна Ахматова